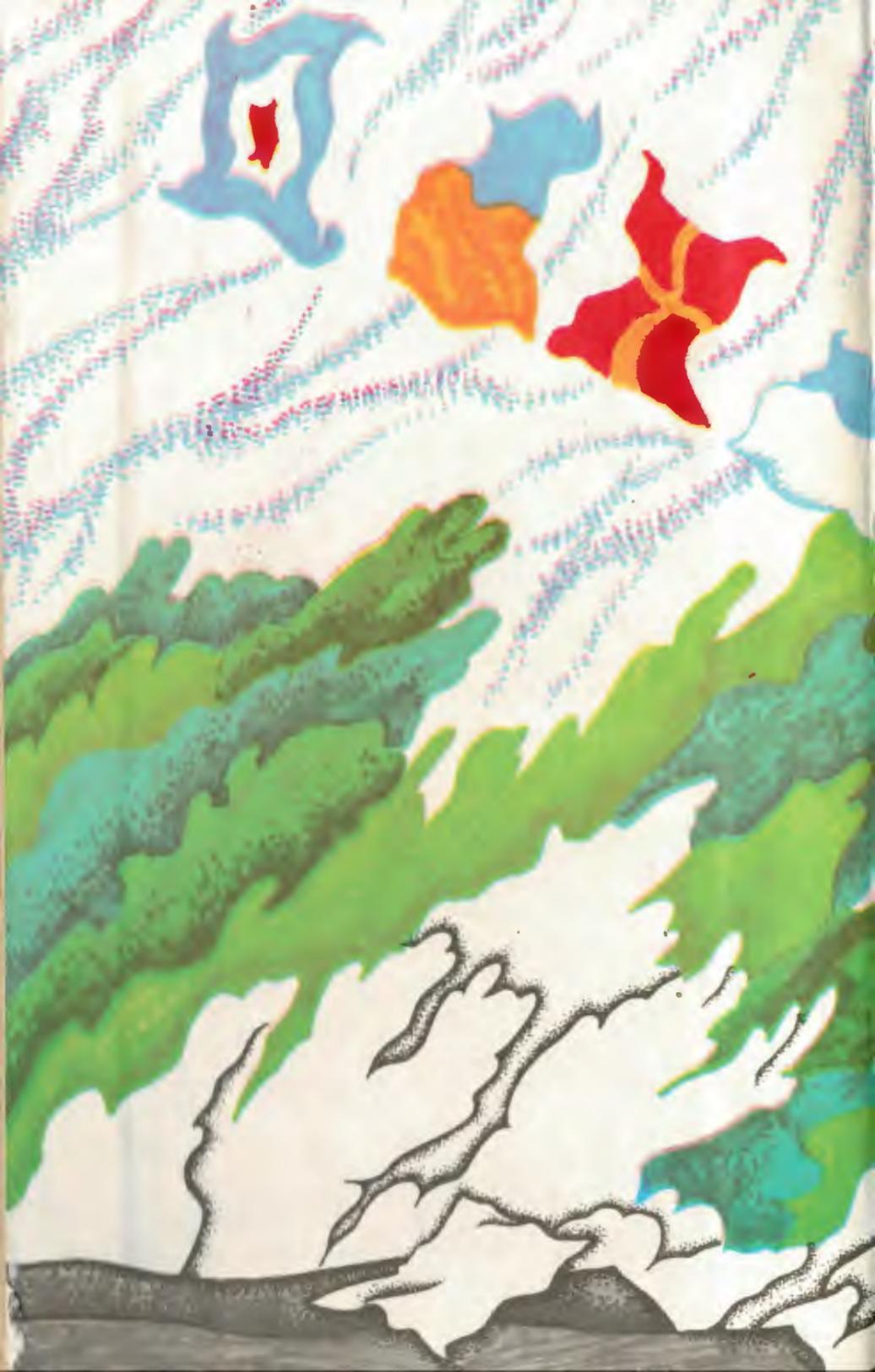

Владислав Крапивин

- 1

100

100

10

11

12

13

14

15

16

Владислав Крапивин

Собрание
сочинений
в девяти
томах

Владислав Крапивин

Тома 6 и 7

Издательство «91»
Екатеринбург 1993

**ББК 84Р7
К 78**

**Художник
П. В. Крапивин**

**К 4803010201—006 6—93
93**

© Владислав Крапивин, 1993

Я ИДУ ВСТРЕЧАТЬ БРАТА

Маленькая повесть

Ждите «Магеллан»

1

Кто бывал в Консате, должен помнить узкую и крутую лестницу, вырезанную в береговых скалах. Лестница начинается у площадки с колоннадой и ведет к морю. Внизу ее отделяет от воды только узкая полоска земли. Покрытая ноздреватыми камнями и круглым галечником, она тянется между морем и желтовато-белыми скалами от Долины Юга до самой Северной Косы, где наклонной иглой пронзает небо обелиск — памятник погибшим астролетчикам.

Здесь хорошо собирать обточенные волной пестрые камни и охотиться за черными злыми крабами. Ребята из школьного городка, лежащего к югу от Ратальского космодрома, по дороге домой всегда задерживаются на берегу. Набив карманы находками, ценность которых никогда не понимали и не понимают взрослые, они взбегают по высоким ступеням. Старая лестница нравится им больше, чем эскалатор, бегущий среди скал в сотне шагов отсюда.

В ту пору я только что закончил отчет о третьей экспедиции в бассейн Амазонки. Теперь целый месяц можно читать обыкновенные книги, по которым я так стосковался за эти дни напряженной работы.

Взяв томик стихов или новеллы Рандина, я уходил на верхнюю площадку Старой лестницы. Место было пустынное. В трещинах каменных плит росла трава. В завитках тяжелых капителей гнездились птицы.

Сначала я все время проводил на площадке один. Потом туда стал приходить высокий смуглый человек в серой куртке странного покроя. В первые дни мы, словно по взаимному уговору, не обращали внимания друг на друга. Но, кроме нас, здесь почти никто не бывал, и мы, постоянно встречаясь, стали в конце концов здороваться. Но никогда не разговаривали. Я читал книгу, а незнакомца все время, видимо, беспокоила какая-то мысль, и, занятый ею, он не хотел вступать в разговор.

Приходил этот человек всегда вечером. Солнце уже висело над Северной Косой, за которой громоздились белые здания Консаты. Море теряло синеву, и волны отливали серым металлом. На востоке, отражая вечернее солнце, окрашивались в розовый цвет арки старой эстакады. Она стояла на краю Ратальского космодрома, как памятник тех времен, когда планетные лайнеры не были еще приспособлены к вертикальному взлету.

Придя на площадку, незнакомец садился на цоколь колонны и молча сидел, подперев кулаком подбородок.

Он оживлялся, только когда на берегу появлялись школьники. Встав на верхней ступени лестницы, этот человек следил за их игрой и ждал, когда светлоголовый мальчуган в черно-оранжевой полосатой куртке-тигровке заметит его и помчится наверх. Каждый раз он мчался с такой быстротой, что наброшенная на плечи тигровка развевалась, как пестрое знамя.

И хмурый незнакомец менялся на глазах. Он весело встречал мальчика, и, оживленно говоря о своих делах, оба уходили, кивнув мне на прощанье.

Я думал сначала, что это отец и сын. Но однажды мальчик на бегу крикнул кому-то в ответ:

— Я иду встречать брата!

Из разговора братьев я узнал потом, что старшего зовут Александром.

Это случилось примерно через неделю после того, как я впервые увидел Александра. Он пришел в обычное вре-

мя и сел у колонны, насвистывая странный и немного резкий мотив. Я читал, но невнимательно, потому что «Песню синей планеты» Валентина Рандина знал почти наизусть. Иногда я бросал поверх книги взгляд на Александра и думал, что лицо его мне знакомо.

Был небольшой ветер. Переворачивая страницы растрепанного томика, я не удержал оторванный лист. Прощелестев по камням, он лег почти у самых ног Александра. Тот поднял его и встал, чтобы отнести мне. Я тоже встал. Мы встретились на середине площадки.

Я впервые увидел Александра так близко. Он оказался моложе, чем я думал. Морщины над переносицей делали суровым его лицо. Но Александр улыбнулся, и морщины исчезли.

— Книга, наверное, не интересная? — спросил он, протягивая листок.

— Просто очень знакомая.

Мне не хотелось обрывать разговор, и я заметил:

— Твой брат задержался...

— Он должен задержаться. А я забыл...

Мы сели рядом. Александр попросил книгу. Было удивительно, что он не знает новелл Рандина, но я ничего не сказал. Александр открыл книжку и положил на страницы ладонь, чтобы удержать листы. На тыльной стороне ладони я заметил у него белый разветвленный шрам. Александр перехватил мой взгляд.

— Это еще там... У Желтой Розы.

Я сразу все вспомнил.

— На Снежной планете?! — воскликнул я. — Александр Снег...

Необычные передачи, экстренные номера журналов, со страниц которых смотрели Александр Снег и его три товарища, — это было совсем недавно. По всей Земле тогда с удивлением повторяли их имена.

Я видел перед собой человека, вернувшегося на Землю через триста лет после старта. Но это не было удивительным. «Бандерилья» и «Муссон» тоже плавали в космосе более двух веков. И хотя история фотонного фрегата, на котором вернулся Снег, была необычнее, чем у других, я думал не о его истории.

— Александр, — спросил я, чувствуя, что столкнулся со странной загадкой, — ведь триста лет... А мальчику не больше двенадцати. Откуда у тебя брат?

— Я знаю, ты археолог, — сказал Александр после некоторого молчания. — Ты должен чувствовать время луч-

ше, чем другие. И понимать людей... Поможешь мне, если я расскажу все?

— Постараюсь помочь.

— То, о чем я расскажу, знают, кроме меня, только трое. Но они помочь не могут... Очень нужен чей-то совет... Только с чего начать? Впрочем, все началось как раз на этой лестнице...

2

Все началось на лестнице.

Нааль впервые после гибели родителей пришел к морю. Море, окаймленное широкой дугой белого города, сверкало синевой и вспыхивало белыми гребешками волн. Оно было ласковым и солнечным, словно никогда в его глубинах не гибли корабли.

Нааль спускался к воде. И чем ближе было море, тем торопливее шагал он по ступеням. И скоро он мчался во всю мочь навстречу громадной синеве, брызжущей солнцем, дышащей влажным и соленым ветром.

На неровном камне у него подвернулась нога. Нааль упал. Он ударился, но не сильно. Прикусив губу и прихрамывая, он стал спускаться дальше. Как и все мальчишки, Нааль верил, что соленая вода — лучшее лекарство от царапин и ссадин. Поэтому, сбросив сандалии, он хотел войти в воду. Но среди камней, то и дело заливаемых легкой волной, Нааль увидел большого черного краба. Мальчик невольно отскочил.

Но одно дело — поддаться секундному страху, а другое — струсить совсем.

Чтобы проверить свою смелость и отомстить крабу за испуг, Нааль решил поймать черного отшельника и забросить его далеко в море. Краб, видимо почуяв опасность, зашепшил и скрылся среди камней.

— Ну, держись! — прошептал мальчик.

Увлеченный охотой, он стал отворачивать камень.

Плоский камень плюхнулся в воду. Краб, видя, что его нашли, заторопился еще больше. Но Нааль уже не смотрел на него. На мокром гравии он увидел маленькую голубую коробку. Коробка была гладкая и круглая, как обточенный волнами голыш. Неизвестно, откуда вынесло ее к этому берегу.

Мальчик сел на гравий и стал разглядывать находку. Коробка оказалась закупоренной наглухо. Не меньше часа

Нааль царапал ее пряжкой своего пояска, прежде чем сорвал крышку. Завернутый в листок старой бумаги, в коробке лежал странный значок: золотая ветка, в листьях которой запутались блестящие звезды. На стебле было выбито короткое слово «Поиск».

Разглядывая значок, Нааль забыл о бумаге. Он и не вспомнил бы, но ветер бросил смятый листок ему на колени. Мальчик стал читать, с трудом разбирая старинный шрифт. Вдруг лицо его сделалось очень серьезным. В конце листа он нашел слова, неожиданные, как громкий и внезапный звук струны.

Часа через два пришли на берег школьники. Нааль сидел на том же месте. Он уперся локтями в теплый от солнца камень и смотрел, как вырастают у берега белые гребни.

— Мы искали тебя, — сказал старший мальчик. — Не знали, что ты ушел к морю. Зачем ты один сидишь на берегу?

Нааль не слышал. Резче стал ветер, и сильно шумели волны. Вы знаете, как шумят волны? Сначала растет шум набегающего вала. Потом на камни с плеском рушится гребень. Волна, распластавшись, с шипением ползет по берегу. А ее догоняет другая...

3

Среди школьников Долины Юга он не выделялся ничем особенным. Как и все, любил летать на высоких качелях в опасной близости от корявых и сучковатых деревьев, гонять пестрый мяч среди стволов в солнечной роще. Не очень любил учить историю открытия больших планет. Мог многих ребят обогнать в беге, но не очень умело плавал. Охотно вступал в любую игру, но не был никогда в ней первым. Лишь один раз он сделал то, что сможет не каждый.

Упругая ветка росшего на берегу куста сорвала с его рубашки значок. Золотой значок с синими звездами полетел в воду. Было видно в прозрачной воде, как он уходит в глубину. И тогда, не думая ни секунды, Нааль прыгнул с шестиметрового обрыва, чудом не задев нагроможденные вниз острые камни.

Скоро он выбрался на берег и, зажав в ладони значок, свободной рукой стал молча выжимать рубашку.

Никто не знал, откуда у него этот значок и почему он так им дорожит. Никто и не спрашивал. Ведь у каж-

дого может быть своя тайна. После гибели родителей Нааль словно повзрослел и не всегда отвечал на вопросы сверстников.

Внешне ничего почти не изменилось в его жизни, когда он узнал про свое горе. Нааль и раньше большую часть времени жил в школе. Отец и мать были специалистами по изучению больших глубин и часто уходили в экспедиции. Но теперь мальчик знал, что никогда не вернется батискаф «Олень» и в конце аллеи не появится человек, к которому можно помчаться навстречу, позабыв про все на свете.

Проходили месяцы. Были тихие утренние часы школьных занятий, были дни, полные солнца, шумных игр и веселых дождей. Может, и забылось бы горе. Но однажды волны вынесли неизвестно откуда на берег у Старой лестницы маленькую голубую коробку. Нет, она не была памятью о погибшем батискафе...

Ночью, видя в окне оранжевые отблески Ратальских маяков, Нааль доставал из коробки смятый журнальный лист. Свет был не нужен, каждую строчку мальчик помнил наизусть. Это был очень старый журнал, изданный лет триста назад. Текст, отпечатанный на листе, рассказывал о старте фотонного фрегата «Магеллан».

В учебнике по истории звездных полетов об этом корабле говорилось коротко и сухо: «Магеллан» ушел к одной из желтых звезд с целью отыскать планету, подобную Земле. Видимо, экипаж пользовался неточными сведениями о планете, полученными от гибнущего фрегата «Глобус». «Магеллан» должен был вернуться через сто двенадцать лет. Известий от него не поступало. Очевидно, молодые астролетчики, увлекшиеся легендой и не имеющие опыта, погибли, не достигнув цели.»

В учебнике не было даже их имен. Нааль узнал их из найденного листка. Капитана звали Александр Снег.

Нааль слышал от отца, что один из его предков был астронавтом. И тогда, на берегу, прочитав имя «Снег», он почувствовал гордость и обиду. Обиду на учебник за скупые и, наверно, неправильные слова о космонавтах. Мало ли почему мог погибнуть фрегат. И был ли виноват экипаж?

«А если они не нашли ничего у той желтой звезды и полетели дальше? А если они... летят до сих пор?» — подумал Нааль, споря со строчками учебника. Но, подумав так, вдруг зажмурился, словно испугался собственной

мысли. Он отчетливо увидел длинную и густую аллею школьного парка, а в конце ее — высокого человека в серебристой куртке астронавта, человека, навстречу которому можно побежать, позабыв обо всем на свете.

А если он вернется? Он мог бы еще вернуться. Ведь никто не знает, до какой плотности сжал свое полетное время «Магеллан». Вдруг вернется фрегат? И тогда Нааль встретил бы не предка, не чужого человека из другого столетия. Он встретил бы брата. Потому что в конце журнального листа мальчик прочитал слова, сказанные кем-то экипажу «Магеллана»:

«Не забывайте старых имен. Вы вернетесь через много лет. Но внуки ваших друзей встретят вас, как друзья. Внуки ваших братьев станут вашими братьями...»

Нааль понимал, что все это просто фантазия. И все-таки отчетливо представлял, как это может случиться. Будет утро...

Он ясно видел это утро: яркое, уже высоко поднимающееся солнце и такое синее небо, что на белых зданиях, на белых одеждах, на серебристом корпусе фрегата лежит голубой отблеск. Вспомогательные ракеты только что осторожно опустили корабль на поле космопорта. И он замер, опираясь на черные цилиндры фотонных отражателей, громадный звездный фрегат — сверкающая башня с черным гребнем длиной в полторы сотни метров. Четко выделяются на гребне старинные светлые буквы названия: «Магеллан». Нааль видит, как маленькие фигурки астролетчиков медленно спускаются по спиральному трапу. Сейчас космонавты ступят на землю и пойдут навстречу людям. Нааль встретит их первым, встанет впереди других. Он сразу спросит, кто из них Александр Снег. А потом... Нет, он не будет говорить много. Сначала просто назовет свое имя. Ведь он тоже Снег...

Нааль не привык скрывать свои радости и печали. Но об этом не сказал никому. Ведь сам не желая того, он начал мечтать о чуде. А кто же станет верить в чудо? Но иногда по ночам, глядя на отблески маяков космодрома, Нааль доставал мятый листок. Ведь каждый имеет право на свою мечту, если даже она несбыточная.

Чудес не бывает. Но в силу странного совпадения в этом же году Пятая лоцманская станция приняла всколыхнувший всю планету позывной: «Земля... Дайте ответный сигнал. Я иду. Я «Магеллан».

Луна еще не вставала, но верхняя часть Энергетического Кольца уже поднялась над холмами крутой неправильной дугой. Его желтоватый рассеянный свет скользнул в окно и широкой полосой лег на ковер.

Нааль выключил наручный приемник. Новых сообщений не было. Но он не мог больше ждать. Мальчик колебался еще секунду, потом вскочил, мгновенно убрал постель и оделся. Бросив на плечо куртку, он подошел к окну. Окно было полуоткрыто. Оно никогда не закрывалось полностью, потому что снаружи, цепляясь крошечными шипами за карниз, пробрался в комнату пунцовый марсианский вьюнок. Тонкий стебель был бы перерезан, если бы стекло задвинули до конца.

За окном искрились в свете Кольца мокрые от недавнего дождя кусты. Они бросали едва заметный зеленоватый отблеск на белые стены и широкие стекла школьных зданий. Над холмами вздрогнул и погас на редких облаках оранжевый луч: вновь сигналил кому-то Ратальский космодром.

Нааль отодвинул стекло и шагнул на протоптанную тропинку.

Ректор школы Алексей Оскар еще не спал. Он читал. Свежий, пахнущий дождем воздух вошел в открывшуюся дверь и шевельнул книжные листы.

В двери стоял мальчик.

— Нааль?!

— Да...

Слегка сбиваясь и торопясь закончить разговор, Нааль впервые рассказал все.

Оскар встал и отвернулся к окну. Вопреки общему мнению, он не считал себя опытным педагогом. Просто была у него способность вовремя находить правильное решение. Но он растерялся сейчас. Что он мог сказать? Попробовать что-то объяснить, отговорить мальчика? Но можно ли отговорить? И будет ли он тогда прав?..

Ректор молчал, а время шло, и молчать дальше было нельзя.

— Слушай, Нааль, — начал ректор, не зная еще, что скажет дальше. — Сейчас... ночь...

— Оскар, отпусти меня на Берег Лега, — тихо сказал мальчик. Это не было даже просьбой. В голосе его слышалась тоска, похожая на ту непобедимую тоску по

Земле, которая заставляет космонавтов совершать отчаянные поступки.

Есть вещи, перед которыми обычные понятия и правила бессильны. Что мог сказать Оскар? Только то, что уже ночь и надо бы выехать утром. Но какое это имело значение?

— Я отвезу тебя на станцию, — сказал Оскар.

— Не надо. Лучше я пойду. Один...

Мальчик ушел.

Оскар, подойдя к видеофону, вызвал Берег Лета и, набрав позывной лопманской станции, отчаянно надавил клавишу срочного вызова. Никто не ответил. Лишь автомат успокоил: «Все благополучно».

Ночная дорога

1

Лучше бы он не ходил этой дорогой!

Думая сократить путь, Нааль решил пройти к станции через холмы. За четверть часа он добрался до перевала. Над круглыми вершинами висела белая Луна в светлом эллипсе Энергетического Кольца. Справа медленно гасли и загорались Ратальские маяки. Слева, отчасти скрытые грядами невысоких холмов, сияли огни Консаты. Они раскинулись широкой дугой, а за ними стояла, слабо мерцая в лунном свете, туманная стена моря.

А вся долина была пересечена черной громадой Ратальского моста — старинной эстакады.

До сих пор Нааль не боялся встречи и ни в чем не сомневался. Слишком неожиданным и чудесным было сообщение о «Магеллане», и радость не оставила места для тревоги.

И тревоги не было до той минуты, пока Нааль не увидел эстакаду. Он не мог бы объяснить, почему появилось сомнение. Наверно, двухсотметровые арки, вставшие на пути, как исполинские ворота, были слишком мрачные и громадные. Они напоминали о непостижимой величине всего, что связано с космосом, о расстояниях, пройденных «Магелланом», о трех столетиях... «Внуки братьев станут вашими братьями!» Но мало ли кто какие слова говорил триста лет назад!..

Черные опоры эстакады стояли, как двойной строй атлантов, и молча спрашивали мальчишку: куда идет он?

зачем? что за нелепые мысли у него в голове? Мальчик оглянулся, словно искал поддержку. Но огни Долины Юга скрылись за холмом.

Тогда он замер на миг и вдруг, рванувшись, побежал к эстакаде. Он мчался напрямик по высокой, еще сырой траве. Какое-то колючее растение оцарапало ему ногу, Нааль остановился, яростно вырвал его с корнем и побежал опять. Скорей, скорей, чтобы не догнала непонятная звенящая тревога! Сейчас он пересечет широкую полосу тени и минует черные ворота Ратальского моста...

2

Вагон кольцевого экспресса, идущего через Берг Лета на северную оконечность материка, был пуст. Нааль забрался с ногами в кресло и смотрел, как со скоростью пятисот километров в час пролетает за окнами темнота.

Нааль устал. В другое время он, конечно, заснул бы, но сейчас снова зазвенела, как надоедливая струна, тревога: «А если он ничего не скажет в ответ? Или подумает, что это просто шутка? И до мальчишки ли будет герою космоса, вернувшемуся на Землю через триста лет?»

Мальчик представил вдруг громадное поле космодрома, заполненное тысячами встречающих. Тысячи приветствий, тысячи протянутых для рукопожатия ладоней. А что будет делать там он? Что скажет?

И вдруг появилась мысль, что не надо ночевать в городе, ждать утра и приземления корабля. Надо обо всем сказать Александру сейчас. «Лоцман-5» держит связь с фрегатом. Станция в сорока километрах от Берега Лета. Ехать нужно еще пять минут.

Дождавшись очередного поворота, Нааль вышел на движущийся кольцевой перрон. Прыгая по замедляющим свой бег кругам, Нааль добрался до неподвижного центра и через тоннель вышел за платформы.

Перед ним лежало черное поле. Сзади горели неяркие огни перрона, далеко впереди светился синий шпиль лоцманской станции. Тихо шумел ветер. Этот шум почему-то успокоил мальчика. Раздвигая ногами высокую траву, Нааль побрел прямо на синий шпиль.

Здесь, видимо, тоже недавно прошел дождь. Мокрые листья липли к коленям. Ветер был теплым и влажным.

Скоро Нааль вышел на дорогу и зашагал быстрее. Ветер тоже быстрее полетел навстречу, стараясь сорвать с плеч мальчика легкую куртку.

Станция «Лоцман-5» уже давно отказывалась давать подробную информацию. На все запросы коротко отвечал автомат: «Все благополучно». Многие пытались настроиться на волну связи с кораблем, но не удавалось: никто не знал старинной системы передач.

Первое сообщение с приближающегося фотонного фрегата приняла промежуточная станция Юпитера. Но теперь у Земли уже была прямая связь с кораблем. Лоцманы не покидали станцию ни на минуту. Трое дежурили у векторного маяка, четвертый спал здесь же, в кресле. Экипаж корабля уже передал управление Земле. Лоцманы должны были посадить фрегат на Береговой космодром.

Лишь несколько часов назад Сергей Костер установил с фрегатом двустороннюю звуковую связь. Но экипаж пока не передавал никаких сведений, кроме данных о системе автоматов, необходимых для приземления.

Лоцманы вывели корабль на круговую орбиту, и он повис над Землей, превратившись в спутник с суточным обращением. Сергей кончил передачу координат, когда Мигель Нувьос сказал:

— Кто-то второй час сигналит, просит ответить.

— Бессонница у кого-то, — не оборачиваясь, предположил Сергей. Он внимательно следил за вектором, пересекающим на светящейся карте черную точку космодрома.

— Срочный вызов, шесть отчаянных сигналов. Это не просто любопытство.

— Если что-то важное, почему не прямая связь?

— Не знаю...

Через несколько минут Сергей сам услышал гудок срочного вызова. Ни он, ни два других лоцмана, дежуривших у параллельных передатчиков, не могли подойти к видеофону.

— Миша, ответь в конце концов, — попросил Сергей.

Но Мигель уже спал, полулежа в кресле.

Сигнал не повторялся.

Прошло еще полчаса. Автоматы корабля получили последнее задание. Сергей облегченно закрыл глаза. Но все равно плясала в глазах красная россыпь цифр, от усталости ломило веки.

В эту минуту кто-то тронул его за рукав. Лоцман отнял от глаз ладонь. Он увидел мальчика лет двенадцати, светловолосого и загорелого, в незастегнутой полосатой куртке, с золотым значком на светло-зеленой рубашке, со свежими царапинами на ногах.

Мальчик смотрел снизу вверх в лицо Сергея.

И, желая, видимо, все объяснить в одну минуту, он сказал несколько слов, смысл которых лоцман понял не сразу.

— О чем ты говоришь? Как ты попал сюда? — спросил Сергей.

А попал сюда он просто.

Подойдя к центральному зданию, Нааль сразу отыскал какую-то дверь и оказался в длинном узком коридоре. Гулко отдавались шаги. Пол, гладкий и блестящий, как стекло, отражал большие плафоны. Нааль шел по коридору, и снова начали стонать тревожные струнки, сливаясь в один ноющий звук. Снова нарастала тревога, и от волнения к горлу подступал комок. Нааль почувствовал, что сердце колотится беспорядочно, как прыгающий по ступеням мяч.

Коридор кончался крутым поворотом. Нааль поднялся по широкой лестнице, замер на секунду с поднятой рукой и, решившись, толкнул матовые, просвечивающие двери.

Он увидел круглый зал с низкими стенами и прозрачным куполом, расчерченным непонятными белыми линиями. Сквозь паутину этих линий смотрели звезды. Пол, выложенный белыми и черными ромбами, слегка поднимался к центру, где была небольшая площадка. Там, у черного конусообразного аппарата, стояли три человека. Недалеко от площадки, в одном из кресел, в беспорядке расставленных по залу, спал четвертый. Люди у аппарата о чем-то говорили. Гулками, неестественными были их голоса. Нааль разобрал каждое слово, но не понял, о чем они говорят. Видимо, от усталости слегка кружилась голова. Все стало каким-то ненастоящим. Нааль прошел по бело-черным ромбам к центру, поднялся на площадку и взял за руку одного из лоцманов. Человек обернулся, и по удивленному взгляду Нааль понял, что тот не слышал его шагов.

Тогда, чтобы сразу объяснить все, мальчик сказал:

— Я пришел встречать брата...

Все было как во сне. Нааль рассказывал и слышал, словно со стороны, как голос его звенит и теряется в громадном помещении. Он не помнил, долго ли говорил. Наверно, очень недолго. Мерцали лампочки на пультах у круглых стен, и синие змейки на экранах стремительно меняли свой рисунок.

— Скажи, лоцман, он не откажется, ответит? — спросил Нааль, стряхнув на миг оцепенение. Наступила короткая тишина. Потом кто-то произнес фразу, которая из-за своей простоты и обыкновенности никак не вязалась с тем, что происходило.

— Вот ведь какое дело...

Кто-то будил спящего:

— Миша! Мигель! Встань, слушай.

Быстро плясали на экранах молнии, и старший лоцман, которого звали Сергеем, вдруг сказал:

— Ты спишь, мальчик.

Он поднял его на руки и положил в широкое пушистое кресло. Но Нааль не спал. Он смотрел на пляшущие огоньки и слышал гудящие под куполом слова:

— Человек...

— Три столетия...

— Не испугался... А если нет?

— Он спит.

— Нет.

И тот, кто сказал «нет», спросил:

— Как тебя зовут, брат космонавта?

— Нааль.

Он не слышал повторного вопроса, но почувствовал, что лоцманы не поняли, и сказал:

— Натаниэль Снег.

— Снег... — отозвались голоса.

— Странное сочетание...

«Ничего странного, — хотел сказать Нааль. — Так называли меня в честь Натаниэля Лида, капитана батискафа «Свет»...

Кто-то шевельнул кресло и произнес:

— Спит.

— Я не сплю, — сказал Нааль и открыл глаза. — Лоцман, ответил «Магеллан»?

Сергей наклонился к нему:

— Ты спи... Они сказали, что встретятся с тобой через неделю. Экипаж решил спуститься на десантной ракете в зону лесов... Видимо, не хотят они шумной встречи. Стосковались по Земле, по ветру, по лесу. Через несколько дней пешком придут к Берегу Лета.

Сон быстро таял.

— А я? А людей... разве не хотят они встретить?

— Ты не волнуйся, — сказал Сергей. — **Ведь** с тобой **обещали** встретиться через неделю.

Теперь Нааль увидел, что зал лоцманской станции не

так уж велик. Погасли экраны. Небо над прозрачным куполом стало низким и туманным.

— Куда они спустятся? — спросил мальчик.

— Они просили не говорить об этом.

— А мне?

— Полуостров... Белый Мыс.

Нааль встал.

— Спи здесь до утра, — предложил Сергей. — Потом все решим.

— Нет. Я поеду домой.

— Я провожу.

— Нет.

Вот и кончилось все... Была глупая сказка, которой он поверил совсем зря. Триста лет...

Он не дослушал последних слов лодмана и быстро пошел, потом побежал по черно-белым ромбам зала, по стеклянному полу коридора, по усыпанной гравием тропинке. Слова мальчик оказался в черном поле и вошел к далекому перрону. Шел он медленно. Куда теперь спешить? «Встретимся через неделю...» Если человек хочет встречи, он не станет ждать и часа.

4

Может быть; все так и кончилось бы. Но в сотне шагов от станции Нааль наткнулся на стоянку «пчел». И вдруг шевельнулась мысль, которая сначала показалась просто смешной. Но, пройдя метров десять, мальчик остановился. «Может быть, Александр не мог уже отменить решения о высадке, когда услышал обо всем от лодмана? Ведь он не один?» — думал Нааль.

Чувствуя, как колотится сердце от вновь появившейся надежды, Нааль нерешительно подошел к аппаратам. Ему не хватало трех месяцев до двенадцати лет — возраста, когда разрешается самостоятельно водить «пчелу». Можно ли нарушить запрет?..

Все еще колеблясь, он сел в кабину и опустил защитный колпак. Потом проверил двигатель. Подбадривающе мигнули на доске управления желтые огоньки. Тогда Нааль поднял «пчелу» на горизонтальных винтах и сразу разогнал ее на северо-восток.

Высокая скорость позволит ему за два часа достигнуть Белого Мыса.

Он, наверно, заснул в полете. По крайней мере, полет показался Наалю очень коротким.

Думал он только об одном: «Подойду и скажу, кто я. Теперь все равно...»

Если он встретит равнодушный взгляд, он молча сядет в кабину, и, подняв аппарат, уведет его на юго-запад.

Беда случилась, когда «пчела» пересекла тихий, отразивший звезды залив и летела к мысу над черным лесным массивом. Уже начал синеть восток, но в зените небо оставалось темным. Где-то там висел покинутый экипажем «Магеллан».

Нааль напрасно старался увидеть внизу огни или хотя бы темный конус десантной ракеты. Дважды он прошел до оконечности мыса над самыми вершинами деревьев. Потом стал слабеть двигатель. Аккумуляторы оказались израсходованными. Мальчик понял, что взял аппарат, который не был подготовлен к полету. Тогда, чтобы в последний раз осмотреть как можно шире темнеющий внизу лес, Нааль стал подниматься на горизонтальных винтах. Он поднимался до тех пор, пока не заглох двигатель. Винты остановились, и, выпустив крылья, «пчела» заскользила к земле.

Нааль поздно понял ошибку. Внизу тянулся сплошной лес. Приземлиться, планируя на крыльях, было невозможно.

Он почему-то не очень испугался. Глядя на проносящиеся под самыми крыльями деревья, Нааль постарался выровнять полет. Потом увидел перед собой черные вершины и машинально рванул тормоза. Был трескучий удар, несколько резких толчков, затем еще толчок, более мягкий. Туго ударила спинка сиденья, что-то твердое уперлось в плечо. К щеке прильнули какие-то сухие, пахучие стебельки. «Где же ракета?» — подумал мальчик и вытянулся на траве.

Четвертое солнце

1

— Ни лоцманы, ни мальчик не знали, конечно, причины нашего странного решения, — сказал Александр. — Причиной была растерянность. Не простая растерянность, какую может вызвать неожиданное известие, а какая-то беспомощность и страх. Что мы могли ответить?..

Я не стану говорить о полете. Все они проходят одинаково, если не случится катастрофы. Работа, долгий сон

в анабиозе... На Земле прошло полвека, а в корабле — около двенадцати лет, когда мы, обогнув по орбите Желтую Розу, подошли наконец к планете.

Мы испытали сначала горечь неудавшегося поиска. Перед нами была ледяная земля. Без жизни, без шума лесов, без плеска волн. Кутаясь в дымку холодного тумана, над ломаной чертой гор висело большое ярко-желтое солнце. Оно, действительно, было похоже на желтую розу. Розовым и желтым светом отливал замерзший океан. В расщелинах скал, в трещинах льда, в тени сумрачных обрывов застоялась густая синева. Лед... Холодный блеск... Тишина...

Единственным, что обрадовало нас, был воздух. Настоящий, почти земной воздух, только холодный, как вода из горного ключа. В первый же день мы сбросили шлемы и дышали сквозь стиснутые от холода зубы. Надоел нам химически чистый, пресный воздух корабельных отсеков. По-моему, как раз от него появляется та мучительная тоска по Земле, о которой страшно даже вспоминать! А там, на Снежной планете, мы перестали так остро ощущать эту тоску. Было что-то близкое человеку в этом ледяном, замороженном холодном мире, только поняли мы это не сразу. Покидая фрегат, каждый раз мы видели царство снега, камня и льда...

2

Они видели глубокие ущелья, в которых стоял голубой туман. Плоские и широкие солнечные лучи из оранжевых превращались в зеленые, когда попадали в ущелье сквозь трещины отвесных стен. Они дробились на сотни изумрудных искр среди изломов льда. А если лучи достигали дна, там вспыхивали букетами фантастических огней сотни ледяных кристаллов.

По ночам за окнами «Магеллана» черной стеной стояло небо с изломанными контурами синих созвездий. Иногда желтоватым светом начинали мерцать высокие прозрачные облака. Этот свет струился по обледенелым склонам гор, выхватывая из темноты нагромождения скал.

И все-таки не была она мертвой, эта холодная планета. Случалось, что, закрыв оранжевое закатное солнце и стирая со льдов черные уродливые тени, с запада приходили тяжелые тучи. И начинал падать снег. Настоящий снег, как где-нибудь на берегу Карского моря или в районе антарктических городов. Он таял на ладонях, превра-

щаяся в обычную воду. Потом вода становилась теплой.

А однажды в южном полушарии люди нашли долину, где не было снега, не было льда. Там были голые скалы, камни, серебристые от влаги, и гравий на берегу незамерзшего ручья. Среди скал, окруженный сотнями маленьких радуг, гремел сверкающий водопад. Он словно хотел разбудить уснувший в холоде мир.

Недалеко от водопада Кар увидел маленькое чернолистное растение, прилепившееся к скале. Кар снял перчатку и хотел потянуть тонкий узловатый стебель. А растение вдруг качнуло черными стрелками листьев и потянулось к руке человека. Кар машинально отдернул руку.

— Оставь, — посоветовал осторожный Ларсен. — Кто его знает...

Но Кар понял по-своему. На лице дрогнула скупая улыбка. Он провел ладонью над черным кустиком, и снова устремились к руке маленькие узкие листья.

— К теплу оно тянется, — негромко сказал Кар. Потом крикнул отставшему биологу: — Таэл! Наконец для тебя настоящая находка!

В тот момент штурман еще не понял всей важности открытия.

Вечером все собрались в кают-компанию «Магеллана». Было их пять человек. Белокурый и широкоплечий Кнуд Ларсен, добродушный и рассеянный во всем, что не имело отношения к вычислительным машинам. Два африканца: веселый маленький биолог Таэл и штурман Тэй Карат, которого называли всегда просто Кар. Пилот и астроном Георгий Рогов, светловолосый, как Ларсен, и смуглый, как африканцы, самый молодой в экипаже. И, наконец, Александр Снег, который был штурманом-разведчиком и художником. В последнее время он настолько был занят своими этюдами, что передал управление Кару.

Они собрались, и Кар сказал:

— Странная планета, не правда ли? Ясно одно: не будь оледенения, была бы жизнь. Солнце, то есть Желтая Роза, когда-нибудь растопит лед, это тоже ясно. Неизвестно лишь, сколько тысячелетий нужно для этого... Растопим лед сами?

Он предложил зажечь над Снежной планетой четыре искусственных солнца по системе академика Воронцова. Это была старая и довольно простая система. Такие атомные солнца зажигались на Земле еще в первые десятилетия после того, как люди, уничтожив оружие, смогли на-

конец всю ядерную энергию использовать для мирных дел. Как раз тогда и были растоплены льды Гренландии и береговых районов Антарктиды.

— Почему именно четыре? — спросил Георгий.

— Это минимум. Меньше четырех нельзя — не будет уничтожен весь лед, и вечная зима снова расплзется по всей планете.

Однако на четыре солнца уйдет две трети оставшегося азана — звездного горючего. Значит, не смогут космонавты разогнать до нужной скорости корабль. Они вернутся на Землю не раньше чем через двести пятьдесят лет. Большую часть полета экипаж вынужден будет провести в анабиозе. Двести пятьдесят лет... Но зато астронавты принесут людям планету, которая станет новым форпостом человечества в космосе. Не будет напрасным далекий поиск.

— Что для этого нужно? — спросил Ларсен.

— Согласие, — Кар оглядел всех.

— Да, — сказал Ларсен.

— Конечно! — воскликнул Таэл.

Георгий молча кивнул.

— Нет! — произнес вдруг Снег и встал.

Прошло несколько секунд удивленного молчания, и Снег заговорил.

Он говорил, как глупо делать из планеты инкубатор. Люди не должны бояться суровых льдов, борьбы с природой незнакомой планеты. Без борьбы жизнь теряет смысл... А вдруг погаснут искусственные солнца прежде, чем сойдет весь лед? Что станет с первыми жителями Снежной планеты, если вдруг нагрянет опять вечная зима? Но пусть даже не погаснут солнца. Пусть сойдут льды. Что тогда увидят люди? Голые горы, равнины без лесов, серую пустыню...

Они слушали, и были мгновения, когда каждый хотел уже согласиться с товарищем. Даже не потому, что слова его казались убедительными. Убеждали горячность и настойчивость. Так спорил Снег всегда, когда чувствовал твердо свою правоту. Ведь с той же горячностью отстаивал он на Земле право полета к «своей звезде».

3

Помнили друзья, как он стоял в большой комнате Дворца Звезд перед бледным сухим человеком и говорил с яростной прямоотой:

— Я удивляюсь, как Союз астронавтов мог доверить решение такого вопроса вам одному, человеку, не умеющему верить в легенды!

Человек бледнел все сильнее, но его раздражение сказывалось лишь в легкой сбивчивости тихих ответов:

— Каждый юноша, побывав за орбитой Юпитера, считает себя подготовленным к свободному поиску и готов лететь хоть в центр Галактики. Это смешно. Вам кружат голову сказки о планетах Желтой Розы. Желтая Роза — коварная звезда. Заманчиво, конечно. Вечная истина: сказка привлекательна.

— Вы претендуете на знание вечных истин, но забыли одну: в каждой легенде есть зерно правды. Мы верим, что есть планеты...

Ротайс наклонил голову.

— Я позволю себе закончить бесполезный разговор. Не вижу у вас оснований претендовать на экспедицию свободного поиска... К тому же я очень огорчен, и мне трудно говорить. Час назад разбился на гидролете Валентин Янтарь. Он дома сейчас, и я спешу к нему.

Видимо, он не очень спешил, потому что Александр, придя в дом старого астронавта, увидел там только врачей. Он узнал, что Янтарь отказался от операции.

— Летать я больше не смогу, а жизнь.. Она была и так долгая, — заявил он.

Снег молча прошел в комнату, где лежал астронавт. Янтарь сказал растерявшемуся врачу:

— Прошу вас уйти.

В комнате был полумрак. Не от штор, а от густых зацветающих яблонь, которые закрыли окна. Александр подошел к постели. Янтарь был укрыт до самой шеи белым покрывалом. Поверх покрывала лежала спутанная светлая борода. Кровавая полоса тянулась через морщинистый лоб.

— Никто не поймет меня, кроме вас, — начал Александр, — остальные могут обвинить меня в бесчувственности, одержимости, эгоизме... Но мы можем говорить друг другу правду. Вы летать больше не будете.

— Так...

— Наш экипаж не пускают в поиск, — тихо сказал Александр. — Дайте нам ваше право второго полета... И мы полетим.

— На Леду? На мою планету? — Янтарь не пошевелил ни руками, ни головой, только радостно вспыхнули его глаза. — Вы решили?

В этот миг он увидел, наверное, синий мир так и не разгаданной до конца Леды, развалины бирюзовых городов и белые горы, вставшие над фиолетовыми горами непроходимых лесов, окутанных ядовитым сизым туманом. Но необыкновенное видение исчезло. Снова возникло перед ним строгое и напряженное лицо Александра.

— Нет. Конечно, не на мою, — глухо произнес Янтарь.

— Каждому светит своя звезда, — сказал Снег.

Он сел у постели и коротко рассказал все: про последнее сообщение с «Глобуса» о загадке Желтой Розы, про план свободного поиска, который возник у пяти молодых астролетчиков, про последний разговор с Ротайсом.

— Леда ждет археологов. Мы же разведчики. Мы хотим найти планету, где воздух как на Земле. Людям нужны такие планеты.

Янтарь закрыл глаза.

— Хорошо... Ваше право.

— Он не поверит, — возразил Александр, вспомнив бесстрастное бледное лицо Ротайса.

— Возьми мой значок. В синей раковине, на столе.

В раковине, найденной на Леде, лежал золотой значок с синими звездами и надписью «Поиск».

Александр взглянул на значок, потом на раненого астронавта. Впервые за эти дни ему изменила твердость. Он сжал зубы и опустил протянутую было руку.

— Возьми, — повторил Янтарь. — Ты прав.

— Выбей окно, — попросил он, когда Александр зажал в ладони значок. — Нет, не открывай, а разбей стекло... Оно старое, очень хрупкое... Хорошо, — сказал он, когда зазвенели осколки. Александр выломал за окном большую ветку, и в комнату вошел солнечный луч.

— Счастливого старта! — проговорил Валентин Янтарь, усилием воли стараясь подавить нарастающую в груди боль. — Пусть вернется на Землю каждый из вас!

— Это удается редко.

— Потому и желаю...

У выхода Снег встретил Ротайса и показал на раскрытой ладони значок. Ротайс слегка пожал плечами и наклонил голову. Это означало скрытое возмущение поступком молодого астролетчика и в то же время вынужденное согласие. Никто в Солнечной системе не мог отвергнуть права на второй полет: космонавт, открывший новую планету и вернувшийся на Землю, мог вторично отправиться в любую экспедицию и в любое время, на любом из гото-

вых к старту кораблей. Он мог также уступить это право другому капитану.

В одну секунду Александр вспомнил вдруг лицо Янтаря — знаменитого капитана «Поиска», его морщинистый лоб с кровавой полосой и глаза, синие, словно отразившие фантастический мир Леды: «На Леду? На мою планету? Вы решили?» Но старый астронавт понял Александра. А Ротайс?

— Сообщите Восточному космопорту. Мы выбрали «Магеллан».

...Он больше всех сделал для этого полета. А улетать ему было труднее всех. У каждого на Земле оставались родные. Но кроме родных у Снега оставалась девушка, у него одного.

Со стороны казалась странной эта молчаливая дружба. Их не часто видели вместе. Они редко говорили друг о друге. О любви их знали только друзья...

За неделю до старта Александр встретил ее в молодом солнечном саду, там, где сейчас Золотой парк Консаты. Ветер рвал листья, и солнце плясало на белом песке аллеи. Девушка молчала.

— Ты же знала: я астронавт, — сказал Снег.

Он умел быть спокойным.

Перед стартом он отдал ей золотой значок.

...Однажды, случайно заглянув в кают-компанию, Георгий увидел, как Снег достал и поставил перед собой маленький стереоснимок. Он смотрел на него не отрываясь. Молчал.

— Я убрал бы этот снимок навсегда, — сказал Георгий.

Александр взглянул на него не то с насмешкой, не то с удивлением.

— И думаешь, все забудется?

Он закрыл ладонью глаза и несколькими резкими штрихами карандаша с удивительной точностью набросал на листе картона черты девушки.

— Вот так.

Шел восьмой год полета по собственному времени «Магеллана».

4

И вот теперь Александр Снег, больше всех рвавшийся на поиск, отстаивал ледяную планету, словно ее ждала гибель, а не возрождение.

— Серая пустыня, чахлые кустики! Льда не будет, а что останется? Мертвая земля, мертвые камни.

— Люди сделают все! — возразил Таэл. — Все, что надо, сделают люди.

— Но я не сказал еще одного, — продолжал Снег. — Нельзя отнимать у людей тот мир, который мы здесь нашли, потому что он прекрасен. Разве вы этого не поняли?

Он швырнул на стол свои этюды. Все затихли, снова увидев то, что видели раньше, но забывали, угнетенные царством льда. Были удивительно точно схвачены краски. Черно-оранжевые закаты, голубые ущелья со светящимся туманом, утро, зажигающее золотые искры на изломах льда, желтое небо с нагромождением серых облаков...

Медленно шелестели листья. Наконец Кар сказал:

— Хорошо. Но нельзя же так — холод и смерть ради красоты. Зачем нужны мертвые льды?

— Не мертвые, — покачал головой Александр. — Есть в них и своя жизнь. Ветер, ручьи, кусты... Все здесь просыпается понемногу. Но нельзя спешить. Иначе будет пустыня.

— Не будет пустыни. Будет океан, синий и безграничный, как на Земле. На это хватит растопленного льда. Будут гремять водопады. Представь, Александр: тысячи серебристых водопадов среди скал и радужного тумана. Будет и суровая природа, будет и своя красота, но еще будет жизнь. Ведь такую планету мы и искали.

— Будет океан и заросшие лесами острова, — сказал тихо Таэл.

— Откуда леса? Разрастутся черные кустики?

— Люди посадят леса!

— На камне?

— Ты не прав, Саша, — негромко сказал молчавший до сих пор Георгий. — Вспомни Антарктиду.

Снег хотел возразить, но вдруг устало сел и проговорил:

— Ладно. Разве я спорю?

— Ты примешь участие в расчетах?

— В работе — да. Но не в расчетах. Какой из меня математик?

5

Они работали долгое время. Потом вывели на орбиты четыре десантные ракеты, окруженные сетью магнитных регуляторов. Автопилотов на ракетах не было. Кар и

Ларсен сами садились в кабины, а потом выбрасывались в спасательных скафандрах. Так они делали дважды. Четыре ракеты со звездным горючим РЭ-202-эзаном стали как бы вершинами трехгранной пирамиды, внутри которой висела Снежная планета.

Никто не вспоминал о споре. Александр работал увлеченно. Он даже сделал расчеты, которые касались одного из искусственных солнц. Свое солнце было у каждого, кроме Кара, который взял на себя общий расчет и управление.

Когда кончился последний день работ, экипаж «Магеллана» собрался в ущелье, где была поставлена станция управления.

— Ну... боги, создающие весну... — излишне серьезно сказал Кар.

— Давай, — шумно выдохнул Таэл.

— Давать?

— Давай.

Дали сигнал.

Три экрана ослепительно вспыхнули. Потом проступили на них горы и нагромождения льда, освещенные двумя или тремя солнцами. Четвертый экран бесстрастно белел непрозрачной поверхностью.

— Мое, — сказал Снег.

Четвертое солнце не зажглось.

Неизвестно, что случилось. Вероятно, была нарушена система магнитных регуляторов. Может быть, достаточно было малейшего толчка, удара метеорита-песчинки, чтобы солнце вспыхнуло через несколько секунд. Но много ли шансов, что в ракету попадет метеорит?

— Что за беда? Останется ледяная шапка, как когда-то в Антарктиде... Черт возьми, а ведь получится даже здорово: снежное плоскогорье имени Снега! — воскликнул простодушный Ларсен.

— Получится великолепно, — сухо сказал Александр.

Все неловко замолчали. Никому, конечно, не могло прийти в голову, что Снег нарочно сделал неправильный расчет. Но нужно же было так случиться, что именно его подстерегла неудача.

— Я поднимусь на ракете и реактивной струей разобью систему регуляторов, — негромко и твердо сказал Снег, когда они вернулись на «Магеллан».

— Ложимся спать, — предложил Кар.

— Ларсен, считай! — крикнул Снег. — Я докажу, что это возможно.

— Лечь спать?

— Разбить сдерживающую систему регуляторов и успеть уйти от вспышки.

Ларсен послушно сел за клавиатуру электронного мозга. Александр диктовал.

— Видите, в принципе это возможно, — произнес он, когда расчет был закончен.

— В принципе... — проговорил Ларсен. — Не валяй дурака, ты сгоришь.

— Пойдем спать, Саша, — сказал Георгий. — Все не так уж плохо.

Но все понимали, что плохо. Очень плохо...

Они истратили две трети эзана. Только через две с половиной сотни лет астронавты вернутся на Землю. Вернутся ни с чем. К тому времени холод снова зажмет Снежную планету в ледяные тиски. Когда-то еще снова прилетят сюда люди и зажгут атомные солнца? А ведь все было почти готово. Если бы не случилось ошибки, экипаж «Магеллана» принес бы на Землю известие о планете, которая пригодна для нормальной жизни. Людям нужны такие планеты — форпосты человечества в бескрайней вселенной, трамплины для новых, все более дальних прыжков.

Ночью их разбудил громкий сигнал вызова. Усиленный приемником голос Александра произнес:

— Я в ракете. Не сердитесь, ребята, надо попробовать.

— Саша, — сказал Георгий, — мы все просим: не надо. Черт с ней, с этой планетой. Вспомни Землю.

— Ничего не случится.

— Ты сгоришь.

— Нет.

— Снег! Я приказываю вернуться! — крикнул Кар.

— Не сердись, Кар... Но все-таки капитан я.

— Ты же сам хотел, чтобы планета осталась под льдом, — робко сказал Ларсен.

Было слышно, как Александр усмехнулся.

— Это Кар виноват. Он хорошо рассказал об океане... о водопадах, островах. А я художник. Мне захотелось написать это.

Кар тихо выругался.

— Включи видеофон, — попросил Таэл.

Снег включил. Все увидели на экране его лицо. Он насвистывал что-то, склонившись над доской управления. Кажется, был спокоен.

— Будь осторожен, — сказал Георгий.

Снег кивнул, продолжая насвистывать.

— Перед самым возвращением на Землю! Зачем ты это делаешь? — с отчаянием сказал Кар. — А вдруг оно вспыхнет сразу?

— Ты же знаешь... Надо как-то до конца.

Гул двигателя прервал разговор. Изображение качнулось, затем стало видно лицо Александра, искаженное перегрузкой. Потом ускорение исчезло, и скорость стала падать. На большой скорости Александр не мог развернуть ракету и ударить реактивной струей по регуляторам. Все молчали, не видя ничего, кроме напряженного лица Александра. Так было до того мгновения, когда экран залила белая вспышка...

6

— Как же тебе удалось спастись? — спросил я Александра.

Он взглянул исподлобья.

— В том-то и дело... Меня зовут Георгий Рогов. Снег погиб. Ты понимаешь, что мы почувствовали, когда лодман передал нам о мальчике? На Земле отчаянно ждал брата маленький человек. Тебе, может, трудно понять. Но нам, столько лет не видевшим Земли и людей, были хорошо знакомы тоска и ожидание. Особенно тяжело, когда знаешь, что при встрече не увидишь ни одного знакомого лица. Триста лет... Даже имен не разыщешь. И вдруг — брат... Мы понимали мальчика, его тоску по родному человеку. И очень трудно было сказать правду. Невозможно.

Таэл оказался находчивей всех. Он дал станции ответ, позволяющий оттянуть время.

«Это не выход, — сказал Ларсен. — Что мы ответим ему потом?»

«Как зовут мальчика?» — спросил я.

Кар ответил. Затем взглянул на меня как-то странно. Но в тот момент ничего не сказал.

Двигатель десантной ракеты отказал у самой Земли. Мы выбросились в спасательных скафандрах.

Было еще темно. Только начинал пробиваться синий рассвет. Я не помню всего. Пахло сырыми листьями и землей. Таэл стоял, прижавшись темным лицом к белеющему в сумраке стволу березы. Ларсен лег на землю и сказал: «Смотри-ка! Трава...»

Я смотрел на небо. В нем вдруг быстро начала разгораться ярко-желтая заря, а зенит стал чисто-синим. И мне показалось, что небо звенит. Я никогда не знал, что оно может звенеть, как миллионы тонких певучих струн. Легкое облако у меня над головой медленно налилось розовым огнем... Я вдруг почувствовал ужас. Мне показалось, что это снова мучительный сон о Земле, который каждому из нас не давал покоя на Снежной планете. Страх этот был как удар тока. Я лег на траву. Зажмурился. Вцепился в корень какого-то куста. Корень был шершавый и мокрый...

Через секунду я разжал пальцы и открыл глаза. Синее небо снова звенело над лесом. И сквозь этот звон я услышал, как Ларсен опять сказал: «Смотри-ка! Листья...»

Потом взошло солнце.

Нааль смотрел на солнце сквозь траву. Он вспомнил все, даже видел краем глаза разбитую «пчелу», но не чувствовал ни волнения, ни заоздалого страха. Все, что случилось ночью, вспомнилось как путанный сон. Мальчик понимал теперь неосуществимость своей мечты.

Когда солнце поднялось настолько, что нижний край его касался головок высоких цветов, растущих на краю лужайки, Нааль встал. Слегка кружилась голова, болело ушибленное плечо. Но ему еще повезло. Амортизаторы бросили его в мягкую траву. Нааль заснул, не попытавшись даже подняться, настолько сильно была усталость.

Мальчик не торопясь огляделся. Спешить все равно было некуда. На сотню километров вокруг стоял лес. На ветру трепетали листья. Вдруг кто-то за спиной у мальчика сказал радостно и удивленно:

— Смотрите-ка! Человек!

Нааль обернулся на голос и замер. Он увидел людей в синих комбинезонах, в белом переплетении широких ремней.

Чувствуя, как замирает сердце, мальчик крикнул:

— Вы с «Магеллана»!

— Нааль... — сказал смуглый и светловолосый летчик.

— Я заметил его позже других, — сказал Георгий. — И странно: мне показалось, что я знаю этого мальчика. Может быть, вспомнил самого себя, каким был в детстве? Он стоял, весь подавшись нам навстречу. Маленький, светлоголовый, в рубашке, торванной на плече, с сухой травинкой, прилипшей к щеке, с ссадиной на колене... Он

смотрел мне в лицо. Синие-синие, широко открытые глаза. Кажется, я назвал его по имени.

Кар неожиданно и громко сказал, подтолкнув меня в плечо: «Александр, встречай брата...»

— Может быть, я поступил эгоистично, — продолжал Георгий. — Но в тот момент я совсем забыл, что Нааль мне не брат. Надо понять, что значит встретить на Земле родного человека, когда вовсе этого не ждешь... Но постепенно все чаще стала приходиться мысль: имел ли я на это право?

Я не понял Георгия. Тогда он сказал:

— Александр зажег солнце. Последнее, необходимое для уничтожения льдов. Сейчас там океан, острова... Имел ли я право отнять у мальчика такого брата?

— Мертвого?

— Даже мертвого.

— Георгий, — спросил я, — мне трудно судить. Может быть, у Александра были другие причины для риска? Хотел ли он вернуться? Та девушка...

Георгий скупно улыбнулся. Видимо, мой вопрос он счел просто глупым.

— Хотел. Он очень любил Землю. Кто же не хочет вернуться на Землю?

Мы замолчали.

— Он все время насвистывал какую-то старинную песенку, — вдруг сказал Георгий. — Я знаю из нее лишь несколько слов:

Пусть Земля — это только горошина
В непроглядной космической тьме...
На Земле очень много хорошего...

— Если все останется по-старому, — снова заговорил он, — будет, наверно, хуже. Я не только отнял брата у мальчика. Я отнял подвиг у Александра. Ведь никто не знает, как зажглось четвертое солнце.

— Ты отнял и у себя имя. Ведь Георгий Рогов считается погибшим.

— Мое имя не ценность.

— Тогда послушай мой совет. Ты просил его. Пусть все останется как было. Четвертое солнце не погаснет от этого. Надо думать о Наале.

— О нем я и думаю все время... Но как же Снег?

— Когда-нибудь люди узнают про все... Кстати, ты помнишь лишь три строчки из песенки. Я знаю больше,

ведь я историк. Это песня разведчиков Венеры. Вот последний куплет:

Тот, кто будет по нашим следам идти,
Помнит пусть на тропинках кривых:
Нам не надо ни славы, ни памяти,
Если звезды зажжем для живых.

— Но память об Александре — память о подвиге! То, что он сделал, — пример для живых. Может быть, и Наалю придется зажигать свое солнце.

Я взглянул на Георгия. Он ждал возражений. Он хотел их слышать, потому что они возвращали ему брата. Я сказал:

— Может быть... Но над какой планетой ему зажигать свое солнце? Научи его быть разведчиком, на то ты и брат. А солнце он зажжет сам...

Уже давно погас закат. Половина луны, опоясанная с одной стороны дугой Энергетического Кольца, низко висела над водой.

Топот ног по каменным ступеням прервал наш разговор. Впрочем, говорить больше было не о чем.

Они ушли, кивнув на прощанье. Астронавт крепко держал в руке маленькую ладонь брата.

Передо мной на листе раскрытой тетради лежит золотой значок, история которого осталась неизвестной. Мне отдал его перед нашим стартом Нааль...

Мы, археологи, идем на Леду, на ту планету, тайну которой так и не раскрыл до конца Валентин Янтарь. Мы вернемся не скоро.

Может быть, и меня на Земле через восемьдесят лет встретит среди многих один, незнакомый пока человек — большой или маленький, все равно. И скажет своим друзьям:

— Я иду встречать брата!

1961 г.

Второй этап работы по созданию...
всего объема работ, предусмотренного...

В соответствии с требованиями...
к качеству и срокам выполнения работ...

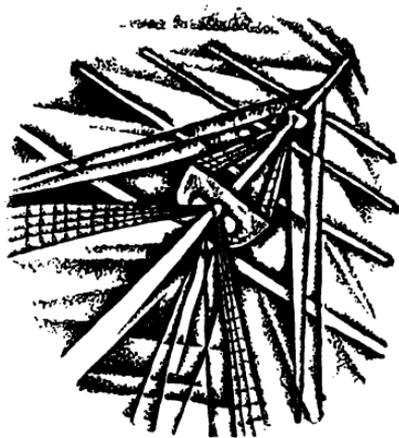
В процессе выполнения работ...
необходимо обеспечить соблюдение...

В заключение следует отметить...
важность своевременного выполнения...

Итого: 10000 руб.

БАРКЕНТИНА С ИМЕНЕМ ЗВЕЗДЫ

Маленькая повесть

Баркентина, или шхуна-барк, — большое морское парусное судно, имеющее не менее трех мачт., Фок-мачта всегда вооружена только прямыми парусами, все остальные мачты — сухие, т. е. несут лишь косяе паруса.

«Краткий морской словарь для юношества»

— А все же этот парень держит судно в руках, — сказал самый старший матрос...

Ф. Купер. «Красный корсар»

Дамба

Жил-был Мальчик. Очень обыкновенный. Светлоглазый и чуть веснушчатый. Он жил в новом городе, в новом доме и ходил в новую школу.

В комнате Мальчика на стене висела синяя Карта Всех Морей и Океанов. А на письменном столике, рядом с пластмассовым стаканом для карандашей, стоял кораблик из коричневой сосновой коры, с бумажными парусами.

Отец и мать были довольны картой. Считали, что она помогает Мальчику лучше изучать природоведение. А на кораблик они не обращали внимания.

Потом родители Мальчика переехали в другой город. И Мальчик, разумеется, переехал. Карту он привез с собой, а кораблик сломался по дороге, и его незаметно выбросили.

Город, где они стали жить, был совсем особенный. Он был старинный. Там встречались такие узкие улицы, что Мальчик даже без разбега перепрыгивал с тротуара на тротуар. С домов смотрели на прохожих каменные львиные морды, а у тяжелых ворот поскрипывали на ветру железные фонари. А у маленькой кирпичной крепости лежали вросшие в землю чугунные пушки.

Узкие улицы разбегались от крепости и выходили к Широкой реке. Там у причалов стояли суда. Рыбачьи — с растянутыми для просушки сетями, грузовые — с черными бортами, белыми надстройками и разноцветными трубами, пассажирские — совсем белые. Плескались флаги, и бегали неутомимые буксиры.

Корабли приходили с моря. Море лежало в нескольких милях от города. Его не было видно, и все-таки оно чувствовалось за треугольными крышами и высокими острыми башнями.

На крышах и башнях стояли флюгера. Это были узорчатые флаги, рыцари на конях, трубачи, парусные корабли и крылатые звери. Под некоторыми флюгерами находились перекрещенные стрелы — они смотрели в четыре стороны.

Когда начинался ветер, всадники, корабли, трубачи и звери со скрежетом поворачивались ему навстречу, а стрелы оставались неподвижными. На их наконечниках чернели жестяные буквы N, S, W, O. Мальчик понимал, что они означают страны света: норд, зюйд, вест и ост. Это были морские названия. Моряки не говорят: «Дует ветер с северо-запада». Они говорят: «Дует норд-вест».

Норд-весты дули чаще других ветров. Они приносили влажную прохладу, серые облака и запах водорослей. Взрослые ворчали и обижались на сырую погоду, Мальчик не обижался. В ветре было Дыхание Атлантики.

— Папа, — сказал Мальчик за ужином, — дай мне рубль и пятьдесят копеек... пожалуйста. Я куплю словарь.

— Что за сумасшедшие цены! — сказала мама. — Я спрошу в школе, почему такие дорогие учебники.

— Это не учебник, — сказал Мальчик и стал качать ногой под столом. — Это так. Морской словарь.

— Не болтай ногами, — велела мама. — Что еще за новости — «морской словарь»? Ты бы лучше вспомнил, что через месяц в школу, а у тебя нет «Английского языка».

Днем у нее на работе были неприятности, а сейчас плохое настроение.

— Зачем же тебе морской словарь? — спросил отец.

— Так просто... — неловко ответил мальчик, но тут же подумал, что лучше отвечать прямо. — Я буду моряком дальнего плавания.

— Не царапай вилкой скатерть, — сказала мама. — Моряком дальнего плавания! Этого еще не хватало.

— Ну, хорошо, хорошо, — торопливо сказал отец. — Я подумаю. Может быть. После зарплаты.

Он знал, что почти половина мальчиков хочет стать моряками дальнего плавания, и никто из них не собирается быть зубным врачом, бухгалтером или управдомом.

Но отец не знал о другом. О том, что его мальчик по темному силуэту на светлой воде уже легко отличал сухогрузное судно от рефрижератора, что купленные для школы тетради он изрисовал схемами барков и фрегатов и на каждом из рисунков мог с точностью показать, где какой стоит парус, и сказать, как он называется. Он никогда не спутал бы адмиралтейский якорь с якорем Холда. В углу за диваном он хранил звено якорной цепи, которое подобрал на пирсе и очистил от ржавчины. Это было могучее железное кольцо весом в добрый десяток килограммов. В кольце была перемычка. Они делаются для того, чтобы цепь не перекручивалась и не запутывалась.

Многие мальчики мечтают о капитанских мостиках и дальних морских походах. Но многие ли смогут ответить, как называется перемычка в звене якорной цепи? Между прочим, называется она «контрфорс».

Мальчик полюбил продутый морскими ветрами город. А в городе больше всех мест ему нравилась Старая гавань. Южная улица, где жил Мальчик, выходила прямо к гавани, и от калитки до берега пробежать можно было за четыре минуты.

Обычно гавань пустовала. Лишь иногда здесь отставались перед ремонтом рыбацкие сейнера, которые вернулись из бурной Атлантики. Они отдыхали, прижавшись обшарпанными бортами к деревянным сваям причала. Причал зарос тонкой травой и мелкими ромашками. В гавани росли кувшинки. Их цветы были похожи на солнечные шарики, рассыпанные по темной воде, а стебли уходили

в зеленоватую глубину. На листьях кувшинок иногда сидели любопытные лягушки и разглядывали берег.

Большая дамба отделяла гавань от Широкой реки. Она была похожа на длинную букву Г. Коротким концом дамба примыкала к берегу.

Построили ее в очень давние годы. Сначала в дно реки вбили деревянные сваи — плотно друг к дружке, в два ряда, потом навалили между этими рядами булыжники и насыпали щебень — вровень с верхними срезами свай. И получилась могучая подводная стена. Только самая кромка ее поднималась над водой. Это была защита от волн. Правда, волны часто перекатывались через дамбу, но тратили на это много сил и в гавани сразу успокаивались.

Сваи потемнели от воды, позеленели и набухли. Сердцевина у многих прогнила, и кое-где на срезах, как в цветочных горшках, вырастали кустики травы. К августу они становились густыми и высокими.

Начало августа было солнечным и теплым. Здешний край, известный туманами и пасмурным небом, словно хотел показать Мальчику, что умеет быть ласковым к тем, кто его полюбит.

Каждый день Мальчик приходил на дамбу. Он садился на краешек, ставил рядом с собой сандалии и свешивал в воду ноги.

Вода была бархатистая и теплая. Просвеченная зеленоватыми лучами. Коричневые мальчишечьи ноги становились в ней какими-то бледными и ненастоящими, словно их хозяин всю жизнь проходил в длинных штанах и не знал, что такое загар. На незаметных волосинках рассаживались крошечные пузырьки. Мальчику начинало казаться, что он постепенно вырастает в речной мир и превращается в подводного жителя. Чтобы не превратиться совсем, он бултыхал ногами, и любопытные мальки, собравшиеся поглазеть на мальчишку, перепуганно разлетались кто куда.

Потом эти мальки осторожно собирались опять. Они были чуткие и верткие, словно стрелки компаса.

Из больших рыб Мальчик видел только одного и того же окуня. Окунь был толстый, полосатый и неприятный. Он всегда сидел в кусте водорослей, шевелил плавниками и будто прислушивался. Мальчику он казался похожим на бывшего соседа — ребячьего врага и склочника. (Это было в том городе, где Мальчик жил раньше. Все ребята звали того соседа Перехватчиком.)

Мальчик, между прочим, 'был прав: окунь Пантелей Осминогович действительно был склочник и сплетник. Он собирал все неприятные новости и разносил их среди рыбьей общественности.

Рассердившись на окуня, Мальчик запрокидывал голову и смотрел на чаек. Среди них были знакомые. Иногда на бреющем полете они проносились над Мальчиком — наверно, здоровались. Но вообще-то им было некогда. Чайки деловито и суетливо добывали корм. Они охотились за рыбами-простофилями, подбирали хлебные корки, выброшенные с проходившего буксира. А еще они проводжали в залив уходящие корабли. Это была их постоянная работа.

Мальчик тоже провожал корабли — сухогрузы, плывущие в Африку и на Кубу, сверкающие лайнеры с веселыми туристами и отважные траулеры, уходящие на полгода в открытый океан. Он шепотом говорил им «до свиданья». И, хотите — верьте, хотите — нет, многие корабли откликались ему коротким гудком.

Конечно, Мальчик завидовал тем, кто уходил в море. Но не очень. Он знал, что время его придет. А пока здесь, на дамбе, он впитывал в себя морской ветер и слушал музыку корабельных будней: грохот якорных цепей, разносящиеся из мегафонов команды, строгие голоса диспетчеров, озорную переключку рыбацких экипажей и sireны катеров. Всей душой он жил здесь, у слияния реки и моря, среди чаек и кораблей. И ничто не могло уже вырвать его из этой жизни.

Иногда Мальчик сидел на дамбе до самого вечера. Розовое солнце скатывалось за башни. Над мачтами, среди светлых тучек, разгоралась не спеша яркая капелька-звезда. В кувшинках начинали голосить лягушки. Чайки уже не суетились над водой, а летали плавно и широко: сразу было понятно, что теперь у них не работа, а гулянье.

Реже звучали металлические команды диспетчеров. На сейнерах начинали звенеть гитары.

Мальчик знал, что скоро идти домой, и оставшиеся минуты были для него особенно хороши...

Потом он шагал к дому по улице, плотно заросшей то полями. Здесь уже висели сумерки, хотя небо оставалось светлым. Встречные мальчишки-велосипедисты включали фонарики, и похоже было, что среди деревьев носятся большие жуки-светляки.

Дома ему попадало от матери. Она говорила слова, которые говорят в таких случаях все мамы:

— Где ты пропадал целый день? Ты меня сведешь в могилу!

— На реке, — отвечал Мальчик.

— С ума можно сойти! А если ты утонешь?!

— Зачем? — удивлялся Мальчик.

— Что за глупый вопрос! Люди тонут низачем.

— Я не утону, — успокаивал Мальчик. — Я же хорошо плаваю. Да я и не купаюсь почти. Просто сижу и смотрю.

— Что там смотреть целый день? Лучше бы уж ты, как все мальчишки, играл в футбол, обдирали колени, лазил по деревьям и получал синяки... Я хотя бы знала тогда, что ты не один. А ты живешь без товарищей.

Тогда папа брал ее за плечи и негромко уговаривал:

— Ну перестань. Придет время — будут товарищи. Их же не получают по рецепту, как в аптеке. Пусть он живет как хочет.

— Но у него совершенно нет друзей! — сокрушалась мама.

Однако она ошибалась.

Удивительный Чип

Один раз вечером, когда Мальчик сидел на дамбе, что-то мокрое и живое шлепнулось ему на колено. Конечно, Мальчик вздрогнул. Он даже качнулся назад от испуга.

Но бояться-то было нечего.

На колене у него сидел зеленый лягушонок. Сидел и улыбался большим веселым ртом.

— Ха-ха! — отчетливо сказал лягушонок. — Ты испугался? Ты пер-ре-пугался!

Не будем говорить, что Мальчик удивился. И не будем удивляться сами. Ведь история эта почти сказочная, хотя в общем-то совершенно правдивая. Разумеется, Мальчик вначале изумленно заморгал и даже шепотом сказал: «Вот так штука», но тут же его встревожила другая мысль: как бы этот незванный гость вправду не подумал, что он боится.

— Чего это я буду перепугиваться, — возразил Мальчик и пожал плечами. — Ты же не тигр, и не змея, и не... ихтиозавр какой-нибудь.

— Конечно! — весело согласился лягушонок. — Не

тигр. — И добавил с чуть заметной грустинкой: — Я просто маленькая лягушка... Между прочим, меня зовут Чип.

Он оказался размером с наперсток (если не считать длинных задних лапок), с желтовато-серым брюшком и зеленой, как свежий тополиный листок, спинкой. Выпуклые глазки блестели, словно черные стеклянные дробинки. А широкий рот был озорным, как у первоклассника, который готов смеяться даже на уроке арифметики.

— Откуда ты взялся? — спросил Мальчик. — Шлепнулся прямо как с неба. Я даже не ожидал.

Чип вытянул к воде крошечную переднюю лапку.

— Вон оттуда. Там у меня ква-рр-тира.

Голосок у него был тонкий, и слова он произносил старательно, как малыш, который недавно научился говорить букву «р». И не было в его речи лягушачьего кваканья. Лишь в слове «квартира» Чип едва заметно приквакнул, но это ведь вполне простительно.

— Я тебе не мешаю? — вдруг забеспокоился Чип и шевельнулся на колене у Мальчика. — Я немножко мок-крый.

— Сиди, сиди, — торопливо сказал Мальчик. — Я же не сахарный... А где ты научился так говорить?

— П-понемножку. Я вылезал на берег и смотрел, как играют мальчики. И слушал. Я часто на них смотр-рел, когда мне было гр-рустно...

— А почему тебе было грустно? — осторожно спросил Мальчик.

— Н-ну... Это бывает. Я тебе потом расскажу... Если мы по-др-ружимся, — сказал Чип. И добавил совсем тихо: — Если ты хочешь.

— Конечно, хочу! — сказал Мальчик.

И они правда подружились.

Им было хорошо вдвоем.

Они вместе купались. Они скакали наперегонки по дамбе, и надо сказать, что Мальчик не всегда оказывался впереди. Он, когда прыгал, опасался свалиться в воду, а Чип ничего не боялся и летал, как зеленая пуля.

Но особенно любили они разговаривать. Начиналось это так: Чип усаживался на колене у Мальчика и вежливо говорил:

— Можно, я задам вопр-рос?

Он задавал разные «вопр-росы». И, приоткрыв широкий рот, слушал рассказы про города, про человечью жизнь,

про хоккей, про марки, про кино «Неуловимые мстители» и сложную науку арифметику.

Один раз он спросил:

— Ты очень удивился, что я говор-рящий?

— Да нет, не очень, — сказал Мальчик. — Бывают ведь говорящие птицы. Скворцы, галки, попугай. Почему же лягушонок не может? Я удивился знаешь когда? Когда увидел, что ты умный. Попугай, например, может целую речь сказать, а все равно дурак. А ты прямо как человек.

— Пр-равда? — обрадовался Чип.

— Конечно... Наверно, в воде звери умней, чем на суше, получают. Я читал про дельфинов, которые даже с учеными разговаривают.

Чип осторожно спросил:

— А про говорящих лягушек ты не читал?

— Ну, про лягушек только так... Про царевну-лягушку, про всяких принцев, которые сперва лягушатами были... Про лягушку-путешественницу...

Чип вздохнул, надув брюшко:

— Это мы пр-роходили... Принцы и царевны. Они потом пр-ревращались в человекoв. Это хорошо, но это сказки.

— Проходили? — удивился Мальчик. — У вас есть школа?

— А как же! Надо же учиться, как себя вести. Чтобы тебя не слопала щука или не унесла чайка. А еще есть класс хорошего пения, только я туда не хожу...

Он помолчал и вдруг добавил:

— А лягушка-путешественница — дур-ра.

Мальчик не спорил. Ему почему-то стало жаль Чипа.

— Зачем она разор-ралась, когда утки несли ее по воздуху? — сердито спросил Чип. — Сама виновата, что свалилась в болото. Я бы ни за что не крикнул, хоть и говорящий.

Чип еще помолчал и добавил голосом первоклассника, который долго плакал и наконец успокоился:

— Ведь она могла попасть в Южные моря...

Мальчик почувствовал, как часто бьется крошечное сердечко лягушонка.

— А тебе хочется в Южные моря? — не то спросил, не то просто сказал он Чипу.

Чип снова вздохнул.

— Там Аф-р-рика, — шепотом проговорил он. — Там пр-приключения. Кор-ралловые острова. И там тепло. Там не надо спать зимой. У нас все лягушки спят зимой, а я

не люблю. Мне даже во сне холодно, хотя я и пр-рисло-сабливаюсь.

— У тебя, Чип, слишком горячая, не лягушачья кровь, — задумчиво сказал Мальчик.

Считалка

Они сидели допоздна. Яркая звезда — та самая, что загоралась раньше других, — уже давно светила над мачтами.

Мальчик любил эту Звезду и знал ее певучее название. Он слышал где-то, что у каждого моряка должна быть своя звезда, и выбрал себе эту. Она была теплая и ясная, как маленькое солнышко.

Оказалось, что Чип тоже любит ее.

— Когда я смотрю на эту Звезду, я совсем забываю, что я лягушонок, — сказал однажды Чип. — Мне кажется, что ничего не надо бояться. Мне даже кажется, что я увижу Южные моря, если очень захочу... А потом, когда Звезды нет, я сразу вспоминаю, что я маленький смешной Чип, — закончил он и коротко вздохнул несколько раз подряд.

— Но ты совсем не смешной! — возразил Мальчик. — Ты красивый. Ловкий такой и быстрый. И ты смелый. Ну, маленький, конечно. А что здесь такого? Вот бегемот, например, большой, а какой от этого толк? Лежит в своем болоте или в реке и хрюкает, как свинья, от удовольствия. И ничего ему не хочется.

— А чего же ему хотеть? — удивился Чип. — Он и так живет в Африке, где пальмы, джунгли, львы и приключения.

— Ну какие там приключения у бегемота! Ему лишь бы брюхо набить. А пальмы для него все равно что для нас эти тополя на берегу.

— А ему... не хочется увидеть эти тополя? — недоверчиво спросил Чип. — Ведь нам-то очень надо увидеть пальмы.

— Нет. Ему только хочется быть сытым. Вот и все.

— Такой большой и такой дурак, — сказал Чип с грустным недоумением.

— А ты думал, среди больших не бывает дураков?

Чип не ответил. Он опять неподвижно смотрел на Звезду, и она отражалась в его глазах золотыми точками.

Эта Звезда была громадным огнедышащим шаром, чу-

жим неизученным солнцем, которое висело в далекой от нашего Солнца черной пустоте. Может быть, вокруг этого ослепительного шара летали голубые и зеленые свои шары-планеты. И, может быть, на них жили и мечтали о дальних морях свои Мальчики и лягушата. И жили бегемоты. Но это ничего не значило. Здесь, на Земле, дальняя Звезда была нужна двум друзьям и потому принадлежала им.

— Когда я сделаюсь капитаном, — сказал Мальчик, — я попрошу, чтобы мой корабль называли так же, как эту Звезду.

Чип снова сидел неподвижно. Только смотрел уже не на Звезду, а просто так.

— Что же ты молчишь? — с легкой тревогой спросил Мальчик. — Я с тобой говорю, а ты не отвечаешь. Будто ты и не говорящий.

— Потому что мне грустно, — сказал Чип. — Ты станешь капитаном, и тебе хорошо. А я превращусь в обыкновенную большую лягушку.

— И ничего подобного! — решительно возразил Мальчик и так бултыхнул в воде ногами, что старый полосатый сплетник Пантелей Осьминогович, который подслушивал разговор, тут же скончался от разрыва плавательного пузыря и всплыл кверху брюхом. Его немедленно унесла чайка.

— Ничего подобного! — повторил Мальчик. — Говорящий лягушонок не может превратиться в обыкновенную лягушку. Так не бывает! И, кроме того, я тебя не брошу. Как только я стану капитаном (или сначала даже самым младшим моряком), я возьму тебя в плавание.

Чип подскочил, как зеленая пробка, и шлепнулся животом.

— Как? — спросил он, и от удивления у него получилось: «Квак?».

— А вот так... Слушай...

Мальчик придумал это лишь сейчас, но говорил, словно все решил давно:

— Ты будешь жить в моей каюте. В таком стеклянном ящике. Там будет разная трава и вода и маленькие кочки. Это называется террариум. А когда мы приплывем в Южные Страны, я тебя отнесу на берег. И ты увидишь там все, что хочешь. Там такие громадные цветы, что в каждом ты можешь устроить целый дом. И можешь путешествовать по джунглям и зарослям, и будут у тебя такие

приключения, которые здесь никому и не снились. Только смотри, чтобы тебя не слопала какая-нибудь африканская цапля... А то я приплыву, а тебя нет...

— А ты приплывешь? — обрадовался Чип.

— Конечно. Ты ведь, наверно, соскучишься когда-нибудь.

— Наверно... — сказал говорящий лягушонок Чип.

Мальчик понимал, что давно пора домой.

— Пойду, — сказал он наконец. — Наверно, будет нахлобучка.

— Выдер-рут? — с беспокойством спросил Чип.

— Ну, что ты! Просто будут говорить всякие скучные слова.

Лягушонок посмотрел на небо.

— Вон светлая тучка. Вон Звезда. Ты скажи волшебную считалку, и все будет пр-ре-красно.

— Какую считалку? — удивился Мальчик.

Тогда удивился и Чип:

— Ты не знаешь? Я думал, все мальчики знают эти волшебные слова. Я их подслушал на земле, когда ребята играли в пр-рятки. Вот какие:

Тучка — светлый парашют,
Очень я тебя п-р-рошу:
Разгони мою беду,
Позови мою Звезду,
Пусть она, как светлый лазер,
Луч пошлет на землю сразу.
Пусть дрожат мои враги.
Кто не верит мне — беги!

Чип, видимо, гордился, что выучил эти стихи.

— Никогда не слышал, — сказал Мальчик. — Ну, все равно. Это же обыкновенная считалка. Что в ней волшебного?

— Нет, не все р-равно, — возразил Чип. — Один р-раз был случай. Маленький мальчик хотел спрятаться и не успел. Его уже почти нашли, а он взял и сказал эту считалку. И стал просто совсем невидимка.

— Показалось тебе, — сказал Мальчик. — Не может этого быть.

— А говорящие лягушонки могут быть? — обидчиво спросил Чип. От досады он даже стал ошибаться в словах. — Ты думал, что не могут, а я есть.

— Ладно, — сказал Мальчик. — Я попробую. Только... там говорится: «Пусть дрожат мои враги...» Мне ведь от

мамы попадает, а разве она враг? Она ведь за меня же беспокоится.

— Мама, конечно, хор-рошая, — объяснил Чип. — А враги — это неприятности, которые тебя ждут. Пр-отив них и нужны волшебные слова.

— Я попробую, — повторил Мальчик.

И попробовал. Пока бежал к дому, прошептал считалку. И знаете, что потом было?

— Ну, наконец-то, — сказала мама. — Я уже начала волноваться. Беги умойся, а я разогрею ужин.

Вот и все. Согласитесь, что это чудо. Не меньше, чем говорящий лягушонок.

Баркентина

— Слушай, какая новости! — возбужденно встретил Мальчика Чип. — Корабль с таким именем, как у нашей Звезды, уже есть! Скоро его приведут сюда. Я узнал от чаек. Они кр-ричали об этом.

Было яркое утро, и солнце сверкало на мокрой спинке Чипа. Он весь светился, как зеленая лампочка. Только лампочки не прыгают, как сумасшедшие, и уж, конечно, не разговаривают. А Чип никак не мог успокоиться.

— Ну что ты скачешь, — сказал Мальчик. — Уймись.

— Это потому, что я пер-реживаю, — сообщил Чип. — А что, если чайки ошиблись? Вдруг он не пр-ридет, этот корабль?

— Ну не придет, и не надо, — сказал Мальчик, чтобы успокоить Чипа. А на самом деле тоже слегка заволновался. Хотелось посмотреть на судно с таким хорошим названием.

А Чип возмутился:

— Как это «не надо»?! Ведь он же не пр-рстой! Он пар-русный!

И у Мальчика застучало сердце.

Ведь никогда-никогда он не видел настоящих белокрылых парусников. Много успел он здесь увидеть и многое полюбил, но, как и раньше, при слове «корабль» представлялся ему стремительный клипер с белыми грудями четырехугольных парусов или шхуна, косо летящая над волнами. Строго говоря, кораблем принято называть лишь фрегат. У него не меньше трех мачт, и на всех — прямые паруса. А остальные парусники: бриги, шхуны, бригантины, барки и баркентины — называют просто судами. Но не

будем слишком придирчивы к Мальчику. И в тетрадке своей рисовал он не лайнеры, а бриги и фрегаты. А перед сном шептал в постели названия парусов.

Лишь бы не ошиблись чайки!

Но чайки кричали правду.

Еще до полудня вдали над береговыми крышами показались верхушки мачт, а потом из-за поворота вышел парусник.

Правда, он был без парусов. Его тянул незаметный буксирчик. Но в корпусе и мачтах, в гибкой линии форштевня и бушприта была такая стройность, такая легкость, что сразу все видели: судно это рождено для ветра.

Первая мачта была перечеркнута тонкими реями — перекладинами для прямых парусов. От второй и третьей протянулись над палубой длинные гики. Здесь ставились косые, как у шхуны, паруса.

— Шхуна-барк, — шепотом сказал Мальчик. — Трехмачтовая баркентина. Я такие только в кино видел.

— Какая кр-расавица, — сказал Чип.

Буксирчик суетился и старательно натягивал длинный трос. Слишком неуклюжим и маленьким было это суденышко по сравнению с парусником. И поэтому казалось, что баркентина движется сама по себе. А под ней, чуть вздрагивая, плыло отражение: белый корпус с черными буквами названия, зыбкие желтые мачты и стеньги, опрокинутые в глубину. После беспокойного моря, где лишь пена да отблески на волнах, баркентина не спеша любовалась своим отражением в гладкой воде. Так, по крайней мере, думал Мальчик.

У штурвала стоял моряк в полосатой фуфайке. Широкоплечий и сутулый. Больше никого на палубе не было.

Буксир завел баркентину в гавань, к береговому причалу, напротив дамбы. И сразу все изменилось вокруг. Парусник стал главным. Мачты в тонкой паутине такелажы вознеслись над острыми крышами, над тополями, над старой церковью, поднимавшейся в глубине квартала.

Берег притих от удивления. Чайки перестали шуметь и совершали над баркентиной неторопливый торжественный облет.

Вы, конечно, догадались, что больше всего сейчас хотелось Мальчику: оказаться там, на палубе. Так хотелось, что он даже забыл про Чипа.

Но что он мог сделать? Пойти к трапу и попроситься в гости? Никогда он не решился бы на это: не тот характер. Ждать случая? Или чуда?

Стоял яркий день, и не было, конечно, в высоте ни тучки, ни Звезды. Но сам того не заметив, Мальчик начал шептать:

Тучка — светлый парашют,
Очень я тебя прошу...

На палубе показался человек. Тот, который стоял недавно у штурвала. Он перебросил через фальшборт ведро на веревке и нагнулся, стараясь зачерпнуть воду.

— ...Позови мою Звезду... — шепотом сказал Мальчик.

Веревка выскользнула из рук моряка. Мальчик пружинисто встал. Моряк, перегнувшись через планшир, видимо, поминал морских чертей и ведьм. Потом он исчез и тут же вернулся с багром. Но ведро успело отплыть от борта, а багор был короткий, и моряк не мог дотянуться.

— Подождите! Я сейчас достану! — крикнул Мальчик. И раскинул руки, чтобы ласточкой прыгнуть в воду.

— А я?! — завопил забытый Чип. — Это пр-ре-д-да-тельство!

— Что ты, я же только примеряюсь, как прыгнуть, — торопливо сказал Мальчик. Ему было очень неловко. — Лезь ко мне в карман, поплывем вместе.

Он оттянул нагрудный кармашек на рубашке и посадил Чипа.

— Не задохнешься?

— Как-нибудь пр-родержусь, — ответил Чип все еще слегка сердито.

Мальчик скользнул в воду. До баркентины было метров восемьдесят. Он плыл среди кувшинок и все боялся, что моряк не станет ждать, а найдет багор подлиннее. Но тот ждал.

Белый борт парусника вырос, навис над мальчиком. Белый почти весь, только внизу, ниже ватерлинии, — зеленый. «Может быть, здесь, у днища, торчат ракушки, приросшие в Южных морях», — мельком подумал Мальчик. Но ракушек не было. Были только рыжие проплешины да колечки ржавчины вокруг заклепок.

Мальчик подплыл к ведру, ухватился за него, как за поплавок, и глянул вверх. На фоне яркого неба он увидел голову и широкие плечи моряка. Серебристо просвечивали волосы, а лица было не разглядеть. Голосом глуховатым, но сильным моряк спросил:

— Что сначала вытаскивать? Ведро или тебя?

— Ведро! — крикнул Мальчик. — Я плаваю! Давайте багор!

Он подгрел поближе и зацепил дужку за крюк. Ведро взмыло вверх. А через две секунды рядом с Мальчиком упал конец веревочного трапа: два каната и просмоленные рейки-перекладинки.

— Ну, подымайся, пловец.

И Мальчик стал подниматься.

Много раз он читал, как лихие матросы взлетают на борт по таким трапам. А оказалось, что это очень даже непросто. Трап гулял по воздуху, изгибался, и два раза Мальчик так стукнулся коленками о борт, что глаза застлала влажная пелена. Но все-таки он не остановился ни на секунду. Вскарабкался до верха, перевалился через планшир и встал мокрыми босыми ногами на палубу. Доски были очень сухими и теплыми от солнца.

Так впервые в жизни Мальчик поднялся на баркентину — прямо из воды, по штормовому трапу.

От смущения, вместо того чтобы поздороваться, он неловко сказал:

— Ну, вот... все в порядке.

С одежды струйками бежала вода и темными ручейками растекалась по чистой, почти белой палубе. Мальчик переступил и с опаской посмотрел на свои мокрые следы. Потом виновато поднял глаза на моряка. Капли на ресницах играли солнечными брызгами и мешали смотреть. Мальчик поморгал, чтобы стряхнуть их, и взглянул снова.

Он стоял перед стариком. Старик был большой, с седыми кудрями и густой серебристой щетиной на лице. Лицо было широкое и морщинистое, а глаза светлые, как голубая вода.

Старик улыбнулся, и Мальчик понял, что бояться не надо.

— По-моему, ты немного мокрый, — сказал старик. — Что же ты не разделся — и в воду?

— Боялся, что без меня ведро поймаете, — признался Мальчик.

— Да, ведро... За ведро спасибо. Ну, разденься и обсушись.

Мальчик хотел сказать, что пустяки, что он обсохнет и так. Но тут же сообразил: пока одежда будет сушиться на солнышке, он может с полным правом быть здесь, на судне.

Он расстелил мокрую рубашку и шорты на широком планшире фальшборта, а Чипа посадил на голое плечо.

— Не свались, смотри, — сказал он, а старику объяс-

нил: — Это у меня товарищ. Он маленький, но зато говорящий.

Чип застеснялся, но все-таки подтвердил:

— Пр-равда.

— Чудеса, — сказал старик. Но сказал таким спокойным голосом, что сразу стало ясно: за свою длинную жизнь он видел чудеса похлеще.

Мальчик встал у борта и наконец огляделся.

В первый миг палуба показалась ему широкой, как стадион, а мачты — бесконечными. Над палубой, в путанице трапов, поручней, канатов и блоков поднимались белые надстройки. Синим стеклом и медью сверкали иллюминаторы. Но в этом блеске, в этом захватывающем душу переплетении такелажа и рангоута Мальчик сразу увидел главное: коричневый и отполированный штурвал и узкую колонку нактоуза.

— Можно, я пойду... посмотрю? — шепотом спросил он.

— Иди. Смотри, — сказал старик. — Смотри и трогай. Можно.

Мальчик медленно подошел к штурвалу.

Солнце грело плечи и голову. С берега шел ровный теплый ветер. Чип затих на плече.

Мальчик взял в ладони рукоятки штурвала.

«Бом-кливер и кливер поднять! Поставить оба марсея! Шпиль пошел! Руль — два шага под ветер!»

Он крутнул штурвал, и тот повернулся с неожиданной легкостью. Над палубой с криком пронеслись чайки. Слово приветствовали нового капитана.

Мальчик тихо отпустил штурвал. И подошел к мачте. Дерево ее было желтым и блестящим, как у скрипки. Оно было теплым.

Мальчик прижался к мачте плечом и щекой. Он услышал тихий и ровный гул. То ли ветер гудел в стенах и вантах, то ли в трюмах баркентины проснулось эхо прежних штормов...

Старик теплыми глазами смотрел на Мальчика. И наконец сказал:

— Когда я был такой же, я тоже первый раз пришел на парусник. И тоже слушал...

Мальчик оторвался от мачты и взглянул на моряка: неужели седой и могучий старик был когда-то мальчишкой?

Старик, видимо, понял.

— О-о, это было давно, — сказал он с коротким смехом. — Тебе надо прожить шесть раз столько, сколько ты

жил, чтобы пришло такое время. — Он подумал и тихо добавил: — Но это было...

Мальчику показалось, что старик слегка загрустил. Из-за него. И, чтобы изменить разговор, он деловито спросил:

— А что, весь экипаж сошел на берег? Никого, кроме вас, не видно.

Старик усмехнулся:

— Капитан сошел на берег. А экипаж — вот он. — И хлопнул себя по груди. — Мы сейчас к ремонту готовимся, поэтому большой экипаж ни к чему.

Старика звали Альфред Мартинович. Он был родом из латышской рыбацкой деревни и всю жизнь провел в море. Полным именем его редко называли: во все времена и на всех кораблях к нему обращались коротко и уважительно — «Мартыныч».

— Зови и ты меня так. Я привык, — сказал он Мальчику на прощанье. — И не забывай, в гости приходи.

Конечно, Мальчик пришел. На следующий же день.

На причале, недалеко от трапа, смуглый парень в разноцветных плавках обтесывал длинное бревно. Желтая щепка чиркнула Мальчика по ногам, и он ускорил шаг, чтобы еще не зацепило.

— Стой, пацан! — потребовал парень (а сам все махал топором). — Ты куда?

— Сюда, — Мальчик показал на трап. — На борт.

— Это зачем?

— Надо, — сдержанно сказал Мальчик. Он слегка рассердился. За щепку, ударившую по ногам, и вообще: «Размахивает топором, даже не смотрит. Да еще допрашивает. Кто он такой?»

— Неизвестно еще, надо тебе сюда или нет, — сказал парень и воткнул топор в бревно. — Ты к кому?

— К Мартынычу.

— А по какому делу?

У него был круглый мясистый нос и подозрительные глаза.

— У каждого свое дело, — с досадой сказал Мальчик. — Я ведь тебя не спрашиваю, каким делом здесь ты занимаешься...

— А я могу сказать. Столб ставлю, чтоб электричество на ящик протянуть, а то аккумуляторов не хватает. А вот что тебе нужно?

«Это он баркентину ящиком обзывает», — подумал

Мальчик. И не решил еще, что сказать, как парня окликнули:

— Рудик!

Окликнула девушка. Обыкновенная девушка с белой сумочкой. Она этой сумочкой нетерпеливо размахивала.

— Я уже давно готова, а ты...

Рудик повернулся к баркентине и завопил:

— Дед! Кинь из каюты мои манатки, я отчаливаю!

На борту появился Мартыныч. Улыбнулся Мальчику, а Рудику бросил сверток с одеждой. Рудик запрыгал, натягивая брюки.

— Тут к тебе какой-то салажонок просится, — ворчливо обратился он к Мартынычу. — Гляди, чтобы он не свинтил чего на судне.

— Вы, Рудольф Петрович, идите... — медленно сказал Мартыныч.

— Чего?

— Идите. Гуляйте. Ничего. Я тут побуду, мне все равно спешить некуда.

— Ах, да... — Рудик чуть смутился. — Я и забыл, что сейчас моя вахта... Ну, ладно, дед, я ненадолго. Потом сочтемся. Гуд бай.

— Кто он? — спросил Мальчик у Мартыныча, когда поднялся на палубу.

— Рудольф? Ну как же. Капитан.

— Мартыныч! — жалобно сказал Мальчик. — Вы шутите, да?

— Почему? Я правду говорю. Начальство назначило.

Мальчик вздохнул:

— А я с ним поспорил...

Мартыныч ладонью накрыл его голову, повернул к себе, взъерошил волосы.

— Мальчик... Никогда ничего не бойся... Ну, поспорил. Разве это обязательно плохо?

— Я не боюсь. Просто обидно. Он не похож на капитана. Неужели он командовал баркентиной в морях и океанах?

Старик засмеялся.

— Он не командовал баркентиной. Тот, кто командовал, сейчас на четырехмачтовом барке «Лисянский». О, это настоящий моряк. Если даже ветер голосил в вантах, как тысяча ведьм, он все равно не спускал бом-брамсель. Вот так...

— А этот... Рудик?

— У него дело простое: сдать судно в ремонт, когда

в доке место освободится. Видишь, как вышло: он недавно закончил мореходку, назначили его на большой танкер младшим помощником. А танкер этот сейчас в плавани. Ну вот, ему и велели здесь командовать. Пока нас в док не заберут.

— Ух, ну ясно, — облегченно сказал Мальчик. — Значит, он капитан просто так, пока. Не по правде.

— Ну, значит... По правде здесь надо паруса знать. А он фор-марсель от крьюйс-топселя не отличит.

— Ну уж! Как это так? — сказал Мальчик, слегка гордясь своим знанием. — Можно кливер с фок-стакселем спутать или верхний марсель с брамселем. Но как можно спутать с чем-нибудь крьюйс-топсель?

— О-о, — удивился Мартыныч. — Я вижу, что ты не просто так. Ты знаешь. Нам будет про что говорить. Не надо стоять на палубе, мы пойдем в каюту. И будем беседовать за кружкой крепкого... ну, не рома, конечно, а чая. Я думаю, это будет хорошо.

— Конечно! — радостно согласился Мальчик. — Только я сбегаю за Чипом, а то он обидится.

Некоторые взрослые говорят, что полного счастья не бывает. Это чушь. Спросите Мальчика, и он скажет, что был счастлив полностью в те дни. Утром он сажал в карман Чипа и спешил на баркентину. Без нее он не мог.

Они с Чипом изучили здесь каждый уголок. Чип прыгал по судну и прятался, а Мальчик искал. Это была отличная игра. Чип любил скакать по сухой теплой палубе, Мальчику нравилось забираться во все закоулки. Только подниматься по вантам на высокие марсовые площадки Мартыныч не разрешал.

Иногда Мальчик вставал на спардеке — верхней палубе посреди баркентины — и поднимал голову. Шелестел в канатах южный ветер. Мачты уходили в синеву. И все вокруг было — как музыка.

Потом звал Мальчика Мартыныч. Они сидели в боцманской каютке, пили коричневый чай с батоном и говорили о морской жизни. О плаваниях в Ла-Манше, когда туман дрожит от сотен корабельных сирен. О том, как отходить от пирса под гротом и стакселем в навальный ветер. О знойных штилях у экватора. Старик учил Мальчика вязать морские узлы и заплетать на концах пеньковых тросов тугие шарики — кнопы.

— Мартыныч, а вы были капитаном? — спросил Мальчик.

— Не был... Не пришлось научиться. Парусные баркасы водил вдоль побережья, но это не совсем капитанская наука. Был я, Мальчик, парусным мастером. Боцманом. Корабельным плотником. А когда начинал плавать, был вторым помощником на шхуне «Сирена».

— Помощником капитана?!

Мартыныч засмеялся:

— Помощником кока, Мальчик. Мыл кастрюли, чистил картошку. Это ведь тоже надо. Моряк — не обязательно капитан. Моряк — это кто не может без моря... Ну, ты, я думаю, будешь капитаном.

— А кто будет капитан баркентины, когда ее починят?

Мартыныч поставил кружку и вздохнул:

— Да уж никто. Она свое отходила.

— Как? Совсем?!

— Совсем! С виду она хороша, а внутри все расшаталось.

Это было так неожиданно и грустно. Даже Чип, который сидел у сахарницы, растерянно приоткрыл рот.

— Но тогда зачем?.. — растерянно сказал Мальчик. — Почему же ее хотят ремонтировать?

— А вот почему. Решили ее пристроить для другого дела. Поставят ее у набережной и откроют плавучий ресторан. Говорят, много народу будет ходить, потому что интересно.

Мальчик вскочил, и сахарница опрокинулась, чуть не придавив Чипа.

— Но это же... Так же нельзя! Ведь она же — корабль! А не ресторан.

Мартыныч покачал головой.

— Я знаю. Я говорил, что это не будет хорошо. Корабли должны умирать как корабли. Они это заслужили.

— Вас не послушали?

— Что же делать... — сказал Мартыныч.

Ночью был ветер, и Мальчику приснилось, что баркентина скрипит и жалуется. Она говорила двум сейнерам, которые пришвартовались по соседству:

— Лучше бы я разбилась о камни в том году, когда шторм прижимал меня к норвежскому берегу. Честное слово. Или сгорела бы вместе с танкером «Осака-мару» у Борнхольма. Он ведь был рядом, когда начался пожар. Это все-таки лучше, чем служить танцплощадкой и местом для выпивки. Страшно подумать, что на палубу станут капать соусом и все, кто захочет, будут хвататься за

штурвал липкими от шашлыков руками... Если уж я ни на что не гожусь, разобрали бы по-честному на дрова.

— Зачем же на дрова? — прошептал Мальчик. — Разве нельзя, чтобы ты стояла как стоишь? Те, кто хочет, кто любит парусники, приходили бы к тебе и смотрели бы на мачты, на штурвал, на компас. Ребята играли бы в моряков, а Мартыныч рассказывал бы про дальние плаванья...

Но баркентина не слышала. Она скрипела и тихо жаловалась, а сейнера вежливо кивали короткими мачтами. Им не грозила такая судьба, их ждала Атлантика.

В просветах летучих и темных облаков разгоралась Звезда. Она тоже слышала баркентину, но, видимо, не знала, как помочь.

Мальчик продолжал ходить на баркентину. Теперь он не только любил ее, но и жалел как больного друга. Она казалась живой, и однажды Мальчик признался в этом Мартынычу.

— Ну да, — согласился Мартыныч. — Так бывает. Для хорошего моряка корабль всегда живой.

— Но ведь я еще не моряк.

Мартыныч улыбнулся и промолчал.

Мальчик спросил:

— Говорят, парусников на свете все меньше и меньше остается. Говорят, их скоро совсем не будет. Правда?

Мартыныч умел объяснять коротко.

— Неправда. Когда появились машины, глупые люди говорили, что на свете не останется лошадей. Разве это так? Паруса будут всегда, пока есть на свете три вещи.

— Какие?

— Ты и сам знаешь. Очень просто. Во-первых, море...

— Во-вторых, ветер! А в-третьих?

Мартыныч затянулся сигаретой и серьезно сказал:

— Люди, Мальчик. Такие, как ты.

Однажды они беседовали, сидя на палубе у брашпиля, и тут появился Рудик. Хмуро глянул на Мальчика.

— Слушай, дед, что он все время здесь отирается? Сам знаешь, посторонним на судне делать нечего.

— Какой же он посторонний, — сказал Мартыныч.

— А кто он? Родственник твой, что ли?

— Может быть, родственник. Скажем, внук.

— Ты же говорил, что у тебя никого нет.

Мартыныч усмехнулся:

— С внуками, Рудольф Петрович, всегда так: сначала нет, а потом есть.

Рудик махнул рукой и ушел. На причале его опять ждала девушка.

Мальчик осторожно спросил:

— Мартыныч... А у вас, правда, никого?

— Да. Так вот вышло. На берегу жизнь не получилась. Только и знал я корабли. Это не очень хорошо. Надо, чтобы кто-то ждал на берегу.

«Теперь я буду ждать вас», — хотел сказать Мальчик, но постеснялся. И спросил:

— А когда баркентина... когда ее не будет, вы на какой парусник пойдете, Мартыныч?

— Ни на какой, — просто сказал старик. — Мы с ней кончаем вместе. Пора на пенсию.

— Совсем?

— Совсем. Когда-то надо кончать совсем. Поеду в деревню, где родился. Буду рыбу ловить и сети чинить рыбакам.

— Но ведь там, в деревне... У вас же там нет никого.

— Все равно. Берег там мой.

Зеркальце

— Какой ты кр-ра-сивый, — сказал Чип, когда Мальчик появился на дамбе. И даже приквкнул от удивления.

Мальчик был в бело-голубом костюмчике, который делал его похожим не то на юнгу со сказочного брига «Семь ветров», не то на маленького воздушного гимнаста из цирка.

— Ты просто пр-ре-красно выглядишь, — продолжал Чип, и в голосе его проскальзывала легкая зависть.

Но мальчик с досадой сказал:

— Что тут прекрасного... У взрослых смешная привычка: если у человека день рождения, значит, надо его наряжать, будто куклу. Разве это правильно? В день рождения должно быть весело, а тут ходишь и только смотришь, чтоб не запачкаться, не зацепиться, не порвать... Ну, я не спорил, конечно, чтоб настроение не портить родителям. Все же они для меня старались. И все равно взрослых не перевоспитаешь...

Но тут Мальчик подумал, что долго ведет разговор о себе, а для Чипа не сказал еще хорошего слова. Осто-

рожно, чтобы не коснуться мокрых свай, он сел на корточки перед лягушонком.

— А как твои дела, Чип? Хорошо?

— Хор-рошо. А что такое день рождения?

— Ну... Это такой праздник. У каждого человека. Ну, не обязательно у человека, а хоть у кого. В какой день кто родился, тогда и праздник у него... Вот ты, Чип, когда вылупился из икринки?

— Я не помню, — рассеянно сказал Чип.

Мальчику стало неловко. Ведь он знал, что Чип давно живет один, а родители у него неизвестно куда подевались. Кто же скажет Чипу, когда он появился на свет?

— Это ведь неважно, — бодро сказал Мальчик, чтобы исправить ошибку. — Каждый имеет право выбрать себе день рождения, какой хочет... Вот ты выбери себе день, и тебя будут поздравлять и дарить подарки...

— Кто? — удивился Чип.

— Ну... я буду...

— А если день рождения, обязательно дарят подар-рки?

— Кажется, обязательно... Папа мне подарил толстый «Морской словарь», а мама электрическую железную дорогу. Вот с такими вагончиками. Хочешь, покатаю?

Чип немного помолчал, хитро блестя глазками. И спросил:

— У тебя есть удочка?

— Нет. Зачем? Я не люблю ловить рыбу.

— Ну, тогда просто нитка. Или веревочка. И кр-рючок.

— А зачем?

— Ну, надо, — сказал Чип настойчиво и даже чуть капризно.

Мальчик выбрался на берег, отыскал кусочек медной проволоки и согнул крючок. Потом подобрал на причале обрывок пенькового троса. Трос он расплел, а прядки связал между собой. С такой вот «удочкой» Мальчик и вернулся к Чипу.

Чип лапками ухватил крючок и скакнул в воду.

Его не было минут пять. Мальчик так забеспокоился, что почти забыл про свой «именинный» костюм и хотел уже лечь животом на свай, заглянуть в глубину: Чип, где ты?

Но смеющийся Чип ловко вылетел из воды и крикнул:

— Тащи!

Мальчик потянул «удочку».

Что-то серебристое моталось на крючке. Но не рыбка. Мальчик взял добычу на ладонь. Это было зеркальце.

Квадратное зеркальце, чуть поменьше карманного, аккуратненькое такое и довольно тяжелое. Оно было в металлической рамке с двумя винтами. У винтов были большие медные головки. За одну из них Чип и прицепил крючок.

И теперь он важно объяснил:

— Это от меня под-дар-рок.

Мальчик опять сел на корточках.

— Спасибо, Чип, — сказал он, стараясь догадаться, что же это за штука.

Чип ловко и привычно прыгнул ему на колено.

— Ты не думай, что это зеркальце пр-ростое...

И рассказал вот что.

В начале этого лета к дамбе, прямо вот здесь, пришвартовался рыбацкий траулер «Сан-Риоль». Однажды вечером на палубу поднялся человек, который назывался «штур-рман». Он подошел к борту и стал вертеть в руках сложную штуку. Он то заглядывал в черную трубку, то поворачивал какие-то винты. Чип тогда еще только учился говорить и поэтому запоминал все незнакомые слова особенно старательно. Он запомнил, что сложная штука называется «секстан». Через него моряки зачем-то смотрят на звезды.

«Штур-рман» был недоволен. Он громко разговаривал сам с собой и утверждал, что эта капризная штука называется не «секстан», а «утиль». Но Чипу казалось почему-то, что это неправда.

Потом штурман стал вертеть секстан, уже не заглядывая в трубку. И вдруг с борта полетело и ушло под воду зеркальце. Штурман громко охнул. Поднялся переполох, сбегались моряки. Шум был большой, а слова такие, что Чип не мог ни понять, ни запомнить. Два человека сняли штаны и рубахи и стали нырять, но зеркальца не нашли. Оно попало в щель между сваями.

Чип не решился сказать людям, где зеркальце. Он разговаривал тогда неважно и очень стеснялся. Через день траулер ушел, и Чип остался владельцем сокровища.

Конечно, это было для Чипа сокровище. Ведь он уже тогда мечтал о путешествиях. Он знал, что рыбацкие суда плавают по всем океанам и, значит, в зеркальце секстана отражалась масса приключений, дальних берегов и незнакомых звезд. В том числе и знаменитый Южный Крест.

Иногда Чип садился перед щелью, где застряло зеркаль-

це, и шепотом просил: «Расскажи». И казалось, что оно рассказывает. О пронзительно-синих глубинах дальних морей, где спят жемчужные раковины и затонувшие корабли, об удивительных рыбах, похожих на птиц, и громадных морских черепахах, о берегах, где шелестят пальмы и греются на солнце львы. Наверно, это просто казалось. Но было Чипу хорошо.

А сейчас он подарил зеркальце Мальчику. Надо же было что-то подарить! А, кроме зеркальца, у Чипа ничего не было.

— Милый мой, дорогой, хороший Чип, — шепотом сказал Мальчик. — Это самый-самый чудесный подарок...

Сами понимаете, Мальчик тут же заглянул в зеркальце. Оно и вправду было не простым. Будто свет далеких звезд покрыл его невидимой волшебной пленкой. Небо отражалось в нем удивительно чистой и звонкой синевой, желтые кувшинки сверкали, как брызги салюта, а солнце сияло в два раза сильнее, хотя, казалось бы, ярче было некуда.

А когда Мальчик увидел в зеркальце баркентину, ему почудилось на секунду, что с реев фок-мачты падают, распускаясь, и наливаются ветром легкие снежные паруса.

Только на секунду. Но секунда мелькнула, а радость не прошла. И Мальчик весело сказал:

— Чип, бежим к Мартынычу! Что нам здесь сидеть. Прыгай сюда! — И он оттянул нагрудный кармашек.

— Я же мок-р-рый, — засомневался Чип. — А карман новый.

— Ну что за чепуха! Прыгай.

Чип катапультировал с колена вверх, перевернулся и головой вперед нырнул в карман — голубой, с белыми полосками и серебристым вышитым якорем. В другой такой же карман Мальчик положил зеркальце. Потом он спросил у Чипа:

— Ну как?

— Здесь уд-дивительно пр-риятно, — сказал из кармашка Чип.

— У него сегодня день рожденья! — сообщил Чип Мартынычу, едва Мальчик поднялся на палубу.

— Ну? — удивился Мартыныч. — Вот я и смотрю, что Мальчик похож на именинника. Прямо капитан. Столько якорей и полосок, что хоть сейчас на вахту.

— Да ну, Мартыныч, не смейтесь, — сказал Мальчик.

— Я только чуть-чуть смеюсь. А насчет вахты — прав-

да. Я хочу купить сигарет. Можешь здесь побыть, пока я схожу в магазин?

— Конечно! А что надо делать?

— Ничего. Играй. Если кто-нибудь спросит, скажи, что сейчас приду.

Мартыныч хитрил. В каюте у него лежала почти полная пачка сигарет «Рига». А пошел он, чтобы купить какой-нибудь подарок Мальчику...

Баркентина, как всегда, блестела удивительно чистым деревом и желтым лаком. Здесь можно было не бояться испачкаться, хоть катайся кубарем по всем палубам и трапам.

— Играем в пр-ряталки! — крикнул Чип и длинными прыжками помчался вдоль палубы. Играть с ним было непросто. Он забирался в такие щели, что и с фонарем не разыщешь.

Но сейчас Мальчик заметил, куда ускакал Чип. Лягушонок спрятался за стойку трапа, ведущего на спардек.

Мальчик подбежал, встал на колени и заглянул под нижнюю ступеньку.

— Вот ты где! Вылезай!

— Это неспр-раведливо! — завозмущался Чип. — Ты не сосчитал до пяти и ср-разу бр-росился!

— Нет, справедливо! Если я буду считать, ты ускачешь за тридевять земель!

— Нет, не за тр-ридевять... — Чип мелко и часто задышал. Это означало, что он обиделся.

И в этот миг Мальчик заметил краешком глаза чью-то тень. Она упала рядом с ним на солнечную палубу. Кто-то стоял над Мальчиком, и это был не Мартыныч: старик не мог подойти так бесшумно.

— Чип, в карман, — скомандовал Мальчик тихо, но так строго, что лягушонок в тот же миг прыгнул из укрытия в отвисший карман рубашки.

Лишь тогда мальчик оглянулся. И увидел Рудика.

— Где старик? — хмуро поинтересовался Рудик.

— Пошел за сигаретами.

— Он что, спятил? Оставил судно без присмотра!

— Мартыныч меня попросил здесь побыть, — заступился Мальчик. — Он же только на пять минут...

— Что старый, что малый — ума одинаково, — совсем разозлился Рудик. — Ну ладно, мы поговорим с ним.

Мальчик обиделся. Сильно. Не за себя, конечно, а за Мартыныча. Он сел на ступеньку трапа и снизу вверх бесстрашно посмотрел на Рудика.

— Между прочим, — отчетливо сказал он, — сейчас не Мартыныча вахта. Так что неизвестно еще, кто спятил.

Рудик поморгал растерянно, пожевал губами и наконец спросил:

— Слушай, а ты не думаешь, что за такие слова я могу треснуть тебя по шее?

— Можешь. Это ведь безопасно. Я сдачи дать не сумею.

Рудик отступил на шаг и взглянул на неожиданного спорщика с интересом.

— Слушай, а почему ты, между прочим, говоришь мне «ты»?

— А как надо? «Вы»? — язвительно спросил Мальчик.

— А почему бы и нет? Я, кажется, старше тебя.

— Мартыныч тебя тоже старше, а ты с ним как разговариваешь?

— Ну, вот что. Выметайся на берег и больше не суйся на судно.

Мальчик встал. Не обернувшись даже, он легко прыгнул вверх, на две ступеньки трапа, и взбежал на спардек.

Оттуда, с высоты двух метров, он совсем уже безбоязненно ответил:

— Зря распоряжаешься. Я не к тебе прихожу, а к Мартынычу.

— Больше не будешь приходить, — сказал Рудик, измеряя взглядом высоту трапа.

— Буду! — весело и отчаянно сказал Мальчик.

— Не будешь, — сказал Рудик. — Все равно завтра это корыто в док уволочут.

— Завтра? — спросил Мальчик растерянно. — Уже?

Он знал, что это будет, но не верил, что так скоро.

Значит, опустеет причал.

Уедет Мартыныч.

Останутся они вдвоем с Чипом. И будет им не очень-то весело. И все же не это главное. Главное — сама баркентина.

— Значит, сделают из нее ресторан? — тихо спросил Мальчик.

— Само собой. Подлатают, покрасят, поставят у Большого моста. Вывеску повесят. Добро пожаловать, дорогие посетители. Заходите на кружечку пива.

Мальчик прищурился.

— А ты и рад.

— А что мне плакать? всю жизнь я, что ли, должен караулить эту посудину? — Рудик смотрел уже не сердито, а с усмешкой. А в Мальчике закипела злая досада.

— Я не про то, — сказал он. — Караулить, конечно, плохо. Но ты... Она же как живая, а ты радуешься, что ее убьют.

— Ах, какие нежности! Живая! Убьют! По-твоему, лучше, если ее пустят на дрова?

— Лучше! — с отчаянной убежденностью сказал Мальчик. — В сто миллионов раз лучше! Ты просто не понимаешь! Ты не понимаешь ни-че-го!

— Умник! — опять разозлился Рудик. — Философ...

Вообще-то в слове «философ» не было ничего обидного, но каким голосом он это сказал! Будто о букашке какой-нибудь. И словно гребнем волны Мальчика хлестнула короткая злоба.

— А ты... — со звоном сказал он. — Ты трус!

Рудик откачнулся, словно для того, чтобы взять разбег по трапу. Но не сделал ни шагу.

— Интересно... почему я трус?

— Потому что ты ее боишься. — Мальчик повел рукой над баркентинной. — Я теперь знаю: ты ее ненавидишь, потому что боишься. Ты знаешь, что не справился бы с ней. Ты никогда не смог бы командовать ею в море! Там паруса и ветер! А ты... Ты же не отличишь бом-кливер от апселя! Какой ты капитан!..

Рудик прыгнул вверх по трапу. Мальчик пронесся через спардек, слыша за собой тяжелый топот, слетел вниз по второму трапу, промчался между фальшбортом и рубкой на корму. Рудик не отставал. Мальчик прыгнул на планшир, а с него — на ванты бизань-мачты.

— Не смей! — крикнул Рудик. Мальчик не ответил. Мартыныч не разрешал подниматься на ванты, но теперь было все равно. Легко, почти бегом начал Мальчик взбираться по зыбким перекладкам. Ванты тяжело заколебались: Рудик лез по пятам.

Только один раз Мальчик посмотрел вниз. Он не опался, что Рудик его догонит. Потом он, не слушая криков Рудика, смотрел все время вверх, на полукруглую площадку крьюс-марса, которая становилась все ближе.

Стучало сердце. Но не от страха. Мальчик не боялся высоты. Не боялся он и ветра, который все нарастал и обтекал его ровным шумящим потоком (рукава у локтей и широкий белый воротник трепетали как флажки).

И вот марсовая площадка оказалась над головой. В квадратном вырезе ярко синело небо. Изловчившись, Мальчик ухватился за край, подтянулся и выбрался на марс.

Ух, какой огромный был мир! И небо, и облака, похожие на тугие паруса. Отсюда, с двадцатиметровой высоты, река вовсе не казалась широкой, зато совсем близко, за игрушечными крышами, башнями и колокольнями серебристо-синей стеной вставало совершенно бескрайнее море.

— Чип, смотри, — торопливо сказал Мальчик и высадил малыша на ладонь.

Чип затих.

— Тебе страшно? — спросил Мальчик.

Чип шепотом сказал:

— Мне ни капельки не страшно. Просто я не мог представить...

Из квадратного отверстия показалась голова Рудика. Лоб его был мокрым, волосы спутались.

— Слушай, спускайся давай, — миролюбиво попросил он. — А то нам обоим попадет.

— Чип, в карман.

Мальчик не взглянул на Рудика и скользнул в люк на другом краю площадки.

Теперь они спускались по разным вантам: Рудик старым путем, а Мальчик — к другому борту. Чем ниже, тем злее делался Рудик.

— Акробат недорезанный! — ругался он. — Башку свернешь, а мне отвечать, да?

— Сам не сверни, — откликнулся Мальчик.

Рудик с трех метров прыгнул на палубу и кинулся к другому борту, чтобы сцапать мальчишку.

Но Мальчик увернулся.

— Душу выну, — сказал Рудик. Мальчик убежал на нос и прыгнул на гладкое наклонное бревно бушприта.

Бушприт был толстый, не обхватишь, и под ним натянута была предохранительная сеть. Но все-таки Мальчик думал, что Рудик сюда не пойдет, и можно будет дожидаться Мартыныча.

Рудик пошел.

Мальчик, покачиваясь, побежал вперед. Бежал, пока под ногами не оказался нок бушприта — узкий, выкрашенный белым конец. Мальчик взялся за штаг — стальной трос, идущий к верхушке мачты, — и повернулся к Рудику лицом. Тот подходил осторожно и все-таки неотвратимо.

— Ну, все, — с удовольствием произнес он, когда был в трех шагах.

И тут, взявшись передними лапками за край кармашка, высунулся Чип.

— Убир-райся! — потребовал он. — Пр-рочь!

Рудик никогда не видел говорящих лягушат. Понятно, что он вздрогнул. А когда идешь по бушприту, вздрагивать не надо. Нога у него скользнула с гладкого ствола, Рудик замахал руками и полетел в сеть. Он даже зарычал, стараясь выбраться к форштевню и опередить мальчишку.

Но Мальчик не спешил на палубу. Ему надоела эта пустая игра. Злой задор его угас. Надо было уходить. Не убежать, не спастись, а уйти, чтобы навсегда остаться победителем.

До воды было метров пять или шесть, но сейчас эта высота казалась нестрашной по сравнению с высотой марсовой площадки. Мальчик щекой коснулся стального штага: прощай, баркентина. Потом ладошкой прикрыл карман с Чипом и прыгнул солдатиком.

— Жив? — спросил Мальчик у Чипа, когда выбрались на дамбу.

— Вот это приключение! — затараторил Чип. От возбуждения он рассыпал свои «р-р» как горох по палубе. — Я думал, мы угр-робимся! Вот это тр-рюк! А как я его пер-репугал! Как он тр-рахнулся!

— Чип, а как ты узнал, что Рудик нас догоняет?

Чип немного смутился.

— Я смотр-рел. Я в кармане проковырял дыр-рочку. Кр-рошечную. Ты не сердисься?

— Не сержусь... Чип, я побегу домой. Надо высушить и выгладить одежду, пока не пришли мама с папой. Ведь что будет, если я им в таком виде покажусь...

— Стр-рах подумать, — согласился Чип.

— Они хотели купить сегодня торт к чаю. Все-таки день рожденья... Слушай, Чип... Я бы тебя пригласил, но ведь поднимется такой переполох. Да ты и не ешь торт.

— Я питаюсь комар-рами, — гордо сказал Чип.

Вечер оказался невеселым. Давно уже Мальчик высушил и выгладил свою праздничную одежду, а мама с папой все не приходили. Мальчик не знал, что они во всех магазинах ищут самый лучший торт, и ему было грустно.

И стало бы совсем плохо, если бы не подарок Чипа. Мальчик взял в ладони зеркальце. То зеркальце, в котором отражались когда-то южные звезды и айсберги, ураганные волны и стаи летучих рыб. Оно будто согревало ладони и нашептывало сказки.

Мальчик сел на подоконник. Сейчас в зеркальце отражалась улица. Булыжная мостовая с травинками среди камней, старые дома с высокими крышами, маленькая девочка со скакалкой и тополя с последними отблесками солнца на верхушках.

Над тополями поднимались мачты баркентины.

Завтра этих мачт уже не будет. Баркентину уведут в док, отремонтируют, а потом... Потом она уже не будет кораблем. Запах жареных котлет вытеснит из всех закоулков запахи моря и просмоленных канатов.

Ну чем он мог ей помочь?

Солнце совсем ушло, только на маленькой тучке, легкой и белой, задержался его последний свет. Пониже тучки разгоралась Звезда. Та самая.

Посмотришь на улицу — Звезда чуть видна. Посмотришь в зеркальце — она там яркая-яркая. Видно, зеркальце и в самом деле «не пр-ростое».

От того, что было невесело, Мальчик вспомнил считалку. Она ведь помогала в трудные минуты. Нет, он ничего особенного не хотел, просто так он начал говорить эти слова:

Тучка — светлый парашют.
Очень я тебя прошу:
Прогони мою беду,
Позови мою Звезду.
Пусть она, как яркий лазер,
Луч пошлет...

В этот миг показалось ему, что Звезда стала еще ярче и разбросала по сторонам тонкие, как струны, лучи. Будто даже один луч ударился в зеркальце и со стеклянным звоном ушел в сторону. Но это уж точно показалось. Наверно, из-за того, что в коридоре весело затарахтел звонок. Пришли родители.

Торт, который они принесли, был размером почти со штурвал. Его украшал кремовый корабль с пушками, флагами и пузатыми парусами. А по краям торта мама воткнула одиннадцать тонких свечек.

Электричество не включали, и когда свечи зажглись, на стены лег розовый свет.

— Дуй, — сказал папа. — Если погасишь все разом, сбудется любое желание.

Мальчик зажмурился и дунул.

Никто не знает, о чем он думал в тот миг. О баркентине или о том, что хочет стать капитаном, или еще о чем-то.

Он никому про это не говорил.

Свечки погасли сразу.

Но когда Мальчик открыл глаза, розовый свет все равно дрожал на стенах.

Мальчик вздрогнул и повернулся к окну. Над тополями стояло зарево.

— Баркентина!

Мальчик толкнул плечом раму и прыгнул на улицу.

Баркентина горела. Бизань-мачта и грот-мачта рухнули в реку. С фок-мачты падали горящие реи. Пылали надстройки. Вдоль причала метался пожарный катер, захлестывая баркентину длинными шипучими струями. Но огонь упрямо перебирался на фальшборт.

Мальчик с разбегу врезался в толпу и увидел Рудика и Мартыныча. Рудик доказывал:

— Что вы, граждане, какие окурки? Какая печка? Никто не виноват! Она загорелась сверху! Вон ребята с сейнера могут подтвердить!

Мартыныч молчал.

Мальчик подошел и взял его за руку.

— Долго я живу, а такого не видел, — тихо сказал Мартыныч. — Сначала вспыхнул бом-брам-рей на фок-мачте. Потом крьюйс- и грот-стеньги. А потом огонь побежал по мачтам вниз.

В толпе говорили:

— Так от молнии загораются деревья. С верхушки и разом.

— Что вы, гражданин! Какая молния в такую погоду?

— В том-то и дело.

И никто-никто не мог подумать, что из дальней дали жгучая Звезда послала на Землю луч, чтобы спасти свою сестру.

Только Мальчик думал об этом. Но и он точно не знал, так это или нет...

Катер зашел с кормы и начал поливать надстройки на юте. И тут же, как спичка, вспыхнул бушприт...

**Последняя глава,
в которой ничего не кончается**

Потом наступила осень.

Буксир увел обгоревший корпус баркентины.

Остался торчать на причале столб с оборванными проводами — тот, что поставил когда-то Рудик. Рыбаки с траулера «Вихрь» подняли со дна и положили к столбу якорь баркентины, который сорвался во время пожара.

Мальчик синим карандашом написал на столбе название.

Мартыныч уехал в деревню. На прощанье он сказал Мальчику:

— Не успел я найти тебе подарок. Но найду еще. Это точно.

Рудик поступил помощником на танкер.

Задувал норд-вест и приносил пасмурные облака. Трава на причале прижималась к земле, а река делалась серой.

Мальчик продолжал ходить на дамбу. Он был теперь в школьной форме, такой же серой, как вода и небо.

Чип вылезал из воды озябший и невеселый.

Однажды он сказал:

— Все. Пора устраиваться до весны. Ох, как скучно спать всю зиму. Хоть бы сны были интереснее.

Мальчик молчал. Что он мог сказать?

— Весной обязательно приходи, — сказал Чип.

— Конечно!

— Ну, пр-рошай...

«Почему только в сказках бывают чудеса? — думал Мальчик. — Только в сказках лягушки превращаются в принцесс и принцев? Вот если бы по правде так!»

И не надо никакого принца. Пусть бы превратился Чип в обыкновенного мальчишку. Ведь у него и характер мальчишечий, и кровь горячая, и мысли человеческие.

Один раз Мальчику даже приснилось такое чудо. Чип с размаху выпрыгнул из воды на дамбу и вдруг вспыхнул, будто кучка зеленого пороха. А из облачка белого дыма появился босоногий худенький мальчишка с капельками в волосах и желтым лепестком кувшинки, прилипшим к щеке. В ярко-зеленых шортиках и рубашке салатного цвета. У него было круглое лицо с большим веселым ртом и темные озорные глаза.

— Пр-равда, я похож? — спросил он знакомым голо-

сом и засмеялся. На подбородке у него дрожала маленькая капля.

И так все было отчетливо — эта капля, длинная нитка водоросли, прицепившаяся к пуговице рубашки, и солнечные точки в глазах Чипа, что Мальчик и подумать не мог, будто это сон.

А когда проснулся, чуть не заплакал от досады. И тут же решил: надо что-то делать.

Но что? Так просто это не придумаешь.

Нужна была помощь.

И пока Чип в своей «квартире» смотрел сны про коралловые острова и пальмы, Мальчик писал письма.

Он написал в Академию наук доктору Великанову, потом знакомому путешественнику-биологу Дворкину, который однажды выступал у них в пионерском лагере, и знаменитым писателям-фантастам братьям Саргацким.

И во всех письмах Мальчик спрашивал: нельзя ли маленького, но смелого и умного лягушонка (к тому же говорящего) превратить в обыкновенного мальчишку.

Биолог Дворкин ответил, что никогда о таких вещах не слышал. Из Академии наук пришел солидный пакет с большими печатями. Секретарь доктора Великанова сообщил, что интересующая Мальчика проблема сейчас как раз усиленно изучается, и вопрос, возможно, будет решен в первом квартале будущего года.

Братья Саргацкие прислали подробное письмо. Они утверждали, что задача не такая уж сложная. «В конце концов, — говорилось в их ответе, — встречаются ведь иногда существа, очень похожие на настоящих людей, а на самом деле они — большие глупые лягушки с холодной кровью. Кто-то их превратил. Почему же нельзя превратить в мальчика лягушонка, у которого смелое мальчишечье сердце? Нужно только знать соответствующее заклинание и вычислить вектор М-поля по формуле профессора Эжена дю Плодока».

Заклинание Мальчик знал. Это была все та же звездная считалка. А вектор он собирался вычислить в математическом кружке, в который специально записался.

Оставалось только дожидаться весны, когда проснется Чип.

Но в декабре случилось Неожиданное Событие.

Декабрь был снежный и теплый. Река не замерзла. Лишь изредка черная зимняя вода покрывалась игольчатым ледком, но его быстро ломали большие корабли.

Белые мохнатые шапки лежали на головах каменных львов, охранявших старую крепость, на подстриженных кустах и причальных тумбах. А на тротуарах там и тут попадались под ногами еловые веточки. Это означало, что скоро Новый Год.

В один из таких дней Мальчик вернулся из школы и нашел в ящике для газет почтовое извещение. Вот какой там был адрес:

*Южная улица, дом 7, квартира 3,
Мальчику, Который Знает Все Паруса.*

Мальчик бросил в угол портфель и побежал на почту. Разумеется, он волновался. Никогда он не получал таких важных почтовых извещений. Даже обычные письма ему приходили всего два раза: писала их дезочка, с которой он подружился в пионерском лагере. Два раза написала, а потом перестала.

На почте пахло сургучом и мандаринами. Строгая женщина в блестящих очках взяла у Мальчика извещение и долго его рассматривала.

— Странно, — произнесла она. — Почему здесь нет имени?

— Я не знаю, — обеспокоенно сказал Мальчик. — Но эта посылка именно мне. Честное слово!

— Сомнительно, — сухо возразила женщина. — Мало ли мальчиков увлекаются парусами.

— Одно дело увлекаться, а другое дело — знать, — сказал Мальчик слегка обиженно. — Не каждый ведь знает, что такое летучий кливвер, крьюйс-брамсель или грот-брамсель-стаксель...

Но тут же он испугался, что его сочтут хвастуном, и добавил почти виновато:

— А кроме того, в нашем доме, кроме меня, все равно нет никаких мальчиков.

— Тогда другое дело, — сказала женщина. — Распишись вот здесь.

А потом она дала Мальчику ящичек, обшитый серой парусиной.

В ящичке что-то постукивало. Словно кто-то маленький и живой хотел выбраться на волю, но не решался поднять большой шум.

Мальчик шагал домой по набережной. Он шел быстро, но еще быстрее выростало его любопытство. И он не выдержал. Смахнул с причальной тумбы снеговую шапку, сел и стал разламывать ногтями сургучные печати.

Потом вспомнил про ножик.

Этот ножик ему подарила та самая девочка, которая потом писала письма. Острым лезвием распорол Мальчик материю и оторвал фанерную крышку.

В ящике было что-то непонятное, завернутое в газету. А сверху лежало письмо...

Из переулков и густых скверов уже ползли к реке сизые сумерки, но здесь, на берегу, светил фонарь. Мальчик разорвал конверт и развернул лист. Письмо было от Мартыныча. Крупными аккуратными буквами старик писал про свою нынешнюю нехитрую жизнь. Писал, что живет в деревне, где над острыми крышами поднимается, как синие свечки, теплый дым, а во дворах спят под снежными шубами перевернутые рыбацьи баркасы. Рассказывал, что мастерит соседским ребятишкам ветряные мельницы и кораблики.

«...А самый лучший кораблик я сделал для тебя, Мальчик. Паруса я смастерил из тонкой блестящей жести. Мне принесли ее ребята, они делали из этой жести красивые фонарики и цепи для школьной елки. А корпус я выстругал из куска шпангоута нашей баркентины. Ты ее помнишь?..»

Пошел снег. Маленькие быстрые хлопья. Их тени пролетали по письму. Мальчик читал:

«Ты обрадуешь старика, если напишешь хотя бы маленькое письмо. Но, может быть, ты и не напишешь. Я не сержусь. Ведь у мальчиков так много дел, что бывает совсем не до писем. Главное то, что ты есть на свете. Я вспоминаю тебя, и мне хорошо. Живи, смейся и никогда ничего не бойся...»

Мальчик вынул сверток и сорвал газету.

Кораблик был — как сказка. Крутобокий, легкий, с узорами на высокой коричневой корме, с выпуклыми сверкающими парусами. Он оказался размером с голубя и был похож на птицу.

В общем-то все парусники похожи на птиц. Но этот был как настоящая живая птица, севшая Мальчику на ладонь.

— Здравствуй, — шепотом сказал ему Мальчик.

...Ящик и обрывки газеты он закинул в сугроб, письмо спрятал за пазуху, а кораблик так и понес в ладонях.

Через несколько шагов Мальчик спохватился, что оставил на тумбе ножик, и вернулся. Глядя на ножик, он вспомнил про девочку. И вдруг понял, что она не виновата. Он же сам виноват! Он ведь не написал ей, что пере-

ехал, и она не знает адреса. И Мальчик решил, что обязательно напишет ей.

«Но сначала, — сказал он себе, — я напишу Мартынычу».

Мальчик шел по набережной, все дальше уходя от одинокого фонаря. У него слегка озябли пальцы, но он крепко и бережно держал у груди кораблик.

Над берегом поднимались мачты. Там, где раньше стояла баркентина, теперь зимовали большой барк «Лисянский» и трехмачтовая шхуна «Секунда». Рядом с ними приткнулись к пирсу два рыбацких сейнера.

На мачтах и мостиках зажигались огни. Засветились иллюминаторы. Свет золотыми змейками побежал по черной воде.

Снег падал на палубы...

1970 г.

В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА

Повести

Далекие горнисты

Это просто сон. Я расскажу его точно, как видел. Ни до этого раза, ни потом не снились мне такие подробные и яркие сны. Все помню так отчетливо. Помню, как трогал старые перила в лунном доме и рука ощущала теплое дерево: волнистые прожилки и крепкие затылочки сучков, отшлифованных многими ладонями. Помню, как пружинили доски деревянного тротуара, когда на них качался Братик. Помню, какой большой и выпуклой была тогда луна...

Я видел, что мне одиннадцать лет и я приехал на каникулы к дяде в Северо-Подольск. Не знаю, есть ли на свете такой город. Если и есть, то не тот и не такой. А дядя и вправду есть, но живет он в Тюмени. Впрочем, это неважно, в рассказе он все равно не участвует.

Сон мой начинался так: будто я проснулся в дядином

доме, в пустой деревянной комнате, звонкой, как внутренность гитары. И понял, что пришло хорошее утро.

Утро и в самом деле было славное. Весело ссорились воробьи, и чирикание их громко отдавалось в комнате. Часто вскрикивали автомобили. В большом городе такого не услышишь.

Я и раньше знал, что дядин дом стоит у крепостного холма, но не думал, что так близко. Окно смотрело прямо в заросший откос. Он был щедро усыпан цветами одуванчиков. Неба я не видел, но одуванчики горели так ярко, что было ясно: солнце светит всюю.

Я машинально потянулся за одеждой. На спинке скрипучего стула оказались старенькие синие шорты и клетчатая рубашка. Я таких у себя не помнил, но было все равно. Оделся. Заметил, что рубашка чуть маловата и одна пуговица болтается на длинной нитке.

Потом я распахнул окно. Зеленый с желтой россыпью откос как бы качнулся мне навстречу. Я встал на подоконник и прыгнул в утро, полное травы и солнца.

Я стал подниматься по холму к развалинам белых башен. Солнце сразу взялось за меня. Даже сквозь рубашку я чувствовал его горячие ладони. Старенькие кеды скользили по траве, и я немного устал. Вытянул руки и лег лицом в желтые одуванчики. Они были мягкие и пушистые. Вы замечали, что у них даже запах какой-то пушистый? Запах летнего утра. Пахло еще травой и землей, но этот пушистый запах был сильнее.

Лежал я недолго. Солнце слишком припекало спину, я вскочил и одним броском добрался до остатков крепости. Только снизу они казались белыми. Здесь камень был светло-серый, с рыжими подпалинами какого-то лишайника.

Стены почти все были разрушены. Уцелевшими выглядели только две остроконечные шатровые башни. Совсем такие, как рисуют в книжках с русскими сказками. А еще на холме был высокий собор с заколоченным крест-накрест входом, полуразрушенная часовенка и низкий каменный дом. Тоже пустой.

И тихо-тихо. Ни кузнечиков, ни воробьев.

Я оглянулся на город. Увидел коричневое железо крыш, темную зелень тополей, электричку, бегущую по желтой насыпи, два подъемных крана... Там все было так, как

нужно. А здесь было не так. Я оказался как бы на острове.

У разрушенной стены валялась чугунная пушка с выпуклым двуглавым орлом на черной спине. Чугун был теплый и шероховатый, весь в оспинках. Я поглядел на уснувшую пушку, перелез через камни и вошел в густую траву. Хорошо помню это ласковое ощущение детства: идешь по высокой траве, раздвигаешь ее коленками, и метелки травы мягко щекочут кожу.

Мне хотелось найти старинную монету или обломок меча, но кругом были трава и камни. Тогда я пошел к башне. Низко, за травой, темнел полукруглый вход.

Я сделал несколько шагов — пять или шесть — и ничего не случилось, но, как мягкий толчок, меня остановило предчувствие тайны. Тайны или приключения. Так бывает и во сне, и наяву: возникает ожидание чего-то необычного. Во сне это чувствуешь резче.

Я остановился и стал ждать. И тут появились эти двое.

Впрочем, не было в них ничего странного. Просто двое мальчишек. Пригнувшись, они вынырнули из похожего на туннель входа и пошли мне навстречу.

Одному было лет одиннадцать, как мне, другому поменьше — наверное, лет восемь.

Старшего я не сумею описать точно. Знаю только, что он был темноглазый, тонкоплечий, с темной, косо срезанной челкой. Черты лица почти забылись, но выражение, сосредоточенное и сдержанно-грустное, я помню очень хорошо. И запомнилась еще такая мелочь: пуговицы на темной его рубашке шли наискосок, словно через плечо была переброшена тонкая блестящая цепочка.

Потом, когда мы узнали друг друга, я называл его по имени. Имя было короткое и звучное. Я забыл его и не могу придумать теперь ничего похожего. Я буду называть его Валеркой: он похож на одного знакомого Валерку. Но это потом. А сначала он был для меня просто Мальчик, немного непонятный и печальный.

Младшего я помню лучше. Это странно, потому что он был все время как-то позади, за старшим братом. И не о нем в общем-то главная речь. Но я запомнил его до мелочей. Ясноглазый такой, с отросшим светлым чубчиком, который на лбу распадался на отдельные прядки. Он был в сильно выцветших вельветовых штанишках с оттопыренными карманами и в светло-зеленой, в мелкую клетку, рубашке. Помятая рубашка смешно разъехалась на животе, и, как василек, голубел клочок майки.

У него были темные от вьезшейся пыли коленки и стоптанные сандалии. На левой сандалиии спереди разошелся шов: получилась щель, похожая на полуоткрытый рыбий рот. Из этого «рта» забавно торчала сухая травинка.

На переносице у малыша сидели две или три крапинки-веснушки, а на подбородке темнела длинная царапина. Она была уже старая, распавшаяся на коричневые точки.

Верхняя губа у него была все время чуть приподнята. Казалось, что малыш хочет что-то спросить и не решается.

Конечно, разглядел я все это позже. А пока мы сходились в шелестящей высокой траве, молча и выжидательно посматривая друг на друга. Я опять ощутил оторванность от мира. Будто я не в середине города, а в незнакомом пустом поле, и навстречу идут люди неведомой страны. Почти сразу это прошло, но ожидание таинственных событий осталось.

Вдали протяжно затрубил тепловоз. Оба они обернулись. Младший быстро и порывисто, старший как-то нехотя.

— Ничего там нет, — громко сказал Мальчик.

Я подумал, что они говорят про башню, где недавно были. Видимо, это были «исследователи» вроде меня.

— Что вы ищете? — спросил я.

— Следы, — сказал Мальчик.

Малыш встал на цыпочки и что-то зашептал ему в ухо. Мальчик улыбнулся чуть-чуть и молча взъерошил малышу затылок. Тот смущенно вздохнул и смешно сморщил переносицу. «Братик», — подумал я. И с той минуты всегда звал его про себя Братиком. Может быть, это звучит сентиментально, однако другого имени я ему не найду. Был у Мальчика не просто младший братишка, а именно братик — ласковый и преданный.

Но вернемся к разговору. Мальчик сказал про следы.

— Чьи следы?

— Времени, — спокойно ответил он.

— Ничего нет, — понимающе сказал я. — Никаких монет, никакого ржавого обрывочка кольчуги не найдешь. Только пушка. Но ее не утащишь для коллекции.

— Пушка — это не то, — сказал он рассеянно. И спросил, как бы спохватившись: — А камней с буквами не видел?

— Нет.

— Значит, никто не знает, где мы, — сказал он почти

шепотом и опустил голову. — Иначе они вырубili бы на камнях какой-нибудь знак. Такой, что не стерся бы... Хотя бы одно слово.

— Твои знакомые? Туристы? — спросил я с разочарованием, потому что только туристы пишут на старинных камнях.

— Нет, — с короткой усмешкой ответил он. — Тогда туристов не было.

«Когда?» — хотел спросить я, но что-то помешало. Не страх и не смущение, а какая-то догадка. И потом, когда он все рассказал, я не удивился и поверил сразу.

Мы стояли по колено в траве, и на ее верхушках лежала между нами тень жестяного флага-флюгера башни. Я шагнул, разорвал тень коленями и встал рядом с Мальчиком.

— Пойдем, — не то сказал, не то спросил он, и мы пошли рядом, словно сговорившись, что у нас одна дорога.

Из травы мы выбрались на каменистый пятак. Там сидел и шурился рыжий котенок. Он увидел нас и разинул маленький розовый рот: или зевнул, или сипло мяукнул.

— Ой!.. — радостно сказал Братик. Шагнул было к котенку, но раздумал и стал шевелить пальцами в разорванной сандали. Торчащая соломинка задергалась. Котенок припал к камню и задрожал от азарта.

Потом он прыгнул на сандалию.

— Пф, — сказал Братик и легонько топнул. Ух, какой свечкой взвился рыжий охотник! А потом вздыбил спину и боком, боком, боком на прямых ногах ринулся прыжками в травяные джунгли.

— Ой! — уже встревоженно воскликнул Братик. И помчался следом. И мы тоже.

Котенка мы не нашли, но было так здорово бежать по траве под горячим солнцем! Мы промчались через весь холм и остановились у противоположного откоса. Глинистая крутая тропинка сбегала среди одуванчиков к городу. Братик раскинул руки и помчался, поднимая подошвами дымки рыжей пыли. Мальчик молниеносно и как-то встревоженно бросился за ним. И я помчался!

Цветы одуванчиков сливались в желтые полосы. Синий воздух шумно рвался у щек, свистел в ногах. Город летел ко мне, и я летел к нему навстречу.

Впрочем, внизу я полетел по-настоящему — запнулся за кирпич. Левое колено попало на щебень. Еще не открывая глаз, я знал, что кожа содрана до крови. Тоже

ощущение детства, хотя и не очень ласковое. Конечно, хотелось зареветь, но пришлось сдержаться. Я открыл глаза.

Мальчик лежал рядом. Ничком. Над ним встревожено склонился Братик. Резкий страх поднял меня на ноги. Я тряхнул Мальчика за плечо.

— Что с тобой?

Он приподнял голову и посмотрел так, словно хотел увидеть не меня, не эту улицу, а что-то совсем другое.

— Ничего, — устало сказал он и встал. — Все то же.

Я занялся своей раной. На колене багровел кровоподтек. Из длинных черных царапин щедро выкатывались алые горошинки крови.

— Приложи подорожник, и все пройдет, — негромко, со знанием дела посоветовал Братик. Я кивнул и, хромя, отправился искать подорожник. И не знаю, как оказался в незнакомом переулке. Темнели с двух сторон массивные старинные ворота, лежала тень, и сами по себе скрипели деревянные тротуары.

Стало грустно, что вдруг потерялись новые друзья. Чувствовал я, что встреча была не случайной.

Я стал искать. Менялись улицы, наклонялись навстречу дома. Пружинили под ногами тротуары, и качались травы. Солнце уходило за купол старинного крепостного собора.

Наконец я увидел Мальчика и Братика. Они стояли у массивных ворот бревенчатого дома. Дом был похож на деревянную крепость.

Мальчик стоял, прислонившись к столбу калитки, а Братик лениво качался на прогнувшейся доске тротуара.

— Куда вы исчезли? — обрадованно сказал я. — Бегаю, ищу...

— Никуда, — равнодушно сказал Мальчик.

— Пойдем наверх.

— Нет.

— Почему?

— Не знаю.

— Ну... разве здесь лучше?

— Не знаю... — опять сказал он. — Не пойму. Здесь все какое-то ненастоящее. Будто все только кажется. — Он пошатал доску забора, словно проверял: может быть, и она не настоящая.

Я не удивился, только стало обидно.

— А я? — спросил я с неожиданной горечью. — Значит, и я не настоящий? Ну, посмотри... — Я протянул ему ладонь.

Он подумал, взял меня за рукав. Потом его узкая ладонь охватила мою кисть.

— Ты? Ты настоящий! — сказал он как-то светло и радостно.

И я понял, что он мне нужен, что я хочу такого друга.

Помню, что с этого момента я стал звать его по имени.

А Братик смотрел на нас молча и покачивался на доске.

Над крышами зеленел край холма, и острые башни с флюгерами белели, как декорации к сказке.

Глядя на башни, Валерка сказал:

— Мы жили здесь... Вернее, здесь, но... не так. Крепость была целая, и башни новые. И люди там жили... А кругом поля. И такая высокая трава. Она при луне как серебро.

— Когда это было? — спросил я, и стало немного страшно. Он вздохнул и, как бы делая трудный шаг, тихо ответил:

— Ну... наверное, пятьсот лет.

— Да, — неожиданно подтвердил Братик.

Как будто холодная волна прошла между нами. Слово все эти пятьсот лет дохнуло ветром, чтобы развеять нас в стороны. Я торопливо шагнул ближе к Валерке.

— Слушай... А может быть... это тебе только приснилось?

Он не обиделся и не ответил. Только головой покачал. Потом сказал:

— Это здесь, как во сне... если бы не ты.

И было так хорошо, что он сказал: «Если бы не ты». Значит, он тоже хотел, чтобы я был. С ним!

Но это время... Пятьсот лет!

— Как же ты... Ну, как вы попали сюда?

— Я расскажу. Потом, ладно?

Мы помолчали.

— А как вы живете, у кого?

Валерка небрежно оглянулся на дом.

— Не знаю. Мне все равно. Какие-то старики... Вот он знает, наверное... — И Валерка посмотрел на Братика. Тот молчал и понимающе слушал нас. Видимо, он знал. Кажется, он вообще знал больше брата.

— А... — начал я и вдруг замолчал, устыдившись пустых слов. Отчетливо и на всю глубину вдруг почувствовал, какая же тоска должна быть у этого мальчишки.

Как ему хочется домой, где новые белые башни и лунная трава у крепостных стен.

— И никак нельзя вернуться?

Он медленно поднял глаза на меня и пожал плечами.

И тогда опять на цыпочки встал Братик. Он что-то сказал ему. Валерка слушал недоверчиво, но внимательно. Потом произнес вполголоса:

— Да ну... сказка.

Братик зашептал опять. Валерка виновато взглянул на меня.

— Он говорит, что, если найти очень старый дом... со старинными часами...

— Ну?

— И перевести часы назад...

— На пятьсот лет? — спросил я у Братика.

— Да, — шепотом сказал он.

— И тогда что?

— Тогда, наверно, порвется цепь...

— Какая цепь?

— Не знаю...

— А откуда ты все это взял?

— Не знаю... — Он чуть не плакал, оттого что не знает.

Валерка ласково взял его за плечо.

Я сказал:

— Рядом с нами есть очень старый дом. Он заколочен.

— А часы?

— Надо посмотреть.

Но я уже был уверен, что часы там есть.

События нарастали, и время ускоряло бег.

Я помню пустой солнечный двор старого дома. Крыльцо с витыми столбиками, потрескавшиеся узоры на карнизах, галерею с перилами. Окна и дверь были забиты досками. Мы подошли к окну.

— Надо оторвать доски, — сказал я.

— А если увидят? — засомневался Валерка.

— Все равно, лучше сейчас оторвать. Если сейчас увидят, скажем: просто так, поиграть хотели. А если ночью заметят, решат, что воры...

— Давайте, — согласился он.

И тут пришел страх. Непонятный и тяжелый. Это бывает лишь во сне: кругом пусто и солнечно, а страшно так, что хочется бежать без оглядки. Но если побежишь, ноги откажут и случится что-то жуткое.

Я не побежал. Тугим, почти физическим усилием я скрутил страх и взялся за край доски. Валерка — за другой. С отвратительным кряканьем выползали ржавые гвозди.

Освободив окно, мы пошатали раму, и створки мягко разошлись. В доме стоял зеленый полумрак, пробитый пыльным солнечным лучом.

Часов мы не увидели, но из глубины доносилось тяжелое металлическое тиканье.

Страх медленно проходил.

— Лезем, — прошептал я.

— Надо в полночь, — возразил Валерка.

— Конечно! — сказал я с неожиданной досадой. — Ну конечно! Все такие дела делаются обязательно в полночь... Чушь какая-то!

— Да не обязательно, — откликнулся он виновато. — Но стрелки можно вертеть, пока бьют часы. Вертеть надо очень долго, а в полночь часы бьют дольше всего.

На это нечего было возразить.

Мы закрыли окно.

— Слышишь? — вдруг спросил Валерка.

— Что?

— Труба играет. Далеко-далеко.

Я не слышал. И сказал:

— Наверное, электричка трубит.

— Да? — неуверенно проговорил он. А Братик посмотрел на меня осуждающе.

И тут наступил вечер.

Мы снова поднялись на холм, к развалинам стены, и сели на пушку. Она еще не остыла от дневного солнца. От стены тоже веяло дневным теплом, но воздух посвежел. Резко пахло холодными травами. Последние краски дня перемешались с вечерней синевой. И встала круглая луна. Очень большая и какая-то медная.

— Луна была такая же, — вдруг тихо сказал Братик.

Я не видел его, потому что между нами сидел Валерка. Я наклонился и посмотрел на Братика. Мне показалось, что он плачет, но он просто сидел, упершись лбом в колени. И теребил траву. Потом он резко поднял голову.

— Опять, — напряженно сказал Валерка. — Слышишь?

Я прислушался и на этот раз действительно услышал, как играют горнисты. Далеко-далеко. Пять медленных и печальных нот перекатывались в тишине. Вернее, где-то позади этой тишины, за горизонтом уснувших звуков. «Та-а-та-та та-а-та».

— Ну и что? — неуверенно спросил я. — Кругом много лагерей. Отбой играют. Что такого?

— Наверное... — согласился Валерка. — Только... разве это отбой?

— Это зовущий сигнал, — спокойно и уверенно сказал Братик. — Ты не помнишь?

Валерка не ответил.

Сигнал, печальный и незнакомый, звучал во мне и все повторялся. Как-то сами собой подобрались к нему слова: «Спать не ложи-и-те-есь... Ждет вас доро-о-о-оога-а...»

— Я был трубачом, — вдруг сказал Валерка, не глядя на меня. — Ну... я обещал рассказать. Я был трубачом и дежурил на левой угловой башне... Всегда... И в тот вечер тоже. Они взяли крепость в кольцо, а у нас не хватало стрел. Они жгли костры, и всадники Данаты скакали у самого рва...

— Кто такой Даната? Князь? Или вождь?

— Начальник арила, — сказал Валерка. И я больше не стал спрашивать.

— И Даната послал Ассана, своего брата и друга, будто для переговоров. Ассан поднял шлем на копье, и мы, когда увидели его без шлема, опустили мост. Мы не знали... Он въехал на мост и перерубил канат; мост уже нельзя было поднять. Даната с конниками ворвался в ворота. А следом вошли тяжелые меченосцы. И полезли на стены, на галереи. На башни...

— Ты был без оружия?

— Вот у него, — Валерка посмотрел на Братика, — был маленький лук. Ну, игрушка. Даже кожаный щит пробить было нельзя. А меченосцы пришли в панцирях... Они, наверно, не тронули бы нас, но я заиграл, чтобы у дальних стен построились для рукопашного боя. Тогда меченосец замахнулся на меня. Я закрылся от меча трубой, отступил на карниз. А мы были вместе... — Он неожиданно притянул Братика за плечо, и тот послушно прижался к старшему брату.

— Я отступил, — сказал Валерка, — и толкнул его нечаянно. Он упал в ров. Тут уж я про все забыл, обернулся, чтобы посмотреть, испугался. А он даже не ушибся: было невысоко и трава густая. Стоит внизу и на меня смотрит. Я обрадовался, а меня вдруг как толкнет что-то. Я упал... и вот здесь...

— Если бы ты знал, — тихо сказал он. — Ходишь, ходишь по этой траве... Думаешь, может... может, хоть ка-

мушек знакомый попадет. А ничего нет... И как там кончился бой?

Я молчал.

— У меня даже трубы не осталось, — вздохнул Валерка.

Наяву я, конечно, бросился бы в темную пропасть догадок: кто он, откуда? Не было здесь никакого Данаты с тяжелыми меченосцами. С какой планеты эти двое мальчишек, из какой Атлантиды? Уж чего-чего, а фантастики я начитался и умел размышлять о таинственных ветрах пространства и времени.

Но там, на крепостном холме, я думал совсем о другом. Я с возрастающей грустью думал, что скоро он уйдет. Мне очень нужен был друг, но Валерка собирался уйти, и Братик тоже.

Из жерла пушки не торопясь вылез котенок. Было еще не совсем темно, и я разглядел, что это наш знакомый — Рыжик.

Он опять сипло мяукнул, выгнул спину и начал мягко тереться о мою ногу.

— Смотри, — сказал я Братiku. Он тихонько обрадовался, подхватил котенка на колени, и тот заурчал негромко, будто наш электросчетчик в коридоре.

— Пойдем, искупаемся, — сказал Валерка. — До двенадцати далеко.

Я встал. Я тоже любил купаться в сумерках. Мы гуськом спустились к маленькому пруду.

Вечер темнел. Был он не синий, не сиреневый, а какой-то коричневатый. Бывают такие вечера. Желтый шар луны повис в теплом воздухе и отражался в воде расплывчатым блином. Высокие кусты окружили пруд, закрыв огоньки и темные силуэты крыш. Пахло чуть-чуть болотом и горьковатой корой деревьев.

Мы ступили на дощатый мостик.

— Раздевайся, — сказал Валерка Братiku.

— Нет. Он тогда убежит... — Братик покачал у груди котенка. Потом он стряхнул сандалии и сел, опустив ноги в воду.

— Ух, какая теплая...

Мы с Валеркой разделись. Я сразу скользнул с мостика — осторожно, чтобы не испугать плеском тишину. Вода и в самом деле была словно кипяченая. Дно оказалось илистым, но не очень вязким. Я пяткой попал на бугорок из увядших водорослей. Откуда, рванувшись, по-

бежала вверх по ноге щекочущая цепочка воздушных пузырьков.

Я присел на корточки, распрямился у самого дна и поплыл под водой, раздвигая редкие камышинки. Потом открыл глаза и глянул вверх. Луна просвечивала, как большой желток. Я вылез на мостик, дождался Валерку. Мы молчали. Оделись и пошли к старому дому.

Вечер превратился в ночь. Небо стало темно-зеленым, а луна почти белой.

Я боялся только одного: вдруг появится опять непонятный тягучий страх. Но страха не было. Темный дом под лунной казался таинственным, но не опасным.

Мы раскрыли окно. Я скользнул в него первым. Пол был ниже земли, и, когда я прыгнул внутрь, подоконник оказался выше моей головы. Я принял на руки Братика. Он сразу прижался ко мне.

— Боишься? — удивился я.

— Немножко, — шепотом сказал он.

Спустился Валерка. Половицы дружелюбно скрипнули.

Мы были в широком коридоре, вдоль которого посередине зачем-то тянулись точеные перила. На горбатом полу раскинулись зеленые лунные квадраты. От них было светло.

Скользя ладонью по перилам, я пошел к открытой двери, из-за которой доносился стук часов. Был он громкий, словно в металлический ковшик роняли железные шарик. Братик обогнал меня, он уже перестал бояться.

Мы вошли в квадратную комнату и сразу увидели часы. Они были очень старые и громадные, ростом со взрослого мужчину. Стояли они на полу — такой узкий застекленный шкаф с резными деревянными рыцарями по бокам дверцы. Рыцари были ростом с Братика. Они стояли, положив руки в боевых перчатках на перекладины мечей. Я почему-то подумал о меченосцах Данаты.

Высоко вверху за стеклом дверцы мерцал фарфоровый круг с черными трещинами и медными римскими цифрами. Узорные стрелки показывали без двух минут двенадцать. Внизу тяжело ходил маятник, похожий на медную сковородку.

— Ну, давай, берись за стрелки, — сказал я. — Пора.

Валерка с досадой пожал плечами.

— Да не могу я. Ну... нельзя нам. Ничего не выйдет. Это ты один можешь. Понимаешь?

Я кивнул и, покосившись на рыцарей, потянул дверцу. Она отошла, и стук часов стал еще громче. Я поднялся на

цыпочки и прикоснулся к большой стрелке. Она была холодная, как сосулька. Внутри часов нарастало скрежетанье. Мы напряженно замерли. Скрежетанье исчезло, и мягко, негромко толкнулся первый удар.

— Верти! — тонко крикнул Братик.

Я завертел стрелку так, что она расплылась в прозрачный круг, на котором вспыхнули лунные искры. Часы удивленно промолчали, потом ударили еще два раза. И тут я с отчетливой тоской понял, что мы расстаемся. Валерка и Братик исчезнут сейчас, и я останусь в этом пустом лунном одиночестве. Мы даже не успеем ничего сказать друг другу.

Я так не мог!

Рука слегка задержала стрелку.

— Ну, что ты? — не сердито, а как-то жалобно крикнул Валерка. — Крути! Боишься?

Я подумал, что теперь всю жизнь он будет считать меня предателем. И снова нажал на стрелку. Но тут пришла спасительная мысль.

— Бесполезно, — сказал я, устало обернувшись. — Потому что не успеть. Ну смотри: один круг — это один час. В сутках двадцать четыре часа. В году триста шестьдесят пять суток. А за пятьсот лет? Это больше четырех миллионов оборотов!

Наяву я ни за что бы не сосчитал так быстро: арифметику всегда еле тянул на тройку...

Часы ударили последний раз, и навалилась тишина.

Валерка и Братик были рядом, но я не радовался. Им было очень грустно, и я чувствовал себя виноватым. Надо было все же вертеть стрелки до конца. Всегда надо вертеть до конца.

— Тогда пусть возьмет меч, — вполголоса, но настойчиво сказал Братик.

— Какой меч? — спросил я.

— Он не тяжелый, — торопливо сказал Братик. — Только им надо убить Железного Змея. Это он держит нас в плену.

— Сможешь? — нерешительно и с надеждой спросил Валерка.

Начиналась совсем уже сказка. А у сказки свои правила. Я знал, что смогу. Убью Железного Змея, и все будет хорошо. Для Валерки и для Братика. А для меня?

— Только этот меч на старом кладбище, — виновато сказал Валерка.

— Подумаешь...

— Тогда пойдем?

— Пойдем.

Мне очень не хотелось идти. Я ни капельки не боялся ночного кладбища, но опять стало тоскливо. Сказка разворачивалась по своим законам, и я знал: скоро надо расставаться с Валеркой.

Можно было бы не ходить, придумать что-нибудь, отказать. Я чувствовал, что он даже не обидится. Но я шел, потому что ни во сне, ни наяву дружбу не завоеешь предательством.

Лунные улицы были совсем не похожи на дневные. Афишные тумбы напоминали маленькие терема. От них падали очень черные тени. На углу, где раньше стоял киоск, возвышалась трансформаторная будка, очень странная: на громадном разлапистом пне — бревенчатая кособокая избушка. От нее тянулись провода. С пня спрыгнул на асфальт крошечный гном с электрическим фонариком и юркнул в подворотню. Я не удивился.

Мы вышли на освещенное луной место. Кругом были травянистые холмики и серые продолговатые камни, похожие на обломки бетонных панелей. На камнях темнели буквы. Торчало несколько кривых крестов. Один крест — очень маленький, но на длинной ножке — ярко блестел.

И вдруг я понял: это воткнутый в холмик меч с крестообразной рукоятью.

Валерка с Братиком остановились. Я шагнул к мечу. Витая рукоятка с перекладной была на уровне моих плеч. Я ухватил ее двумя руками и потянул. Клинок легко вышел из земли. На лезвии не осталось ни крошки чернозема. Лунный свет буквально стекал по сверкающему лезвию. Казалось, он начнет падать с острия тяжелыми каплями.

Меч был удобный — рукоятка увесистая, а клинок легкий. Крути над головой как хочешь. Я взмахнул им и...

Земля ушла из-под ног, словно пол рванувшегося автобуса. Пространство сдвинулось, перекошилось... и мы опять оказались в старом доме.

Шкаф из-под часов стоял на прежнем месте, но циферблата и маятника не было. Вместо них блестел за стеклом дверцы мой меч.

— Теперь бери смело, — сказал Валерка.

— Бери, — сказал Братик.

И я взял, хотя сердце бухало, как колокол.

— Ну, где ваш змей?

— Пойдем, — как-то скованно отозвался Валерка.

Я его понимал: ему было неловко, что не он идет на поединок. Но ведь он был не виноват, что у этой сказки такие законы.

Снова мы пошли по ночному городу. По краям улицы стояли темные деревья. Идти было грустно.

— Знаешь, что... — сказал Валерка.

Я знал. Он хотел сказать, что остался бы, но не может. Обязательно ему надо туда, где не закончена битва, где он оставил свою трубу.

— Понимаю... — сказал я и посмотрел на Братика. Вот Братик, пожалуй, остался бы. Если с Валеркой. Потому что ему важно одно: чтобы рядом был старший брат.

Улица становилась все темнее, превращалась в глухую аллею. Стволы и ветки смыкались, заслоняя лунный свет. А мы шли и шли.

А потом за поворотом ударили по глазам лучи, и мы увидели, что уже утро, почти день.

Мы стояли на большом пустыре, поросшем чахлой полынью. В полыни валялся белый конский череп. Костлявый старик таскал за собой на веревке костлявую козу: искал, где трава получше. На нас он посмотрел со злобой и опаской.

На краю пустыря желтел глинистый бугор с черной норой, похожей на подземный ход.

— Смотрите, — звонко сказал Братик. Из черной дыры выбиралось на свет смешное железное чудовище. Этаким гроыхающий Змей Горыныч. Туловище было похоже на ржавую цистерну с наростами из помятых рыцарских панцирей и кирас. Сзади волочился членистый хвост из металлических бочек, дырявых ведер и бидонов. Между ними я заметил несколько сломанных набедренников и налокотников от старинных лат. Скрежетали крылья из кровельных листов и автомобильных дверок. Голова шелкала челюстями, как медвежьим капканом. Вместо глаз у нее блестели треснувшие фары.

Я с любопытством следил за этой живой грудой металлолома. Она вдруг перестала грохотать, бесшумно поднялась в воздух и понеслась на меня с нарастающим реактивным свистом.

Без страха, даже без всякой тревоги я поднял навстречу сверкающий меч. Он прошел сквозь железную рухлядь, как сквозь бумагу. И тут же вокруг меня стали падать

друг на друга гремящие обломки. Последним упало к моей ноге автомобильное колесо.

— Вот и все, — сказал я.

Сухо пахло пылью и польнью.

— Вот и все, — повторил Валерка.

Валерка и Братик стояли рядом. Они были рядом со мной, но уже как бы за стеклянной стенкой. Они думали не обо мне. Смотрели мимо, за горизонт.

«Может быть, останутся все-таки?» — подумал я, но вслух не спросил. Знал, что не останутся, и было горько.

Что-то пушистое задело мою ногу. На автомобильном колесе сидел и зевал рыжий котенок. А я забыл о нем! Я взял котенка на руки, и он, конечно, опять заурчал. Валерка и Братик смотрели на меня молча.

— Как же вы попадете домой? — спросил я.

— А, теперь это все равно как. Пустяки, — с какой-то преувеличенной бодростью откликнулся Валерка. Он уложил поровнее на землю дверцу от самосвала, пристроил к ней железную стойку, а на нее прицепил автомобильный руль.

— Вот и машина, — сказал он. — Это ведь неважно... Пора.

Он и Братик встали на дверцу. Я понял, что сейчас они уйдут совсем. Было нечего сказать на прощанье. Вернее, незачем было говорить.

Валерка смотрел на меня виновато.

Братик вдруг встал на цыпочки и зашептал ему на ухо. Валерка неловко улыбнулся:

— Он спрашивает, можно ли взять с собой котенка.

— Конечно! — торопливо воскликнул я.

Невидимая стеклянная стенка на несколько секунд растаяла. Братик прыгнул с дверцы, подошел и торопливо взял в ладошки нашего рыжего найденыша. Тот даже не перестал урчать.

— Спасибо, — одними губами сказал Братик.

Потом они опять встали рядом, и «машина», приподнявшись над землей, заскользила к горизонту. И сразу стала таять...

— Может быть, еще вернутся? — сказал я себе вполголоса.

— Зачем? — скрипуче спросил подошедший старик. Я промолчал.

— Хулиганство одно на уме, — проворчал он.

У меня скребло в горле: не то от слез, не то от пыли. И болела рука. На тыльной стороне ладони алел

глубокий порез. Видно, царапнуло обломком железного змея.

«Приложи подорожник, и все пройдет...» — вспомнил я. И пошел искать подорожник. Но его не было. За пустырем началась густая трава. Я брел по ней, и пушистые метелки ласково трогали колени. Я слизывал с руки капельки крови. Сон угасал, как гаснет киноэкран, когда на кадрах бывает затемнение.

Я просыпался, будто проваливаясь в светлую щель. В окно било яркое утро. Однако сон еще держал меня в мягких ладонях. Я машинально поднес к губам руку, чтобы слизнуть кровь. Но пореза не было, боль быстро проходила...

Во дворе хлопала калитка, и деловито орал соседский петух. Я вскочил, оделся и стал жужжать электробритвой.

И тут пришел Володька, с которым два дня назад мы сильно поссорились. Он был сам виноват тогда, но обиделся и ушел со слезинками на ресницах. Ушел, не сказав ничего, не ответив на оклик. Так уходят, чтобы совсем уж не возвращаться. И мне было очень горько, что он не придет, не будет, сидя в кресле, листать мои книги, не будет «давить клопов» на моей пишущей машинке и рассказывать о своих приключениях. И я хотел даже найти Володьку, чтобы помириться, хотя и не был виноват. Но не помирился. Не потому, что я взрослый, а он маленький. Просто он уехал к своему деду на другой конец города.

И вот он пришел. Вернее, прибежал. Коричневый, в белой маечке, натянутой на мокрое тело, с влажными волосами. Легкий и тонконогий, как олененок.

— Здравствуй! — сказал он. — Ты дома? Пойдем купаться! Знаешь, какая теплая вода! Ну, пойдем... Да?

Он говорил, пританцовывая на пороге, и смотрел веселыми влажными глазами. И только в глубине этих глаз была виноватинка: «Ты не вспомнишь обиду?»

А обиды у меня не было. Была только радость, что он вернулся.

И мы, конечно, пошли купаться на пруд, к плотине, где уже собрались все мальчишки с нашей улицы. По краям тропинки цвела белая кашка, отчаянно звенели кузнечики, а в небе стояли желтые кучевые облака, похожие на дирижабли.

Володька прыгал впереди и порой оглядывался. Виноватинки в глазах еще не совсем исчезли.

Я улыбался ему и вспоминал сон. Хороший сон про возвращение в детство. Про то, как грустно бывает расставаться с другом, но тут уж ничего не поделаешь. Раз у него страна, где не доиграна битва и где он оставил свою трубу.

А может быть, он все-таки вернулся бы?

Я тоже порой ухожу в далекую страну, где живет мой друг Алька Головкин из четвертого «А» и пружинит под ногами тротуар, и сосновые кораблики с клетчатыми парусами плывут к дальним архипелагам. Там сколько хочешь можно ходить по колена в траве, запускать с крыши бумажного змея и воевать с пиратами. Там всегда выходишь победителем из поединка со злом, потому что нет оружия сильнее, чем деревянная шпага.

Но ведь я возвращаюсь. К Володьке. Ко всем.

Конечно, если бы сделать, чтобы никакие ветры, никакие годы не разделяли друзей! Если бы время не отнимало у человека детство... А может быть, это можно сделать? Если очень постараться?

— Если постараться, всего добьешься. Да, Володька? — спросил я.

— Нет, — сказал он, даже не обернувшись. — Не всего.

— Почему?

— Нипочему. Не всего, вот и все.

— Например? — начал я раздражаться.

— Например, попробуй загнать муху в мыльный пузырь и чтобы он не лопнул.

Я обиделся, но он даже не заметил. Потом я перестал обижаться, и мы купались, пока не перемерзли до крупной дрожи. Тогда мы пошли домой.

Я насвистывал сигнал, который запомнился мне во сне: «та-а-та-та та-та-а...»

— Это ты «Исполнение» свистишь? — вдруг спросил Володька.

— Что?

— Ну, сигнал. Я же знаю. Я два раза в лагере горнистом был. Это сигнал «Все исполняйте».

И он просвистел так же, как я, пять протяжных нот.

— Выдумываешь все, — проворчал я.

— Пойдем напрямик, через парк, — сказал Володька.

— А куда ты идешь? Вон где ворота!

Он вздохнул, удивляясь моей недогадливости. Отодвинул в заборе доску и показал: «Лезь».

По ту сторону забора, на опрокинутой мусорной урне, сидел рыжий котенок с удивительно знакомой мордой.

— Что-то знакомая личность, — сказал я.

— Это же Митька. Мы его в беседке нашли. Кормим по очереди. А он привык и за нами бегает, за всеми ребятами... Ну, опять сбежал из дома, разбойник!

Митька беззвучно мявкнул. Володька сгреб его и сунул под майку.

— Сиди тихо!

Я свернул на дорожку, но Володька сказал:

— Куда ты? Пойдем прямо.

Он дал мне ладошку и повел через высокую траву и кусты шиповника.

— И как ты ухитришься не исцарапаться? — спросил я.

— Пфе, — сказал он. И шлепнул по животу, чтобы рыжий разбойник Митька сидел спокойно.

В ночь большого прилива

1

Я не виноват, я не хотел этого. Я убеждал себя, что непростительно забивать голову сказками. Говорил себе: «Ты взрослый человек, у тебя серьезная работа. Думай о ней». И думал о работе. Целыми днями. Но по утрам, сам того не желая, пытался собрать в памяти обрывки сновидений.

Нет, Северо-Подольская крепость мне больше не снилась. - Снился залив под желтым закатом и зализанный ветрами песчаный плоский берег. На берегу стояли каменные арки, а под ними висели сигнальные колокола — разных размеров. Заметно было, что колокола заброшены: у многих не было языков. Из песка торчали высокие травинки, и ветер пригибал их.

Еще я видел солнечные, но совершенно пустые улицы незнакомого города. А еще — внутренность круглых крепостных башен. По вогнутым стенам висели полуразбитые каменные лестницы. В узкие окна били пыльные полуденные лучи. Из поржавевших железных скоб срывались и падали погасшие факелы.

...Тех двоих я ни разу больше не видел. Но на берегу на пустых улицах, на стертых ступенях лестниц я чувствовал: они только что были здесь. Я даже пытался найти, догнать их. И знал, что еще чуть-чуть — и догоню. Но не мог. И было очень горько. Я в этих снах был мальчишкой и не стеснялся плакать...

Нелепо тосковать по людям, которых никогда не было, которые однажды просто приснились. Но я тосковал по Валерке и Братику.

И ведь никому не расскажешь! Разве что Володьке. Но Володька — он разный. Иногда ласковый, тихий и все понимает. А иногда вдруг станет вредным таким и насмешливым. И не поймешь отчего...

И все же Володька был единственным человеком, который меня мог бы понять.

2

Мы с ним познакомились три года назад.

Я перепечатывал на машинке статью для журнала «Театральная жизнь». Печатал я тогда плохо, работа надоела, я лениво давил на клавиши. В это время постучали.

Я неласково сказал: «Войдите».

На пороге возникло лохматое, но симпатичное существо ростом чуть повыше спинки стула. С тонкой шеей, оттопыренными ушами и глазами цвета густого чая. Одето оно было в мальчишечью школьную форму, крайне для него большую.

— Это вы все время тюкаете? — строго спросил гость.

— Что значит «тюкаете»? — слегка обиделся я.

Не отводя внимательного взгляда, мальчишка объяснил:

— Я внизу живу. А наверху каждый день: «тюк» да «тюк», «тюк» да «тюк». Будто клюет кто-то...

— Это машинка стучит, — объяснил я. — Печатаю. Работа такая. А что, мешаю?

— Да нет, тюкайте, — великодушно разрешил гость и добавил: — Просто интересно. А вы кем работаете?

— Я зав. литературной частью. Проще говоря, литературный директор.

Что-то вроде уважения мелькнуло у мальчишки в глазах. Он попытался незаметно подтянуть штаны и спросил:

— В какой школе?

— Почему в школе...

— В нашей школе исторический директор, — объяснил

гость. — Он пятиклассников истории учит. У Витьки — ботаническая директорша. А вы в какой школе? Вы литературу преподаете?

Слово «преподаете» он произнес с солидностью человека, уже посвященного в премудрости школьной жизни.

Я сообщил, что работаю не в школе, а в Театре юного зрителя, отвечаю за то, как написаны пьесы.

— У-у... — сказал он. — А я думал, что в театре все люди артисты.

Я терпеливо объяснил, что в театрах много работников с разными профессиями.

— Но артисты все же самые главные? — спросил он. — Или вы главнее?

Набравшись нахальства, я сказал, что главнее: артистов много, а я один.

Он кивнул, помолчал и задал новый вопрос:

— А вы были артистом? Или сразу стали директором?

— Был.

— А кто главнее: литературный директор или знаменитый народный артист?

«Вот зануда», — подумал я и ответил, что народный, пожалуй, главнее.

— А вы почему не стали народным? — поинтересовался он, глядя ясными янтарными глазами.

«Иди ты знаешь куда...» — чуть не сказал я и мрачно признался:

— Не получилось.

— Бывает, — посочувствовал он.

— Просто мне расхотелось играть, — заступился я за себя. — Я решил сам писать пьесы.

— Получается? — серьезно спросил мальчишка.

— Получается, — соврал я.

Он вежливо сделал вид, что поверил. Опять кивнул и посмотрел на машинку.

— А как вы печатаете?

— Проходи, — сказал я. — Что за разговор у порога... Тебя как зовут?

Он сообщил, что зовут его Володькой, скинул у дверей полуботинки и, бултыхаясь в своей форме, как одинокая горошина в кульке, подошел к столу. Забрался с ногами в мое кресло. Оглянулся на меня.

— Можно, я потюкаю?

Я с тайной радостью (есть причина не работать) вытащил недопечатанный лист и вставил чистый.

— Смотри, я покажу, как надо...

— Знаешь, я все привык делать сам, — доверительно сообщил Володька. — Я разберусь.

И он в самом деле быстро разобрался (правда, потом пришлось менять клавишу с буквой «ы»).

На другой день Володьку заинтересовала моя спортивная шпага (он выволок ее из-за шкафа).

— Это настоящая? — спросил он, и глаза у него сделались светлыми, золотистыми.

— Вполне, — сказал я.

— И ты умеешь сражаться?

— Конечно, — гордо ответил я. И объяснил, что в театральном училище нам преподавали фехтование, а кроме того, я занимался в спортивной секции. Один раз даже занял третье место в областной олимпиаде.

— Врешь! — восторженно сказал он.

Конечно, он просто не сдержался. И все же я решил поставить юного гостя на место.

— Во-первых, не вру. У меня диплом есть! А во-вторых, с чего это вы, сударь, начали говорить мне «ты»? Я взрослый человек.

Этот тип уселся на диван, поставил клинок между колен, прижался щекой к рукояти и задумчиво уставился на меня.

— Какой же ты взрослый? Взрослые не такие.

— А какие?

— Ну... они важные. У них жены, дети.

— Подумаешь... У меня тоже скоро будет жена. У меня невеста есть.

— А где она? — подозрительно спросил Володька.

— В Москве, в аспирантуре, — сказал я и вздохнул, вспомнив Галку.

Володька подумал и сообщил, что невеста — это не считается.

— У меня было две невесты. Одна в детском саду в меня влюбилась, а одна недавно, в сентябре. Записки писала. Печатными буквами.

— Ну, ты даешь... — только и сказал я.

— Можно, я потренируюсь шпагой?

— Тренируйся, но не шуми. Я хотя, по-твоему, не взрослый, а должен работать.

Мы подружились. Володька подрастал, перешел во второй класс, в третий, в четвертый... И почти каждый день

приходил ко мне в гости. А если уезжал в лагерь или к дедушке, я скучал.

Иногда Володька печатал на моей машинке странные слова и говорил, что это названия планет, про которые он придумывает сказки. Иногда притыкался рядом и шепотом рассказывал, какую картину нарисует, когда совсем вырастет. Это будет грустная картина: кругом море, посередине маленький остров, а на острове одинокая, брошенная собака. Чтобы все поняли, что нельзя бросать собак. А еще будет картина «Девочка на дельтаплане». Это та девочка, которая в первом классе писала ему печатными буквами записки. («Только ты никому не говори, ладно?»)

А иногда в милого Володеньку словно бес залазил. Он начинал язвить. Чаще всего этот субъект потешался, что я считаю себя взрослым. Он заявлял, что взрослые не собирают картинки с парусными кораблями и не читают детских книжек. Взрослые не бегают с мальчишками на рыбалку и не строят игрушечные пароходы (сам подбивает меня на такие дела, а потом ехидничает!). Кроме того, взрослые умеют завязывать галстуки и не ужинают консервами из морской капусты.

Я злился и не знал, что возразить. Тем более что Галка не вернулась из Москвы, она вышла там замуж за солидного кандидата наук.

Но ссорились мы с Володькой редко. Зимой мы вместе катались на лыжах, а летом ходили купаться на большой пруд недалеко от дома.

Купались мы и в те дни, с которых я начал рассказ. Только мне было невесело и беспокойно. Володька смотрел на меня, и глаза его темнели.

— Ну, ты чего? — спрашивал он. — Чего ты такой?

— Устал, — говорил я.

— Ты же в отпуске.

— Пьесу переделываю. Не получается. Вот и устал.

— У тебя и раньше не получалось, а ты был веселый...

Я страдал из-за себя, а он из-за меня. Разве он виноват? «Расскажу», — решил я наконец. И, решив так, немного успокоился.

Но раз я повеселел, повеселел и Володька. В то утро мы опять пошли купаться, и он прыгал вокруг меня, как танцующий анстенок. И уже пару раз высказался в том смысле, что небритый подбородок — не доказательство взрослости, а всего только признак неаккуратности. Лишь когда повстречалась некая Женя Девяткина десяти с по-

ловиной лет, Володька слегка присмирел, порозовел и глянул на меня опасливо.

3

День начинался солнечный, но не жаркий. Купающихся было немного. Володька, однако, быстро скинул штаны и футболку и требовательно посмотрел на меня. Я, крихтя, разделся. Но, поболтав ногой в воде, я твердо заявил, что купаться сейчас могут только явные психи. После этого пошел на приткнувшийся к берегу плотик и с удовольствием вытянулся на сухих теплых досках.

— Пусть вода нагреется...

— Ты прямо как пенсионер, — досадливо сказал Володька.

— А ты не забывай, что я уже почти старик. У меня поясница...

— Опять ты за свое, — хмыкнул Володька.

— Конечно. Ты забыл, сколько мне лет?

— Двенадцать, — уверенно сказал он.

— Иди ты... — отмахнулся я и закрыл глаза.

...Почти сразу утих плеск воды и смолкли крики мальчишек на недалеком островке. И шорох листьев. И откуда-то из темной дали донеслись пять ясных тактов трубы, пять ясных нот. Я узнал их сразу.

Это был сигнал Далеких Горнистов.

Я внутренне вздрогнул и стал ждать. Но сигнал не повторился. Это был просто толчок памяти.

«Нет, хватит. Хватит пока думать об этом», — сказал я себе. И разомкнул ресницы. Сразу вернулось летнее утро с его привычным шумом и редкими облаками над головой.

Растущий у самой воды тополь протянул над плотиком длинную могучую ветвь. Ухватившись за ветвь, надо мной висел Володька. И хитро поглядывал. Его пятки угрожающе шевелились в полуметре от моего живота.

— Без шуточек, — предупредил я.

Володька засмеялся и заболтал тощими ногами. Кожа на его груди сильно натянулась, и сквозь нее отчетливо проступили тоненькие ребра. Казалось, проведи по ним костяшками пальцев — и Володька зазвучит, как ксилофон.

— Не дитя, а шведская стенка, — сказал я. — Не кормят тебя дома, что ли?

— А-га... — неопределенно отозвался Володька. По-

обезьяньи перебирая руками, он добрался почти до конца ветви и разжал пальцы.

Все брызги, которые поднял этот пират, хлопнувшись о воду рядом с плотиком, посыпались на меня! Я заорал и ползком перебрался на другой край.

— Не будешь обзывать дитем, — сказал Володька.

— Хулиган, — заявил я.

«Хулиган» радостно захихикал, потом примирительно сказал:

— Ладно, грейся. Я пока на остров к ребятам сплаваю.

— Валяй, — согласился я.

Глубина на пути до острова была Володьке не больше чем по плечи, и я за него не боялся.

Я опять вытянулся и закрыл глаза. Солнце стояло уже высоко и грело ощутимо. Я подумал, что буду долго-долго лежать так и не стану шевелиться. И, кажется, задремал.

...Кто-то ступил на плотик. Он качнулся, захлупала вода. Кто-то легко подошел ко мне и стал рядом. Я лениво повернул голову. Я был уверен, что увижу мокрые коричневые Володькины ноги с прилипшими нитками водорослей. Но на плотике был не Володька. Я увидел ноги, обтянутые не то черной кожей, не то клеенкой. К одной был пристегнут ремнями широкий нож — в плоском, тоже черном чехле и с костяной узорной рукоятью.

Кто это? Аквалангист? В нашем-то мелководном пруду? Я поднял глаза.

Надо мной, одетый в странный кожаный костюм, с рыцарским налокотником на левой руке, стоял Валерка.

4

Я сразу понял, что это он. Не кто-то очень похожий на него, а именно он — Валерка, которого не было на свете. Которого я лишь однажды видел в странном сне про сказку в городе Северо-Подольске (которого тоже не было).

До сих пор я очень смутно помнил его лицо, но сейчас узнал моментально: его темную косую челку над беспокойными бровями, его зеленовато-карие глаза — внимательные и почему-то слегка виноватые, и коричневую родинку на остром подбородке.

— Это ты... — шепотом сказал я.

Он склонил голову и ответил медленно, вполголоса:

— Мне больше не к кому было прийти. Не сердись, что я помешал.

«Помешал!»! Боже мой... Радость и тревога поднялись во мне одной крутой волной. Радость — что он здесь. Тревога — что этот сон может оказаться коротким, мимолетным. Я торопливо оглянулся. Все было как прежде. Та же ветка над плотиком, то же клочковатое облако в вышине, тот же синий заколоченный киоск на берегу. Вон Володькина одежда на траве, а вон, на острове, среди мальчишек сам Володька — словно оранжевая бабочка мелькают в кустах его плавки.

Это, кажется, прочный сон, очень похожий на явь. Наверно, сказка будет долгой. Я потрогал подбородок и глянул на свои ноги: может быть, я опять стал мальчишкой, как в первом сне?

Нет, я по-прежнему длинный небритый дядька... А Валерка здесь!

Я посмотрел на Валерку. Я понимал, что он пришел не просто так.

Глядя все так же — внимательно и чуть виновато, — он проговорил:

— Только ты можешь помочь.

— Я готов, — быстро сказал я и вскочил. Плотик закачался, Валерка переступил, чтобы не упасть, улыбнулся и взглянул на меня снизу вверх.

Раньше мы были одного роста, а сейчас Валерка не доставал мне до плеча. Но я вовсе не чувствовал себя старшим. Наоборот, мне было неловко за свой рост и возраст. Но наплевать, не это главное. Главное, что он пришел!

Пять высоких нот сигнала опять прозвучали во мне.

— Как помочь тебе? Что случилось?

Он вздохнул, пошевелил ногой, поправил пристегнутый нож и снова вскинул на меня глаза.

— Ты хорошо владеешь шпагой?

У меня холодок пробежал по спине.

— Ну... владею... Средне. Почему ты решил, что хорошо?

— Я же помню Железного Змея. Как ты его одним ударом...

Я улыбнулся:

— Но это же была сказка. Сон... Хотя сейчас тоже сон, — не без грусти добавил я.

Он сказал серьезно:

— Это не сон. Это переход... А у нас ты будешь мастером клинка. Я знаю, в этом искусстве вы опередили наших вояк.

Я не понял. Да не все ли равно? Главное, что мы опять встретились.

— Нужна шпага? — спросил я.

Валерка кивнул.

— Придется зайти домой, — озабоченно сказал я.

Он опять улыбнулся, и снова это была виноватая улыбка.

— Да нет, шпага найдется. Нужен ты.

Я прыгнул на берег и стал торопливо одеваться. Потом окликнул через пруд Володьку. Он помахал рукой. Я крикнул, что скоро вернусь. Спихватился и посмотрел на Валерку.

Он кивнул:

— Скоро... Если ничего не случится.

— А что может случиться? — спросил я без боязни, а просто с любопытством.

— Скорее всего, ничего не может. Ты же мастер. Но все-таки... Шпаги — не игрушки. Ты не боишься?

Я не боялся. Во мне выросло напряженное ожидание загадочных событий, в которых мы будем вместе с Валеркой — плечом к плечу. Жаль только, что плечи у нас теперь на разной высоте...

— Идем? — спросил я у Валерки.

— Идем.

Я еще раз помахал Володьке, и мы ушли с берега.

5

Улицы были пусты. Ни людей, ни машин. Стояла тишина. Только наши шаги нарушали ее, да один раз желтый лист — предвестник недалекой осени — упал с тополя и зашуршал по асфальту. Валерка проводил его внимательными глазами.

Солнце грело уже крепко. У Валерки на лбу выступили маленькие капельки. От его тугой куртки пахло горячей кожей.

— Для чего ты в таком костюме? — спросил я.

— Это под доспехи, — сказал Валерка.

— У вас война?

— Смута, — ответил он и вздохнул.

Потом он доверчиво глянул на меня и сказал:

— Я бы не позвал тебя, но я очень боюсь за Василька.

— За кого? — удивился я.

— За брата. Ты не помнишь?

«Не помнишь!» Надо же сказать такое!

— Помню, конечно. Просто... я не знал, что его так зовут.

— Это я его так зову, — тихонько сказал Валерка и смутился.

Мне очень хотелось спросить про Братика, но я не решился. Опасение, что все может исчезнуть, не оставляло меня. Исчезнуть от неосторожного шага, от лишнего слова...

Несколько минут мы шли молча. По солнцу и тишине. От центра на окраину, мимо деревянных домов, по улицам, на которых прошло мое детство. И вдруг я понял, куда ведет меня Валерка: к старой трехэтажной школе, где я когда-то учился.

Перед школой тоже было пусто. Блестели стекла, тень от кленов лежала на красных кирпичных стенах. Странно! Ведь говорили, что школу недавно оштукатурили... На квадратном кирпичном столбике, у самых ступеней, я заметил сделанную мелом надпись: «Машка — ведьма». Я сам это когда-то написал. Надо же, не стерлось до сих пор!

— Сколько сейчас тебе лет? — вдруг спросил Валерка.

Я остановился от неожиданности. Потом вспомнил Володьку. И, сам не зная почему, с мрачноватым юмором сказал:

— Двенадцать.

— Вот и хорошо, — серьезно откликнулся Валерка.

Мы вошли. По коридору гулко разнесся звук наших шагов — в пустых школах летом шаги всегда очень гулкие. Никого не встретив, мы подошли к спортивному залу. Валерка медленно отвел скрипучую дверь. В зале было пыльно и не прибрано. В беспорядке стояли и валялись, задрав «копыта», спортивные «кони» и «козлы». В затянутые сеткой высокие окна падали широкие лучи.

Мы пересекли зал и оказались у дверцы — она вела в комнатку, где хранились мячи, стойки для прыжков, кольца, спортивные маты. В эту же каморку наш физрук Василий Антонович отправлял иногда наиболее расхोдившихся на уроке мальчишек — «подумать и успокоить нервы». Нам нравилось сидеть в полумраке и развлекаться потихоньку случайно найденными интересными штуками: ракетками, гантелями, деревянными гранатами и плетеными мячиками для хоккея.

Однажды за старыми матами я отыскал заржавленную папиру...

Сейчас за дверцей была не каморка, а длинный, освещенный...

щенный пыльной лампочкой коридор. Маты сплошными штабелями лежали у кирпичных стен, их хватило бы на тысячу школ. Между ними оставался лишь узкий проход, да и то не совсем свободный: кое-где почти до пола свешивались с потолка толстые канаты и рваные волейбольные сетки. Конец коридора терялся в сумраке.

— Надо пробираться, — сказал Валерка.

— Давай.

Он скользнул вперед. Я прикрыл за собой дверь и двинулся следом...

Мы шли удивительно долго. В пыли и полутьме. Редкие лампочки лишь едва светились в паутине. Веревки и обрывки сеток цеплялись за руки и за ноги, а особенно — за Валеркин налокотник. Один раз оказалось, что тяжелые кожаные маты почти завалили проход, и пришлось пробираться под ними ползком.

Когда мне стало казаться, что мы провели в этом коридоре полжизни, он уперся в стену из очень крупных и неровных кирпичей. Здесь было попросторнее и горела лампочка поярче.

В стене был узкий неровный пролом.

— Пришли, — прошептал Валерка. — Сейчас пролезем — и все.

— Мне не пролезть, — уверенно сказал я.

Дыра выглядела слишком маленькой.

Валерка улыбнулся:

— Пролезешь.

И вдруг я понял, что он прав. Лаз в стене был в самую пору для моих мальчишечьих плеч!

Я снова стал мальчишкой! Словно и не кончался тот странный сон про лунный дом в Северо-Подольске и про часы с деревянными рыцарями.

Снова были на мне легонькие разношенные кеды, выцветшие до белизны шортики, слегка распоротые у кармана, и рубашка в серо-зеленую клетку. Старенькая мальчишечья рубашка с висящей на нитке пуговкой у ворота и закатанными по локоть рукавами.

Я рассказываю об этом долго, а радостное сознание, что мне в самом деле двенадцать лет, пришло тогда в одну секунду. Я глубоко вздохнул и засмеялся. Во всем теле была упругая легкость.

Валерка нетерпеливо смотрел на меня — уже не снизу вверх: мы теперь опять были одного роста.

— Лезь за мной, — сказал он. Это был не приказ, а торопливая просьба.

Он легко нырнул в пролом, звякнув о кирпичи налокотником. Я сразу сунулся за ним. В нос ударил едкий запах влажной извести, шербатый кирпичный край оцарапал ногу.

Я увидел, что Валерка прыгнул глубоко вниз: пол в комнате, куда он попал, был гораздо ниже, чем пол в коридоре.

Это была круглая комната без окон. На ржавом крюке висел большой железный фонарь с тремя свечами, довольно яркий. Его лучи высвечивали на полу шербатые каменные плиты. Валерка стоял внизу и протягивал ладони:

— Спускайся!

Он подхватил меня, не дал упасть на камни, когда я вывалился из лаза.

Я отряхнул с коленей и живота кирпичные крошки и осмотрелся.

— Где мы?

— В башне...

Потолок с могучими балками терялся в сумраке. Стены я разглядел лучше. Они были сложены из крупных старинных кирпичей вперемешку с каменными брусьями. У стен в беспорядке валялись медные и стальные нагрудники, наколенники, наплечники, глухие каски с широкими полями и прорезями для глаз. Старые, с пятнами ржавчины. А среди них лежали узкие мечи, сабли, шпаги.

— Выбери, — сказал Валерка.

Я перебрал несколько клинков и взял четырехгранную рапиру с простой костяной рукоятью. Рукоять удобно легла в пальцы, а большой круглый щиток с ободком и мелкими ямками хорошо закрывал руку. Светлый клинок был похож на громадную иглу. Однако на конце он был плоским, и оказалось, что края отточены. В случае чего можно не только нанести колющий удар, но и рубануть.

— Я готов, — сказал я и удивился звонкости своего голоса.

— А это? — Валерка кивнул на панцири и наколенники. — Ничего не возьмешь?

Таким легким, таким подвижным было мое мальчишечье тело! А это железо, наверно, тяжелое и холодное. Я передернул плечами.

— Обязательно?

Валерка улыбнулся.

— Да нет. Тебе, пожалуй, не обязательно... А вот это нужно. — Он вытащил из-под железной рухляди кожаную перевязь с большой пряжкой и медными клепками по

краям. Надел мне через плечо, ловко подогнал пряжку. Потом в кольцо на ремне сунул рапиру. Ее рукоять закачалась у моего бедра.

— Вот и все, — сказал Валерка.

Я увидел себя как бы со стороны: обыкновенный пацан — и с мушкетерским оружием на боку.

— А ничего, что я... такой? Не будут на меня обращать внимание?

— Ты такой, как надо, — откликнулся Валерка. — Слушай... Ты не перёдумал?

— Что?

— Идти со мной?

— Ну что ты говоришь! — упрекнул я.

Он взял меня за руку.

6

Я понимал, что могу оказаться в совсем незнакомом месте: может быть, удивительном и сказочном. И только про одно я знал точно: сейчас на улице день, светит солнце, и мы выйдем под это солнце из какого-нибудь подвала или погреба. Ведь спортзал и коридор были на первом этаже, а пол в башне — еще ниже.

Валерка уперся в тяжелую дверь ладонями. Навстречу нам хлынул теплый запах незнакомых трав и лунный свет.

Я замер на секунду и засмеялся. Мы оказались на железном балконе — он опоясывал башню высоко над землей. Вернее, над травой. Свет луны был ослепительно яркий, и в его лучах до самого горизонта колыхалась под мягким ветром, катила пологие волны серебристо-голубая трава. Я вцепился в ржавые перила. Вот она, Валеркина страна! Его мир, его планета.

А может быть, это и правда другая планета?

Ночь была похожа на день, если смотришь сквозь голубое стекло. Я взглянул на луну. Наша ли это луна с привычным, почти человеческим «лицом»? Но хотя чистым было небо, яркий диск оказался слегка размытым, словно окутанным светящимся туманом. Я не различил на нем знакомых пятен.

Тогда я стал смотреть на землю. У самого ее края стояла белая крепость. Она казалась крошечной, но видна была до последнего зубчика на стенах. Словно кто-то собрал в горсть игрушечные башни, крыши, бастионы и аккуратно положил их на краю большого круглого стола.

— Там наш Город, — тихо сказал Валерка.

— А здесь?

— Здесь? Просто башня, сторожевая. Теперь она не нужна.

Башня была одинокая, полуразбитая. Она стояла как бы в центре выпуклого круга, по которому неторопливо бежали мерцающие волны. И ее черная тень колыхалась на этих волнах.

А ветер был очень теплый.

Валерка тронул меня за плечо:

— Пошли?

По шаткой железной лестнице мы сбежали в траву и двинулись к Городу.

Трава была высокая, по пояс нам, а кое-где и по плечи. Ее листья походили на листья осоки, но были пошире и не режущие, а очень мягкие, покрытые шелковистыми волосками. Эти серебристые волоски и блестели под луной. Идти нам трава не мешала. Мы без труда подминали и раздвигали ее, и она с бесшумным колыханием опять вставала за нами.

Шагать было легко. Может быть, я еще не привык, что стал мальчишкой, и тело мое весит совсем немного. А может быть, Валеркина планета была меньше, чем Земля, и сила тяжести здесь оказалась слабее. Возможно, что и так. По крайней мере, мне казалось, что иду я не по ровному полю, а по громадному шару, который поворачивается мне навстречу.

Шар поворачивался, и светлая крепость вырастала на глазах. Острые башни, черные флюгера, неровные зубчатые стены...

Крепость была совсем не похожа на ту, что в Северо-Подольске. Я сразу это заметил, но не удивился.

...Я пытаюсь поточнее вспомнить, что думал и чувствовал тогда. Ну, конечно, радость, что мой друг Валерка опять рядом. Еще интерес: какие события ждут впереди? И еще... трудно передать словами... Запах сказки, что ли? Но не обычной сказки, а моей. Той, которую я открыл и полюбил. Сказки, где самое главное — не приключения, а два человека: Валерка и Братик.

Но... Вот в этом «но» все дело. Не было в этих чувствах той остроты и беспокойства, как в первый раз. Там, в Северо-Подольске, Сказка захватывала меня, и я жил в ней как наяву, все переживал по-настоящему: и радость, и страх, и тоску, когда друзья уходили... А в этот раз я понимал, что вижу сон. Порой забывал об этом, но не до конца.

Я был уверен, что ничего плохого не случится. Вторая Сказка как положено раскручивает свои пружины, и все-му придет свой черед. Когда нужно, я встречу опасность и сделаю, что полагается. И потому даже Валеркины слова, будто Братику что-то грозит, не вызвали у меня тревоги. Я только обрадовался, что увижу его...

Но это я сейчас копаюсь в себе и все раскладываю по полочкам. А тогда... Что же, тогда я шел рядом с Валеркой, радостный и спокойный. И даже мысль, что придет время и мы расстанемся опять, не грызла меня. Встретились во второй раз — встретимся и в третий. К тому же сказка только начиналась...

7

Мы подошли довольно близко к стенам. Я спросил:

— А почему не видно часовых? Разве Город не охраняют?

— От кого? — сказал Валерка. — Снаружи никто не ждет опасности. Она в самом Городе.

— А всадники Данаты? — нерешительно спросил я. — Они больше не нападают?

Валерка быстро взглянул на меня и грустно усмехнулся:

— Всадники Данаты... Под курганами давно и храбрый Даната, и все его воины. И кони...

Я удивленно молчал. Валерка смущенно сказал:

— Я забыл объяснить... Думаешь, когда мы улетели, мы вернулись к себе, в наше прежнее время? Если бы... Даната и всё, что было тогда, сейчас уже легенда. Триста лет прошло или больше...

— Но... как же? — озадаченно заговорил я. — Вы вернулись... И как вас встретили? Вы сказали, кто вы такие? Вам поверили? Удивились?

— Удивились... Но поверили. Понимаешь, у нас другой мир... Вы придумали порох, машины, ракеты, а у нас нето. У нас ученые разгадывают тайны: как далекое сделать близким и дотянуться рукой до звезд; что такое мысль; в чем хитрость времени...

Я подумал, что и у нас люди бьются над такими загадками, но промолчал. Валерка продолжал:

— Не могу я объяснить... Но говорят, что время — это вроде струн, которые звучат то вместе, то вразнобой. А иногда — как бусы, которые могут рассыпаться. Или как запутанная петля — бежит то вперед, то обратно, только

мы не замечаем. Петлю, говорят, можно расцедь и пробиться через сотни лет... У нас еще в старину случались разные загадки.

— Какие?

Валерка улыбнулся:

— Всекие... Была даже такая поговорка... На старом языке это всего пять слов, но ты не разберешь. А смысл такой: «Когда конь несет тебя все вперед, не думай, что не наткнешься на его следы; когда ложишься спать, не будь уверен, что проснешься затра, а не вчера»...

Что ж, Валеркин мир и в самом деле был другим, я это видел. Пока мы говорили, крепость словно сама по себе приблизилась вплотную и нависла над нами.

К стене боком прижималась крутая лестница, сложенная из светлых кирпичей: просто ступенчатый выступ, который тянулся от земли до верха. Очень узкий. Валерка двинулся вперед, я, чиркая локтем о стену, стал подниматься за ним. Конец моей рапиры цеплялся за камни, и клинок тонко звенел.

Мы поднялись на гребень и снова пошли рядом, мимо высоких зубцов.

— Значит, как же... — нерешительно сказал я. — Вы вернулись... и опять оказались одни, среди незнакомых людей?

Он кивнул:

— Да... Но это наша земля. И встретили нас хорошо... Правда, скоро всем стало не до нас.

— И вы живете вдвоем?

Валерка улыбнулся, хорошо так, — видимо, подумал о маленьком брате.

— Да, живем... Только мы давно уже не виделись. Два дня...

— А где сейчас Братик? — нетерпеливо спросил я. Впервые назвал я так вслух Валеркиного братишку. Но Валерка ни капельки не удивился. Он сказал:

— У барабанщиков.

Скоро я увидел круглый люк. В полной темноте, по лесенке, выложенной в толще крепостной стены, мы осторожно пошли вниз. Заскрипели петли: это Валерка отодвинул тяжелую дверь. Опять хлынул навстречу лунный свет, и мы оказались на маленькой выпуклой площади.

Площадь окружали светлые дома с каменными узорами на карнизах дверей и окон, с крутыми чешуйчатыми крышами. Почти все здания были связаны между собой:

внизу — галереями с полукруглыми арками, вверху, у крыш, — висячими мостиками. Я мельком подумал, что, наверно, весь город можно обойти, не ступая на землю. Даже между тонкими легкими башенками чернело кружево мостиков. Было удивительно тихо. В степи хоть трава шелестела, а здесь — ни звука. Я слышал только, как рядом дышит Валерка.

— Надо идти, — шепотом сказал он.

Мы двинулись через площадь, прошли мимо разрушенного фонтана с каменными рыбами, и в это время сзади послышался частый топот и смех. Нас догоняли трое ребят.

Мальчишки как мальчишки, чуть помладше нас. И одеты совсем обыкновенно — словно прибежали на эту лунную площадь с улицы, где живем мы с Володькой. Они тащили на веревке фигуру оленя, сделанную из коряги и палок. Вернее, тащил один, а двое других пуляли в оленя из игрушечных самострелов. Олень смешно подпрыгивал на тонких деревянных ногах.

— Что это? — спросил я у Валерки.

— Просто игра. В охотников... Сейчас редко играют по вечерам, а эти смелые...

«Охотники» промчались совсем рядом с нами, мы даже посторонились. Я думал, они не обратят на нас внимания. Однако шагах в двадцати мальчишки остановились. До меня донесся неясный разговор:

— Светлый рыцарь... трубач... где стена...

Два мальчика вместе с оленем нырнули в глухую тень галереи, а третий — щупленький, немного похожий на Володьку — торопливо пошел назад к нам.

В трех шагах он остановился и выжидательно глянул на Валерку. Валерка торопливо подошел к нему. Мальчик вполголоса сказал несколько слов. И тут же бросился догонять товарищей.

— Идем, — шепотом сказал Валерка и, потянув за локоть, увел меня в похожий на щель переулок.

— Что случилось? — тоже шепотом спросил я.

— Патруль близко.

— Чей патруль?

— Не все ли равно...

Это было совсем непонятно. И не укладывалось как-то: беззаботная игра мальчишек с оленем и в то же время опасность. Какая? Почему все равно, чей патруль? Если есть враги, есть, наверно, и друзья?

Но расспрашивать было некогда. Мы торопливо ша-

гали вверх по черному от теней переулку. Лунное небо горело над нами зеленовато-голубой щелью.

- Куда мы идем? — вздохнул я.
- В заброшенный замок.
- Зачем?
- Ты же спрашивал, где Братик...

8

Барабанщики маршировали во внутреннем дворе замка. Их пестрые, но ровные шеренги проходили от стены до стены, разворачивались и шли обратно. Ребята не били в барабаны, они, видимо, просто учились ходить в строю. Их было около сотни, но мальчишечий шаг их был легкий, и только негромкий шелест разносился над каменными плитами.

Высокие плоские стены с трех сторон обступали обширную площадь двора, а с четвертой ее замыкало длинное здание с тремя рядами узорчатых окон и сводчатой галереей.

Мы постояли в воротах рядом с молчаливым паренком-часовым. Потом прошли вдоль стены в тень галереи.

Оранжевым огнем горели у стен факелы. Кое-где они были воткнуты в железные кольца, а чаще — просто в щели между камнями. Их пламя было ярким, но коптящим. По стенам вверх от факелов тянулись длинные языки сажи.

Огненный свет захлестывал края площади, но чем дальше от стен, тем слабее он делался, и отблески пламени перемешивались с лунными лучами. А в центре площади луна была полной хозяйкой, и плоскости гранита отбрасывали голубоватые блики. Пока барабанщики шли через площадь, по ним как бы прокатывались разноцветные волны. Вблизи от факелов строгие лица мальчишек, их остро согнутые локти и тонкие, упруго шагающие ноги словно покрывались знойным загаром. А на середине каменного плаца, под луной, барабанщики становились очень бледными, и только глаза их блестели по-прежнему: решительно и резко.

Иногда шеренги проходили совсем рядом с нами, и я искал глазами Братика. Но много там было таких — русоголовых и маленьких. Они мелькали, и я не успевал разглядеть. Зато я разглядел узор на атласных рубашках барабанщиков. Рубашки их, широкие и довольно длинные, с короткими рукавами и большим квадратным воротом,

были всяких цветов, но на груди и на спине у всех виднелся одинаковый знак: черная угловатая спираль, пересеченная белой стрелой. Видимо, эта одежда служила барабанщикам формой. Я не сразу понял, что она мне напоминает. А потом вспомнил: так одеты были легкие воины-копьемосцы, которых я видел в книжке про Троянскую войну. Только у ребят не было круглых щитов и тонких копий.

Зато у них были барабаны.

Похожие на синие бочонки, эти барабаны казались чудесно большими для мальчишек. И были они, видимо, слишком тяжелы. Но барабанщики шагали легко и прямо.

И я вдруг почувствовал, что так же легко и прямо пойдут они, когда наступит срок, навстречу опасности.

От резкого толчка тревоги я коротко вздохнул и встал поближе к Валерке. В этот момент очень высокий голос прокричал непонятную команду. И почти сразу ахнули барабаны. Гулкие ритмичные удары заполнили всю площадь, задавили ее, как лавина. Барабаны били, неторопливо отмеряя шаги, а промежутки между ударами были пересыпаны сухой дробью.

При первом ударе я вздрогнул, уронил рапиру. Засмелся и посмотрел на Валерку. Он что-то сказал, но я лишь увидел, как шевельнулись губы.

Барабаны смолкли. Гул в ушах быстро прошел, и опять стал слышен шелест шагов. Это квадратный строй барабанщиков продолжал свой молчаливый марш.

— Понял теперь, какие они? — серьезно обратился ко мне Валерка.

Я не совсем понял, но кивнул. И спросил:

— А где же Братик?

— Сейчас, — сказал Валерка.

Он вышел из-под арки, высоко вскинул руку, махнул несколько раз ладонью. Почти сразу откуда-то из середины шеренг выскочил светловолосый мальчик в блестящей зеленой рубашке. Строй пошел дальше, а мальчик, придерживая барабан, побежал через площадь прямо к нам.

В двух шагах он остановился — запыхавшийся и, видимо, встревоженный. И я увидел, что это Братик.

Блестящими глазами Братик посмотрел на Валерку, затем на меня. Моргнул. Потом улыбнулся — застенчиво и обрадованно: узнал. И ничего не сказал. А я забыл свой взрослый опыт, мне опять было двенадцать лет, и я тоже не знал, что говорят при таких встречах. Тоже смотрел и улыбался. Потом протянул ему ладонь. Он торопливо

переложил в левую руку барабанные палочки и дал мне свою ладошку. Она была сухая и горячая.

— А что с котенком? Помнишь, тот рыжий?.. — спросил я (надо было все-таки что-то сказать).

Братик снова улыбнулся. Чуть-чуть. И, все еще смущаясь, стал смотреть на свой барабан. Ответил тихонько:

— Котенок по крышам бегают... Только он уже не котенок, он большой.

— А ты тоже подрос немножко, — сказал я, хотя, по правде говоря, не заметил этого.

Он вскинул на меня глаза и серьезно согласился:

— Немножко.

— Ты ушел из строя. Ничего? — сказал ему Валерка.

— Ничего, — отозвался Братик. — Сейчас все равно кончаем.

— И домой?

Братик опустил глаза.

— Нет. Я еще с ребятами...

Тень беспокойства прошла по Валеркиному лицу.

— Я недолго, — быстро сказал Братик.

Валерка промолчал. Братик озабоченно глянул на него, поставил на камни загудевший барабан, ловко скинул через голову и бросил на него свою форменную рубашку.

Теперь он был совсем такой, как в первый день знакомства: выгоревшие вельветовые штанишки, голубая майка с неумело заштопанной дыркой на боку, старенькие сандалии. И только одно мне было незнакомо: не то медальон, не то амулет на белом крученом шнурке. Он висел у Братика на шее, как висят обычно у мальчишек квартирные ключи. Это был коричневый приплюснутый шарик размером с небольшую сливу. Костяной или деревянный, гладкий.

— Сними знак, — сказал Валерка. — А то на улице любой узнает, что ты из барабанщиков.

Братик послушно снял медальон и сунул в кармашек. Торопливо затолкал шнурок, чтобы не болтался снаружи, а потом сказал слегка виновато:

— Все равно узнают...

— Как? — с беспокойством спросил Валерка.

— Ну как... видно же. По синяку догадаются. У каждого такой. — Он шевельнул ногой.

Валерка быстро пригляделся.

— Дай-ка факел...

Он легко подхватил Братика, тот встал ему на плечи, дотянулся до факела, горевшего на столбе между двумя

арками. Вместе с ним прыгнул на камни. Стало совсем-совсем светло. У Братика ярко зазолотились волосы и на плечах запрыгали медные блики. Валерка взял факел и присел.

— Ух ты... — тихонько сказал он.

Я тоже присел.

На левой ноге пониже колена у Братика был не синяк, а большой кровоподтек. Из мелких ссадин кое-где выступили красные капельки.

— Елки зеленые... Откуда это? — спросил я.

— Барабаном настукало, — сказал Братик и облизнул губы. — Нижним ободом. Он железный, острый...

— Что же повязки не сделаете? — упрекнул Валерка.

— А... некогда все, — небрежно сказал Братик. — Да теперь уже все равно. Недолго осталось...

Я, не понимая, смотрел то на него, то на Валерку. Что недолго? О чем он говорит? Ясно было одно: должность барабанщика для Братика совсем не праздник.

— Забинтовать? — спросил Валерка у Братика.

— Да ну... — сказал тот.

Я вспомнил солнечный заросший склон у Северо-Подольской крепости: как я тогда скатился по нему и ободрался до крови.

— Приложи подорожник, и все пройдет, — сказал я Братiku. — Помнишь?

Он улыбнулся: он помнил.

Мне стало хорошо-хорошо оттого, что он сейчас рядом. Он и Валерка. Ну и пусть опасность! Пускай я мальчишка, но я помню, как меня учили работать клинком еще тогда, когда я был большим.

Я поднял лежавшую на камнях рапиру и выпрямился.

Валерка протянул мне факел.

— Пристрой куда-нибудь... Осторожно.

Это была гладкая палка с глубокой глиняной плоской, приклеенной комками смолы. Оранжевое, с копотью пламя жарко металось над плоской. С ее краев падали маслянистые капли и тут же загорались на гранитных плитах яркими языками.

Аккуратно, чтобы не капнуть на руки, я воткнул факел в расщелину среди камней под аркой.

Валерка вполголоса сказал Братiku:

— Говоришь, что вас все равно узнают. И вы ходите так... без всего?

— С самострелами, — быстро сказал Братик.

Валерка сумрачно усмехнулся:

— Самострел — это на один раз.

Братик опустил голову и шевельнул плечом.

Валерка сказал:

— Возьми мой нож.

— Давай! — обрадованно откликнулся Братик.

Валерка отстегнул от ноги чехол с метательным ножом. Примерил Братику. Кожаные кольца были велики. Концом рапиры я проколол новые отверстия, но и это не помогло: ремни болтались на ноге у Братика.

— Давай так, — сказал Братик. Выдернул нож из чехла и сунул за пояс.

— Не поранься, — встревоженно сказал Валерка.

— Не... Я буду осторожно. Я пойду?

Валерка молча кивнул. Братик ласково подержался за его локоть, попрощался со мной глазами и, не оглядываясь больше, быстро пошел через замковый двор. Строй барабанщиков распался, и они теперь пестрой толпой стояли у дальней стены.

— Идем, — сказал Валерка.

Мы прошагали вдоль галереи и через сводчатые ворота вышли на улицу.

9

Теперь я не был спокоен. Я все думал о Братике, и тревога не оставляла меня.

— Может быть, его подождать? Может быть, его надо охранять? И всех других...

Валерка покачал головой и медленно пошел от ворот. Я за ним.

— У барабанщиков свои дела, — сказал Валерка. — И пока ребята вместе, их никто не тронет. А когда они расходятся... Каждого ведь невозможно проводить, их больше сотни.

— А кто их может обидеть?

Валерка пожал плечами:

— Понимаешь... вроде бы никто. Барабанщиков не трогают даже в бою. Они же маленькие и без оружия. И факельщиков не трогают... Это у цеха оружейников мальчишки-факельщики... Конечно, в свалке все бывает, но нарочно никто не ударит. Это вечный закон. Даже воины Данаты не трогали маленьких.

— Да, «не трогали!» — сказал я. — А сам рассказывал, как на вас замахнулись мечом.

— Это же была тяжелая пехота, меченосцы. Наемни-

ки. Разве это люди?.. Даната их потом разогнал, а начальника повесил на подъемном мосту.

Я нетерпеливо спросил:

— Если маленьких не трогают, чего же бояться?

Валерка сказал сумрачно:

— Однажды был бой на улицах, недалеко отсюда. Оружейники сошлись с отрядом Большого Зверя. Началась свалка... Ну, как всегда. А шестерых барабанщиков отеснили в переулок. Когда разошлись, унесли раненых, этих барабанщиков нашли у стены. С тех пор так и говорят про это дело: «Была Стена»... Они лежали заколотые, все шестеро.

Я подумал о Братике, и стало жутковато.

— Кто их?

— Никто не знает. Предводители оружейников принесли клятву Огня, что их люди не делали этого. Такую клятву нельзя нарушить... Но тогда кто? — он взглянул на меня требовательно, словно я знал.

— И что дальше? — спросил я.

— Дальше... Барабанщики собрались в один отряд и стали вооружаться. И потребовали себе медальоны, как у взрослых. Сказали: «Раз мы рискуем, как взрослые, давайте нам знаки».

— Это такой орех на шнуре? — вспомнил я.

— Да. Есть обычай: каждый взрослый носит такой медальон.

— Зачем?

— Не знаю. Раньше того не было...

— А Стена... далеко?

— Здесь...

Мы свернули в укрытый тенью переулок. С одной стороны стояли плоские дома с редкими темными окнами. С другой тянулась стена, сложенная из ноздреватого песчаника. Вверху она была разрушена, и гребень порос кустиками травы.

Невысоко от гранитного тротуара на железных кронштейнах горели граненые фонарики. Шесть фонариков. Небольшие, разной формы. Они висели вразброс. Желтые пятна света падали от них на песчаник.

Ни надписей, ни барельефа, только фонарики. Да еще пучки цветов, торчащие из расщелин в камне. Сухие цветы, похожие на бессмертники.

Было совсем безветренно, однако мне показалось, что фонарики тихо качаются. Может быть, от нашего дыхания?

Я шепотом спросил:

— Братик тоже был тогда барабанщиком?

— Нет. Он ушел к ним потом, когда узнал о Стене... Думаешь, что он такой тихий и послушный? Он отчаянный.

— Он маленький, — сказал я.

Фонарики горели неярко и ровно.

— Надо идти, — напомнил Валерка.

Мы вышли из переулка и поднялись на горбатый мостик с каменными столбами по краям. На столбах блестящие разбитыми стеклами четырехгранные светильники. Огня в них не было.

Глубоко под мостом черной водой журчала речка.

Валерка вдруг сказал:

— Те шестеро тоже были маленькие...

— Да... Но я не понимаю... Кто с кем сражается. За что? Кто за кого? — с досадой спросил я.

— Черт их знает! — в сердцах сказал Валерка. — Каждый за себя.

— А зачем малыши суются в эту свалку?

— Так уж повелось. Вместе с отцами сначала... А потом... Сейчас у барабанщиков и факельщиков свое дело.

— Какое?

— Я расскажу... Подожди!

Навстречу нам шеренгой шли трое. В тускло-малиновых мундирах и медных нагрудниках. Двое — в плоских касках, напоминавших тазик Дон-Кихота, третий — в широкополой шляпе, похожей на мушкетерскую. Наверно, офицер.

— Гвардейцы, — пробормотал Валерка. — Патруль. Ну, ничего, идем.

Когда между нами было шагов пять, гвардейцы остановились. Офицер коснулся шляпы зажатой в кулаке перчаткой. Я разглядел колючие усики и заплывшие глазки. А еще заметил, что к сапогу офицера прицеплен широкий метательный нож — такой же, как недавно был у Валерки.

— Светлый Рыцарь — Юный Трубоч, Спаситель Города... — почтительно произнес командир гвардейцев. — И его доблестный молодой друг, звания которого мы не знаем...

— Сколько слов... — настороженно откликнулся Валерка. — Что вы хотите?

Офицер слегка наклонился и вкрадчиво сказал:

— Мы слышали шум барабанов. Мы хотим знать, где ваш маленький храбрый брат и его друзья?

— Какое ваше дело? Каждый может ходить, где хочет.

— Конечно, Светлый Рыцарь, таков закон. Однако в это смутное время...

— Не мутите его еще больше, — резко перебил Валерка. — Дайте нам пройти!

— Разумеется, Светлый Рыцарь. Но мы хотели бы пройти с вами. В наши казармы.

— А мы не хотели бы! — громко сказал Валерка. Он сделал движение, словно думал наклониться и взять оружие. И, видимо, вспомнил, что ножа нет. Быстро оглянулся на меня.

— Вы храбрые рыцари, вы мужчины... — неопределенно отозвался офицер и положил руку на эфес тяжелой армейской шпаги. Гвардейцы сделали то же.

Мужчиной надо быть и наяву, и во сне. Даже если тебе двенадцать лет.

— Руки... — сказал я и вынул рапиру.

— Что? — не понял командир гвардейцев. —

— Руки с эфесов! — повторил я и почувствовал, как внутри все задрожало. Не от страха. — Уйдите с дороги!

— Юный Рыцарь, нас трое, — снисходительно сказал командир. — Отдайте оружие, сейчас не до игры.

И три острия затронули мою рубашку.

...Валерка правду говорил, слабаки они были в этом деле. Не дошла еще их фехтовальная наука до нашего уровня. Всего-то два простых захвата — и две шпаги зазвенели по мостовой. Валерка юркнул у меня под рукой и схватил оба клинка.

Два гвардейца обалдело смотрели на нас. Но командир их оказался покрепче. Отскочив, он ушел в глухую защиту, а потом сделал красивый выпад.

— Ну-ну, сеньор, вы не в театре, — сказал я. — Не надо эффектов.

Он стал тяжело скакать вокруг, демонстрируя приемы — устрашающие внешне, но довольно безобидные. Это было даже забавно. Я перестал волноваться. Чему их тут учили? Этот дядя в попоном на самовар панцире не знал даже, что такое нижний блок защит, и два раза пытался достать меня, падая на левое колено.

Мне стало весело. Отмахиваясь от грузного гвардейского начальника, я спросил у Валерки:

— Они все у вас такие бездарь?

— Почти, — откликнулся Валерка. — Они привыкли нападать толпой, да и то после хорошей выпивки.

Он держал в каждой руке по шпаге и показывал безоружным гвардейцам, что лучше не соваться. Те и не совались.

— А ты говорил, что у вас не воюют с детьми, — сказал я Валерке.

— У него служба такая, — не без ехидства объяснил Валерка. И попросил: — Не убивай его, он дурак.

Командир патруля уже изрядно запыхался.

— Брось оружие... Именем предначертанного будущего... — просипел он.

— Чего-чего? — спросил я и слегка ткнул рапирой в его мягкий сапог. Мой противник басовито взвыл и широко размахнулся — с явной целью снести мне своей шпагой башку. И очень удивился, почуяв у горла мой клинок.

Его рука остановилась в воздухе.

— Спокойно, — сказал я. — Вы утомились. Разожмите пальцы... Вот так. (Шпага звякнула о камни.) Можете опустить руку... Хороший замах полезен в любом деле, кроме фехтования. (Это я вспомнил слова нашего тренера в спортивном клубе «Буревестник».)

Валерка подобрал шпагу командира и потянул меня за рукав — к перилам. Мы отошли. Гвардейцы потерянно смотрели на нас.

— Отдайте шпаги, Рыцари, — сумрачно сказал один. — Нас выгонят из гвардии.

— И правильно сделают, — откликнулся Валерка. — Идите торговать вареной репой.

Всегда такой спокойный и сдержанный, он был сейчас возбужден и насмешлив. Подпрыгнув, сел на широкие перила, взял за конец одну шпагу, покачал ее, как маятник, над водой и выпустил.

Шпага булькнула далеко внизу.

— Хотите добыть оружие — купайтесь, — предложил Валерка. — Правда, там глубоко и холодно.

Я стоял рядом с ним, прислонившись затылком к каменному столбу. Валеркины глаза недобро блестели. Я чувствовал, что он не просто так издевается над гвардейцами. Он сводит счеты за что-то.

Валерка не торопясь отправил в реку вторую шпагу. Гвардейцы уныло следили за ним. Валерка взял за конец третью.

— Не надо, — сказал я. — Оставь себе. Ты без оружия.

— И верно, — спохватился он. — Пригодится... Только не привык я... — Он вдруг весело глянул на офицера. —

Эй, предводитель! Хотите вашу шпагу? Меняю на нож! Видите, у меня пустой чехол... — Валерка качнул ногой.

Командир гвардейцев подумал секунду, хмуро кивнул и, медленно сгибаясь, потянулся к ножу.

...Валерка успел подставить налокотник! Нож чиркнул по стали, свистнул у моего уха, оглушительно ударил в камень. Мелкие осколки впились мне в щеку. Я зажмурился на миг, а потом увидел, что Валерка бежит за гвардейцами. Он кричал что-то и мчался, держа шпагу, словно копье.

Но гвардейцы бежали быстрее. С одного сорвалась каска и, громко звеня, катилась поперек моста. Она долго дребезжала и вздрагивала, прежде чем улеглась на камнях.

Валерка, тяжело дыша, вернулся на мост.

— Они не люди, — сказал он тихо и зло. — Хуже наемников.

Я ладонью провел по щеке. На ладони остались полоски крови.

Я нашел на камне след от удара ножа. Это была ямка, похожая на воронку. Крупинки мрамора на свежем изломе искрились под луной. Я потрогал их — к пальцу прилипла белая пыль.

Отскочивший от столба нож валялся в трех шагах. Я подобрал его. Поднес к лицу. Нож был тяжелый, с медным шариком на костяной рукояти, с гравировкой из цветов и листьев на широком лезвии.

Подошел Валерка. Я протянул ему нож. Он торопливо сунул клинок в чехол, одним движением расстегнул куртку, рванул от белой рубашки лоскут. Прижал его к моей щеке.

— Да пустяки, — сказал я.

— Прости, — сказал он. — Это из-за меня.

— Ну что ты... — сказал я. И вернулся к столбу. Опять посмотрел на ямку в мраморе.

Ощущение реальной опасности выросло во мне неожиданно и стало очень ясным. Сон это или сказка, или все по правде, я не понимал теперь, но чувствовал одно: не закрой меня Валерка стальным налокотником — и был бы конец.

И напрасно ждал бы на берегу пруда Володька своего взрослого нескладного друга.

Я оглянулся и как бы новыми глазами увидел непонятный город: квадратные и многогранные башни с флюгера-

ми, темные арки галерей, блестящие бруски гранита на мостовой. До сих пор я смотрел на это почти как на декорацию. Сейчас это был настоящий город.

Валерка подошел и опять негромко произнес:

— Прости... Но я же говорил: это всерьез.

Он был смущен и расстроен.

А во мне заиграла радость: значит, и Валерка настоящий!

— И хорошо, что всерьез! — сказал я и подпернул перевязь с рапирой.

10

Мы торопились уйти от места схватки, чтобы гвардейцы не вернулись с подмогой.

Не могу точно вспомнить город — такая в нем была запутанность. Кажется, что башен было больше, чем домов, а мостиков, площадок и лестниц — больше, чем улиц.

Помню каменного льва, словно уснувшего на ступенях широкой лестницы. На спине у льва беззаботно сидел мальчишка лет восьми и грыз большой огурец. Льяные волосы мальчишки светились под луной. Ярко белела рубашка. На лестницу падала от мальчика и льва очень резкая ломаная тень.

Мальчик весело проводил нас глазами.

— Факельщик, — на ходу сказал Валерка. — Чего-то он ждет...

— Факельщик? Значит, он против барабанщиков? Он не наведет на след?

Валерка улыбнулся:

— Никогда.

Мы оказались высоко над улицей, на мостике, соединявшем две башни. Валерка остановился, ухватившись за перила. И вдруг сказал тихо, но резко:

— Надоело.

Рванул с руки налокотник и швырнул с размаху. Железо, разбивая тишину, загремело по крышам и карнизам. Валерка стянул куртку и тоже бросил. Она темной птицей улетела в глубину улиц.

— Ты что? — сказал я.

Он повернул бледное от луны лицо.

— Смотри, какой город... Хороший, да? Мы так по нему тосковали тогда... А вернулись — и что? Кругом драки, ножи из-за угла. Все с ума посходили...

— Почему напали гвардейцы?

— Не знаю, это первый раз. Они раньше не вмешивались, но недавно я почувал: они почему-то невзлюбили барабанщиков.

— Значит, они за тех... за других?

Валерка сердито пожал плечами.

— Они — ни за кого. Доблестная гвардия служит только Великому Канцлеру и охраняет его особу.

— Кто такой Великий Канцлер?

Валерка усмехнулся:

— Га Ихигнор Тас-ута, Отец и Защитник Города и всех степей и гор до самого Океана.

— И этот... Отец и Защитник... он за кого?

Валерка опять усмехнулся.

— За кого... Он слишком велик. Он скорбит о раздорах и горюет о погибших. А предводители разных цехов и общин режутся, чтобы получить повыше звание в свите Великого. И все клянутся в любви к нему и к народу... А люди гибнут.

— Так какого же черта этот Канцлер, если он горюет и скорбит, не наведет порядок?

— А зачем? — с горечью произнес Валерка. — Все идет как предписано. Сказано в Книгах Белого Кристалла, что будет время... как его... да, Эра Багровых Облаков. И будут бои, которые необходимы, чтобы победила Истина. А потом придет Время Синей Воды, и народ заживет счастливо и мирно при мудром правлении великого Га Ихигнора. А когда настанет Время Второго Рассвета, Га Ихигнор Тас-ута, сотворивший счастье, уйдет на покой, передав знаки власти юному Хозяину Света и Ветров, который еще не родился...

— Что за молитву ты прочитал? — спросил я. — Что за бред?

— Ты не знаешь еще... — откликнулся Валерка. — Это не бред. Этому верят все... Говорят, что лет двести назад Большой Звездный Мастер — самый главный ученый — сумел победить время и побывать в глубине будущего. Он записал все, что должно случиться на много веков вперед. Получились целые книги...

— Книги Белого Кристалла?

— Да... По ним можно узнать заранее, что случится в этом мире.

— Скучно так жить, — сказал я.

Валерка пожал плечами.

— Чушь какая-то, — сказал я.

— Может быть, — откликнулся Валерка. — Но понимаешь... Все, что известно заранее, в самом деле случается: битвы, пожары, открытия ученых. И хорошее, и плохое.

— Но если плохое известно заранее, можно постараться его победить! Можно предупредить несчастье! Ведь, наверно, для того и написаны книги!

Валерка вздохнул:

— Здесь говорят: «От написанного не спрячешься». И мудрый Канцлер учит жить, как велят Книги.

— Зачем?

— Ну, послушай, — как-то очень по-детски сказал Валерка. — Я же еще не взрослый, я сам не понимаю. Все это случилось без меня. Мне рассказал про это Звездный Мастер из Северной башни, мой друг... Он все знает...

Я вспомнил шесть фонариков у Стены...

— Если все известно наперед, то и про тех барабанщиков знали? Что их убьют...

Валерка вздрогнул. Глаза у него стали большие и очень темные.

— Не знаю... Я не думал, — тихо сказал он. — Ну... ведь, наверно, не о каждом написано, а только о больших событиях.

— А Стена — маленькое событие?

Он медленно опустил голову.

Потом оттолкнулся от перил и пошел к башне. И, не оглядываясь, сказал:

— Все было ясно, когда я был трубачом...

Мне стало жаль Валерку. И чтобы отвлечь его от грустных мыслей, я пошел следом и спросил:

— А чего этот офицер так величал тебя: «Светлый Рыцарь... Спаситель»?

Валерка не обернулся, но я почувствовал его улыбку.

— Ну, помнишь, я рассказывал?.. Когда меченосцы ворвались в крепость, я затрубил... Я все же успел, наши построились в боевые треугольники. А когда наши воины так вставали, разбить их было нельзя. И в этот раз тоже: они сперва защищались, а потом пошли в атаку и выбили врага...

— Значит, ты спас Город...

— Так говорят...

— Выходит, ты знаменитость?

— А толку-то... — сказал Валерка.

Снова площадь. Очень ровная, покрытая шестиугольными плитами. И окружали ее не дома, а узловатые деревья, на которых, как фонарики, светились под луной желтые цветы.

Посреди площади, за круглым каменным барьерчиком, в окружении громадных медных колес и рычагов блестел большой стеклянный цилиндр с прозрачными шарами на концах. Он был подвешен на оси за середину к двум узорчатым столбам. Вся эта машина казалась ростом с двухэтажный дом, а сам цилиндр напоминал громадные песочные часы, только внутри был не песок, а вода: она тонкой струйкой бежала из верхнего шара в нижний — совсем уже полный.

— Часы? — спросил я.

— Да.

— Очень уж большие.

— Время — вещь серьезная, — сказал Валерка. — Это Главные полуночные часы. Им двести лет, и они никогда не ошибаются. Их строил Большой Звездный Мастер.

Отражения луны горели на стеклянных шарах нестерпимо яркими огоньками. Я мигнул и посмотрел в сторону, на темные деревья. В глазах плавали круглые зеленые пятнышки. Но сквозь них я все равно увидел гвардейцев. Они стояли всюду, замыкая проходы между стволами. Молчаливые и неподвижные. Тускло блестели их медные шлемы.

— Смотри-ка, — шепотом сказал я.

Валерка — молодец. Он не дрогнул. Только трофейную шпагу переложил из левой руки в правую.

А меня даже замутило от предчувствия беды: их была целая рота, никакое фехтование не поможет, сомнут и скрутят. Но говорить я старался беззаботно:

— Будет свалка?

— Здесь не будет, — сказал Валерка. — На этой площади никто не смеет драться. Говорят, что Канцлер очень редко спит, а вон его окно.

И Валерка указал куда-то вверх.

Я увидел темную башню, самую высокую из всех. Под карнизом ее острой крыши неярко горел оранжевый квадрат. словно странное четырехугольное светило поднялось над площадью.

— Он там живет, этот ваш Канцлер?

Валерка кивнул.

Я на минуту забыл о гвардейцах: простая до удивления мысль словно тряхнула меня.

— Послушай! Там крутые и длинные лестницы! А если однажды Канцлер поскользнется и сломает шею? Вдруг?! Ведь всякое случается! Как тогда быть с Эрой Синей Воды и всякими другими? Все предсказания полетят к чертям!

Валерка глянул удивленно.

— Ну... значит, не поскользнется и не сломает... А вот нам сейчас могут шеи сломать, если попытаемся выйти с площади.

— Чего нас сюда понесло? — с досадой спросил я.

— Мне хотелось показать тебе часы.

— Самое время для экскурсий...

Валерка подошел ко мне вплотную, грустный, но решительный.

— Не сердись, — сказал он. — Я втянул тебя в опасные дела. Но сейчас ты можешь уйти.

— Куда? — растерянно спросил я.

— Вернуться к себе.

— Как?

— Сейчас это просто. В несколько секунд. Я объясню.

— А ты? Ты можешь уйти со мной?

— Могу...

— Так давай!

— А Василек?

О черт же возьми! Как я не подумал!

— Тогда о чем ты говоришь, — тихо сказал я. — Как я без вас?

— Но будет кровь...

Я вдруг понял, что сейчас разревусь, как ревут мальчишки от нестерпимой боли. И чтобы этого не случилось, я заговорил шепотом:

— Зачем ты так? Разве я вас бросал? Разве я когда-нибудь трусил? Я всегда... с вами... а ты...

Он почуял мои слезы. Очень растерялся и смутился. Он сунул шпагу под мышку и взял меня за локти горячими пальцами.

— Извини. Ну, пожалуйста... Просто я должен был это сказать, на всякий случай.

— Братик никогда бы так не сказал. Он умнее тебя, — буркнул я.

— Конечно, — согласился Валерка искренне и торопливо.

Я улыбнулся.

Он тоже.

— Ладно, — сказал я. — Как-нибудь отмахаемся.

Гвардейцы неподвижно, как идолы, стояли среди деревьев. Но в этой неподвижности была нахальная уверенность.

— Послушай, а как я мог уйти? — спросил я. — Ты не подумай... Просто интересно.

Валерка кивнул.

— Это самый легкий переход. В ночь большого полнолуния в океане очень сильный прилив. Океан всей тяжестью бросается на берега — и такой толчок... Ну, я не могу точно рассказать. Мне это объяснял наш Звездный Мастер, но я до конца еще не понял. В общем, планета чуть-чуть вздрагивает и еле заметно сбивается с орбиты. И в пустоте сбивается, и во времени. И наше пространство на миг словно сталкивается с другими пространствами... Видишь лунные лучи?

Я пригляделся и впервые различил в лунном воздухе серебристые, тонкие, как фольга, полосы. Некоторые из них чуть заметно дрожали.

— Надо встать в поток дрожащих лучей и ждать удара, — сказал Валерка.

Раздался перезвон. Негромкий, но очень настойчивый. Сразу стало ясно, что его слышно во всем Городе. Медные рычаги и зубчатые колеса пришли в движение, цилиндр перевернулся пустым шаром вниз. В этот шар ударила искрящаяся струйка. На миг пришло ко мне ясное ощущение, что я лежу на дощатом плотике и жду Володьку. Но тут же оно исчезло. Видимо, я не стоял в пучке дрожащих лучей.

— В такие ночи самый большой прилив, — сказал Валерка.

— У нас такие дела называются научной фантастикой, — сказал я.

Валерка улыбнулся, но тут же нахмурился и совсем другим голосом произнес:

— Фантастика будет, если пробьемся к дому. А пробиться надо, Василек ждет.

Мы побились. Заранее договорившись, мы взяли на изготовку шпаги и пошли прямо на гвардейцев. Те, кто оказался позади, широкой дугой двинулись за нами. А мы прошли двадцать шагов и, развернувшись, бросились на преследователей. Ух как бросились! Встречный воздух уда-

рил меня по лицу и по ногам, словно лохматым полотенцем! Башни, казалось, падают навстречу!

Круг, в который нас замыкали гвардейцы, был широким. Враги не могли броситься на нас все сразу. К тому же те, кто оказались перед нами, стояли теперь на площади. Обычай запрещал им здесь драться.

Валерка на бегу сбил бородатого вояку. Я вытянул клинком по чьей-то медной кирасе, и рапира долго звенела, как камертон. Мы прыгнули в тень деревьев, потом промчались сквозь хрупкие кусты, проскочили две галереи и разрушенную лестницу, перелезли через кирпичную изгородь. Остановились мы на заросшем пустыре, где валялся вверх лапами каменный зверь, сбитый с постамента. У него была добродушная морда и поломанные перепончатые крылья. Я сел на мраморное брюхо зверя и отдышался.

Рубашка на плече была порвана. Болел ушибленный локоть. К тому же на краю пустыря я влетел в крапиву, а она, подлая, в здешнем сказочном лунном мире жалилась в точности как у нас дома.

Я сказал об этом Валерке. Он весело заметил, что если это самая большая неприятность, то жить можно. И добавил:

— Зато мы почти пришли.

12

Их дом прилепился к развалинам громадного здания, похожего на храм. В светлом небе чернели разрушенные арки и обломки колонн, а домик прятался в тени. Он был сложен из камней, взятых здесь же, на развалинах, и почти сливался со стеной храма. Только два полукруглых окошка светились, как два больших глаза.

«Небогато для Светлого Рыцаря и Спасителя Города», — подумал я.

Валерка особым образом постучал в сбитую из грубых досок дверь: раз, три раза, потом еще три...

Что-то лязгнуло, дверь, помедлив, со стоном отошла внутрь. Я увидел Братика. Он стоял у порога и держал в опущенной руке тяжелый взведенный самострел. С мягким упреком Братик взглянул на Валерку.

— Что вы так долго? Я жду, жду...

Валерка обнял его за плечи, и мы молча вошли в дом. В глиняных плошках горело у стен яркое пламя.

Валерка взял у Братика его оружие, вынул из желоба

железную стрелу с шариком вместо острия, нажал на спуск. Тетива сорвалась с тяжелым звоном, гул заполнил комнату.

Я попросил у Валерки самострел. Это был окованный медью приклад со стальным луком, зубчатым колесом и рычагом для взвода. Крученная из жил тетива толщиной была с мой мизинец.

— Как ты заряжаешь эту штуку? — спросил я у Братика.

Он в это время запирает дверь на звякающие засовы. Оглянулся и, смутившись отчего-то, объяснил:

— Мы каждый самострел впятером натягиваем, а потом уже берем себе.

Затем он поманил Валерку, поднялся на цыпочки и что-то зашептал ему на ухо.

Валерка рассмеялся:

— Он стесняется. Говорит, что не знает, чем кормить гостя... Это не гость, Василек.

— У... — тихонько сказал Братик и слегка толкнул Валерку в бок. Потом с лукавинкой глянул на меня и убежал за серую дерюжную занавеску. Сначала он притащил и бухнул на стол чугунный горшок — по стенкам посуды стекали капли молока. После этого принес громадный поджаристый каравай. Прижимая хлеб к майке, Братик широким Валеркиным ножом стал отрезать большие ломты. Ух как я захотел есть!

Мы поужинали за круглым столом, неизвестно как попавшим в эту лачугу (богатый был стол — с инкрустацией и витыми ножками, — только очень старый и скрипучий).

Когда ужин подходил к концу, из окна в комнату бесшумно прыгнул рыжий усатый зверь. Сел у стола, зажмурился и замурлыкал с громкостью включенной стиральной машины.

— Это Рыжик? — спросил я. — Такой вымахал?

— Ага... — сказал Братик. — У, бродяга. Опоздал, а теперь попрошайничаешь.

Он стал кормить нагулявшегося Рыжика, а мы с Валеркой легли на широкий топчан, застеленный белым войлоком. Таким же войлоком укрылись. Он был очень легкий и шелковистый.

Братик задул плашки и полез между нами.

— Ну-ка, раздвиньтесь. Все заняли, какие хитрые... — Он уже не стеснялся меня.

— Ты лягаешься во сне, — сказал Валерка. — Ложись у стенки. Тогда хоть я один буду страдать.

— Ага, у стенки... Там пауки-косиножки ходят, я их боюсь.

— Наш храбрый барабанщик...

— Подумаешь... А ты боишься с большого моста нырять.

— Ябеда, — ласково сказал Валерка.

На лежак прыгнул Рыжик, долго возился у нас в ногах, наконец устроился и заурчал.

Я зажмурился, и на миг показалось, что я в деревне у бабушки и ночую на сеновале с Алькой Головкиным и Мишкой Масловым — одноклассниками и друзьями детства. А в ногах — беспризорный, но любимый кот Жорка.

Я опять открыл глаза. И только сейчас в яркой полосе лунного света заметил на стене два рисунка. Их сделали углем на штукатурке. Слева был портрет усатого Рыжика — смешной и очень похожий. Справа и повыше — парусное судно. Хорошо нарисованный корабль, вроде испанского галеона, только с более низким корпусом. Паруса были надуты пузырями, а из-под форштевня крыльями разлетались волны.

— Кто это рисовал? — спросил я.

— Василек, — сказал Валерка. — Хорошо, да?

— Ладно тебе... — шепотом сказал Братик.

— Здорово нарисовано, — сказал я. — А я и не думал, что у вас есть такие корабли.

— Были, — со вздохом сказал Валерка. — А сейчас порт опустел, корабли гниют у причалов.

— Почему?

— Все боится, что волны разобьют дамбы и весь берег будет затоплен...

Братик вдруг зашевелился и сказал мне тихонько:

— Знаешь, мы когда вернулись, хотели пойти в моряки. А кораблей нет.

— Но почему? Почему не чинят дамбы, зачем все бросили?

Валерка ответил с сердитой усмешкой:

— Некогда. Эра Багровых Облаков. Все воюют...

Я не помню, долго ли шел ночной разговор. Но утром я уже многое понимал. Знал, что население Города разбилось на две враждующие группы и каждая обвиняет противника в неумеренной жажде власти и нежелании работать. Вожаки хотят получить важные посты, а простые горожане бьются кто за что: за право торговать без налогов, за право строить дома на месте развалин, за какие-то

почетные звания и еще — для того, чтобы отомстить за полузабытые старинные обиды. А многие — видимо, просто по привычке и чтобы не осудили сограждане. Что поделаешь, сражения предсказаны Книгами, и даже Великий Канцлер не в силах их предотвратить.

Разбились на две партии и мальчишки. Пошли в барабанщики к старому герцогу по прозвищу Большой Зверь и в факельщики к вожакам цеха оружейников. Для них это было вроде игры — опасной и увлекательной. Сначала... Но пришлось хоронить отцов, а потом факельщики и барабанщики встречались в одной школе. Когда горе, то не до игры. А для серьезной вражды не было уже сил. Случались, конечно, бои и даже кровь, но никто не знал толком, за что дерется. А Утренняя площадь, где когда-то стояли кукольные театры и карусели, зарастала сорняками. А факелы и барабаны были слишком тяжелы... Потом случилась Стена, и кто-то из факельщиков вдруг спросил: «А наша очередь — когда?»

Их учили в школе слушаться Книг, но не все мальчишки прилежные ученики. И кто-то в первый раз начертил на доске угловатую спираль, рассеченную прямым ударом: старинный знак «преодоленного времени». Теперь этот знак приобрел другой смысл: «Разбить предсказание Белого Кристалла». Взрослые — те, кто о чем-то догадывался, — грустно смеялись: разве можно изменить законы Книг?

Но дети часто не верят взрослым...

Я узнал, что есть заговор. Вернее, план. Армии всегда идут за барабанщиками и факельщиками, и ребята решили свести оба войска на старинной улице, у крепостных ворот. Эта улица в давние времена перегораживалась железными решетками для защиты от врагов. Мальчишки задумали пробраться в Цепную башню, где механизмы, и опустить решетки, рассечь армии на мелкие группы.

— А потом? — спросил я.

— Они не смогут драться, — сказал Братик. — И мы потребуем от всех Клятву Огня, что больше не будет боев.

— А если не дадут они клятву?

— Пусть попробуют... — сумрачно сказал Братик. И я услышал, как тревожно вздохнул Валерка.

Утром Братик убежал к барабанщикам, а мы с Валеркой прошлись по Городу. Было солнечно и мирно. Торговали лавки с овощами и рыбой. Женщины в длинных платьях тащили к речке корзины с бельем. Усатые мужчины в разноцветных рубашках и клеенчатых шляпах чи-

нили каменную изгородь. Две крошечные девочки в клетчатых сарафанах везли на тележке бочонок с водой. Мы помогли им...

Нигде не было гвардейцев.

— Все-таки что нужно было патрулю от барабанщиков? — вспомнил я. — Может быть, узнали про заговор?

— Может быть, — хмуро сказал Валерка. — Хотя какое их дело? Они не должны вмешиваться... А в эту затею с решетками я не верю. Об одном думаю: лишь бы ничего не случилось... с ребятами, с Васильком... Ты знаешь что? Поучи меня сегодня на шпагах...

Мы вернулись домой. Почти весь день, с небольшими перерывами, среди развалин храма я учил Валерку приемам спортивного фехтования — скупым и стремительным движениям. Он здорово устал, но зато многое усвоил.

Два раза прибегал Братик. Последний раз он ушел от нас под вечер, и мы проводили его с молчаливой тревогой. Мы знали, что бой будет сегодня.

— А почему нам не пойти с барабанщиками? — спросил я.

— Мы подождем их у башни. Так будет лучше.

13

К Цепной башне мы пробрались через пустыри и болотистые проходы под мостами. Башня была квадратная, двухъярусная, с темно-серыми стенами. К верхнему ярусу вела наклонная галерея со ступенями. Мы взбежали по ней, встали за гранитными столбами навеса.

Под нами лежала пустая неширокая улица. Ее плоские трехэтажные дома через каждые двадцать шагов соединялись поперек мостовой воротами. Вернее, это были не ворота, а высокие стены, прорезанные внизу широкими арками. Я знал теперь, что в толще этих стен притаились тяжелые ржавые решетки.

Солнце садилось. Оно светило вдоль улицы длинными лучами. Стены и мостовая казались красноватыми. И тихо было так, словно все в городе уже погибло.

Потом вдали ухнули барабаны.

...Вначале все шло как было задумано. Правда, походило это не на завязку битвы, а, скорее, напоминало начало какого-то праздника.

Пестрые ряды барабанщиков появились справа от нас. За ними колыхались разноцветные знамена, красными бликами горели наконечники копий и медные шлемы.

Слева вышли шеренги мальчишек в одинаковых алых рубашках. Факельщики. Было светло, и факелы не горели. Ребята несли их на плечах, как солдаты носят карабины.

За факельщиками тоже мерцали каски и щетинилось оружие.

Барабаны смолкли. Армии сходились в молчании. Оба войска выглядели пестро, но люди шли слаженно. Ритмичные удары шагов заполнили каменный коридор улицы.

Мне стало страшно. Показалось, что сейчас шеренги столкнутся и начнется неуправляемый бой. Мельком я взглянул на Валерку. Он стоял, стиснув себе плечи, прямой, со сжатыми губами. Неотрывно смотрел вниз, на улицу. Видимо, он тоже боялся.

Но боялись мы зря. Четко, как на параде, шеренги факельщиков и барабанщиков прошли друг сквозь друга. Затем факельщики сделали поворот направо, барабанщики — налево, и все разом кинулись к башне. Лишь несколько ребят остались между армиями и отчаянно вскинули руки, словно хотели удержать взрослых воинов. Оба войска действительно остановились.

Мальчишки действовали слаженно. Большинство из них ухватились за руки и встали перед башней живыми цепями, в несколько рядов. А человек двадцать кинулись вверх по галерее. На ступенях загудели брошенные барабаны.

На улице нарастал шум взрослых и ребячьих голосов. Один мальчишечий голос — тонкий и отчаянно яростный — все время повторял:

— Стойте! Не смейте! Не смейте!

Те, кто ворвался на галерею, поравнялись с нами. Все происходило так быстро! Мы с Валеркой увидели Братика, рванулись к нему и вместе вбежали в сводчатый коридор.

Сначала была полная мгла, но очень скоро зажглись факелы. Двое мальчиков в алых рубашках проскочили вперед и освещали дорогу.

Коридор вывел на квадратную площадку, а от нее кругами уходила вверх широкая лестница. Наш бег был молчалив и стремителен. Только гулкий топот разносился среди стен. Один из факельщиков поскользнулся и упал. Толпа могла налететь сзади, но Валерка успел подхватить и поставить мальчишку. Тот благодарно улыбнулся и, сильно хромя, побежал дальше. Он не выпустил горящий факел.

Лестница кончилась, и мы высыпали в просторную сводчатую комнату, где было очень светло.

Горели развешанные по стенам фонари (кто их зажег?). Я увидел зубчатые барабаны и громадные деревянные катушки с намотанными цепями.

И тут же я увидел гвардейцев.

Они стояли всюду, у каждого барабана, в глубоких оконных нишах, на каменных выступах и бревенчатых балках. Поверх малиновых мундиров на гвардейцах красовались золоченые наплечники и желтые панцири из тисненой кожи. А на головах — клеенчатые шапочки с черными перьями. Каждый держал легкую трехгранную рапиру...

Стало тихо-тихо. Я вдруг почувствовал, что здесь очень холодно и пахнет гнилым деревом. И услышал частое дыхание ребят. Никто не ждал, что здесь будет охрана: мы натолкнулись на засаду, как волна на стенку. Никто, наверно, не испугался, просто растерялись.

Просто никто не знал, что теперь делать.

Темноволосый курчавый мальчик, которому только что помог Валерка, вдруг подскочил к барабану с цепями и рукоятью факела ударил деревянный клин, торчавший между зубьями шестерни. Клин не шевельнулся. Стоявший рядом гвардеец как-то механически поднял кулак в желтой очень короткой перчатке и опустил на голову мальчишки. Факельщик беззвучно упал, скорчился на кирпичном полу, подтянув к подбородку ободранные коленки.

Я прыгнул и как бы со стороны услышал свист своей рапиры. Удар пришелся по запястью гвардейца. Тот молча открыл рот и, сгибаясь, прижал к животу раненую кисть.

В это время по другому ходу ворвался отряд: ребята лет шестнадцати с тонкими, словно удочки, копьями. Впереди был паренек — смуглый, с длинными желтыми волосами, в медной кирасе на кожаной куртке.

Он крикнул очень звонко:

— Прочь от машин, солдаты!

Бородатый гвардеец с лиловым шарфом поверх нагрудника неторопливо взял с кирпичного уступа взведенный самострел и нажал спуск. Стальной стержень гулко ударил по кирасе и остался торчать в ней. Паренек стал падать — очень медленно, — и все в тишине смотрели, как он падает. Потом рванулся яростный крик, копыя полетели в гвардейцев. Люди смешались, и тонкие рапиры замелькали в свете фонарей, как большие вязальные спицы.

Нечего было и думать о решетках. Гвардейцы вмиг оттеснили нас к выходу. Мы с Валеркой встали рядом и отчаянно крестили воздух клинками, пока ребята ухо-

дили на лестницу и в коридор. Братик держался за нами. Рубашку с него сорвали в схватке, и теперь он, шуплый, тонкорукый, в своей выцветшей маечке, казался особенно маленьким и беззащитным.

— Уходи! — крикнул Валерка.

Братик прикусил губу и помотал головой. Он сжимал Валеркин нож, совершенно бесполезный в таком бою.

Два барабанщика подхватили и унесли мальчика-факельщика, которого сбил гвардеец.

Я думал, что охрана отгонит нас от механизмов и не будет преследовать. Однако гвардейцы наседали и пытались схватить ребят. У двоих я вышиб клинки, троим основательно поцарапал рожи. Валерка держался рядом, не отходил ни на полшага. Он был молодец. Я видел, как он заставил отступить рослого пузатого гвардейца. Тот откинулся и сбил еще одного.

Тогда вперед протолкался бородатый с шарфом. Он криво улыбался черным открытым ртом и крутил рапирой хитрые финты. Из-за него тупо лез другой — белобрый и прыщеватый.

Валерка ткнул прыщеватого в плечо, но клинок скользнул по металлу.

— Отходите! — крикнул я и махнул левой рукой: «Туда, назад!» Неосторожно повернулся — и клинок бородатого чиркнул меня по ребрам.

Боли почти не было, но я сразу ощутил, как намокла рубашка. Прижал к ране левый локоть. Бородатый замахнулся. Ударом снизу я рассек ему на локте рукав. Гвардеец качнулся и отступил.

В этот миг я услышал, что Братик негромко вскрикнул.

Я оглянулся. Братик жалобно улыбался. Под ключицей у него, рядом с перекрученной лялочкой майки, было треугольное черное отверстие. Сначала — черное. Но тут же оно налилось словно ярко-красным соком. Тяжелый шарик крови выкатился из него и побежал под майку, потянув за собой алую полоску. Братик растерянно посмотрел на Валерку и прислонился к нему. Валерка заплакал и подхватил его на руки, уронив шпагу.

— Сволочи, — сказал он.

Видимо, прошло всего две-три секунды. Когда я повернулся к гвардейцам, они стояли на тех же местах, и бородатый держался за локоть. Я схватил Валеркину шпагу и с двумя клинками рванулся по ступеням. Я что-то кричал от ярости и отчаянья.

Не знаю, может ли быть страшным встрепанный двенадцатилетний мальчишка, даже со шпагами в руках. Но гвардейцы отступили, откатились вниз по лестнице. Я, пятясь, вернулся к Валерке и Братнику. Сердце колотилось сильно, беспорядочно и словно не в груди, а где-то в горле. Я переглатывал и кашлял.

— Уходим, быстро...

Мы оказались в темном коридоре. Нас не преследовали. Мы не стали спускаться по галерее. Валерка с Братником на руках свернул в незаметную боковую дверь, и мы вышли на висячий мостик.

Теплый воздух сразу охватил нас. Были синие сумерки: солнце уже село. Из-за крыши торчала половинка розовой чудовищно большой луны. С улицы не доносилось ни звука. Но все это я отметил мельком, между прочим. Одна мысль, одна тревога была сейчас: что с Братником?

Он висел на руках у Валерки, расслабив руки и ноги. Только голову старался не ронять, прислонил ее к плечу брата. Он по-прежнему слабо улыбался, но глаза его были закрыты.

— Очень больно, Василек? — спросил Валерка и коротко всхлипнул.

Не открывая глаз, Братик сказал:

— Не очень... Только жжет.

Мне показалось, что губы у него сухие, и он их с трудом расклеивает.

Кровь, кажется, больше не текла. Ее подсохший след на плече казался очень черным.

— Надо... перевязать... — сказал я.

Говорил я отрывисто, в промежутках между прыгающими ударами сердца.

— Здесь негде. Спустимся, — ответил Валерка.

Мы сошли по железным ступеням и оказались у знакомого фонтана с каменными рыбами, рядом с крепостной стеной. Положили Братника на край бассейна. Бассейн был сух, нечем промыть рану.

— Все равно... — сказал я. — Это временная перевязка... Все равно надо врача... В этом идиотском городе есть врачи, или только дураки и убийцы?

— Надо к Мастеру, — откликнулся Валерка. — Звездный Мастер вылечит, он знает все.

Валерка уже справился с собой. Говорил решительно. Оторвал от своей рубашки рукав, разодрал на полосы, осторожно положил бинт на черный запекшийся след рапиры.

- Больно, Василек?
Братик разлепил губы:
— Не-а. . . Только пить...
— Сейчас, сейчас...

Обдирая локти о камень, он подsunул Братику руки под шею и под коленки, поднял его снова. И пошел. А я за ним, с двумя шпагами на изготовку. Я охранял Валерку и Братика. Но не знаю, как бы я стал драться, если бы встретил врагов. Меня шатало.

14

Шли мы недолго. Но за это время луна посветлела, выкатилась на середину неба, и все, как прошлой ночью, стало ярко-голубым.

Башня Звездного Мастера стояла в глубине заросшего двора. Высоко-высоко светилось окошко, и так же высоко была дверь. К ней вели каменные ступени.

Валерка совсем вымотался и у подножья лестницы молча прислонился к стене.

— Давай, — сказал я и бросил в траву клинки.

Валерка не мог даже спорить. Молча передал мне Братика.

Братик спал или был без сознания. Он оказался вдруг очень тяжелым. Я ступал осторожно. Лестница была совсем старой: на ступенях были вытерты ногами глубокие круглые впадины.

...Потом как бы качнулась навстречу освещенная комната. Высокий человек в каком-то нелепом свитере до колен подхватил у меня Братика. Это был старый человек: с редкими седыми прядями, дряблыми щеками и жалостливым взглядом.

— Маленький мой... — сказал он.

Сзади зазвенело: Валерка бросил на пол наши шпаги.

Мы положили Братика на широкую постель, в беспорядке заваленную пестрыми одеялами. Мастер, сокрушенно бормоча, размотал повязку. Потом он кривыми ножницами перестриг лямки у майки, стянул ее вниз.

Не открывая глаз, Братик негромко застонал.

— Полминутки потерпи, малыш, — прошептал Мастер.

Я увидел у него в ладонях мясистый лист какого-то растения. Мастер ногтями содрал с листа кожицу, и заискрилась жидкая изумрудная мякоть. Этой мякотью Мастер положил лист на запекшуюся ранку. Затем, не бинтуя Братика, укрыл его по самый подбородок одеялом.

Но прежде чем он сделал это, я заметил на другом, раненом плече Братика натертую полоску. И понял: от перевязи барабана... Барабаны были слишком тяжелы, а ребята-барабанщики все же носили их. Тянули свою лямку маленьких солдат. Солдат, которые дрались против войны.

Я услышал укоризненный голос Мастера:

— Разве мальчики могут изменить предначертанное будущее?..

Ну, конечно! Мальчики ничего не могут! Они тянут свою лямку, пока взрослые делают глупости! Лишь падать и умирать они могут, как большие... И не только в сказке...

Я увидел умоляющие Валеркины глаза.

— Он поправится? — пршептал Валерка.

— К утру, — ласково сказал Мастер. — Если не будет воспаления. Но отчего ему быть? Воспаление бывает у старых и нездоровых людей...

— Он просил пить, — вспомнил я.

— Теперь ему и так хорошо, — успокоил Мастер.

Братик дышал легко, лицо его порозовело.

Валерка сидел на краю постели, положив на колени кулаки. Глядя в стенку, он сказал:

— Все равно я найду того прыщавого...

— Разве это он ранил? — спросил я.

— Конечно. Ты не видел?

Я не видел. Я тогда... Что я тогда? Ага, я зажимал локтем раненый бок... Черт, я и забыл о ране! Саднящая боль была все время, но я привык и не думал о ней. А, вот в чем дело: ткань присохла и остановила кровь...

— Посмотрите у меня, — сказал я Мастеру.

...Ух, как больно отдирается рубашка. Ничего, Брату было больнее. А вот и лист... Мокрый, прохладный. Влажный холод словно втягивает в себя боль, растворяет ее. Вот уже совсем хорошо. Даже усталость поубавилась.

Значит, и Брату так же хорошо? Тогда все в порядке...

Я сел на низкий треугольный табурет, привалился спиной к холодной стене. Осмотрелся наконец.

Высокая комната, яркие свечи в настенных светильниках. Стены голые, из песчаника (как та стена с фонариками!), под потолком — скелет крылатого ящера. Неструганый стол, на нем приборы, похожие на старинные штурманские инструменты в Музее флота в Ленинграде.

Мастер сдвинул инструменты на край, принес на стол горшок и глиняные кружки.

— Поешьте, рыцари, — сказал он. Слово «рыцари» прозвучало с грустной насмешкой.

В кружках был сладкий молочный кисель, он пах степной травой.

Мастер смотрел на нас голубыми слезящимися глазами. Только сейчас я понял, что он очень-очень старый. У него были тонкие коричневые пальцы с узловатыми суставами, сухая кожа на руках. Пальцы слегка дрожали, когда Мастер брал свою кружку.

— Когда кончатся эти багровые времена? — горько сказал он. — Когда Великий Канцлер перестанет печалиться о страдающих детях?

Я не смог сдержать раздражения:

— Если он такой добрый, этот ваш Канцлер, зачем он позволяет литься крови?

— Он не добрый и не злой, — сказал Мастер. — Он не избежный. Как и всё в этом мире.

— Ну, неужели всё-всё у вас расписано наперед? Легенда о Большом Мастере — это правда?

Мастер кивнул:

— Всё правда. Он проник сквозь Время и составил Книги... Не знаю, может быть, это была ошибка. Зачем каждому человеку заранее знать свою судьбу?

— Каждому? — не поверил я. — Но разве можно описать судьбу всех людей за несколько веков? С этим не справится и тысяча ученых:

— Ему помогал Белый Кристалл, — грустно сказал Мастер. — Большой Белый Кристалл, который все знал и все помнил. Он таял, пока писались книги. А когда был закончен великий труд, Кристалл рассыпался в пыль.

Пока мы говорили, Валерка смотрел то на меня, то на Мастера тревожными глазами. Наконец он спросил:

— Но разве каждый человек знает свое будущее?

— Если хочет. И если он взрослый. Взрослые получают у Канцлера знак совершеннолетия. В нем записано все. Не всякий только может прочитать, но Мастер, если попросят, может. В каждом знаке — пыль Белого Кристалла.

Я увидел, как Валерка побледнел. Он медленно встал и, оглядываясь на Мастера, пошел к Братiku. «Не надо», — хотел сказать я, но почему-то не смог. Валерка откинул на Братике одеяло, осторожно сунул пальцы в карман его сбившихся штанишек. Еще раз оглянулся и вытянул на свет медальон.

Коричневый орех закачался на белом шнурке.

— Этот? — шепотом спросил Валерка.

Старик потянул к медальону дрожащие пальцы.

«Не надо», — снова хотел сказать я. Но неизвестность была бы слишком мучительна. Вдруг тайные знаки говорят о чем-то страшном?

Да нет, чепуха! Братик — маленький. Он будет жить долго-долго. Сейчас Мастер прочитает и скажет, что все хорошо...

Мастер надавил орех ногтем, и тот раскрылся, как старинные часы. Я мельком увидел внутри что-то черное и в этом черном блестящие красные точки — словно вмазанные в смолу рубинчики от часов. Странно: ведь Кристалл-то белый. Мастер, морща лоб, долго смотрел на них, а мы не дышали. Потом он, пряча глаза, положил на раскрытый медальон пальцы — как слепой, читающий на ощупь. Еще посидел и негромко сказал...

Что он сказал?!

Он прошептал, глядя в сторону:

— Бедный ты мой...

— Что?! — крикнул я.

Мастер мелко затряс головой, а орех упал на пол, захлопнулся и укатился под стол.

— Там сказано, что убит сегодня, — однотонным голосом сообщил старик.

— Какая чушь! — со смехом сказал я. И оборвал смех под Валеркиным взглядом.

Валерка попятился к постели, словно хотел загородить Братика от беды.

— Он же не убит, — сказал Валерка. — Он просто спит. Видите?! Он спит!..

— «Сегодня» еще не кончилось, — горько возразил Мастер. Он, сутулясь, подошел к Братiku, приподнял на его плече влажный лист. Даже издали, от стола, я увидел, что вокруг ранки растеклась большая розовая опухоль.

Мастер осторожно положил лист.

— Черное воспаление, — пробормотал он. — Через час начнется горячка.

Он сел, нагнув голову, обхватил затылок.

Я чувствовал отвратительную слабость и не мог даже встать с табурета. Я только спросил:

— Неужели ничего нельзя сделать?

Мастер молча покачал головой.

Валерка как-то страшно сник и потемнел лицом. Он поверил. А я? Я тоже поверил. Здесь были свои законы. Здесь...

— Переход! — вспомнил я. — Валерка, переход! Уйдем к нам! У нас такие врачи!

— Переход бывает в полночь, — тихо сказал Валерка. — А до полуночи он...

А до полуночи Братик умрет! Сегодня! Скоро...

Мне показалось, что он уже умер. Я рванулся к постели. Нет, он дышал, и довольно спокойно, только опять побледнел, и на губах появилась белая корочка.

— Сделайте же что-нибудь... — шепотом сказал Валерка.

— Сделайте же что-нибудь! — заорал я на Мастера. — Нельзя же так! Из-за какого-то ореха!!!

У Мастера опять затряслась голова.

— Не из-за ореха... Из-за предназначения...

— Из-за предр.. прен... Тьфу! Какого дьявола? Слушайте. Не может этого быть!

Мастер не мигая смотрел слезящимися глазами.

— Может... Есть...

— Что есть?! Про себя вы тоже знаете, когда помрете?

Он продолжал трясти головой.

— Через четыре года и три дня... Скорее всего, в День большого наводнения. Океан прорвет дамбы.

— А вы знаете, что прорвет, и ждете, как кролики! Надо чинить дамбы, а не резню устраивать!

— Резня... Такое время. Даже Канцлер бессилён...

— Гад ваш Канцлер, — сказал я. — А вы...

Я начал его ненавидеть. За дурацкую упрямую покорность, за беспомощность, за то, что не может помочь Братнику... За то, что стены в его комнате из такого же камня, как Стена!

— Вы врете! — сказал я. — Вы не понимаете! А если до наводнения вы свалитесь с лестницы? Или подавитесь косточкой от сливы? Или этот дурацкий скелет грохнется вниз и пробьет вам голову? Тогда к чертям полетят все предсказания! Тогда все посыплется, как домик из спичек!

Он покорно кивнул:

— Посыпалось бы... Но не посыплется. Потому что никто не может разбить предназначение. То, что должно случиться, уже случилось в будущем, и никто не в силах это изменить.

Братик сзади чуть слышно забормотал. Я оглянулся. Валерка лежал головой на ногах у Братика, а в руке держал его ладошку.

Я не мог смотреть на это, опустил глаза. На полу, у постели, валялась моя рапира.

Я медленно повернулся к Мастеру.

— Никто не может изменить пред...начертанье, — хрипловато повторил я. — Да? А если...

Он понял. Он выпрямился. На щетинистом подбородке у него блестела капля молочного киселя. И все-таки он был не противный, а даже красивый, только совсем древний.

— Сделай это, Светлый Рыцарь, — негромко сказал он. — Я пробовал сам, я не сумел... Убей, если можешь.

Я не мог. Но теперь я отчетливо знал, как поступить.

— Валерка! — громко позвал я.

Он поднял мокрое лицо.

— Ничего, — сказал я. — Ты не думай, что всё... Ты же звал меня не зря. До полуночи есть время. — И поднял рапиру.

Он смотрел на меня с надеждой. Ни до этого, ни после я не видел глаз, в которых была бы такая отчаянная надежда.

15

Я шел по пустым голубым улицам и неотрывно смотрел на самую большую башню. Там, высоко над крышами, светилось оранжевое квадратное окно — недремлющее око Отца и Защитника Города и всех степей и гор до самого Океана.

«Защитник»... А кто защитил Братика? И того мальчишку-факельщика, сбитого кулаком бородатого солдата-фона? И того паренька, убитого железной стрелой?

Где ты был, Га Ихигнор Тас-ута, Великий Канцлер, когда шесть барабанщиков легли у Стены? За что они погибли? Кто этого хотел?

Я ничем не могу помочь тем шестерым. Не могу их вернуть, тут бессильна любая сказка. Только фонарики горят... То слабее, то ярче... Фонарики...

Не знал я этих ребят, но мне кажется почему-то, что все они были похожи на Володьку. На моего Володьку, который сейчас далеко-далеко от меня — за сотни лет и неизвестно за сколько километров. Может быть, и не были похожи, но мне кажется... как он сползает по стене и валится вниз лицом... Или это Братик?.. Фонарики...

Не хочу, чтобы горел еще один!

Не хочу!!

...Думаете, я стискивал кулаки или плакал? Нет, я спокойно шел через площади и мосты. По крайней мере,

внешне был спокойным. Все отчаянье и тоска, весь страх за Братика свернулись во мне в тугую пружину и превратились в решимость.

У входа в башню Канцлера чадили факелы и толпились гвардейцы. Видимо, я держался вполне уверенно — они посмотрели вслед и даже не окликнули, когда я вошел внутрь.

Я оказался в мраморном вестибюле. Здесь тоже были гвардейцы, а у лестницы стоял офицер с лиловой перевязью.

— Великий Канцлер ожидает меня, — решительно сказал я.

Офицер удивленно поднял брови и посторонился.

Может быть, эти гвардейцы ничего не знали про меня, а может быть, знали, но думали, что я не опасен для Канцлера. В самом деле: что такое забияка-мальчишка для могучего правителя, которому суждено жить до Эры Второго Рассвета?

Я стал подниматься по светлой лестнице, звеня рапирой о ступени.

«Светлый Рыцарь... Мастер клинка», — запоздало заговорили сзади. Но никто не пошел следом.

Лестница была очень длинной. Наконец она привела меня к высокой двери из простых темных досок. Я потянул медную скобу. Дверь отошла бесшумно, я шагнул через порог и прикрыл ее за собой.

В просторной комнате горела, как звездочка, лишь одна свеча, но было светло: в окна падали яркие голубые лучи. Окна были узкие и высокие. Видимо, квадратное окно находилось выше и светилось просто так.

В глубине комнаты качнулась тяжелая портьера, и вышел на свет высокий костлявый человек. Он был в черном костюме (как у Валерки в первый день, только без налокотника). Я разглядел его лицо: очень узкое, с плотными губами и хрящеватым носом. Гладкие короткие волосы плотно прижимались к голове. Они были седые или выглядели такими из-за луны. Бровей почти не было, а круглые глаза напоминали глаза птицы.

Я вздрогнул, но обрадовался. Ведь враг мог бы оказаться вполне симпатичным и добродушным на вид. Все тогда было бы труднее.

Но этот был таким, как я ожидал.

— Вы — Канцлер? — сказал я.

Он не возмутился и не удивился. Улыбнулся. Странно выглядит лицо, которое старается казаться добрым, хотя не приспособлено к этому.

— Да, я Канцлер. — Голос у него был сипловатый, но громкий. — А вы — Светлый Рыцарь, друг нашего славного Трубача...

Знает! Тем лучше.

Я переглотнул и спросил:

— У вас есть шпага?

Глупый был вопрос. На стенах в лунном свете блестело множество разных клинков.

Канцлер, все улыбаясь, спросил:

— Мастеру клинка понадобилось новое оружие? После того, как он потрепал в схватках стольких доблестных гвардейцев...

— Оно понадобилось вам, — перебил я. — Возьмите шпагу, Канцлер.

— Зачем? — весело удивился он.

— Чтобы защищаться... Я вас убью.

Что-то дрогнуло у него в лице. Но улыбка не сошла. Он качнулся вперед, словно стараясь разглядеть меня по-лучше. И, увидев, что я не шучу, снисходительно объяснил:

— Меня нельзя убить. В Книгах сказано, что...

— Плевал я на ваши книги! Они меня не касаются, я не ваш!

Он опять качнулся вперед. Перестал улыбаться и скрестил руки.

— Да... — произнес он. — Книги говорят и об этом... К сожалению, старый язык тяжел и не всегда ясен. Мы не поняли, нам казалось, что ты объявишься среди барабанщиков...

— Вот как... — тихо сказал я. — И потому была Стена?

Он отшатнулся.

— Опомнись, Рыцарь... — Это прозвучало вроде бы искренне. Но в глазах его скользнула боязнь, и теперь я знал точно: лжет Канцлер.

— Возьмите шпагу, — почти шепотом произнес я. — Возьмите шпагу или... как там у вас?.. клянусь Огнем, я вас убью безоружного.

— Убить того, кто не защищается, — невелика честь.

— Те шестеро... — сбивчиво сказал я, — у Стены... Они защищались?

— Опомнись... — опять начал он, но вдруг замолчал, нехотя шагнул к простенку и снял блестящий тонкий палаш. Сбросил на пол куртку.

— Я — лучший фехтовальщик в Городе, — сказал он без хвастовства и даже как-то грустно.

— И прекрасно.

Он чиркнул по воздуху и срубил несколько кистей у портьеры. Кисти мягко стукнули об пол.

— Прямо кино, — сказал я.

— Не понимаю...

— Естественно.

— Сколько вам лет, Рыцарь?

— Двенадцать.

— Это неправда.

— Правда. Мне всегда было и будет двенадцать.

— Было... Но не будет, если ты сейчас не уйдешь, — возразил он с неожиданной злобой.

— Я не уйду. Может, начнем? Мне некогда. У меня из-за вас... умирает братик.

Я впервые так сказал — «братик». Не с большой буквы, а как о собственном братишке. Мгновенная режущая тоска ударила по сердцу. Чего я жду?

И я напал на Канцлера.

Он дрался здорово! Куда там его увальням-гвардейцам! К тому же он был просто здоровее, сильнее меня в десять раз. А у меня сразу отклеился от раны целебный лист, и по боку опять потекло. Ну, черт с ним! Лишь бы не помешали.

Да, Канцлер здорово дрался. Сперва я даже подумал, что все, крышка. Но он давил меня лишь за счет быстроты и силы. Техника его была бедновата, и наконец в контратаке я здорово поранил ему правую руку.

— Что насчет этого говорят Книги? — спросил я, стараясь отдышаться.

Он быстро переложил клинок в левую руку. Я тоже — мне было все равно.

— Меня можно только ранить, — свистящим голосом сказал Канцлер. — Только ранить. Понял?

Он как-то сразу и сильно устал. Я тоже, но он больше. Я прижал его к стене напротив окон. Он стоял на свету — сутулый, с полуопущенным палахом и шумно дышал открытым ртом. Я не мог убить его, он был беспомощен. В схватке, сгоряча — другое дело. А сейчас...

А Братик? Я вспомнил его спекшиеся губы. И отчаянный взгляд Валерки... И опять — фонарики у Стены. Такие спокойные, будто просто так горят...

— Зачем тебе убивать меня? — спросил Канцлер.

— Чтобы разрушить ваше подлое «предначертанное будущее». Чтобы братик мой жил!

— Разве я виноват? Не я писал Книги!

— Ты не писал! Ты только учишь жить по ним! Пу-

скай люди режут друг друга! Пускай мальчишек убивают, как кроликов! Жестяной фонарик — не велик расход для казны! Да, Канцлер?

Он, не отрывая от меня взгляда, медленно скользил вдоль стены — к двери. К спасительной двери!

Я прыгнул и загородил выход. Он спиной оттолкнулся от стены.

— Ты глупец, — медленно сказал он. — Один мальчишка не может изменить мир.

— Это ты дурак, — сказал я. — Разве я один? Я один из многих. Знаешь, сколько дралось сегодня в Цепной башне? Тебя скоро все равно прихлопнули бы, Канцлер. Просто мне надо успеть до полуночи.

— Твой брат все равно умрет.

— Врешь!

— Не вру!

Зря он это. Себе сделал хуже. Я сжал рукоять.

Канцлер впился в меня круглыми глазами.

На миг я словно поменялся с ним местами. Я ощутил то, что чувствовал он. В нем выросстал отчаянный страх. Потому что творилось непостижимое: из чужого мира пришел неведомый враг и грозил разрушить все, что казалось таким ясным, известным заранее. Вопреки всем законам враг грозил ему, Канцлеру, смертью!

Стереть, уничтожить этого врага! Чтобы все опять стало прочным, покорным предсказаниям Белого Кристалла! Убить, не медля ни мгновенья!

Я понял, что сейчас Канцлер кинется на меня. И в тот же миг он с нацеленным палашом в отчаянном броске пересек комнату.

Я не успел защититься. Лишь откинул тело в сторону и назад. Плоское лезвие прошло у моей груди и вдоль отброшенной правой руки. Левую кисть с рукоятью рапиры я держал на уровне пояса. Острие было поднято. Канцлер так и наделся на него — рапира вошла ему под ребра и выскочила между лопаток.

Я отпустил рукоять и отпрыгнул. Канцлер выпрямился, слегка выгнулся назад и посмотрел мимо меня удивительно спокойными глазами. Он не выпустил оружия. Он прочно сжимал эфес, а отточенный конец палаша смотрел вперед и шевелился, словно отыскивая цель.

Страх, что я безоружен перед Канцлером, сбил у меня все мысли и чувства. Я ухватился за рапиру двумя руками и отчаянно рванул на себя. Отлетел с ней к дверям. Канц-

лер постоял секунду и, не согнув коленей, с деревянным стуком упал вниз лицом.

Видимо, он умер сразу. Скорее всего, раньше, чем упал. Но тогда я этого не понял. Я стоял и смотрел на Канцлера и видел его худую спину, покрытую широкой лунной полосой — эта полоса протянулась от окна. На белой рубашке Канцлера было маленькое рваное отверстие с загнутыми вверх клочками ткани по краям. Вокруг набухало на полотне темное пятно, однако отверстие выделялось четко...

Мне было жутко до тошноты. Какая-то каша отчаянных мыслей и страхов. Но самый главный страх — такой: вдруг Канцлер зашевелится? Что же тогда делать? Для последнего удара не поднялась бы рука. А уйти, не убедившись, что противник убит, я не мог. И взять за руку или повернуть вверх лицом тоже не мог, не решался. Не знаю, сколько времени я так стоял. Потом пришло ясное ощущение, что лежащая на полу фигура не имеет ничего общего с жизнью.

Я с облегчением вздохнул и отодвинулся к окну. Морщась, вытер портьерой клинок. Затем, далеко обойдя Канцлера, подошел к двери.

Я готов был с боем пробиваться на свободу, но лестница оказалась пуста. Только внизу, у выхода, стояли два часовых и незнакомый офицер. Он молча коснулся перчаткой шляпы.

Мне показалось, что на улице стоит ласковое тепло: словно луна грела, как солнце. И я опять ощутил запах шелковистой степной травы. Кружилась голова, сильно болел бок, и ноги были слабые. Но я испытывал огромнейшее облегчение.

Теперь всё. Всё!

Может быть, случатся еще битвы и кровь, наводнения и пожары, но Братик мой будет жить. Я порвал проклятую цепь...

Я брел и улыбался. Недалеко от фонтана с каменными рыбами до меня донесся перезвон Главных часов. Полночь.

— Всё.. — снова сказал я.

И тут же страшная и простая мысль словно пригвоздила меня к месту: «А если он все-таки умер?»

Как я бежал! Шарахались редкие прохожие, обалдело посмотрел вслед гвардейский патруль.

«А если он все-таки умер! Ведь он мог умереть не из-за предсказания, а просто от раны!»

Всхлипывая и задыхаясь, я ворвался в комнату. И сразу увидел изумленно-счастливые Валеркины глаза.

...Потом уже я увидел все остальное: что Братик дышит ровно и нет на его губах белой плесени; что Мастер безмерно удивлен и суетлив (он возился с компрессом); что медальон раздавлен на полу — видимо, на него случайно наступили.

Но сначала — Валеркины глаза. И этого было достаточно.

Чтобы удержать слезы, я прикусил губу, а потом грубовато сказал:

— Залепите мне рану, Мастер.

Он закивал и, продолжая счастливо суетиться, встал на табурет, потянулся к полке. Табурет качнулся.

— Не упадите, Мастер, — сказал я. — Будьте осторожны. Всегда будьте осторожны... — Я понимал, что говорю не то, но не мог остановиться, иначе бы заплакал. — Не думайте, Мастер, что с вами ничего не может случиться до большого наводнения. Не очень верьте Книгам Белого Кристалла. А то Канцлер верил, и вот...

Сильно закружилась голова, и я уронил папиру. Острие легло к моим ногам, а рукоять с выпуклым щитком покадилась по дуге, словно рапира хотела замкнуть меня в окружность, где радиус — клинок. Я торопливо переступил эту черту...

Постель у Мастера была одна, и меня положили рядом с Братиком. Я слышал, как он дышит. Валерка сидел у нас в ногах и молчал.

Мастер погасил свечи и лег на узкой скамье у двери.

Еще помню, что в окно заглянула луна, и я наконец увидел, что это обычная земная Луна со знакомыми пятнами равнин и гор.

16

Я проспал почти до полудня. Когда проснулся, солнце горело на стеклах и медных дугах у развешанных по стенам инструментов. Братик, скрестив ноги, сидел на столе и большой иглой чинил свою майку, пострадавшую от ножниц Мастера. Он сразу встретился со мной глазами и улыбнулся. На его плече белел наклеенный кусочек ткани.

— Болит плечо, Василек? — спросил я.

Братик опять улыбнулся:

— Не-а... Только палец болит истыканный.

Он неумело откусил нитку и объяснил:

— Я давно шью. Я тебе рубашку зашил.

Рубашка, отмытая от крови и заштопанная крупными стежками, лежала на табурете.

Я скопил глаза на свой голый бок. Там был заросший розовый рубец, похожий на вытянутую букву S. Ай да Мастер!

Братик стал натягивать майку и поморщился: видимо, плечо все-таки побаливало. Потом он спрыгнул со стола, подошел, сел на краешек постели. Осторожно тронул мой шрам. Глянул тревожно, шепотом спросил:

— Страшно было?

Недавняя ночь как бы придвинулась вплотную.

— Страшно, — сказал я. — Но теперь уже всё.

— Уже всё, — серьезно согласился он.

Я тряхнул головой, прогоняя воспоминанье. Потянулся и сел. Ни усталости, ни боли! Мышцы — как тугие струны!

— Где Валерка? Где Мастер?

— Валерка в Городе, — беззаботно откликнулся Братик. — Мастер внизу, у очага, варит овсянку. — Он вдруг смешно сморщил нос и признался: — Я ее не люблю.

— Валерка в Городе? — с беспокойством переспросил я.

— Да ничего, — успокоил Братик. — Он теперь тоже Мастер клинка.

Но я уже был на ногах и глазами искал рапиру.

В это время Валерка ворвался в дверь. Он был злой и очень веселый. Зазвенела в углу брошенная им шпага.

— Гвардейцы заперлись в башне и голосят по Канцлеру, как древние плакальщицы, — сообщил он. — Но того прыщавого я нашел! — Он встретил мой взгляд и торопливо объяснил: — Да нет, я просто заставил его прыгнуть со Стены в старое болото, а там — как знает. Хотя Стена высокая, а внизу трясиная...

Я не улыбнулся, «Гвардейцы голосят...» Я как наяву увидел распластанное на полу тело, продранную на спине рубашку. Ни о чем я не жалел, и совесть меня не мучила. Просто стало не по себе.

У Валерки сошла улыбка и потемнели глаза. Он вдруг подошел вплотную, положил мне на плечи ладони. Лбом коснулся моего лба.

— Прости, — сказал он тихонько. — Я обалдел от радости. Сколько миллиардов раз я должен сказать тебе спасибо...

— Да ладно... — совершенно растерявшись, пробормотал я. — Ну, ты чего... Лучше расскажи, что в Городе.

Он отодвинулся, помолчал, потом сразу повеселел и ответил с облегчением:

— В Городе кавардак. Большой Зверь объявил себя верховным правителем. Предводители оружейников обозвали его самозванцем. Поднялся крик, начальники хотели устроить сражение. Но многие люди сказали: «Канцлера нет, значит, Книги лгут. Деритесь сами». Больше сотни человек побросали у Главных часов копья и самострелы...

Через час мы попросались с Мастером и вышли на лестницу. Недавно прошел крупный дождик, а сейчас опять было солнечно. В выемках истертых ступеней блестяли лужицы. Мы побежали по ним вниз, и теплые капли забрызгали нам ноги.

Мы пересекли площадь с фонтаном. В сухом бассейне валялись длинные пики и несколько зазубренных палашей.

— Бросаем? — сказал Валерка.

— А не рано?

— Бросайте, — сказал Братик. Сказал так уверенно, что мы сразу послушались. Наши клинки зазвенели о камень.

Мы в знакомом месте перебрались через стену. Сразу обняло нас море голубоватой травы. Над ней струился солнечный воздух. Трещали кузнечики.

— Мы уйдем к рыбакам, — сказал неожиданно Братик. — Будем там жить. Теперь можно.

— А Мастер? — спросил Валерка.

— Мы будем его навещать.

Валерка кивнул.

— Люди починят дамбы, отстроят пристани и корабли. Вы станете моряками, — сказал я.

— Да, — согласился ясноглазый мой братик.

Некоторое время мы шли просто так, ни о чем не говорили. Мы держались за руки.

У Василька на раненом плече сидел крупный голубой кузнечик. Он совсем по-человечьи поглядывал на нас крошечными черными глазками.

— Кто такой Володька? — вдруг спросил Братик.

Я вздрогнул.

— Ты ночью звал его, — объяснил Братик. — Он кто?

— Просто мальчик, — сказал я. — Вроде тебя.

И тут я увидел, что мы идем прямо к одинокой старой башне. Я оглянулся. Город белел у горизонта. А башня была рядом.

— Что? Уже? — с печалью спросил я у Валерки.

Он слегка улыбнулся:

— Нет еще, нет...

Мы поднялись на балкон, но не стали входить в дверь, а по ржавым скобам забрались на самый верх башни. Это была круглая площадка. За много лет ветер нанес сюда землю, и теперь здесь росла трава. Не такая, как в степи, а невысокая, с мелкими желтыми цветами.

— Полежим, — сказал Валерка.

Мы легли на животы и стали смотреть в проем между зубцами.

— Там океан, — сказал мне Братик. — Видишь?

Я разглядел у горизонта темную полоску. В это время пришел ветер и принес запах моря.

Я перевернулся на спину. Валерка и Братик тоже. Я лежал между ними и держал их за руки.

Небо над нами было очень синим, резким, и я закрыл глаза. И почувствовал вдруг, что в руках моих ничего нет, а под лопатками доски.

17

Я лежал на плотике. Ко мне шумно плыл от острова Володька. Он явно был намерен опять окатить меня брызгами.

Я пружинисто вскочил. Я все сразу понял, но не чувствовал ни горечи, ни печали. Валерка и Братик словно по-прежнему были со мной. Я снова стал большим, но мальчишечья легкость и упругость звенели во мне.

— Без диверсий, — весело сказал я Володьке.

Он, фыркая, выбрался на плотик, а я показал ему язык и вскинул руки, чтобы прыгнуть и скользнуть вдоль воды.

— Ой... — сказал Володька.

— Что?

Он мокрым пальцем коснулся моих ребер.

— Это у тебя откуда?

На коже у меня был заросший рубец в виде вытянутой буквы S... Я закрыл глаза и постоял несколько секунд, заново переживая все, что было... Или не было?.. Потом посмотрел опять. Шрам оказался на месте. Он даже болел чуть-чуть, хотя выглядел старым.

— Это давно, Володька, — тихо произнес я. — Это когда мне было двенадцать лет.

— Что ты морочишь голову? — жалобно сказал он. — Мы позавчера купались, и у тебя ничего не было.

— Это случилось, когда мне было двенадцать лет, — повторил я. И от мгновенного толчка радости рассмеялся совсем как мальчишка. Я прыгнул, уплыл на глубину и долго плавал в зеленоватой толще воды. Потом вернулся к Володьке.

Он сидел, обхватив колени и вопросительно смотрел на меня янтарными своими глазищами. О шраме он больше не спрашивал. Заговорил про другое:

— Куда ты уходил?

Я сел рядом на теплые доски.

— Уходил? Когда?

— Ну, недавно, пока я был на острове? Целых два часа гулял где-то и ничего не сказал.

Я молча смотрел на Володьку.

Он обиженно заморгал. Это было уже всерьез.

— Ну что ты... — сказал я. — Ну, уходил. Было одно срочное дело. Я расскажу.

Он кивнул, дотянулся до валявшейся обгорелой спички, начал тонким угольком царапать доски. Затем, поглядывая исподлобья, спросил:

— А меня возьмешь?

— Куда?

— Туда... Если опять будет срочное дело?

Я слегка вздрогнул. Володька рисовал на доске угловатую спираль. Потом он вздохнул, улыбнулся и разрубил ее решительной чертой.

Вечный жемчуг

1

Три дня мы с Варей жили у ее родителей в Старокаменке. Потом Варя осталась, а я на такси вернулся в город.

Колеса машины шумно шипели на сыром асфальте и с размаху вспарывали мелкие лужи. К ветровому стеклу прилип кленовый лист. Когда машина проносилась мимо фонарей, лист просвечивал, как тонкая ребячья ладошка.

Было поздно. Я безнадежно опаздывал в театр на совещание. Вопрос обсуждался важный: об открытии нового сезона, и я заранее представил, каким взглядом встретит меня наша грозная директриса Августа Кузьминична. Поэтому решил не заезжать домой и сразу ехать в ТЮЗ.

Машина проскочила мимо нашего переулочка с одинокой лампочкой на углу. Очень быстро. И я не понял в первый миг, отчего появилась тревога. Сначала это было смутное ощущение какого-то неблагополучия. Потом оно перешло в острое беспокойство...

Еще несколько секунд я убеждал себя, что мне просто от усталости привиделась за искрящейся сеткой дождя тощая мальчишечья фигурка с поникшими плечами. Потом сказал водителю:

— Простите, я забыл. Надо вернуться, заехать...

Шофер притормозил и заворчал, что на узкой улице не развернешься и надо было думать раньше...

Я чертыхнулся про себя, торопливо расплатился и зашагал назад.

Дождь был не очень холодный, зато нудный какой-то. Сеял и сеял. С кленов падали в лужи большие капли. Я придумывал самые искренние извинения, которые скажу Августе Кузьминичне, и ругал себя за разболтанные нервы.

Но, оказывается, ругал зря.

Он в самом деле стоял на углу, у столба с лампочкой. Прижимал к животу большого рыжего кота Митьку и пытался прикрыть его от дождя промокшим подолом рубашки-распашонки. Митька не ценил такой заботы. Время от времени он принимался дергать задними лапами и нервно колотил хозяина облипшим хвостом по мокрым ногам.

— Ты сумасшедший, — сказал я, накрывая их обоих плащом. — Ты что здесь делаешь?

Он заулыбался, весь потянулся ко мне и вдруг смутился:

— Митьку искал... На улице дождь, а он все бегает...

— У Митьки-то шкура, а у тебя... Совсем раздетый! Вот угодишь в больницу перед самым началом учебы!

— Да не холодно, — пробормотал он и вздрогнул под плащом. Потом тихонько сказал: — Хорошо, что ты приехал.

— Еще бы! Иначе тебя пришлось бы над печкой сушить... Митьку искал! Нашел ведь, так зачем еще торчишь под дождем?

Он опустил голову.

— Я ждал.

— Кого ждал?

— Ну... может, мама приедет.

— Разве она уехала?

— Ага, утром. В Лесногорск к тете Тане.

— Тогда какой же смысл ждать? Разве она успеет за день?

Он коротко глянул на меня и опять опустил голову.

— Ну... может, успеет...

Снова шевельнулось колючее беспокойство. Я наклонился.

— Послушай, а почему ты не ждешь дома? Володька, что случилось?

Он поднял лицо, усыпанное блестящим дождевым би-сером. Если речь шла о серьезных вещах, Володька не лукавил. Он вздохнул и сказал, не отводя глаз:

— Я там почему-то боюсь.

Каждый человек чего-нибудь боится. Так уж устроены люди. Володька боялся всякой мелкой живности: тараканов, мохнатых ночных бабочек, гусениц, оводов и даже ящериц. Боялся одно время хулигана Ваську Лупникова по кличке Пузырь. Боялся, что станут смеяться над его дружбой с Женей Девяткиной (хотя никто не смеялся). Но никогда в жизни ему не было страшно дома. Он с пяти лет был самостоятельным человеком и даже ночевал один, когда мама его уходила на ночные дежурства в больницу.

— Ты не заболел? — осторожно спросил я.

Он энергично помотал головой. Лоб у него был холодный.

— Так что же случилось, Володька?

Он виновато пожал плечами.

— Пошли, — решительно сказал я.

Дома я сразу же погнал Володьку под горячий душ. Пока он плескался в ванной, я устроил мокрого Митьку у электрокамина и осмотрелся. Все было привычно и знакомо. Что могло напугать Володьку в этой комнате?

Раньше здесь жил я. Целых четыре года. Потом мы с Володькой и его мамой поменялись квартирами. Это Володькина мама предложила, когда узнала, что мы с Варей хотим пожениться.

— Вам, Сергей Витальевич, внизу удобнее будет, — сказала она. — Комната попросторнее.

— Нам-то удобнее, — возразил я. — А вам? Вас тоже двое.

— А вас, глядишь, скоро трое будет, — улыбнулась она. — Коляску-то по лестнице неловко таскать.

Володька, который был при этом разговоре, пристально посмотрел на меня. Я пробормотал, что, «конечно, спасибо, я посоветуюсь с Варей», и, видимо, покраснел. И поспешил исчезнуть. Володька догнал меня на лестнице. Несколько секунд он стоял понурившись. Наконец шепотом спросил:

— А вы... пускать меня будете к себе... иногда?

Я неловко прижал его к свитеру и сказал, что он дурень.

Под Новый год была свадьба. Не долгая и не шумная. Володька сидел среди гостей, солидный и серьезный. Пил газировку, ел салаты и, кажется, чувствовал себя неплохо. Но потом, когда за столом царило уже шумное и слегка усталое веселье, я увидел, что он непонятно смотрит на нас с Варей мокрыми глазами. Я заерзал и, пробормотав Варе «извини, я сейчас», хотел пробраться к Володьке. Но она строго прошептала: «Сиди!» Встала и сама подошла к нему. Что-то шепнула ему, обняла за плечи и увела в коридор. В дверях оглянулась и сказала мне глазами: «Не бойся». Я вдруг подумал, что она сама слегка похожа на Володьку, хотя совсем светловолосая и с веснушками. Недаром у нас в театре она играла озорных и храбрых мальчишек.

Они вернулись минут через десять. Глаза у Володьки были сухие и веселые. Он ввинтился между гостями, вынырнул рядом со мной и зловеще прошептал:

— Теперь мы будем вдвоем тебя воспитывать, вот. Будешь бриться каждый день и приучишься не разбрасывать вещи.

— Инквизиторы... — сказал я с облегчением,...

Жить на втором этаже Володьке нравилось. Он придумал такую штуку: привязывал к нитке граненую пробку от графина, спускал ее из своего окна и звякал о наше стекло. Это означало: «Вы про меня не забыли? Можно вас навестить?» Если мы были заняты, он не обижался. Но чаще всего Варя или я стучали в потолок ручкой от швабры. И тогда Володька спускался сам.

Спускался хитрым способом. Напротив наших окон рос могучий тополь, и от него над крышей протянулась крепкая ветвь. К этой ветви Володька прицепил несколько блоков, пропустил через них капроновый шнур и к одному концу привязал большую ребристую шину от грузовика. Он выбирался из окна, усаживался на шину и, перехватывая свободный конец веревки, плавно приземлялся в траву за нашим подоконником. Эту систему он называл «парашют».

При взгляде на «парашют» меня оторопь брала. Самто Володька щуплый и легонький — его хоть на суровой нитке спускай. Но как тонкий шнурок выдерживал тяжеленную шину от самосвала?

— Вот грохнешься однажды...

— Ой уж...

— Сломаешь шею, тогда будет «ой уж»!

Володька насмешливо фыркал. Но я не отступал. Очень

уж ненадежно выглядела веревочка. Наконец Володька слегка рассердился, глянул в упор потемневшими глазами и решительно сказал:

— Ну что ты трепыхаешься? Эту веревочку мне Женька подарила. У друзей веревочки никогда не рвутся.

Чтобы доказать это, он спустился на «парашюте» вместе с Женей, да еще рыжего Митьку прихватил. И все кончилось благополучно, только шиной придавило к земле Митькин хвост, и бедный кот заверещал, забыв про солидность и достоинство...

А в начале августа Володька пришел без предупреждения. Остановился в дверях. Веревку, скрученную в моток, он держал на согнутом локте и поглаживал, как живого котенка. Печально глянул на нас исподлобья.

— Ты чего, Володенька? — встревожилась Варя.

— Да ничего, — со вздохом сказал он. — Так... Женька вот уехала...

— В лагерь? — глупо спросил я.

— В Африку, — сумрачно сказал Володька.

Я косо глянул на него: «С тобой по-хорошему, а ты дразнишься».

— Да правда в Африку. На целый год, с родителями. Они геологи, их послали африканцам помогать...

— Год — это долго, — сочувственно сказала Варя. — Чаю хочешь с вареньем?.. Ну ничего, придет ведь.

— Хочу, — сказал Володька. — Придет... Когда еще...

Варя вышла на кухню, а Володька подошел осторожно, коснулся щекой моего рукава. Поднял печальные глаза.

— Ты смотри, никуда не уезжай надолго, А то совсем...

2

Оставляя мокрые следы на половицах, Володька выбрался из ванной. Он яростно тер полотенцем всклокоченную голову и на меня не смотрел. Я понимал, что он хочет скрыть неловкость за недавний страх.

— Одевайся в сухое, а то опять продрогнешь...

Он раздраженно шевельнул худшими лопатками (без тебя, мол, знаю) и с головой и ногами скрылся в недрах платяного шкафа. Послышались возня и хмурое ворчанье:

— Никогда ничего не найдешь...

Наконец он вылез. Вытащил модную майку, украшенную иностранными газетными заголовками, и новенькие шорты защитного цвета. Майка была ему впору, а шорты

велики. Мама купила их Володьке весной, она надеялась, что сын за лето подрастет. Однако Володька вытянулся немного, но в ширину ничуть не увеличился, и штаны болтались на нем, как юбочка. Сползали.

— Ну и жизнь, — капризно сказал он.

— Надень ремень, вот и все...

Володька ехидно заметил, что эта умная мысль ему тоже пришла в голову. Но старый ремешок он потерял на пляже, а широкий командирский пояс подарил... одному человеку.

— Кому это?

— Ну... Женьке. Когда уезжала.

Он вдруг вспомнил что-то, сердито поддернул шорты почти до подмышек и схватил со стола белую веревочку. Ловко опоясался ее концом, а весь моток, не обрезая, сунул в карман.

Капроновый тонкий шнур даже на вид был скользким. А узелок с легкомысленной петелькой выглядел совершенно ненадежно.

— Развяжется, — усмехнулся я. — И потеряешь штаны.

— Не развяжется, — рассеянно откликнулся Володька.

У него дурацкая привычка: вот так, между делом, отрицать очевидные вещи!

— Ведь развяжется, — сдерживая раздражение, сказал я. — Через несколько шагов.

Этот тип равнодушно сообщил:

— Мой узелок никто не развяжет. Кроме меня.

— На что спорим? — сухо спросил я.

Он сунул руки в карманы, выпятил живот и предложил:

— Развяжи без спора.

Ну ладно... Я поставил перед ним стул, неторопливо сел, двумя пальцами взял капроновый кончик и слегка потянул.

Узелок был прочнее, чем казалось. Я потянул по сильнее. Гм... Ч-черт... Я разозлился и дернул изо всех сил! И... с чем это сравнить? Представьте, будто вас попросили порвать нитку, а оказалось, что это замаскированная стальная струна.

Узел не поддавался, а Володька от рывка подлетел ко мне вплотную. Я встретился с его сердитыми глазами, и... мы поняли, что обманываем друг друга... Спорим о всякой ерунде, о веревочке, и стесняемся заговорить о главном.

Я взял Володьку за колючие холодные локти.

— Ну, что ты... Ну, давай разберемся. Чего ты испугался?

Он отвел глаза, подумал, глядя в пол. Вдруг сел ко мне на колени и полушепотом попросил:

— Помолчим немного.

— Ну... хорошо. И что будет?

— И будет... пусто.

Он это спокойно сказал, но я ощутил, как у него под майкой струнами натянулись мышцы. Тогда я плотно прижал его к себе.

Стало тихо. Перестали потрескивать спирали в электрокамине. Рыжий Митька кончил вылизывать подсыхающую шкуру и непонятно смотрел на нас.

Сначала ничего не было. Потом... потом тоже ничего не было, но... как бы это объяснить? Словно исчезли стены. Они, конечно, были на месте, и все было на месте. Но стало все ненастоящим, непрочным, как воздух. А настоящим было ощущение громадного пространства. Словно мы в ночной степи или на плоском пустом берегу под темным небом. И шум... То ли чей-то шепот, то ли осторожные волны лижут шершавый песок...

Я прикрыл глаза и прислушался. Каждым кончиком нервов, каждой клеточкой тела прислушался: что это? откуда?

Нет, было не страшно. Не грозило это ни бедой, ни опасностью. Просто незнакомое загадочное пространство подошло вплотную и словно мягким темным крылом коснулось лица.

Но если за окном поздний вечер, и ты один в комнате, и тебе одиннадцать лет... Конечно, станет жутковато.

— Наверно, это ветер, — сказал я. — Ну что ты, Володька. Это ветер и дождь. Такой неуютный вечер...

Он покачал головой и прыгнул с моего колена.

— Это не вечер. Это было еще днем... Может быть, это... она?

Оглядываясь на меня, он подошел к столу и отодвинул пачку новых учебников для пятого класса. За книгами лежала морская раковина.

Большая была раковина и не очень красивая снаружи: серая, бугристая, с длинными шипами. Свернутая в спираль со множеством витков. А внутри она была темно-розовая и казалась очень глубокой. В самой глубине ее притаилась синеватая темнота.

— Откуда это?

— Я маму проводил, пришел домой и увидел... Она лежала на подоконнике. Я думал сперва, что это мама мне ее оставила. Ну, в подарок, чтобы не скучал...

— Может быть, так и есть?

Володька с беспокойством посмотрел на меня и сказал:

— Ты ее послушай. Приложи к уху.

Я поднял раковину — тяжелую, колючую — и поднес к щеке. И сразу накатил ритмичный гул. Океанские валы ровно шли на пологий песчаный берег. Еще немного — и брызги, прилетевшие с гребней волн, осядут у меня на лице. Я прикрыл глаза. Ощущение близкого моря стало полным... И вдруг мне показалось, что Володька сказал какие-то слова. Я взглянул на него, не опуская раковину. Нет, Володька молчал, только смотрел на меня неотрывно и тревожно. А слова прозвучали опять. Они проступили сквозь шум океанского наката. И еще, еще... Сначала я просто почувствовал, что это человеческие слова. Потом понял, о чем они. И сразу же узнал голос.

Он звучал, как магнитофонная лента, склеенная в кольцо.

«Приходи, как раньше... Приходи, как раньше... Приходи, как раньше...» — звал из чужого мира мой далекий друг — трубач, командир и рыцарь Валерка...

Видимо, я очень долго слушал, и в тревожных Володькиных глазах появилось нетерпение. Тогда я опустил раковину.

— Володька, ты слышал в ней слова?

Он растерянно мигнул.

— Я думал, что показалось... Разве так бывает?

— Бывает, — сказал я.

У меня появилось странное ощущение. Была уверенность, что скоро случится что-то необычное, но не чувствовалось волнения. Наоборот, пришло спокойствие и даже какая-то сонливость. Я сел на стул перед Володькой, улыбнулся ему и сказал:

— Это не для тебя раковина... Просто они не знали, что мы поменялись комнатами.

— Кто? — спросил Володька и придвинулся вплотную.

— Помнишь, я рассказывал? Про Город, про барабанщиков, про Канцлера? Про Валерку и Братика... Ты, Володька, решил, что это совсем сказка?

Он взял раковину, прижал к уху. Потом прошептал:

— Зовет...

Я кивнул.

Володька требовательно смотрел на меня.

— А как туда попасть?

Я пожал плечами.

— Понимаешь, Володька, раньше он сам приходил за мной...

— Разве ты не знаешь дорогу?

«Дорогу... — подумал я. — Это не дорога. Это способ перехода в непонятный мир: то ли в сказку, то ли в дру- гую галактику. Наверно, есть какие-то хитрые законы, только я их не изучал. До того ли мне там было?»

— Не знаю, — сказал я. — Сейчас не знаю...

— Но ты должен знать!

— Каждый раз — новый способ. Наверно, должно быть какое-то место. Особое...

— Место? — переспросил Володька.

— Да. Откуда можно уйти к ним...

— Место... — повторил Володька. Сел опять ко мне на колени, глянул снизу вверх. — Только ты не смейся и не спорь... У меня уже было, как сегодня с этой раковиной. Ну, не так, а похоже. У дедушки на даче...

Я слегка удивился. Дача Володькиного деда находи- лась далеко за городом. К тому же она стояла заколо- ченная, а дед отдыхал в Сочи.

— Было, — повторил Володька. — Когда мы там в июне жили... Знаешь, там такая улица есть, и мне иногда ка- залось, что в конце ее море... На самом деле ничего нет. Ну, кусты да трава. А идешь, и все кажется, что вот-вот море будет. Даже запах как от водорослей. А если глаза закроешь, то совсем будто на берегу. И шум...

— А ты доходил до конца улицы?

Володька сердито мотнул головой:

— Не доходил.

— А почему? Боялся, да?

— Да нет... Ну да, боялся. Что обманусь...

— Ну что ж... Может быть, это то, что нужно, Во- лодька.

Он вскочил:

— Так едем!

— Прямо сейчас?

Володька очень удивился:

— А разве можно ждать?

Я встряхнулся. В самом деле, что со мной? Что за сонная одурь? Или правда старею и глупею понемногу. Может быть, там дорогá каждая секунда, а мы рассуж- даем!

— Одевайся, — велел я Володьке, а сам спустился к себе. Надел сапоги, взял брезентовый плащ. Положил в карман тяжелый охотничий нож — подарок приятелей, с которыми был в походе по Кавказу. Может быть, и не пригодится, а может быть... При этой мысли у меня слегка заболел шрам на левом боку и кольнула тревога за Володьку. Но было ясно, что уговаривать его остаться бесполезно. К тому же, я не знал дороги...

Володька ждал меня. Вместо раскисших на дожде сандалий он натянул старенькие, но надежные кеды, а на майку надел оранжевую курточку-штормовку с капюшоном. Он стал в ней похож на яркого тонконового гномика, который из таинственной пещеры несет кому-то в подарок волшебную раковину.

Штормовочка была так себе, из легкой материи. «Продрогнешь, глупый», — хотел сказать я. Но Володька глянул с такой суровой нетерпеливостью, что я промолчал.

3

Как добрались до вокзала, я совершенно не помню. Мы словно сразу оказались в вагоне электрички. Он был пуст. Ярко горели лампы. У Володьки на щеках блестели дождевики, а штормовка была усыпана темными звездочками — следами капель.

Мы сели друг против друга на желтые лаковые скамейки. Поезд будто нас одних и ждал: мягко толкнулся и набрал скорость. Сразу прижалась к стеклам густая, как смола, чернота.

Володька сидел прямой и даже строгий какой-то. Положил раковину на блестящие от дождя коленки, смотрел перед собой и шевелил губами — словно повторял тихонько важный урок.

— Володька, — окликнул я. — Долго ехать?

Он вздрогнул.

— Что?.. Нет, не очень. — Приложил раковину к уху и улыбнулся: — Говорит. Будто даже громче.

Я тоже послушал. Может быть, не громче, но неутомимо и настойчиво звучал Валеркин голос...

Мы и правда ехали недолго. Даже темные звездочки на Володькиной куртке не успели исчезнуть. Не знаю, что Володька сумел различить в темноте за окнами, но вдруг вскочил и потянул меня за рукав. Едва мы вышли в тамбур, как зашипели тормоза и разошлись двери. Мы прыгнули на мокрые доски платформы. В них отсвечивал стан-

ционный фонарь. Поезд опять зашипел и умчался, а мы по скользким ступенькам спустились на размокшую траву.

— Здесь тропинка, — шепотом сказал Володька и повел меня мимо темных плетней и сараев. По-прежнему сеял дождик.

— Вот здесь дедушкина дача. Видишь?

Ничего я не видел. Кругом ни огонька, даже стационарный фонарик затерялся во мгле. Я уже хотел сообщить своему спутнику, что глаза у меня не кошачьи, но он вдруг виновато попросил:

— Слушай, возьми меня на руки, пожалуйста. Тут шиповник.

Я сразу подхватил его, но для порядка проворчал:

— Нежности какие. Давно ты стал бояться колючек?

— Но ведь это железный шиповник... Ты осторожнее, он и сапоги может изорвать.

Я никогда о железном шиповнике не слышал, поэтому только хмыкнул. Потом спросил:

— Если он такой вредный, почему вы с дедом его не выкорчевали?

— Как его выкорчуеть? — удивленно сказал Володька. — Я же говорю: железный шиповник. У него корни до центра Земли.

— Вечно ты выдумываешь...

— Ничего не выдумываю, — рассеянно откликнулся Володька. — Это правда... Ты иди теперь прямо, здесь короткая дорога.

Я продрался сквозь кусты и вынес Володьку на широкую улицу дачного поселка.

Тишина стояла невероятная. Даже дождик закончился и не шуршал в траве. Ни одно окошко не светилось. Однако полной темноты уже не было: в небе стали видны облака, словно отразившие далекий рассеянный свет.

Володька нетерпеливо шевельнулся, и я опустил его на дорогу. Он ойкнул. Оказалось, уронил на ногу раковину. Я поднял ее и больше не дал Володьке: разобьет еще или сам поранится.

— Куда же теперь пойдем? — спросил я.

Володька уверенно махнул рукой вдоль домов. Я взял его за плечо, и мы зашагали посередине дороги.

Стало еще светлее: облака проступили ярче, и в воздухе как бы повисла серебристая пыль. Мы молчали и думали, наверно, об одном и том же: чем кончится наше путешествие? Говорить об этом я не решался, и Володька, видимо, тоже. Мы оба, наверно, боялись спугнуть сказку.

А молчать стало трудно. И я просто так, лишь бы сказать что-нибудь, полушепотом произнес:

— Какие-то странные облака. Светятся...

Володька подумал и тихонько ответил:

— Наверно, в них распыляется звездный свет.

— Такой сильный?

— А что? За облаками звезды светят очень ярко. Просто мы не видим... — Он помолчал и вдруг спросил: — А почему они горят?

— Звезды?

— Ну да. Огонь горит, если воздух кругом, а там ведь безвоздушное пространство...

— Ученые говорят, что в них атомные процессы идут. А в общем, до конца это еще не изучено...

— И главное, вечно горят...

— Не совсем вечно. У звезд тоже бывает рождение и конец.

— Ну, все равно. Миллиарды лет...

— С чего это ты о звездах задумался, Володька?

Он серьезно сказал:

— А что? Я о них часто думаю... Вот смотри: если бы не было звезд, не было бы планет. Значит, не было бы людей. Вообще ничего хорошего не было бы... И мы с тобой никогда бы не подружились...

«А ведь в самом деле...» — подумал я и покрепче взялся за Володькино плечо...

Шли мы уже минут пятнадцать, а улица все тянулась. «Удивительно, — думал я. — Это же поселок, а не город...»
Сделалось теплее. Володька откинул капюшон.

Улица стала узкой, дома вплотную подступили к дороге. В мерцающем полусвете облаков я разглядел, что это необычные дома. Точнее, это были всего два очень длинных дома — справа и слева. Они и составляли улицу. С правой стороны тускло поблескивал бесконечный ряд полукруглых окон, с левой тянулась перед домом длинная терраса или галерея — столбы с навесами.

Мы подошли совсем близко, и я увидел, что столбы покрыты резьбой: их оплетали деревянные листья и цветы. А вверху, на карнизе, я смутно различил какие-то смеющиеся маски.

— Что это за дома, Володька?

— Не знаю, — шепотом сказал он. — Я их раньше не видел.

Даже в полумраке я различил, какие опять встревоженные сделались у него глаза.

Ощутимой волной прошел вдоль домов теплый воздух, и я уловил в нем запах травы. Той серебристой травы, что росла у стен Валеркиного Города.

— Что? — поспешно прошептал Володька. — Это... уже? Это правда?

Я сжал ему руку и повел мимо резных столбов. Я не знал еще точно, где мы, но от волнения перехватило горло.

Так шли мы полминуты. Улица оборвалась наконец, и в тот же миг из-за просветлевшей кромки облака выглянул краешек луны. Я остановился и радостно прижал к себе Володьку. Луна могла светить только там. У Валерки. У нас было новолуние.

Яркий круг выкатился из-за облака целиком, и словно включили голубой прожектор.

— Ой! Ура... — с тихим восторгом сказал Володька. — Смотри.

Я смотрел. Но глаза не сразу привыкли к странному серебристо-голубому миру.

Слева на холме, в километре от нас, я разглядел белые домики. А справа и впереди, занимая половину пространства, стояла туманная мерцающая стена. И неясно было: вблизи она или очень-очень далеко. Только то, что находилось совсем рядом, я видел отчетливо: кусты и нагромождение камней.

Не знаю, что меня толкнуло, но я моментально решил забраться на камни и осмотреться. Держа в руках раковину, я по гранитным уступам взбежал наверх и тут услышал Володькин крик:

— А я?! Подожди, я с тобой!

Чтобы успокоить его, я обернулся. Из-под ноги выскользнул камень. Я шагнул в сторону, однако нога не нашла опоры. Качнувшись, я замахал руками... и ухнул в пустоту.

4

У меня есть приятели-альпинисты, кое-чему я у них научился. Извернувшись, я ухватился за каменный карниз. Раковина, конечно, улетела, но мне было не до нее. Острый толчок опасности как бы встряхнул меня, и я сразу все понял. Понял, что туманная стена с лунными искрами — это океан и что я повис на краю обрывистого берега — видимо, очень высокого. И если разожму пальцы, грохнусь об утесы или окажусь под водой (а какой из меня пловец в сапогах и плаще?).

— Володька! — сдавленно крикнул я. Но услышав, как из-под ног у него посыпались камешки, испугался: — Не подходи, сорвешься!

Это было глупо. Кто, кроме него, мог помочь?

Ну а он? Разве он вытащит? Я висел на закаменевших пальцах и чувствовал, какое нескладное и тяжелое у меня тело.

Что внизу, я не видел. Видел только перед носом темный камень. Ноги болтались и не находили, за что уцепиться.

— Сейчас! — крикнул Володька. — Не бойся!

Я отчаянно попытался подтянуться, но пальцы едва не сорвались. Я поднял лицо, но увидел над собой лишь каменный козырек.

— Тихо ты, — почти со слезами сказал Володька. — На, держи.

По пальцам левой руки, по кисти скользнула и закачалась у щеки знакомая веревочка. С узелками и петлей на конце. Умница Володька!

Я знал, что капроновый шнурок выдержит меня. Ухвачусь, раскачаюсь, заброшу на карниз локоть и ногу. Володька вцепится в плащ, поможет выбраться... Только удержу ли я в ладонях тонкую скользкую веревочку?

Из последних сил я вцепился в камень правой рукой, а левую освободил на миг, сунул в страховочную петлю и сжал узелки. Но правая рука подвела: пальцы сорвались. От рывка узелки выскочили из ладони, тонкая петля затянула кисть, и я повис, вращаясь на шнуре.

Режущая боль была такой дикой, что я ничего не увидел, хотя сделал на веревке полный оборот.

Я застонал и схватился правой рукой за шнур, повыше петли. Он был совсем тоненький и гладкий, не удержать. А до узелков теперь не дотянуться. Боль от кисти уже подкатила к плечу, и я побоялся, что потеряю сознание.

«Не смей», — сказал я и широко открыл глаза. Я опять висел лицом к обрыву, но ниже, чем раньше: веревка опустилась приблизительно на метр. Зато недалеко был выступ: если раскачаться, можно встать на него и ухватиться за гранитный гребешок. Лишь бы выдержать!

— Володька! — со стоном крикнул я. — Ты хорошо привязал?

И услышал глухой, хриплый какой-то ответ:

— Я не успел... Я держу.

На миг я забыл даже про боль. Ужас бывает сильнее боли.

— Отпусти! — приказал я.

Мне вовсе не хотелось в герои, и я не мечтал о подвиге. Я даже успел всей душой понадеяться, что, может быть, падая, зацеплюсь за какой-нибудь выступ. Или сваюсь в воду и все-таки выберусь. А Володьке не выбраться. Он-то уж точно грохнетя насмерть, если сорвется.

— Отпусти сейчас же!

— Не отпущу... Выбирайся...

— Брось, ты не удержишь!

— Удержу. Я ногами зацепился. — Он говорил глухо и с трудом.

Какие же отчаянные силы появились у него, если своими тощими ручонками он удерживал меня — взрослого тяжелого дядьку!

Я представил, как тугие капроновые пряди врезаются в Володькины ладошки, и закричал изо всей мочи:

— Брось веревку!!

— Не брошу, — сказал он и, кажется, заплакал.

Тогда я от страха за него и за себя, от боли и отчаянья начал орать на Володьку. Орал и висел неподвижно, потому что чувствовал: если чуть качнусь — Володька сорвется с каменной площадки. Потом оборвал крик. Вспомнил про нож.

Опять я повис на левой руке (она уже онемела в петле), сунул правую ладонь в карман, ухватил рукоятку. Все напряглось во мне от предчувствия жуткого падения. Но я же не погибну, нет! Рывком я сбросил с клинка ножны и тяжелым отточенным лезвием рубанул натянутый шнур...

Я им гвозди рубил когда-то, этим ножом. Но от Володькиной веревочки клинок отлетел, как от стального троса. Упругая отдача вырвала нож из ладони.

Несмотря на все отчаянье и страх, я так изумился, что повис, как мешок. Нож тихо звякнул где-то далеко внизу. Это привело меня в чувство. Я опять хотел зарвать на Володьку, но почувствовал, что меня поднимают. Перед глазами появился край обрыва, потом чьи-то пальцы яростно ухватили мой плащ и потянули вверх. Я уцепился за карниз локтем, лег грудью, забросил колена. Перевалился через левое плечо на спину и от последнего толчка боли закрыл глаза.

Видимо, с полминуты я все же был без сознания. По крайней мере, не помню, как снимали у меня с запястья петлю. Я ощутил прикосновение прохладной мя-

коти к содранной коже. Эта прохлада всосала в себя и растворила боль. Только щекочущие мурашки бегали по левой руке, словно я ее отлежал.

Я открыл глаза и увидел Володек. Двух Володек. Они стояли надо мной рядышком. Один Володька был в своей штормовке, а другой — в светлой шелковистой рубашонке, подпоясанной тонким блестящим ремешком.

— Ну, ты чего? — жалобно сказал Володька в штормовке. — Ты живой?

А Володька в рубашке сел на корточки и поправил на моей руке накладку из влажных листьев. Под луной вспыхнули его светлые волосы. И хотя лицо осталось в тени, я все равно узнал. Сразу же. Он засмутился и спросил:

— Ну, как ваша рука? Не сильно болит?

— Василек! — сказал я почти с испугом. — Ты что? Ты почему говоришь мне «вы»?

Он улыбнулся знакомой своей улыбкой: нерешительной, но очень славной.

— Ну... ты такой большой теперь.

В самом деле! Он же никогда раньше не видел меня большим. Валерка видел, а Братик — ни разу. Я всегда приходил к нему мальчишкой. Двенадцатилетним пацаном с выгоревшими волосами и засохшими ссадинами на острых локтях...

— Ну и что же, что большой! Какая разница, Василек!

— Все равно глупый, — негромко добавил Володька.

Я не рассердился. Мне стало вдруг очень стыдно, что я, такой здоровенный, раскис и валяюсь перед ребятами. Я вскопчил. Боль опять прошила руку, но я сдержался.

— Не скачи, снова загремишь, — хмуро предупредил Володька. — Лучше погляди, куда ты собирался лететь.

Далеко внизу штормовали берег длинные водяные валы, а между утесами выростали белые деревья: это вставали громадные столбы брызг. Только сейчас я понял, что в воздухе висит шум прибоя. Он был такой ровный, что казался частью тишины.

От края обрыва до прибоя было не меньше сотни метров.

— Ну, что? — сумрачно сказал Володька.

— Как ты меня удержал? — тихо спросил я.

Володька шевельнул плечом. Потом объяснил:

— Вон видишь камень? Я на нем лежал на спине.

А ноги согнул и цеплялся за край...

Значит, он лежал навзничь, на этой квадратной глыбе.

Острая каменная грань врезалась ему под коленки, а веревка, намотанная на руки, срывала с ладоней кожу...

— Хорошо, что он подоспел, — шепотом сказал Володька и кивнул на Братика. — Сразу как вцепился тебе в воротник...

Два таких малька — и вытянули меня.

— Покажи руки, Володька.

Он ворчливо объяснил:

— Видишь, я штаны держу. Если отпущу, свалятся.

Он и правда еще не успел подпоясаться веревочкой.

— Никуда штаны не денутся. Покажи ладони.

Володька вздохнул, надул живот, чтобы штаны и вправду не съехали, и протянул руки. На ладонях были темные полосы. Но не такие страшные, как я ожидал.

Подошел Братик и застенчиво объяснил:

— Мы сразу листья приложили. Это черепашья трава, ее здесь много. Она тут же залечивает.

Это я и сам чувствовал: боль в руке опять утихла.

Володька подобрал с камней свою веревочку.

— Хорошая ты моя. Надежненькая... А этот вредный дядька тебя ножом. Тоже мне, Смок Беллью...

— Откуда ты знаешь про нож? Ты же не видел.

— «Откуда»... Догадался. Мало ли чего я не видел? Зато слышал много... Как ты там висишь и ругаешься.

— Прости, малыш, — сказал я.

— Ладно уж, — снисходительно буркнул Володька и запоздало огрызнулся: — Сам малыш!

Братик засмеялся. Тогда засмеялся и Володька, и они посмотрели друг на друга.

А я обрадовался и рассердился. Рассердился на себя — за то, что до сих пор как бы в плену у жуткого случая. Все кончилось хорошо, сколько же еще вздрагивать? А обрадовался потому, что наконец понял: вот же он, Братик! Самый настоящий!

Теперь самое время начаться главным событиям. Не зря же Валерка послал нам раковину! Не для того же мы с Володькой пришли сюда, чтобы я поболтался на веревочке!

Было уже две Сказки: одна печальная и ласковая, другая — жестокая, но с хорошим концом. Должна быть и третья. Неизвестно какая, но должна.

...А Володька и Василек все смотрели друг на друга, словно шел между ними молчаливый разговор.

— Вы хоть познакомьтесь, — сказал я.

Володька небрежно глянул на меня.

— А чего нам знакомиться? Мы и так знаем...

Он взял Братика за руку, и мы стали спускаться с камней.

На ходу Володька негромко сказал Братику:

— Он про тебя много рассказывал... Тебя Васильком зовут? А можно Васькой?

Я поморщился. Но Братик сказал весело и просто:

— Можно, конечно.

Мы пошли по тропе среди травы. Я шагал сзади и видел только ребячьи затылки, освещенные луной. Оба лохматые и порядком заросшие. Темно-русый Володькин и совсем светлый Василька. Но я представлял, какие у Володьки и Братика сейчас лица. Володька пытается скрыть стеснительность за беззаботной улыбкой, а Василек поглядывает на него сбоку — смущенно и слегка нерешительно: кажется, хочет что-то сказать.

Наконец он проговорил вполголоса:

— Я про тебя тоже слышал...

— Он рассказывал? — торопливо спросил Володька.

— Он тебя во сне звал... В тот раз, после боя...

Володька перестал, кажется, улыбаться. Братик сказал:

— Я тогда и понял...

— Что?

— Ну... какой ты.

Володька помолчал и скованно спросил:

— Какой?

— Ну, такой... — Братик опять засмутился и не сразу нашел ответ. Потом серьезно сказал: — Как твоя веревочка...

Володька сбил шаг, и у них с Васильком дрогнули сомкнутые руки. Но не разорвались, а сцепились крепче — ладонь в ладони.

Мне стало даже капельку обидно, что они идут рядом, а я один остался. Но в этот же миг Братик и Володька обернулись.

— Догоняй, — сказал Братик. — Ты не устал?

А Володька сурово заметил:

— Надо вместе ходить, а то опять куда-нибудь свалишься... Беда с этими взрослыми: ноги длинные, а толку никакого.

Я обрадованно догнал их, и они ухватили меня за руки с двух сторон. И пошли, крепко прижавшись ко мне. Может быть, потому, что тропа была неширокая, а по краям стояли высокие стебли с жесткими зубчатыми листьями.

— Василек, а что случилось? — спросил я. — Вы позвали...

— Ничего не случилось, — беззаботно сказал он. — Ну, ничего такого... Скоро дальнейшее плавание, на целый год. Брат хотел повидаться перед уходом.

— А как вы послали раковину? — вмешался Володька.

Все так же беззаботно Братик объяснил:

— Их посылают по солнечным лучам, когда полуденный ветер... Брат знает, он эти хитрости изучал, а я пока не разбираюсь.

— Мы к нему идем? — спросил я.

— К нему.

5

Скоро мы вошли в поселок. Белые домики с полукруглыми окнами и множеством деревянных лестниц в беспорядке толпились на склоне холма. Склон опускался к морю. По берегу шла высокая набережная. Она была выложена бугристыми плитами. Вдоль набережной стояли шесты, и между ними тянулись развешанные сети. На сетях, как выловленные в море серебряные монетки, сверкали крупные рыбы чешуйки.

В лицо нам дул теплый ветерок, сети медленно качались. Пахло бочками из-под рыбы, сладковатой травой и морской солью.

Володька вертел головой, и глаза у него блестели.

Изредка попадались навстречу мужчины в кожаных шляпах и полосатых фуфайках. Без удивления провожали нас взглядами.

Море шумело, и брызги иногда перелетали через парашет набережной.

У самого моря, за парашетом, поднимался еще один дом, не похожий на другие. Он был темный, с тремя рядами узких решетчатых окон, с тяжелыми звериными фигурами и узорчатыми фонарями на выпуклом фасаде. И я вдруг сообразил, что это высокая корма парусного корабля.

Мы подошли ближе. Округлый борт с балюстрадой навис над нами. На плиты набережной был спущен гибкий трап.

По трапу сбежал к нам Валерка.

Он без улыбки взял мои ладони и сказал:

— Здравствуй.

И Володьке сказал «здравствуй». Как давно знакомому. Володька смущенно засопел.

Валерка выглядел старше, чем в прошлый раз. Было ему на вид лет пятнадцать. Над губой темнели волоски, лицо стало худым и казалось очень смуглым. Он был в узкой черной форме. На плечах и рукавах его короткой куртки неярко блестело серебряное шитье. На боку висел тонкий палаш в черных ножнах.

— Он капитан? — шепотом спросил Володька у Братика.

Валерка услышал и улыбнулся:

— Штурман...

Мы поднялись по трапу, и несколько личностей пиратского вида почтительно расступились перед нами. Валерка привел нас в просторную каюту. Мягким, но сильным светом горела круглая лампа, подвешенная к выгнутой балке потолка. На широком столе были раскинуты карты. На картах спал большущий рыжий кот.

— У, какой! Больше Митьки, — с завистью сказал Володька.

— Это Рыжик наш, — сказал Братик.

Он потянул Володьку на обтянутую кожей койку, а мы с Валеркой сели у стола.

Была в нас какая-то скованность.

— Ты не сердись, — проговорил Валерка. — Я не встретил... Третий день погрузка, а сегодня еще подвязывали паруса.

Братик встрепенулся:

— Уже сделали? Мы пойдем, я покажу Володьке корабли!

Они вмиг исчезли из каюты. Я с тревогой посмотрел вслед.

— Да ничего, — успокоил Валерка. — Там кругом матросы...

— Значит, отстроили все же корабли, — сказал я.

— Да. Это сумели...

— И теперь в плаванье? Далеко?

— Далеко... Почти наугад. Говорят, на юге есть большой материк. А что там, никто не знает. Может быть, на нем целые страны, и люди лучше нас живут. И умнее... Ты ведь знаешь, как мы жили: все на свете провоевали. Что помнили — забыли, что умели — разучились. Теперь открываем планету заново.

— Но главное, что плывете. Ты штурман теперь... А Братик?

Валерка вздохнул и прикусил нижнюю губу. Посмотрел на меня жалобно, как маленький.

— Ему нельзя плыть.

— Опасно?

— Не то, что опасно. Смертельно.

Я, не понимая, молчал.

— Мы пойдем через полуденную черту, — сказал Валерка. — Там бешеное солнце, стальные лучи. Взрослые могут вытерпеть, а такие, как Василек... Понимаешь, у них не выдерживает кровь. Становится желтой, как лимонный сок, жидкой делается. Из любой царапинки бежит без остановки. Даже старые шрамы будто тают и начинают кровоточить. А ты ведь помнишь, у него на плече...

Еще бы не помнить! Этот жуткий треугольный глазок от рапиры гвардейца...

— Как же Братик будет без тебя? — спросил я.

— Вот так и будет, — печально сказал Валерка. — Поживет с Рыжиком у рыбаков.

Легко сказать «поживет у рыбаков». Это Василек-то, у которого старший брат — единственный свет в окошке!

Но тут я вспомнил, какой Братик сегодня. Он вовсе не казался печальным. Смеялся, прыгал. Я удивленно посмотрел на Валерку, и он понял. Он сказал:

— Все уже было. Сколько слез пролилось... Но мы собираемся давно, и он привык к мысли, что мне придется уплыть. И он твердый все-таки... А сегодня еще вы пришли, вот он и радуется.

— Мы будем его навещать. Ведь это можно, да?

У Валерки нервно дрогнули брови. Он собрался что-то ответить. Но в это время завизжала дверь, и в проеме показалась могучая фигура — в кожаных штанах, сапогах, в клетчатой рубахе и драной шляпе, из-под которой торчали концы пестрой косынки. Этакая глыба с лицом, заросшим шерстью.

Глыба стащила шляпу и сквозь косынку поскребла скрюченным пальцем затылок. И заговорила почтительно приглушенным басом.

— Прошу прощения у Светлого штурмана Иту Лариу Дэна, только матросы в полном недоумении. Капитан велел грузить сначала волокно, а сверху бочки с солониной.

— Ну и делайте, как велел капитан, — нетерпеливо откликнулся Валерка. — Ему лучше знать.

— Оно вроде бы справедливо, — прогудел рыжий великан. — Только осмелюсь заметить Светлому штурману,

что бочки тяжелые. Их если погрузить высоко, на волне появится лишняя раскачка. Вам трудно будет инструментами звезды ловить.

Валерка улыбнулся:

— Ладно, поймаю...

— Опять же при такой погрузке запасные цепи придется укладывать под палубой убизани. А там рядом компаса...

— О черт, — сказал Валерка и встал. — Извини, я сейчас.

Он выскочил из каюты, зацепив рукояткой палаша косяк. А я подумал, что мне трудно будет называть его Валеркой. Теперь это Светлый штурман Иту Лариу Дэн, знающий тайны звезд и моря. И, видимо, имеющий власть на корабле не меньше власти капитана.

Вернулся он через две минуты. Виновато проговорил:

— Капитан очень хороший человек, но в компасах и картах — во... — Он постучал ногтем по большому глобусу с очертаньями незнакомых земель. Спящий Рыжик недовольно дернул хвостом.

Я опять хотел спросить, можно ли будет навещать Братика. И снова появилась в двери голова в косынке на рыжих космах.

— Осмелюсь еще раз побеспокоить Светлого штурмана и его гостя. Ваш юный брат и его друг носятся по вантам и между мачтами, как летучие обезьяны. Смотреть, конечно, полная радость, только один раз они уже скатились в рыбный трюм.

Тут уж вскочили мы оба. Но «летучие обезьяны» сами влетели в каюту. Они бухнулись на кожаную лежанку, задрав ноги, облепленные рыбьей чешуей. Я заметил, что Володька подпоясан блестящим ремешком, а рубашка Василька заправлена в коротенькие штаны, и из кармана торчит белая веревочка.

Светлый штурман Иту Лариу Дэн принял решительный вид. Он заговорил с Братиком суровым тоном, в котором я уловил, однако, беспомощную нотку:

— Сколько раз я втолковывал: не смей носиться по мачтам!

— Мы больше не будем, — кротко сказал Братик. Покосился на Володьку, и оба фыркнули.

— Достукаешься, что выставлю с судна, — пригрозил штурман.

Братик лукаво заметил:

— Ты же над парусами не начальник. Ты над приборами начальник, а над парусами боцман Вига Астик. Он разрешает.

— Выставлю с боцманом, — пообещал Валерка. Сжал губы, чтобы не засмеяться, и отвернулся, изобразив спиной возмущение. Негромко, но чтобы слышал строптивый брат, сказал мне:

— До того вредный стал. Никакого сладу...

Я выразительно посмотрел на своего Володьку и сообщил, что у этих двух пиратов начинается, видимо, знаменитый переходный возраст.

— Слушай, штурман, ваши ученые что-нибудь пишут про переходный возраст в своих мудрых книгах? Что при этом надо делать?

— Пишут, конечно, — охотно откликнулся Валерка. — За уши драть надо, чего же еще.

— И здесь не без дураков, — заметил Володька.

Они с Братиком поднялись и на цыпочках двинулись к двери.

— Куда?! — рявкнул я.

Володька обернулся.

— Мы не будем скакать. Мы посмотрим, как протягивают штуртрос.

Штурман Дэн махнул рукой. Братик и Володька дурашливо изобразили пай-мальчиков и удалились.

— Спелась голубчики, — сказал я с улыбкой. И увидел Валеркино лицо. Мне даже страшновато стало — такая безнадежность была в этом лице.

— Плохо, наверное, что спелась.

— Что случилось, Валерка?

— Видишь, они полюбили друг друга. А сегодня расстанутся. Василек еще не знает...

— Но ведь...

Он покачал головой.

— Думаешь, я из-за плаванья позвал тебя? Плаванье — что... Уплыл и вернулся... Дело не в этом. Планеты расходятся. Нам больше не увидеться, Сережа...

6

Планеты расходятся...

Мы стояли на высокой кормовой палубе, у планшира, и над нами качались громадные деревянные блоки. Над близким волноломом гавани вставали под луной белые языки пены, а в бухточке, где стоял корабль, было тихо.

У борта слегка плескалась рябь, да шипел в тросах ровный ветерок.

Внизу, на средней палубе, Братик и Володька натянули между мачтами веревочку и учили ходить по ней Рыжика. Любопытно, что Рыжик слушался. Матросы толпились вокруг и сдержанно посмеивались в волосатые кулаки.

Но все это я замечал машинально, а думал о другом, о печальном. Планеты расходятся. Какая-то космическая сила разрывает наши пространства.

А меня и Володьку уносит от Валерки и Братика. Навсегда...

— А может быть, не навсегда?

Штурман Дэн покачал головой. Он знал о неизбежности движения перепутанных галактических миров. и не мог ошибиться.

Он сказал:

— Ты и сам, наверно, заметил: переход сделался труднее.

— Не заметил я. Шли и шли. Сперва дождик, потом луна...

Валерка грустно улыбнулся:

— Шли и шли... Это в протяженности. А во времени? Ты же не стал, как в тот раз, мальчиком.

Да, он прав. А я как-то не подумал об этом. Наверно, потому, что рядом со своим Володькой привык быть большим. А может быть, случай на обрыве выбил меня из колеи...

Я спросил:

— Нельзя было уже сделать, чтобы я стал... ну, как вы?

— Можно, только очень тяжело. Надо строить лабиринт. Я этого никогда не делал.

Мы помолчали.

— Когда уплываете? — спросил я.

— На рассвете... А вам надо уйти раньше, пока луна...

Я подумал, каким тягостным будет прощанье. И Валерка меня понял. Он проговорил:

— Даже не знаю, как сказать Васильку.

— Может быть, пока не говорить?

— Нельзя обманывать, — хмуро откликнулся Валерка.

Я услышал позади мягкий толчок и оглянулся. Это упал на четыре лапы Рыжик, которого выпустил из рук не то Братик, не то Володька.

Они стояли рядом и одинаково смотрели на нас отчаян-

ными глазами. Они так сцепились руками, словно уже сию секунду их могли оторвать друг от друга. Я понял, что говорить ничего не надо. Но Валерка не выдержал. Глянул на Володьку, на меня и умоляюще сказал:

— А может, останетесь?

Я на миг забыл про все на свете и снова почувствовал себя мальчишкой. Я качнулся Валерке навстречу. Ведь это же так просто: остаться.

И тут же услышал удивленный Володькин голос:

— А как же мама?

Да. Как быть с теми, кого любишь? И Володькина мама, и Варя, и тот малыш, который должен у нас родиться. Это обязательно будет сын, и мы назовем его Валеркой. Как быть со сказкой, которую я написал для театра и которую ребята не увидят, если я не вернусь? Как бросить все, к чему привязан с детства? Всю планету с ее горечью и радостью, жестокостью и лаской? С нашей травой и нашим солнцем?

Валерка опустил глаза.

— Простите, ребята, — сказал он.

Молчаливым и печальным оказался наш обратный путь. Если люди расстаются на время, они дают друг другу наставленья, мечтают о будущей встрече, а о чем было нам говорить? О том, что никогда не забудем друг друга? Это ясно и так.

Валерка и Братик проводили нас очень далеко. Уже кончились длинные дома, и затерялся в тучах лунный свет. И опять начал сеять дождик. Братик зябко передрнул плечами, и Валерка торопливо накинул на него свою расшитую куртку.

Наконец мы остановились у зарослей железного шиповника, недалеко от заколоченной дачи. Встали тесным кружком. Было совсем темно.

— Пора нам... — сказал Валерка.

Я молча сжал в темноте его узкую ладонь.

— Не потеряй... ремешок, — тихо и сбивчиво сказал Братик Володьке.

— Не потеряю. А ты веревочку... не потеряй.

— Ни за что, — прошептал Братик. Он прижимался ко мне плечом, и я почувствовал, как плечо задрожало.

Я ни разу не видел, как плачет Братик. И сейчас не видел из-за темноты. Но я понял.

Жалость, тоска и злость смешались и подкатили к горлу. Потому что все было дико и несправедливо!

— Валерка... — сказал я. — Ребята... Подождите. Ну, нельзя же так! Должно же случиться что-то хорошее, раз мы встретились!

Володька и Братик замерли с напряженностью взведенных курков. А Валерка тихо сказал:

— Придумай.

Мне даже насмешка почудилась. Но это не Валерка смеялся, а сама Третья Сказка. В ней был нарушен какой-то закон: в ней ничего не случилось, и она принесла только горечь расставания.

Что я мог придумать? Дважды я выручал друзей из беды, но тогда у меня было оружие и я знал, с кем драться.

А может быть, дело не в этом? Тогда я был мальчишкой, а сейчас взрослый и, наверно, поэтому не могу отстоять наше мальчишечье счастье.

— Валерка! Ты же говорил, что можно. Трудно, а все-таки можно... Лабиринт.

Пускай ничего не случится. Пускай ничего я не придумаю. Но хоть на полчаса я опять стану таким же, как они. Еще раз вместе пробежимся по щекочущей высокой траве. Лишь бы не это прощанье под моросящим дождем.

Валерка выдернул из моей руки ладонь.

— Ты верно говоришь, — сказал он. — Что-то не так. Неправильно... Ладно, я попробую.

Он отошел, и в трех шагах от нас размытым пятном забелела его рубашка. По резкому шелесту я понял, что он выхватил из ножен палаш.

Через несколько секунд на острие поднятого клинка зажегся зеленый огонек. При этом свете мы хорошо разглядели Валерку. Он стоял, вытянувшись, с направленным вперед палашом. Рука и клинок были одной прямой линией. Голову Валерка опустил и словно прислушивался.

Он был неподвижен сначала. Потом откинул назад левую руку и несколько раз стиснул и разжал пальцы. Будто искал, за что ухватиться. Я понял и подскочил. Валерка не глядя вцепился в левое запястье (боль опять прошла по руке). Пальцы у Валерки леденели. Мало того, я тоже начал весь холодеть. Казалось, тепло уходит из нас, как энергия из электрических батарей. Мне стало даже не по себе.

И вдруг все это кончилось. Погас зеленый огонек. Валерка разжал пальцы, расслабленно опустил палаш и долго не мог попасть клинком в ножны.

— Ну вот, все, — сказал он наконец, и я почувствовал в темноте его улыбку.

Перед нами в сумраке неясно обрисовались скалы, и в них абсолютной чернотой проступала узкая щель.

— Что ж, пойдём, — сказал Валерка. — Не отставайте, а то можно заблудиться. Это же лабиринт...

— Слушай, штурман, а Володька наш не станет совсем младенцем, если я...

Валерка перебил с усмешкой:

— Не станет, если не захочет.

— А ты не опоздаешь на корабль?

— Нет, — со сдержанным торжеством в голосе откликнулся штурман Иту Лариу Дэн. — Теперь время нас пождёт.

7

Даже не знаю, с чем это сравнить. Мы шли то по траве, то по камням, но не могли разглядеть их, а только слышали шорох подошв и шелест стеблей. Я чувствовал, что рядом твердые высокие стены, но их тоже не видел, а видел зыбкий темный туман, в котором передвигались, мерцая, россыпи неярких звезд и даже целые спиральные галактики. Одна — косматая и плоская, размером с тарелку — медленно прошла у моего плеча назад. Я оглянулся и при убегающем свете разглядел Володьку и Братика. Они держались за руки. Лица у них были бледные и серьезные.

Валерка шел впереди. Он поглядывал вверх, где на извилистой полосе обычного земного неба светили несколько неизменных звезд. Мы часто сворачивали, и при каждом резком повороте из тумана выплывали разноцветные планеты, похожие на елочные шарики. Они проходили сквозь меня и Валерку, словно мы были из воздуха. Это похоже было на сон, когда ничто не удивляет и не страшно.

Потом снова стало темнее. Стены сделались непрозрачными. Валерка вдруг замедлил шаги, и я опять почувствовал его улыбку. Он спросил:

— Так сколько же тебе лет?

Я тоже улыбнулся и нетерпеливо сказал:

— Ты же знаешь: всегда двенадцать.

— Ну, смотри, — серьезно откликнулся Валерка, и голос его вдруг разнесся по галактикам. — Здесь такое место. Каким хочешь, таким и выйдешь. Хоть ребенком, хоть стариком... Хоть ангелом с крылышками, хоть рыцарем в латах. Задумай...

Не надо мне крыльев. И лат не надо! Пусть я стану снова обычным пацаном с заросшей тополями улицы Чехова, где когда-то жил с мамой и друзьями. Пусть, как в прошлый раз, будут на мне разношенные мягкие кеды тридцать шестого размера (на левом лопнул шнурок, и я заменил его проводком в красной изоляции). И мятые синие шорты с потертыми и побелевшими от стирки швами. И рубашка, которую неумело и заботливо зашил мне Братик после боя с Канцлером...

Или... не рубашка?

Все детство, лет с пяти и чуть ли не до пятнадцати я мечтал о матроске. Такие форменки — маленькие, но настоящие — носили ребята из кружка судомоделистов в городском Доме пионеров. Но в кружок принимали тех, у кого не было троек...

Я мечтал о матроске отчаянно, до тоски. Больше, чем о велосипеде. По крайней мере, так мне вспоминалось сейчас. Потому что велосипед в конце концов купили, а морская форменка так и осталась несбывшейся сказкой.

Один раз мне чуть не повезло. На рынке-толкучке, где мы с мамой искали шланг для стиральной машины, хмурый тощий дядька продавал мою мечту. Мама посмотрела мне в глаза и пожалела меня. Но денег не хватило. Не хватило столько, что не было смысла и торговаться. Наверно, я заревел бы. Но рядом крутилась веснушчатая девочка со спокойно-насмешливыми желтыми глазами. Я ее немного знал, она недавно стала жить на нашей улице...

...Зеленоватая планета размером с яблоко неслышно прошла через толщу стен и повисла невдалеке от нас. У нее было кольцо как у Сатурна. Планета быстро вертелась внутри кольца и разбрасывала отблески, похожие на светлых бабочек.

— Ух ты... — тихонько сказал сзади Володька.

Одна светлая бабочка теплым крылом задела мою ладонь. Я поднял к лицу руки — они стали тонкими и легкими. Я увидел синие обшлага с тремя полосками, белые рукава. На правом рукаве у локтя виднелась аккуратная штопка.

Значит, это было? Или не было...

Я же знал, что мы не купили матроску. И, несмотря на это, вспомнил сейчас, что все-таки купили. Да, упросили дядьку подождать и сходили за деньгами. Потом мама несла домой плоский газетный сверток, а я, радостный и благодарный, тащил скрипучую корзину с картошкой (мы зашли за ней в овощные ряды). Корзина безжалостно от-

тягивала руки и больно скребла по ногам лопнувшими прутьями. Но это была такая ерунда по сравнению с моим счастьем. И тени от веток весело танцевали на потрескавшемся асфальтовом тротуаре... Только это случилось, кажется, не в нашем городе, а в Северо-Подольске, где мы гостили у дяди. Но не все ли равно?

Я теперь помнил!

Матроска оказалась великовата, и мама до вечера перекраивала ее и перешивала, а я пританцовывал от нетерпения. Наконец я нырнул головой в прохладные полотняные складки, и мне показалось, что матроска пахнет, как паруса на старых фрегатах.

Я перед зеркалом расправил складки под ремешком, глубоко вздохнул, повис у мамы на шее и чуть не уронил ее.

— Пират, — сказала мама. — Не носись долго по улицам, уже поздно.

Вечер висел над городом прозрачно-синий, с желтой полосой за низкими крышами. Кое-где на огородах горели маленькие оранжевые костры. Стояло такое тепло, что воздух казался пушистым. И все кругом было молчаливым, но живым. Облетала черемуха, и густо цвели над заборами яблони. И еще казалось, что в воздухе неслышно лопаются невидимые почки каких-то громадных цветов. Вот-вот эти цветы выступят из полумрака, коснутся теплых заборов, сухих телеграфных столбов, железных крыш, и тогда все оживет и задрожит от непонятной радости.

Едва я отошел от крыльца, как мне в плечо и в грудь с размаху ударились два майских жука. Я вздрогнул, хотя жуков ничуть не боялся. Просто нервы были натянуты. Сердце колотилось от радостного страха и смущенья. Так колотилось, что бумажный голубь, спрятанный под матроской, вздрагивал и шевелил крыльями. Еще бы не колотиться! Я ведь не просто так вышел на улицу. Я шел к дому, где жила девчонка с желтыми глазами.

Замирая и оглядываясь, я перелез через забор и прыгнул в траву. Лето еще не начиналось, а трава уже стояла большая, особенно разрослись лопухи. Они были прохладные и мягкие, как губы доброго большого зверя. Я посидел в лопухах, скользнул к большой яблоне и по корявому стволу забрался в чашу веток. Цветы белые — и матроска белая. Цветы щекотали мне щеки, и я чувствовал, что пушистые тычинки оставляют на коже пыльцу.

В просветах между листьями я видел открытое окно. И девочку. Она сидела у настольной лампы и читала

учебник географии за пятый класс, такой же, как у меня. Она рассеянно теребила двумя пальцами нижнюю губу и слегка хмурилась. Так славно она хмурилась...

Я сидел и смотрел, пока она не перелистнула страницу. Тогда я испугался: вдруг закроет книгу и уйдет! Перестал дышать и достал из-под матроски бумажного голубя. Это было мое первое письмо к девочке. Ничего я на нем не писал, только нарисовал на крыльях красные звездочки, как у самолета. Но все равно...

Я сосчитал до пяти, рывком высунулся из веток, прицелился и послал голубка. Он хорошо пошел сначала, а у самого подоконника нырнул к земле. И сердце у меня нырнуло. Но голубок взмыл, влетел в комнату и клюнул матовый белый абажур. И упал на стол.

Она вздрогнула. Взяла его, обернулась к окну. Она смотрела прямо на яблоню. Прямо на меня!

Я шумно упал в траву. Неуклюже, но быстро перевалился через забор и припустил вдоль переулка. Дышал отчаянно, со всхлипом. Непонятное чувство — какая-то смесь стыда и радости — обжигало лицо. Она меня заметила! В белой матроске на темном заборе, конечно, заметила! И узнала... Ну и пусть! Пусть узнала!..

Лишь у крыльца я увидел, что на рукаве вырван клочок...

— Надо же так набегаться, — сказала мама. — Бурлишь, как самовар...

— Ма... ты не сердись. Я порвал нечаянно...

Мама вздохнула и пошла за нитками.

...Было это или не было?

Когда я вернусь, я спрошу у Вари, не залетала ли в ее детство бумажная птичка с красными звездочками на крыльях.

Долго ли шли, не знаю. Не чувствовалось время. Его, может быть, вообще не было в этом лабиринте. Но вот запрыгали у меня по белым рукавам матроски солнечные пятна.

Мы, жмурясь, вышли из расщелины в яркий летний день. Перед нами лежал пологий берег со светлыми пляжами. Кое-где из ровной земли торчали обрывки желтых скал — в одиночку и группами. Впечатление было такое, словно скалистую местность занесло до каменных вершук песком и он образовал ровные площади. Местами они заросли сплошной высокой травой, но были и прогалины, где сквозь песок торчали только отдельные тонкие сте-

бельки. Трава тоже была желтоватого цвета. Она гнулась под ровным ветром и звенела, как звенит в полях спелый овес.

На желтую сушу ровными синими грядами с белыми гребешками двигался океан. Волны далеко-далеко разбегались по пескам, а уходя, оставляли шипящие языки пены.

Было столько солнца, тепла и спокойного праздника в этом летнем мире, что тревога и горечь растаяли. Мысль о неизбежном расставании не забылась, но отступила и стала пока не главной. А главным был яркий день, который ждал нас. И мало ли что еще могло случиться!

Я увидел веселые Володькины глаза.

— Так вот ты какой на самом деле, — сказал Володька.

Я чувствовал знакомую легкость и струнную упругость в своих ребячьих мускулах. И все ощущения были ребячьими. От чрезмерного недавнего загораения — на плотях в Северо-Подольске — слегка болела на плечах кожа (это была несильная, даже приятная боль, а касание матроски было прохладным и ласковым). Немного ныла коленка с подсохшей ссадиной — ободрал недавно на откосе у Северо-Подольской крепости... А рука совсем не болела!

Володька еще раз оглядел меня от кедров до матросского воротника и заметил:

— Ничего. Сейчас хоть на человека похож.

— Будешь дразниться — получишь, — пообещал я. — Теперь имею право.

Володька отскочил и показал язык. Братик скинул на песок штурманскую куртку и торопливо встал рядом с другом.

— Кто на наших?

Это он шутя сказал, даже ласково. С веселым прищуром и улыбкой. Но я подумал: «Не дай Бог кому-нибудь всерьез обидеть Володьку на глазах у Василька».

Они стояли плечом к плечу, и опять я заметил их удивительное сходство. Не в лицах, а в чем-то неуловимом: в улыбке, может быть, или в движениях... Оба с растрепанными волосами, с одинаково озорными взглядами. У Братика выбилась из штанишек и полоскала по ветру шелковистая рубашонка, у Володьки задралась пестрая майка, открыв поцарапанный загорелый живот.

— А где твоя штормовка?

— Там осталась, — беспечно откликнулся Володька. — Застряла в шиповнике, я ее бросил.

— Растяпа, — по привычке сказал я.

Они, переглянувшись, двинулись ко мне, и я отскочил. Конечно, они потоньше и пониже ростом, но зато двое. Уж если взрослого вытянули из-под обрыва, мальчишку отвалюют в песке за милую душу.

А Валерка на нас поглядывал с молчаливой усмешкой. Он был теперь самый старший.

Но и он не был взрослым. Вдруг подхватил с земли куртку, вытянул ею меня по спине и закричал:

— Купаться!

Мы радостно заорали и бросились к морю.

Теплые волны были упругими и добрыми. Мы так наплавались и напрыгались в них, что обессиленно бухнулись ничком, едва выбравшись на берег.

Это было такое счастье: лежать под солнцем, слизывать с кожи соленые капельки и подгрести под себя горячий песок.

За травой, за камнями, в сотне метров от нас, на плоском бугре стоял серый маяк. Он был совсем рядом с выходом из лабиринта, но мы, когда появились здесь, не заметили башню: она стояла у нас за спиной, а мы смотрели на море.

Зато теперь мы разглядывали маяк внимательно. Это была квадратная башня с узкими окнами и чем-то вроде круглой застекленной беседки, похожей на громадный фонарь. Я вспомнил, что стеклянная надстройка у маяков так и называется — «фонарь». Там должны стоять яркие лампы. Но на этом маяке ламп, наверно, не было. В решетчатых стеклах «фонаря» чернело множество пустых клеток, а на верхнем карнизе я различил кустики.

— Он не действует? — спросил я у Валерки.

— Давно уже. Лет сто... Знаешь, куда нас занесло? Это Желтый остров Западного Каменного барьера. Очень опасное место для кораблей. Штурманы обходят его по такой дуге, что тратится лишняя неделя. Вот пока горел маяк, другое дело...

— Почему же сейчас не горит?

Валерка досадливо двинул острыми плечами.

— А кто починит? Я же говорил, мы все начинаем заново. До многого руки не дошли. Здесь давным-давно и не бывал никто. Я это место сам раньше только на карте видел.

— Далеко отсюда до вашей гавани?

Валерка смущенно сказал:

— Миль триста. Промахнулся я немного с лабиринтом... А может быть, это и хорошо.

— На маяк слазим? — спросил Володька.

— Обязательно, — пообещал Валерка.

Но подниматься с песка не хотелось, и мы лениво валялись на солнце.

Наконец Братик подполз к Володьке и зашептал на ухо. Они поднялись, пошли вдоль пляжа по шипучей пене и скоро исчезли за грядой камней — она тянулась с берега в море, как остаток древней крепостной стены.

Я с некоторым беспокойством посмотрел им вслед, однако вставать было лень. «Ничего не случится», — сказал я себе.

Но через несколько минут что-то случилось. Братик и Володька выскочили из-за камней и пустились к нам. О чем-то кричали.

Мы вскочили.

Они подлетели возбужденные, но без испуга, а с радостью:

— Пошли скорее! Мы лодку нашли!

8

Скалистая гряда врезалась в море метров на семьдесят, а потом круто поворачивала и шла вдоль берега, постепенно рассыпаясь на отдельные камни, как сплошная линия, которая вдруг рвется на тире и точки. Этот невысокий каменный барьер образовал бухточку. Волны лишь кое-где перехлестывали в нее, и вода была почти спокойной. В самом тихом месте, там, где гряда делает поворот, стояла, приткнувшись к скале, парусная лодка.

Мы добрались до нее по каменистому гребню.

У лодки была высокая узкая корма с затейливой резьбой, широкий корпус, обведенный узорчатым поясом по округлым бортам, крепкая мачта и длинный косой реёк со свернутым на нем парусом.

Братик первым прыгнул в лодку. За ним, конечно, Володька. Лодка закачалась, словно проснулась.

— Как для нас приготовлена! — весело сказал Володька. А Братик ухватился за руль, и тот бесшумно заходил в медных петлях.

Мы с Валеркой тоже прыгнули.

— А ничего, что мы без спросу? — сказал я Валерке. — У нее, наверное, есть хозяин? Кто-то приплыл сюда.

— Приплыл с полвека назад, — отозвался штурман Дэн. — Смотри, какая старая.

И в самом деле, в мелких щелях обшивки и у шпангоутов блестел песок, принесенный ветром. Древесина планшира выветрилась, а к железным втулкам уключин прикипела морская ржавчина.

— Но тогда лодка гнилая, наверно...

— Это дерево не гниет. Вот разве парус...

Парус был треугольный, вроде тех, какие у нас называют латинскими. Он закачался, когда мы его развернули, хлопнул под ветерком.

— Хорошая ткань, — сказал Валерка. — Каменистое волокно. Тоже не гниет.

— Вроде капрона? — спросил Братик и потрогал обмотанную вокруг живота веревочку.

— Вроде... — согласился Валерка.

А Володька нетерпеливо сказал:

— Раз лодка есть, надо плыть. Не зря же она...

Валерка встал к рулю, а мне дал шкот — мягкий трос, идущий от нижнего угла паруса.

— Держи, чтобы не полоскал.

Братик и Володька сбросили с каменного выступа канатную петлю, которая удерживала лодку. Оттолкнули нос.

И мы пошли!

Сначала не очень быстро пошли, но когда гряда кончилась, ветер навалился на парус, растянул складки, и мы понеслись.

— Поворот! — сказал Валерка.

Лодка покатила носом в открытое море, парус перекинуло, а меня нижним углом огрею по уху и чуть не выкинуло за борт.

— Держи! — завопил Валерка. — Я же сказал — поворот!

Я очень хотел выглядеть морским волком и натянул шкот изо всей силы. Братик и Володька бросились мне помогать.

Лодка весело мчалась в распахнутый синий океан, разлинованный шипучими белыми гребнями.

Может быть, если смотреть с берега, скорость была не большой. Но мы шли круто к ветру, волны бежали навстречу нам, и казалось, что мы взлетаем на них со скоростью глассера.

Лодка легко взбегала на гребни, но иногда теплые брызги окатывали нас. Мы хохотали и не боялись. Все

равно вся одежда осталась на берегу, на нас были только плавки да веревочка на поясе у Братика.

Лодку стало сильно класть на правый борт. Чтобы откренить ее, Братик и Володька с левой стороны ухватились за планшир, зацепились ногами и сильно откинулись назад. Почти вывалились за борт. Гребни перехлестывали через них, и они радостно орали.

Мне стало завидно, и я, не выпуская шкота, перебрался к Володьке и Братику. Тоже откинулся за борт.

— Перевернете лодку, черти, — сказал Валерка.

Но мы не слушали Светлого штурмана, хотя он и обещал выкинуть нас из лодки. Тогда штурман вскользь заметил, что в этих водах на таком удалении от берега уже плавают всякие кальмары и другие морские гады — скользкие и кусачие. Володька торопливо перебрался к мачте и сообщил, что ему надоело окунаться. Деловито спросил:

— А куда плывем?

— Все равно. Давайте вон на тот островок, — сказал наш командир.

Впереди, в полукилометре от нас, подымались каменные зубцы.

Минут через пять мы подошли к скалам. С подветренной стороны, где как раз не было сильной волны, виднелся неширокий проход.

Парус заполоскал. Хватаясь за камни, мы завели лодку в крошечную круглую бухту. Скалы вокруг были такими высокими, что бухточка напоминала грот.

— Наверно, это жерло старого вулкана, — сказал Володька шепотом, но этот шепот на шелестящих крыльях разносся по каменным уступам.

— Скорее, это остатки морского храма, — сказал Валерка. — Смотрите.

Вверху на желтоватой плоскости скалы было выбито громадное лицо с длинным подбородком и продольным разрезом глаз.

— Суровый портрет, — заметил я. — Какой-нибудь бог моря?

Валерка кивнул:

— Кажется, это Хранитель морских глубин...

— Не Хранитель глубин, а Хака Баркарис — Раскалсиный Клык и Звезда Океана. Адмирал пиратской флотилии, — серьезно сказал Братик.

— Откуда ты знаешь? — удивился Валерка.

Братик хитровато глянул на него.

— Читал. Думаешь, ты один изучал науки?

— Зазнайка, — сказал Валерка, но без насмешки, а скорее с удовольствием. И растрепал Васильку волосы на загривке.

Братик притворно надул губы.

— У, какой... — буркнул он, легонько двинул Валерку локтем, но тут же потерял ухом о его плечо. Потом застенялся незаметной этой ласки и весело предложил:

— Окунем штурмана? Он один сухой.

Мы дружно поддержали эту мысль. А Светлый штурман Иту Лариу Дэн убежал на нос и оттуда сказал, что пиратский адмирал Хака Баркарис был бы в восторге от такого бандитского экипажа, как мы.

Преследовать штурмана мы не стали. В этой похожей на храм бухте не хотелось дурачиться.

В узкие проходы среди камней вливалась вода, когда накатывал гребень. Плеск и журчанье наполняли бухту. Но всякий другой звук все равно вызывал гулкое эхо.

Свет падал сверху золотистыми столбами. Столбы эти уходили в толщу воды и постепенно растворялись в зеленом сумраке. Дна не было видно. Только смутные тени водорослей колыхались в глубине.

Володька и Братик легли животами на планшир и стали смотреть в воду.

— Если здесь бывали пираты, значит, на дне могут лежать сокровища, — заявил Володька.

Братик тут же его поддержал.

— А глубина-то, — сказал Валерка. — Разве донырнешь?

— Давайте смерим, — предложил Володька.

Они с Братиком отыскали на дне лодки уключину, покрытую окалиной морской ржавчины, и привязали к концу веревочки.

— Здесь ровно двадцать метров, — сообщил Володька. — Достанет или нет?

Они стали опускать свой самодельный лот. Но достал ли он до дна, было непонятно. Веревочка, размотавшись почти до конца, ослабла, потом снова натянулась — и так несколько раз. Братик переглянулся с Володькой и потянул ее назад.

— Мамочка! — не скрывая ужаса, вдруг завопил Володька. Торопливо стуча локтями и коленками по шпангоутам, он уполз на корму.

На конце веревочки не было уключины. Вместо нее, прицепившись клешней, висел громадный краб.

— Да не бойся, — со смехом сказал Братик.

— Ага, не бойся! Чудовище такое.

Краб в самом деле выглядел страшновато. Его туловище было размером с чайное блюдце, а клешни — каждая с Володькину ладошку. Панцирь оброс ноздреватыми ракушками, среди которых запутались обрывки водорослей. От этого краб казался замшелым каким-то, старым и сердитым.

Но Братик бесстрашно, словно котенка, посадил его на колени. Ласково поскреб твердую крабью спину.

— Совсем не чудовище. Он добрый.

Краб далеко выставил на стебельках глаза-шарики и повернул их к Братику. Мне показалось, что с любопытством.

— Хороший... — снова сказал ему Братик и отколупнул несколько ракушек. Из-под них блеснула чистая эмаль панциря — голубоватая, с мраморными прожилками.

Крабы, конечно, не умеют улыбаться, но мне, честное слово, показалось, что этот смотрит на Братика с улыбкой.

Братик ему тоже улыбнулся. Потом сказал, не поднимая головы:

— Володька, иди сюда.

— Я что, псих?

Братик опять засмеялся:

— Иди, иди.

Володька вздохнул и, как был на четвереньках, двинулся навстречу страху.

Краб ждал, приподняв клешни.

— Смотри, он все понимает, — сказал Братик. И сунул мизинец в крабью клешню. Володька охнул и зажмурился. Краб чуть-чуть сдвинул палец Братика и тут же отпустил. Это было похоже на ласковое рукопожатие.

Володька приоткрыл один глаз.

— Теперь ты, — сказал Братик. — Не бойся.

Володька жалобно оглянулся на меня.

— Давай, давай, — сказал я.

И Володька совершил подвиг: дал крабу свой мизинец.

Потом, когда ничего страшного не случилось, он шумно подышал, сел, привалившись к борту, и локтем вытер капли со лба.

— Молодец, — прошептал Братик. То ли Володьке, то ли крабу.

— Это очень умные звери, — объяснил мне Валерка. — Некоторые ученые пишут, что у больших крабов есть свой язык.

— Крабы все понимают, как люди, — сказал Братик. — Давайте мы его попросим что-нибудь найти.

— Давайте! — совсем по-ребячьи обрадовался штурман Валерка.

— А как это — попросим? — слабым голосом поинтересовался Володька.

— А вот сейчас...

Братик взял моток веревочки, наклонился над крабом и, немного смущаясь, проговорил полупшепотом:

Житель моря, добрый краб,
Ты наш друг, а не раб.
Будь так добр, достань со дна
То, что спрятала волна.

После этого он сунул крабу в клешню веревочку и отпустил его за борт. Мы увидели, как наш морской гость погружается в зеленую глубину. Белый шнурок потянулся за ним.

Скоро краб исчез в тени среди водорослей.

— Подождем, — сказал Братик и намотал веревочку на палец.

— А долго ждать? — спросил я.

— Не-а...

Прошло минуты две, и Братик стал выбирать шнур. Мы с Валеркой легли животами на планшир, но Братик сказал:

— Пожалуйста, не надо. А то он подумает, что мы жадные.

Мы были не жадные, но любопытные. И с нетерпением ждали, когда краб снова окажется в лодке. Даже Володька ждал.

Братик ухватил краба за твердую спину и посадил на планшир. Наш восьминогий друг встал на четыре задние лапы, а остальные конечности поднял, словно приветствуя нас. Глаза его весело блестели. В левой клешне у краба зажат был приплюснутый серый шарик размером с небольшое яблоко. Братик подставил руку, и краб уронил свой подарок ему в ладонь.

Потом он сам опрокинулся в воду. Но прежде чем покинуть нас, этот странный морской житель (я сам видел, честное слово) прощально помахал клешней.

— Ну вот, даже спасибо не сказали зверю, — заметил Валерка.

— Я сказал, только тихонько, — возразил Братик.

— А что он принес? — заинтересовался Володька. Он сразу приободрился, когда краб исчез.

На ладошке у Василька лежал панцирь морского ежа. Он был старый, иголки с него осыпались, и остались только мелкие бугорки. Панцирь был похож на круглую коробочку с отверстием в доньшке.

Братик потряс коробочкой, и в ней что-то застучало, как в погремушке. Потом бок у панциря проломился, и на дно лодки упала светлая горошина.

Валерка схватил ее. Я увидел, что он даже слегка побледнел.

— Не может быть... — пробормотал он.

— Жемчужина? — спросил я, наклоняясь рядом.

— Жемчужины бывают в плоских раковинах, — недоверчиво проговорил Володька. — А эта в какой-то черепушке.

— Это не простой жемчуг, — тихо сказал Валерка. — Он не растет в раковинах. Это вечный жемчуг.

Я заметил, как вздрогнул и широко открыл глаза Братик.

Жемчужина лежала на ладони у Валерки. Светлая полупрозрачная бусина с затаенной голубой искрой внутри.

— А почему она вечная? — спросил я. — Не тускнеет?

— Это капля звездного дождя, они падают с неба, — объяснил Братик. — И застывают в море.

— Как метеориты? — спросил Володька.

— Почти, — задумчиво откликнулся Валерка и покачал жемчужину на ладони. — Только метеориты из камня или железа, а это... в общем, это звездное вещество... Между прочим, один такой шарик может сделать человека императором или перессорить целые государства...

— Ничего себе добыча... — опасливо заметил Володька.

А я сказал:

— Давай выкинем к аллаху...

Валерка улыбнулся:

— Зачем выкидывать? Мы с Васильком его вам подарим — тебе и Володьке. Вы же не собираетесь в императоры... Будете вспоминать нас.

Последние слова кольнули меня мыслью о близкой разлуке. Но я прогнал эту мысль: до конца Третьей Сказки еще далеко, и нечего грустить раньше времени.

Валерка взял мою ладонь и переложил в нее жемчужину. Весила она как добрая свинцовая пуля, а размером была с крупную ягоду смородины.

Я понимал, что отказываться нельзя.

— Спасибо, Валерка. Спасибо, Василек.

Братик сказал:

— Она в темноте светится. Как будто маленькая луна...
— А почему все-таки этот жемчуг вечный? — снова спросил я.

Валерка сказал с непонятной строгостью:

— Он горит вечно. Если зажечь, начинает сиять, как солнце, и уже никогда не гаснет. В Старом Городе на Западных островах одна жемчужная крупинка, в десять раз меньше этой, освещает целую площадь уже много веков. И ничто не страшно такому огню. Даже под водой не гаснет.

— Без воздуха горит?

— Звезды тоже горят без воздуха, — сказал Валерка. Володька тронул пальцем жемчужину.

— Значит, она — маленькая звезда?.. Какой хороший этот краб. Не буду я больше бояться крабов.

Мы засмеялись. Я положил тяжелую горошину в кармашек на плавках. Братик стал сматывать веревочку. А пиратский адмирал Хака Баркарис непонятно смотрел на нас со скалы.

9

С попутным ветром мы долетели до берега в несколько минут. Валерка ловко ввел в бухту лодку, мы ее привязали и по камням выбрались на пляж.

Близился вечер, и в воздухе прибавилось желтизны. Тише стал ветер, и звонче шелестела трава. Мы уже не шумели и не дурачились. Утомились немного.

Начинался отлив. Океан отступал, открывая мокрое песчаное дно с темными плетями водорослей и круглыми блестящими лужами.

Братик и Володька немного побегали по этим лужам, брызгая друг друга, но без особой охоты. Потом Володька наткнулся на выпуклую блестящую спину зарывшейся в песок черепахи. Он захотел показать Братику, что не боится морской живности, и стал откапывать черепаху. Она была неподвижная и какая-то слишком уж круглая. А потом оказалось, что это глиняный горшок, покрытый странным клетчатым орнаментом.

— Это знаете что? — оживленно сказал Валерка. — Это посуда древних мореплавателей, которые здесь жили тысячу лет назад.

— Может, в ней клад? — заинтересовался Володька.

Но в древней посудине ничего не было. Кроме мокрого песка.

— В них варили раньше похлебку из синих водорослей, — сказал Валерка.

— Хочу похлебку из синих водорослей, — с шутливой жалобностью сообщил Братик. — Есть хочется.

— Бр, — сказал Володька.

— И ничего не «бр». Она вкусная. Только этих водорослей здесь нет.

— Давайте наловим и сварим крабов, — предложил Валерка и украдкой покосился на Братика.

— Еще чего! — вскинулся тот.

Мы засмеялись.

Маленькие серые крабы, словно услышав о коварных Валеркиных замыслах, разбежались по песку и прятались под камнями. На многих камнях темнела щетина плоских ракушек — вроде черноморских мидий.

— Сварим моллюсков, — сказал Валерка. — Вполне съедобно.

— А где огонь? — спросил Володька.

Я сразу вспомнил. Побежал, разыскал на берегу свою одежду, вытряхнул карманы. Выпали два синих билета — с ними я и мой приятель Алька Головкин лет пятнадцать назад ходили в кинотеатр «Темп» на фильм «Смелые люди». Потом скользнуло мне в ладонь увеличительное стеклышко — Алькин подарок.

Солнце стояло невысоко, но грело еще хорошо. Я навел огненную точку от стекла на билеты, и скоро на них запрыгал бесцветный огонек.

Мы набрали сухой травы и веток, сварили ракушки в старинном горшке, в морской воде, которая булькала совсем по-домашнему — как суп на газовой плите. Некоторые раковины открылись сами, другие Валерка вскрывал острием своего палаша. Мясо было солоноватым и пахло морем. Ну и прекрасно! Володька сказал, что всю жизнь будет помнить этот обед.

Всю жизнь... Будет помнить! И мы снова подумали все об одном: скоро наступит время, когда останется только одно — помнить друг друга.

Мы легли рядом на сухой песок, прижались плечами и стали молчать. Справа от меня был Валерка, слева мой Володька.

Валерка сказал наконец:

— Что-то все равно не так. Будто не сделали самого главного.

— Мы на маяке не были, — напомнил Володька.

— Разве это самое главное? — с мягким упреком сказал Братик.

— А кто знает, — упрямо произнес Володька.

Я посмотрел на него, потом на Валерку. Видно, у меня и у Валерки мелькнула одна мысль.

— Надо зажечь маяк, — торопливо сказал я. — Не зря же мы попали на этот остров.

Братик и Володька разом приподнялись, уткнув острые локти в песок.

Валерка подумал и покачал головой.

— Я тоже хотел... Нет, невозможно. Там должны гореть масляные лампы. А где масло? Кто будет следить? Их надо заряжать, они не могут гореть вечно.

Володька слева от меня резко шевельнулся, и я почувствовал его требовательный взгляд. Я сказал:

— А жемчуг? Он горит вечно.

Валерка быстро вскинул и опустил глаза.

— Это же подарок. Он же ваш — Володькин и твой.

— Он и будет наш. И ваш тоже, — заговорил я как можно убедительнее. — Только он будет гореть! Как... — У меня в голове заскакали всякие мысли про негасимый огонь дружбы и тому подобное. Но здесь не нужны были красивые слова. И я заговорил сбивчиво: — Ну, как будто мы вместе... Зажгли для всех...

— И ты вернешься раньше, Дэни, — вдруг тихо сказал Братик. — Не надо будет огибать Барьер.

Верно, Василек! Тут штурману Дэну совсем нечего возразить.

Я вынул из кармашка тяжелый шарик с голубой искоркой внутри. Валерка взял его на ладонь.

— А как зажечь? От простого огня он не загорится. Он вспыхивает лишь от очень сильного пламени. От молнии или от горящего железа...

— Эх ты, штурман! — воскликнул я. — Ты забыл? На всех маяках есть громадные линзы! Мы соберем солнечные лучи!.. Бежим, пока солнце не ушло!

Запыхавшись, мы выбрались на каменную площадку у подножья маяка. Дверь была сорвана. Угрюмо чернел сводчатый вход. Нас не испугала эта угрюмость, мы торопились не упустить солнце: оно было близко от горизонта и стало желтоватым. И все-таки мы задержались у башни.

Недалеко от фундамента, среди обкатанных камней лежал огромный якорь. Изъеденный солью, весь красный

от морской ржавчины. Его веретено плотно прижималось к плоской базальтовой площадке, один рог с треугольной лампой торчал вверх, а второй целиком ушел в камень. Словно давным-давно камень расплавился, охватил якорную лампу жидкой массой и застыл снова.

Валерка погладил ржавое туловище якоря.

— Знаете, сколько времени он лежит? Здесь было когда-то морское дно, а потом вода отступила. Наверно, он оторвался от корабля больше тысячи лет назад. Так и остался... Смотрите, он намертво врос в планету.

Мы с Братиком тоже погладили покрытую ржавчиной спину якоря-великана. А Володька хотел пошевелить большое кольцо, куда ввязывают канат, но оно приросло к проушине.

— Солнце уходит, — сказал я.

Тени от якоря, от камней, от невысоких скал, где был выход из лабиринта, стали длинными и протянулись по склону.

Мы вошли в башню.

Башня была квадратная снаружи и круглая внутри. Будто в четырехугольном столбе просверлили широкий ствол. Там, где снаружи приходились углы, каменная кладка получилась особенно толстой. В ней давние строители выбили полукруглые углубления. Ломаной линией от ниши к нише уходила вверх железная тонкая лестница.

Когда мы стали подниматься, она гулко задрожала, и с перил посыпалась ржавая чешуя.

Идти было страшновато. Круглая пустота гудела сверху и внизу. Но в узкие окна проникало солнце и рассекало эту пустоту лучами; лучи стали уже розовыми, и надо было спешить.

Я шел последним и смотрел, чтобы Володька и Братик по своей беспечности не загремели со ступеней. Поэтому лишь мельком поглядывал по сторонам. Но все же заметил в нишах мотки полусгнивших канатов, круглые фанари и какие-то черные сундуки, от которых тянулись вверх странные кожаные веревки.

После полутьмы круглого колодца застекленный фанарный ярус почти ослепил нас. Отсюда, с высоты, солнце еще не казалось слишком низким — это первое, что я заметил.

А второе... Второе — то, что линз не было.

Вернее, они были, но совсем не годились для нашей цели. Это оказались не выпуклые стекла, как мы ожи-

дали. Маячные линзы состояли из множества хрустальных колец — одно внутри другого. Издалека они, наверно, были похожи на ребристые стекла автомобильных фар. К тому же эти кольца наглухо были вделаны в неподвижные металлические рамы — ни повернуть, ни снять.

Мы с недоумением и досадой переглянулись. Братик сказал Валерке без упрека, но очень огорченно:

— Разве ты не знал?

Валерка хмуро ответил:

— Я же не маячный мастер. Я на маяки до сих пор только с воды смотрел...

Мне стало до жути обидно. Неужели все зря?

Володька вдруг предложил:

— А если оставить здесь жемчуг и провести к нему громоотвод? Будет гроза, ударит молния...

— Здесь не бывает гроз, — печально сказал Валерка.

Братик зачем-то полез на площадку среди линз, где раньше находилась лампа. Сейчас там торчали два железных рычага. Радужные пятна от хрустальных колец заскользили по рубашке Братика, потом яркий зайчик прыгнул ему на глаза. Братик сощурился, поднял к лицу ладонь и локтем зацепил гибкий рычаг.

Раздался треск, и среди железа проскочила синяя искра.

10

В седьмом классе меня один раз крепко трахнуло рядом от электрической машины (знаете, такой прозрачный круг с ручкой, щеткой и блестящими шариками). С той поры я нервно отношусь к электричеству.

Я судорожно ухватил Братика за рубашку и рывком выволок его из-за линз. Он удивленно моргал. Володька тоже моргал. А Валерка заметно испугался за братишку.

— Это что же, — сказал я ему. — У вас есть электричество?

Он досадливо покосился на рычаги и хмуро ответил:

— Было... Многое у нас было, да забылось. Теперь снова ищем.

Он опять посмотрел на контакты, на Братика и спросил:

— А это... опасно было?

— Смотря какое напряжение, — сказал я и вспомнил кожаные шнуры и черные сундуки в нишах. Это, наверно,

кабели и аккумуляторы, с давних пор сохранившие энергию.

На косых железных рычагах были острые клювы, а чуть пониже — деревянные накладки. Видимо, для рук. Я на дрожащих ногах пробрался за линзы и, взявшись за дерево, опять сдвинул контакты. И снова с треском проскочила синяя ломаная искра. Длинной в два сантиметра.

— Это же молния! — воскликнул Володька. — Она зажжет!

Вот как все просто решилось. Мы обрадовались и стали думать, как укрепить жемчужный шарик между клювами контактов.

От пола поднимался медный винт с круглой площадкой — вроде табуретки для пианистов. Видимо, на этой штуке раньше крепился патрон для лампы. Я до отказа поднял площадку. Однако высоты винта не хватило.

Володька и Братик переглянулись. Володька торопливо сказал:

— Надо камень подложить, и чтобы в нем была ямка. Внизу есть такие.

Не успел я ответить, как под Володькиными ногами загудела лестница.

— Осторожнее ты, летучая обезьяна! — заорал я вслед.

В маячном колодце еще не успокоилось эхо, а Володька уже вылетел из башни на солнечный свет. Мы увидели его с балкончика, который опоясывал «фонарь» маяка.

Недалеко от якоря Володька нашел круглый камень и с натугой поднял его.

— Спускайте веревочку! — крикнул он.

Братик торопливо размотал капроновый шнурок.

— Не хватит, — с сомнением сказал я.

— Хватит, — сказал Братик тоном, очень похожим на Володькин.

И правда, веревочки хватило. В самый раз. Володька крест-накрест обвязал камень и крикнул, чтобы мы тащили.

— Тащим! А ты поднимайся!

— Я подожду. Вдруг еще камень понадобится!

Больше камни не понадобились. Булыжник с ямкой наверху словно специально для нас кто-то приготовил. Когда я положил в ямку жемчужину, клювы рычагов уткнулись прямо в нее.

Я нетерпеливо сдвинул их поближе.

Синяя змейка молнии проскочила раз, другой, опоясав белую горошину. Потом искры заплясали непрерывно. Жемчужина отбросила голубые зайчики, но не зажглась.

— Слабое напряжение, — сказал я.

— Значит, ничего не выйдет? — огорченно спросил Валерка.

— Не знаю. Вот если бы получилась вольтова дуга... Она даже металл плавит.

— А как сделать?

— Если бы графит был... Хотя бы карандашик!

— Может, у Володи есть? — сказал Братик.

Мы вспомнили, что Володька все еще ждет внизу, и бросились на балкон. Володька стоял, задрал голову.

— У тебя есть простой карандашик? — крикнул я.

— Зачем?

— Для контактов!

— Это очень надо?

— До зарезу!

— У меня есть, только он в штормовке остался!

От досады я чуть не плюнул.

— Если надо, я сбегаю! — крикнул Володька.

«Сбегаю!» Будто за газетой в соседний киоск.

— Не валяй дурака! — громко сказал я и обернулся за поддержкой к Валерке. Но штурман Дэн непонятно молчал. А Братик сказал умоляюще:

— Пусть сходит. Это же очень важно...

И сбросил вниз моток веревочки.

— Пошли тогда все вместе, — сказал я.

Валерка хмуро объяснил:

— Вчетвером — это в четыре раза дольше. А время лабиринта на исходе.

Я не понял насчет лабиринта. Понял только, что должен идти кто-то один. Значит, Володька, потому что другие не отыщут в темных кустах штормовку.

— Но он же заблудится!

— Не так уж это сложно, — сказал Валерка и крикнул Володьке:

— Когда пойдешь вперед, держи за лунным зайчиком.

А обратно...

— А обратно я по веревочке! Как Том Сойер в пещере! — откликнулся Володька.

Я увидел, как он привязал конец веревочки к якорному кольцу.

— Не хватит же! — крикнул я.

— Ой уж!.. — ответил снизу Володька и, разматывая шнурок, исчез среди скал.

Я приготовился ждать и тревожиться. Видимо, Третьей Сказке необходимы и такие минуты... Я стал смотреть, как опускается к морю солнце.

Ждать и тревожиться почти не пришлось. Володька вернулся стремительно. Я не видел, как он появился из-за скал, а сразу услышал гулкий топот на лестнице.

Володька шумно дышал. На нем была штормовка с темными звездочками дождя. От нее пахло сырыми листьями.

В первый миг я от радости чуть не облапил Володьку. Но сдержался и спросил, чтобы скрыть слишком явный восторг:

— Ну, все в порядке?

— Угу... — сказал Володька. — Васек, возьми карандашик.

Братик взял карандашный огрызок и зубами расколол его на продольные половинки. Вынул грифель.

Я вытянул из кеда проводок, служивший шнурком. Валерка палашом соскоблил с проводка изоляцию. Очищенной проволокой мы примотали к железным клювам графитовые стерженьки.

— Готово? — прошептал Валерка.

— Да. Только отойдите. Надо осторожно.

Я знал, что жемчуг вспыхнет. Он не мог не вспыхнуть. Сама Сказка привела к этому: и старый маяк, и подарок доброго краба, и мысль, что должны мы оставить память о дружбе...

И не зря же Володька шел в одиночку по звездному лабиринту!

Я медленно, почти торжественно сдвинул рычаги, ожидая разряда. Вспыхнул белый огонь! И в этот миг что-то черное хлестко ударило меня по лицу. Я отлетел и грохнулся спиной о железную раму маячной линзы.

Из-под купола крыши с темных перепутанных балок на нас падали с шелестящим шумом громадные летучие мыши!

Или это были не мыши! Странные и страшные существа — безголовые или, может быть, наоборот, состоящие из одной головы. Они походили на мягкие мешки из мокрой кожи — размером с боксерскую грушу. И на каждом мешке было лицо! Отвратительное, но человеческое! С осмыс-

ленной ненавистью в тусклых желтых глазах. А из щек росли перепончатые крылья!

Откуда они взялись, эти чудовища? Наверно, ждали своего часа, притаившись на балках, а мы не заметили их. Мы же не смотрели вверх, когда пришли сюда, не до того было.

Злобная стая атаковала нас, и было жутко от хлопанья крыльев и мельканья страшных темных лиц. Что-то знакомое уловил я в этих лицах: то ли жестокость маски Хака Баркариса, то ли злое отчаянье Канцлера, с которым я дрался в поединке...

Братик и Володька вскрикнули, покатались к стеклянной стенке «фонаря». Потом вскочили. Володька сорвал с себя пластинчатый поясок и стал яростно отмахиваться от летучих гадов, придерживая левой рукой штаны. Братик сдернул рубашку и отбивался ею. Мне под руку попался стальной прут, и я с гневной радостью и отвращением почувствовал, как от моих ударов хрустят и ломаются перепончатые крылья.

Но выручил нас, конечно, Валерка. Его тонкий палаш начал рассекать воздух, и несколько «летающих мешков» с отвратительным шмяканьем ударились о каменный пол. Остальные взмыли на балки.

Бой продолжался с полминуты, не больше. Однако мы все дышали тяжело и прерывисто. Очень неожиданным было нападение, и слишком отвратительным показался враг.

Три разрубленных «мешка» на полу вздрагивали мокрой кожей и шевелили крыльями. Я не мог смотреть на их перекошенные умирающие лица.

— Ну и твари, — сказал я, передергивая плечами.

— Крылатые нежити, — сквозь зубы ответил Валерка. — В старину считали, что это души убитых злодеев. Я думал, они давно вымерли. Откуда они...

Отчаянный крик Василька перебил его:

— Жемчуг!!

По слегка наклонному полу прямо к двери катился светлый шарик. Видимо, налетевшие враги сбили его крыльями.

Почему мы не бросились за жемчужиной? Почему оцепенело смотрели, как она убегает от нас? Бывает так: видишь, как что-то падает, а подхватить не можешь, замораешь...

Лишь когда жемчужина исчезла в дверном проеме и

мы слышали несколько звякающих ударов по ступенькам, оцепенение прошло. Мы бросились на лестницу...

Искали мы долго и отчаянно. На ступеньках, в нишах, на полу первого этажа. Прощупали каждую щель. Когда солнце ушло за горизонт и лучи его, пробивавшиеся в башню, погасли, мы раздули на берегу остатки костра и сделали из веток факелы. Но и огонь не помог.

По правде говоря, мы с Валеркой понимали с самого начала, что не найдем жемчужину. Такой крошечный шарик в громадном каменном колодце с закоулками и щелями... Но Володька и Братик, странно переглядываясь, упрямо обшаривали щели между каменными плитами. Наконец все ветки сгорели.

Мы вышли на воздух.

Над морем горел желтый закат. Мы стояли у якоря и смотрели на это ясное свечение. У Василька и Володьки лица стали смугло-золотистыми и совсем одинаковыми. Одинаково строгими и хмурыми.

— Ну, ничего, — заговорил Валерка. — Не плакать же теперь. Ладно, ребята, все равно что-то было...

«Что-то было, — подумал я. — Но, наверно, ничего уже не будет. Грустная Сказка идет к концу».

И, словно отвечая мне, Валерка сказал:

— Нам пора.

— Искупаемся напоследок, — попросил я и увидел благодарные глаза Володьки и Братика.

— Но у нас мало времени. Скоро лабиринт исчезнет, — откликнулся Валерка.

— Откуда ты знаешь? — как-то капризно спросил Володька.

— Чувствую. Я же сам его строил.

— Мы только окунемся, — жалобно попросил Братик.

— Давайте, — коротко сказал Валерка.

Он бросил у якоря куртку, Володька швырнул на нее штормовку, и мы побежали к морю.

У самой воды я оглянулся. Закат отражался в стеклах маячного фонаря, и они горели, словно маяк все-таки зажегся.

Волны были теперь янтарными и стали еще теплее и ласковее. Они будто смыли с меня горечь неудачи. По крайней мере, когда я выбрался на песок, то прежней досады не чувствовал.

Но наступали минуты, о которых я боялся думать.

Я машинально натягивал матроску и думал о странной природе человеческих привязанностей. Ну, кто мне эти двое ребят? Ведь не братья. И даже давними друзьями не назовешь. Что же так связало меня с ними? То, что они из другого мира? Чушь какая! Да если бы они оказались мальчишками с соседней улицы, я был бы самым счастливым на свете! Может быть, дело в том, что мы рисковали друг для друга? Но это бывало со мной и раньше. В кавказском походе мы с приятелем выволокли из ледяного потока двух парней. Ну и что? Теперь только под Новый год открытками обмениваемся. А Валерка и Братик... Почему же сердце останавливается, как подумаю, что сейчас разойдемся?

Если вспомнить, мы и знакомы-то в общей сложности не больше трех дней. А Володька с Васильком — те лишь сегодня увиделись. И вот прикипели друг к другу.

Я посмотрел на них. Братик помогал Володьке застегнуть хитрую пряжку блестящего пояска, и они о чем-то шептались. Быстро и деловито. Они словно не собирались прощаться. Они вели себя как два одноклассника, которые договариваются завтра пойти в кино.

Может быть, не почувствовали еще до конца, что сейчас расстанутся навсегда? Или не подавали вида?

Они же крепкие ребята...

Валерка тоже смотрел на Василька и Володьку. Я вдруг вспомнил, что сегодня впервые узнал его настоящее имя.

— Дэни... — тихо сказал я.

Валерка обернулся. У него были ласковые глаза, и он хотел сказать что-то хорошее.

И вдруг он вздрогнул. Поднял голову, будто услышал далекий сигнал.

— Время убегает.

Мы начали торопливо зашнуровывать кеды.

— Скорее, — нетерпеливо попросил Валерка.

Мы бросили шнуровать и торопливо зашагали к маяку.

— Еще скорее надо, — уже с открытой тревогой сказал Валерка.

Володька и Братик переглянулись.

— Тогда победим! — предложил Володька, и мы рванули вверх по склону.

Но Володька вдруг ойкнул и ткнулся в траву.

Я подскочил.

— За камень зацепился, — сказал Володька, глядя на свой локоть. — Вот...

Кожа была содрана, по руке текли темные струйки.

Я скинул матроску, зубами рванул нижний шов, с треском отодрал от подола узкую ленту, смутно вспоминая, что однажды так уже было. Начал заматывать Володькину ссадину. Валерка стоял рядом. Я чувствовал, что все жилки звенят у него от страшного нетерпеливого беспокойства. Но что я мог сделать, если у Володьки кровь?

Я затянул узел.

— Бежим!

Володька вскочил и снова сел.

— Нога, — хмуро сказал он. — Кажется, подвернулась.

Я подхватил его на руки. Бежать мы теперь не могли, но я торопился изо всех сил.

Был уже виден вход в лабиринт. Скорее! Скорее же!..

У входа словно размыло края. Скалы как бы растеклись, и щель заплыла, исчезла. Упругий толчок воздуха остановил нас. Качнулась земля, контуры камней и маяка стали размытыми, пространство сдвинулось, и... вместо скал и якоря я увидел каменную насыпь, поросшую редкими кустами, а башня исчезла.

— Что это? — растерянно спросил я.

— Эхо времени. Волна, — как-то устало сказал Валерка и сел на валун, поставив палаш между колен. У него был вид человека, который опоздал на последний пароход и знает, что сейчас торопиться бесполезно.

Я опустил Володьку, и он довольно прочно встал на больную ногу.

А Василек... Он глянул на Володьку, потом подошел к брату, сел на корточки, положил подбородок на Валеркино колено.

— Ну, ты чего, Дэни, — сказал он ласково и немного виновато. — Ты не горюй, у нас же есть лодка. Корабль без тебя не уйдет. При хорошем ветре мы доберемся до Гавани за трое суток... А там переход...

В первый момент я обрадовался: значит, ничего страшного не случилось! Но тут же чуть не взвыл от отчаянья:

— В Гавани же нет лабиринта! Значит, я в таком виде явлюсь домой?

Братик тихонько засмеялся:

— Да нет, это обратный переход. Там все просто.

Я облегченно вздохнул. А Володька заметил:

— Я бы на твоём месте только радовался, если бы таким вернулся. По крайней мере сам на себя похож.

— Ага, — сказал я. — И Августа Кузьминична тоже бы

радовалась. Подумать только: зав. литературной частью в матроске и шортиках...

— А чем плохо? У вас же детский театр. По-моему, директорша была бы довольна.

— А Варя? — спросил я. — Она тоже была бы довольна?

Володька подумал и не без ехидства заметил, что с Варей, конечно, сложнее.

Мы уже шутили. А что? Выход был найден, расставанье отодвинулось на несколько дней, и эти дни обещали новые приключения. Конечно, будет очень трудно в открытом море на маленькой лодке, но зато мы вместе!

— Дэни, ну ты чего молчишь? — опять обратился к брату Василек. — Мы напечем ракушек для провизии. Для пресной воды есть горшок. Если понемножку пить, то хватит. Да мы с тобой можем и морскую...

— Я тоже могу... — вставил Володька.

Штурман Дэн шевельнулся и отложил палаш.

— Вы разве не понимаете? — спросил он угрюмо. — Откуда здесь лодка? Вы не знаете, что такое эхо времени?

Мы с Володькой не знали. Братик, видимо, тоже. И ответом Валерке было наше испуганное молчание.

— Нас волна от лабиринта закинула неизвестно куда, — сказал Валерка. — На тысячи лет назад или вперед. Смотрите, нет ни якоря, ни маяка. Даже скалы другие...

Володька торопливо шагнул ко мне и прижался забинтованным локтем к моему боку...

Потом сошлись мы все четверо в молчаливый кружок и сели на камни среди травы. Отчаянье часто бывает молчаливым.

Закат светил долго, но вдруг как-то сразу догорел, и наступила темно-синяя ночь. Без луны. Зато высыпали звезды, видимо-невидимо. И очень яркие, и не очень. Одни казались совсем близкими, а другие горели в непостижимой дали. Через все небо протянулся изумительно светлый Млечный Путь. Сгустки звездной пыли словно клубились в космической глубине. Но это был чужой Млечный Путь и незнакомые созвездия.

Боже мой, как мне захотелось под хмурое ночное небо, на улицу дачного поселка, где шелестит в листьях дождик, пахнет сырой травой, а за деревьями, вдаль, глухо вскрикивают электрички... Но не было туда пути. А если

и был, мы его не знали. Валерка сказал, что нельзя построить второй лабиринт.

При свете звезд мы различали друг друга. Никто не шевелился. Братик положил голову на колени Валерке и, казалось, задремал. Володька сидел, обняв себя за плечи, и смотрел в землю.

Вдруг он ударил кулаками по коленям и с тоской сказал:

— Ну, дурак я, дурак. Все из-за меня.

— Ты же не виноват, что споткнулся, — сказал я.

— Да виноват же! — со слезами в голосе крикнул Володька. — Я нарочно упал! Я время тянул.

Не поднимая головы, Братик прошептал:

— Мы оба виноваты. Мы хотели, чтобы на лодке. Чтобы еще вместе...

— Я догадался, — сказал Валерка.

— Теперь вы нас никогда не простите, — бесцветным от отчаянья голосом произнес Володька.

— Простим, — сказал Валерка.

Мы еще помолчали, потом Братик поднял голову и спросил:

— Что же теперь делать?

— Думать о ночлеге, — спокойно и очень по-взрослому ответил штурман Дэн. — Ночью будет свежо. Соберите побольше сухой травы и веток, мы устроим гнездо.

Братик и Володька вскочили.

— Далеко не отходите, — предупредил я.

Володька спросил:

— Можно, я возьму саблю? Ветки рубить.

Валерка вынул из ножен и отдал ему палаш.

— Только осторожнее, — сказал я.

Они отошли за камни, но мы слышали их приглушенные голоса и удары клинка по твердым сучьям.

Валерка спросил сбивчиво и нерешительно:

— Послушай... вот если бы я... ну, если бы со мной что-то случилось... совсем... Вы бы взяли к себе Василька?

— Что за чушь тебе в голову лезет! — сердито сказал я.

— Все-таки скажи. Ну, если бы...

— О чем ты говоришь! — возмутился я. — Неужели бы оставили?.. Только... Он сам захотел бы? Наша Земля ему чужая.

Валерка покачал головой:

— Не чужая, раз вы там. Кроме вас, у него никого нет.

— А ты?

Валерка сел ко мне вплотную и вполголоса произнес:

— Я неправду говорил. Лабиринт построить можно... Только никто не строил его трижды.

— А зачем трижды? У тебя он будет второй...

При рассеянном звездном свете я заметил Валеркину улыбку, невеселую и короткую.

— Это вроде поговорки, — объяснил он. — Трижды никто не строил, потому что второй лабиринт отнимает жизнь у строителя.

— Почему, Валерка?

— Ну, это трудно объяснить. Ты видел огонек на клинке? В нем сгорают все силы... Да мне даже не страшно, только обидно...

Я вспомнил, как леденела Валеркина рука.

— А если взяться всем?

— Не поможет. Первый все равно умрет... Это же лабиринт.

— Ну и к чертям его тогда!

— А как быть?

— Не знаю. Что-нибудь придумаем.

Он поднялся, встал у меня за спиной, положил мне на плечи ладони.

— Сережа, что мы придумаем? Нас закинуло неизвестно в какие времена. Только лабиринт еще может спасти вас.

Он так и сказал — «вас».

Я сбросил с плеч его руки.

— Дудки, Светлый штурман! Этот номер не пройдет!

— Да перестань, — досадливо сказал он. — Ты же знаешь, что иногда это необходимо. Ты же сам хотел разрубить веревку.

Оказывается, он знал!

— Ну, хотел... Я надеялся, что, может быть, спасусь. Да и выхода не было.

— А сейчас есть выход?

Я промолчал.

— Подумай о тех, кто остался там, у вас.

Это был нечестный прием. Я подумал за себя и за Володьку и... Конечно, я не собирался соглашаться с Валеркой, но в моей твердости появилась трещинка.

— Братик умрет без тебя, — сказал я.

— Не умрет, если будет с вами.

Сзади раздался громкий шелест. Мы оглянулись. Это незаметно подошел Володька и бросил охапку травы.

— Беседуете... — непонятно сказал Володька.

— Где Василек? — с тревогой спросил Валерка.

— Сейчас придет... А сабля у тебя острая. Ж-жик — и нет куста.

— Хороший клинок, — со скрытым беспокойством откликнулся Валерка. — Он где? Не потеряли?

— Вот он. — Володька поднял с земли палаш. — А без него ты мог бы построить лабиринт?

— Без него не мог бы. Давай сюда...

— Сейчас... — Володька сделал шаг назад. — Тут где-то была щель в камне... Ага!

Клинок звякнул о валун. Володька замер на миг, потом рванулся назад и навзничь упал в траву. Раздался короткий звук лопнувшей стали.

Мы подскочили к Володьке, а с другой стороны, роняя ветки, подлетел испуганный Братик.

Володька лежал на спине, прижимая к груди обломок палаша.

— Ты с ума сошел! — заорал Валерка.

Володька неторопливо встал и отбросил обломок.

— Это ты сошел с ума, — сердито сказал он. — Я же слышал... Ишь чего задумал!

Валерка сразу притих и опустил руки.

— Ну и дурак, — сказал он совсем по-мальчишечьи. — Ну и будем сидеть здесь всю жизнь.

— Не будем сидеть, — негромко, но твердо возразил мой Володька. — Мы пойдем. Что-то все равно должно случиться. А чтобы случилось, надо идти.

12

Мы шли.

Сначала под ногами были мелкие камни, а у колен казались пушистые метелки на тонких стеблях. Потом мы шли на твердую плоскость. Свет Млечного Пути стал еще ярче, и видно было на сотню шагов. Я разглядел шестиугольные каменные плиты, ими оказалась покрыта широкая полоса земли. Она прямой лентой уходила к звездному горизонту.

— Смотри, Дэни, дорога, — сказал Братик и взял Валерку за руку. Другую руку он протянул Володьке, а Володька крепко сцепил свои пальцы с моими. Мы тесной шеренгой зашагали по гранитным плитам. В непонятном тихом мире, в неизвестном времени, не зная куда...

Справа мерцал океан, слева и впереди терялась в ночи каменная равнина. Отдаленно шумели волны. Ветра не

было. От нагретого за день гранита поднимался теплый воздух. Идти было легко, прямой ровный путь слегка убаюкивал, успокаивал.

— Хорошая дорога, — сказал я. — Здорово строили ваши древние мастера.

— Это не древние, — отозвался Валерка. — Это, наверно, наоборот... Я смотрю на звезды, они сдвинулись так, как должны стоять в далеком будущем...

Володька слегка сбил шаг.

Я спросил:

— Но если сейчас... другое время, то почему все по-прежнему? Пустой остров.

— Он же далекий. Заброшенный...

— Но на планете, наверно, все не так. Ты не хочешь... в это будущее?

— Не хочу, — тихо ответил Валерка. — Я для него ничего не сделал еще...

— Дэни, — вдруг сказал Володька хмуро и незнакомо. — Если вернетесь, вы там постарайтесь, чтобы не было у вас такого будущего.

— Какого? — тихо, но с тревогой спросил вместо Валерки Братик.

— Вот такого... — Володька мотнул головой. — Зачем вам будущее с военными самолетами? Это же взлетная полоса...

Мы шли молча, уже иначе глядя на гранитные шестиугольники. Из щелей росли кустики и трава.

— Все уже заброшено, — сказал я.

Володька все так же хмуро ответил:

— А пока не забросили, сколько было крови...

«Туп-туп, туп-туп», — мягко стучали наши шаги, и казалось, что вся планета пуста. Может быть, в самом деле пуста?

Неужели все оказалось напрасным? Зря погибли барабанщики, зря дрался я с Канцлером?

— Но почему военные? — нерешительно спросил Валерка. — Может быть, просто самолеты? Обыкновенные самолеты...

Володька глотнул и сказал:

— У меня папа был военный летчик... Он меня брал один раз на аэродром, семь лет назад. Я маленький был, но помню: кругом степь и ничего нет, только бетонная полоса, почти такая же...

А я-то думал, что все знаю про Володьку. Они с ма-

терью про отца никогда не говорили, и я считал, что Володька всю жизнь рос без него.

— Ты никогда не рассказывал... Он в самолете погиб?

— В машине, — тихо сказал Володька. — Они с братом ехали вдоль полосы, а на взлете взорвался истребитель. Ну и осколком в бензобак... Машина тоже взорвалась, их обоих и убило сразу.

— Брат тоже был летчиком? — спросил я.

— С моим братом, с Васькой. Мы же были близнецы... Меня тогда в наказание за что-то дома оставили, а он с папой поехал...

«Туп-туп, туп-туп», — глухо ударили наши кеды по взлетной полосе. И беспощадно ярким светом горели звезды. Между ними то и дело вспыхивали серебряные стрелки метеоритов.

— Так вы постарайтесь... — опять сказал Володька.

— Если вернемся, — сказал штурман Дэн.

— Для этого надо вернуться, Дэни, — сказал Братик.

— Надо. А как? Между прочим, не я сломал клинок...

— Надо всем вернуться, — тихо и упрямо отозвался Володька. — Ты же не знаешь... Может быть, все сделалось не так оттого, что ты не ушел в плаванье. Надо вернуться и пойти.

— Ну, придумай, как... — со сдержанной досадой откликнулся штурман Дэн.

— Я думаю, — с непонятной усмешкой сказал мой Володька.

Мы прошли уже несколько километров, а полоса не кончалась: видимо, для здешних самолетов был нужен очень длинный разбег. Что нас ждет, когда оборвется эта дорога? Самолеты в конце полосы взмывают в небо. А что будет с нами?

Я надеялся на какое-то чудо: вдруг неведомые силы пространства и времени унесут нас на дождливую улицу дачного поселка! Это было бы самое хорошее. Но за этим хорошим пришло бы и самое горькое: прощанье с Валеркой и Братиком.

— Валерка... — позвал я.

— Что?

А я просто так окликнул. Чтобы голос его услышать.

— Неужели ты знаешь, как должны стоять звезды через тысячи лет? — спросил я.

— Конечно, — немного удивленно сказал Валерка. — Любой штурман знает... Вон смотрите, впереди двенадцать звезд, прямо перед нами. Это созвездие Краба. Раньше

оно было сплюснуто, будто краб присел, а сейчас он поднялся.

В самом деле, контур созвездия напоминал громадного краба. Володька тоже это увидел:

— Смотрите, он поднял клешни!

Братик с улыбкой сказал:

— Не бойся, этот краб не кусается.

— А я и того не боялся. Только сначала... А как вы думаете, тот краб обиделся на меня?

— Ну, что ты! — сказал Братик.

— Хорошо, что не обиделся! — обрадовался Володька.

Он оторвался от нас и стал уходить вперед. Скоро он обогнал нас шагов на десять. Как белая бабочка, мелькала на его локте повязка.

— Ты почему ушел? — окликнул я.

— Не мешайте, я стихи сочиняю, — знакомым полушутливым тоном отозвался Володька.

— Самое время, — заметил Валерка.

Братик негромко рассмеялся.

А я не поверил Володьке. Догнал его.

— Володька... Ты почему никогда не говорил про отца и брата?

Он помолчал и скованно сказал:

— Ты не обижайся.

— Да что ты, я не обижаюсь. Но... почему?

— Я боялся.

— Чего?

— Ну... ты мог подумать, что я с тобой подружился, потому что мне отца не хватает. Мама так один раз сказала. А я не потому... Мне просто хорошо было, что ты такой...

— И мне тоже... — вдруг сказал сзади Братик.

У меня даже в горле заскребло.

Володька быстро глянул на меня сбоку и прошептал:

— В прошлом году, помнишь, ты мне сказал одну вещь? Что если чего-нибудь сильно захотеть, обязательно добьешься... Мы тогда еще купаться шли, помнишь?

Я кивнул, я помнил.

— Ну вот... А я чепуху ответил. Про то, что муху в мыльный пузырь не загонишь... Я глупый был, не сердись...

— Да я и тогда не сердился! Почему ты это вспомнил?

Володька со вздохом сказал непонятно:

— Потому что полоса кончилась.

Полоса неожиданно оборвалась, и ничего нового не было впереди. Все те же кусты, камни да трава. Но на

последней плите, на самом ее краю — то ли как награда за наш долгий путь, то ли как насмешка — светился голубым огоньком шарик вечного жемчуга.

Столько всего случилось перед этим, что мы сейчас даже не удивились. Мы сели на корточки, и я взял шарик в ладонь. Он был теплый, почти горячий, словно совсем недавно упал с неба.

— Это наша? Или это другая жемчужина? — спросил Братик.

— Неважно, — задумчиво сказал Володька. — Раз она есть, мы должны сделать что хотели.

— У нас нет огня, — возразил Валерка.

— Столько звезд и нет огня? — усмехнулся Володька.

— При чем здесь звезды? — спросил я.

— Потому что жемчужина — тоже звезда... Только нужен лук и стрела. Звезды надо зажигать на высоте.

Братик молча побежал к темным кустам. Он все понимал быстрее нас. Мы услышали треск и шелест. Через минуту Братик вернулся, принес тонкий длинный сук и прямую, как тростинка, ветку.

— То, что надо, — заметил Володька.

Мы с Валеркой не спрашивали и не мешали. Володька твердо знал, что делает. Может быть, сейчас была у власти его собственная Сказка.

Он зубами расщепил ветку-стрелу, вложил в развилку жемчужину. Зубами же сделал на другом конце зарубку. Деловито сплюнул и сказал:

— Тетива нужна.

— А веревочка? — вспомнил я. — Она где?

Володька ответил не сразу, будто удивился моим словам. Потом досадливо хмыкнул:

— Веревочка... Там же, где штормовка и куртка. И якорь, и маяк. Где они?.. Веревочку вспомнили. За нее никто не заругает, а за штормовку от мамы влетит.

«От мамы влетит!» Как будто до мамы всего полчаса на электричке.

Все еще ворча, Володька размотал на локте бинт, скрутил жгутом. Они с Братиком согнули сук и привязали жгут к его концам. Володька наложил на тетиву стрелу с жемчугом.

— Ну, загадай, чтобы выдержала, — шепотом сказал он Братiku. Тот кивнул.

— Выдержит, — успокоил я. — Вон какой жгут.

Братик и Володька неожиданно фыркнули. Володька заметил с сожалением:

— Это у него от взрослых времен. Взрослые чудовищно бестолковы.

Я, честное слово, чуть его не треснул! Ну, что это такое? Дома насмешничает — это пускай, но тут... Или совсем не понимает, где мы и что с нами?

Но Володька уже стал серьезным.

— Только не смейтесь, — попросил он.

Как будто нам было до смеха!

Володька медленно поднял и плавно растянул свой лук.

— Что, Васек? Стреляем?

— Давай! — звонко сказал Братик.

Хлопнула тетива. Мы взглянули вверх, но, конечно, не увидели стрелу. А Володька в это время проговорил то-ропливо, но отчетливо:

Житель моря, старый краб,
У тебя есть звездный брат.
Попроси его помочь
Разорвать чужую ночь!

Он поспешно передохнул, словно собираясь говорить дальше, и в эту секунду по глазам ударила вспышка.

Золотой шар загорелся над нами, озарив землю ярким, почти солнечным светом. Я зажмурился и услышал, как рядом смеются Братик и Володька. Смеются, будто не грозят нам больше никакие беды.

Я открыл глаза и увидел, что шар уменьшается. Но он не угасал, он уходил в высоту. Быстро улетал к звездам и скоро сам стал как яркая звезда. А еще через несколько мгновений затерялся среди звездных россыпей, которые стали бледнеть на странно посветлевшем небе.

Володька тихо сказал:

— Улетела наша звездочка, не разглядеть.

— В свои приборы я бы разглядел, — откликнулся Валерка.

— Ну, значит, разглядишь, — неожиданно весело пообещал Володька.

И только тогда я сообразил, что нет ни острова, ни взлетной полосы. Мы стояли среди камней над обрывом, недалеко от места, где я сорвался. Небо светлым было

от луны. Она по-прежнему освещала белые домики Гавани, а у набережной я различил Валеркин корабль.

13

Братик сказал Валерке:

— Видишь, Дэни, мы дома. А ты не верил.

— И сейчас почти не верю, — ответил Валерка. И не обрадованно даже ответил, а скорее утомленно. — Как это случилось, не пойму.

— Просто сказали вовремя нужные слова, — то ли шутя, то ли серьезно объяснил Володька.

— Ну, может быть, — рассеянно проговорил Валерка. Это он Володьке сказал, а смотрел на меня. Внимательно и неотрывно.

— Ты что, Валерка?

— Подожди, не двигайся, — попросил он.

— Почему?

— Ну, пожалуйста... Я хочу запомнить тебя таким.

Вот оно что. Уходит Сказка.

— Значит, конец? — спросил я одними губами.

— Да, — беззвучно сказал он. И спросил погромче: — Хочешь взять что-нибудь на память?

— А можно? Не исчезнет при переходе?

Он чуть-чуть улыбнулся:

— Если будешь держать в руках. Держи крепче — пронесешь.

Я торопливо скинул через голову матроску и свернул в тугой узелок.

Валерка кивнул. Посмотрел на луну, на море. Виногато сказал:

— Теперь надо идти.

И он шагнул к тропинке.

— Дэни, — окликнул я. — Постой... Мы все сделали как надо? Не будем ни о чем жалеть?

Валерка обернулся.

— Все, — сказал он. — Все, что могли за один день. Звезда горит над островом, она лучше маяка. Штурманы не будут больше огигать Каменный барьер... А остальное... Что ж, будем делать каждый у себя. Ты же знаешь, дел хватит на всю жизнь.

— Тогда идем, — сказал я и шагнул за Валеркой.

Несколько секунд я чувствовал, как мне гладит голые плечи ласковый ветер Валеркиной планеты. А потом ощу-

тил на себе плащ, сапоги и всю прежнюю амуницию. И осталась у меня от детства только свернутая в узелок матероска. Я вздохнул и сунул ее в просторный карман плаща.

Мы подошли к началу улицы, где стояли глухие длинные дома. Остановились.

— Все, — сказал Валерка.

Значит, в самом деле уже все? Насовсем?

Василек растерянно как-то посмотрел на старшего брата, на меня. Подошел ко мне и неловко прижался к моему рукаву. Потом быстро взял за обе руки Володьку и отвел в сторону.

Я взглянул на Валерку.

— Что ж, прощай, — тихо сказал Валерка. Прикусил нижнюю губу, посмотрел мне в лицо. Тоска была у него в глазах.

— Прощай, — с трудом сказал я.

Он шагнул вплотную и лбом прислонился к моему плечу. Я неловко обнял его.

Прощай, Валерка. Теперь в самом деле прощай. Видимо, законы Сказки нерушимы. Три раза встречаются люди, и третья встреча — последняя. Остается сжать зубы, чтобы не заплакать, и разойтись.

Я глянул поверх Валеркиного плеча и увидел Братика и Володьку. Они держали друг друга за локти и молчали. Потом разом опустили руки и стали медленно отступать друг от друга. Валерка словно почувствовал это. Оторвался от меня и тоже стал отходить. Спиной вперед. И как-то само собой получилось, что Братик оказался рядом с ним, а Володька рядом со мной.

И мы расходились, расходились, не отрывая глаз друг от друга...

Потом, как при первом расставании в Северо-Подольске, почувствовал я, что Валерку и Братика отделила от меня прозрачная, но глухая стена.

Я смотрел на уходящих друзей не отрываясь. За ними сияло лунное пространство. Валерка теперь казался черным тонким силуэтом. А Братик вдруг попал в поток лучей и словно вспыхнул серебристым светом: в его растрепанных волосах, в каждой шелковинке его рубашки, на незаметных волосках рук и ног загорелись голубоватые искры. словно кто-то кинул в него горстями светящуюся пыль...

Чтобы так и запомнилось все, я закрыл на секунду глаза. А когда открыл, Валерки и Братика не было. Круг-

лая луна катилась за дождевые облака, и голубой мир Валеркиной планеты угасал. Я отвернулся.

— Пойдем, — прошептал Володька.

Он дал мне теплую свою ладошку, и мы пошли не оглядываясь. Сначала по улицам. Потом мимо плетня с железным шиповником, мимо темных дач и мокрых берез. К станции.

Дождь перестал, но воздух был зябкий. Я накинул на Володьку край плаща.

На платформе все так же одиноко горел фонарь. Я посмотрел на Володьку. У него было непонятное лицо: хмурое, но не очень печальное. Он словно тревожился о чем-то и чего-то ждал. А может быть, просто крепился, чтобы не показать печаль. Он глянул на меня снизу вверх, и брови у него разошлись.

— Ну, ты чего? Ты держись, ладно?

Я заставил себя улыбнуться и кивнул.

...Потом был вагон электрички с его яркими лампами и лаково-черной ночью за окном. Тоска не отпускала меня. И под железное грохотанье колес я думал, что все это несправедливо. Нельзя, чтобы люди так намертво расставались. Если это было по правде, если есть она, Валеркина планета, то должен же быть способ не терять друг друга! А если это сказка, на кой черт она нужна, такая жестокая!

И тут я понял, что вру сам себе. Эта сказка была нужна. Разве лучше, если бы я не встретил Валерку и Братика совсем? Нет! Несмотря на всю горечь и тоску, я счастлив. Потому что Валерка и Братик есть. Все равно есть!

Тоска пройдет, сказал я себе, а память останется. Может быть, с грустью, но уже без боли мы будем вспоминать все, что случилось. С печалью и с радостью одновременно. Я и Володька...

Володька приткнулся у меня под боком. Вдоль вагона дуло. Володька свернулся на сиденье калачиком, натянул на ноги полу моего плаща и тихо дышал. Мне показалось, что он дремлет, и я хотел укрыть его получше. Но когда я посмотрел на него, увидел тревожно распахнутые глаза.

...Домой мы добрались на случайном такси. Была глубокая ночь.

— У меня переночуешь? — спросил я.

Володька покачал головой:

— Дома.

Я понял его. Ему нужно было остаться одному со своей печалью и тревогой. Чтобы успокоилась душа. Может

быть, ему захочется плакать, а это лучше делать, когда один...

Но меня по-прежнему беспокоило его лицо. В глазах у Володьки была не только грусть, а еще какое-то странное ожидание.

— Володька... Ты боишься чего-то?

— Ну что ты... — сказал он серьезно. Сжал мой локоть и ушел к себе.

Я постоял перед закрывшейся дверью. Потом подумал: мало ли какие глаза могут быть у человека, который проник в неведомый мир, нашел и потерял друга...

Эпилог

До утра мне снился Океан: его ровный накат на плоские пески Желтого острова. Сначала были синие волны под ярким солнцем, затем они стали янтарно-прозрачными под ясным закатом, а дальше — темными, с россыпью бликов от яркой луны. У раскиданных по берегу камней волны разбивались и разбрасывали брызги.

Вдруг эти брызги стали стекленеть на лету и со звуком ударяться в распахнутые створки моего окна.

Я открыл глаза и успел заметить, как вверх ускользнула сверкающая стеклянная пробка. А может быть, мне показалось...

Было ясное утро. Голубело небо, ярко желтел под солнцем угол соседнего дома. Качал листьями куст рябины, и на его верхушке краснели кисти ягод (внизу их уже оборвали).

Сразу стало понятно, что последние дни августа решили подарить нам тепло: за окном была не осень, как вчера, а яркое позднее лето. Утро в окне было, как солнечный пейзаж в раме.

И вдруг сверху, из-за оконного карниза, медленно опустились и закачались на фоне этого пейзажа четыре ноги.

Это были абсолютно одинаковые ноги. По крайней мере, попарно одинаковые. В одинаково потрепанных кедах, зашнурованных одним и тем же лентяйским способом — лишь до половины. С одинаковым загаром и царапинами...

Будь одна пара ног, я сразу бы понял, что спускается Володька. Я даже помигал: не двоятся ли в глазах? Нет. Но в чем же дело?

Володька всегда ревниво охранял свое право на «парашют» (не потому, что жадный, а потому, что «парашют»

приземлялся прямо под наше с Варей окно). Пользоваться не позволял никому, а катал иногда только Женьку.

Значит, Женька неожиданно вернулась?

Но она, хотя и бегала порой в мальчишечьих кедах, шнуровала их аккуратно, и размер у нее был поменьше.

Тогда...

Вот еще в чем одинаковость! — На всех четырех кедах серебристо блестели редкие рыбки чешуйки.

Вздрогнул я и хотел вскочить, но тут же понял: сон это. И печально улыбнувшись такому сну, стал смотреть спокойнее.

Мой взгляд, направленный в окно, скользил над чем-то белым и синим.

Я на миг опустил глаза и увидел на спинке стула маленькую матроску. Я же сам вчера вынул ее из кармана плаща!

Сердце ухнуло куда-то, и я рванулся к окну.

Четыре ноги плавно опустились, в окне появилась шина от самосвала. В ней, как в раме круглого портрета, сидели, прижавшись плечами, Володька и Братик.

Володька улыбался широко и жизнерадостно, а Братик робко, как гость, явившийся без приглашения.

В этот миг я словно бы разделился на двух человек. Внутри меня ожил двенадцатилетний Сережка, который завопил от восторга и потянулся навстречу друзьям. А взрослый Сергей Витальевич (который был снаружи) повел себя по-идиотски. Видимо, от полного ошеломления он сказал голосом строгого завуча:

— Как это понимать?

Василек нерешительно посмотрел на Володьку и прошептал:

— Я же говорил: попадет.

Володька пренебрежительно двинул плечом. Это короткое шевеление заменило длинную фразу: «Не видишь разве, что он просто так, для порядка, потому что считает себя очень большим и серьезным?»

А мне Володька деловито объяснил:

— Понимаешь, мы решили: пускай Васек поживет у нас, пока штурман плавает...

Мальчишка внутри у меня заплясал, но я опять подумал: «Сон это...». И спросил подозрительно:

— А Валерка знает? Он согласен?

Братик тихо сказал:

— Он ведь уже уплыл...

А Володька добавил:

— Мы ему не говорили, потому что не знали: получится ли у нас... Мы пошлем ему говорящую раковину.

Кажется, вид у меня оставался недоуменным и озабоченным, и Володька продолжил разговор:

— А чего? С мамой я договарюсь. Учебники будут одни на двоих. Школьные формы у меня две — новая и старая. Я возьму старые штаны и новую куртку, а Васек — наоборот. Или я наоборот...

— Вы умные люди... или наоборот? — растерянно сказал я. — Кто запишет в школу человека без документов?

Володька глянул на меня как на занудного спорщика.

— У тебя же в гороно все начальство знакомое.

Он был прав. И маленький Сережка, танцевавший внутри меня, хотел уже пройтись колесом. Но вдруг и его и меня словно обдало холодом! Потому что не могло быть того, что сейчас было! Ведь вчера мы распрощались навсегда!

— Слушайте, а это... планеты? Они же расходятся!

Наверно, у меня было очень испуганное лицо. Василек опять улыбнулся виновато, а Володька снисходительно сообщил:

— Да никуда они не разойдутся. Я же не отвязал веревочку.

— Что? — по инерции спросил я и посмотрел вверх. Шина висела на толстом размочаленном канате.

Володька вздохнул и объяснил:

— Так уж получилось. Я когда вышел из лабиринта на нашей стороне, привязал ее. Ну, чтобы на обратном пути не сматывать. Мотать-то долго, а по натянутой я обратно, как трамвай по проводу, — ж-ж-ж...

— А к чему привязал? — глупо спросил я.

Он сказал с невинной улыбкой милого мальчика:

— К шиповнику...

Все стало ясно.

Якорь, намертво вросший в планету, и железный шиповник с корнями до центра Земли. И между ними — белый шнурок с хитрыми Володькиными узелками. Двадцатиметровая веревочка — бесконечная, как Вселенная, и вечная, как пламя нашего жемчуга. Она прошла завихрения загадочных миров, тонкая, слабенькая на вид. Как насмешка над всеми законами пространства и времени... Выдержит? Не поддастся чудовищной силе разбегающихся звезд?

«Выдержит, — понял я. — Ведь у нас теперь есть общая

звезда. Мы сами зажгли ее над пустынным островом. И поэтому веревочка связала наши планеты».

Веревочка. Ни порвать, ни развязать. Что может быть проще и прочнее?

Мой маленький Сережка с радостным воем встал на голову. А дурак Сергей Витальевич поморгал и все же произнес нерешительно:

— Заговорщики... Вам не кажется, что это космическое хулиганство?

— Ой уж... — сказал Братик негромко, но с явно Володькиной интонацией.

А Володька насмешливо спросил:

— Что космическое хулиганство? Веревочка? Скажи кому — засмеются.

Тогда засмеялся я. Засмеялся, отбросив сомнения и страхи и поверив наконец, что это не сон. Засмеялся, до конца отдавшись радости. Я протянул к ним руки:

— Лезьте сюда, обороты.

Они радостно качнули шину, забросили на подоконник исцарапанные шиповником ноги, а я ухватил их за рубашки...

В это время со двора донесся оглушительный вой. Какая-то смесь аварийной sireны и коллективного рева в детских яслях. Мы подскочили как от взрыва.

Под нашим окном, у стены, гневно распушив хвосты и вздыбив шерсть на выгнутых спинах, мерили друг друга негодующими взглядами два апельсиновых кота. Митька и Рыжик. Они устрашающе орали, готовясь сцепиться в смертельном поединке.

...Впрочем, к середине дня коты подружились и вдвоем отлупили соседского самонадеянного дога по имени Помпей.

1969—1977 гг.

1. Введение

2. Описание объекта исследования

3. Методика исследования

4. Результаты исследования

5. Заключение

6. Литература

7. Приложение

8. Заключение

9. Заключение

10. Заключение

11. Заключение

12. Заключение

ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ

Повесть

Потомок мореплавателя

Ох как ругала она себя за эту фантазию — за то, что решила сойти с поезда в Каменке и добраться до Верхоталья катером. Наслушалась о красоте здешних берегов, вздумала полюбоваться!

Берега в самом деле были красивые — заросшие лесом, где перемешались ели, сосны и березы. Иногда из воды подымались отвесные ребристые скалы... Но катер оказался калошей, он еле полз против течения. Двигатель чадил, будто испорченная керосинка, на которой жарят протухшую рыбу.

Командовал катером парень чуть постарше Юли. Сперва он Юле даже понравился — за свою тельняшку и за фуражку с «крабом», почти такую же, как у Юрки. Но парень оказался нахальный. Серdito выкатывал белесые глаза и орал на пассажиров, чтобы не толпились на сходнях. У чахлой деревенской пристани с фанерной вывеской «Петухи» этот капитан заявил, что «Верхотальская станция забрала воду и дальше судно не пойдет, потому что у него осадка». На катере к тому времени из пассажиров остались, кроме Юли, две бодрые бабки да подвыпивший

небритый дядя с кошелкой и завернутыми в рогожу граблями. Дядя послушно выкатился на берег, а бабки заругались и проницательно высказали мнение, что не в станции и не в осадке дело, а в самом капитане, который хочет вернуться в Каменку к началу телефильма про Штирлица. А им теперь на старости лет восемь километров топтать на своих двоих.

Юля тоже сказала, что это свинство.

Парень, однако, не смутился. Бабкам он сообщил, что спешить им некуда, потому что крематорий в Верхоталье еще не построен, а Юле сказал, что пускай лучше возвращается в Каменку и они вдвоем пойдут на танцы. Только пусть она во время танца нагибается получше, а то потолки в клубе низковатые. В ответ он услышал насчет сопливых паромщиков, которые воображают себя магелланами. Но делать было нечего, пришлось высаживаться.

Бодрые бабки убежали вперед и проголосовали автофургону, который пылил на проселочной дороге. Дядька с граблями куда-то исчез. Юля без попутчиков зашагала по укатанной, но не пыльной колее. Ну и ладно!

Дорога то ныряла в лес, то выбегала к самому берегу, места оказались интересные, чемоданчик был легкий, сумка на плече висела удобно, и шагалось хорошо. По сторонам краснели кисти рябины. День стоял нежаркий, хотя и солнечный. И одно было плохо — день этот клонился к вечеру, и Юля боялась, что не успеет до закрытия библиотеки.

Так и вышло. Когда она дотопала до города, расспросила, где библиотека, и выбралась к одноэтажному кирпичному дому, на старинной резной двери висел ржавый замок (наверно, тоже старинный, от купеческого лабаза). Юля потопталась на высоком гранитном крыльце, обозрела с него заречные окрестности с деревянными кварталами и лесом у горизонта, а потом через сад вышла на центральную улицу.

— Люди, где тут у вас гостиница? — спросила она двух пацанов с удочками.

Мальчишки глянули снизу вверх, пощупали глазами нашивки на ее стройотрядовской курточке, и старший толково разъяснил, что гостиница на другом конце Верхоталья.

Все выходило одно к одному, и Юля начала злиться. На судьбу и на себя. А мальчишки смотрели ей вслед, и она слышала за спиной:

— Во, жердина...

В ребячьих словах было больше восхищения, чем на-смешки, однако настроение испортилось еще больше.

В двухэтажной гостинице на подоконниках цвела гу-стая герань. Дежурная администраторша — рыхлая тетка в шлепанцах — жарила на плитке грибы. Она показалась Юле добродушной. Но в ответ на Юлины слова о жилье тетка непреклонно сказала:

— Ты что, голубушка! Тут строители нефтенасосной станции поселились, не продохнуть. По двое на одной кро-вати... Это сейчас тихо, а чуть позже знаешь как оно бу-дет!

Юля устало брякнула на пол чемодан. Села на табурет. Тетка смягчилась:

— Ты, видать, на работу сюда?

— Почти, — вздохнула Юля. И, надеясь разжалобить администраторшу, подробно объяснила, что закончила вто-рой курс культпросветучилища, в июле была со стройот-рядом в Артемовском овощесовхозе, а сейчас приехала на двухмесячную практику в детскую библиотеку. Приехать-то приехала, а куда деваться?

— Ну дак заведующая ихняя, Нина Федосьевна, пушай тебя и устраивает, — рассудила администраторша. — Она женщина строгая, образованная, но справедливая. При биб-лиотеке али у себя в квартире и поселит, дом у нее боль-шой. На улице Пионерской, бывшей Гимназической, на-против магазина «Фрукты — овощи». Там спросишь... Гри-бочков хочешь?

— Хочу, — опять вздохнула Юля.

— Вот и умница. Ты давай прямо со сковороды...

После неожиданного ужина стало веселее. Юля отпра-вилась искать дом Нины Федосьевны. Снова через весь город. Впрочем, «город» — это было одно название. Кое-где встречались двухэтажные кирпичные дома явно девят-надцатого столетия — с полукруглыми окнами на верхних этажах и чугунным узором парадных крылечек. попада-лись древние купеческие лавки с современными вывесками «Промтовары» и «Керосин». На запертых дверях ржаве-ли могучие кованые петли. А в основном дома были дере-вянные, с палисадниками и лавочками у калиток.

Над крышами с затейливыми дымоходами печных труб, над воротами с разошедшей резьбой, над косыми забора-ми и тополями возвышался, будто горный массив, полураз-рушенный серовато-желтый собор. Провалы его окон тем-нели, как пещеры, а купола и башни были похожи на об-дизанные ветрами вершины.

Юля догадалась, что это храм знаменитой в прежние времена Верхотальской обители. Когда-то сюда стекались паломники из многих городов. А сейчас в монастырских кельях и трапезных работал механический завод — самое крупное здешнее предприятие. Про завод Юля тоже знала: у них в канцелярии училища стоял сейф с большим клеймом «Верхотальский МЗ».

Дом заведующей Нины Федосьевны Юля отыскала легко. У калитки копошились куры: в подорожниках и жесткой траве «пастушья сумка» вылавливали букашек. Юля побрякала железным кольцом щеколды. Вышла девица лет пятнадцати, вполне столичного вида, в новеньких джинсах и майке с ковбоем и надписью «Rodeo». Естественно, сперва воззрилась на Юлю, потом сообщила, что «тетя Нина уехала в Каменку и вернется завтра прямо на работу».

«Вот и все, — подумала Юля даже с некоторым удовольствием. — Дальше ехать некуда...»

Оставалось топтать на станцию и коротать ночь в зале ожидания. Вообще-то было не привыкать: в турпоходах и в стройотряде случалось всякое. Но, во-первых, там она была не одна. Во-вторых, здесь неудачи сыпались одна за другой. И главное, сама виновата!

Где Верхотальский вокзал, Юля понятия не имела и побрела наугад. А вернее — так, чтобы солнце светило не в глаза, а в спину. Через квартал она увидела зеленый домик с вывеской «Почта». Как ни странно, почта еще работала.

«Не заходи, — сердито сказала себе Юля. — Окажется, что письма нет, и тогда будет совсем скверно». И конечно, пошла. И дала пожилой симпатичной женщине за стеклянной загородкой студенческий билет. Женщина полистала тощую пачку писем и сказала слегка виновато:

— Ничего пока нет. Заходите еще... — И улыбнулась.

Эта улыбка Юлю не утешила. Теперь и в самом деле все было так, что хуже некуда. К тому же снова захотелось есть. С самыми досадливыми мыслями Юля снова побрела по улице Пионерской, бывшей Гимназической. Но к досаде и унынию чуть-чуть, крадучись, уже примешивалось любопытство. По некоторому опыту жизни Юля знала, что жизнь эта изменчива. И если все абсолютно плохо, измениться может только к лучшему.

Через тополиный сквер Юля снова вышла на речной обрыв — недалеко от знакомой библиотеки и обшарпанной, но все равно красивой церкви. Легкая шатровая колоколь-

ия была похожа на ракету. Она возносилась над куполами, над деревьями, и под кружевным покосившимся крестом, на круглой, как мячик, маковке, горел в остатках позолоты солнечный огонек.

Щурясь на этот огонек, Юля пошла вдоль остатков кирпичной стены с бойницами. Стена упиралась в полуразрушенную башню с островерхой крышей и флюгером. На флюгере светились сквозные цифры: 1711. Фундамент башни был сложен из неотесанных гранитных глыб. Из щелей росли березки.

Юля по тропинке обошла башню и увидела, что из фундамента в метре от земли торчит короткая деревянная балка.

Верхом на балке сидел растрепанный мальчишка.

Он смотрел куда-то через реку, посвистывал и качал ногами в незашнурованных кедах и пыльных сбившихся гольфах морковного цвета. На нем была майка с короткими рукавами — тоже неопределенно-морковная — и шорты кирпичного оттенка с оттопыренными карманами и в темных пятнах какой-то смазки. И весь мальчишка, облитый вечерними лучами, казался нарисованным оранжевыми и красными мазками. Даже загар был розоватый. Впрочем, слабенький был загар, это и понятно: к рыжим солнце прилипает неохотно. А мальчишка, безусловно, относился к племени рыжих. Но он был не просто рыж — в его нестриженных космах смешались оттенки апельсинов, томатного сока, терракоты и угасающих закатных облаков... Мальчишка услышал шаги и обернулся.

И Юля заулыбалась.

Было невозможно не заулыбаться, увидев мальчишкино лицо. Он смотрел, как смотрит с детских книжек сказочное солнышко. Весело сощурился и растянул до ушей потрескавшиеся губы. Маленький нос и щеки словно маковым зерном усыпали мелкие, почти черные веснушки. Причем одну щеку гуще, чем другую. На подбородке тоже сидело несколько веснушек, покрупнее.

— Привет, — сказала Юля.

Он мельком, без особого любопытства, оглядел ее и сказал:

— Ага... здрасте. — И заулыбался еще шире. У него были крупные желтоватые зубы, и один рос криво, но это ничуть не портило улыбку.

Секунды три они выжидательно смотрели друг на дру-

га. Мальчик пригасил улыбку, перекинул ногу и соскочил в лопухи. Деловито спросил:

— Ну что, пойдём?

Следовало, конечно, узнать, куда «пойдём». Но мальчик вел себя так, будто они про все договорились. Юле стало интересно. Кроме того, «все к лучшему». И она кивнула.

Он зашагал впереди, по тропке среди репейников. Лопухи сердито чиркали по его ногам, а репы хватили за майку, и он отрывал их на ходу. Несколько раз оглянулся: не отстает ли спутница?

В стене открылся круглый пролом.

— Сюда, — сказал мальчик. — Давайте чемодан.

— Ничего, я сама... — Юля пролезла вслед за проводником. С внутренней стороны стену украшали глубокие полукруглые ниши. Как в больших крепостях.

— Что здесь было? — спросила Юля. — Монастырь или кремль?

— Воеводство, — охотно откликнулся мальчик. — При Петре Первом. Вон в тех длинных домах солдаты жили, а там, где библиотека, — офицеры... Такие, в треугольных шляпах, со шпагами... — Он опять весело оглянулся. — Интересно, да?

— Еще бы, — сказала Юля.

— А воеводский дом не сохранился, сгорел. Он недалеко от церкви стоял, вон там... — Юлин проводник мотнул красными вихрами в сторону колокольни, потом остановился, задрал голову. — Красивая, да?

Они стояли уже рядом с церковью, и она нависала над головами. Настоящая русская сказка раскинулась в вечернем небе с позолоченным облаком: узорчатые кирпичные башни с куполами в виде громадных луковиц, маковки, узкие проемы окон, карнизы и витые столбики, как в древних теремах. И над всем этим — ракетное тело колокольни, строго нацеленной в зенит.

— Ее все время художники рисуют, из разных городов приезжают, — сказал мальчик. — Она называется Покровская. Знаете почему? Бабки говорят, что праздник Покров раньше был, когда первый снег выпадал. А вы не художница?

— Нет, — откликнулась Юля. — Правда, немножко пробовала рисовать, для себя...

— Это хорошо, — негромко заметил мальчик и быстро спросил: — Ну, полезем?

— Куда?

Он слегка удивился и кивнул на колокольню.

У Юли чуть заглодело под сердцем.

— А... нам не влетит?

Рыжий проводник снисходительно сказал:

— Туда все лазят, кто хочет. От кого влетит-то?

Над крутым церковным крыльцом блестела черным стеклом вывеска, на которой значилось, что здесь находится Верхотальский городской архив. Замок на двери (такой же большущий, как на библиотеке) убедительно доказывал, что в архиве никого нет. И кругом никого не было, только воробьи шуршали в темных кленах.

Мальчик решительно взял Юлин чемоданчик и сунул под гранитные ступени крыльца.

— Там никто не найдет, не бойтесь... Ну, пошли.

— Ох... пошли, — сказала Юля. И подумала, что ночевать не на вокзале, а в милиции — это еще хуже. Но признаться в таких страхах постеснялась. Да и любопытно было забраться на колокольню. И обижать мальчишку не хотелось, новый знакомый ей нравился. К тому же остаться опять одной — чего хорошего?

Они обошли церковь, и за березовыми кустиками, в кирпичной кладке алтарного закругления, Юля увидела узкий вход без двери — просто щель с полукруглым верхом. На миг Юле стало жутковато. Даже шевельнулось глупое подозрение: нет ли здесь какой-нибудь ловушки? Но мальчишка смотрел ясно и доверчиво. Раздвинул ветки:

— Вы идите вперед, только осторожно. Там винтовая лестница, ступеньки крутые. Если что, я вас сзади подхватчу.

Она глянула на него — маленького, тонкоплечего.

— Если случится «что», я тебя, пожалуй, раздавлю...

— Не, я жилистый.

Юля оказалась как бы в круглом колодце. Каменные стертые ступени уходили вверх туго завинченной спиралью. С высоты сочился неясный свет. Юля стала подниматься, то и дело хватаясь за верхние ступени, — почти на четвереньках. Мальчик неотрывно лез за ней. Дышал он с шумным сопеньем. «Наверно, простужен», — подумала Юля.

Висевшая через плечо сумка цеплялась за камни. Юля пожалела, что не оставила ее внизу. И тут же мальчик сказал:

— Вам сумка мешает. Давайте ее мне, здесь углубление, вроде полочки. Оставим, а обратно пойдем и заберем.

Юля с облегчением сбросила с плеча ремень.

Ох и высоченная была лестница! Гудели ноги, от бесконечного спирального верчения кружилась голова. Наконец в полукруглый проем ударили оранжевые лучи, и Юля выкарабкалась в круглую каморку. Мальчик — за ней. Он сопел и улыбался.

— Устали? Это почти полпути...

— Ничего я не устала, — с фальшивой бодростью сказала Юля.

Мальчик понимающе кивнул и полез в окно.

— Выбирайтесь сюда. Только потихоньку, тут карниз узкий. Вниз лучше не смотрите...

Юля все-таки глянула вниз, когда из окна ступила на покрытую железом кромку. И тут же отвернулась (она и в походах, на скалах и обрывах, побанвала высотой). Старые клены шелестели внизу. Видимо, здесь был край церковной крыши. Юля вцепилась в кирпичи. А мальчишка стоял в двух шагах, у темной кирпичной арки, протягивал руку и улыбался. И Юля вдруг заметила, что глаза у него разные: правый — просто серый, а левый — сероватый, с золотыми прожилками. В этом золотистом глазу на краю большого зрачка стреляла крошечными лучами искорка.

«Чертенок», — усмехнулась Юля. Сжала губы, шагнула по кромке и тоже оказалась в арке.

Теперь они поднимались уже внутри колокольни.

С этажа на этаж вели шаткие лестничные марши. Пересохшие доски ступеней пощелкивали под ногами, от них взлетала тонкая пыль. Запах этой пыли смешивался с запахом старых кирпичей. Колокольня была восьмигранная. На трех ярусах в каждой из восьми стен зиял громадный оконный проем с полукруглым верхом и перекладиной (на этих перекладинах, видимо, висели когда-то колокола). За пустыми проемами вырастал и словно подымался следом за Юлей темный лесной горизонт. Было жутковато и легко, как во сне. И только одно мешало впечатлению хорошего приключенческого сна: там и тут на кирпичах виднелись надписи. Всякие «Толи», «Васи», «Степы», и «Мы здесь были...», и названия городов. Юля заметила даже Читу и Владивосток.

— Ничего себе... — выдохнула она. — В какую даль едут, чтобы расписаться на здешних камнях.

— Идиоты, — отозвался мальчик (он по-прежнему карабкался следом за Юлей). — Думают, что, если распишутся на знаменитом месте, сами сделаются знаменитые...

— Значит, эта церковь очень знаменитая? — осторожно поинтересовалась Юля.

— Вы разве не знали? Она даже под охраной ЮНЕСКО.

Юля мельком удивилась, что этот пацан знает про ЮНЕСКО, и неуверенно сказала:

— Кажется, я слышала... А если она такая известная, то чего же такая... обшарпанная?

— Ее хотели реставрировать, — посапывая, ответил мальчик и хихикнул. — Каких-то дядек наняли кресты и маковки золотить, золото им выдали. А они его — себе. А маковки бронзовой краской помазали. Ну, их посадили, конечно, а здесь все так и осталось... Вот, все. Пришли.

Они оказались на верхней площадке. Над головами уходил в сумрачную высоту конус шатровой крыши. В нем темнели переплетения балок и железных брусьев. Юля только мельком глянула вверх и сразу шагнула к окну.

За высокими арками окон распахнулся золотисто-зеленый вечерний мир. Облака лежали над землей, как плавающие острова в прозрачной воде над морским дном. Невысокое, но яркое еще солнце висело над кромкой леса. Городок раскинулся внизу кучками затерянных среди деревьев крыш. Даже монастырский храм казался отсюда не очень большим. За домами одиноко дымила черная труба — наверно, это была электростанция, которая «забрала воду». Но воды еще хватало. Талья в своих верховьях была довольно широка. От края до края земли она легла, как розовато-серебристая просторная дорога. Лишь кое-где чернели на воде коварные пятнышки: там торчали со дна валуны, выдавая мелководье.

Земля была удивительно большая, но уютная и ласковая. Над городком, над рекой, над лесами лежало спокойное молчание. И Юля, переходя от арки к арке, забыла про усталость и огорчения. Она будто растворилась в этом покое.

— Любуетесь? — сказал позади нее мальчишка. — Хорошо, да?

— Угу... — медленно ответила Юля и оглянулась.

Мальчик стоял к ней спиной в светлом проеме, прямо против солнца. Расставил ноги и ладонями уперся в боковые края арки. Он казался вырезанным из черной бумаги, только в волосах вспыхивали огоньки да круглые оттопыренные уши просвечивали, как лепестки шиповника. Юля усмехнулась этим ушам, но тут же опасливо сказала:

— Смотри не слети вниз.

— Не, я здесь привык... — Он крутнулся на пятке и прыгнул к Юле. — Я сюда сто раз лазил. А вам здесь нравится?

— Еще бы!.. И не говори мне, пожалуйста, «вы». Я еще не такая уж... пожилая.

Он по-птичьему наклонил к плечу голову и глянул снизу вверх.

— А вам.... тебе сколько?

— Девятнадцать.

— У-у... — сказал он вроде бы с уважением, а в золотистом глазу опять метнулась искорка. — А мне одиннадцать. Через месяц будет, в сентябре.

— Ясно. Меня зовут Юля...

— А меня... — Мальчик перекинул голову на другое плечо. — У меня имя старинное. Даже не угадаете... не угадаешь какое.

— И не буду, — улыбнулась Юля. — Говори уж сам.

Он выпрямил голову, подтянул съехавшие шорты и веско произнес:

— Меня зовут Фаддей.

— Ух ты! — сказала Юля.

— Это не просто так. Это в честь одного знаменитого предка. Угадай какого?

Юля наморщила лоб и поморгала. Никто, кроме Фаддея Булгарина, жандармского агента и недруга Пушкина, в голову не приходил.

Маленький Фаддей опять брызнул искоркой левого глаза:

— Антарктиду кто открыл?

— Антарктиду? Сейчас... ага! Беллинсгаузен и Лазарев!

— Вот! А Беллинсгаузена как звали?

— М-м...

— Фаддей Фаддеевич, — со скромным торжеством сказал мальчишка. — У меня про него книга есть и там портрет. Он даже похож на меня немножко, и волосы такие же... Ну, там не цветной портрет, но я же все равно знаю.

— И что же, он правда твой родственник? — со смесью недоверия и уважения поинтересовалась Юля.

— Ну да, — небрежно откликнулся Фаддей. — Он мамин какой-то пра-пра-пра... двоюродный дедушка.

— Разве Беллинсгаузен из этих мест?

— Так и я не из этих! Я сюда просто каждое лето приезжаю, к тете Кире!

Юля удивилась. Она была уверена, что мальчишка —

местный житель. Он так подходил к здешним улицам и заросшим берегам.

— А откуда ты?

— Из Среднекамска, — сказал он и почему-то вздохнул.

Юля понимала, что и Среднекамск — едва ли родина знаменитого мореплавателя. Но все равно обрадовалась:

— Мы почти земляки! У меня там дядя живет, мамин брат. Он мастер цеха на авторемонтном заводе.

— Я даже не знаю, где там такой завод, — опять вздохнул Фаддей. — Город-то большущий, заводищев всяких полным-полно... И школ почти двести... А здесь всего три... — Он вдруг поднял веснушчатое лицо и сказал совсем о другом: — Ты вон до той балки дотянешься?

Невысоко над головой проходил ржавый брус. Толстой с хорошее полено. Юля встала на цыпочках и кончиками пальцев тронула холодное железо.

— А я ни разу допрыгнуть не смог, — печально признался Фаддей. — Подсади меня, пожалуйста.

Юля усмехнулась и подхватила мальчишку за бока, ощутив сквозь майку птичьи ребрышки. Потомок адмирала был легонький, и она шутя вскинула его над головой. Фаддей вцепился в брус и повис, покачивая ногами. Морковные гольфы сбились в гармошку, а один кед шлепнулся на пол.

— Здесь висел главный колокол, — сообщил из-под балки Фаддей. — Думаешь, зачем висел? Чтобы в праздники звонить? Вовсе даже нет, это тревожный колокол был. Здесь часовые дежурили. Если враги подкрадутся, они сразу — бамм! — Он качнулся сильнее и повторил громким голосом: — Бамм, бамм!

На нем горели рыжие солнечные пятна.

Юля снова оглядела горизонт. Солнце уже почти касалось леса.

— Надо спускаться, — нехотя проговорила Юля.

— Подожди, — отозвался Фаддей. — Я колокол. Бамм!

Юля засмеялась и дернула его за ногу:

— Ну, колокол-бубенчик, пора...

Он прыгнул на пол и заскакал на одной ноге, натягивая кед.

— Фаддей... — сказала Юля. — Тебя так и звать «Фаддей» или можно поуменьшительнее?

— Можно Фаддейка... — Он стрельнул исподлобья золотой искоркой. — Я же еще не Беллинсгаузен.

«Фаддейка — это хорошо! — подумала Юля. — Это в самый раз. Фаддейка он и больше никто».

— А ты можешь ответить на один вопрос, Фаддейка?

Он весело распрямился:

— Хоть на тыщу.

— На один... Это здорово, что ты меня сюда привел. Но почему? Ни с того ни с сего, незнакомого человека...

— А... разве... — Он как-то старательно заморгал. — Ой-ей-ей... Разве вас не тетя Кира послала?

Юля молчала.

— Ой-ей-ей... — Фаддейка запустил пятерню в свои космы. — Она сказала: посиди на берегу у башни, придет одна тетенька... то есть молодая женщина, приезжая. Я, говорит, обещала, что ты ее на колокольню сводишь. Она, говорит, стариной интересуется...

Юлю кольнула ревнивая досада: не ее, значит, ждал Фаддейка. Но сразу она встревожилась:

— А где же та женщина? А тебе не влетит теперь?

— Ой, влетит, — охотно откликнулся Фаддейка. И решительно взял Юлю за рукав: — Пошли!

— Куда?

— К тете Кире. Ну, к нам домой. Скажешь, что я не виноват. А то мне знаешь как... Пошли!

— Но я же... Я не знаю... А это куда? Далеко?

— Не далеко. Средне. Вон там, за рекой, видишь красную крышу с двумя антеннами? Вот за тем домом еще квартал. Идем. Ну... Юля...

Не пойти — было бы все равно, что оставить Фаддейку в беде. Да и... не все ли равно куда идти, если идти некуда?

— А это по пути на вокзал?

Фаддейка сразу как-то потускнел.

— Зачем тебе на вокзал? Ты разве уезжаешь?

— Наоборот, приехала. А на вокзале буду ночевать, больше негде.

— Ночевать — это ночью. А пока еще не ночь, — рассудил Фаддейка. — Пошли!

Внизу солнца уже не было видно, а закат светился ровный и широкий. И река от него светилась. Юля и Фаддейка прошли над плавной водой по зыбкому мосту. Он был подвесной, на тросах, и дощатый настил качался между быками-ледорезами.

Фаддейка шагал сбоку от Юли и поглядывал чуть виновато. Посапывал. Потом спросил:

— Не боишься? На этом мосту многие боятся с непри-
вычки.

— У меня, между прочим, первый разряд по туризму..
А ты сам-то не боишься?

— Вот еще!

— Ну да! Правнуку знаменитого моряка не полага-
ется...

Он, кажется, слегка надулся. Заподозрил насмешку,
что ли?

Юля примирительно сказала:

— А у меня один знакомый моряк есть. Курсант. Он
сейчас на парусном корабле плавает, почти как Беллинс-
гаузен. У них практика.

— Ух ты! А он на чем? На «Товарище» или на «Се-
дове»?

— На «Крузенштерне»... Не скажи, свалишься.

— Не свалюсь. Хочешь, понесу твой чемодан?

— Да уж сама дотащу...

— А ты мне потом про него расскажешь?

— Про чемодан?

— Про моряка!

— Когда «потом»? — грустно спросила Юля и подума-
ла про вокзал.

— Ну... после разговора с тетей Кирой.

— Ох, Фаддейка, я ее боюсь. И тебе попадет, и мне...

— Что ты! Она посторонних не воспитывает... Ты ей
сперва ничего не говори, может, той женщины и не было.
Тогда все обойдется.

— А что я скажу? Зачем пришла?

— Поглядим, — деловито успокоил он. — По обстоя-
тельствам.

Дом тети Киры был старый. Старинный даже. С же-
стяными флюгерами на башенках покосившихся ворот, с
черным от древности страховым знаком и с разохшимся
кружевом наличников.

Фаддейка бодро толкнул тяжелую калитку. В заросшем
дворе красновато темнели громадные гроздья рябины и
светились несколько березовых стволов. Было пусто. Фад-
дейка кивнул на скамейку у крыльца:

— Ты посиди минутку, я сейчас. — Поддернул гольфы,
заправил майку и нырнул в дом.

Юля поставила на лавку чемодан. С высокой березы
упал на него желтый листок. Август...

Прошла минута. Оглядываясь, возник на крыльце Фад-

дейка. За ним — тетя Кира. Она оказалась очень пожилая, сухощавая, с седым валиком волос.

— Здравсте, — совсем по-школьному, поспешно сказала Юля. Тетя Кира показалась ей похожей на старую учительницу.

— Добрый вечер, — улыбнулась тетя Кира и легко шгнула Фаддейку со ступенек. — Это вас он, значит, привел? Я, говорит, квартирантку тебе отыскал... Я уж и не знаю. В пристройке у меня жили в июне двое отдыхающих, молодожены, но тогда тепло было, а сейчас-то осень на носу. Продрогнете там ночью...

— Она закаленная, — подал голос Фаддейка. — У нее первый разряд по туризму.

— Брысь ты, нечистая сила, — засмеялась тетя Кира. И Юля засмеялась: так все хорошо складывалось.

— Я правда закаленная. В одеяло завернусь — и хоть в открытом поле...

— Ну, смотрите, если понравится... Вы, наверно, на практику в школу приехали?

— В библиотеку. В детскую...

— К Нине Федосьевне, значит! Вот она обрадуется! А то все одна да одна... А если холодно будет в пристройке, там печурка есть на крайний случай. Завтра дрова привезут...

И Юля почувствовала, что она любит затерянный в северных лесах городок Верхоталье.

Вот только пришло бы сюда письмо.

Ночные страхи

Как это чудесно — вытянуться среди прохладных простыней, чтобы усталость сладко разбежалась по жилкам, и лежать с ощущением полного уюта и с мыслями о счастливом окончании неудачного дня.

Стоячая лампа с белым фаянсовым абажуром неярко и ровно светила на желтоватые доски стен и потолка, на большой табель-календарь за прошлый год, на ошкуренные чурбаки (они были вместо табуреток) и застеленный зеленой полинялой клеенкой стол. На столе празднично сияла алая с белыми горошинами кружка. Будто сказочный мухомор на лужайке. Юля безотчетно радовалась этому яркому пятнышку — оно украшало комнату и придавало ей обжитой вид. Юля вздрогнула от неласковой мысли, что сейчас могла бы ютиться на вокзальной лавке.

...Тетя Кира (то есть Кира Сергеевна) принесла матрац, положила его на широкий топчан и сама постелила для Юли простыни.

— На сегодня так. А если покажется жестко, завтра достанем из кладовки кровать, у нее сетка панцирная.

— Не будет жестко, — заверила Юля, оглядываясь. Пристройка была небольшая, вроде верандочки — с окном во всю стену. По стеклам скребла тяжелыми кистями рябина. В углу белела кирпичная печка.

Кира Сергеевна рассказала, что пристройку ставил ее муж, хотел оборудовать здесь мастерскую, да вот... Говорят, от первого инфаркта не умирают, а он сразу. Три года уж прошло... Директором восьмилетки был. А она до пенсии работала смотрителем здешнего музея. Сын в армии после института, на Дальнем Востоке, младшая дочь в Челябинске учится, а старшая недавно замуж вышла, живет неподалеку, в Ново-Северке, да все же не рядом, не под одной крышей.

— Вот и осталась одна в «родовом поместье». Дом-то еще дед строил... Так и живу. То сама по себе, то вдвоем с племянником. Он второй год уже подряд на каждые каникулы приезжает. Заботы с ним, конечно, всякие, да все равно веселее.

— Он славный у вас. Добрый такой, — сказала Юля.

— Добрый-то добрый, а всякое бывает. Когда парень без отца растет, воспитание какое-то случайное получается. Дерганое...

Юля вежливо помолчала. Потом неловко спросила насчет платы за квартиру. Кира Сергеевна отмахнулась:

— Да сколько не жалко. Какая здесь квартира-то...

— Но все-таки...

— В гостинице пятьдесят копеек в день за место берут, давайте и вы так.

— Ой... Даже слишком как-то дешево.

Кира Сергеевна засмеялась:

— А у нас ведь не Сочи и не Крым. Да и вы не на отдыхе. А стипендия-то, наверно, так себе...

— Я в стройотряде работала.

— Давайте так, Юля. Если будете с нами завтракать и ужинать, тогда — рубль. А обедать вам лучше в столовой «Радуга», она рядом с библиотекой.

На том и договорились.

— Только еда у нас не ресторанная, — предупредила Кира Сергеевна. — Не обидетесь?

— Да что вы!

— Я себе по-простому готовлю. А Фаддейка, душа окаянная, вообще ничего не ест, мученье одно. Кожа да кости, избегался. Мать придет, опять недовольна будет — невымытый да тощий. А что я сделаю? Вот объявится — пускай сама чистит, причесывает и откармливает.

— А что, он один у матери? — деликатно поинтересовалась Юля.

— Один, слава Богу. Куда еще-то при ее жизни? Только и мотается то по стране, то по границам. Как это фирма-то у них называется? «Станкоэкспорт» или что-то похожее...

Юля распаковывала чемодан, вешала одежду на спинку единственного стула, а Кира Сергеевна негромко и ненавязчиво рассказывала:

— Я ей говорю: «Сколько можно так жить, не девочка уже, четвертый десяток идет». А она: «Это ритм времени, Кирочка, мы с тобой в разные эпохи живем»... Может, и правда? Я ее на двадцать семь лет старше, нас шестеро было в семье, она младшая. Вот и попала под эти ритмы... Мы с мужем почти три десятка без всяких современных ритмов прожили, а она вот... Ох и заболтала я вас, Юля. Смотрите, вон вешалка у двери. А утюг Фаддейка принесет. Вы только не церемоньтесь с ним, с племянничком моим, он такой прилипчивый. Если будет надоедать, шуганите его...

Фаддейка не стал надоедать. Притащил утюг, шепнул, что «все обошлось», и умчался. Не было его и за ужином.

— Свищет где-то, — вздохнула Кира Сергеевна. — Небось опять с мальчишками костер жгут в овраге, картошку пекут...

...Юля нажала кнопку лампы. Упала темнота, и в ней синевато засветилось окно: полная ночь на дворе еще не наступила. В сумерках прорезались черные листья рябины, смутно забелел березовый ствол. В широком просвете стала видна верхушка ели — острая, будто шатер колокольни.

Вспомнив про колокольню, Юля подумала и о Фаддейке: где его носит нелегкая на ночь глядя? Видать, вольная птичка...

И словно в ответ она услышала негромкий выдох:

— Ю-ля-а...

Это было чуть погромче шелеста рябины. И там же, за окном. Юля опять включила свет. В неярких лучах за

стеклом, как на глянцевой фотобумаге, проявился знакомый веснушчатый портрет с расплющенным носом.

— Ты что, Фаддейка? — громко сказала Юля.

Он отодвинул оконную створку. Спросил шумным шепотом:

— Можно к тебе?

— Можно. А почему не через дверь?

— С той стороны тети Кирино окно... — Он ловко сел верхом на подоконник — одна нога снаружи, другая в комнате. — Ты не испугалась?

— Чего?

— Ну... женщины часто пугаются, если под окном мужчины...

Юля развеселилась:

— Иди сюда, мужчина. Ты зачем пришел? Просто так поболтать или по делу?

— По делу... — Он скакнул с подоконника, сел на чурбак посреди комнаты, положил на коленки ладони. Повертел головой, будто первый раз видел эти стены. Посопел.

— Ну, а что за дело-то? — напомнила Юля. И опять улыбнулась из-за кромки одеяла. — Может, еще на какую-нибудь башню поведешь?

— Нет... — Он старательно вздохнул, потерся оттопыренным ухом о плечо и сообщил, глядя в потолок: — Я признаться пришел. Что наврал.

— Да?.. А что ты наврал?

— Про ту женщину. Про тети Кирину знакомую. Я ее придумал...

— Да? — опять сказала Юля. И замолчала, размышляя, как отнестись к такому признанию. Интересно, что она почти не удивилась. — Ну, придумал так придумал. А зачем все это? А, Фаддейка?

— Непонятно разве? — Он взглянул на Юлю прямо и чуть насупленно. — Захотел познакомиться с тобой, вот и все.

— Это я понимаю. А зачем?

— Ну вот... — Фаддейка забавно развел руками. — Зачем! Потому что я такой уродился. Потому что мне всегда интересно про нового человека: что в нем хорошего?

— И ты решил, что во мне что-то хорошее?

— Решил. Ты же полезла на колокольню!

— Ну... да, это доказательство. А откуда ты узнал, что я здесь новенькая?

— Сразу же видно! Идешь, на все смотришь, как пер-

вый раз. И чемодан. И сумок таких, как у тебя, здесь ни у кого нет... Ой...

— Ой, — сказала и Юля.

— А где сумка? — шепотом сказал Фаддейка и замигал желтыми коротенькими ресницами.

— Вот именно где?

— Там осталась?

— Конечно! Ты же не достал из ниши.

— А ты не вспомнила.

А Юля не вспомнила. Ей хватало и чемодана. Слепительно желтую сумку с черным старинным самолетом на боку и надписью «AIRLINE» она купила перед самым отъездом в Верхоталье и не успела к ней привыкнуть.

— У тебя в ней что было? — подавленно спросил Фаддейка.

— Практикантский дневник и направление. И всякое...

Было еще старое Юркино письмо с фотографией. И тетрадка с отрывочными дневниковыми записями, которые она делала в стройотряде...

— Пошел я, — вздохнул Фаддейка и встал.

— Куда?

— Как куда? За сумкой..

— Подожди! — испугалась Юля. Она представила, как Фаддейка лезет там по лестнице в кромешной темноте, в глухоте.

— Утром сбегашь и заберешь, — нерешительно сказала она.

— Ага, «утром»! А если на рассвете туристы туда потащатся? У них теперь такая мода появилась: рассвет на вершотуре встречать.

— Думаешь, сопрут?

— А думаешь, оставят? Я пошел.

— Там же темнотища сейчас и страх...

— Фонарик возьму.

— Я с тобой, — тоскливо и решительно сказала Юля, ощущая, как замечательно в постели и как жутко не хочется туда. Ох, рано она порадовалась, что кончились неудачи...

А Фаддейка... хоть бы сказал: не надо, не ходи! Нет, он сказал другое:

— Выбирайся через окно. Я подожду у калитки.

Быстро темнело. Река еще отражала остатки заката, а крутой дальний берег чернел непроницаемо. За кромкой

обрыва не видно было огоньков, смутной тучей клубился старый прибрежный сад. Колокольня была еле различима.

Юля мысленно простонала, когда представила, сколько опять шагать: через мост, потом по высоченной лестнице, затем по темному саду... Фаддейка бодро топал рядом и мигал фонариком. Юля печально сказала:

— Вот узнает Кира Сергеевна про наши похождения, будет нам.

— А как она узнает? Тебя она не караулит, а про меня привыкла, что поздно бегаю.

— С тобой не соскучишься, — вздохнула Юля.

— Ага.

Перешли мост (он был бесконечный, и под ним журчала и хлюпала вода). Совсем стемнело. Ступеней лестницы было не разглядеть. А они — кривые и старые, ноги поломаешь.

— Посвети, — попросила Юля.

Фаддейка опять мигнул фонариком и сказал:

— Я батарейку берегу, она старая.

— А на мосту включал да включал, когда не надо...

— Я проверял... Держись за меня.

Кончилась и лестница с бесконечным поскрипыванием ступенек и хлябаньем брусчатых перил. Черный густой сад надвинулся на Юлю и Фаддейку, окружил мохнатой темнотой, запахом увядающих листьев.

— Держись за меня, — опять сказал Фаддейка и сам взял Юлю за руку. Рыжий свет фонарика метнулся по высоким сорнякам и беспомощно в них запутался. Фаддейка бесстрашно устремился в чашу, и Юля тянулась как на буксире. Жесткие стебли скребли по джинсовым штанинам. Было жутковато, но как-то не по-настоящему. Будто во сне.

За рукав зацепилось какое-то острие, вроде наконечника пики. Юля повела рукой и нащупала частую решетку.

— Постой. Здесь что-то непонятное...

— Все понятное, — шепотом сказал Фаддейка. — Могилки старые, тут раньше кладбище было...

— Ты нарочно меня сюда потащил? — слабым голосом спросила Юля. Ей хотелось тихонько завывать с перепугу.

— Конечно. Здесь короткая дорога... Ты не боишься?

Тогда она рассердилась. На себя и на этого обормота:

— Я за тебя боюсь, дурень. Обдерешься или глаз выколешь...

— Не-е... Пришли уже.

Они уперлись в решетчатую загородку церковного двора. Многих прутьев не было, везде лазейки. Когда пробрались, Юля, опасливо озираясь, прошептала:

— А ночного сторожа здесь нет?

Фаддейка хихикнул:

— Только привидения. Бывший воевода и его солдаты.

— Да ну тебя...

Подошли к чернеющему входу на колокольню, и Фаддейка строго сказал:

— Стой здесь. Я сейчас...

Юля не успела заспорить, он ускользнул в черноту, там желтой бабочкой пометался и пропал свет фонарика. «Ползу следом», — отчаянно решила Юля. Но не успела. Фаддейка выкатился назад невредимый и веселый.

— Вот твоя сумка.

— Ой... вот хорошо. Спасибо, Фаддейка.

— За что? — хмыкнул он. И спросил: — Пошли обратно?

— Только не через могилки, ладно?

— Сейчас можно по берегу.

От церкви на обрыв их привела невидимая в траве, но осязаемая своей твердостью дорожка (видимо, мощенная кирпичом). Ночь совсем почернела, даже на западе исчез белесоватый полусвет. Река была почти неразличима. На том берегу уютно горели окошки. Но ярче этих огоньков сияли белые большие звезды, а между ними светилась звездная пыль. Кроме белых звезд были переливчато-голубые и желтые.

Фаддейка показал на одну, голубоватую:

— Вот это Юпитер. В хороший бинокль у него спутники видно. Мне наш сосед, студент Вася, бинокль давал... А Марса сейчас не видать... — Он помолчал и добавил другим голосом, снисходительным: — А ты ничего, не боязливая.

— Ты тоже ничего...

Фаддейка посопел и вдруг признался:

— Нет, я часто боюсь. Только я себя... ну... перегибаю. Я первый раз на колокольню знаешь как боялся лезть! Прямо все внутри дрожало. А я потом еще раз, еще...

— Когда страх пересиливаешь, это и есть смелость, — сказала Юля.

— Наверно... — шепотом ответил Фаддейка.

Они вышли на верхнюю площадку лестницы, и Юля остановилась. «Какой длинный день получился», — подумала она.

Хорошо было под звездами. Только слишком прохладно. Юле показалось, что Фаддейка вздрогнул.

— Зябнешь, — обеспокоилась она. — Куртку дать?

— Нет, нисколько не холодно... А знаешь, почему я стараюсь страх перегибать? Потому что от него всякие предательства бывают.

— Это верно, — вздохнула Юля.

— А когда человек изменником делается, это хуже всего в жизни, — тихо сказал Фаддейка. — Я этого больше всего на свете боюсь.

В печальном его полушепоте ощутилась вдруг такая тревога, что Юля поежилась и ладонями сжала Фаддейкины плечи — тонкие и теплые.

— Да ты что? Чего ты боишься? Никогда с тобой такого не случится...

— А если вдруг нечаянно... — еще тише сказал он.

— Разве это бывает нечаянно?

Фаддейка шевельнул плечами под Юлиными ладонями. Сумрачно шмыгнув носом и прошептал:

— Иногда такой дурацкий сон снится, будто я кого-то предал случайно и тут уж ничего нельзя сделать, хоть убейся. Если даже убьешься, это ведь все равно не исправишь...

— Какие-то у тебя сны неудобные... — опять поежилась Юля.

— Ну нет, мне и хорошие снятся. Но такой — тоже... Фаддейка ускользнул из-под Юлиных рук и спросил уже другим голосом, побойчее: — А если у тебя два друга и так получается: если спасти одного — значит изменить другому? Как тут быть?

— Ну... по-моему, так не бывает.

— Это вообще-то не бывает, но вдруг один раз случится?

— Тогда... я даже не знаю.

Фаддейка молчал с полминуты. Потом решительно сказал:

— А чего тут не знать? Надо помогать тому, у кого беда сильнее.

— Да... наверно. А с чего у тебя, Фаддейка, такие мысли? Грустные какие-то.

— У меня всякие мысли. Потому что думаются. А с чего — трудно сказать. — Он по-взрослому усмехнулся. — Люди про все на свете спрашивают: с чего да почему. И хотят, чтобы одна простая причина была. А причин всегда целая куча, и они перепутываются.

— Это верно... Пойдем домой, Фаддейка.

Он вдруг взял ее за руку — быстро и привычно, как бра-тишка.

— Пойдем, Юля.

Кино вниз головой

Утром Фаддейка стукнул в окно и позвал Юлю завтра-кать.

В кухне стояла на столе вареная свежая картошка с тонкими кожурками, лук, помидоры и молоко. Кира Сер-геевна сказала, чтобы Юля садилась, не церемонилась, а Фаддейку спросила:

— Руки-то вымыл?

— И лицо! Честное слово! Даже чуть веснушки не со-скоблил.

— Чучело, — вздохнула Кира Сергеевна. — Юленька, он вам вечером не надоел? Это такой болтун и липучка...

Фаддейка незаметно мигнул Юле: не проболтайся о ночных похождениях. Юля тоже подмигнула и сказала, что несколько не надоел, поговорили про то, про се, самую чуточку.

Фаддейка, кусая картофелину, вдруг высказался:

— Когда пойдешь на практику, надень какое-нибудь платье. А то Нина Федосьевна скажет: «Ах-ах, работница библиотеки в штанах!» У здешних женщин не современные взгляды.

— Фаддей! — сказала Кира Сергеевна и со стуком положила вилку.

Но Юля понимала, что Фаддейка прав.

Самой ей казалось, что стройотрядовское обмундирова-ние для ее внешности в самый раз, а в «девичьем наряде» она похожа на украшенную бантиками оглоблю. Но биб-лиотека — не строительство коровника и не турбаза. Юля надела босоножки и серое платье — мамин подарок: в этом платье все-таки похожа на человека. Настолько, насколь-ко может походить на человека девица баскетбольного ро-ста, с длинноносым лицом, вечными прыщиками на подбо-родке и жиденьким хвостом пегих волос.

Юля припудрила подбородок перед карманным зеркаль-цем, подхватила сумку и шагнула на крыльцо.

Там ее караулил Фаддейка.

— Я тебя до библиотеки провожу. Можно?

— Конечно! — обрадовалась она.

И Фаддейка стрельнул золотой искоркой из глаз.

Когда шли Береговой улицей к мосту, Юля спросила:
— А что, эта Нина Федосьевна очень строгая?

— Еще бы! А с теми, кто книжки портят, вообще ужас...

— Кажется, ее все здесь знают...

Фаддейка с удовольствием сказал:

— Здесь вообще каждый каждого знает. Это ведь не Москва. И не Среднекамск.

— Я смотрю, тебе здесь больше нравится, чем в Среднекамске...

— Как когда... Здесь интересно, старины много всякой. И ребята не деручие и не дразнючие.

Юля очень осторожно и ласково спросила:

— А что, Фаддейка, разве в школе тебя дразнят?

Он шевельнул плечами:

— Да вот еще! Откуда ты взяла?

— А я думала, что... ну, из-за волос.

Он удивился:

— Потому что рыжий? Да нисколечко! За это в старые времена дразнили, а сейчас наоборот! Рыжий — даже модно! У нас в классе трое таких, как я... Не в этом дело.

— А в чем?

— Ну... да ты не думай, что у нас плохие ребята! Только у них всегда нет времени. Кто на музыку бежит, кто в олимпийскую секцию, кто еще куда... Получается, что людям просто некогда дружить.

— А здесь?

Фаддейка рассудительно сказал:

— Одноклассников-то не выбирают, а здесь играй, с кем нравится.

Юля хотела деликатно возразить: мол, и в Среднекамске не обязательно друзей только в классе искать. Но Фаддейка заговорил опять. Уже по-другому, весело:

— Тут знаешь какие придумывальщики есть! Мы на той неделе воздушный шар из бумаги сделали, с дымом. И он по правде полетел! Красный, как марсианский глобус.

— А разве бывают марсианские глобусы?

— Конечно... Юль, а хочешь, я короткую дорогу покажу, не через мост? Я брод знаю, глубина не больше, чем тебе до колена. Хочешь?

Юля зябко поежилась.

— Я... наверно, хочу, но не сейчас. Мне за прошлые сутки хватило приключений.

Нина Федосьевна оказалась вовсе не строгой. Наоборот, была она очень милая и приветливая. Чем-то походила на Киру Сергеевну. Так похожи друг на друга бывают пожилые женщины, всю жизнь проработавшие в библиотеках, театрах или музеях.

Юле Нина Федосьевна очень обрадовалась. Во-первых, по доброте душевной, во-вторых, потому что «видите ли, как получилось, Юленька, одна наша сотрудница вышла на пенсию и уехала к сыну, а вторая в декретном отпуске. И я кручусь, кручусь и ежедневно прихожу в отчаяние...».

Она мелко засмеялась, прижимая кончики пальцев к седым вискам. Юля тоже улыбнулась и подумала, что здесь ее то и дело называют Юленькой. Версту коломенскую...

— Только работа, Юленька, будет для вас, наверно, скучноватая: читателей сейчас мало, а дело такое: надо перебрать и сверить каталоги, переписать некоторые карточки абонементов. В них полный хаос...

Юля сказала, что работу она видела всякую, скучать не станет, а веселиться, если придет такое настроение, будет после рабочего дня. При этом почему-то вспомнила Фаддейку. И не откладывая взялась за дело.

Сначала она принялась разбирать по алфавиту читательские карточки, которые молодая работница абонемента (ныне пребывающая в декрете) действительно держала в «порядочном беспорядке». Неожиданно дело оказалось совсем не скучным. За каждым именем Юле представлялись живые мальчишки и девчонки: аккуратные отличницы, берущие книжки по программе; растрепанные троечники, которые читают в основном про шпионов и про космос; юные изобретатели — те, что глотают, как «Трех мушкетеров», «Занимательную физику», «Теорию относительности для всех» и свежие номера «Техники — молодежи», шумливых октябрят, спорящих из-за очереди на «Буратино» и «Волшебника Изумрудного города»; озабоченных десятиклассников, которые перед экзаменами выпрашивают на лишней денек Белинского и Добролюбова...

Некоторые карточки были просто готовые портреты и характеры. Трудно разве представить, например, второклассника Николая Вертишеева, дважды бравшего «Приключения Незнайки», или Элли Лебедушкину, читающую биографию Рахманинова из серии ЖЗЛ?

Могли, конечно, быть ошибки. Вертишеев мог оказаться тихим мальчонкой, который никогда не вертится на уроках, а Лебедушкина — неуклюжей девицей, не умеющей сыграть гаммы... Но вот попался портрет знакомый и точный! «Фаддей Сеткин»...

— Ой, Нина Федосьевна! Это же Фаддейка, да? Племянник Киры Сергеевны?

Нина Федосьевна охотно оторвалась от ящика с каталогом.

— Ну разумеется! Вы уже познакомились? Ах да, вполне понятно...

— Ох, познакомились, — сказала Юля. — Весьма даже...

Нина Федосьевна покивала и поулыбалась:

— А знаете ли, Юленька, он славный мальчик. Правда, слишком замурзанный и немного шумный...

(Юля уже поняла, что больше всего Нина Федосьевна боится шума, и это казалось непонятным у заведующей детской библиотекой; но зато других недостатков у Нины Федосьевны, кажется, больше вообще не было.)

Юля охотно согласилась с краткой Фаддейкиной характеристикой и заглянула в карточку.

Читательские интересы Фаддея Сеткина были крайне разнообразны. Если не сказать — беспорядочны. «Приключения Электроника» и «Оливер Твист», «Словарь юного астронома» и «Воспоминания о сынах полков», «Сказки народов Севера» и «В плену у японцев» капитана Головина. А еще — «Казачьи» Толстого, «Малыш и Карлсон» и «Мифы Востока»...

— Ну и ну, — сказала Юля.

Нина Федосьевна опять покивала:

— Бессистемное чтение, но что поделаешь.. И ходит нерегулярно. То глотает семь книжек за неделю, а то не показывается полмесяца. Но с книжками очень аккуратен! Новые даже обертывает... Правда, один раз мы с ним поссорились.

Юля вопросительно подняла глаза.

— Нет-нет, не из-за неряшества. Мы крупно поспорили из-за «Аэлиты». Вы же знаете, Юленька, детям эта книга всегда нравится, а наш милый товарищ Сеткин прочел и заявил категорически: «Чушь!..» Я даже очки уронила. «Как, — говорю, — ты можешь так об Алексее Николаевиче?..» А он знает что? «Если Алексей Николаевич, значит, врать можно?» — «Что значит, — возмутилась я, — врать? Это же фантастика! Писательское воображение! Ты

же сам столько фантастики перечитал и всегда хвалил!» И что же отвечает мне этот юный ниспровергатель классиков? «Фантазировать надо тоже с умом! На Марсе все не так. «Марсианские хроники» Брэдбери и то лучше»... Я, конечно, и сама равнодушна к Брэдбери, это, безусловно, талант, но... В общем, я не выдержала и сказала, что таких критиков следует ставить носом в угол. И расстались мы сухо.

— А потом? — смеясь, спросила Юля.

— Он не появлялся неделю. А потом откуда-то узнал про мой день рождения и притащил целый сноп васильков. При этом был в новой рубашке и сиял, как начищенный колокольчик.

— Он и сегодня хотел прискакать, — вспомнила Юля. — Обещал в обед меня навестить.

Но Фаддейка пришел только в конце дня. Встрепан и помят он был больше обычного, к оранжевой майке прилипли золотистые чешуйки сосновой коры. Он сообщил, что тете Кире привезли дрова и пришлось их укладывать на дворе в поленницу.

— Таскал, таскал, чуть пуп не сорвал, — он стрельнул искристым глазом в сторону Нины Федосьевны.

— Фаддей... — страдальчески сказала она.

— Ой, простите, Нина Федосьевна! Я нелитературно выразился, да?

— Юля, может быть, хотя бы вы займетесь воспитанием этого гамена? — простонала Нина Федосьевна. — Кира Сергеевна, видимо, уже отчаялась.

— Займусь, — пообещала Юля и показала Фаддейке кулак. Он потупил глазки, но тут же дурашливо сказал:

— Гамен — это парижский беспризорник? Вроде Гавроша? Значит, здесь у нас Париж, ура! Да здравствует баррикада на улице Шанврери!

— Не Шанврери, а Шанврери, — подцепила его Юля. А Нина Федосьевна скептически произнесла:

— Можно подумать, ты читал «Отверженных»...

— Можно подумать, нет! — возмутился Фаддейка.

— Он читал детское издание про Гавроша, — снисходительно разъяснила Юля.

— Фиг тебе! Я все читал.

— Фаддей... — опять простонала Нина Федосьевна.

— А чего она... У нас дома десять томов Гюго, подписное издание.

Юля хмыкнула:

— И ты осилил?

— «Отверженных» осилил. И «Собор Парижской Богоматери». Только маленько пропускал, всякие длинные описания. Нина Федосьевна, Юле уже можно домой? Она будет воспитывать меня по дороге.

Когда шли к дому, Юля сказала:

— И чего это утром ты напел, что Нина Федосьевна строгая? Она добрейшая душа... На тетю Киру похожа.

— Ну и что же, что похожа? Тетя Кира тоже всякая бывает. Когда добрейшая, а когда ой-ей-ей.

— Ну, ты, наверно, и ангела небесного можешь до «ой-ей-ей» довести...

Фаддейка хихикнул:

— Не, я хороший... — И сказал серьезно: — В этом году у нас с тетей Кирой контакт. А в прошлом году мы еще по-всякому... Притирались друг к другу.

— Притиралась терка к луковице. Сплошные слезы...

— Ага... Мне от нее один раз тогда знаешь как влетело... — Фаддейка сказал это со странной мечтательной ноткой.

— За что?

— В том-то и дело, что ни за что... Я сижу, молоко пью, а она вдруг говорит: «А ну-ка дыхни». А потом: «Покажи-ка, голубчик, карманы». А там окурки и крошки табачные... Ой, что было!

— Всыпала небось? — пряча за усмешкой сочувствие, спросила Юля.

— Да не-е... На губу посадила.

— Куда?

— На гауптвахту. Говорит, выбирай: немедленно едешь домой или будешь сидеть до ночи под арестом. В сарае.

— И выбрал сарай?

— А что я, ненормальный — домой ехать? Здесь вон как здорово, а там в лагерь отправят.

— Да еще и досталось бы от мамы за курение, — с пониманием заметила Юля.

Он вскинул возмущенные глаза:

— Да ты что? Думаешь, я по правде курил, что ли? Мы с ребятами мыльные пузыри с дымом пускали! Дым в рот наберем, пузырь надуем, он и летит вверх. А потом лопается, как бомба...

— Все равно дым во рту — это гадость.

— Ну, пускай гадость. Но не курил же!

— А тете Кире ты это объяснил?

— Думаешь, она слушала? Как разошлась... Ну, я решил: пусть ее потом совесть мучает. Целых три часа сидел, почти дотемна.

— Потом выпустила?

— Уже собиралась, да я раньше забарабанил.

— А чего? В темноте неуютно стало?

— Да при чем «неуютно»? Гауптвахта-то была ведь... без этого. Без удобств. Сколько вытерпишь?

Юля засмеялась. Фаддейка весело посопел и сказал:

— Тут я ей все и объяснил. Она сперва, как ты, говорит: «Все равно это гадость!» А я ей доказал, что это научный эксперимент был, а люди из-за науки еще не такие гадости терпели. Она засмеялась: «Вот и пострадал за науку, как Галилей». А потом говорит: «Ладно, помиримся, не сердись на старую тетку...» А я и не сердился.

— А не обидно было невинowатому сидеть?

— Обидно немного. Зато интересно. Я до тех пор ни разу арестантом не был! А тут почти как по правде... Всякие мысли думаются, когда сидишь. Воспоминания всякие...

— Какие?

— Ну, разные! Про Буратино, как его Мальвина тоже ни за что в чулан посадила. Про Железную Маску... А то вдруг показалось, что я к врагам в плен попал и меня завтра расстрелять должны. Даже хотел подземный ход рыть, да тут кино началось...

— Что?! Ты с телевизором сидел?

Он засмеялся и замотал головой так, что рыжие космы разлетелись пламенными языками.

— Там свое кино получилось! Тайное... Вот придем, покажу.

Во дворе Фаддейка повел Юлю в угловой сарайчик. Там стоял верстак с тисками, лежали обрезки досок.

— Смотри, — прошептал Фаддейка и плотно прикрыл дверь.

Над верстаком, на стене, обитой довольно чистой фанерой, выступило яркое пятно. На нем ясно обозначились качающиеся ветки рябины с оранжево-красными гроздьями, край крыльца, забор, желтые облака над забором. Точнее — под забором, потому что все было перевернуто... Вниз головой сошла с крыльца маленькая тетя Кира в ярко-синей кофточке. Она, кажется, созывала кур.

— Как интересно! — восхитилась Юля.

Но не удивилась. Такой фокус ей был известен еще с уроков физики: маленькое отверстие может служить объ-

ективом, как увеличительное стекло, и давать четкое изображение. Темный сарайчик превратился как бы во внутренность громадной кинокамеры, а объективом была дырка от сучка — она светилась в двери.

— И правда кино, — сказала Юля.

— Сейчас еще не очень интересно. А позже, когда закончат, тут знаешь какие сказки получаются! Можно что хочешь увидеть, особенно когда облака горят... Все такое красное и золотистое, и будто... Ну, как на другой планете.

— Фаддейка, но ты же не любишь выдумки, — осторожно поддразнила Юля.

Он настороженно огрызнулся:

— Кто тебе сказал?

— Нина Федосьевна. Как ты разругал «Аэлиту».

— «Аэлита» — другое дело. Потому что все там не так. А тут наоборот, так.

Юля почуяла его ошетиненность и примирительно сказала:

— Хорошее кино. Только жаль, что вниз головой.

— Ничего не жаль, даже интереснее!.. А если надо, я могу и так! — Фаддейка вскочил на чурбак, подпрыгнул и повис на турнике — это была тонкая труба, вделанная между стенкой и столбом, подпирающим крышу.

Фаддейка покачался, роняя незашнурованные кеды, крутнулся, закинул ноги на трубу и повис вниз головой. Столб качнулся. Толчок передался всему сарайчику, дверь с тонким пением отошла, и в открывшемся свете перевернутый Фаддейка возник во всей красе. Красно-апельсиновые клочья волос разметались, как борода Барбароссы. Широкие губы расползлись улыбкой-полумесяцем. Майка съехала до подмышек. На уровне Юлиных глаз горели на тощем Фаддейкином животе свежие царапины — следы недавней возни с поленьями, и темнел аккуратный, как электрическая кнопка, пуп. Юля засмеялась, хлопнула Фаддейку по пузу и сказала, что он свихнет шею.

— Не-а! Я могу так хоть сколько висеть. Хоть две серии настоящего кино...

Он закачался, устраиваясь поудобнее, — как летучая мышь, которая отдыхает вниз головой. Из карманов посыпались пятики, карандашики, мелкие гайки и стеклышки. Следом за ними на дощатом полу звякнула плоская медяшка. Фаддейка разогнул колени, мягко упал на руки и быстро накрыл ее ладонью.

Но Юля уже спросила.

— Ой, что это?

Фаддейка подумал немного, не подымаясь с корточек. Потом встал и протянул непонятную штучку Юле.

Это была бляшка из красноватой меди или бронзы. С неровно обрубленными краями, с коротким обрывком цепочки. Размером с очень крупную монету. Красиво и точно был отчеканен на металле вздыбившийся жеребец — каждый волосок можно разглядеть. Крошечный выпуклый глаз жеребца горел живой красной искоркой. Над конем разбрасывало колючие лучи маленькое солнце. По краю этой медали (или талисмана, или еще чего-то) шли непонятные значки. А может, буквы, только совсем незнакомые.

Обратная сторона медяшки была гладкая.

Юля подержала странную медаль на ладони — тяжелую и удивительно холодную, словно с зимней улицы принесли.

— Что это, Фаддейка?

Он сказал не очень охотно, однако без промедления:

— Это тарга.

— Что?

— Ну... такое старинное украшение одного племени.

— А откуда оно?

— Ну... тут ведь много всяких старых редкостей находят. Потому что исторические места.

Юля покачала таргу на цепочке.

— Интересная вещь... Только не похожа на старинную.

— Почему? — спросил Фаддейка почти испуганно.

— Смотри, она совсем не потемневшая. Даже обычная, не старинная медь быстро темнеет, а эта будто только что из-под штампа...

Фаддейка взял таргу, тоже подержал на цепочке и сказал непонятно:

— Это особая бронза. Когда воздух очень редкий и холодный, она в нем будто заколдованная делается... И потом уже никогда не темнеет.

* * *

...В редком холодном воздухе медный сплав не темнел. Востер и время изглодали, изрыли камни сигнальных арок и башен, которые там и тут поднимались над красными дюнами в лиловом небе, а колокола блестели на них, как новье. Маленькое, почти не греющее солнце отражалось в полированных боках колоколов колючими звездами.

Эти спящие вспышки сердили коня. Он мотал голо-

вой, фыркал, рывками выдирает из песка увязающие копыта и выгибал длинную шею, оглядываясь на всадника. Но закутанный в плащ всадник был неподвижен. Он знал, что конь помнит дорогу и сам отыщет ее в песках.

Второй конь, без седока, был спокоен и шел позади, не натягивая поводя. Это был длинногривый смиренный конек из породы низкорослых песчаных лошадок.

Скоро подковы стукнули по разломанным полузасыпанным плитам — лошади ступили на остатки древнего тракта, когда-то тянувшегося по границе пустыни и леса. Лес давно отступил к северу, кругом лежали только вылизанные ветром плоские красные холмы. Ветер, постоянный и бесконечный, прижимал к холмам черные стебли стрелоцвета и нес тонкую песчаную пыль. Этот невидимый песок еле слышно звенел вокруг колоколов, начищая их и без того сверкающие бока...

Безлюдье оказалось обманчивым. Из-за ближнего холма метнулись к дороге три всадника. Встали на пути. Тот, что был впереди, поднял над кожаным шлемом руку в боевой перчатке. Громко сказал:

— Кто ты? Остановись и ответь!

Но одинокий всадник не задержал коня. Он подъехал к начальнику патруля вплотную и лишь тогда поднял медный козырек глухого шлема.

— Простите меня, Фа-Тамир, — вполголоса проговорил начальник. — Я не узнал. Как я мог думать, что вы здесь...

— Это ты, Дах? Здравствуй, старый дружище... Сколько же мы не виделись?

Дах наклонил украшенный командирской цепочкой шлем.

— Одному Владыке времени ведомо сколько... Помому, с похода через Черные Льды... С тех пор вы стали знамениты.

— Ты по-прежнему начальник сторожевой сотни, Дах?

— По-прежнему, Фа-Тамир.

— Зря ты не поехал тогда со мной в королевский стан.

— Я не жалею, Фа-Тамир. У каждого свой путь по Кругу времени. И моя судьба легче вашей...

— Наверно, ты прав, Дах! Но разве мы искали легкой судьбы!

— Не искали, Фа-Тамир. Судьба решает сама.

— Ты думаешь? — Фа-Тамир внимательно глянул в лицо давнего товарища по боям и походам. Это было лицо старого бойца — коричневое, с похожими на шрамы морщинами и черными точками въевшихся песчинок. Ветер

шевелил седую бороду. Широкие глаза с пожелтевшей, не боящейся песка роговицей смотрели устало и спокойно.

«Мы все такие, — подумал Фа-Тамир. — Мы все устали...»

— Как служба? Спокойно ли вокруг?

— Пустынный край, Фа-Тамир. За сорок дней вы первый на этой дороге... Можно ли спросить, куда ваш путь?

— Наклонись.

Дах нагнулся в седле и снял шлем. Фа-Тамир сказал ему тихо несколько фраз.

— Вот как... — Дах удивленно шевельнул рыжими бровями. — Но разве не могли послать гонцом простого воина?

— Рядового гонца к сету? Что ты, Дах! Король не нарушит обычая... Да и откуда простому воину знать этот путь?

— Вы правы... Король мудр, и мудрость его велика так же, как загадки Круга времени... — Дах не договорил, и в наступившем молчании Фа-Тамир уловил вопрос. Он оглянулся. Двое всадников почтительно держались поодаль.

— Говори, Дах, что думаешь. Мы давно знаем друг друга.

— Простите, Фа-Тамир, не мне судить о решениях повелителя иттов... Но почему он дал титул сета безродному найденышу? Ведь сеты равны воинам с королевской кровью.

— В нас одна кровь, Дах... А мальчик оказался храбр, ему сразу покорился самый огненный конь... К тому же мальчик знал то, чего не знали итты. Он сказал, что ветер — вечный враг наш — может стать помощником. Научил натянуть над колесницами похожие на крылья шкуры и ткани, и колесницы сами побежали по пескам...

— Разве у иттов нет лошадей?

— Лошадям нужен корм, а его все меньше среди песков, ты знаешь это сам. Ветер же неутомим и не требует ничего... А еще мальчик рассказал, как разжигать огонь с помощью льда.

— Не может быть!.. О, простите, Фа-Тамир.

— Он научил нас вырубать из ледяных глыб ровные круги с выпуклыми, как щиты тауринов, поверхностями. Эти поверхности женщины заглаживали мягкой кожей и теплыми ладонями до блеска. И поверь мне, Дах, я видел это сам — такой прозрачный круг собирает лучи солнца в жгучую точку, и она зажигает сухую траву...

— Это немыслимо, Фа-Тамир...

— Но это так. Теперь наши мастера научились делать такие круги из ясных горных кристаллов и отливать из расплавленного песка. У этих нетающих льдинок есть еще одно непостижимое свойство. Когда смотришь сквозь них на мелкий предмет, он видится во много раз крупнее. Благодаря этому чуду наши собиратели знаний открыли множество тайн, которые раньше были скрыты от человеческого взгляда.

— Откуда такая мудрость в ребенке?

— Здесь много непонятого, Дах... Когда мальчик ушел, король долго печалился. А теперь... — Фа-Тамир снова склонился к начальнику патруля. Услышав тихие слова, Дах долго молчал.

— Печальная весть, — наконец сказал он.

— Да. И потому я спешу. Спокойной стражи, Дах.

— Прощайте, маршал. Счастливого пути по Кругу...

* * *

...Фаддейка опустил таргу в карман. Он пятерней причесал вихры, заправил майку, натянул кеды. На Юлю не смотрел. Было заметно, что ему больше не хочется говорить о тарге. А Юле хотелось расспросить подробнее. Но она взглянула на часы и спохватилась: уже начало седьмого, а почта закрывается в семь.

Письма́ для нее на почте (конечно же!) не было. Просто свинство какое-то! По всем срокам ему полагалось прийти. Юрка должен был вернуться из плавания в середине июля и обещал написать немедленно. Ну ладно, знаем мы эти «немедленно»! Три дня на раскачку. Пускай еще задержка какая-то. Но все равно пора...

Вернулась Юля в унынии, за ужином была хмурая. Фаддейка куда-то умчался, и Юля была даже рада: не хотелось разговаривать.

Но когда она пришла к себе, легла не раздеваясь и начала грустно размышлять, что же с Юркой и с письмом, а Фаддейка возник в окошке, она обрадовалась. Потому что письмо, наверно, завтра придет, и сидеть одной весь вечер в тоске и печали — это уж чересчур.

Фаддейка высунул из-за подоконника голову и вопросительно кукарекнул.

Юля улыбнулась ему.

Фаддейка обрадованно взгромоздился в оконный проем и вдруг встал на подоконнике на голову, а прямыми, как трости, ногами в «языкастых» кедях лихо уперся в верхний карниз. Майка опять съехала на грудь.

— Откуда вы, сударь? — поинтересовалась Юля.

— «Сударь» опять смотрел кино вниз головой, — сообщил он, пребывая в перевернутом состоянии.

— Падай сюда, — пригласила Юля.

И Фаддейка со стуком рухнувшей поленицы свалился на пол.

Юрка

Деловито поплеывая на ладонь, Фаддейка потер ушибленный локоть, уселся на подоконнике, свесил ноги, покачал ими. Проницательно глянул на Юлю.

— Почему ты кисло-вареная?

Юля не стала хитрить и отпираться:

— Письмо жду, а его нет.

— От кого письмо-то?

— Все тебе надо знать... От одного знакомого.

— От того моряка, да?

— Фаддей... — вздохнула Юля. — У тебя ногти не стрижены и пальцы в цыпках. Не лезь ими в мою страдающую душу.

Но Фаддейка полез:

— Он твой жених, что ли?

Юля скорбно сказала:

— Нахал. Иди, я тебе уши надеру.

— Пожалуйста... — Фаддейка хихикнул. — Если твоей страдающей душе будет легче от этого...

Он подошел, сел на край топчана, подставил тонкое розовое ухо с чешуйками облезавшей кожи.

Юля засмеялась:

— Сперва пыль с них отряхни... Ох и дурень ты, Фаддейка.

— Я же еще и дурень!

— А кто? Я!

— А может, я?.. У всех девушек бывают женихи, и все почему-то делают из этого секрет. Смех, да и только.

Юля вдруг сказала с перепадом в голосе и настроении:

— Ой, Фаддейка, я секрета не делаю, просто это для меня самой секрет. Мы про такое с ним никогда не говорили.

Но она сказала неправду. Про такое говорили. Юрка говорил. Еще в девятом классе, весной. Он пришел к ней после футбольной свалки, которую сам деловито организо-

вал с пятиклассниками на покрытом грязью и талым снегом пустыре. Штаны его были мятые и перемазанные, а старый школьный пиджак лопнул под мышкой.

— Зашей, — сказал Юрка.

Юля зашивала и пилила его за то, что такая верзила, а все как маленький. Он и в самом деле вел себя иногда как первоклассник: прорезалась в нем этакая октябрятская дурашливость. Но чаще было наоборот — рассуждал Юрка обстоятельно и умудренно. Тоже сверх меры.

Сейчас, из коридора, где Юрка чистил штаны, донеслось:

— Не скрипи, не жена еще.

— Че-го? — изумилась Юля. — Что значит «еще»?

— То и значит. Вот выйдешь замуж, тогда и ворчи.

— Это за кого я выйду? За тебя, что ли?

— А за кого же? — отозвался он хладнокровно.

Юля так и не поняла: настоящая это серьезность или скрытое издевательство. Он умел, Юрочка, под наивной невозмутимостью спрятать жало.

В любом случае Юркины слова были достойны всяческого негодования, и это негодование Юля бурно излила на нечесаную голову самозваного жениха и даже бросила в него через дверь тапочкой. Юрка снисходительно увернулся и проговорил, отряхивая брюки:

— Дак я не понимаю: чего ты бесишься-то? Я думал, это дело решенное.

— Что решенное, идиот?!

— Что мы в конце концов распишемся. — Он нагнул голову под второй свистнувшей тапочкой и пожал плечами: — Ты же сама никогда не спорила, если говорили «жених и невеста».

— Кто нам говорил такое?! Когда?!

— В седьмом классе еще.

— Не было такого ни разу!

— Было. За что я, по-твоему, Андрюхе Пылину шею мылил?

— Ты? Мылил? О, Господи...

— Ну, значит, ты не помнишь, — миролюбиво разъяснил Юрка. — Было такое один раз... А может, ты и не знала.

— Дурень. Это же еще детство было. Мы тогда только познакомились.

...«Познакомились» — это неточное слово. Учились вместе они с четвертого класса. Но были друг для друга — что есть, что нет. Чем он мог быть интересен девочке,

этот неразговорчивый тощий мальчишка — нестриженный, в потертых на коленях штанах, с исцарапанными и перемазанными краской запястьями, которые торчали из слишком коротких рукавов?

Впрочем, и Юля большой популярностью в классе не пользовалась. Тем более что в замшевых курточках в школу не ходила, в музыкальных записях не разбиралась, хотя отец и подарил ей на день рождения японскую «коробочку» знаменитой фирмы «Сони». Прозвище Спица в глаза Юле никто не говорил (за это можно было и плюху схлопотать), но за спиной кличка порой шелестела и не отлипала от Юли все годы.

Однажды в октябре, в седьмом классе это было, Юля дежурила в кабинете литературы. Она вытирала пыль на книжных полках и услышала разговор, который вела с несколькими девчонками первая красавица класса Настенька Прокушина. Речь шла о ее, Настином, дне рождения, обсуждался список гостей.

— Надо и Спицу позвать, — предложила Настенькина адъютантша Светка Терещенко. Юлю девчонки не видели, ее закрывал стеллаж.

Анастасия Прокушина томно сказала:

— Девочки, мне не жалко, но она танцует как отравленный страус. Что она будет у нас делать?

— На кухне поможет, — ехидно предложил кто-то. — А не позвать все-таки неудобно.

Светка добавила:

— У нее папа сама знаешь кто. Небось раскошелится на такой подарочек, что ахнешь...

Юля, помахивая тряпкой, вышла из-за стеллажа.

— Можно просчитаться, — сообщила она обалдевшим девчонкам. — У папы служебные неприятности, его могут понизить в должности, тут уж будет не до подарочка... Так что я лучше в кино завтра схожу. Расходов всего полтинник на две серии, а смотреть на Клаудию Кардинале все-таки приятнее, чем на вас.

Анастасия обрела самообладание быстро. Ласково пропела:

— Юлечке хорошо. На любое кино «детям до шестнадцати» можно без паспорта.

— На «Мушкетеров» всех пускают, — хладнокровно отозвалась Юля. — Не всем, правда, это понятно: ни машин, ни красавцев в джинсах...

— И с кем это ты пойдешь? — ехидно поинтересовалась Светка.

— Да уж не с твоим Коленькой Каплуновым из восьмого «В».

— Он с тобой и сам не пойдет. У него каблуков таких не найдется, чтобы тебе хоть до плеча достать...

— Вот именно, — отрезала Юля и неожиданно сказала: — Шумов, пошли завтра на «Мушкетеров».

Юрка вытирал доску. Он был настолько «из других сфер», что девчонки при нем обсуждали свои дела не стесняясь.

Интересно, что Юрка не удивился. Согласился неторопливо и спокойно:

— Завтра? Ну, давай...

— Два сапога — пара, — хмыкнула Светка.

— Две оглобли — упряжка, — со вздохом уточнила Анастасия.

А юркая и ехидная Танька Бортник довела характеристику до точки:

— Два столба — виселица.

— Пять куриц — суп с потрохами, — сообщила в ответ Юля и секунду размышляла, не пустить ли в Таньку тряпкой, но решила быть выше мелочей и гордо ушла из класса.

О разговоре с Юркой Юля забыла, тем более что завтра ей полагалось идти на занятия в турсекцию Дворца пионеров. И она удивилась, когда Юрка подошел на следующей перемене и деловито спросил:

— Дак насчет кино-то как?

Ей сказать бы сразу: ерунда, мол, это я пошутила. А она с чего-то растерялась и хмуро брякнула:

— Договорились же. Давай на четыре часа.

— Давай. Только ты билеты возьми сама, заранее. А то я смогу лишь к самому началу прийти, не раньше.

Тогда Юля рассердилась. То есть не очень даже рассердилась, а удивилась такому нахальству. И оскорбленно сказала:

— Балда! Его девочка в кино приглашает, а он: купи билеты!

С Юрки ее оскорбленность — как с гуся вода. Он объяснил вразумительно:

— Девочка должна понимать, что у меня завтра дела дома вот столько, — он чиркнул ладонью по тощему длинному горлу.

И Юля, вместо того чтобы оскорбиться снова, вдруг согласилась:

— Ладно уж, раз ты такой занятой...

...Если бы она знала! Он появился у кино «Якорь», где шли старые «Мушкетеры», за две минуты до начала. И не один, а с двухлетней закутанной девчонкой, которая цеплялась за его штанину и смотрела снизу вверх преданными глазами-пуговками.

— Это что? — изумленно выдохнула Юля.

— Не что, а кто, — уточнил Юрка. — Маргарита.

— Зачем?

— А с кем я ее оставлю? Ясли на карантине, Ксенька вторую неделю в больнице с воспалением, мать мотается между больницей и работой...

Дребезжал уже второй звонок.

— Идем, — ледяным тоном произнесла Юля.

Маргариту пустили, конечно, без билета. Места были недалеко от края, Юрка сказал:

— Давай я ближе к проходу сяду. Две серии без перерыва, она все равно запросится...

Юля мысленно застонала и уставилась на экран, где еще ничего не было.

Маргарита оказалась покладистой девчонкой, не возилась и не хныкала, добросовестно тарашилась на машущих шпагами мушкетеров и гвардейцев. Но в начале второй серии она в самом деле беспокоило забормотала Юрке в ухо. Что-то шепотом объясняя соседям-зрителям, Юрка выбрался из ряда, а через пять минут так же вернулся. Грузной тете, которая сердито шипела и не хотела подбирать ноги, Юрка внушительно сказал:

— У самой, видать, маленьких не было. Ребенок разве виноват?

Тетя задышала, как перегретая кастрюля-скороварка. Она была жутко противная, и Юркино поведение Юле понравилось. И слова его показались справедливыми. В самом деле, ребенок разве виноват? Досада на Юрку еще сидела в Юле, но к досаде примешалась непонятная виноватость. Юля оторвалась от кино и покосилась вбок. Освещенное экраном Юркино лицо — худое, с торчащими скулами — казалось бледным и даже чуточку красивым. Почти как у Атоса. А смиренная Маргарита ласково посапывала, прижавшись щекой к Юркиной куртке.

И Юля прошептала:

— Давай, я ее подержу. У тебя, наверно, уже колени онемели.

И Юрка согласился:

— Подержи. — А обеспокоенной Маргарите сказал: — Не бойся, это Юля. А я тут, рядышком...

После кино, несмотря на Юлины возражения, Юрка с Маргаритой на плечах проводил Юлю до подъезда. Тогда она завела их к себе (тем более что Маргарита опять шептала Юрке на ухо), напоила чаем и сама проводила их до дома. Тогда Юрка оставил Маргариту с вернувшейся матерью и опять довел Юлю до ее подъезда...

Через месяц они как-то просто, ни у кого не вызвав удивления, стали для всех в классе «Ю в квадрате». Чаще всего это говорилось по-хорошему, без ехидства. Не все ведь были такие, как Анастасия Прокушина или глупый Андрюха Пылин...

...Но при чем тут женитьба?

Отношения их с самого начала были... ну, такие, которые старшеклассники с усмешкой называют «пионерскими». Так, по крайней мере, казалось Юле.

— Пень ты, Юрка, и чучело, — сказала Юля и швырнула ему зашитую куртку. — За будущими невестами ухаживают, их на руках носят и вообще...

— Тебя поносишь, — хмыкнул он. — А что «вообще»?

— Я же сказала... ухаживают...

— А я разве не ухаживал?

— Ты-то? Вот балда! Ухаживальщик! Мы даже...

— Что?

Ее будто за язык дернули:

— Даже не целовались ни разу.

Она тут же перепугалась, а он сохранил спокойствие:

— За этим все дело стало? Вообще-то, по-моему, это предрассудок, но если тебе очень хочется...

— Больно надо... Юрка, ты чего? Уйди, балбес! Я кому говорю! Юрка, я стукну!.. Ну, ты с ума сошел? Ма-ма-а!!

— Мамы же нет дома, — хладнокровно напомнил Юрка.

— Уйди, говорю! Ай!! Вон папа приехал!

За окном правда прошуршала отцовская «Волга».

— Пап всегда приносит не вовремя, — заметил Юрка, вытирая губы.

— Пошел вон, дубина! Видеть тебя не хочу!

— Ты же хотела мне еще штаны погладить, — напомнил он.

— Нахал!.. Поглажу, и убирайся...

...В восьмом классе все думали, что Юрка после экзаменов пойдет в ПТУ. Но он весной заявил, что останется в девятом. Это, конечно, всполошило и классную, и завуча — не подарок, мол. Но Юрка деловито сдал экзамены без троек и забирать из школы документы отказался. По-

пробовали вручить их почти насильно — тогда Юрка сказал, что не имеют права, и пообещал сходить к собору «Комсомолки». Газет завуч и директор боялись как чумы: недавно в «Молодом ленинце» была напечатана про школу статья: как «оптом» принимали здесь в комсомол сразу два седьмых класса и не приняли — по указанию завуча — лишь одного мальчишку. Речь шла о младшем брате Анастасии Прокушиной. В отличие от сестрицы, он был парнишка что надо и заступился за перепуганного первоклассника, которому громогласная тетушка-завхоз грозила за что-то немедленным изгнанием из школы, колонией и отрыванием головы. Это «вмешательство в воспитательный процесс» и разгневало завуча...

Услышав о соборе, от Юрки отступились. Но классная, которая считала откровенность своим большим достоинством, Юрке сказала при всех:

— Ты что, после школы в университет собрался? Из тебя студент, как из снежной бабы кочегар.

Юрка поблагодарил за остроумное сравнение и ответил, что куда он собрался, это его собственное, сугубо личное и никого других вот ни на столечко не касающееся дело.

Классная тогда выдала, уже не сдерживаясь:

— О матери бы подумал! В училище же стипендия, потом зарплата, стал бы помогать.

— Ничего, мы пока не голодаем, — хладнокровно сказал Юрка.

...Конечно, они не голодали. Но сказать, что у Юрки дома все благополучно, тоже было нельзя. Еще в седьмом классе, перед Новым годом, он зашел за Юлей, чтобы пойти в парк на лыжах, и вдруг вынул из оттопыренного кармана пачку трешек и пятерок.

— Спрячь куда-нибудь пока, а то потеряю.

Юля вытаращила глаза:

— У тебя откуда столько?

— У папаши получку забрал. — Юрка сказал это, как всегда, спокойно, только острые скулы его слегка затвердели. На секунду. Потом Юрка объяснил: — Он пришел и сразу — брык отсыпаться. Я и вынул. У него если деньги не забрать, может закеросинить с друзьями. А так просят — и все в норме... Ты не думай, он не так уж часто этим балуется, только с получки. Его приятели подбивают. Понимаешь, он хороший мужик, но бесхарактерный.

Юля слушала, мигая от удивления и неловкости. До сих пор она с такими жизненными драмами не сталкива-

лась. Немыслимо было, чтобы ее папа вернулся домой пьяным.

Отец командовал большим строительным управлением, пропадал на своих «объектах», «мотал нервы» на работе и совершенно «не умел жить». Жить умела мама. Благодаря маме у них был «дом, как у приличных людей». Именно она вовремя давала умные советы отцу: с кем знакомиться, где что говорить, что когда покупать и какие куда брать путевки. Отец отмахивался, но потом как-то незаметно соглашался. Это было проще, чем тратить время на споры. Несмотря на все различия с Юркиным отцом, папа тоже был «хороший, но бесхарактерный». На нем, по словам мамы, «ездили как хотели».

Но однажды Юля услышала, как отец взорвался. Во время телефонного разговора. Он кричал сбивчиво, хрипло, безудержно швыряя слова. Словно все вокруг рубил шашкой:

— ...Но, черт возьми, почему я в мирное время должен постоянно «бороться»?! Не выполнять план, а «бороться» за него! Бороться с бетонщиками из-за их бракованных плит, которые пускать в дело не имею права, а вы заставляете! Бороться с Петряковым, который забрал у меня два крана, а требует сдачи корпуса к декабрю! Бороться с этим жуликом Сочневым, которого вы навязали мне в замы, а он крадет плитку для дач!.. Вы прекрасно знаете чьих!.. Нет, именно крадет!.. И с вашим собственным идиотизмом бороться надоело, потому что план планом, но в домах-то этих люди жить должны!..

Он швырнул трубку, прошел мимо бледной мамы и очень спокойно сел смотреть телевизор.

— Всё, — в тихой панике сказала мама. — Это конец. Завтра он пойдет в дворники.

Но отец не пошел в дворники ни завтра, ни в следующие дни, хотя все знали, что говорил он так с человеком, чье имя в городе произносили с почтительным придыханием. Ничего плохого не случилось, даже «зама» Сочнева куда-то перевели...

Но через месяц отца увезли на «скорой» со вторым инфарктом. И не спасли...

Это случилось в сентябре, когда Юля и Юрка начинали учиться в десятом.

Все переменялось. Постарела и сникла мама. Пустой и чужой какой-то сделалась квартира с холодными, как льдинки, люстрами и громоздким югославским гарнитуром. Пропали куда-то знакомые...

Одно только изменилось к лучшему, если можно говорить так после всего, что случилось: мама, которая раньше Юрку едва терпела, сейчас встречала его доброй и немного виноватой улыбкой.

Юрка в те дни все время был рядом — молчаливый, мягко-деловитый и ненавязчиво ласковый...

Той осенью Юля навсегда перестала писать стихи. Здесь не было прямой связи со смертью отца. Просто она стала гораздо взрослее и серьезнее, однажды перечитала все свои сонеты и баллады о дальних островах и влюбленных флибустьерах и поняла, какая это чушь. На свете и так полным-полно скверных стихов (даже напечатанных), зачем же еще увеличивать и без того несметное их количество? Зачем маяться над глупо-напыщенными своими строчками, когда другие люди написали столько замечательных стихотворений и поэм?!

И романов!

И рассказов!

И вообще всяких удивительных книжек!

Книги Юля полюбила в те дни еще больше. И теперь в споре с самой собою все сильнее склонялась к решению, что быть ей не географом, не бродягой-геологом, а тихим и усидчивым работником библиотеки (а потом, может, и ученым-библиографом). Потому что в походках любила она не открытия, не находки всякие, не выкапывания минералов, а просто пути-дороги. И красоту этих дорог, лесов, озер и скал. Костры на привалах. Чуткие переборы ночных гитар среди дремлющих палаток. Утреннее солнце над росами и хитроватую желтую луну, что сквозь черные ветки поглядывает на притихших у огонька ребят... Но ведь такое любованье и бродяжничанье не сделаешь своей работой. А книги — это была целая жизнь. Надолго, навсегда. До самой старости. Потому что, когда ты с книгами, — ты сразу с тысячами разных людей. А Юле были интересны все человеческие жизни, во все времена, хотя со стороны она казалась сдержанной и даже замкнутой. Не только с посторонними, а даже и с друзьями. В туристской секции Юлю Молчанову звали Молчулия, ловко соединив имя, фамилию и характер. А иногда и Гран-Молчулия — имея в виду ее рост и отличие от Пти-Молчулии — тоже очень сдержанной, но маленькой Юльки Карпенко...

Впрочем, сдержанность Юлина не была сумрачной. Иногда Гран-Молчулия на привалах дурачилась не хуже мальчишек-пятиклассников. И песни у костра пела вместе со всеми...

Библиотечную работу Юля не считала ни однообразной, ни «малопрестижной». На чужие суждения о «книжных червях» и «библиотечных крысах» плевать она хотела. А что зарплата будет так себе, то здесь причин для тревоги она не видела. Проживет! Во-первых, при ее внешности лишние наряды все равно ни к чему. Во-вторых, несмотря на внешность, не будет же она до конца дней жить только с мамой...

А как она будет жить? Где?

Скорее всего, в каком-нибудь приморском городе. Лучше всего — на Дальнем Востоке. Светлая библиотека с застекленным фасадом будет стоять на склоне сопки — оттуда, с высоты, открывается вид на синюю бухту с белыми теплоходами, деловитыми буксирами и портовыми кранами... Конечно, среди множества судов Юля будет легко узнавать его корабль, когда он станет возвращаться из дальних рейсов... А пока он в рейсе, она будет ждать, грустить по вечерам, а днем выдавать неугомонным ребятишкам из соседних школ самые лучшие книги, проводить читательские конференции и... по выходным и во время отпуска опять же отправляться в походы по тамошним заповедным местам...

Помечтав так минут пять, Юля беспощадно обсмеивала себя за бестолково-детскую наивность, по-взрослому напоминала себе, что жизнь, скорее всего, окажется совершенно не такая: никаких библиотек над морем нет, мальчишки будут терять и рвать книги и курить потихоньку в библиотечном коридоре, времени на туристские развлечения не останется, а он...

Он между тем, как и хотел, поступил в Калининградское высшее морское училище рыболовного флота. И приезжал на каникулы, сверкая шевронами и якорями (от блеска которых растопыривали глаза и распускали губы все знакомые и незнакомые девицы). Приезжал он нечасто и ненадолго — осенью и зимой отпуска короткие, летом — практика. Переписывались они аккуратно, однако письма получались суховатые и всё как-то о делах, а вовсе не о каких-то там чувствах. У нее — про училище и про то, где теперь бывшие одноклассники. У него — про занятия штурманскими науками и плавания. Но если в Юлиных письмах была скрытая неловкость и скомканность, то в Юркиных — спокойствие и краткая деловитость.

Ни о каких семейных планах Юрка не писал и не говорил. Даже в шутку. То ли считал прежние разговоры дурашливой болтовней (и думал, что Юля так же считает),

то ли, наоборот, полагал, что все решено и нечего зря тратить слова. А может быть (Юля догадывалась об этом, все-таки она его характер-то изучила), он отчаянно стеснялся писать о главном. Несмотря на всю свою решительность, в каких-то вопросах он был до безобразия деликатен. Целоваться тогда полез, дубина такая, потому что вроде бы игра была, а потом, когда принес букет на день рождения, краснел, как эти самые розы.

В общем, поди разберись! Да и в чем разбираться? Откуда она взяла, что у Юрки есть к ней что-то, кроме обычного приятельского отношения? Если есть, мог бы сказать, в конце концов, а то чурка какая-то... И Юля прошлой осенью назло ему (а также потому, что любопытно и приятно) поддавалась ухаживаниям длинного изящного «политехника» Бори Шуйского, знакомого по туристскому клубу «Азимут». Значит, не такая уж она уродина, если Боря что-то в ней нашел!

Они ходили в кино, на выставку местной живописи и в кафе-дискотеку. И завистливые бывшие одноклассницы шепотом удивлялись им вслед.

А Юрка, прилетев на Октябрьский праздник, два дня спокойно и снисходительно смотрел на это безобразие. На третий день он встретил Юлю и Бориса в скверике у городского театра, и в руке у него был прямой железный стержень.

Юля обомлела от страха — и за Бориса, и, главное, за Юрку: попадет балда в милицию и прощай училище. Но все кончилось очень деликатно. Юрка улыбнулся, взял под козырек, потом под носом у слегка побелевшего Бори крепкими пальцами завязал на восьмимиллиметровой проволоке изящный узел, который на флоте называется «беседочный», а у туристов и альпинистов — «булинь». Затем он подарил стержень с железным узлом Боре на память, а Юлю взял под локоть и сказал:

— Извините, у нас дела.

Обмякшая от переживаний Юля покорилась молча и только через сотню шагов жалобно сказала:

— Ох и нахал...

— Я понимаю, — сочувственно отозвался Юрка. — Нахал и хлыщ. Конечно, ты стеснялась ему это сказать, вот и решил помочь.

— Ты нахал! — уже решительно уточнила Юля.

Юрка остался невозмутимым:

Да? А я думал, что нахальство — когда человек при-

езжает на несколько дней, а у него под носом такой спектакль.

— Тебе не кажется, что это мое личное дело?

— Кажется. Вот я и не вмешивался в него целых два дня.

— А зачем вмешался?

— Ну... — Он еле заметно усмехнулся. — Я же понимал, что тебе это будет приятно.

— Нахал, — сказала Юля третий раз, потому что ей на самом деле было приятно (хотя и жаль чуточку Борю Шуйского).

Юрка снисходительно разъяснил:

— Я же понимаю: бывает скучно одной, поразвлекаться хочется. Я ничего, не против. Только знай меру.

Это было уж совсем чересчур! И Юля собралась выпалить Юрке все свои мысли о его бессовестной наглости. Но одумалась и только ехидно спросила:

— А ты там тоже «развлекаешься»?

— Там — некогда, — вздохнул он.

— Ах, только поэтому.

Он не обратил внимания на издевательскую нотку. Серьезно спросил:

— Как ты думаешь, куда распределение просить? Можно остаться в «Запрыбхолоде» на Балтике, можно на Тихий океан.

— А я почему знаю?

— На Восток лучше. Но больше хлопот, конечно. Стариков придется перевозить и девчонок... А твоя мама согласится?

— А... моя-то мама при чем?

— А ты что, одну ее тут оставишь?

— Нет, ты в самом деле чудовищный и безграничный нахал. Ты меня-то спросил?

Он посмотрел на нее, пожал плечами:

— Все-таки женская психика — загадка... Ладно, получи диплом, тогда уточним.

...Летом он приехать не смог — курсанты сразу после сессии уходили в дальнее плавание — аж до самой Канады. Готовилась международная гонка больших учебных парусников. Так она и называлась — операция «Парус». Юрка вызвал Юлю к телефону, слышимость была неважная, минут на разговор отводилось немного, и весь разговор этот свелся к тому, что Юля уедет в Верхоталье на практику, а он ей обязательно туда напишет. Потому что

она ему писать не сможет: куда пошлешь письмо? «Атлантика, до востребования»?

— Ну и вот... — вздохнула Юля. — Было это в мае, а уже август к концу пошел. А писем нет ни одного... Я-то думала, их здесь целая пачка лежит... Может, случилось что в плавании? Ураган какой-нибудь...

— Если бы что случилось с «Крузенштерном», про это бы в газетах написали, — утешил Фаддейка. — Это же такой знаменитый корабль. Просто почта барахлит. Бывает... Юль, а у тебя его карточка есть?

Юля кивнула. Дотянулась до сумки, достала конверт, а из него — снимок.

Фаддейка разглядывал его недолго, но внимательно. Одобрительно сказал:

— Ничего он у тебя. Красивый.

Юрка не был красивый: скулы торчащие, нос сапогом, светлая клочкастая прическа. Но это был Юрка, и Юля не возразила. Кроме того, Фаддейка имел в виду, наверно, красоту курсантской формы.

— А это сестры его? — спросил он.

— Да... — Юрка был снят с обеими девчонками. — Они в нем души не чают. До десятого класса так и таскались за ним, как хвостики.

— Старшую как зовут? — деловито поинтересовался Фаддейка.

— Ксения... Славная такая. Маргарита вредная стала, как подросла, а эта спокойная, умница. Твоя ровесница.

— Вижу, — коротко ответил Фаддейка. Повертел в пальцах конверт. — Говоришь, писем нет, а это что?

— Это же старое еще, весеннее. И даже не мне, а сестрам, посмотри внимательно! Я конверт у девчонок взяла, потому что индекс училища забыла...

— Юль, он напишет, ты про это не бойся, — сказал Фаддейка. — Ты на него посмотри: это человек надежный.

Старая монета

Утром Фаддейки дома не оказалось. Кира Сергеевна объяснила, что ранним-рано за ним пришли двое мальчишек с соседней улицы. Там они строят не то плот, не то фрегат с громким названием «Беллинсгаузен», и Фаддейка у них главный советник.

— А правда, что Беллинсгаузен ваш предок? — поинтересовалась Юля.

Кира Сергеевна только рукой махнула. Она была не в духе. Юля знала почему: у старшей дочери начались нелады с мужем, а сын написал, что после армии хочет остаться во Владивостоке: влюбился и думает жениться...

Когда Юля шла Песчаным переулком к берегу, ей показалось, что за деревьями мелькнула морковная майка. Но далеко было, не разглядела. А на углу Песчаного и Береговой она услышала скандальный крик:

— Ну чего ты! Чего надо! Пусти, балда лысая, все равно ничего у меня нет!.. Пусти лучше, я укушу!

У забора, за пыльными кустами желтой акации, опять мелькнула знакомая майка, да и голос был Фаддейкин. Юля ринулась через кусты.

Длинный, стриженный наголо парень держал Фаддейку за штаны, обшаривал его карманы и равномерно отпускал ему аккуратные щелчки. Фаддейка извивался и подпрыгивал. Один кед его слетел и застрял среди веток.

Юля скачком преодолела три метра и ладонью длинно, с оттяжкой, вытянула хулигана по упругой шее. Тот икнул, завалился в кусты и завопил:

— Ты что, идиотка! С перепоя, что ли?! Глиста бешеная!

Юля шагнула к нему. Парень сделал кувырок назад, проломился сквозь ветки и скачками бросился вдоль берега. Оглядывался и орал:

— Психопатка! Оба вы! Фадька, я тебе припомню!

Юля мчалась за ним, и оба бежали очень быстро, но Фаддейка догнал ее и повис на локте.

— Да подожди ты! Ну, стой! Не надо, он же понарошке!

Юля остановилась, запальчиво дыша.

— Что понарошке?

Фаддейка хмыкнул:

— Успокойся...

И пошел обратно, к злополучной лужайке в кустах. Встрепанный, измятый, без одного башмака. Майка скособочилась, гольфы сползли, один съехал с ноги наполовину и волочился по доскам тротуара.

Юля мигала и шла следом.

Фаддейка отыскал в ветках кед и покосился на Юлю. Стрельнул искоркой.

— Похоже получилось, да? Я его нарочно подговорил, а вообще-то он никогда не дерется. Это Санькин брат...

Юля еще шумно подышала, почистила платье и сухо спросила:

— Зачем такой спектакль?

Фаддейка вытряс из кеда сухие стручки, крепко дунул в него, старательно натянул кед на ногу, потоптался и глянул на Юлю с виноватинкой, но и опять же с искоркой.

— Я посмотреть хотел, что ты будешь делать.

Юля представила, как она выглядела в этой дурацкой погоне, и застонала про себя. А отвратительному Фаддею сказала:

— Хотел узнать, что я буду делать? Иди сюда...

Он засопел и подошел с послушным лицом. Юля крепко взяла его двумя пальцами за круглое холодное ухо. Фаддейка покорно зажмурился, но из-под ресниц левого глаза опять скользнула искорка.

— Ладно... — выдохнул Фаддейка.

— Что «ладно»?

— Дергай.

— Авантюрист рыжий, — сказала Юля. Опустила ухо, заправила на Фаддейке майку, отряхнула от мусора и сухих листьев пятнистые шорты и заодно хлопнула. — Нет, ты меня в гроб загонишь...

Он хихикнул, но тут же серьезно объяснил:

— Я хотел проверить, очень ли ты надежная...

Юля опять потянулась к облупленному уху. Фаддейка отскочил.

— Зачем тебе моя надежность? — сердитым голосом спросила Юля.

— На одно дело пойдем. Понимаешь, там риск.

— А ты меня спросил, пойду ли я «на дело»?

— Пойдешь, конечно.

— Фигушки. Опять на ночное кладбище или еще куда-нибудь. Или в плавание на вашем «Беллинсгаузене». Вместо мачты меня поставите... Нет уж, у меня морских предков не было.

— Это сухопутное дело, — успокоил Фаддейка. — Вечером узнаешь.

В конце рабочего дня он явился в библиотеку с мотком бельсвого шнура на плече

— Здравствуйте, Нина Федосьевна. Юля уже кончила работу?

— Забирай свою прекрасную даму, — улыбнулась Нина Федосьевна. — Юля, а говорят, что рыцари на свете появились.

— Это не рыцарь, а пират. Знаете, что он утром учу-дил? — Она увидела укоризненный Фаддейкин взгляд. — Ладно уж, молчу...

На улице Фаддейка зашагал впереди. Не к лестнице, а в другую сторону.

— Могу я хотя бы узнать, куда меня ведут? — хмуро спросила Юля.

Не оглядываясь, Фаддейка объяснил:

— Тут недалеко стена и остатки башни. От крепости остались... Недавно земля сползла, а в камнях щель открылась. То ли ход какой, то ли подземелье там. Надо же узнать! Щель узенькая, но я пролезу... Привяжусь веревкой, а ты меня вытащишь, если что случится...

— Еще чего! Никуда я не пойду! И тебя не пушу одного!

— Вместе мы все равно не сможем, ты не пролезешь.

— Не выдумывай! — с непритворным страхом сказала Юля. — А если там обвалится?

Фаддейка оглянулся и подпернул шорты — они сползли под тяжестью длинного фонарика, который торчал из кармана.

— Я мог бы ребят позвать, да не хочу раньше срока всем разбалтывать. Вдруг там открытие какое-нибудь...

Юля решительно заявила:

— Я сейчас утащу тебя к Кире Сергеевне и попрошу снова запереть в чулане, пока дурь из твоей головы не вылетит.

На ходу Фаддейка небрежно разъяснил:

— Я посижу и скажу, что она вылетела. А как выйду — сразу сюда, один-одинешенек. И если будет несчастное происшествие, тебя совесть замучает.

— Ну что ты за бессовестное создание, — жалобно проговорила Юля...

Фундамент развалившейся башни уходил в толщу речного обрыва. Обвалившийся земляной пласт открыл его нижнюю часть. Среди гранитных валунов, переложенных кирпичами, в самом деле чернела щель — около метра в длину, а шириной как раз для тошего пацаненка. Увидеть ее можно было, если заглянешь с обрыва вниз. А чтобы попасть в нее, надо или спуститься метра на три от основания башни на веревке, или снизу, от воды, забраться метров на пятнадцать по отвесу.

Фаддейка деловито и неумело начал обвязывать себя под мышками.

— Дай-ка, — обреченно сказала Юля и сделала ему альпинистскую страховку. — Ох, в недоброе дело ты меня втягиваешь...

— Да не бойся! Если там узко, я далеко не полезу.

Юля с нехорошим чувством и со вздохами забралась на обломки башни. Земляная площадка среди камней поросла пыльной травой.

— Хотя бы дал сходить переодеться... — уныло проговорила Юля и легла в эту траву в своем сером платье.

— Ага. И дома ты проговорила бы тете Кире, — проинципательно заметил Фаддейка. — Держи веревку, я пошел...

Держать было нетрудно: весу в Фаддейке как в котенке. Царапая о камни живот и колени, цепляясь за трещины в камнях, Фаддейка начал спускаться по кладке фундамента. Сразу же сорвался и повис на шнуре. Над пятнадцатиметровой пустотой. Не пикнул.

«Ох, что я, дура, делаю», — подумала Юля. Но спустила Фаддейку до щели. Потому что была уверена: иначе он полезет один, без страховки.

Фаддейка воткнулся в щель плечом, поелозил, влез в нее наполовину. Потом выбрался опять, глянул снизу на Юлю и побещал:

— Я далеко не пойду!

— Если что — дерни три раза, я поташу! А если я сама три раза дерну — значит, вылезай!

— Ага! Я пошел!

И он исчез. Двадцатиметровый капроновый шнур быстро заскользил у Юли в ладонях: видимо, проход был свободный, и Фаддейка лез по нему без остановки. В полминуты ушло на глубину больше половины веревки.

Потом она перестала скользить.

— Эй, Фаддейка! Как ты там?! — крикнула Юля со страхом и без особой надежды, что он услышит. Кажется, из земных недр донеслось что-то вроде «уор-мр-м...». «Нормально»? Или послышалось?

Юля сосчитала до десяти, натянула шнур и решительно дернула три раза. В ответ она ощутила слабые рывки. Но сколько? Три? Или просто беспорядочная возня? Она перепуганно дернула снова! И веревка заскользила назад без сопротивления.

Еще не понимая, что случилось, Юля с нарастающей паникой тянула, тянула ее, и вот из щели выскочил и закичался отвязавшийся конец. Юля уставилась на него, как на кобру.

Батюшки, что случилось? Веревка отвязалась, и Юля оставила Фаддейку без спасательного конца? Нет, страховка сама собой не развяжется. Значит, он нарочно освободился от нее? Зачем? И где он сейчас? Лезет в неизведанную глубину? Или придавлен осевшим камнем? Или задыхается под обвалом

— Фаддейка-а! — отчаянно заголосила Юля.

И в ответ услышала удивительную тишину. Спокойную летнюю тишину, равнодушную такую... Только в бойницах развалившейся стены чирикали и копошились воробьи. Да на том берегу мычала корова.

И пусто кругом. Никогошеньки...

А если кто и будет? Чем поможет, как раскопает эту каменную толщу? Как пролезет в щель?

— Фаддейка!! Где ты?!!

Ох как тихо! До звона. Это так звенит ужас. До сих пор не знала она такого страха и отчаяния...

Зачем отпустила? Где он там? Живой еще? Или... Ой, мамочка! А что она скажет Кире Сергеевне? Позвать кого-нибудь? Саперов, пожарников, горных спасателей? Где их взять?

Хоть бы он выбрался обратно! Ничего ей больше не надо! Ни письма от Юрки, ни диплома в училище, никакой счастливой жизни! Лишь бы Фаддейка оказался не-вредимый! Почему его нет? Сколько времени прошло? Пять минут? Час?

— Фаддейка-а!!

— Ну чего ты так вопишь? — сказал он откуда-то сверху.

Юля дернулась и села в траве. Фаддейка стоял среди тонких березок на осыпавшемся гребне стены и смотрел оттуда, будто так и было задумано.

Миленький мой! Целехонек! Счастье-то какое! Скотина бессовестная! Чтобы я еще куда-нибудь с ним...

Юля быстро шла через сорняки прибрежного сада. Фаддейка — шагах в трех позади — еле поспевал за ней. И говорил:

— Ну чего ты... Ну, не хватило веревки, я и отвязал, а то ты сразу бы назад потянула. А там совсем свободно... Ну чего ты... Там сперва прямо, а потом вверх и вверх, а потом смотрю — светло... Ну, Юль...

Из-под глыбы гранита выбивался и бежал по бетонному желобку очень чистый ручеек. Юля перешагнула. Фад-

дейка проскочил вперед, остановился на пути и сказал решительно:

— Умойся хотя бы. Большая такая, а вся зареванная.

— Из-за тебя из-за дурака...

— Ну, из-за меня. Что теперь, так и будешь неумытая ходить?

— Дурак...

— Ну, пусть дурак. Все равно умойся.

— Не хочу с тобой разговаривать...

Юля вернулась к ручейку, присела, плеснула в лицо несколько пригоршней. Вода пахла тополиными листьями. Юля вздохнула и стала умываться как следует. Сквозь мокрые пальцы взглянула на Фаддейку. Он стоял в трех шагах и хлестал мотком веревки по кривой садовой скамейке. И смотрел куда-то в сторону. И был весь такой сердито-обиженный, шея тонкая, майка в пыли и глине, а в рыжих космах — земляные крошки и, кажется, сухие пауки. Щеки и руки-ноги тоже перемазаны землей.

Юля платком вытерла лицо и сказала мимо Фаддейки:

— Еще и дуется...

Он обрадованно стрельнул в нее глазами.

— Сама дуешься.

— Знаешь, что мне хочется с тобой сделать?

— Ага! — с готовностью отозвался он. — Опять за ухо!

— Нужны мне твои уши... Выстирать бы тебя, выжать и высушить на веревке. Чтобы и мозги заодно прополоскались и проветрились... Иди сюда.

Фаддейка подошел с дурашливо-покаянным лицом.

Юля отряхнула его вихры и майку. Мокрым платком стала вытирать нос и конопатые щеки. Фаддейка фыркал и жмурился, но не спорил. Потом пробубнил в платок:

— Сама не знаешь, чего перепугалась.

— Тебя бы на мое место! Я такого натерпелась...

— Когда ты успела! Я там три минуты был!

— Балда, это для тебя три минуты. А для меня три часа... Брысь!

Она повернула его, хлопнула платком по шее, заросшей желтым пухом. Фаддейка потер шею и насупленно сказал, не обернувшись:

— Даже не спросила, что там такое, в этой дыре.

— Дыра — она и есть дыра. Насквозь. Чтоб такие шалопай лазили.

— А вот и нет! — Он обернулся и прищурил правый глаз. — Там подземелье! Комнатка такая с кирпичным потолком. Там, наверно, раньше казна хранилась.

— Обормотов таких туда сажали... Пошли домой.

— Я хотел там все внимательно осмотреть, да подумал, что ты волнуешься...

— И на том спасибо...

— Хватит уж рычать-то, — сказал Фаддейка серьезно. — Смотри, что я там нашел.

Он запустил руку в отвисший карман и протянул Юле на растопыренных пальцах темный кружок. Неровный, шириной во всю его ладонку. Пряча любопытство и все еще с недовольным видом, Юля взяла находку. Это была монета. Тяжелая и такая большущая! К ней крепко присохли чешуйки сухой земли и кирпичной пыли, зеленели пятнышки медной окиси, но Юля сразу разглядела вензель Екатерины Великой: букву Е, перечеркнутую римской цифрой II, корону и всякие завитки по краям.

— Ух ты... — прошептала Юля и перевернула монету. Потерла платком. На другой стороне какие-то два зверя — не то лисы, не то куницы — стояли на задних лапах и держали свиток с мелкой надписью:

Де
сять
копѣ
екъ.

А по кругу шли четкие большие буквы:

МОНЕТА СИБИРСКАЯ

Внизу были выбиты цифры: 1772.

— Вот это старина... — Юля с уважением покачала на ладони медную тяжесть. — И громадная. Ничего себе гривенничек, да, Фаддейка?

Он довольно хмыкнул.

— А что за звери здесь? — спросила Юля. Она радовалась и находке, и тому, что можно уже не сердиться.

Фаддейка снисходительно объяснил:

— Соболя. Потому что такие деньги специально для Сибири и для Урала делались... Это не такая уж редкость, здесь их часто находят...

— Все равно интересно...

— Ага... Я ее знаешь как нашел? Локтем зацепился, осветил, а она торчит между кирпичами. Если кирпичи разобрать, там, наверно, еще есть. Может, целый клад.

— Ты что, еще раз туда собираешься? — снова перепугалась Юля.

Он засмеялся:

— И не раз даже. Там от стены-то совсем свободный проход, только никто про него не знал... Да ты не бойся, это я потом, с ребятами... Ну, чего ты такая прямо вся осторожная! А еще первый разряд по туризму!

— Это же у меня разряд, а не у тебя...

Юля еще раз опасливо вздохнула и протянула Фаддейке монету. Он сказал:

— Возьми ее себе.

— Да что ты! Это же твоя находка... Такая интересная.

— Вот и возьми, раз интересная... Ну, чего ты? Если не возьмешь, я ее с берега кину. Честное пионерское! — Он решительно свел реденькие рыжие брови.

— Ну... тогда ладно, — смущенно сказала Юля. И усмехнулась: — На память... Как посмотрю на нее, так и вспомню про весь сегодняшний страх.

— Хватит уж об этом, — ворчливо отозвался Фаддейка. — Пошли домой.

— Сперва на почту зайдем.

— Не работает почта. Все в колхоз уехали морковку дергать.

— Откуда ты знаешь?

— Объявление висит. Я сегодня ходил туда, видел.

Юля про себя засомневалась: не сочиняет ли? Может, просто не хочет идти лишних три квартала? Или боится, что она опять не получит письма и расстроится?

— Что ты там делал, на почте-то?

— Письмо хотел отправить... Пошли! — Он зашагал впереди Юли, помахивая веревкой.

Юля недоверчиво сказала ему в спину:

— Кому это ты письма пишешь?

— Ну, кому... Маме. А что такого?

— Да нет, ничего, — смутилась Юля. — Просто я подумала, что на нашей улице тоже почтовый ящик есть.

— А я заказное решил послать, чтоб надежнее. А то она не пишет и не едет. Давно уже обещала приехать...

— Скучаешь? — осторожно спросила Юля.

Фаддейка сказал с усталой ноткой:

— А ты как думала...

Кира Сергеевна по-прежнему была не в духе. Увидев перемазанного Фаддейку, она обратила глаза к небесам и спросила, за что ей на старости лет такое наказание. Небеса остались безмолвны. Тогда тетя Кира заявила:

Бери таз, снимай всё и стирай. Хватит с меня. И есть не проси, пока не выстираешь.

Это было не очень-то логично: есть он никогда не просил, приходилось загонять за стол силой:

— Подумаешь... — хмыкнул Фаддейка.

Через несколько минут он в одних плавках танцевал во дворе у табурета с большущим тазом. Разлеталась пена и снежными хлопьями садилась на листья рябин. А мыльные пузыри уплывали под ветви разлапистой ели — будто ель заранее примеряла новогодние украшения из прозрачных шариков. От вечернего солнца в них играли рыжие искры, словно там сидели крошечные Фаддейки.

Юля подошла:

— Давай помогу.

Фаддейка презрительно дернул худыми лопатками:

— Чего помогать? Первый раз, что ли...

Кира Сергеевна, проходя рядом, заметила:

— Никакой другой одежды не признаёт, всё ему рыжее надо. Вредина...

Юля села на перевернутый ящик и полушутя заступилась за Фаддейку:

— Нет, он добрый. Он мне сегодня подарок сделал. Вот... — Она показала Кире Сергеевне монету. И сразу испугалась: чуть-чуть не проговорила о сегодняшнем приключении.

Кира Сергеевна, однако, расспрашивать не стала. Покосилась на монету и заметила:

— И впрямь... Целый год с этим сокровищем носился, а тут взял да подарил.

Юля поглядела на замершую Фаддейкину спину, потом на Киру Сергеевну. Потом на монету. Затем снова на Фаддейку, который согнулся над тазом. По спине его шел большой муравей, но он не шевелился.

Надо было, конечно, деликатно промолчать, но Юля не сдержала удивления и досады:

— А говорил, что... говорил, что сегодня нашел на берегу.

Фаддейка деловито выкрутил майку, развесил на веревке и ушел в дом. Ни на кого не взглянул.

— Вы его слушайте больше, — сказала Кира Сергеевна. — Сочинитель... Эту деньгу ему в прошлом году Василий подарил, когда был на каникулах. Соседский сын, студент. Фаддейка тогда за ним по пятам таскался.... — И она ушла.

Юля молча погладила монету мизинцем. Было и неловко, и Фаддейку жаль, и... приятно тоже: отдал свое со-

кровище ей, не пожалел... Но сейчас он, кажется, крепко обиделся.

Фаддейка вышел в накинутаой на плечи старой школьной куртке: видно, зябко ему стало. Опять подошел к тазу. Юля тихо сказала:

— Ты не сердись. Я же не знала, что ты нарочно...

— Что нарочно? — спросил он, бултыхая в тазу штаны.

— Ну, вся эта история. С подземельем... Только непонятно, зачем ты мне голову морочил.

— Обиделась...

— Нисколько. Наоборот... Так даже интереснее. Только зачем было такой страх устраивать?

— Я же не знал, что не хватит веревки!

Юля с сомнением спросила:

— Ты что? Хочешь сказать, что в самом деле первый раз туда полез?

Он обернулся:

— Конечно! Там до меня никто не был! Не веришь?

— Наверно, не очень верю, — честно призналась Юля.

Фаддейка пожал плечами. Выжал шорты, аккуратно развесил рядом с майкой и гольфами. Сверху ему на волосы аккуратно опустился маленький мыльный пузырь. Посидел и лопнул. Фаддейка вытер о курточку ладони и проговорил с укоризной:

— Все-таки ты ужасно большая. Ну, то есть взрослая. Ничему не веришь... И что я на почту ходил сегодня, не поверила.

— Про почту поверила, — смутилась Юля.

— Не сразу.... Все изводишься из-за письма от своего Юрочки...

— Фаддей!

— Что «Фаддей»? Я же сказал, что будет письмо, только потерпи, а ты опять не веришь.

Юля печально сказала:

— Если бы знать, когда тебе верить...

— Всегда, — решительно ответил Фаддейка.

— Ага! И насчет монеты? — не удержалась Юля.

«Ой, что меня за язык дергает? Ведь он же подарил, не пожалел, а я...»

Фаддейка неторопливо подошел к Юле. Еще раз вытер о курточку руки. Взял Юлины ладони, раскрыл их. На левой лежала монета, его подарок. Фаддейка запустил пальцы в нагрудный карман, вытащил другую монету, положил на правую ладонь. И молчал.

Монеты были очень похожи. Только вторая, Фаддей-

кина, — гораздо чище. Фаддейка колупнул ногтем грязную.

— Сравни. Не видишь разве: эта только что из земли.

Юля посидела, глядя на могучие медные гривенники. Прижала их ладонями к щекам, — тяжелые и холодные. Жалобно попросила:

— Фаддейка, ты меня прости.

Он засопел, отобрал у нее монету — свою, чистую — и приставил к правому глазу, как монокль. А левый глаз прищурил, стрельнул искоркой и показал Юле язык. Потом вдруг спросил, подбросив монету:

— А похожа она на таргу, верно?

Кто я такой

Все-таки Фаддейка уговорил Юлю переправиться через Талью вброд. Вечером, когда шли из библиотеки. И они переправились — где прямо по твердому песчаному дну, где по камням, где по плоским островкам, вылизанным волнами. Лишь раз Юля соскользнула с валуна и макнула в реку подол. А Фаддейка ускакал вперед, оглядывался, постреливал золотой искоркой и подавал советы.

— Сам не бултыхнись, — отозвалась Юля.

— Со мной ничего не будет, — хвастливо заявил он. И судьба наказала его. На берегу, на деревянном тротуаре, он зацепился ногой за щепку, и острый конец воткнулся ему в большой палец.

Фаддейка зашипел и сел на корточки. Зажал ногу.

— Ну-ка, покажи. Допрыгался, — морщась, проговорила Юля. — Покажи, говорю... убери лапы! — Она выдернула занозу, выдавила побольше крови. Фаддейка страдальчески сопел. — Нечего пыхтеть, сам виноват... Перевязать надо.

— У меня платок есть... — Он выдернул из кармана мятую пятнистую тряпицу.

— Убери эту заразу... — Юля раскрыла сумку. По давней походной привычке она всегда носила с собой моток стерильного бинта. — Ну-ка, дай... Не дергайся...

Через минуту на месте пальца красовалась ярко-белая култышка. Фаддейка с удовольствием пошевелил ею и сказал:

— Годится... — И пошел впереди Юли, ступая на пятку. Снятыми морковными гольфами стегал по верхушкам сорняков.

— Прививку бы сделать, — нерешительно сказала Юля. — Щепка грязнушая.

Фаддейка пренебрежительно шевельнул спиной.

— В меня знаешь сколько уже всяких укулов навтыкано? И от столбняка, и от заражения. А в прошлом году даже от бешенства. Меня какая-то незнакомая псина тяпнула на рынке... Почему-то меня собаки не любят...

— Собаки, они знают, кого любить, а кого нет, — сумрачно объяснила Юля. — Иди осторожней, а то опять напорешься.

— Собаки не такие уж умные. Если хочешь знать, лошади в сто раз умнее. Вот смотри...

У кривых ворот стояла гнедая брюхатая кобылка — она привезла телегу с сеном. Фаддейка бросил в траву обувь, нашарил в кармане серый от пыли кусок сахара, подошел к лошади и протянул ей угощение. Та нагнула голову, взяла губами сахар с ладони, захрумкала. Фаддейка бесстрашно обнял ее за шею, прижался веснушчатой щекой к лошадиной морде. Кобылка ласково косила глазом. Фаддейка сказал Юле:

— Видишь? Меня здесь каждая лошадь знает. — И погладил на кобылкиной морде белое пятнышко...

Когда пришли домой, Фаддейка без приглашения просочился в пристройку, сел на чурбак и глянул на Юлю внимательно.

— А ты чего надутая? Из-за пальца моего? Или потому, что опять письма нет?

— Потому что письма, — призналась Юля. — Каждый день хожу на почту, как дура. Даже стыдно. — Она с ногами села на постель и обняла колени.

— Будет письмо, вот увидишь...

— Откуда ты знаешь? — грустно усмехнулась Юля. — Ничего уже не будет.

— А ты откуда знаешь, что не будет?

Юля шмыгнула носом и сказала Фаддейке просто и честно то, что думала:

— Я далеко, а там красивых девушек много. А я некрасивая.

Фаддейка прошелся по ней деловитым взглядом, будто с кем-то сравнивал.

— Нет, ты это зря. Кто тебе сказал, что ты некрасивая?

— Эх ты, Фаддейка... — вздохнула Юля.

— Нет, в самом деле... — Он опять глянул деловито и оценивающе. — Конечно, ты не такая красавица, как в кино. Но у тебя глаза красивые. И рот...

— Я жердина...

— Не жердина, а просто большая. У таких крупных женщин бывают красивые дети.

— Чего-чего? — Юля спустила с постели ноги и заморгала. — Слушай, Фаддей, я тебя сейчас выдеру.

— Вот тебе и на!.. — Он блеснул золотистым глазом. — Я-то при чем? Это мама говорила. Не про тебя, а про нашу знакомую, про тетю Соню...

— Тете Соне и рассказывай такие вещи!

— А она и так знает... Она сама знаешь какая? Великанша кривоногая, а дочка у нее красавица. В музыкальной школе учится и на концертах выступает... Только ну ее...

— Почему?

— А она такая... — Фаддейка взял пальчиками края выпущенной майки, как подол платица, и повертел талией. — Вся из себя модная. Я таких не люблю.

Юля загнала внутрь усмешку.

— А каких любишь?

Фаддейка опять глянул на нее, будто с кем-то сравнивал, но тут же отвел глаза и сказал серьезно:

— Ну... таких, как мама. Она у меня по правде красавица... — Он снова пустил глазом насмешливую искорку и сморщил нос. — А я вот уродился такое чучело.

Юля засмеялась:

— Ты не чучело, ты хороший...

— Конечно, хороший, — согласился он без лишней скромности. — Хорошее чучело.

— Просто ты Фаддейка, — сказала Юля уже без смеха. — Такой как есть. Единственный и неповторимый.

— Да... — Он кивнул, сел рядом с Юлей, покачал ногой с забинтованным пальцем. Повернул к Юле лицо, и оба глаза были теперь темные и беспокойные. — А почему я Фаддейка?

Юля удивилась его неожиданной тревоге.

— А что здесь плохого? Ты же сам говорил, что это имя тебе нравится.

— Да я не про имя... Почему я — это я?

Юля непонимающе вздохнула.

— Ты про такое никогда не думала? — требовательно спросил Фаддейка. — Я про это первый раз на колокольне подумал. Не тогда, когда с тобой, а раньше...

— Объясни-ка получше... — Юля сморщила лоб.

— Про это трудно объяснить... Я многих спрашивал, а они не понимают.

— Я попробую понять.

— Ну вот, слушай. Я — это я. Внутри себя. На свете очень много людей, разных. Но они вокруг, а не во мне. А тот, который во мне... тот, который все видит и понимает... и все чувствует, почему он — Фаддейка, а не кто-то другой? Почему так случилось, что я — это именно я? Понимаешь!

— Кажется, да... — тихо сказала Юля. — Но так про себя, наверно, каждый думает. И я думала. Но уже давно... И немножко не так, по-своему...

— Но все-таки ты меня понимаешь? — спросил он с нажимом.

— Угу... — осторожно отозвалась Юля.

Фаддейка облегченно откинулся к дощатой стене и растянул в улыбке рот.

— Вот и хорошо. А то кроме тебя только один человек понимал. Художник...

— Какой еще художник? — сказала она ревниво.

— А приезжал сюда в прошлом месяце. Старинные места рисовал. Молодой и бородатый. Хороший такой, из Новосибирска, Володя... Я ему помогал этюдник таскать, вот мы и разговаривали.

— Про что же вы разговаривали? — спросила Юля, думая о бородатом Володе со странной досадой.

— Ну, про такое же... как с тобой. Он мне знает как объяснил про людей? Что это нервы вселенной.

— Что-что?

— Ну, вот так... Наша Земля и все планеты, и все-все звезды, и галактики — это все будто живое. Только оно само это сперва не знало. Потому что, чтобы знать, надо несть видеть и слышать, а для этого глаза и уши нужны. И мозги, чтобы понимать. И нервы, чтобы чувствовать. Вот и появились у вселенной такие нервы. Люди.

— Надо же... — сказала Юля непонятным для себя самой тоном. Но Фаддейке, видно, послышалось одобрение.

— Ага... И я тогда подумал, что, если человек умирает, это не так уж страшно. Для других, конечно, печально, и самому бояться не надо. Ну, подумаешь, один маленький нервик отомрет! Все равно вселенная останется живой...

Юля быстро придвинулась к Фаддейке и, будто защищая его, сказала:

— Нечего тебе про умирание думать. Рано еще.

— Да это я так. Ну, попутно... А главное, я все про то

же думал. Пускай я нерв. Но почему именно этот? Тот, которого зовут Фаддейка? Как-то непонятно... Юль! А может, я по очереди буду всеми? Каждым человеком... Вселенная ведь бесконечная, у нее времени сколько хочешь, я успею. И может, каждый человек так? А?

— Ой, — сказала Юля искренне. — Я не знаю... А что хорошего быть каждым подряд?

— Интересно же.

— А сколько всяких злодеев на свете было и сейчас есть. Например, Гитлером разве интересно быть?

Фаддейка снова покачал ногами. Потерял ухом о поднятое плечо.

— Я про это тоже думал... А Володя говорит, что люди, как нервы, бывают всякие. И больные бывают. Всякие плохие люди — это больные нервы вселенной. А я ведь... не больной же...

— Нет, конечно, — успокоила Юля. — Фаддейка... А с кем ты еще про такие вещи рассуждал? Или только со мной и с этим Володей?

— С мамой еще...

— А она что?

— А она все объяснила... — Левый глаз Фаддейки опять заискрился. — Она говорит: «Сперва тебе не кем-то другим надо делаться, а самим собой. А то сейчас ты — даже и не ты, а растрепка. Причешись, отмой уши и колени, и пойдем твое дупло в зубе лечить...» Ой-ей-ей.

Юля засмеялась:

— Видишь, как все просто. Не то что у твоего бородастого философа.

— Он не философ, а художник... Он мой портрет нарисовал. Почти одними рыжими красками... — Золотистый глаз Фаддейки засиял.

— А где этот портрет?

— Он с собой увез. Говорит, на выставку.

Юля разочарованно вздохнула.

— А мне он тоже оставил, — утешил Фаддейка. — Только другой, поменьше. Карандашиком нарисован. Хочешь, покажу?

— Покажи... — Юля была уверена, что портрет непохожий. Как можно изобразить на листе живое Фаддейкино лицо? Если бы еще знаменитый художник, а то какой-то неизвестный Володя.

Фаддейка, прихрамывая, убежал.

Юля встала и подошла к зеркалу. Опять толкнулось в сердце прежнее беспокойство.

«Почему я — это я?» — спросила Юля у себя в зеркале. Правда, почему она — это она? Была бы она не Юля, а курсант Юрий Шумов! Тогда она (то есть он) взяла бы и не мешкая написала письмо с адресом: «Верхоталье, до востребования, Молчановой Юлии». И все в этом письме объяснила бы честно. Если уж конец всему, то конец. Это лучше, чем так вот маяться...

«Да не очень-то я и маюсь, — сказала она себе. — Что я ему не нужна, это и так понятно, чего уж тут... Просто окончательной ясности нет, оттого и настроение кислое...»

Весело прихромал Фаддейка с альбомным листком.

Юля снисходительно взяла бумагу. И не удержалась — расплылась в улыбке.

Это был хороший портрет. Чего зря придирается, замечательный был портрет. Фаддейка, нарисованный густыми карандашными штрихами, смеялся как живой. И даже искорка в глазу блестела.

— А ты не верила, — усмехнулся Фаддейка.

— Да, хороший он художник, — со вздохом сдалась Юля.

— Это мне на память о нем, — сообщил Фаддейка и потянул листок. Кажется, он догадался, что Юля готова попросить портрет в подарок.

Она смутилась, почувяв его догадку. И недовольно сказала:

— Смотри, повязка на пальце съехала. Правильно мама говорит: растрепала...

Рыжие кони

Утром, выйдя на крыльцо, Юля услышала небывалое: Фаддейка ревел. Из открытого кухонного окошка доносились всхлипы и канючащий, противный (но, безусловно, Фаддейкин) голос:

— Ну, чего ты сочиняешь, что нету?! Сама говорила вчера, что пенсию получила, а теперь — нету!

Кира Сергеевна отвечала что-то негромко и наставительно. Фаддейка плаксиво взвизгнул:

— И ничего не дурь! Не понимаешь, а говоришь! Раз я говорю, значит, мне ее надо!

Кира Сергеевна опять сказала что-то ровно и непреклонно. Фаддейка, перебивая себя всхлипами, заголосил:

— Ну, какая еще рубашка! У меня их куча, я их все равно не ношу-у... Ну, чего ты вы-ду-мы-ваешь!..

Юле стало неловко за Фаддейку, и жаль его, и встревожилась она. И подумала, что лучше бы не соваться в чужие семейные дела. Но не выдержала, шагнула в кухню. Увидала мельком зареванное веснушчатое лицо и стесненно сказала:

— Здравствуйте, Кира Сергеевна... Фаддей, ты это что?

Он дернулся, отвернулся к окну и, растопырив острые локти, начал мазать ладонями по щекам.

Кира Сергеевна, не повышая голоса, объяснила:

— Новая блажь засела в голове. Увидел вчера в «Детском мире» губную гармошку, гэдээровскую. И вот: тетя Кира, купи! А зачем!

Фаддейка дернул спиной.

— «Зачем, зачем!»! Сама, что ли, не знаешь, для чего гармошки делаются?

— Ты погруби мне еще...

Фаддейка опять шумно всхлипнул. Юля посмотрела на его спину с невольным сочувствием. Кира Сергеевна это сочувствие тут же заметила.

— Юленька, да вы не подумайте, что мне жаль, если для дела. Но он же подует в нее полчаса и забросит или отдаст кому-нибудь... У него же ни капли музыкальных данных.

— Ох уж, «ни капли»! — вредным голосом сказал Фаддейка и длинно засопел.

— Ни единой капельки, — решительно повторила Кира Сергеевна. — Юля, вы не слышали еще, как он песни поет? В соседних дворах куры дохнут!

— Тебе чужие куры дороже, чем родной племянник! — с отчаяньем произнес Фаддейка и тихонько завыл. Видимо, его самого потрясла такая мысль.

Но Кира Сергеевна не дрогнула.

— Не куры и не племянник, а семь рублей. Они на дороге не валяются.

— Ну чего ты, «семь рублей» да «семь рублей»! Мама придет и отдаст!

— Мне отдаст, а тебе задаст. Чтобы не выдумывал. Она сама от твоих песен мигренью страдала.

— Это потому, что у меня голоса нет. А играть я научусь...

— При чем тут голос, у тебя слуха нет!.. Юля, ну как ему объяснить?

— Ох, не знаю, — жалобно сказала Юля. — Фаддейка...

Он обернулся, зыркнул на нее мокрыми глазами и выскочил из кухни.

— Ничего. Развеет дурь и придет, — пообещала Кира Сергеевна. Без особой, впрочем, уверенности.

Позавтракали в неловком молчании. Юля чувствовала себя невольной изменницей перед Фаддейкой, хотя вроде бы причины не было. Наконец она с облегчением ушла из-за стола и отыскивала Фаддейку во дворе за поленицей. Он сидел на бревнышке, все еще тихонько всхлипывал и сердито отдирал от колена корочки старых ссадин. Юлины шаги он услышал, но не обернулся, только настороженно шевельнул оттопыренным ухом.

Юля сказала его кудлатому затылку:

— Чего уж так расстраиваться... Ну, хочешь, подарю я тебе эту гармошку?

Фаддейка подскочил, повернул злое измазанное лицо:

— Еще что! Не вмешивайся в это дело!

Он опять сел спиной. Юля постояла рядом и сказала:

— Ну и пожалуйста...

В библиотеку Юля пришла с нехорошим осадком на душе и работала вяло. Перед обедом дала себе слово не ходить сегодня на почту, а в перерыв, конечно, пошла. Привычно упала духом, узнав, что письма нет, лениво пообедала в «Радуге» и снова села разбирать бесконечный каталог.

В четыре часа с улицы донеслись протяжные звуки, будто на разные голоса сигналил десяток автомобилей. Нина Федосьевна, которая больше всего ценила тишину и порядок, судорожно дернулась к окну. Потом взялась за виски и скорбно сообщила, что «на нас движется Фаддей Сеткин с духовым инструментом».

Фаддейка возник на пороге, и гармошка в его пальцах сияла хромированными боками. Сам он тоже сдержанно сиял, только в глубине глаз угадывалось смущение.

— Выпросил все-таки, — укоризненно сказала Юля.

— Ага, — Фаддейка улыбнулся еще лучезарнее. — Только при одном твердом условии: во дворе и дома не играть. Тетя Кира сказала: «Иди на берег и там репетируй сколько хочешь». — Он задумчиво потянул гармошку к губам.

— Я вполне разделяю точку зрения тети Киры, — поспешно сообщила Нина Федосьевна. — Юленька, вы сегодня провернули такую гору всего! Забирайте музыканта и идите отдыхать.

— И это будет отдых? — Юля выразительно посмотрела на Фаддейку.

Он аккуратно вытер гармошку подолом майки и сунул ее за ремешок. Дурашливо вытянул руки по швам.

— Пошли, Святослав Рихтер, — сказала Юля. — До свидания, Нина Федосьевна. Я уведу его подальше...

Они зашагали по берегу к лестнице, и Фаддейка ворчливо проговорил:

— Между прочим, Рихтер играет на рояле, а не на гармошке.

— Между прочим, я это знаю... Ну, научился чему-нибудь?

Фаддейка уклончиво сказал:

— Не всё сразу. Думаешь, это легко?

— По-моему, это ты думал, что легко, — поддела Юля.

— Не... Просто мне очень надо.

— А по-моему, это дурь...

— Не знаешь, так не говори, — огрызнулся он.

Юля примирительно сказала:

— Ну ладно, тебе виднее... Только знаешь что?

— Что? — буркнул он.

— Не обидишься, если скажу?

— Откуда я знаю заранее? Говори уж...

— Все-таки это было ужасно, — со вздохом призналась Юля. — Сегодня утром, когда ты ревел. Даже стыдно смотреть...

— Не смотрела бы, — огрызнулся Фаддейка. Но, кажется, без обиды, а так, для порядка.

И Юля попросила:

— Пожалуйста, не делай так больше, ладно? А то ты на себя становишься непохожий. Будто не Фаддейка, а... не знаю кто.

Он ответил очень неожиданным тоном. На ходу взял Юлю за руку, заглянул в лицо, сказал печально:

— А если нет никакого выхода... Если очень надо, а ничем больше не добьешься, только слезами?

Юля хотела ответить насмешливо, но смутилась. Потемневшие были у Фаддейки глаза, без искорки.

— Неужели уж так тебе «очень надо» было эту гармошку? — неловко сказала она.

— Ты же не знаешь... Мне ведь не просто играть на ней надо, а одну песню выучить. Чтобы запомнить.

— Что за песня?

Он глубоко вздохнул, и при этом вздохе гармошка вывалилась из-за пояса. Фаддейка опять сердито вытер ее о майку.

— Ты вот спрашиваешь... А как я объясню? Названия я не знаю, петь не умею. Вот и хочу научиться мотив играть.

— А слова знаешь? Про что песня-то? Откуда?

— Из телевизора. Я ее два раза слышал. Про рыжего коня...

Два дня Фаддейка не провожал Юлю утром и не заходил за ней вечером. А в открытые окна библиотеки иногда залетали с берега звуки, напоминающие скандальную перекличку катерных сирен. На третий день, собираясь домой, услышала Юля отчетливую и довольно правильную мелодию «Чижика-пыжика». Она обрадовалась: наконец-то Фаддейка достиг ощутимых успехов! И пошла на звуки гармошки через гушу берегового сада.

Фаддейка сидел на лавочке под старым кленом. А рядом с ним — темноволосый пацаненок лет восьми. Аккуратненький такой, красиво подстриженный, в рубашке с рисунком из разноцветных бабочек. Он-то и наигрывал на Фаддейкиной гармошке.

— Здравствуйте, музыканты, — сказала Юля. Темноволосый музыкантик испуганно встал и протянул гармошку Фаддейке. Тот нахмурился, сунул ее в нагрудный карман на мальчишкиной рубашке с бабочками. Сказал мальчику:

— Договорились же. — И деловито кивнул Юле: — Пошли.

На лестнице Юля не выдержала, усмехнулась:

— Подарил?

— И не подарил вовсе, мы поменялись. Вот на значок... — Он ткнул пальцем в грудь. К оранжевой майке был прицеплен значок с парусным корабликом.

— Ну-ну... — сказала Юля.

— А чего... У него способности, а у меня все равно не получается.

— Тетя Кира задаст тебе за гармошку.

— Да она только рада будет!.. А значок-то смотри какой: шлюп «Восток».

Назавтра, в середине дня, Фаддейка ворвался в библиотеку:

— Юля, включи телевизор!.. Здрате, Нина Федосьевна, можно включить?

Он кинулся к старенькому «Рекорду» в углу тесного читального зальчика и напугал двух первоклассниц, которые листали «Мурзилку». Прошелся вихрь. Юля грудью легла на разобранные карточки каталога. Нина Федосьева подняла пальцы к вискам:

— Фаддей Сеткин...

Фаддейка лихо крутил регуляторы.

— Сейчас эта песня будет! Юля! Я дома смотрел, и как раз этот хор начался... Я скорей сюда! Мы успеем! Вот...

На старчески мигающем экране появилась шеренга ребят в белых рубашках и одинаковых жилетиках. Они пели знакомое:

От улыбки хмурый день светлей...

Фаддейка поморщился:

— Это пока не то. Другая песня будет...

Девочка с капроновыми бантами улыбнулась во весь телевизор и голосом отличницы объявила:

— Песня из школьного спектакля «Наш эскадрон». Музыка Володи Хлопьева, слова Игоря Конецкого. Солисты Слава Охотин и Юра Кленов.

Два мальчика Фаддейкиного возраста, переглядываясь и немного смущаясь, подошли к микрофону. Юля сразу решила, что беленький и глазастый — Слава, а растрепанный и большеротый — Юра. Она пожалела, что телевизор не цветной: Юра наверняка был рыжий, вроде Фаддейки.

Ударили аккорды пианино. Фаддейка напряжился, вцепился в спинку стула. Мальчишки разом вздохнули, и голоса их — громкие и чистые — начали песню, которую Юля никогда не слыхала:

Вновь тревожный сигнал
Бьет, как выстрел, по нервам,
В клочья рвут тишину на плацу трубачи.

Хор вступил незаметно, не заглушая солистов:

И над дымным закатом
Планета Венера
Парашютной ракетой повисает в ночи.

Беленький Слава посмотрел с экрана прямо Юле в глаза и запел очень высоко и звонко:

Рыжий конь у меня —
Даже в сумерках рыжий.
Опаленный боями недавнего дня...

Фаддейка коротко вздохнул. Юра Кленов тряхнул волосами и поддержал Славу:

Как ударит копытом —
Искры гроздьями брызжут.
И в суровую сказку он уносит меня,

Хор запел:

Эта сказка пришла
Вслед за пыльными маршами —
Колыбельная песня в ритме конных атак.
Детям сказка нужна.
Чтобы стали бесстрашными,
Взрослым тоже нужна —
 просто так,
 просто так.

Совсем незнакомая и немножко странная была песня. И наверно, хорошая, раз у Юли пошел по спине холодок. Мальчишки-солисты переглянулись и запели одни: снова про рыжего коня... А потом опять хор:

И, как знамя, летят
Крылья алого солнца,
Кони в яростном беге рвут орбиты планет,
И по звездным степям
Мчится звездная конница...
Почему же меня с вами нет,
 с вами нет...

Фаддейка опять коротко вздохнул и двинул стулом. Незнакомые Слава Охотин и Юра Кленов пели:

Рыжий конь у меня —
Даже в сумерках рыжий...

...Когда песня кончилась, Фаддейка решительно щелкнул тумблером. Не хотел он других песен. Лицо его побледнело так, что веснушки казались черными.

— Ну? — требовательно сказал он Юле. — Что? — Он взял ее за руку и утянул к окну.

— Замечательная песня, — сказала Юля. — Что тут говорить...

— Вот видишь... А ты мотив запомнила?

— М-м... Немножко.

— Ты мне споешь потом?

— Ну... какая я певица? И слова я все не вспомню.

— Я их помню, я тебе напишу! Споешь? Мне эта песня нравится как нужна!

Юля поняла, что не время спорить. Бывает в жизни, что человеку отчаянно нужна любимая песня.

— Я постараюсь, — сказала она.

Фаддейка облегченно вздохнул, как-то обмяк и стал прежним Фаддейкой. Брызнул искоркой из левого глаза и предупредил:

— Имей в виду, я слова тебе сегодня же напишу.

— Ладно... Там очень интересные строчки есть:

И над дымным закатом
Планета Венера
Парашютной ракетой повисает в ночи...

— Ага... А на Марсе нашу Землю видно, как у нас Венеру. Тоже в лучах солнца. Только Земля — голубая...

* * *

Солнце скатилось за плоские гребни дюн, и голубая звезда переливалась и разбрасывала игольчатые лучи. В сторону заката и звезды рысью шел табун рыжих коней. Вожак точно выбирал дорогу, и лошади, не замедляя бега, огибали песчаные заносы. Их копыта глухо гремели о закаменевшую потрескавшуюся землю. Несмотря на сумерки, гривы отливали оранжевым светом.

Три всадника смотрели вслед табуну.

— И где они берут пищу в этих мертвых местах? — тоскливо спросил молодой воин. Он был из Лесной стороны и не мог привыкнуть к пескам и камню.

— Находят, — отозвался старый Дах. — Есть трава среди песков. Можно прокормиться, если все время быть на ходу, искать.

— Они дикие, у них чутье, — сказал второй воин.

— Не дикие, а одичавшие, — хмуро поправил Дах. — Когда-то у них были хозяева.

— Может быть, скоро во всех краях останутся только одичавшие кони да песчаные кроты, — тихо проговорил тот, что из Лесной стороны.

— Может быть. Если этого захотят Владыки Звездного Круга, — проговорил старый Дах и плотнее закутался в плащ.

— Владыкам Звездного Круга не до нас, — возразил второй воин. Он не должен был возражать командиру, но здесь, в глуши, не всегда помнили о дисциплине.

Дах не ответил. Опять приближался ровный гул. Это, обходя пески, шел по каменному плато еще один табун...

Испорченный телефон

Небо утром оказалось очень синим, но в нем густо бежали маленькие пегие облака с серыми животами. Солнце то и дело выскакивало из облаков, и тогда на сморщенной ветром воде вспыхивали охапки искр. Но все равно было зябко. Ветер дул с севера. Он сгибал проросшие сквозь песок длинные травинки. Юля шла вдоль узкого пустого пляжа и поеживалась.

Песчаная полоса тянулась по плоскому берегу Заречья. Вдоль нее был проложен к мосту деревянный тротуар. На песке рядом с тротуаром сиротливо торчала телефонная будка. Юля каждое утро ходила мимо этой будки и всякий раз думала: «Кажется, это единственный в Верхоталье телефон-автомат, да и тот не работает...»

С металлических переплетов будки чешуей облезала желтая краска. Когда-то сверху донизу будка была застеклена или забрана листами пластика. Но теперь стекло и пластика почти не осталось, и стенки были заделаны кусками фанеры и жести. А внизу на дверце темнел пустой квадрат. Иногда в этом квадрате Юля видела бродячего белого кота со светящимися глазами. Но сегодня кота не было. Зато в темном квадрате переступали и терлись друг о друга ноги в незашнурованных кедах и съехавших морковных гольфах (видимо, эти ноги неласково обдувал заставший в будку ветер).

Юля удивилась и даже встревожилась: «Что он там делает?» Она чуть не остановилась, но потом быстро прошла мимо и только шагов через десять оглянулась. В боковой стенке было выбит верхний квадрат. В нем Юля увидела Фаддейкин разлохмаченный затылок и плечи. Фаддейка делал то, что и полагается делать в телефонных будках: прижимал к уху трубку и что-то говорил в прикрытый ладошкой микрофон. Долго говорил... Юля недоуменно поширила глазами по воздуху. Нет, проводов у будки не было. Подземный кабель? Здесь о них, наверно, и не слышали. Она отошла еще шагов на двадцать и за стволом векового тополя пять минут ждала, когда Фаддейка выйдет из будки.

Он зашагал к мосту, поддавая ногами большую сумку. Юля подождала еще и заспешила к будке.

Конечно, телефон былдохлый. Снятая трубка ответила кменным молчанием, диск на ободранном кожухе поржал и еле вращался. Юля пожалала плечами, покачала го-

ловой. И пошла следом за Фаддейкой, который далеко впереди подпрыгивал, как тонкий оранжевый поплавок на речной ряби.

Она догнала его на мосту. Он не удивился, заулыбался, не сбавляя шага. Ветер трепал красно-апельсиновые вихры.

— Ту куда так рано? — спросила Юля.

Он опять пнул сумку в клеенчатый бок.

— На рынок за капустой. Скоро мама приедет, тетя Кира хочет пирожки с капустой нажарить. Мама их с детства любит. А ты любишь?

— Ага. С молоком... Я тебя в телефонной будке видела. Ты, наверно, на вокзал звонил? Насчет поезда?

Фаддейка перестал улыбаться. Стал смотреть перед собой и словно отгородился дверцей. Наконец сказал:

— Не... Не на вокзал.

— А куда? — рассеянным тоном спросила Юля. Но в душе уже выругала себя за это фальшивое равнодушие и дурацкое любопытство.

Фаддейка шел чуть впереди и будто не расслышал вопроса. Лишь через минуту он сказал сумрачно:

— Телефон же не работает...

Тут уж ничего не оставалось, как удивиться:

— А что же ты там делал?

Он быстро глянул на Юлю через плечо. И вдруг улыбнулся, но не как обычно, а легонько, уголком рта:

— Я так просто говорил. Ну, «как будто»... Играл.

— А! — обрадовалась Юля. Такому простому объяснению обрадовалась и Фаддейкиной доверчивости. — Тогда ясно. А я так удивилась...

Он посопел и сказал, будто оправдываясь:

— По-всякому ведь можно играть... Что такого...

— Конечно... А с кем ты разговариваешь, когда играешь? Или секрет?

— Иногда секрет. Иногда нет...

Юля выжидательно молчала.

Фаддейка пнул сумку усерднее, чем раньше, и тихо сказал:

— Несколько раз с мамой разговаривал... если долго писем нет...

— Это уже не игра, — вздохнула Юля и осторожно взяла его за плечо. — Если нет писем...

— А бывает, что поговоришь, а завтра письмо.

— Правда?

— Ага! — откликнулся он. И добавил тише: — А еще с Володей иногда разговаривал. Ну, с тем художником. По-

тому что мы про многое не успели поговорить... И еще с разными людьми...

— Фаддейка... — сказала Юля.

— Что?

— А со мной... когда я уеду, будешь разговаривать?

Он замедлил шаги и опустил голову. Пнул попавшую под кеды арбузную корку. («И кто это ел арбуз прямо на мосту?» — подумала Юля.) Мост пружинил, ветер летел вдоль реки и покачивал его. И хватал за ноги зябкими мохнатыми лапами.

Фаддейка сказал виновато:

— Я же раньше тебя уеду...

— Ой, правда, — опечалилась Юля.

Они перешли мост и по ветхим дощатым ступенькам стали подниматься к воеводскому саду. Из гущи деревьев торчали каменные шатры башен, и вставала над берегом острая Покровская колокольня. Облака летели, и остатки позолоты на маковке загорались короткими вспышками. Фаддейка обогнал Юлю, оглянулся, покачался на шаткой дощечке и сказал:

— Вообще-то мне не хочется уезжать. Тетя Кира могла бы записать меня в здешнюю школу...

— Так оставайся!

— Мама не даст. Боятся, что здесь хуже учат, чем в больших городах.

— Наверно, она просто соскучилась по тебе, — заметила Юля.

— В сентябре она все равно на семинар в Москву уедет... А я ведь не все время здесь хотел учиться, а только первую четверть. Здесь осень знаешь какая красивая! Все сады рыжие и красные...

«Как ты», — мысленно улыбнулась Юля.

— Как я, — весело сказал Фаддейка. И добавил уже другим голосом, серьезным: — И как леса на Марсе.

— Какие леса? — удивилась Юля. — На каком Марсе?

— Обыкновенные леса на обыкновенной планете Марс, — проговорил Фаддейка слегка отчужденно.

— Откуда они там взялись? Ученые доказали, что там одна пустыня. Красные пески и камни.

— Да, — сказал он. — А леса где-то тоже еще есть. К северу от пустынь. Также красные. Вот такие, — он дернул себя за майку.

Ох и фантазер ты...

Он снисходительно усмехнулся и не ответил.

На верхней площадке лестницы они остановились пере-

дохнуть. Шумели старые березы и клены. Острая колокольня возносилась прямо над головами. По ее шатру пролетали тени быстрых облаков. И по Фаддейкиному лицу, когда он глянул вверх, тоже летели тени и солнечные зайчики.

Глянула на колокольню и Юля.

— А хорошо мы туда слазили, да, Фаддейка?

Он серьезно кивнул. И вдруг сказал:

— Я там ночевал один раз. Год назад.

— Да? А... зачем, Фаддейка?

Он досадливо пошевелил плечами:

— Не знаю я. Чего спрашивать...

— Ну, не сердись. Ты же сам сказал.

— Я не сержусь. Просто я не знаю... Легко объяснять, если одна причина, а если они все вместе, если много их... Ну, во-первых, человек знакомый уехал...

Фаддейка с опущенной головой медленно пошел по садовой тропинке. Юля пошла следом, ни о чем не спрашивая. Оранжевые завитки волос вздрагивали над облупленными Фаддейкиными ушами и на тоненькой шее, покрытой желтым пухом.

— Жил тут мальчишка на каникулах, — сказал Фаддейка, не обернувшись... — То есть не мальчишка, большой уже, из техникума... Мы подружались тогда. Вместе в подземный ход лазили под стеной. Не тот, в который я недавно, а в другой... Потом он уехал, а я... Ну, я же не уехал, остался... У тебя так бывает: когда печально, хочется забраться куда-нибудь?

— Сколько угодно, — торопливо отозвалась Юля. Она обрадовалась, что Фаддейка так ее спрашивает, хотя незнакомый мальчишка из техникума вызвал у нее ревнивую досаду — как художник Володя.

— Вот я и полез... Но это лишь одна причина. А еще много всего было. Хотелось узнать: как это — ночь и высота?

— Поближе к звездам побыть, — понимающе сказала Юля.

— Да нет... До звезд — это разве ближе? Каких-то соток метров. Просто интересно: что думается, когда весь город спит, а ты выше всех над землей?

— Совсем один, да?

Он опять не согласился:

— Наоборот. Будто вместе со всеми. Внизу-то всех не видать, а тут сразу целый город перед глазами. И огоньки... И поезда бегут... Везде люди. И будто я их всех ох-

раняю, как старинный часовой на башне... А потом еще месяц в небо вылез. Будто мы с ним вдвоем всю землю сторожим...

— А не страшно там одному ночью? Я бы померла от ужаса.

Он помотал рыжими космами:

— Не-а... Я сперва тоже думал, что страшно будет. Вот поэтому еще и полез. Когда страшно, это ведь тоже интересно... Но я забрался, когда еще светло было. Темнеет-то не сразу, и я помаленьку привык.

— Я бы ни за что не привыкла, — искренне сказала Юля.

— Может, привыкла бы... А среди ночи почти все огоньки погасли и месяц куда-то пропал. Я думал: ну, вот теперь будет страшно. А все равно ничего. Потому что звезды сделались яркие-яркие... Вот тогда они в самом деле будто ближе... И тут всякие мысли полезли. Но тоже не страшные...

— А какие?

— Всякие. И тогда та самая мысль первый раз появилась: почему я — это я? Помнишь?

— Помню... Тут уж, конечно, бояться некогда...

Он быстро оглянулся на нее:

— Ага.... А потом я Марс отыскал. Сперва думал, что сигнальный огонек на трубе, на электростанции. А потом смотрю — он плывет. Красная такая звезда. Вот жалко было, что бинокль не взял с собой.

— Разве в бинокль планету можно разглядеть?

— Все-таки лучше, чем просто так. Видно, что кружок. Или копейку похожий...

Юля вспомнила:

— Когда я маленькая была, у нас дома был альбом про космос. И там цветные снимки планет, и Марс тоже есть. Размером с яблоко. И на нем разные пятна видны, полярные шапки и каналы. Только сейчас ученые доказали, что это обман зрения: на самом деле никаких каналов нет.

Фаддейка сказал спокойно:

Конечно, нет. Это остатки стен.

— Каких стен? Фаддейка, что ты опять сочиняешь?

— Не сочиняю. Это защитные стены, чтобы удерживать песок, не пускать его на леса и поля. Про Великую Китайскую стену слышала? Вот на Марсе такие же, только еще больше... Но они уже разрушены, потому что люди там

тыщу лет воюют и воюют, строить им некогда... Не хочешь — не верь...

Юля чуть не ответила, что она, может, и поверит, если Фаддейка объяснит, откуда он все это взял. Но поняла, что объяснять он не станет. Фаддейке уже хотелось рассказать о другом. Его лицо засветилось.

— А утром такая заря была! И солнце такое... Громадное! И свет по земле, по деревьям — как волны. И петухи во всем городе заорали. Целая петушинная симфония... — Фаддейкины глаза сияли, и золотая искра озорно дрожала рядом с янтарным зрачком. — Я тогда знаешь что сделал? Высунулся и тоже как заору по-петушинуму! Над всей землей!

Юля засмеялась, представив, как Фаддейка разносит с колокольни бесстрашное «ку-ка-ре-ку!» и волосы пламенеют, будто петушинный гребень.

Он тоже засмеялся:

— Мне даже спать расхотелось...

— А ты что, всю ночь не спал?

Фаддейка поежился:

— Уснешь там... Среди ночи такой кусачий холод делался...

— А ты не взял ни одеяла, ничего теплого?

— Я телогрейку взял тети Кирину. Да сразу-то не подумал, что она короткая. Закутаешься — ноги торчат, ноги завернешь — спине холодно. Знаешь, как зубами стучал под утро... — Он опять зябко дернул спиной.

— Ты и сейчас зубами стучаешь, — строго сказала Юля. — Почему ты раздетый? У тебя что, кроме этой майки и штанов надеть нечего?

— Просто мне такой цвет нравится.

— Затем тебе обязательно этот цвет?

— Надо, — строго сказал Фаддейка.

— Надо — не надо, а мерзнуть не годится.

— Да я и не мерзну. Я это... как его... холодоустойчивая порода.

— Ох уж! А сам то и дело сопишь... Вот что, возьми-ка мою ветровку. Это ничего, что длинновата, рукава подогнем.

Юля была уверена, что Фаддейка возмутится: ходить в таком балахоне! Но он только спросил:

— А как же ты?

— У меня в библиотеке куртка есть! — обрадовалась Юля. — Стройотрядовская. Ты за меня не волнуйся.

Просторная коричневая ветровка оказалась Фаддейке

до колен. Он послушно ждал, пока Юля подворачивала рукава. Ветер дергал подол ветровки. Фаддейка запахнул ее на груди, покрутил головой и плечами и сказал со странным удовольствием:

— Как боевой бушлат песчаных пехотинцев Лала.

— Каких пехотинцев?

— Да так. Ты не знаешь, — чуть насупился он. Но тут же улыбнулся. То ли Юле, то ли себе.

Вместе они подошли к библиотеке. С высокого крыльца было видно все Заречье. На плоском берегу, почти у самой воды, Юля разглядела телефонную будку. Отсюда она казалась крошечной.

— Я пошел, — вздохнул Фаддейка. — Тетя Кира капуту ждет... Хочешь, я вечером зайду за тобой?

— Хочу, конечно... Фаддейка, послушай...

— Что?

Не надо было спрашивать, но у Юли как-то вырвалось:

— А с кем ты сегодня разговаривал там, в будке? Если, конечно, не секрет...

Она тут же испугалась, что Фаддейка рассердится на такую назойливость. И решит, чего доброго, что Юля требует откровенности в обмен на куртку.

Но Фаддейка не рассердился. Он только опять пнул сумку и сказал очень серьезно:

— Вот это как раз секрет.

* * *

...Узловатый высохший ствол был добела выскоблен лучшим песком. Кора с него давно облезла, ветки осыпались, и лишь пара крепких сучьев торчала, напоминая скрюченные руки. На высоте плеча темнело дупло — будто разинутый рот древнего идола, каких находят иногда в песках Бурого Залесья.

Старый маршал подержал у щеки витую раковину песчаного моллюска и опустил ее в дупло. Сел на коня. Заправил под кожаный нагрудник бороду, чтобы не трепало ветром. Дах молча наблюдал за ним. Он и маршал понимали друг друга без слов. С того дня, как Фа-Тамир взял начальника патрульной сотни в помощники, они не сказали друг другу и сотни фраз. Но сейчас Дах не выдержал. Вместо широких, не боящихся песка глаз светилось мальчишечье любопытство.

Вы и правда говорили с ним, Фа-Тамир?

Да. И не первый раз...

Сколько чудес в нашем старом мире...

— Он, оказывается, не так уж стар...

Дах молчал, но смотрел вопросительно.

Маршал сказал:

— Сет недоволен, что мы упустили бывшего командира песчаных волков. Это грозит бедами, потому что волк Уна-Тур растоптал обычай.

— Он не уйдет далеко.

— Может уйти. Он разведчик и знает дороги.

— Мои всадники тоже знают дороги... Сет не вернется?

Маршал не ответил.

Маленькое колючее солнце уже коснулось песков. Дрожали в лиловом небе редкие звезды. В поредевшем лагере и на башнях крепости зажигались огни.

Сет

— Ты все-таки ужасно примитивно мыслишь, — заявил Фаддейка. Выдав такую неожиданно солидную фразу, он съезжился на подоконнике, подтянув колени к самым ушам, и стал смотреть в окутанный сумерками двор.

Юля фыркнула — насмешливо и с обидой. Фаддейка опять повернулся к ней.

— Ну, посуди сама... Я же не утверждаю, что я настоящий марсианин. Просто я говорю, что у меня, наверно, что-то есть... ну, такое, марсианское, в крови. Может, кто-то из предков был марсианин. Прилетел, а вернуться к себе не смог. Еще в прошлые века. Ну, женился тут на ком-нибудь, вот и пошло...

— То Беллинсгаузен, то марсианин, — язвительно сказала Юля. Оттого, что за окном хмурый вечер, и оттого, что нет письма, было ей грустно, и в грусти этой проклевывалась какая-то ядовитая нотка. И Юля, сама того не желая, подъедала Фаддейку.

У него-то, у Фаддейки, было нормальное настроение, доверчивое. Он пришел, завел задумчивый разговор о том о сем и наконец признался Юле, что он марсианин. Ей бы, дуре, обрадоваться, что он доверил такую тайну, а она хмыкать начала. Будто это даже не она, а кто-то другой в ней сидит. Ну, Фаддейка наконец тоже выпустил колючки. Однако разговор не прекратил, сказал сердито:

— Не хочешь — не верь. Только я тебе по правде, а ты...

— Но как ты докажешь, что это правда?

— Потому что я много раз там все видел!

— Ты что, летал туда? Или там родился?

Вот тогда он и выдал ей про примитивное мышление.

Потом, когда еще поспорили и скучная ядовитость у Юли незаметно растаяла, Фаддейка проговорил миролюбиво:

— Может, это по-научному все можно объяснить. Может, это у меня память такая... по наследству... Или как она еще называется, если от предков?

— Генетическая?

— Ага! Как у Аэлиты! Помнишь, она на Марсе сны видела про голубое небо и про земные облака? Потому что ее предки были с Земли. А я, может, наоборот... Конечно, про Аэлиту — это придумано, а со мной по-настоящему. Наверно, с моими предками это все было, а мне вспоминается... Разве так не бывает?

— Ох, Фаддейка... — вздохнула Юля, но уже не насмешливо, а удивленно. И даже чуточку испуганно: за него почему-то испугалась.

А он быстро повернулся, свесил с подоконника ноги, уперся ладонями в косяки и посмотрел Юле в лицо. Темновато так посмотрел, без искорки. И спросил медленно:

— А если это не с предками было, а со мной? А?

— Да ну тебя, — сказала Юля, по спине ее прошел холодок, как тогда, от песни...

А Фаддейка вдруг улыбнулся, постучал пятками по гулкой стене и проговорил уже слегка дурашливо:

— Спорим, что я по правде был на Марсе.

— Не буду я спорить. Если был — расскажи...

— «Расскажи»... Это трудно.

Юля прогнала непонятную зябкую боязливость и, подыгрывая Фаддейке, попросила:

— А ты начни по порядку. Как ты попал туда первый раз?

— Первый раз? Это странно получилось... В общем, я попал туда с марса.

— С Марса на Марс?!

— Ну да... Не с планеты же! Марс — это марсовая площадка на корабле. На мачте. Не знаешь, что ли? А еще жених — моряк на паруснике...

— Фаддей! Я правда за ухо...

— Сама просила — расскажи!

— Не про жениха ведь! Ты сам-то на корабле как оказался?

— Это когда я был юнгой у Беллинсгаузена на шлюпе «Восток».

— Тьфу... — в сердцах сказала Юля.

Фаддейка глянул удивленно. Потом сказал покладисто:

— Ну ладно, не верь. Мы ведь сейчас не про это... Считай, что я так играл... В общем, это было в Атлантическом океане, ночью, когда еще шли в тропиках... Тепло там и темно, и звезды большущие. Я забрался на марсовую площадку, чтобы... ну, короче говоря, так захотелось...

— Как на колокольню, — тихо и уже совсем серьезно подсказала Юля.

— Да! А там... ну, на высоте всегда как-то по-особенному, не то что внизу. И я стал смотреть на звезды, и Марс тоже увидел. Я долго смотрел... А он... Понимаешь, он начал приближаться, только не сразу, сперва незаметно. А потом все быстрее. И превратился в шар, будто красная луна... Знаешь, почему так вышло?

— Почему, Фаддейка?

Он опять поколотил пятками по стенке. Вздыхнул:

— Я думаю, потому, что он — Марс, и площадка — тоже марс. Вот они и притягивают друг друга, ведь все родное друг к другу тянется.

— По-моему, это ты к нему тянулся.

— Ну, наверно... раз я марсианин... Потом от него по волнам дорожка побежала, светлая такая, как от луны, только оранжевая. Даже не по волнам, а будто по воздуху, прямо к марсовой площадке. И я уже сам не знаю, как на этой дорожке оказался и бегу по ней... Она твердая такая и звонкая, будто медными листиками посыпана... Сперва мне было хорошо, весело, ничуть не страшно. А потом как-то сразу — холод, небо такое... как паста в фиолетовом фломастере. И красные пески. И камни...

— А дальше?

— Потом много всего случилось... Там и хорошее было, но много печального. Вот ты, наверно, опять скажешь, что я придумываю. А если бы я придумывал, я бы уж что-нибудь повеселее сочинил, побольше интересных включений и поменьше грустного.

— А что там грустного?

— Много. Потому что планета в то время уже совсем гибла от предательства.

— А кто ее предал?

— Сами люди, ее жители... Потому что воевали, воевали... Если война, это ведь всегда предательство для планеты.

— А почему они воевали?

— Ну, ты задаешь вопросы! Почему люди воюют? Ты у них спроси... Для этого и на Марс не надо летать... Хорошо еще, что там нет урановой руды и они до бомбы не додумались. Да и вообще до всякой взрывчатки не додумались, только луки и всякие метательные машины. Как у нас в древности... Но все равно знаешь сколько народу погибло! Почти вся планета опустела. И стены разрушились. И песок стал засыпать леса и озера... Юль...

— Что?

— А ты могла бы нажать кнопку?

— Какую кнопку?

— Будто не понимаешь.

— А при чем тут кнопка?.. Ты же сам сказал: там нет урановой руды.

— Юль, я ведь не про «там». А про колокольню.

Юля смотрела встревоженно и вопросительно.

— Я тебе тогда не про все рассказал, как я на колокольне... Там ведь всякие мысли были. Даже дурацкие...

— Ну... какие? — осторожно спросила Юля.

Фаддейка неровно, толчками, сделал глубокий вдох, опять забросил ноги на подоконник и обнял колени. Сказал, уткнувшись в них носом:

— Вот ты представь хорошенько. Город весь спит, огоньков почти нету... И будто вся Земля спит. А я один не сплю, будто у ракетного пульта. И у меня приказ: через пять минут нажать кнопку. И вот уже совсем другая делается Земля. Половины Земли вообще не будет, только огонь... Ты могла бы нажать?

— Фаддейка, ну ты чего это сегодня? — жалобно сказала Юля. — Зачем про такое?

Он тихо попросил:

— Ты не вилай, а скажи: смогла бы?

— Нет, конечно...

— А если бы тебе расстрел грозил за то, что приказ не выполнишь?

— Ну и... Нет, Фаддейка, все равно не смогла бы.

— По-моему, никто нормальный не смог бы... А ведь есть люди, которые могут. Даже без расстрела, а просто так.

- Это не люди, а психи.

- Я и говорю... Значит, все мы висим на ниточке из психов?

Ну... не такая уж тонкая ниточка, — со старательной бодростью проговорила Юля.

— Юль, а ты согласилась бы умереть, если бы сказали: вот ты сейчас умрешь, а за это на Земле больше никогда не будет войны?

— Конечно, — искренне сказала Юля, хотя по спине опять прошел холодок.

— Я бы тоже. Даже и не испугался бы... Ну нет, испугался бы, но все равно... Юль...

— Фаддейка! Ты все-таки давай дорасскажи про Марс!

— Да что рассказывать. Ты все равно не веришь.

— Почему? Я верю... немножко. Интересно же.

Фаддейка повозился, устраиваясь в окне, как в раме картины. Хмуρο усмехнулся:

— Там все-таки проще, потому что без бомб. Но все равно обидно...

— Что обидно?

— Они там все такие... храбрые и гордые. Больше всего ненавидят предательство. А сами столько веков предавали всю планету...

— А сейчас? — осторожно спросила Юля. Она уже понимала, что эта сочиненная Фаддейкой сказка стала для него как самая настоящая правда.

Он сказал устало:

— Сейчас, наверно, нет. Они кончили воевать. Может, еще спасут Марс.

— А давно кончили?

— Откуда я знаю? Там другое время... Может, сто лет назад, а может, прошлой осенью...

* * *

Осень тянулась, как серая резина. Солнце не показывалось, и каждое утро было похоже на пасмурный вечер. Не случалось ничего плохого, но хорошего тоже не случалось, и все дни были одинаковы.

Одинаковые уроки, одинаковые разговоры, одинаковые телепередачи, одинаковые замечания в дневнике. И одинаковые мамины упреки — крикливые, полные суровых обещаний, но торопливые и потому не страшные.

Во дворе было сумрачно и пусто, лишь одни и те же малыши деловито давили трехколесными велосипедами палые кленовые листья. Эти листья — желтые, как подсолнухи, — были единственными светлыми пятнами. Но их быстро затаптывали...

Самое унылое крылось в том, что все было известно заранее: что будет завтра, послезавтра, потом...

В праздники, а иногда и просто в выходные — если был

«повод» — приходили одни и те же гости. Впрочем, иногда появлялся и новый — «интересный» — человек. Но и при новом человеке все шло по старому расписанию.

Нет, мама не требовала, чтобы сын шел спать или смотреть телевизор. Его сажали со всеми за стол, а телевизор выключали, чтобы это «современное бедствие» не мешало «общению».

Общение начиналось с тоста за хозяйку дома, скромного звяканья крошечными рюмками с коньяком («а юным товарищам нальем газировочку...»). После глотка гости с минуту молча брякали вилками о тарелки с закуской, а мама глазами показывала ему, что нельзя взваливать на стол локти и ронять на скатерть салат.

Затем лысоватый и очкастый Виктор Вениаминович, мамин сотрудник по отделу «Станкоэкспорта», хитровато спрашивал:

— А что, леди и джентльмены, пока вы ищете нить светской беседы, не подбросить ли анекдотик?

— Только приличный! — не переставая жевать, вставляла Лариса Германовна — пожилая дама с белой как вата (но не седой) прической, лучшая мамина знакомая.

Виктор Вениаминович воздевал пухлые ладони (мол, разве я способен на неприличие!) и предупреждал:

— Но если вы это уже слышали, останавливайте без церемоний.

Его не останавливали, хотя анекдоты повторялись по три раза. Все вежливо смеялись.

Разговор делался живее, однако новым не становился. Повторялись всё те же имена и случаи, решались бесконечно всё те же вопросы. И опять сорокалетняя красавица в парике Роза Анатольевна рассказывала историю, как она в Марселе «отстала от своих», не могла отыскать гостиницу, и ее проводил до отеля вежливый офицер с «американского парохода». «Представьте себе, весь в белом, и сам чернехонький! Негр! А говорят, что негров в Америке угнетают!»

Мама возражала, что негров действительно угнетают и что она, когда была в Нью-Йорке... и так далее. Разговор переходил на международные темы, и скоро все сходились на мысли, что «живем на ящике с динамитом, все посходили с ума, и неизвестно, чем все это кончится, но добром уж не кончится, это точно...».

Было в общем-то ясно, что насчет «ящика с динамитом» — это серьезно. И казалось глупым (и в то же вре-

мя уныло привычным), когда Лариса Германовна разрушала светский разговор визгливым криком:

— Эх, да что там, все едино! Не такие мы, что ли, бабы, как все?! Давайте-ка споем лучше! — И затягивала, как в фильме, где показывают деревенскую свадьбу:

Хаз-Булат удалой,
Бедна сакля твоя!..

Она кричала песню старательно, жмурилась от усердия, и смотреть на ее блестящее красное лицо было мучительно неловко, но люди за столом делали вид, будто так и надо, и добросовестно подтягивали.

...И все это было знакомо и привычно, даже стыд за глупую Ларису Германовну.

И тогда он, чтобы спастись от тоски, начинал вспоминать, как прошлым летом у мамы случился неожиданный недельный отпуск, и они ездили на дачу к знакомым, и несколько дней подряд одни, без надоедливых знакомых бродили по лесу и берегам очень синего озера и катались на лодке. И даже открыли крошечный необитаемый остров с осокой и камышами... И мама наконец-то никуда не спешила... Но кончилось это быстро и как-то скомканно. Однажды утром мама сказала, что на соседнюю дачу приехал человек, который хочет познакомиться с ее сыном.

— Кто? — удивился он.

— Видишь ли... это твой отец.

Почему-то он не почувствовал ничего особенного. Наверно, от слишком большой неожиданности. Только спросил:

— Значит, это неправда, что он погиб?

— Да. Я говорила тебе так, пока ты был маленький.

— А где он был?

— Жил. В Москве... С другой семьей.

— А почему он от нас ушел?.. Или ты ушла? — сумрачно спросил он.

— Он... Когда тебе было полгода.

— Ладно. Я подумаю...

Он думал полдня, и мама не торопила. Наконец он спросил:

— А раньше он почему не хотел познакомиться? Или ты этого не хотела?

Мама сказала очень серьезно:

— По-моему, он не хотел. Я тебя не прятала. Но он ни разу про тебя не спросил, не написал... Хотя, конечно, он знал о тебе кое-что. От общих знакомых.

— А когда мне было пять лет и я лежал в больнице с воспалением, он тоже знал?

— Да... Тогда было очень тяжело, и я написала ему.

— Я подумаю еще часик, ладно?

— Как хочешь...

Через час он сказал:

— Нет, я не пойду. По-моему, он предатель...

— Как хочешь, — опять сказала мама.

— А мы поедем опять на тот островок?

— Обязательно...

Но назавтра маму срочно вызвали на работу.

Впрочем, потом тоже было неплохо, было Верхоталье... Но лето промелькнуло, а осень потянулась, потянулась. Одинаковые дни...

Так было и в тот осенний вечер. Все то же самое. Только, пожалуй, слишком уж то же самое, чересчур! Потому что посреди надоевшей до одурения песни вдруг толкнулась и застучала отчаянная мысль: «Хоть бы что-нибудь случилось! Пусть хоть что! Лишь бы не эта одинаковость... Ну, пожалуйста, пожалуйста, пусть случится!!!»

И грянул в прихожей звонок.

Он показался неожиданно громким. Наверно, потому, что прозвучал в секундной тишине между куплетами песни. И песня подавилась этим звонком. И встревоженная мама при общем молчании вышла из комнаты и — уже не очень встревоженная, но удивленная — вернулась через минуту. Сказала сыну:

— Там тебя спрашивают... Какой-то пожилой мужчина. А зайти не хочет... Может, ты что-то натворил во дворе?

— Нет, — сказал он спокойно. Очень спокойно. Чтобы отвести подозрения. Потому что сердце бухнуло от тревожной догадки. — Это, наверно, дед Светки Ковалевой. Она болеет, а он ходит по ребятам, домашние задания спрашивает... Я сейчас...

— Не Светки, а Светы, — сказала мама...

В прихожей гостя не было, он стоял на лестнице у кабины лифта. Прямой, седой, знакомый. Слегка разошелся на груди плащ и приоткрыл панцирь — на нетускнеющей меди горела от лампочки искра.

— Фа-Тамир...

— Мой привет и привет всех иттов вам, сет...

— Привет, Фа-Тамир.

— Кони ждут, сет. Помните, вы обещали вернуться по первому зову?

— Я все помню, Фа-Т... — он вскинул голову и сказал суше: — Да, маршал.

— Значит, вы готовы ехать, сет?

— Я оденусь, ладно? Вечер холодный.

— Я дам вам плащ и шлем.

— Тогда... — Он прислушался. За дверью опять пели. — Идем, Фа-Тамир.

В старенькой школьной форме (в ней он уже не ходил на занятия, а носил ее просто так, дома), в легоньких кедах он с Фа-Тамиром, спустившись на лифте, вышел на холодный и очень темный двор. На детской площадке у спортивного бума, как у коновязи, стояли две лошади. Пофыркивали в сумраке.

Фа-Тамир снял с бревна поводья. Положил руку на седло того коня, что пониже.

— Садитесь, Фа-Дейк. Вам помочь?

Маленький сет народа иттов молча помотал головой.

Все отчетливее, все быстрее вспоминал он то, что было раньше: и густое фиолетово-чернильное небо, и топот конницы, и летящий навстречу красный песок. В теле, в ногах появилась привычная пружинистая сила. Сет Фа-Дейк легко прыгнул в седло.

Плащ и шлем сами собой оказались на нем. Прогудел под копытами асфальтовый двор, метнулись, размазались в желтые полосы огни в окнах, спутались, смешались в клубок и тут же развернулись в темную и широкую ленту-дорогу вечерние улицы. Понеслась совсем близко, у самых щек, звездная метель, зазвенела от ударов подков невидимая медь.

Плащ вытянулся за плечами, затрепетал.

Фа-Дейк выпрямился в седле, ослабил повод. Конек был резвый, послушный. Но незнакомый.

— А где мой Тир?

— Тир ушел в табун к диким лошадям, сет, — сухова-то отозвался Фа-Тамир.

— Не уследили?

— Его и не держали, сет. Он тосковал по вам и никого не подпускал к себе.

— Жаль. Теперь его не найти...

— Боюсь, что да, сет.

— Фа-Тамир, — на лету сказал Фа-Дейк с упреком и даже с тревогой. — Зачем ты так? Все «сет» да «сет». Раньше ты называл меня Огонек.

— Да, с... да, мой мальчик. Но сейчас другое дело.

Сейчас я посланец короля и должен держать себя, как велит это звание.

— Фа-Тамир! А зачем король зовет меня? Что-то случилось? — наконец не выдержал Фа-Дейк.

— Да... Да, сет. Он хочет попроситься.

— Но... как попроситься? Мы же попросились в тот раз.

— Он хочет попроситься совсем. Король умирает, Огонек, — сказал маршал.

Красные пески

Темная дорога кончилась, и вместо звездной пыли поехала навстречу песчаная пыль. В крошечных летящих крупинках кварца холодное солнце зажигало мгновенные колючие искры.

Копыта застучали по расколотым плитам древней дороги. Фа-Тамир придержал коня. Конь Фа-Дейка сам замедлил шаг. Всадники подъезжали к военному поселку иттов.

Беспорядочный, почти не укрытый от песчаных ветров городок вырос вокруг многобашенной гранитной крепости тауринов за долгие годы осады. Это было скопление потрепанных шатров, конных фургонов и кибиток, хижин, сложенных из обветренных сланцевых плиток, и шалашей, сплетенных из стрелолоста. Многие шалаша и хижины были крыты трофейными щитами тауринов.

Навстречу Фа-Дейку и Фа-Тамиру, кренясь и поскрипывая, пробежали две песчаные лодки на широких, как бочки, колесах. Пятнистые кожаные паруса лодок округло надувались и гнули тонкие составные мачты...

Воины внешнего оцепления окликнули приехавших и тут же склонили шишковатые шлемы — узнали. Внутренняя охрана уже не окликала: весть о прибытии побежала впереди всадников, как шелестящая песчаная поземка: «Юный сет, избранник короля... Сет Фа-Дейк... Слава Звездному Кругу, он успел...»

Кони пошли неторопливым шагом среди фургонов и кибиток. Женщины устало, но ласково улыбались и кивали всадникам. Воины трогали огрубелыми пятернями медные края шлемов или приподнимали копыта:

— Спасибо Кругу, вы вернулись, Фа-Тамир. С прибытием, сет, побед и теплого солнца вам... Привет вам, маршал. Здравствуйте, сет...

Голоса были негромкие и сдержанные. Фа-Дейк молча поднял руку к медному ободку шлема. Потом рука устала, он снял шлем и взял под мышку...

Королевский шатер стоял у подножья сланцевой скалы. Скала обглоданным гребнем торчала среди плоских дюн. Она была похожа на плавник засыпанного песком древнего рыбащера. Плавник этот защищал шатер от юго-восточных, наиболее пронзительных, ветров.

— Мне идти прямо к королю? — нерешительно спросил Фа-Дейк.

— Конечно, сет, — полушепотом, но строго отозвался маршал.

Четыре воина в блестящих бронзовых панцирях одинаково вскинули копья — салют сету и маршалу. Один взял повод у коня Фа-Дейка. Другому Фа-Дейк отдал шлем.

Перед занавесью шатра он оробело задержал шаг. Нет, он не боялся короля. Здесь Фа-Дейк вообще ничего не боялся. Но он никогда раньше не видел умирающих и не знал, как себя держать.

Занавесь колыхнулась, вышли два бородача в чешуйчатых нагрудниках: сет Ха-Вир — командир королевской оборонной сотни, а с ним мудрый хранитель древностей, летописец и знаток обычаев Лал — старый воин, полковник песчаной пехоты.

Ха-Вир чуть улыбнулся, тронул огрубелой, как подошва, ладонью оранжевые космы Фа-Дейка:

— Приехал... Здравствуй, наш Огонек.

Лал без улыбки, но ласково сказал:

— Войдите, сет, король давно спрашивает о вас.

Рах — Крылатый Зверь Пустыни и Северного Леса, старый король иттов, готовился умереть. Фа-Дейк увидел, что это правда, как только вошел. Лицо короля, обычно бронзово-коричневое, теперь было бледно-желтым. Оно резко, тревожно как-то выделялось на потертой кожаной подушке.

По самую бороду король был укрыт ворсистым плащом с вытертым узором. У правого бока, под локтем, лежал длинный меч без ножен — знаменитый королевский «Носитель молний». Пламя дрожало и потрескивало в плосках с земляным маслом, отблески его горели на прямом отточенном лезвии. Желтый блик светился на неживом выпуклом лбу короля.

Фа-Дейк остановился у входа.

Король умирал, но глаза его были ясные. И глазами он приказал всем выйти, а Фа-Дейку приблизиться. Четыре телохранителя и незнакомый старик в сером балахоне, видимо врач, бесшумно ушли из шатра. Фа-Дейк сделал несколько шагов и встал на колено у королевского изголовья.

Король смотрел в потолок и молчал. Грудь под плащом поднималась, но дыхание было неслышным. Зато слышно было, как снаружи скребут по кожаным стенкам шатра летящие песчинки: ветер был западный, и скала от него не защищала.

Острая каменная крошка попала Фа-Дейку под колено и больно колола сквозь штанину. Однако Фа-Дейк не двигался. Он смотрел на крючковатые худые кисти рук, лежавшие поверх плаща. Маленькому сету было неловко и жутковато. Впервые в жизни он так близко видел умирающего человека, да к тому же оказался с ним один на один.

Долго ли продлится молчание? Или заговорить самому?

Сеты имеют право первыми начинать разговор с королем. Но Фа-Дейк не смел. Да и не знал, что сказать. И горькая тишина давила, давила...

Нет, особого горя Фа-Дейк не чувствовал. Короля он не любил. Уважал его — да. За храбрость и справедливость. Благодарен ему был — за то, что обогрел и приютил в своем стане заблудившегося в красных песках мальчишку. За то, что велел иттам беречь найденыша, учить его здешней жизни и самим учиться у него нездешним премудростям (столь неожиданным у слабого ребенка из неизвестного племени, который был похож на детей иттов лишь песчаным цветом волос). Но любить короля Фа-Дейк не научился. Слишком неприступным и суровым казался великий Рах, слишком озабочен был делами своего народа и бесконечной войной, которую итты вели с тауринами. Фа-Тамир был ближе и проще, хотя и он не отличался щедростью на ласки...

Но король-то любил маленького сета, это знали все.

Король перевел глаза на Фа-Дейка, под усами шевельнулась улыбка. Слабым, но чистым голосом Рах сказал:

— Приехал, мальчик. Хорошо... А я боялся...

— Я торопился, — пробормотал Фа-Дейк. — Фа-Тамир сказал, и я сразу...

— Хорошо, — повторил король. — Надо успеть поговорить. А то вот-вот умру... Время уже...

Фа-Дейк заставил себя посмотреть королю прямо в лицо. И сказал как можно тверже:

— Нет, время еще не пришло. Вы поправитесь.

— Не говори глупостей. Ты хотя и найденыш, но жил среди нас, значит — итт. Итты не любят пустых слов...

Фа-Дейк виновато опустил глаза.

— Слушай меня, маленький сет...

— Да, великий Рах, — прошептал Фа-Дейк.

— Я помню, как тебя привели в мой шатер. Ты был замерзший, полуголый, иссеченный песком... Ты плакал...

— Да, король...

— Подожди... Ты плакал, и твое лицо было в пятнышках от песчинок. Они и сейчас... остались... Но... ты плакал, а стоять старался прямо. И отвечал на вопросы без страха. И я поверил тебе, хотя ты говорил много странно-го... Еще раз скажи, Фа-Дейк: в твоих рассказах ты ни в чем не обманывал меня?

Фа-Дейк опять посмотрел в глаза старого Раха.

— Никогда, король.

— Я так и думал... Ты знаешь многое, чего не знают здесь. Теперь это самое главное... Я решил...

Он надолго замолчал. Опять нависла тяжелая тишина, и Фа-Дейк наконец осмелился задать вопрос:

— Что вы решили, король?

— А?.. — старый Рах неловко шевельнулся. — Да... — Он слабым движением сдвинул на груди край плаща. На рубашке, тканной из шелковистого каменного волокна, лежала бронзовая бляшка с обрывками цепочки.

Король шевельнул губами:

— Возьми это.

Фа-Дейк взял. Бляшка напоминала тяжелую медаль с грубо обрубленными краями. Фа-Дейк увидел незнакомые письмена, вставшего на дыбы коня и маленькое лучистое солнце. Он вопросительно глянул на короля:

— Что это, государь?

Негромко, но твердо старый Рах произнес:

— Тарга. Знак верховной власти. Я отдаю эту власть тебе.

— Мне? — изумленно переспросил четвероклассник Фаддейка. — Зачем?

— Потому что я так решил. Не сейчас. Давно.

— Но я... как я буду? Я же.. маленький, — шепотом сказал Фаддейка.

Король опять шевельнул под усами улыбку:

— Маленькие бывают порой разумнее взрослых.

Я помню себя в десять лет. Я часто удивлялся, как безрассудны большие люди. Потом привык.

— Но меня никто не будет слушать, — чуть не плача сказал Фаддейка.

Король ответил сумрачно и жестко:

— Человека, у которого тарга, будут слушать все. Итты и таурины, и люди Лесного края, и дикие жители песков. Таков общий закон нашего мира.

Тогда юный сет Фа-Дейк осмелился не поверить королю:

— Но если это так... тогда почему вы не стали королем всех-всех? Даже не приказали тауринам сдать крепость?

— Потому что я не знал, что делать потом, — сказал король иттов.

Фа-Дейк удивленно и потерянно молчал. Он только шевельнул наконец ногой и почувствовал короткое, но сладкое облегчение от того, что ядовитая крошка больше не жалит колено.

Король тоже шевельнулся и проговорил теперь с трудом, хрипловато:

— Я мог приказать... А мог десять раз взять крепость приступом, без всякой тарги. А что дальше? Мы все привыкли жить этой войной. Ничего другого не знает никто. Сеты не знают, маршалы не знают. Мудрый Лал не знает...

— А я вообще ничего не знаю, — беспомощно сказал Фаддейка. — Я могу такого наворотить, что еще хуже...

С горькой и какой-то домашней улыбкой король ответил:

— Куда уж хуже-то, мальчик... Итты потеряли дорогу. У нас почти нет детей. Те, кто рождаются, — или не живут, или с пеленок думают о войне. Матери разучились кормить грудью... И не только у нас. Во всех землях...

— В крепости тауринов много детей, — возразил Фа-Дейк. — Помните, их князь Урата-Хал просил пропустить в крепость обоз с едой? Он поклялся, что эта еда только для маленьких.

— Да, я пропустил... Там много детей. Потому что люди живут в крепких домах и тепле. Это пока... Мы возьмем крепость, и воины перебьют всех.

— Воины не тронут мирных жителей! — опять возразил Фа-Дейк. — Итты знают законы войны.

— В крепости нет мирных жителей, — сказал король. Голос его осел и охрип еще больше. — Крепость всегда за-

щищают все ее люди... А у войны нет законов, не надо обманывать себя. В бою кровь ударяет в голову, и мечи рубят всех...

«Я не хочу быть королем, я не могу», — снова хотел заспорить Фаддейка. Но что-то сдвинулось у него в душе, и сет Фа-Дейк тихо спросил:

— Что я должен делать, король?

— Все, что хочешь, мальчик, — выдохнул старый Рах. — Все... Я говорю: хуже не будет...

«А что я хочу?.. Я домой хочу...»

Но тут он вспомнил серые осенние дни, унылое вечернее застолье и собственный крик души: «Хоть бы что-нибудь случилось! Пусть хоть что!..» Круг замкнулся.

Тарга тяжело лежала у Фа-Дейка в ладони. Он опустил ее в нагрудный карман школьной курточки. Шевельнулся, собираясь встать.

— Подожди, — одними губами попросил король.

Фа-Дейк опять замер у королевского изголовья.

— Уже недолго, — прошептал старый Рах. — Побудь... пока я...

Фа-Дейк вздрогнул. За разговором он почти забыл, что время короля уже отмерено. Теперь же предчувствие, что с минуты на минуту сюда придет смерть, прокололо маленького сета тоскливым страхом.

— Не бойся... — через силу сказал король. — Я знаю, ты не видел вблизи, как умирают. Но это не так уж страшно, поверь мне последний раз...

Фа-Дейк мотнул головой и сердито сказал:

— Я не боюсь. — И заплакал.

Он заплакал сразу, взхлеб. Не от страха, а от жалости, которая неожиданно и резко воткнулась в сердце. И от мысли, что через несколько минут они уже ничего не смогут сказать друг другу. Заплакал от несправедливости смерти, которая делает большого, сильного и храброго человека самым беспомощным на свете. Делает его никем. Он не мог остановить слезы и боялся, что король узнает его горькие мысли.

Но Рах улыбнулся и сказал отчетливо:

— Спасибо, малыш... Это добрая примета. Мы разучились плакать, а если кто-то от души плачет над иттом, значит, путь его в другой мир будет легким... хотя какой там другой мир...

Он замолчал, и слышались только Фаддейкины всхлипы.

Король сказал непонятно:

— Не так уж я и виноват...

Потом сделался очень строгим, уперся взглядом в кожаный потолок шатра. Ветер стих, и песок уже не скреб стены. Король сомкнул губы, положил на глаза ладонь, отодвинул локоть. Фа-Дейк перестал всхлипывать и замер в тоскливом предчувствии. Прошла минута, локоть дрогнул и ослаб. Фа-Дейк всхлипнул опять, но тут же отчаянно сжал зубы, встал, краем плаща вытер лицо.

Снаружи раздались беспокойные голоса. Фа-Дейк еще раз посмотрел на короля и вышел.

— Король умер, — прошептал он.

Опять упала глухая тишина. Безмолвие легло на кибиточный город осаждавших, мертвой казалась и крепость, громоздившая в фиолетовом небе башни с неровными зубцами.

Кто-то сказал тихо и значительно:

— К нам идет великий вождь тауринов князь Урата-Хал.

Сдержанный шепот прошелестел в толпе.

Высокий, костлявый и безбородый Урата-Хал шел один, без оружия и доспехов. Крылатый шлем он держал под мышкой, седые пряди шевелились над костистым лбом. Узкое лицо было сумрачным и спокойным. Воины и начальники иттов молча расступились. Таурин остановился перед Фа-Тамиром. Отчетливо, но без надменности он проговорил:

— Здравствуй, маршал. Здравствуйте, итты. Я узнал, что король Рах умирает, и пришел проститься.

— Король иттов умер, — сказал Фа-Тамир. — Сет Фа-Дейк был последний, кто говорил с ним.

Урата-Хал нагнул голову:

— Привет тебе, сет. Примите мою печаль, итты... Я могу побыть с королем?

Итты переглянулись.

— Войди в шатер, князь, — негромко произнес Фа-Тамир.

Урата-Хал скрылся за кожаным пологом. Никто не пошел вслед.

О чем будет думать вождь тауринов, оставшись наедине с мертвым королем иттов? С тем, кого долгие годы считал врагом и без кого не мыслил своей жизни? Не мыслил, потому что жизнь была постоянной войной, а в войне главным противником был король Рах. Их судьбы переплелись, вражда их давала смысл существованию... И может

быть, старый князь будет печалиться об умершем враге, как печалются о давнем товарище?

А может быть, подумает князь, что и он, Урата-Хал, не вечен в этом мире красных песков и не так уж много осталось дней? Не придет ли мысль: зачем они, эти дни, — те, что прошли, и те, что еще будут? Зачем эта война?

А может быть, он и не станет думать об этом, а будет просто отдыхать в тишине от вечных опасностей и забот. Здесь он в такой безопасности, какой никогда не ведал в крепости. Там в него может попасть пущенная из стана врагов стрела или камень метательной машины, может отыскаться изменник-убийца (хотя и редки такие люди среди таруинов и среди иттов), может рухнуть на голову разрушенный зубец башни... А здесь ничто не грозит старому вождю, появившемуся в стане врагов без меча и панциря. Ни один итт, пусть даже с самой коварной душой, не посмеет нарушить древнего обычая и тронуть безоружного противника, который пришел, чтобы разделить печаль о короле...

Никто из хмурых и опечаленных иттов, столпившихся у королевского шатра, не смотрел на Фа-Дейка. И друг на друга не смотрели. Сейчас каждый остался как бы сам с собой, чтобы в одиночестве пережить печальную весть. Итты переносят горе молча. Фа-Дейк взял у стражника шлем и медленно пошел среди кибиток и шалашей. Он не знал, что делать теперь и что будет дальше. Тоскливо было...

Изредка попадались навстречу молчаливые воины. Некоторые несли ветки стрелололиста и сучья высохших песчаных деревьев. Фа-Дейк понял, что это для погребального костра.

Несли сучья и женщины, но они встречались реже. Их вообще было мало в поселке иттов. А ребятишек не было видно совсем.

Кибиточный городок притих, но все-таки жизнь не замерла окончательно. На краю поселка, у кособокого кожаного фургона, дымили кухонные костры. Две костлявые старухи колдовали над котлом. Одна беззубо улыбнулась Фа-Дейку, спросила:

— Хочешь нашей похлебки, Огонек?

Он покачал головой. Спыхватился и ответил, как подбает сету:

— Благодарю, добрая женщина. Мир твоей крыше...

Потом усмехнулся: «Мир...» — и подумал: «А куда это

я иду?» Хотел повернуть назад, но услышал за палатками и хижинами слабый вскрик. Станный, вроде бы детский.

Сет Фа-Дейк постоял, нахмурился, надел шлем. Пошел на голос, перешагивая вытянутые по земле оглобли фургонов.

У крайнего шатра стояли воины из сотни конной разведки — песчаные волки. Беседовали, усмехались. Увидели юного сета, любимца короля, подтянулись:

— Привет вам, сет...

— Ходят слухи, что вы последний говорили с королем...

— Что сказал король на прощанье?

Фа-Дейк медленно обвел песчаных волков глазами. Взгляд этот напомнил им, что сету могут задавать вопросы только другие сеты, маршалы или король. Воины притихли. Один, в кожаном шлеме с золоченой стрелкой, — видимо командир — неторопливо сказал:

— Примите нашу печаль, сет.

Но никакой печали не было на его широком, неприятно открытом лице с голым подбородком и выпуклыми глазами. И Фа-Дейк не ответил командиру волков. Он помолчал и спросил:

— Здесь кто-то кричал. Что случилось?

Выпуклые глаза сотника стали внимательными, но ответил он небрежно:

— Мальчишку поймали, разведчика из крепости.

Фа-Дейк не выдал интереса и неожиданной болезненной тревоги. Спросил так же небрежно:

— Разве сейчас не перемирие? Урата-Хал в нашем лагере...

Сотник сказал с коротким зевком:

— Еще до перемирия поймали. Да это и неважно.

— Почему неважно?

— Он шел не из крепости, а из песков. Видимо, оставлял там знаки для каравана...

Сотник держался чересчур независимо и не прибавлял в конце фразы слова «сет». Это была явная наглость, волки всегда позволяли себе лишнее. Фа-Дейк не стал делать замечаний, сет не должен опускаться до пререканий с каким-то предводителем дикой сотни. Он только сказал в отместку:

— Я думал, храбрые волки давно перекрыли все караванные пути тауринов...

Он знал, что это не так. Сколько бы ни рыскали в песках и скалах конные патрули иттов, перехватить все караваны они не могли. В непроницаемой тьме песчаные лод-

ки под черными парусами бесшумно бежали по дюнам к крепости. Это посылал осажденным еду и оружие лесной народ, который был давним союзником тауринов. Люди леса научились пользоваться парусами не хуже иттов.

Лодки останавливались в неведомых иттам местах, а оттуда таурины несли груз в крепость тайными подземными ходами. Кое-какие ходы разведчики иттов отыскивали и засыпали, но многие еще найти не могли. И крепость держалась долгие годы. И будет держаться бесконечно...

Сотник уязвленно сказал:

— Мы перекрыли почти все пути. Сегодня мальчишка скажет, где была стоянка недавнего каравана. Там у них последняя лазейка, засыплем и ее.

Фа-Дейка опять уколола тревога. Тоскливая, смешанная с неясным страхом. Но отозвался он с рассеянным видом:

— Думаете, он скажет?

Воины гоготнули. Командир тоже не сдержал усмешку:

— Волки умеют развязывать языки даже заржавелым от шрамов тауринским начальникам, которые не боятся ни ядовитых игл, ни раскаленного железа. А этот — сопливый мальчишка, даже меньше вас... О, простите, сет!

Сотник испуганно наклонил голову, но насмешливый огонек в похожих на коричневые лампочки глазах не погас. Фа-Дейк глянул в эти глаза и смотрел в них, пока не заставил сотника потупитьсь. Теперь Фа-Дейк был просто сет иттов, в нем не осталось ничего от четвероклассника Фаддейки.

Сет сказал:

— Может быть, волки и умеют развязывать чужие языки, но хорошо бы им научиться держать на привязи свои. Не правда ли, сотник?.. Я жду ответа.

— Да, сет, — сквозь зубы выдавил командир волков.

Фа-Дейк медленно пошел от сотника и его воинов, и длинный плащ тянулся за ним, шуршал по камням.

Недалеко от королевского шатра Фа-Дейк встретил Фа-Тамира.

— Отдохните в моей палатке, сет, — сказал маршал.

— Потом... А когда погребение, Фа-Тамир?

— Завтра после восхода...

— Фа-Тамир... Как зовут сотника песчаных волков? Он такой... глаза, как у жабы.

— У кого, сет?

— А, вы не знаете... Ну, такие нахальные глаза. И круглое лицо.

— Наверно, это Уна-Тур... А что случилось?
— Ничего. Он мне не нравится, ведет себя нагло.
— Да. Но он храбр...
— Подумаешь, заслуга, — усмехнулся Фа-Дейк. — Кто из иттов не храбр? Надо еще быть... человеком. Даже если называешься «волк».

— Сейчас жестокое время, Огонек, — вздохнул Фа-Тамир.

Фа-Дейк вздрогнул от неожиданной ласки, поднял глаза.

— Фа-Тамир, они поймали разведчика...

— Да, я слышал уже...

— Я подумал вот что. Когда печаль и погребение, обычай велит делать добрые дела... Может, отпустим его к своим?

— Доброе дело для врага — разве доброе дело? — хмуро сказал маршал.

— Он же еще не взрослый, — виновато проговорил Фа-Дейк. — Разве итты воюют с ребятами?

— Он разведчик. Значит, воин. Законы войны одинаковы для всех.

«У войны нет законов», — вспомнил Фа-Дейк. И тихо спросил:

— Правда, что его будут пытаться?

Фа-Тамир отвел глаза. Пожал плечами:

— Если он сразу не скажет то, что знает. Но он ведь не скажет... пока не заставят.

— А что он знает-то? Ну, покажет стоянку и ход, который ему известен. А этих ходов десятки. Что толку?

— И все-таки... Еще одну ниточку перережем.

Фа-Дейк угрюмо молчал. Потом спросил, глядя в землю:

— А если бы я попался тауринам, меня тоже пытали бы?

— Едва ли! За сета запросили бы выкуп. Обошлись бы с почетом.

— А если бы я знал тайну, которая важнее выкупа?

Маршал подумал и сказал неохотно:

— Итты не позволят, чтобы вы стали пленником таурнинов. Не бойтесь, сет.

— Разве я боюсь? Я не об этом...

Фа-Тамир положил руку на шлем Фа-Дейка.

— Огонек... Волки все равно не отпустят его. Это их добыча, а добычу по закону не может отнять никто. Даже король.

Фа-Дейк вскинул глаза:

— Даже король?

— Да... Кстати, сет, что говорил вам король в последние минуты? Итты ждут, что вы передадите его слова всем.

— Что?.. Я передам, да. Чуть позже, Фа-Тамир.

Он мягко убрал голову из-под ладони маршала и пошел не оглядываясь. Через пять минут он опять был у крайнего шатра. Воины-волки все еще стояли там. Снова подтянулись, глянули на сета выжидательно и вроде бы почтительно.

Фа-Дейк лениво сказал:

— Я хочу посмотреть на пленника, Уна-Тур...

Сотник осклабился: любимец короля удостоил его обращения по имени.

— Как будет угодно сету. Идемте, сет...

Разведчика держали в хижине, сложенной из каменных плит. Уна-Тур отодвинул на щелястой двери бронзовый засов. Пропустил Фа-Дейка вперед.

В хижине было светло, колющее солнце било в широкие щели. Тощий темноволосый мальчишка, ровесник Фа-Дейка, сидел скорчившись в углу на камне. Он был босой, в узких кожаных штанах, стянутых на щиколотках ремешками, в мохнатой безрукавке. Тонкие голые руки в локтях и у кистей были перемотаны за спиной сыромятным ремнем.

Когда вошли, мальчик быстро повернул острое лицо с высохшими подтеками слез. В темных глазах мелькнули по очереди надежда на чудо, испуг, отчаяние. Он опять отвернулся, прижался плечом к стене. Но Фа-Дейк успел разглядеть его лицо. Мальчишка был, кажется, похож... Или показалось?

Или правда он похож на Вовку Зайцева из Фаддейкиного класса? На шуплого Вовку Зайцева, который боялся уколов, и над ним за это смеялись (и было время, Фаддейка смеялся. Сначала. А потом не стал... А потом Вовка уехал). Этот Зайцев боялся уколов и плакал от обид, но обидчиков никогда не называл, если его спрашивали взрослые...

Фа-Дейк оглянулся на Уна-Тура. Сказал, пряча свои мысли под насмешкой:

— Волки стали так осторожны, что одного мальчишку держат связанным...

— Просто забыли развязать, — буркнул сотник. Шагнул к мальчику, чиркнул кривым кинжалом по ремню у локтей. Ремень ослаб, опал. Мальчик пошевелил локтями,

освободил кисти. Но на Фа-Дейка и Уна-Тура не смотрел. Коротко, со всхлипом, вздохнул.

— Оставьте нас, — приказал Фа-Дейк сотнику. — Может, я договорюсь с ним быстрее, чем вы... И закройте дверь.

Уна-Тур вышел. Дверь за ним бухнула излишне сердито.

Мальчик не двигался.

Фа-Дейк встал в двух шагах от него. Помолчал, томясь от неловкости, негромко спросил:

— Как тебя зовут?

Мальчик опять не шевельнулся, но ответил сразу:

— Кота...

Или «Хота»? У тауринов такой же язык, как у иттов, но говорят они мягче, с придыханием. Ладно, пусть Хота...

— Хота, ты проводник караванов?

Он медленно поднял лицо. Ну, в самом деле, так похож на Зайцева... Он сказал сипловато:

— Не проводник я... Просто ходил в песках, смотрел, где силки поставить на кротов. Мяса в крепости нет...

— Неправда, ты проводник и разведчик, — тихо сказал Фа-Дейк. — Ты ставил знаки для каравана. И ты знаешь, где подземный ход...

Хота опять опустил голову. Грязными худыми пальцами тер кисти со следами ремня. Зябко шевелил плечами.

«Тебя будут мучить», — хотел сказать Фа-Дейк, но не посмел. К тому же мальчишка это знал сам. Он вдруг проговорил еле слышно:

— Я знаю только один ход. А будут выпытывать про многие...

— Не будут. Всем известно, что каждый разведчик знает лишь один ход, свой... Если покажешь, тебя не будут... я попрошу, чтобы тебя отпустили.

Хота посмотрел прямо в лицо Фа-Дейку мокрыми блестящими глазами.

— Вы же понимаете, сет, что я не могу сказать...

— Ты меня знаешь?

— Да... Я видел вас со стены. Вы ехали на конях вместе с вашим королем... — Он со всхлипом переглотнул и сказал почти умоляюще: — Вы же понимаете, что я не могу сказать, где ход...

Фа-Дейк это понимал. Но понимал и другое: заставят.

Кажется, он не просто подумал, а сказал это. Хота помотал головой, как Вовка Зайцев, когда у него требовали назвать обидчиков. Ощетинился и отчаянно проговорил:

— Я умру, а не выдам. Все равно...

Фа-Дейк вспомнил сотника Уна-Тура и его ухмыляющихся волков. «Не дадут умереть, пока не выдашь», — подумал он. И маленький проводник уловил эту мысль. И съежился, стиснув себя за исцарапанные локти.

Фа-Дейк сам не знал, как не удержался, спросил шепотом:

— Боишься?

Хота сжался еще сильнее и ответил не как врагу и не как сету, а просто как мальчишке:

— А ты бы не боялся?

«Я и сейчас боюсь, — подумал Фа-Дейк. — А чего?»

Пленный проводник опять судорожно глотнул и сказал глухо:

— Мне за маму страшно. Я не выдержу, а она будет мать предателя... Ее будут гонять босиком по острым камням и уморят голодом...

— Разве так бывает? — испуганно спросил Фа-Дейк.

— А как же еще бывает? Только так...

Фа-Дейк сел на камень в трех шагах от пленника.

— Хота...

— Что? — вздрогнул мальчик.

— Не знаю, что... Мне тебя жалко.

Мальчик вскинул мокрые глаза:

— Да?

— Да... Только я не знаю, что делать. — Но он уже знал.

— Дай мне кинжал, — быстро прошептал Хота. — Я заколюсь и тогда ничего не скажу.

Фа-Дейк опять почему-то вспомнил Вовку.

— Ты думаешь, это легко? — сказал он. — Ты не сможешь...

— Я попробую.

— Не сможешь. Сил не хватит.

— Ну... тогда заколи меня ты. Я глаза закрою... А ты потом скажешь, что я на тебя напал, а ты защищался.

— Ты что, спятил? — сказал Фа-Дейк. — Да и нету у меня кинжала. Я... подожди.

Он встал, подошел к двери, притаился на миг и рванул ее. Но волков близко не было, никто не подслушивал. Фа-Дейк встал посреди хижины, скинул плащ, бросил на него шлем.

— Надевай. В этом тебя никто не остановит.

Хота кинулся к плащу. Но не взял его, медленно выпрямился. Покачал головой:

— Нельзя. Тебя убьют.

— Меня? — сказал Фа-Дейк. — Сета? — Он усмехнулся, хотя сердце у него холодело. — Надевай.

Они были одного роста. Шлем закрыл у Хоты волосы и лоб, медный козырек бросил тень на глаза. Плащ окутал мальчишку до пят.

«А ноги все же будут видны, когда пойдет», — подумал Фа-Дейк.

— Постой... — Он торопливо расшнуровал и сбросил кеды. Хотя суетливо и неумело завозился со шнуровкой незнакомой обуви. Фа-Дейк помог ему и шепотом предупредил: — Не вздумай идти сразу в пески. Иди сначала через табор, мимо главных шатров. Если окликнут, опусти голову и не отвечай, тогда подумают, что ты... то есть я... очень печальный, и не подойдут. В пески уходи с западного края, там нет сейчас сторожевых волков. А в дюнах — там уж смотри сам.

— В песках меня не поймают, — жарко прошептал Хота. — Я попался тогда по глупости. А теперь — ни за что...

— Всё, иди. Прощай...

— Прощай... А тебе ничего не будет?

— Иди, Хота, иди.

— Фа-Дейк, прощай, — с придыханием проговорил Хота. — Мама скажет теперь, что у нее два сына...

Одними губами Фа-Дейк повторил:

— Иди, Хота, иди...

Красные пески

Продолжение

Со связанными за спиной руками, растрепанного и босяго, будто пленного врага, его повели через онемевший от изумления стан. На площадку перед королевским шатром. По пути Уна-Тур несколько раз толкнул его тупым концом копыя.

— Плешивый шакал, — сказал Фа-Дейк. — Ты поднял руку на сета.

— Ты не сет, а предатель, — злорадно отозвался из седла Уна-Тур.

— А ты не сотник, а покойник. Через час тебя будут жрать ящерицы-камнееды...

Уна-Тур толкнул его снова, и Фа-Дейк, чтобы не упасть, почти бегом выскочил на площадку — прямо перед Фа-

Тамиром, Лалом, сетом Ха-Виром и другими командирами. И сразу вознесся гневный голос Фа-Тамира:

— Что творишь, сотник! Воины, взять изменника! Развяжите сета! Плащ сету!

Три королевских стражника метнулись к Уна-Туру. Тот вздыбил жеребца и яростно завопил:

— Я не изменник! Послушайте же меня, мой маршал!

Кто-то рассек отточенным концом меча ремень на запястьях Фа-Дейка. Фа-Дейк освободил руки, как недавно это делал Хота. Потом швырнул скомканный ремень в лицо Уна-Туру и сказал по-русски:

— Я покажу тебе предателя, паршивая волчья шкура. — Он был так зол, что уже ни капельки не боялся.

Воины окружили сотника, но теперь стояли в нерешительности, потому что он крикнул:

— Клянусь Звездным Кругом, я невиновен, мой маршал! А он — не сет, он предатель.

— Сет — всегда сет, — сказал мудрый Лал и кинул на плечи Фа-Дейка грубый военный плащ. — Лишить сета этого звания может только король. А короля... да будет ровен его путь в дальний мир... теперь у нас больше нет. Выслушаем всех в терпении. Сет Фа-Дейк, скажите нам, в чем обвиняет вас этот человек? Что произошло между вами?

— Да ничего особенного! Просто я отпустил пленного мальчишку!

— Разведчика? — быстро и насупленно спросил Фа-Тамир.

Все молчали. Только Уна-Тур дернулся в седле, хотел что-то крикнуть, но десятник королевской стражи с размаху положил на его плечо руку в боевой чешуйчатой рукавице.

Наконец старый сет Ха-Вир медленно спросил:

— Зачем вы это сделали, Фа-Дейк?

«Потому что мне его жалко!» — чуть не вырвалось у Фа-Дейка. Но он сказал иначе:

— Я не хотел, чтобы в дни печали в стане иттов была жестокость. Волки замучили бы мальчика.

— Это никого не касается! — вскинулся опять Уна-Тур. — Это была наша добыча! Добычу волков не может отобрать даже король!

— Короля нет, — снова напомнил Лал. — Помолчи, сотник.

«Короля нет...» — подумал Фа-Дейк и ощутил в нагрудном кармане тяжесть тарги. До сих пор он о ней поч-

ти не помнил, о другом были мысли. Но сейчас наконец пришло ясное понимание: что же случилось на самом деле. Если старый Рах сказал, если он отдал таргу... Значит, правда?

«Но не хочу я! — крикнул себе Фаддейка. — Я не знаю, что делать!»

«Делай что хочешь, хуже не будет...»

Сет Фа-Дейк медленно оглядел всех, кто обступил его. Голова кружилась от усталости и от голода. Честно говоря, хотелось даже заплакать. Но Фа-Дейк скривил губы и отчетливо сказал сотнику:

— Добычу король отобрать не может. Но может сделать голову твою добычей шакалов...

— Но короля нет! — дерзко хохотнул Уна-Тур. Десяток его всадников приближались к шатру.

— Король будет, — сказал мудрый Лал, летописец и полковник песчаной пехоты. — Сеты выберут короля сегодня же, раз великий Рах не оставил преемника.

Фа-Дейк вскинул голову, чтобы возразить, но медленно и тяжело заговорил Фа-Тамир:

— Сеты выберут короля. Но сету Фа-Дейку лучше не участвовать в этом. Пусть Фа-Дейк уходит, пока он сет и никто из иттов не может тронуть его. Выбранный король лишит его звания и защиты.

— Почему? — Фа-Дейк хотел спросить это гневно и громко, но получилось почти со слезами. Как в учительской, когда обвиняют напрасно.

Старый справедливый маршал Фа-Тамир заговорил опять, и слова его падали, как камни:

— Наверно, вы думали, что поступаете справедливо, сет. Но все равно: то, что вы сделали — измена.

В ответ полагалось швырнуть в лицо обвинителя боевую рукавицу. Но не было рукавицы, да Фа-Дейк сейчас и не поднял бы ее — пудовую, из бронзовых пластин. И какой мог быть поединок у мальчишки с прошедшим через тысячу боев маршалом?

Фа-Дейк сипло от слез спросил:

— Кому я изменил?

— Вы предали народ и армию иттов.

— Но итты... все люди, все войско, это же такое... громадное. А он был беззащитный. Если бы я не отпустил... я предал бы его...

— Но он враг! — воскликнул кто-то из воинов.

— Он мне не враг. Он... такой же, как я. Дети не воюют с детьми.

— Как же не воюют, — мягко, осторожно как-то возразил Лал. — У тауринов полно разведчиков. У нас... мальчишки тоже помогают воинам. Вы и сами, сет, в прошлом году были в конной стычке.

— Да... дети могут воевать со взрослыми. Взрослые тоже воюют с детьми, они одичали. Но дети не воюют с детьми ни на одной планете — они еще не походили с ума!

— Вас никто не просил воевать с этим сопляком, — нагло подал голос Уна-Тур. — Ваше дело было не вмешиваться.

Тарга оттягивала карман. Фа-Дейк незаметно, под плащом, вынул ее и зажал в кулаке. И сказал:

— Что-то совсем непонятное происходит у иттов. Сеты стоят, а сотник говорит с ними, не сходя с коня. Уж не стал ли он королем?

— Сойди с коня, сотник! — грозно крикнул сет Ха-Вир.

— Слушаю, сет... — отозвался Уна-Тур. Кажется, с насмешкой. Сделал движение, будто хочет спешиться, но остался в седле. И никто не заметил этого, потому что маршал Фа-Тамир заговорил опять — печально и тяжело:

— Ваши слова, сет Фа-Дейк, говорят о вашем уме. Про ум ваш и доброту знают все итты. Но сейчас вы нанесли нам вред. Ход, о котором знает проводник, остался для нас тайной...

— Подумаешь, один ход! Их полным-полно!

— И все-таки он поможет тауринам продержаться лишние дни.

— Им не придется держаться... Фа-Тамир, я устал стоять босиком на холодном песке, коня мне... — Возникло торопливое движение; Фа-Дейк оставался сетом, и коня подвели немедленно. Того послушного конька, на котором он прискакал сюда. Фа-Дейк прыгнул в седло, и плащ свесился по бокам, закрыв стремяна и босые ступни...

— Почему тауринам не придется держаться в крепости, сет? — вкрадчиво спросил мудрый Лал. — Вам известно что-то тайное?

— Ничего тайного. Мы сегодня снимем осаду.

— Великий Звездный Круг! Кто это решил? — воскликнул сет Ха-Вир, храбрый и простодушный воин.

— Я, — сказал Фа-Дейк.

Смеялись все. Сеты смеялись, и простые воины, и сотник Уна-Тур, который так и остался в седле. Один Фа-Тамир не смеялся, он смотрел на мальчишку с печалью. Он любил Фа-Дейка и теперь горько сожалел, что болезнь

помutilа разум юного сета... Впрочем, болезнь лучше, чем измена...

Тогда Фа-Дейк протянул Фа-Тамиру таргу. И проговорил совсем не по-королевски, а как смущенный четвероклассник, потому что решительность опять оставила его:

— Вот... Это дал король. Он сказал, что теперь я... Он сам сказал, честное слово...

Фа-Тамир стряхнул в песок боевую рукавицу и протянул руку. Но рука эта вдруг замерла, окаменела, не коснувшись бронзовой бляшки.

— Великие силы... — хрипло сказал маршал. — Смотрите, Лал... Точно ли это она?

Мудрый Лал встал рядом с маршалом, глянул. Побледнел — загар его стал бледно-желтым. Лал сказал, как и Фа-Тамир:

— Великие силы... — Потом спросил, забыв об этикете: — Откуда она, мальчик?

— Король дал, — пробормотал Фаддейка.

Маршал сурово проговорил:

— Итты! Наш великий король Рах владел таргой. Он передал таргу сету Фа-Дейку вместе с властью.

Сеты, командиры и простые воины сдвинулись молчаливым кругом.

— Тарга ли это? — спросил сет Ха-Вир. — Ведь она исчезла больше ста лет назад, когда правил великий Ду-Ул, разрушитель стен.

— Потому и исчезла, — прошептал Лал.

— Не подделка ли это? — осторожно проговорил молодой, незнакомый Фа-Дейку сет.

— Клянусь всем миром, нет, — тихо ответил Лал. — Эту работу древних чеканщиков подделать нельзя, утерян секрет...

Ха-Вир пробормотал:

— Но если она была у короля, то почему великий Рах...

Маршал Фа-Тамир сурово перебил его:

— Кто смеет задавать вопросы королю? Особенно когда он мертв!.. Сеты, смотрите и отвечайте: есть ли у вас сомнение, что это тарга, знак верховной власти над всеми обитаемыми землями?

Сеты молчали. Наверно, не потому, что было сомнение. Просто никто не решался признать таргу первым.

— Подождите! — вдруг воскликнул Лал. — Вот идет пождь тауринов Урата-Хал... Князь, окажите честь, подойдите к нам для беседы.

Урата-Хал, прямой и печальный, неспешно подошел.

На острых красно-коричневых скулах горели блики от низкого вечернего солнца.

Тихо, но очень внушительно Лал произнес:

— Великий вождь, сет и князь тауринов, обращаюсь к вашей мудрости и заклинаю вас вашей честью. Посмотрите и, если можете, скажите нам: что в руке у юного сета Фа-Дейка?

Князь подошел к Фа-Дейку, тяжело загребая песок бронзовой чешуей оторочки плаща. Смотрел и молчал с полминуты. Лицо его не изменилось. Он сказал, кажется, без удивления и устало:

— Клянусь словом и честью, это тарга. Судьба ваша счастлива, итты... Кто же владетель знака верховной власти?

— Тот, кто держит. Иначе не может быть, князь, — отозвался Фа-Тамир.

Урата-Хал посмотрел Фа-Дейку в лицо. Вождь тауринов был так высок, что глаза его оказались вровень с глазами сидящего на коне юного сета. Твердые, но измученные были у князя глаза. И Фа-Дейк опустил свои, не выдержав прямого и печального взгляда.

Урата-Хал проговорил, опустив плечи:

— Ну что же... Ни итты, ни таурины, ни другие люди еще не стали бессмысленными кротами и шакалами, чтобы забыть великие законы предков. Какое будет твое слово, повелитель? Покорившись владетелю тарги, таурины не уронят чести... — Он горько улыбнулся. — Что я должен сделать? Впустить иттов в крепость? Отдать свой меч?.. Хотя сейчас у меня нет меча...

— Нам его и не надо, — давясь от непонятого смущения, пробормотал Фа-Дейк. Таргу сжал в потном кулаке, а кулак спрятал под плащ. И сказал решительней: — Итты не войдут в ваш город... То есть, может, войдут, но без оружия. Мы заключим равный и вечный мир. Больше никогда не будет войны.

Долго молчали изумленные итты, молчал и вождь тауринов. Потом он произнес негромко:

— Все матери тауринов назовут тебя своим сыном, мальчик... О, прости, владыка земель.

А мудрый Лал, летописец иттов и полковник песчаной пехоты, спросил:

— Но что же будут делать люди, если война кончится, повелитель?

— Что?! — яростно вскинулся Фа-Дейк. И вскрик его разнесся в вечернем воздухе, который быстро остывал и

холодил щеки. — Стены разрушены! Пески везде! Вы... вы же забыли вкус хлеба, едите только мясо кротов и конину, потому что негде сеять зерно! Вы что, сами не видите? Надо строить стены и дороги! Надо, чтобы снова росли леса! Везде, а не только на севере! Надо, чтобы никто не боялся! И чтобы с лесным народом тоже мир!.. Да вы что, сами не понимаете?..

— И что же? — раздался голос наглого сотника Уна-Тура, о котором все забыли. — Значит, войны-волки должны будут ковырять землю и таскать камни, как пленники или трусы, которые не умеют сражаться?

— Ир-Рух, — с облегчением сказал Фа-Дейк десятнику королевской стражи. — Лишите сотника коня и меча. Отправьте его под стражу. После погребения короля и заключения мира напомните мне о нем, я решу, что делать с этим человеком.

Уна-Тур вздыбил заржавшего жеребца и крикнул, оскалившись:

— Твоя тарга — жалкая медяшка! Ты сопливый самозванец! Волки, за мной! Пески не выдадут нас!

Сотник бросил коня прямо на пеших воинов, они отскочили. Всадники-волки поскакали вслед за своим командиром. Опомнившись, бросилась в погоню конная стража...

Ночь пришла звездная и холодная. Темная была ночь, хотя две маленькие луны быстро катились по черно-искристому своду. Фа-Дейк постоял у откинутой занавеси, посмотрел на эти светлые бегучие шарики, отыскал потом глазами знакомое созвездие Ориона, вздохнул и вернулся в теплоту шатра — в запахи земляного масла от светильников и старой меди от панцирей охраны. Лег на расшитые войлоки.

Шатер был Фа-Тамира. Маршал уступил его владельцу тарги, пока в королевском шатре лежит, дожидаясь погребения, великий Рах.

Десять ратников королевской стражи, не шевелясь и, кажется, не дыша, застыли вокруг широкого ложа. Фа-Дейк стеснялся их, но не решился приказать им выйти.

Он лег навзничь, вдавившись затылком в кожаный мешок, набитый шерстью. Тарга лежала в нагрудном кармане и плоской своей тяжестью напоминала о себе.

Фа-Дейк ужасно устал и ни о чем не думал связно...

Вошел Фа-Тамир, снял шлем, спросил:

— Я отошлю воинов, повелитель?

— Ага... — облегченно выдохнул Фа-Дейк.

Ратники неслышно вышли один за другим.

— Осмелюсь ли я просить владетеля тарги... — начал маршал.

Фа-Дейк устало сказал:

— Не надо, Фа-Тамир. Говори по-человечески.

— Хорошо... — Старый маршал сел в ноги у Фа-Дейка. — Ну что, Огонек? Как тебе сейчас?..

— Я не знаю, Фа-Тамир... Я не знаю: что делать дальше?

— А дальше ничего не надо, мальчик. Ты сделал самое главное: остановил войну.

— Но потом я тоже что-то должен делать!

Фа-Тамир покачал седой головой:

— Ничего. Завтра, после погребения Раха, мы объявим иттам и тауринам, что владетель тарги вернулся к себе, в свой далекий край.

Фа-Дек помолчал. Затем спросил с облегчением, но и с обидой:

— Почему?

Фа-Тамир чуть улыбнулся:

— Ты хочешь найти одну причину? А их много...

— Ну, хоть одну... Скажи!

— Хорошо. Не обижайся, Фа-Дейк, но тебе иногда кажется, что нас нет и ты нас просто придумал...

— Ну и... Ну и какая разница? Вы же все равно есть!

— Конечно... Но вот еще причина: когда вы, сет... про-сти, Огонек... когда ты думаешь о наших заботах, ты думаешь о своей Земле. Я давно это понял.

— Ну и что? — неловко сказал Фа-Дейк.

— Нет, ничего. Иначе и быть не могло... Но ты еще многого не понял. Не знаешь даже, кто виноват в этих войнах: итты, таурины, лесные люди, жители южных скал? Вожди или простые люди?

— Это я как раз понял, — хмуро сказал Фа-Дейк. — Все хороши.

Раньше, когда жил он в королевском стане и в столице иттов, ему казалось, что итты — самые храбрые, самые честные, самые умные, а таурины виноваты во всем. Это они много лет назад начали войну и до сих пор не хотят признать справедливость иттов. И он радовался, когда случился пожар в крепости врага. И ликовал, когда, оказавшись в случайной схватке среди песков, увидел (правда, издалека), как воины иттов арканами свалили двух тауринских всадников...

А если бы в самом начале попал он не к иттам, а к тауринам?..

А маленький, похожий на Вовку Зайцева Хота разве в чем-то виноват?

Он учился у иттов скакать на коне, метать дротики и читать нацарапанные на тонких кожах старые карты пустынных земель. Но земли принадлежали не только иттам. И карты эти рисовали не итты, а древние художники — общие предки нынешних племен.

Среди песчаных равнин, среди холмов и дюн стояли высокие башни с колоколами, которые оставили нынешним людям неведомые, жившие в незапамятные времена народы — люди тех веков, когда на месте песков шумели кудрявые леса и плескались теплые озера... Ни итты, ни таурины, ни жители окраинных земель не трогали эти колокола даже тогда, когда не хватало меди для доспехов. На Марсе, несмотря ни на что, еще сохранялись давние обычаи: нельзя трогать колокола, нельзя убивать крылатых ящериц, нельзя не повиноваться тарге...

Был суров, сумрачен и дик этот пустынный фиолетово-красный мир, и все же он привязал к себе маленького Фа-Дейка.

Но через несколько месяцев Фаддейка затосковал по дому...

Сейчас Фа-Тамир словно угадал его мысли.

— Вы скоро затоскуете снова, — сказал он. — Вы все равно не сможете остаться.

— Когда затоскую, тогда и уйду, — неуверенно огрызнулся Фа-Дейк.

— Воля владетеля тарги бесспорна... Но лучше бы вам уйти сразу. Для всех людей лучше, Фа-Дейк...

Фа-Дейк опять почувствовал себя виноватым четвероклассником Сеткиным.

— Ну, хорошо, Фа-Тамир. Таргу я оставляю вам...

— Таргу вы возьмете с собой.

— Почему?!

— Фа-Дейк, мальчик мой, люди есть люди, они сильные обычаев. Очень скоро те, кто поумнее, поймут, что войну остановила не тарга, а общая усталость... А те, кто злее и хитрее, подумают: как много власти может дать маленький кусочек меди! Появится множество подделок. Появятся и те, кто поклянутся, что подделка — настоящая тарга, и вас объявят самозванцем. Это будут люди вроде Уна-Тура и его волков, которые сегодня почти все ушли в пески. Их закон — сила и жестокость...

«Ты и сам не захотел спасти Хоту», — вдруг вспомнил Фа-Дейк.

И опять старый Фа-Тамир словно услышал его мысли.

— Думаете, маршал может все? — спросил он. — И маршалы, и сеты, и короли тоже бывают беспомощны. И вы быстро сделаетесь беспомощным, если останетесь здесь... А если уйдете, мы объявим, что вы унесли таргу и последний ваш закон был: покончить с враждой. Тогда не будет подделок тарги и никто не сможет заставить вас изменить свои слова.

— И получится, что я стал... каким-то священным духом, — невесело усмехнулся Фа-Дейк.

— Вы станете легендой и законом... Хотя бы на некоторое время. И люди отдохнут от вражды и, может быть... может быть, еще что-то смогут спасти...

— «Что-то» или планету? — тихо спросил Фа-Дейк. И представил опять: пески, пески и кое-где на скалистых буграх башни и арки с начищенными летучим песком колоколами.

Старый маршал молчал.

— Фа-Тамир, кто поставил в песках колокола?

Маршал не удивился вопросу. Но и ответа не дал.

— Ты же слышал, Огонек, что про это никому не известно. Даже мудрый Лал не знает...

— Старые женщины, что готовят для воинов пищу, рассказывали, будто иногда колокола звонят сами собой...

— Это сказка. Про загадки песков много было сказок... Впрочем, кто знает, может быть, и звонят. Но, говорят, это бывает раз в сто лет, в самую холодную и черную ночь... Не знаю, мне слышать не приводилось.

— А как они звонят?

— Я же не слышал... Говорят, медленно, печально. Будто в память о ком-то.

— Похоже...

— Что похоже, Фа-Дейк?

— Видимо, на разных планетах одинаковый обычай — ставить башни с колоколами в память о ком-то... А может быть, это мы поставили их здесь?

— Мы? Итты?

— Да нет, Фа-Тамир, я не о том... Вы правы, маршал, надо ехать. Может быть, еще успею.

— Путь, конечно, тяжел, но не так уж далек. Вы успеете домой к рассвету.

— А вы проводите меня? Я один не найду дорогу.

— Тир знает дорогу...

Фа-Дейк быстро сел.

— Тир вернулся?

— Да, сет. Видимо, почуял, что вы здесь, и пришел в стан. Воины привязали его, он рядом...

Фа-Дейк прыгнул с постели и выскочил из шатра. Высокий конь мягко переступал на песке подковами. Он казался черным, но Фа-Дейк знал, что днем конь — огненно-оранжевый. Даже и сейчас от света крошечных бегущих лун по гриве проскакивали рыжие искорки.

Фа-Дейк протянул ладони, конь радостно фыркнул, потянулся к ним теплыми губами. Фа-Дейк обнял лошадиную морду, прижался к ней щекой.

— Пришел, мой хороший...

Тир постоял, замерев, потом осторожно освободил голову и тихонько заржал, радуясь встрече. Он не знал, что свидание будет коротким...

Все не так...

Фаддейкина мать приехала рано утром. Юля проснулась в полседьмого и услышала на дворе незнакомый громкий голос. Голоса Фаддейки и Киры Сергеевны она тоже услышала. Они перебивали друг друга. Разговор был шумный, суетливый и, видимо, веселый...

Юля почему-то вздохнула и стала торопливо одеваться.

Познакомились они во время завтрака. Когда Юля вошла в кухню, все уже были за столом, покрытым новой цветастой скатертью (подарок, что ли?). Фаддейкина мать сидела там, где обычно садилась Юля, а Фаддейка устроился рядом. Был он непривычно причесанный, в чистой белой маечке, сдержанный, но его веснушки так и сияли тихой радостью.

Все трое заулыбались навстречу Юле, а Фаддейкина мать сказала:

— Простите, кажется, я устроилась на вашем месте.

— Вот пустяки какие... — сбивчиво ответила Юля и потянула из-под стола четвертый табурет.

Фаддейка коротко засопел, и мать быстро и ласково посмотрела на него.

Она понравилась Юле. Она действительно была красива — той сдержанной красотой, которая не режет глаза, но такая законченная, «стопроцентная», что не к чему придраться. Каштановые волосы, мягкий взгляд, замечательно очерченный рот с крошечной родинкой над верхней

губой (словно туда перескочила одна из Фаддейкиных веснушек). Юля всегда любовалась такими женщинами спокойно и без малейшей зависти. Зависть была бессмысленна.

Фаддейкина мать, ласково лучась глазами, сообщила Юле, что ее зовут Виктория Федоровна и что наконец-то она вырвалась из «суеты цивилизации» и несколько дней будет здесь, в тишине, спастись от своей сумасшедшей работы.

Это известие почему-то слегка раздосадовало Юлю, и она старательно улыбнулась в ответ. Завтрак прошел с ощущением легкой неловкости, хотя улыбки продолжали цвести, а Виктория Федоровна шутливо ругала Фаддейку за сопенье и чавканье.

Из кухни Юля поспешно ушла к себе. Идти в библиотеку надо было только к десяти. Юля написала письмо домой, пришила пуговицы к ветровке, починила босоножку, у которой оторвался ремешок, минут пятнадцать почитала без интереса купленный накануне номер «Огонька» и отправилась на работу.

У калитки она увидела Фаддейку с матерью.

Фаддейка был еще больше непривычный и незнакомый.

Если бы Юля повстречала на улице такого мальчугана — с аккуратно расчесанными (и вроде бы даже подстриженными) оранжевыми локонами, старательно умытого, в отглаженных светлых брюках и голубой рубашке с погончиками, — она обязательно подумала бы: «Ишь какой славный...» Но прежний Фаддейка куда-то исчез. Лишь искорка в левом глазу напомнила о нем, когда ухаживенный мальчик улыбнулся Юле.

Виктория Федоровна тоже улыбнулась. И сообщила:

— Мы отправились гулять. Это чудо-юдо обещает таскать меня целый день по каким-то «своим» местам... Имей в виду, дорогой мой, что на колокольню я все равно не полезу...

Фаддейка еще раз пустил привычную искорку и радостно сказал Юле:

— Пошли с нами!

Юля покачала головой и показала часы.

— Ну, тогда завтра! Юль! За грибами! В лесу знаешь сколько груздей!

Глядя на его причесанную макушку, мать плавно сказала:

— Ты, наверно, хочешь, чтобы Юле поставили двойку

за практику. Не забывай, что у нее на первом месте должна быть учеба.

— В самом деле, — сдержанно согласилась Юля. Неловко подмигнула Фаддейке и пошла в библиотеку.

В этот день было неожиданно много читателей. То ли соскучились по книжкам за каникулы, то ли просто школьники разом съехались в родной городок из лагерей и гостей перед началом занятий. Кроме того, Юля ходила по двум адресам — искала «должников». Один был в отъезде еще, а второй — восьмилетний большеглазый пацаненок — с перепугу забрался в старый курятник: решил, что за утерянные на рыбалке «Приключения Травки» его сейчас поведут в милицию. Пришлось вместе с бабушкой извлекать ревущего читателя на свет и успокаивать...

В таких делах время летело незаметно. В середине дня Юля сумрачно поклялась себе, что на почту не пойдет. И не пошла. И даже не очень думала о письме, потому что напала ее другая тревога: из-за Фаддейки. Хотя, казалось бы, что случилось? Мать приехала, отмыла, приласкала, радоваться надо.

«Увезет она его скоро», — печально сказала себе Юля. И сразу же сердито возразила:

«Ну и увезет! Что это, новость для тебя?»

«Не новость, но все равно грустно».

«Грустно не грустно, а все на свете когда-то кончается».

«Как-то не так кончается. Не по-хорошему...»

«Перестань!» — одернула она себя.

Но беспокойство не прошло. И Юля не удивилась, а только еще больше запечалилась, когда пришла домой и увидела на своем крыльце Фаддейкину мать. Не было сомнения, что она поджидала Юлю.

Виктория Федоровна ласково сказала:

— Вот вы и вернулись... Как дела, Юленька?

Юля аккуратно улыбнулась:

— Дела обычные — библиотека. Никакой романтики...

Особенно, если смотреть со стороны.

— Вы, наверно, скучаете в здешнем захолустье?

— Некогда скучать-то. Работы невпроворот.

— А по вечерам? Тут и сходить некуда...

— Вы знаете, я домоседка.

— Так и сидите в этой конуре?.. Кстати, как вы там устроились? Можно взглянуть?

— Вполне уютно устроилась, — опять улыбнулась Юля. — Заходите...

В комнате она подвинула Виктории Федоровне единственный стул, сама присела на топчан. Фаддейкина мать со старательным любопытством оглядывала пустые углы и дощатые стены. Молчание затягивалось. Чтобы разбить его, Юля спросила:

— Как погуляли?

— Ох, он умучил меня! Таскал по каким-то развалинам, по зарослям... Брюки изорвал, погон отодрал на рубашке. Я еле дышала, когда вернулась... Представляю, как надоел он вам!

— Почему?

— Он мне только про вас и говорил. Наверно, целые дни от вас не отстают...

— Да что вы, Виктория Федоровна. Днем я на работе.

— Ну, утром и вечером... Вам и отдохнуть-то некогда.

— Он мне ни капельки не мешает.

— Юля... — мягко сказала Виктория Федоровна. — Дело не только в вас... Дело в нем.

— А... что случилось? — с неприятным ожиданием спросила Юля.

— Не случилось, но... поймите меня правильно. Эта его привязанность к вам... Он непростой ребенок. Излишне впечатлительный, фантазер. И я, честно говоря, опасаясь...

— Боюсь, что я все-таки не понимаю вас, — насупленно сказала Юля. На нее навалилась тяжелая неловкость.

— Сейчас я объясню... Думаете, он только с вами так? У него странный интерес к взрослым людям. Он прилипает к ним, морочит головы своими выдумками, мучает вопросами. А потом мучается сам: вспоминает, писем ждет. А какие письма? У взрослых людей свои дела, они забывают мальчишку через неделю после отъезда...

Юля могла сказать, что она Фаддейку не забудет и письма писать станет обязательно. Сама знает, как плохо без писем. Но она понимала, что эти слова Викторию Федоровну не обрадуют. Она только сказала:

— Что поделаешь, раз такой характер...

— Дурацкий характер! — с неожиданной плаксивой злостью отозвалась Фаддейкина мать. И сразу перестала быть красивой. — Я замучилась... Выдумал себе предка-адмирала, переделал нормальное имя Федор (в честь деда!) в какого-то Фаддея. И ведь заставил всех признать себя Фаддеем!.. А эти непонятные слезы по ночам! Спрашиваю: что случилось? Какой-то Вова Зайцев из их класса уехал в другой город. Но они с этим Зайцевым сроду не

были приятелями! А он ревет: «Теперь уже никогда и не будем...»

— Выходит, не только среди взрослых он друзей ищет, — вставила реплику Юля.

Виктория Федоровна утомленно замолчала. Юля добавила:

— Бывает, что он целый день с мальчишками носится. Мяч гоняют, плот строят. Шар недавно запустили.

— Ну да, шар! Он писал мне. Марсианский глобус... Вы, наверно, не видели его «Марсианский дневник», он его ни единому человеку не показывает. Я однажды нашла и заглянула...

Юля пожала плечами:

— Чуть не все ребята фантастику сочиняют. Даже в здешней библиотеке куча рукописных журналов.

— Да, но какая фантастика! Знаете, как начинается его тетрадка? «Это самая настоящая правда! Это больше правда, чем наш город, наш дом и я сам. Потому что, если я даже умру, Планета останется. И лишь бы они больше не воевали...» Это в его-то годы! Умирать собрался.

— Это же просто сказка...

— Вот именно. И я очень боюсь, что он вырастет беглецом от действительности.

Юля спросила тихо и с неожиданной злостью:

— От какой действительности? От вашей?

Виктория Федоровна медленно посмотрела на нее и покачала:

— Вот-вот. И вы туда же... А действительность, Юленька, одна. И довольно суровая.

— Не в суровости дело. Точно иногда от этой вашей действительности, — уже без оглядки сказала Юля. — Скучно среди импортных шмоток, служебной грызни и вечных стараний устроить свою жизнь на зависть другим. И вечного страха за это свое благополучие...

Виктория Федоровна не вспыхнула, не встала и не хлопнула дверью. Посмотрела с ироническим и грустным интересом.

— Вы, видимо, всерьез считаете меня модной, свободной от мужа дамочкой на престижной должности? Ведет, мол, светскую жизнь, разъезжает по заграницам... А я изматываюсь на работе, мне поперек горла эти поездки... Если бы не они, я бы ни за что сюда сына не отпустила.

— Это не спасло бы его от «ненужных» друзей, — поддела Юля. — Они везде найдутся.

— Вы правы, они везде есть... Я вот про письма гово-

рила. Не все ведь забывают, кое-кто пишет. Видимо, такие же, как он сам. У моего сыночка на этих людей особое чутье. Которые не от мира сего...

— Ну, спасибо, — хмыкнула Юля.

— Ох, только не обижайтесь! Мы же говорим откровенно.

— Да уж куда откровеннее...

— Я мать. И я хочу, чтобы у меня был нормальный ребенок. А пока это какой-то... репейник. С ним даже в гости пойти страшно: или фокус выкинет, или не успеешь мигнуть, как в неряху превратится...

Глядя в потолок, Юля отчетливо проговорила:

— А вы заведите себе пуделя. Его можно причесывать и дрессировать. И модно, если породистый...

«Вот и все, — подумала она. — Придется переезжать в библиотеку. Из этого дома меня сегодня попрут».

Но Виктория Федоровна не рассердилась и сейчас.

— Юленька... Самое простое дело — быть жестокой, — печально сказала она.

Юля сникла. И огрызнулась:

— Вот и не будьте жестокой к Фаддейке, не бросайте на все лето. Он так по вам скучал, а вы...

— Кажется, не очень скучал. Ему было с кем время проводить.

Юля опять разозлилась. А Виктория Федоровна продолжала:

— Его я еще могу понять. Его причуды, фантазии, прилипчивость к чужим людям. В конце концов, он мой сын... Но вам-то зачем это? Что вам сопливый и бестолковый мальчишка с грязными коленками? Вам нужен взрослый и представительный кавалер в расцвете сил и лет...

У Юли от новой, холодной злости будто колючими снежинками зацарапало лицо. Она взяла себя за щеки и с резким смехом сказала:

— Ну, вы договорились! Какие кавалеры? Что, по-вашему, я женить его на себе собираюсь?

— Господи, да при чем здесь это? Опять вы не поняли... Я не умею объяснить, а вы не понимаете. Может быть, поймете потом, когда будут свои дети...

Юля встала.

— Я надеюсь. Надеюсь, что будут. А понять нетрудно и сейчас. Ладно... — И, старательно подбирая официальные слова, она выговорила фразу: — Я учту ваши пожелания и постараюсь свести общение с вашим сыном до минимума.

Виктория Федоровна тоже встала.

— Я только хотела, чтобы... — Она замолчала, махнула рукой и вышла.

Юля легла на постель, прижалась щекой к холодной подушке.

«Юрка... Ну что ты за свинья такая! Юрка, где ты наконец?»

Ночью шумел ветер, было холодно. Дзенькало в раме треснувшее стекло. Юля куталась в одеяло. По крыше стучали ягоды рябины.

Портрет

Утро пришло безоблачное. Оно обещало теплый день. Юля вышла из дома рано, чтобы успеть позавтракать в «Радуге». И еще чтобы не встретить Фаддейку.

Зачем теперь его встречать? Только душу бередить...

Но он сам догнал ее возле будки со сломанным телефоном. Пошел рядом. Такой же, как раньше (только майка выстирана да колючие локти отмыты докрасна). Глянул сбоку беспокойно и требовательно:

— Ты почему завтракать не пришла?

— Не хочется...

— Ты почему завтракать не пришла? — повторил он с той же интонацией, будто первый раз спросил.

Тогда Юля сказала прямо:

— Твоя мама на меня сердится.

Фаддейка фыркнул, будто в нос ему попало семя одуванчика:

— Подумаешь...

— Ничего не «подумаешь»... раз ей не нравится, что ты со мной подружился.

— Я с кем ни подружусь, ей никогда не нравится. Что ж тут делать?

Юля пожала плечами:

— Наверно, слушаться...

— Ага! А я ведь ей не указываю, где какого друга выбирать!

— Фаддейка,—со старательным укором сказала Юля.— Ты так скучал по маме, а теперь так про нее говоришь.

Он слегка сник, но ответил упрямо:

— Ну и буду скучать. А слушаться насчет этого не буду. Она не разбирается... А ты со мной не спорь!

— С тобой спорить, что носом гвозди вколачивать, — оттаивая, проговорила Юля. — Обормот, рыжий...

Фаддейка запританцовывал рядом, растянул во всю ширь кривозубую улыбку, засверкал искоркой. Радостно сказал:

— А ты — колокольня!

Они вышли на мост.

— А все-таки тебе влетит от мамы, — с беспокойством проговорила Юля.

— Не-а! Она же добрая!

— Она-то добрая. А ты? Ты любого доброго в рычащего тигра превратишь. Ну посмотри, опять майка скособо-чилась и шнурки не завязаны!

Фаддейка прищурил правый глаз и по-птичьи наклонил голову: что, мол, еще скажешь новенького? Юля засмеялась. Прежние ниточки опять соединились между ней и Фаддейкой — как в порванном телефонном кабеле срываются десятки жилок, одна к одной.

Фаддейка топал по самому краю моста. Настил покачивался.

— Ох, допрыгаешься, — привычно сказала Юля.

— Не-а... А помнишь, как вброд с тобой переправлялись? Можно еще.

— Вода уже холодная.

— Нисколечко. Я еще купаться сегодня буду.

— Ненормальный, да? И так сопишь без передышки.

— Ну ладно, не буду... Или буду знаешь где? В Березовом лягушатнике, такое озеро в лесу есть. Маленькое, там вода прогревая... В воскресенье пойдем за грибами, и я тебе его покажу.

— За какими еще грибами? — опять засомневалась и загрустила Юля.

Но Фаддейка весело сказал:

— Пойдем, пойдем!

Он проводил Юлю до «Радуги» и ускакал, хлюпая незашнурованными кедами. А у Юли до вечера было настроение, похожее на Фаддейкину улыбку. И чтобы не испортить его, она запретила себе идти на почту. Целый день возилась со стенгазетой «Здравствуй, День знаний!» Привлекла для этой работы двух послушных девочек-читательниц и «трудного пятиклассника» Валерку Лапина, который оказался прекрасным художником.

А вечером, когда Юля вернулась домой, стало известно, что Фаддейка уехал. С матерью.

— Ни с того ни с сего заторопилась, — сумрачно и как-то виновато объяснила Кира Сергеевна. — Фаддей, конечно, сперва ни в какую, да с Викторией много, не поспоришь, она тоже упрямая. И билеты, оказывается, еще с утра купила. Куда тут денешься?

Юля потерянно стояла на крыльце. Было холодно. Она поежилась и тихо спросила:

— А он ничего не просил мне передать?

У нее вдруг появилась смешная надежда, что Фаддейка оставил ей на память портрет, нарисованный художником Володей.

— Ничего, — вздохнула Кира Сергеевна. — Он и со мной-то еле попрощался, уехал набыченный...

Юля пошла в свою пристройку.

«Ну, уехал и уехал, — думала она. — Что поделаешь. Может, и лучше так, без всякого прощания...» И было не очень даже грустно. Просто скучно как-то, пусто...

Нет, грустно все-таки. Плохо...

Следующий день Юля работала хмуро и ожесточенно — чтобы не думать ни о чем печальном. Снова поклялась себе не ходить на почту и не пошла. Не будет она больше изводиться. Увезла мать Фаддейку — ну и пусть! Не пишет бездельник Юрка — ну и наплевать, в конце концов! Скоро практике конец, а там новый семестр на носу. А в Октябрьские праздники — поход на Дедов Камень, там такие места...

Юля закончила с ребятами стенгазету, оформила стенд с рисунками, расставила книги на тематических витринах «Наши школьные ступеньки», перебрала картотеку младшего возраста, выдала книги десятку читателей и села заполнять дневник практики... И тут ее сердитая энергия угасла, навалилась печальная усталость. И нельзя уже было ничем занять себя, не было сил приказать себе ни о чем плохом не думать.

Нина Федосьева приглядывалась, приглядывалась и наконец сказала:

— Юленька, я бессовестная старая карга, я вас замутила...

— Да что вы, Нина Федосьевна!

— Вы за две недели сделали здесь больше, чем все мы за полгода... Вот что, Юля: к Первому сентября почти все готово, и давайте договоримся — завтра у вас выходной.

— Да что я буду делать-то в этот выходной? — с искренним испугом спросила Юля.

— Читать, смотреть телевизор... Бродить по окрестностям с вашим верным оруженосцем.

«Уехал оруженосец», — хотела сказать Юля и перепуганно сжала губы: вдруг поняла, что сейчас разрешится. Она торопливо залистала попавшийся под руку номер «Юного техника», и Нина Федосьевна, кажется, что-то поняла. Заговорила тоже торопливо и чуть виновато:

— Ну, а если не хотите выходного, отдохните хотя бы сегодня. В клубе завода очень смешное кино идет, старое. «В гостях у Макса Линдера»... Или сходите на выставку! Во Дворце культуры изумительная выставка. Традиционная, осенняя... Кстати, чуть не забыла! Есть там и портрет нашего милого товарища Сеткина.

— Фаддейкин? — изумилась Юля. — Откуда? — И тут же поняла, что это художник Володя послал или привез портрет, написанный в прошлом году. — Ой, а какой он, Нина Федосьевна?

Та улыбнулась:

— Идите, идите, сами увидите...

Уже у входа в городской Дворец культуры — современную коробку с застекленным фасадом — Юля увидела, что никакого Фаддейкиного портрета здесь быть не может. Поэтому что ежегодная осенняя выставка была выставкой цветов.

Пожав плечами и досадуя на странный розыгрыш (столь несвойственный Нине Федосьевне), Юля вошла все-таки в вестибюль.

Цветов было великое множество.

Наклонные, уже по-вечернему золотистые лучи вливались сквозь стеклянную стену, и сотни причудливых букетов — маленьких и громадных — светились и переливались оттенками всех красок, которые сотворила на Земле матушка-природа. Цветы были всюду — на полу, на длинных скамьях и столах, на полках вдоль стен. Это было Великое Собрание Цветов. Георгины и астры, нарциссы и гладиолусы, настурции и анютины глазки, розы и садовые ромашки и еще сотни разных представителей цветочного народа собрались, чтобы показать друг другу и всему свету: вот какими мы выросли за лето, вот что сумели!

Юлино настроение подчинилось этому празднику лучей и радужного сияния. Не то чтобы Юля стала совсем веселой, но успокоилась и грустные мысли загнала в дальние уголки памяти. Тихонько вздыхая и улыбаясь, пошла она вдоль рядов с букетами. И удивлялась искусству и

хитроумности цветоводов. Хитроумности — потому, что надо было не только вырастить замечательные цветы, но и составить букеты — изобретательно и со смыслом. И придумать подходящие названия...

Сочетания букетов и названий в самом деле часто были неожиданными и точными. «Полет в стратосферу» — золотистый острый гладиолус пробил облако из пушистых белых цветов; «Кармен» — темно-пунцовая роза в окружении узких, похожих на перья листьев; «Салют» — ярко-желтые и красные звездочки в гуще темно-лиловых анютиных глазок... Были забавные названия. Например, «Сорванцы» — несколько растрепанных нарциссов, очень похожих на задиристых мальчишек. Или «Я больше не буду» — тонкий голубой цветок (вроде василька), как провинившийся пацаненок, склонил голову перед большими бело-лиловыми астрами, похожими на рассерженных тетушек.

Встречались букеты и с ласковыми именами: «Подарок маме», «Аленка»...

Посетителей было немного. Шорох подошв и негромкие разговоры не разбивали солнечной тишины. В этой тишине Юля не спешила и подолгу стояла перед каким-нибудь понравившимся букетом: например, перед «Мушкетерами» — четверкой гордых георгинов (у каждого свой характер), перед «Бабушкиным романсом» — большими бледновато-желтыми цветами, похожими на рупоры старинных граммофонов...

Несколько раз у Юли шевельнулась мысль, что если есть «Сорванцы» и «Аленка», то почему бы не оказаться здесь и «Фаддейке». Но странно — догадка эта скользнула по краешку сознания и тут же исчезла.

И Юля вздрогнула, когда с ватманской таблички на нее в упор глянули черные крупные буквы: «Фаддейка Сеткин».

Букет стоял на конце длинной низкой скамьи. Юля смотрела на него с недоумением и досадой. Это была небольшая охавка садовых оранжево-морковных лилий с длинными лепестками. Лепестки усеивала россыпь темно-коричневых крапинок.

Юля не любила эти цветы. Они казались ей нарочитыми, искусственными какими-то. Это была цветочная порода, выведенная не для красоты, а для причуды.

И здесь тоже — что за причуда? При чем тут Фаддейка? Только из-за окраски лепестков? Что за чушь... Кто это придумал?

Морщась, Юля прочитала мелкие букочки под назва-

нием: «Женя Зайцева, 5-й класс, школа № 2». «Глупая Женя Зайцева», — подумала Юля сердито и с неожиданной потаенной ревностью. И снова глянула на разлохмаченные рыжие лепестки. И... ничего не случилось (разве что неуловимый поворот головы или новое касание лучей), но в тот же миг Юля поняла, что это именно Фаддейка. И никто иной. И ничто другое.

Не было лица, но Фаддейка, озорно, с золотой своей искоркой, глядел на Юлю из путаницы растрепанных вихров и россыпи веснушек.

Это случилось так неожиданно, что она не успела даже удивиться. Она просто засмеялась — тихонько, про себя — от ласковой радости. От такой, будто опять встретила Фаддейку наяву. От ясного сознания, что ничего не потеряно. Ну, пускай увезли Фаддейку, но все равно он есть на свете и все равно они друзья, и никто не отнимет у них этого недавнего августа с его приключениями, печалью и радостями. И встретятся они еще. Обязательно!

А кто эта девочка, эта умница, которая придумала такой замечательный портрет? Женя Зайцева, пятый класс... Наверно, хорошо знает Фаддейку, раз у нее получилось так весело и точно! Надо будет ее разыскать. Это совсем не трудно, в библиотечном абонементе наверняка есть карточка Жени Зайцевой, там все школьники записаны.

Можно будет встретиться и поговорить обо всем, что связано с Фаддейкой, о ребячьих играх, о плаваниях на плоту, о воздушном шаре, похожем на марсианский глобус... А может, Женя знает и о Фаддейкином Марсе?

Этот Марс представился Юле не холодным и покрытым красными песками, а добрым и теплым. Сплошь поросшим вот такими оранжевыми крапчатыми цветами. Над ковром этих цветов, над выпуклым красно-апельсиновым полем под лилово-синим густым небом расстился в беге огненный конь. И стоял у него на спине Фаддейка — с разметавшимися волосами, в сбившейся рыжесей майке, веселый и ловкий. Смеялся, качаясь и взмахивая тонкими руками.

Юля перестала дышать, чтобы удержать в себе это ощущение, летящей радости. Украдкой дернула с букета длинный лепесток, спрятала в сумку и пошла из Дворца. И видение мчащегося на коне Фаддейки, чувство его полета несла в себе, как налитый до самых краешков стакан.

Потом это чувство стало, конечно, поменьше и поспокойнее, радость послабее. Но совсем радость не ушла и грела Юлю по дороге к дому...

Со сжатыми губами и независимым видом (хотя и с екнувшим сердцем) прошагала Юля без остановки мимо почты. Спустилась к реке, прошла через мост. Вдоль реки тянул холодный, осенний уже, ветерок, низкое солнце не грело, только рассыпало по воде медную чешую (и Юля вспомнила старые монеты и таргу). А потом, уже на берегу, вспомнила Фаддейкину игру с телефоном... Или не игру? Как он, зябко поджимая ноги и прикрывая ладошкой трубку, торопился сказать что-то в неработающий микрофон... Что он говорил? Кому звонил по лишенному проводов телефону?

А... если и ей попробовать? Поговорить с Фаддейкой?

«Фаддейка, слышишь меня, а? Где ты сейчас?.. А я твой портрет только что видела...»

Юля засмушалась сама перед собой, но удержать себя от странной и печальной этой игры не смогла. Да и не хотела. Боязливо оглянулась. Пусто было кругом. Она потянула ржаво запищавшую дверцу, шагнула в будку. Сняла тяжелую и холодную трубку...

Рыжий вечер

Она была уверена, что телефон, как и в прошлый раз, ответит каменным молчанием. Понимала, что придется самой представить Фаддейкин голос и все его слова — и тогда станет грустно и все-таки хорошо, придет ощущение ласковой сказки...

Но в наушнике послышался легкий гул, создавший впечатление далекого и громадного пространства. Это пространство было пересыпано легким потрескиванием помех. Юля судорожно вздохнула и придавила трубку к уху. В трубке неожиданно близкий и ясный мужской голос проговорил:

— Ну, кто там еще? Вам кого?

— Мне... Фаддейку, — перепуганно сказала Юля, поражаясь тому, что происходит.

— Деева? Он же уехал! Может быть, Кротова позвать?

— Нет... Сеткина, — пробормотала Юля, изумившись собственной глупости и понимая, что надо немедленно повесить трубку.

— Это кто? — Голос зазвенел раздражением. — Костя, кто там цепляется к линии? Работать не дают!

Голос неизвестного Кости откликнулся из глухой глубины:

— Это, наверно, заречная точка... Эй, отключитесь там, автомат на проверке...

И Юля опустила трубку на рычаг. И заметила в квадрате выбитого стекла, что от будки тянется к столбу черный провод.

Она постояла еще, сама не понимая: огорчается ли, что разговор с Фаддейкой не получился, или все-таки довольна, что в трубке не оказалось мертвой тишины? Потом вдруг вспомнила давнюю детскую книжку о телефонных гномах, усмехнулась и сказала довольно громко:

— Эх ты, Фаддейка-Фаддейка...

— Чего?

Он стоял в шаге от будки.

Это было настолько непостижимо, что Юля, как и там, на выставке, не сумела удивиться. И даже не обрадовалась. Только обмякла как-то и шепотом сказала:

— Батюшки, это ты?

И тут же поняла, что не он. Какой-то мальчишка. И вид-то даже непривычный для Фаддейки: новенькая школьная форма, вязаный красно-синий колпачок...

Но огненные-то клочья, рвущиеся из-под шапки, — чьи?

Взгляд с насмешливой искрой — чей? И улыбка-полумесяц! Ой, ма-ма-а...

— Это ты?!

Он сказал с ехидцей:

— Это мой прадедушка Беллинсгаузен. Ты что, за сутки разучилась узнавать?

Юля ухватила его за плечи.

— Господи, откуда ты свалился?

— С Марса, — хихикнул он, но тут же заулыбался радостно и хорошо: — С вокзала, конечно! Час назад!

— Да как ты успел-то?

— Очень просто. Приехал в Среднекамск, а через три часа на обратный поезд...

— Один?

— Первый раз, что ли!

— Фаддейка... Ты сбежал?

— Вот еще! Мама сама на поезд проводила... Видишь, и форма на мне, и учебники я привез. Первую четверть здесь проучусь...

«Хорошо-то до чего!» — подумала Юля, чувствуя, что все это — как бы продолжение сказки с цветочным портретом. Но тут же кольнула тревога:

— Фаддейка... А как же мама отпустила тебя? Она ведь... ну...

Он вскинул потемневшие глаза и сказал с сумрачной решительностью:

— Хочешь знать как? Очень просто. Полсуток ревел без передыха. — И замолчал, говоря глазами: «Теперь презирай, если хочешь».

— Какой же ты молодчина! — сказала Юля.

Тогда Фаддейка заулыбался опять:

— Ага!

— Нет, ну ты просто... ты волшебник какой-то.

И опять он сказал:

— Ага, конечно. — И добавил деловито: — Пошли домой, чего стоять. Есть хочется.

— Ой, и мне хочется, я сегодня не обедала... Фаддейка...

— Что? — сразу насторожился он.

«Не надо спрашивать», — подумала Юля и, конечно, не удержалась:

— А ты... все-таки почему ты так очень хотел вернуться?

Ой, хорошо, что он не набычился и не ошетинился на смешливыми шипами. Усмехнулся добродушно:

— Тебе опять одна причина нужна, да? А их много.

— Ну... а какие? — сказала Юля уже посмелее.

— Во-первых, из-за тебя... Помнишь, ты обещала мне мотив той песни про коня напеть? Так и не успела. Вот теперь никуда не денешься. — Он стрельнул золотистым глазом.

— Не денусь, — кивнула Юля.

— Во-вторых... ну, тут еще с ребятами дела всякие. В-третьих, тете Кире одной скучно. Она ведь не по правде ворчит, что намучилась со мной...

Они шли к дому, Фаддейка глянул на Юлю сбоку быстро и нерешительно. Словно было еще какое-то «в-четвертых», но он стеснялся. Юля терпеливо молчала.

— Боялся, что конь уйдет, — тихо сказал Фаддейка.

— Конь?

— Ага... — Он смотрел теперь на Юлю без всякой усмешки, смущенно даже, но глаза уже не отводил. — Юль... Понимаешь, мне показалось, что я тебя бросил, когда уехал. А если бросил — это все равно что предал...

— Но ты же не виноват был, — с прихлынувшей благодарностью отозвалась Юля. — Ты же не сам!

— Не виноват — это если совсем ничего не можешь

сделать. А я все-таки ведь мог... Вот видишь, приехал.

«Умница ты моя», — чуть не сказала Юля, но не решилась и только спросила:

— Фаддейка, а конь-то при чем?

Он поддел новым ботинком валявшийся на досках яблочный огрызок и проговорил с запинкой:

— Ну... это на Марсе обычай такой. То есть примета... Если человек кого-то предал, от него уходит любимый конь... Не веришь?

— Верю, — поспешно сказала Юля и вдруг спросила, поддавшись новому толчку радости: — Фаддейка, а мы слазим еще на колокольню?

— Само собой! — сказал он, будто ждал такого вопроса. — Когда деревья золотые, знаешь какая красота с высоты видится! Я и для этого приехал тоже...

— Да, в самом деле много причин...

— Конечно... Письмо вот одно ждал, а его все не было. А сейчас прибежал с вокзала, заглянул в ящик, а оно есть!

— Важное письмо?

— Еще бы.

Юля вздохнула. Никогда в жизни не бывает, чтобы все хорошо. И несмотря на радость от встречи с Фаддейкой, где-то позади этой радости все равно сидела в Юлиной душе колючая тревога из-за Юрки, из-за непришедших писем. Теперь тревога ожила и, словно проснувшийся игольчатый еж, выбралась из норы на свет. И Юля не сумела загнать ее назад. Грустно (и все же с капелькой наивной надежды, что сказка продолжается) Юля проговорила:

— Фаддейка... Если ты сделал одно чудо, может, сделаешь и другое?

Он не спросил какое. Сразу согласился:

— Давай, попробую.

— Сделай, чтобы от Юрки было письмо, а?

— Не-е.. — тут же отозвался он. Насмешливо и даже как-то обидно. — Это я не могу.

— Эх ты...

Он объяснил с непонятной веселостью:

— Если человек — растяпа, тут никакое чудо не поможет.

— Это кто растяпа? — взвинулась Юля. С удивлением, с обидой и — опять с какой-то капелькой надежды.

— Да уж не я, — хмыкнул Фаддейка.

— А кто?

— А кто своему милому Юрочке вбил в голову, что бу-

дет работать в Верхне-Тальской библиотеке? А точного адреса не дал...

— Какой еще адрес, если до востребования? Область известна, индекса я сама не знала, он обещал его на почте спросить. Трудно, что ли?

— Индекс какого города? — сухо осведомился Фаддейка.

— Как какого? Если Верхотальская библиотека, то... ой...

— Верхотальская или Верхне-Тальская? — тем же сухим тоном переспросил Фаддейка.

— Ой...

— Может, объяснить тебе, где Верхне-Тальск? На двести км-э выше по течению. Не слыхала?

— Ой... а... Да это он сам перепутал, дурак такой! Я говорила «Верхотальская»! Ой, Фаддейка, а откуда ты это...

— Кто перепутал, разберетесь сами, — уже с прежней ехидцей хмыкнул Фаддейка. — Он тебе пять писем на этот Верхне-Тальск отослал. Два — из-за границы... И теперь будет отрывать тебе голову.

— Ой, Фаддейка. Ой, миленький, откуда ты это знаешь?

Он пожал плечами:

— Очень просто. От Ксени.

— От... от кого?

— До чего ты бестолковая. От его сестры.

— Ты что... Ты с ней знаком?

— Вот еще! Просто взял и написал письмо. Адрес-то ты мне показывала. Помнишь, на конверте?

— Ох... И что? Что ты написал? — У Юли от радости и от какого-то детского стыда горячим воздухом обдувало лицо.

— Ну, что... Очень просто. — Фаддейка опять пожал плечами и на ходу будто прочитал по листу: — «Здравствуй, Ксения. Тебе пишет один мальчик, Фаддей Сеткин из Верхоталья. У нас в библиотеке работает на практике студентка Юля Молчанова. Она ждет писем от твоего брата Юры, а их все нет. Она очень волнуется. Напиши, пожалуйста, что известно о Юре. Если он больше ей не хочет писать, лучше уж сразу ей сказать, чем она так мучается...» Вот и все...

— Ух ты, Фаддеище... И она ответила?

— Ох, ну до чего же ты тупая в голове. Я же говорю: сегодня пришло письмо!

— И что в нем?

— То, что Юрочка твой уже два раза звонил из Калининграда и спрашивал: куда ты провалилась? Ни ответа, ни привета...

Чтобы унять булькающую, пузырчатую, как кипящее молоко, радость, Юля поспешно рассердилась:

— Балда он путаная... А ты тоже! Вот натреплю твои уши!

— За что?! — от души возмутился Фаддейка.

— За письмо!.. Нет, ты молодец, но зачем последнее слова? Что я мучаюсь...

— Чтобы все было ясно... — и тут, как всегда, хихикнул и подставил оттопыренное ухо: — Дерни и успокой душу. В любовных делах всегда невиноватые страдают.

Юля засмеялась и щелкнула по уху ногтем:

— Пыль отряхни... Ох, какой ты все-таки молодчина, Фаддейка.

— Я-то молодчина. А ты? Почему ты сама не додумалась им домой написать? Или позвонила бы с почты! У них же телефон...

— Я... не знаю, — вздохнула Юля. — Это как-то... ну, не знаю я.

— Сказать тебе, кто ты? — сурово спросил Фаддейка. — Или сама понимаешь?

— Понимаю. Дура, — с радостной покорностью призналась Юля.

Он сказал снисходительно:

— Ладно уж. Во всех книжках написано, что влюбленные всегда глупеют.

Юлина радость быстро успокаивалась. Не то чтобы тускнела, но уже не пузырилась, не фыркала ликующими брызгами, как в первые минуты. В ней появились уже капельки печали. Наверное, оттого, что вспомнились все тревоги, тоскливые мысли... Но без них, без тревог-то, разве проживешь?

— Да не влюбленная я... — грустновато сказала Юля. — Влюбленность — это так... ну, легонькое что-то. А у нас как-то все по-другому. Мы даже на свидания толком не ходили.

— Ладно, сами разберетесь, что там у вас, — откликнулся Фаддейка. — Ты завтра позвони. Юрий уже, наверно, дома, на каникулах.

— Ой, конечно... Фаддейка, а ты покажешь Ксенино письмо?

— Ну... то, что про Юрочку твоего, покажу. Там ведь не только про него.

— На-адо же! — не удержалась она. — Про что же еще?

— Некоторые такие любопытные...

— Ах, простите, пожалуйста, сударь... И когда это у вас с ней успели тайны завестись?

— Да ладно, ладно, — усмехнулся он. — Все покажу, ничего там такого нет. Ты уж испугалась...

— Ох и нахал ты, Фаддей!

Он не стал насмешничать и огрызаться, а объяснил серьезно:

— Там еще про разные морские дела. Ксения-то в парусной секции занимается... Юль, а Юрин «Крузенштерн» в операции «Парус» первое место занял. У Юры теперь золотая медаль есть победительская. Им всем дали, английская королева вручала.

— Ой, правда? До чего интересно...

— Ага... Только там и плохое было...

— Что? — сразу встревожилась она.

— Во время тех гонок одно судно погибло. Английская шхуна «Маркиза». Ее шквалом перевернуло. Семь человек спаслись, а двадцать погибли. И капитан погиб, и его жена, и сын...

Юля шла молча. В своей радости она не могла полностью ощутить горе из-за утонувшей «Маркизы». Умом понимала, что это ужасно и горько, но настоящей боли не было. Что подделаешь, так уж устроен человек. В мире каждый день гибнет множество людей, и страдать за каждого не хватит никаких душевных сил. И все же Юле было неловко — перед Фаддейкой. Он-то, кажется, печалился из-за погибшей шхуны всерьез. Может быть, потому, что был он потомком отважного моряка?

Или потому, что однажды с высоты взглянул на спящую землю и на миг ощутил тревогу за каждого человека? И сказал себе: может быть, я капелька каждого из них?

А может быть, его беспокоила и печалила не только горькая судьба незнакомой английской шхуны? Что-то еще?

Фаддейка — погрустневший, неулыбчивый — шел и будто прислушивался к дальним голосам и звукам — тем, которые он один различал в тишине окраинной улицы.

Так разведчик в пустом поле чутким ухом ловит шелест пролетевшей птицы или дальний-дальний топот коня...

...Стан, лежавший в песках вокруг крепости тауринов, поредел. Каменные хижины и шалаши остались, но кибиток и фургонов теперь почти не было. Многие воины вернулись в свои поселки и в столицу иттов, что стояла на границе Песков и Леса. Многие работали на починке Западной стены. Кое-кто ушел в крепость и поселился там. Таурины не спорили, у них в городе осталось мало мужчин.

...Маршал иттов Фа-Тамир, князь тауринов Урата-Хал и полковник легкой конницы Дах ехали по расчищенной от песка дороге, что широким кольцом опоясывала крепость. Подковы отчетливо стучали по плитам. Эхо разбивалось о серые стены и замирало над красными дюнами. Позванивала сбруя, фыркали кони. Потом в эти звуки вмешались другие — непривычные, незнакомые хмурому пустынному миру под фиолетовым небом: сверху, из-за гранитных оборонительных зубцов, долетели звонкие перекликающиеся голоса и смех. Над краем стены всплыли три воздушных шара — ярко-желтый, розовый и пестро-полосатый. Каждый в поперечнике не меньше воинской сажени, что равна древку тяжелого копья. Судя по блеску, шары были из шелковой бумаги, которой таурины оклеивают стены в богатых домах. Снизу качались на шнурах плоски с горящим маслом.

— Что это? — с удивлением и улыбкой спросил Фа-Тамир.

Улыбнулся и князь:

— Дети забавляются, маршал... Они привыкли к миру быстрее взрослых и радуются каждый день. Все улицы теперь в их власти... Дети вспомнили старые игры, устроили на площади театр из старых шатров, а к весеннему цветению каменного кактуса готовят праздник с масками и факелами...

Опять раздались веселые крики, и еще один шар — алый, с разноцветными звездами — пошел вверх, прямо к маленькому лучистому солнцу.

— Пусть играют, — сказал Урата-Хал. — Может, и мы, глядя на них, скорее привыкнем к тому, что жизнь теперь безопасна.

— Не совсем безопасна, князь, — вздохнул и нахмурился маршал. — Вы и сами знаете, что недавно дикие всадники опять напали на парусный караван...

— Да, знаю... Ваши песчаные волки никак не успокоятся.

— Они не наши, они вне закона, это вам известно, Ура-

та-Хал, — резко ответил Фа-Тамир. И, почувствовав неловкость от этой резкости, перенес недовольство на полковника: — Я удивляюсь, Дах, что твои всадники до сих пор гонятся за Уна-Туrom, как слепой шакал за юркими ящерицами. А ты говорил, что вы знаете в песках все дороги.

— Уна-Тур схвачен, маршал, — неохотно отозвался Дах.

— Да?! Когда же?

— Сегодня утром, маршал. Часть людей его ушла, но Уна-Тура и трех волков поймали.

— Где он? Я хочу поговорить с ним, прежде чем его вздернут на копьё.

— Простите, маршал. Я готов к вашей немилости, но... мои люди изрубили пленников.

Фа-Тамир осадил коня и в упор посмотрел на старого полковника. Дах сидел в седле согнувшись и опустив голову.

Фа-Тамир медленно спросил:

— Я правильно понял? Сперва схватили, а потом... изрубили? Безоружных?

— Да, маршал. Я не смог удержать их...

Фа-Тамир сказал без гнева, скорее пренебрежительно:

— Зачем эта дикость? Особенно теперь, когда нет войны... Или твои всадники, Дах, превратились в таких же зверей, как волки Уна-Тура?

— Я... — начал Дах, но Фа-Тамир повысил голос:

— Или в сотнях легкой конницы уже нет повиновения и порядка?

— Есть повиновение и порядок, маршал... Но на этот раз я не успел... Воины кинулись на волков сразу, когда увидели, что они сделали с мальчиком...

— С мальчиком?

— Да... Волки поймали мальчика-таурина, который на рассвете пошел в пески ставить силки на кротов.

Князь Урата-Хал встревоженно поднял голову. Дах говорил, не решаясь взглянуть на него:

— Уна-Туру было известно, что мальчик знает подземный ход из песков в крепость. Они хотели, чтобы он показал... Думали во время праздника ворваться в город и устроить резню. Им ведь не откажешь в дикой дерзости, особенно сейчас.

— Мальчик не выдал? — тихо спросил Урата-Хал.

— Мальчик не выдал, князь.

С полминуты всадники ехали молча.

— Почему же в городе никто не знает об этом, даже я? — сумрачно спросил Урата-Хал.

— Утром мой гонец не нашел вас в крепости, князь. А без вашего позволения он не решился никому сообщить печальную весть. Хотел сказать только матери мальчика, но узнал, что две недели назад она умерла... Может быть, и к лучшему князь. Ее горе было бы страшнее смерти.

— Значит, вам известно имя мальчика?

— На его маленьком кинжале было выбито тауринской клинописью: «Хота-Змейка».

— Ххотаа, — с акцентом повторил Урата-Хал. — Мальчика мы похороним в храме Звездного Круга, где лежат великие предки тауринов. Его именем матери будут называть своих первенцев.

— Простите, князь, — сумрачно проговорил Дах. — Мы не знали, что мать мальчика умерла, и боялись, что она увидит, как волки обошлись с ее сыном. Мы похоронили его в песках, у приметного камня, по тауринскому обычаю — в воинском плаще и с кинжалом.

— Ну что же... — Урата-Хал помолчал и снял шлем. То же сделали оба итты. Князь тауринов сказал им: — Наш обычай не велит беспокоить тех, кого уже приняли пески. Пусть мальчик лежит там. Каждый из тауринов принесет на его могилу большой камень, и вырастет курган выше самой высокой колокольной башни...

— Итты принесут тоже, — отозвался Фа-Тамир. — Прими нашу печаль, князь...

Урата-Хал медленно кивнул и вдруг сказал непонятно:

— Может быть, есть в этом знак судьбы.

— Какой знак, князь? В чем?

— В том, что прекратил эту войну ребенок и последней кровью этой войны была тоже кровь ребенка... Может быть, судьбе достаточно этой жертвы, и она будет милостива к людям?

— Люди сами делают свою судьбу, — возразил Фа-Тамир. — И люди есть всякие. Остатки сотни песчаных волков будут еще долго рыскать в дюнах, и кровь, наверно, не последняя... Это я не в упрек тебе, Дах. Просто хочу сказать, что рано закапывать все мечи... И послушайте мой совет, великий Урата-Хал...

— Слушаю, маршал.

— Не разрешайте детям выходить из города без охраны. Да и взрослые пусть не ходят в одиночку.

— Я уже понял это... Но меня беспокоит вот что, Фа-Тамир. Почему вы позволили юному Фа-Дейку уехать так спешно и совсем одному?

— Как я мог что-то позволить или не позволить вла-

детелю тарги? — улыбнулся Фа-Тамир. — Это была его воля.

— Да. Простите, я не так сказал... Но, говорят, путь его на дальнюю родину долог и труден, а с мальчиком не было даже самой малой охраны...

— Его конь знает короткий путь. На том пути нет врагов...

— А верно ли говорят, что юный Фа-Дейк больше не вернется к нам?

— Почему же... Он, может быть, вернется, но не скоро.

— А правдивы ли слухи, Фа-Тамир, что родом он с той голубой звезды, которая так ярко светит нам на заре?

— Это правда, Урата-Хал, хотя похоже на сказку.

— Жаль, — сказал великий вождь тауринов.

— Почему же, князь?

— Хотелось, чтобы он был кровным братом наших детей...

— Он и так брат, — непривычно мягко сказал старый маршал. — Все мы дети одного солнца.

— Это верно. И все-таки жаль.

Фа-Тамир медленно проговорил:

— Странную вещь сказал мне сет Фа-Дейк, когда мы прощались на краю Стана... Я был опечален разлукой и не задумался тогда над его словами...

— Что же он сказал, маршал?

— Я не точно запомнил, да и сам он говорил сбивчиво... По-моему, вот что: «Может быть, и нет разных планет, а есть только одна на разных оборотах Звездного Круга... Мне трудно это объяснить, Фа-Тамир, я ведь еще мальчик... Но, может быть, мы жители одной Земли, только в разное время...»

— Что-то подобное слышал я от наших старцев, которые хранят в тайных подвалах древние книги. Но отчего такие мысли пришли в голову ребенку?

— Он говорил и дальше... «Я очень боюсь, Фа-Тамир, что это в недалекое от меня время люди превратили планету в пески. А потом поставили в память о всем, что было, колокола. Те, что стоят сейчас в песках. Их и при мне было на Земле уже немало... Я должен вернуться, должен успеть, Фа-Тамир».

— Что же хотел он успеть сделать?

— Я спросил его. Он сказал: «Хоть что-то»... Но в большом жестоком мире что может сделать мальчик?

Они с минуту молчали, и было тихо, лишь стукали о ка-

мень копыта да в отдалении звучали над стенами ребячьего голоса.

Вождь тауринов Урата-Хал произнес наконец:

— Мальчишки могут многое... Фа-Дейк сказал слово о мире, и стал мир.

— Фа-Дейку дала силу и власть тарга, — уклончиво заметил маршал. — Дело не в мальчишке, а в законах и обычаях нашей планеты.

— Тарга до этого была у многих, а слово сказал мальчик...

— Это так...

— А иногда не надо и слова. Хота-Змейка лишь молчал, и потому жив целый город.

— Вы правы, князь. Но я говорил о другом. Что мог сделать Фа-Дейк там, у себя, если он действительно умчался на своем Тире в древние времена? Кого мог спасти? Кому помочь? Что изменить?

— Кто знает. Когда колеблются весы, один смелый шаг, одно хорошее дело может стать последней крупинкой на чаше добра...

— Боюсь, что он не сумел бросить эту крупинку...

— Почему же?

— А потому, князь, что если бы он успел, все было бы иначе. Не было бы этих песков. Не было бы мертвых лесов... И нас с вами не было бы тоже, вместо нас родились бы другие люди.

— Кто знает... — опять сказал Урата-Хал. — Может быть, мы есть как раз потому, что он успел. Иначе могло не остаться никого...

Фа-Тамир устало проговорил:

— Все осталось... И мы, и пески. И колокола...

* * *

Фаддейка тряхнул головой, глянул на Юлю и улыбнулся. Глаза его опять золотисто просветлели, но в глубине их еще пряталась печаль.

Чтобы прогнать эту печаль, Юля весело сказала:

— Ой, Фаддейка, а я только что твой портрет видела!

— Где?

— На выставке цветов.

Он непонимающе замигал.

Юля засмеялась:

— Оранжевый букет с крапинками, а называется «Фаддейка Сеткин». Очень похоже.

Он хмыкнул и спросил недовольно:

— Кто это придумал?

— Женя Зайцева. Ты ее знаешь?

Фаддейка сперва чуть вздрогнул, потом досадливо сказал:

— Понятия не имею. Какая Зайцева?

— Ну, тебе лучше знать.

— Не знаю... Ой, это, наверно, Жека-Артистка! Она у нас на плоту штурманом была!.. Я и не знал, что у нее такая хорошая фамилия.

— Хорошая? — удивилась Юля.

— Ну... знакомая. У нас в классе один Зайцев был. Уехал потом...

— Друг? — осторожно спросила Юля.

Фаддейка тихо помотал головой:

— Нет, просто... — Он улыбнулся: — Я один раз пошел за него, чтоб укол поставили, потому что он... ну, не хотел он. Сделал, а потом говорю: «Не ходи, я уже, вместо тебя». А он говорит: «А сам-то как пойдешь за себя? Тебя же сразу узнают, когда второй раз увидят!» И пошел тоже, с моей фамилией. Смешно так... А через два дня уехал, навсегда.

— Может быть, еще встретитесь, — сказала Юля.

— Может быть... Юль, ты про песню о рыжем коне смотри не забудь.

— Не забуду... А в этой истории с уколом ты не прав.

— Почему? — слегка ошетинился он.

— Подумай своей головой. Ты его спасал от пустяшной боли, а укол этот спасает человека от самых больших болезней. Что важнее? И если бы он без прививки остался, а потом заболел, тогда что? Из-за тебя...

— Ну... — Фаддейка посопел и вскинул веселые глаза. — Ничего же не случилось. Он оказался смелый в конце концов... А в уколы я не верю, глупости это.

— Почему же глупости?

— Конечно... Как получается! Чтобы спасти человека от большой болезни, надо загнать в него маленькую заразу. Разве так может быть?

— Может.

— Значит, чтобы человек не стал настоящим предателем, он должен сделать, что ли, маленькое предательство?

— Вот это рассуждение... — озадаченно сказала Юля. — Ты... что-то не так. Одно дело жизнь, а другое медицина. Ты не запутывай себя, Фаддейка. И других не запутывай.

Он молчал довольно долго. Потом, глядя под ноги, сказал:

— Себя я все-таки запутал...

И конечно, тревога за него опять ухватила Юлю неласковой лапой. И конечно, Юля сразу спросила:

— Фаддейка, что случилось?

— Я скажу... Я и приехал, чтобы сказать...

Он остановился. Быстро взглянул Юле в лицо и опять уставился на ботинки. Десятки разных догадок проскочили в голове у Юли, в том числе и довольно страшные.

Но все оказалось проще.

Проще ли?

— Юля, когда человек самое честное слово дал, а потом нарушил, он предатель?

— Опять ты про свое... — осторожно сказала Юля.

— Нет, ты ответь.

— Ну... вообще-то это нехорошо. Но как я могу сказать точно? Я же не знаю, в чем дело...

— Хоть в чем, — отрезал он. — Ты сама понимаешь, что это предательство.

— Фаддейка, — шепотом спросила она, — а как это с тобой получилось? Ты уж расскажи...

Она думала: ему надо рассказать, чтобы меньше мучиться. Но Фаддейка возмущенно фыркнул:

— С мной? Со мной это не получилось. — И сказал тише: — Но я не знаю, как быть.

Юля молча ждала.

— Я слово дал, а теперь понимаю, что зря. А что делать? От него может кто-нибудь освободить?

— От слова? Тот, кому ты его дал.

— Да... а если сам себе? Разве сам себя могу?

«Нет, самому нельзя, — подумала Юля. — Это было бы слишком просто». И вздохнула.

— Но ведь кто-то может, — шепотом сказал Фаддейка. — Лучший друг может?

— Лучший друг... наверно, да.

Он взял ее за руку, как тогда на ночном берегу, в первый вечер знакомства. Как братишка. И сказал со спокойным вздохом:

— Тогда хорошо.

Теплея от благодарности к Фаддейке, и боясь за него, и радуясь, что есть он вот такой на свете, Юля проговорила:

— Но ведь я... но ведь друг, чтобы освободить от слова, должен знать, про что оно.

Он ковырнул ботинком нашлапку грязи на доске тротуара.

— Я дал слово, что не буду встречаться с одним человеком. Никогда в жизни. Потому что он меня бросил... когда я маленький был...

Обо всем догадавшись, Юля сказала негромко:

— Это бывает. Сперва решил что-нибудь, а потом понимаешь, что поспешил...

— Я не спешил. Я долго думал... Но сейчас опять думаю. Я ведь ничего про него не знаю. Может, он не виноват... Он теперь меня ищет. Вдруг ему плохо, а я... ну, я не знаю.

— Я понимаю, — сказала Юля.

Он глянул с сомнением: понимает ли? И проговорил насусленно:

— На свете столько людей, которым плохо. А если еще одному... Сперва кажется, что пустяк. А потом — колокола...

«Какие колокола?» — хотела спросить Юля. Но смолчала. Ей вдруг показалось, что Фаддейка может заплакать. Она быстро сказала:

— Конечно, я освобождаю тебя от твоего честного слова.

Фаддейка глянул на нее хмуро и требовательно:

— Так быстро нельзя. Это надо серьезно. Ты должна подумать и все решить.

— Хорошо, я подумаю.

— Я тебе все расскажу, и ты решишь. Ладно? Можно ведь и не сегодня. У нас ведь еще будет время...

* * *

...Фа-Тамир устало проговорил:

— Все осталось... И мы, и пески. И колокола... Вы слышали, князь, старую сказку, что иногда они звонят сами собой? То ли в предвестии новых бед, то ли в память о ком-то...

Урата-Хал промолчал. Или не расслышал, или обдумывал ответ. Но полковник легкой конницы Дах, безмолвно слушавший беседу начальников, вдруг сказал:

— Простите меня, маршал, простите, князь, но я должен сообщить то, о чем не решался говорить раньше... Колоколов нет.

— Как нет? — Князь тауринов недоуменно вскинул голову. — Их сняли? Где и сколько? Кто?

— Неужели кто-то решился нарушить обычай? — сумрачно спросил Фа-Тамир. — Тогда и другие запреты будут развеяны, как песок...

— Их не сняли. Их нет вместе с башнями и арками...

— Говори яснее, Дах, — нахмурился Фа-Тамир. И ощутил, как сбилось с ритма сердце. Будто конь оступился.

— Мы хотели похоронить Хоту-Змейку у подножья двойной башни, прозванной «Брат и сестра». Ее колокол на рассвете всегда блестел, как звезда... Мы не увидели башни. Место, где она стояла раньше, нашли по трем высохшим деревьям, но от башни не было и следа.

— Вы ошиблись местом, полковник, — сказал Фа-Тамир.

— Когда возвращались к Стану, я приказал держать на холм, где висели три колокола. Их тоже нет... Я бросил в пески полсотни всадников, они к середине дня вернулись в смущении. На всем пространстве, что успели они обскать, не жалея коней, нет ни одного колокола. И словно не было никогда... То же говорят кормчие двух лодок. Не видя привычных знаков, они заплутали в песках.

Урата-Хал покачал головой, бросил повод и скрестил на груди руки.

Фа-Тамир сказал:

— Еще одна загадка нашего мира. Это смутит умы.

Вождь тауринов усмехнулся:

— Только не их... — Он показал на гребень стены, где четверо мальчишек весело спорили и смеялись, готовясь отпустить еще один шар. Они отпустили его.

Шар — большой, ярко-оранжевый — проплыл над всадниками. На нем было нарисовано смеющееся лицо с прищуренным глазом и крупными темными веснушками.

Кони стали. Всадники, запрокинув лица, смотрели, как шар уходит в непривычно посветлевшее небо...

* * *

— У нас ведь еще будет время, — сказал Фаддейка.

«А правда, у нас еще будет время!» — радостно подумала Юля. Фаддейка держал ее за левую руку, правой она сдернула с него вязаный колпачок и растрепала его апельсиново-морковные кудри. Тогда он заулыбался и сказал:

— А про песню не забудь. Сегодня же споешь.

— Ох, ну какая я певица?.. Да ладно, ладно, попробую.

Они зашагали к калитке, и почти сразу Юля услышала, что кто-то идет по пустой улице следом — большой и осторожный. Оглянулась.

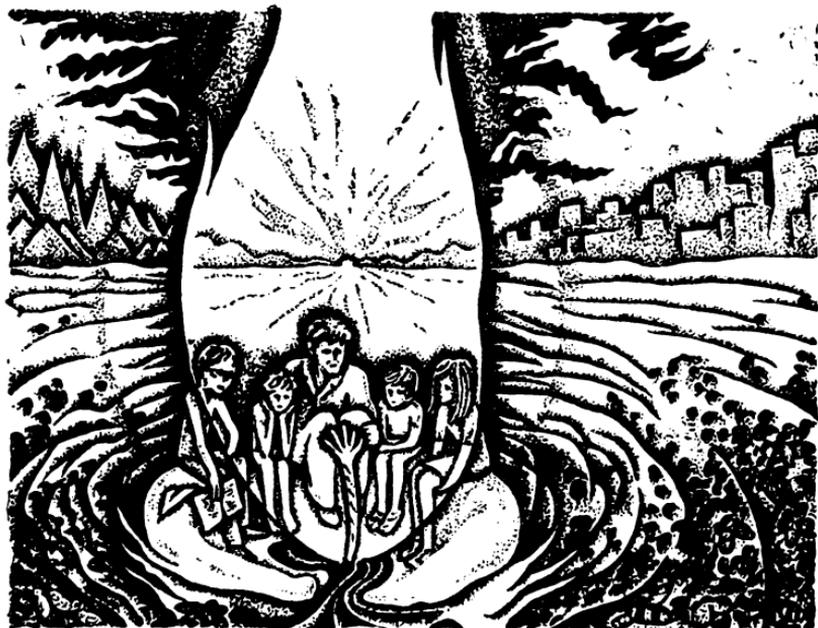
Золотисто-оранжевый конь шел за ними в пяти шагах. Мягко ставил копыта на гибкие доски тротуара.

1985 г.

ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ

Роман-трилогия

Голубятня в Орехове

Вступление
ОДИН И ЧЕТЫРЕ

Был, видимо, июнь. У цирка цвели кусты желтой акации. Алька, не вставая со скамьи, дотянулся до ветки, сорвал похожий на ушастого зверька цветок, сунул в рот. Сладко зажмурился.

Тик посмотрел на Альку и сделал то же самое.

— Травоядные, — сказала Данка.

Тогда и Чита, не отрываясь от книги, добыл себе цветочек.

Яр вспомнил, отчетливо вспомнил, как всасывается в язык сладковатый, с травянистым запахом лета сок. Виновато посмотрел на Данку и тоже потянулся к ветке. Данка сделала вид, что не заметила.

Яр осторожно раскусил корешок цветка, тихонько засмеялся и закрыл глаза. Он отчетливо услышал голос ма-

мы: «Яська, опять ты жуешь эту зелень! Ты превратишься в верблюда».

«Еще немного, и я вспомню мамино лицо», — подумал Яр.

В сквере было шумно. До утреннего представления оставалось минут сорок, в цирк пока никто не спешил. Мальчишки и девчонки играли в прятки и догонялки. Кто-то смеялся, кто-то кричал: «Это не по правилам, пускай теперь Сашка ищет!» Щелкали пистонные пистолеты. Перебивали друг друга считалки. Вот знакомая:

На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич...

Вот незнакомая:

Раз-два! Три-четыре!
Синий слон живет в квартире!
На слоне лежит доска,
Раз-два-три —
Тебе искать!

Яр вспомнил, как он, зажмурившись и прижавшись лбом к забору, торопил приятелей: «Раз-два-три-четыре-пять: я иду искать! Кто не спрятался — я не виноват!» Та-та-та-та! — разлетался топот подошв. Разбегутся, притаятся. И тихо во дворе, как на пустой планете...

Не надо про планеты.

Надо сидеть и радоваться подарку судьбы. Лету. Вот этим голосам и смеху...

Кто-то радуется, а кто-то не очень. Вон курчавый пацаненок в клетчатом костюмчике поссорился с мальчишками. Они кричат:

— Не видишь, что ли, нас уже четверо!

— Ну и что? Никто же не узнает! — обиженно доказывает он.

— Ненормальный какой-то! Иди один, а то получишь!

Ребята убежали, а курчавый мальчишка надулся и так сердито сунул в кармашки кулаки, что весь его желто-синий костюмчик смялся и скособочился.

Яр пожалел мальчишку, как самого себя. Когда он был маленький, его, случалось, тоже не брали в компанию...

Алька забрался на спинку скамьи, балансировал на ней и рвал с куста цветки покрупнее.

— Сядь, — сказала Данка. — Свалишься и весь изво-зишься.

— Шас... — Алька прыгнул, зацепил Читу. — Ой...

— Обормот, — вздохнул Чита. И снова взялся за чтение.

— Правильно, обормот, — сказала Данка. — А ты, Вадик, тоже. Хотя бы сегодня обошелся без книжки... Такое дело, а ты...

— Я все понимаю. Одно другому не мешает.

— Что тебе говорила учительница? — поддел Читю Алька. — «Если бы ты, Вадик, глотал учебники, как глотаешь книжки, ты учился бы на одни четверки».

Чита перелистнул страницу.

— А почему не на пятерки? — спросил Яр.

Чита поднял голову и снял очки. Данка округлила глаза. Тик... В его карих глазах — Яр увидел ясно — метнулась непонятная тревога и радость. Алька подскочил и свалился в траву.

— Вот это да! Вот сказать бы ей: «Поставьте мне пять»!

— Ребята, вы не смейтесь, — растерянно сказал Яр. — Конечно, я могу что-то напутать... Вот когда мы учились...

Алька от смеха перекатился с травы на песок дорожки. Данка подняла его и бесцеремонно шлепнула:

— Ну что за чучело!

Из какого-то незаметного кармашка выдернула платочек, стала смахивать сухой песок с белой Алькиной рубашки, еще недавно чистой и отглаженной. А заодно с волос, шеи, щек и ушей. Алька, чуть косолапя, перебирал исцарапанными ногами, фыркал, отворачивался и все время хихикал.

Потом успокоились, опять расселись на скамейке. После споров и смеха выпадают иногда такие тихие минутки. Данка, укоризненно вздыхая, сворачивала платок. Алька помусоленным пальцем стирал с колена прилипшие песчинки и заглядывал в книжку Читы. Тик молчаливо приткнулся к Яру. Яр обнял его за плечо, откинулся на спинку скамьи и разглядывал здание цирка.

Это был старый деревянный цирк. Поразительно знакомый. Над парадным входом подымались на дыбы громадные фанерные кони — черные с красными седлами. В стороне от них белозубо улыбалась фокусница София Марчес с пунцовой розой в смоляных волосах. И держала на ладони лилипута (София и лилипут тоже были фанерные).

Яр вспомнил, как он, восьмилетний, с замиранием ждал на представлении, когда же София вытащит из какой-нибудь вазы или коробки крошечного лилипутика и вот так

поставит на ладонь. Но этого ни разу не случилось. Лилипуты, выступавшие в аттракционе Марчес, были не такие уж маленькие — ростом вот с этого «клетчатого» мальчика, который все еще стоял с кулаками в тесных кармашках.

Мальчик будто ощутил взгляд Яра, сердито обернулся, растопырил локти и зашагал через кусты к дальнему дощатому забору.

— А что за забором? — спросил Яр у Данки. — Городской сад?

Она кивнула. Алька вскочил:

— Конечно, сад! Мы там в пиратов играем! Там по вечерам гулянья, а днем почти никого... Только там в гущине крапивы много.

Яр осторожно сказал:

— Мне кажется, там должен быть фонтан. Два мальчика с луком...

— Да, — быстро отозвался Тик. — Хочешь посмотреть? Это близко, там в заборе дыра...

Фонтан стоял посреди поляны, окруженной старыми березами. Это был круглый каменный бассейн. Посреди бассейна торчала сложенная из булыжников горка, а на ней темнели фигурки двух бронзовых мальчишек. Один, вытянувшись в струнку, поднял согнутый лук с нацеленной в зенит стрелой. Другой сидел у его ног и держал запасные стрелы. Оба смотрели вверх.

«Сколько лет они в этом саду... — подумал Яр. — Вечные ровесники всех мальчишек, которые здесь играли и будут играть... А там в последний раз их не было. И сада не было, и цирка...»

Фонтан работал в четверть силы. Из тонкой трубки-стрелы выбивалась небольшая струйка, и вода стекала по мальчишечьим рукам и плечам (на плечах лежали зеленые полоски медной окиси). На внутренней стороне бассейна выплевывали водяные жгутики озорные детские рожицы, тоже отлитые из бронзы. В бассейне вода слегка рябила, но сквозь нее хорошо различалось бетонное дно. Яр заметил дрожащий блеск нескольких белых и желтых монеток.

— Ура, — деловито сказал Алька, — будет нам мороженое.

Дрыгнув ногами, он скинул растоптанные сандалеты и соскользнул с края бассейна в воду. Тик хотел пойти за ним, но Данка не пустила:

— Если будет мокрый, то пускай хотя бы один... И вообще это неприлично — мелочь в воде собирать.

— Дана, не обрастай предрассудками, как классная дама, — возразил Чита. — Все собирают.

— И вовсе я не буду мокрый, — сказал Алька. — Вода была ему чуть выше колен. — Ух и теплая...

Он стал бродить вокруг каменной горки. Иногда нагибался и, макая подвернутый выше локтя рукавчик, доставал добычу.

— Вон еще денежка! — командовал Тик.

— И вон! — показывал снятыми очками Чита.

Яр тоже не зевал:

— Алька, смотри! Рядом с ногой!

Даже Данка сперва увлеклась. Но скоро сказала:

— Хватит уже. В цирк опоздаем.

— Там еще много осталось, — с сожалением отозвался Алька. Но пошел к барьеру.

— Сюда каждый вечер монетки бросают, — объяснила Данка Яру, — потому что этот фонтан все любят. Он все нашествия пережил.

«Какие нашествия?» — хотел спросить Яр. Но тут приблизился Алька, пришлось его вытаскивать на сушу.

— Много? — спросил Тик.

Алька разжал кулачок. На ладони лежала кучка мокрых монеток — серебристых и медных. Яр взял одну желтую. Размером она была в точности как знакомые по давнему детству пятаки. И тоже рубчики по краям. Но изображение оказалось незнакомым: четырехугольная звезда, похожая на розу ветров. Яр перевернул монету. И поморщился от неожиданности: на другой стороне была цифра 4. В подтверждение ее по кругу шла надпись:

Четыре копейки. Размен. Знак.

Яр с непонятной досадой положил «обманный пятак» в Алькину ладошку. Потом рассердился на себя: расстраиваться из-за такой мелочи, как незнакомая монетка, просто глупо. После всего, что случилось!

Он поймал тревожный взгляд Тика: «Что-то не так?»

«Все в порядке», — улыбнулся Яр.

И Тик улыбнулся. Чуть виновато.

Они пошли к лазейке, ведущей в сквер, к цирку. Алька, гордый добычей, топал впереди. Яру показалось, что Алькина походка стала чуть больше «кавалерийской», чем раньше. И тут же Данка сказала:

— Ты почему хромаешь?

— Да так...

— Алька!

— Ну, там, кажется, стекло было...

— Вечно с тобой истории. — Данка опять достала платочек. — Дай сюда ногу, балда... Вот засоришь да схватишь какую-нибудь заразу...

— Ой, уже схватил... Р-р-р! У меня бешенство! — Алька запрыгал на одной ноге.

— Дурь у тебя...

Данка разорвала платок на ленты. Общими силами замотали порезанную Алькину ступню (он хихикал от щекотки).

— Обувайся, радость ненаглядная. Да ступай осторожнее.

— «Осторожнее, осторожнее»... Нога, что ли, отвалится?

— Не ворчи и слушайся старших, — усмехнулся Чита.

— Это Дарья-то старшая? Ой-ой-ой! Вот это да!

— Тогда меня слушайся, — сказал Яр. — Я-то уж точно старше. Даже и не сосчитать, во сколько раз.

Не оглядываясь, Алька проговорил с ехидцей:

— Ну и что? Зато ты не настоящий, а придуманный.

— Алька! — со звоном сказал Тик.

Все остановились. Чита растерянно надел очки.

— Алька, ты что?.. — сказала Данка.

Алька быстро глянул на всех, отвернулся и засопел.

Тяжелая неловкость навалилась на всю компанию. Яр коротко вздохнул. Обижаться было глупо. Но все же на миг ему стало жаль себя. Так же, как жаль было курчавого мальчишку, которого недавно прогнали четверо приятелей...

Судя по всему, назревала ссора. Может быть, даже со слезами. В такой, казалось бы, дружной компании!

Чтобы все сделать шуткой, Яр крикнул, как рассерженный Дед Мороз, и пробасил:

— Тут где-то растет крапива, про которую ты говорил. Я вот сорву, а там посмотрим, придуманный я или нет.

Это прозвучало ненатурально и глупо. Данка отвела от Яра глаза и сказала Альке:

— Бессовестный. Извиняйся сейчас же.

Алька порозовел, опустил пшеничные ресницы. Сказал сипловато, но все же с чуть заметной игривой ноткой:

— Простите, пожалуйста, я исправлюсь.

— Бессовестный, — опять сказала Данка.

— Мы не опоздаем? — чересчур озабоченно спросил Тик.

Яр взглянул на часы.

— Двадцать минут до звонка. Пошли! Мы ведь хотели еще мороженого купить.

— В цирке за мороженым сейчас очередища, — возразила Данка. — А здесь, в саду, недалеко киоск есть. Вы идите и подождите меня у скамейки, я сбегаю. Алька, дай деньги.

Насупленный Алька вытряс из кармана монетки.

Тик переглянулся с Данкой.

— Я с тобой сбегаю! Тебе не унести столько порций. Сразу... пять...

— Я с вами, — сумрачно сказал Алька.

— Ты хромой.

Данка и Тик умчались. Алька секунду подумал и кинулся за ними...

Яр и Чита сели в сквере на прежнее место. Чита сию же минуту уткнулся в книгу. Яра это даже слегка разозлило. Но он постарался прогнать досаду и неясную тревогу. Вдохнул в себя лето и стал смотреть, как втягивается в цирковые двери пестрая ребячья толпа.

Яра легонько тронули за плечо. Сзади стоял хмурый Алька. Он шагнул назад и поманил Яра за собой.

Они быстро отошли.

— Что, Алька? — с испугом спросил Яр.

Это был какой-то другой Алька. Без всякой смешинки в серо-зеленых своих глазах, будто похудевший и подросток.

— Что, Алька? Что случилось?

Тот шагнул к Яру вплотную, прочно взялся за его рубашку, уткнул ему под ребра запрокинутый подбородок. И, глядя снизу вверх, тихо спросил:

— Ты очень обиделся?

Яра накрыло теплой волной.

— Ну что ты, Алька, — одними губами сказал он.

— Нет, правду скажи.

И Яр сказал правду:

— Самую капельку. Но сейчас уже несколько не обижаюсь. Честное слово.

Алька переглотнул. Еще острее уткнулся подбородком.

— Пожалуйста... Ну, пожалуйста-пожалуйста, извини меня. Ладно?

Яр улыбнулся, пятерней взъерошил Алькины нестриженные волосы. Несколько секунд Алька смотрел с жалобной тревогой. Потом тоже заулыбался, превращаясь в прежнего Альку. Яр подхватил его, невесомого, вскинул на вы-

тянутых руках, закружил над собой. Алька радостно заверещал, дрыгая ногами и теряя сандалеты.

Подбежали Данка и Тик. Подошел Чита.

— Я тоже так хочу, — сказал Тик.

Яр усадил босого Альку в траву, взметнул вверх Тика. Тик не стал верещать, упруго выгнулся, раскинул в стороны ноги, развел прямые руки (в каждой — стаканчик с мороженым).

— У нас такое упражнение называлось «мельница», — вращая Тика над головой, сказал Яр.

— А у нас — «штурвал»! — крикнул Тик.

И правда, его тонкие ноги и руки мелькали, как спицы в рулевом колесе парусного корабля из старинного фильма про пиратов.

Яр приземлил Тика и спросил у Данки:

— Тебя повертеть?

— Нет, я уже большая, — вздохнула она.

Предлагать «верчение» серьезному Чите Яр не решил. Но тот сказал ревниво:

— А меня?

— Ты, наверно, и там читать будешь?

— Не-а, — отозвался Чита с дурашливой, почти Алькиной интонацией. И отдал Альке очки (тот сразу их нацепил).

А Яр уже не первый раз подумал вот о чем: обычно, если человек снимает очки, взгляд его делается беспомощным, а у Читы — у Вадика — глаза становились твердыми, как у стрелка из лука.

— Летим, — сказал Чита.

...А через пять минут они сидели в цирке. Лизали остатки тающего мороженого. Смотрели, как над желтой ареной зажигаются фонари. У выхода выстроились униформисты в красных с золотом мундирах. Пахло опилками, конюшней, сухим лаком скамеек. Голоса и смех уносились под купол, где блестели никелем трапеции. Стоял такой знакомый «цирковой» гул. Все было как раньше...

Когда раньше? Где?

«Этого не может быть!» — опять резанула Яра холодная мысль. Но тут же улетела. «Ну и пусть! — мысленно крикнул ей вслед Яр. — Это есть!»

Оркестранты на балконе гудели и пиликали вразнобой — пробовали свои скрипки и тромбоны. И вдруг замолчали. Вспыхнули еще фонари, яркие до синевы. Над

оркестром на темном панно забегали, запереливались круглые цветные огни.

Яр подумал, что это похоже на щит корабельного компьютера. Конечно, когда корабль меняет режим. А если крейсер висит в субпространстве, то огни горят неподвижно...

Глава первая

ГОСТЬ

1

Огни горели неподвижно. Могли они и совсем не гореть. Свечение лампочек на пульте было лишь традицией. По крайней мере, когда крейсер зависал в субпространстве перед дальним прыжком. Вахта в это время тоже была не нужна. Если кто-то и дежурил, то опять же отдавая дань традиции или бессоннице.

Капитан Виктор Сайский бессонницей не страдал, а традиций не одобрял, так как они уставом СКДР не оговаривались. Но с другой стороны, они не были и нарушением. Поэтому Сайский лишь досадливо помолчал, когда Ярослав сообщил, что не пойдет спать и останется у пульта.

Ярослав был старше всех в экипаже, старше даже астронавигатора Олега Борисовича Кошки, хотя тот уже выглядел пенсионером. У Сайского могли возникнуть подозрения, что разведчик Ярослав Родин просто не доверяет автоматике крейсера, а заодно и капитану, который эту автоматику сам отлаживал и проверял. До последней ячейки! Но высказывать подозрения и вступать в спор капитан не мог. Помолчав, он только спросил:

— Ну... а что же вы собираетесь делать в течение срока часов? Если не секрет.

— Не секрет, — без улыбки сказал Ярослав. — Буду сидеть. Вспоминать...

Он говорил правду. Часы молчания, когда крейсер повисал вне привычных измерений и понятий, когда он по земным представлениям просто не существовал и ничего, абсолютно ничего не могло случиться, Ярослав любил. Любил тишину и домашнее тиканье пружинного будильника «Янтарь». Будильник неторопливо отмерял локальное время.

Ярослав сидел и вспоминал. Собственно, это было главное, что оставалось у него. От поиска Яр ничего не ждал. Скорее всего, опять будут пустые ненужные планеты: каменные глыбы, сожженные жестким излучением, или жидкие шары в оболочках метановых и аммиачных атмосфер. Они годятся для диссертаций, а для жизни бесполезны.

А если и будет жизнь — вроде микробов и горного мха на Виктории или тех безобидных песчаных тварей на АЦ-1, — ну и что?

Вероятность найти цивилизацию, с которой можно общаться, равна ноль целых, ноль, ноль, ноль, ноль... Найти остатки такой цивилизации легче. По крайней мере, на Леде нашли. И тысячи умов кинулись разгадывать: кто были существа, построившие посреди каменной равнины громадный арочный мост? Что означают мозаичные фигуры на поле, частично изрытом ударами метеоритов? Кто-то уверял, что нашел разгадку. Была даже написана «История цивилизации Леды». Сначала она понравилась Ярославу. Позже он перелистывал ее с усмешкой. Автор строил догадки и доказательства, то и дело пристегивая факты из истории Земли. Это было похоже на попытку примерить чужую одежду. Ярослава перестали интересовать загадки мозаичных фигур и гигантских арок.

Волновать себя тайнами давно сгинувших в космосе жиней? Зачем, если не сумел разобраться в своей?

Это был не эгоизм. Скорее, это было одиночество. А может быть, усталость.

И, оставаясь один, Ярослав теперь вспоминал не Леду, не Черные Кристаллы, не метановые вихри Меркатора и не стада песчаных кротов на АЦ-1. Он вспоминал двор на улице Огарева. Юрку вспоминал, Славика, игру в лунки, синие вечера с костром на лужайке за стадионом и бумажные самолеты, которые пускали с голубятни. И очень часто — маму.

Мамина могила не сохранилась.

Когда Яр пришел из первого броска, кладбище — уже сильно заросшее — еще темнело над речным обрывом. Он отыскал тогда холмик с решеткой и плоским серым камнем. К холмику даже вела тропинка — видимо, за могилой присматривала Галина. Она не дождалась Яра, вышла замуж за какого-то журналиста, но, значит, что-то сохранила в душе... Яр поправил камень, покрасил решетку и через три месяца ушел на знаменитом СКДР-7 к Черным Кристаллам.

Когда он вернулся, Нейск ничем не напоминал прежний город. На месте кладбища блестили стеклянные павильоны какой-то фабрики. Это неожиданно сильно обидело, даже оскорбило Яра. Он понимал, что жизнь идет и все меняется, но выдержка скадермена изменила ему. Он отказался встречаться с журналистами и участвовать в конгрессе Академии, который был посвящен Черным Кристаллам. Не пошел даже на встречу с учениками «своей» школы. Вернее, той, что стояла на месте бывшей кирпичной, трехэтажной. Впрочем, обижать ребят Ярослав не хотел. Но он не знал, как говорить с ними. Дети стали не похожи на прежних — рассудительные, крайне вежливые, во взрослых костюмах, со взрослой расчетливостью в глазах и речах. С десятилетнего возраста знающие, кто из них кем станет.

Или Яру так казалось? Все равно он не пошел...

Он три года проработал в обсерватории Звездного центра и старался жить, как все. И у него получалось. Даже чуть-чуть не женился второй раз. Но тут ему сказали про рейс «девятки», и он сразу согласился...

Будильник в тишине тикал с удвоенной громкостью. Это был старый квадратный будильник с треснувшим на уголке стеклом. Очень похожий на тот, что стоял на подоконнике в комнате маленького Ярослава — Яськи. Когда он принимался трезвонить (от усердия даже подпрыгивал), Яська вскакивал, подбегал, давил кнопку и опять кидался в постель. Но теперь уже ногами к подушке. Это чтобы мама, когда придет стаскивать одеяло, удивилась. И мама каждый раз притворялась, что удивляется. А потом начинала щекотать Яськины пятки. А он хохотал и лягался.

— Ну, хватит, хватит, Ясик. Ох, какой же ты еще ребенок...

Мамин голос Яр помнит. Каждое звучание, каждую нотку. Руки помнит с прожилками и царапинками. Завитки волос и родинку на мочке уха... А лицо ускользает, ускользает... Карточки сгорели вместе с комбинезоном во время аварии вездехода на Меркаторе. Был еще один снимок — фаянсовый медальон на памятнике. Но где он теперь?..

Будильник стоял на полированном выступе, который тянулся по всему пульту. В полировке, как в черной воде, отражался светлый циферблат и цветные лампочки панели. И магнитная кассета — ее забыл Дима Кротов, самый молодой член экипажа. На одной стороне ленты были за-

писи популярных ансамблей, на другой — чей-то голос. Дима слушал его в одиночку, в своей каюте...

Яр дотянулся до кассеты и убрал ее в выдвижной экранированный ящик. Иначе при смене режима запись могла изрядно пострадать. Почти сразу Яр услышал за спиной легкие шаги. «Вспомнил», — с усмешкой подумал он и сказал:

— Дима, я убрал вашу кассету в третий ящик.

Дима не ответил. Яр оглянулся. Посреди рубки стоял мальчик.

Мальчик лет одиннадцати, белобрысенький такой, с немного оттопыренными ушами, с царапиной на вздернутом носу. В сетчатой безрукавке с большой дыркой на плече, в мятых серых брюках с пузырями на коленях. Правая штанина подвернута, будто он только что ехал на велосипеде. К пыльным вельветовым полуботинкам пристали пушинки — видимо, от цветущего тополя.

Мальчик посматривал вокруг со спокойным любопытством.

«Ну что ж...» — подумал Яр и кинул руку к левому карману с ампулой.

Когда Яр учился в Ратальской спецшколе, у них на курсе был паренек, Стасик Тихов, он коллекционировал старую фантастику. Немного наивные, но в общем-то увлекательные романы и повести о звездных путешествиях. В этой коллекции был целый раздел, который назывался «Визиты»: истории о том, как в космолетах и на орбитальных станциях неожиданно появлялись люди или иные существа. Не из экипажа, а другие. В разделе было три части. В первой говорилось о «зайцах» (чаще всего о мальчишках), которые тайно пробирались на корабли, чтобы участвовать в экспедициях. Вторая часть содержала рассказы о «гостях»: о лицах разного возраста, повадок и характеров — они проникали на звездолеты и станции неизвестными науке путями, иногда с помощью колдовства. В третьей части речь шла о призраках.

Практика звездных экспедиций два первых варианта отрицала начисто.

А «призраками» занималась медицина.

Врачи именовали эту болезнь длинным латинским термином. У скадерменов называлась она короче, но тоже по-научному — псевдоконтакт.

Псевдоконтакт проявлялся чаще всего у молодых аст-

ролетчиков, которых вдруг охватывала тяжелая тоска по Земле, или у ветеранов, уставших от долгих рейсов и разведок. В этих случаях космонавты видели перед собой — очень реально — знакомых или незнакомых людей, которые вступали в беседы, звали куда-то, вспоминали о прошлом.

Псевдоконтакта отчаянно боялись. Он свидетельствовал, что следует менять звездную профессию на земную...

Яр был далеко не молод, ностальгией не страдал. Значит, годы?.. Черт знает, когда они успели пролететь...

«Ну что ж... — подумал он довольно хладнокровно. — Придется снова засесть в обсерватории...»

Но это позже. А пока — рейс. Бросок. В рейсе следует оставаться скадерменом. Яр щелчком выбил на ладонь крупную пилюлю пентарина. С некоторым сожалением взглянул на мальчишку, который сейчас исчезнет. Мальчишка был удивительно знакомый. Нет, Яр не знал его имени и раньше никогда не видел. Но такими были приятели в его детстве. Таким, видимо, был когда-то он сам.

Этот пацаненок прикатил на своем велосипеде из тех времен, когда о звездных полетах писали только фантасты. Когда не существовало неофициального, но почетного титула «скадермен», да и самого проекта СКДР не было в помине. А был старый Нейск, заросший одуванчиками двор, шаткая заброшенная голубятня, где играли то в партизанский штаб, то в полет на Венеру...

Мальчик стоял влоборота к Яру и разглядывал на потолке центральный, выключенный сейчас плафон.

— Испортился, что ли... — тихонько сказал он и стал медленно поворачивать голову к Яру.

Яр вздохнул и раздавил зубами желатиновый шарик.

Ледяные стрелы ударили в язык, в небо, в мозг. Все вокруг стало холодным и пронзительно ясным. Таким ясным, что приглядишься — и поймешь, куда и по каким ячейкам скачут за пультом электронные импульсы. Прислушайся — и узнаешь, какие сны снятся юному Диме Кротову или добродушному Борису (Сайский снов, естественно, не смотрит, так как это не предусмотрено инструкциями).

В мыслях тоже ясно, чисто и холодно. Исчезли сумятица, неуверенность, нерешительность. Исчезло все ненужное, все, что мешает, все, что кажется.

Мальчик не исчез.

Он тоже стал ясным, как бы видимым насквозь. Яр, например, понял, что в кармане у мальчишки шелуха от семечек подсолнуха и огарок свечки, и что у него побали-

вает натертая башмаком пятка, и что здесь, в рубке крейсера, мальчику интересно, а смущения он не испытывает и настроен даже как-то по-хозяйски.

Черт знает что...

Оставалось прошептать «сгинь-пропади» и плюнуть через левое плечо. Яр этого не сделал, хотя про суеверность скадерменов ходили анекдоты. Он ощущал странную беззаботность. Как школьник, который говорит: «Я сделал все, что полагается. Теперь, если что-то не так, я не виноват».

Мальчик встретился с Яром светло-карими глазами. Взгляд был спокойно-доброжелательный и самую чуточку снисходительный. Мальчик улыбнулся уголками губ и опять поднял глаза. На выпуклые хромированные буквы над пультом.

— Эс-Ка-Дэ-Эр-девять, — полушепотом прочитал он. — Суперкрейсер дальней разведки...

— Совершенно верно, — сказал Яр, поворачиваясь вместе с креслом.

Гость явно не собирался растворяться в воздухе, и оставалось одно: принять «правила игры». «Черт возьми, почему я не ударяюсь в панику? И почти не удивляюсь? — спросил себя Яр. — Защитная реакция мозга?»

А мальчишка был такой славный и абсолютно настоящий. Как он устоял перед пентарином? Этого не могло быть...

— Совершенно верно, — сказал Яр. — Суперкрейсер дальней разведки. Сокращенно — эскадёр. В просторечии — скадер.

— А почему девять? — Мальчик опять посмотрел на Яра. Как на привычного собеседника.

— Потому что девятый номер. По порядку. Так построили...

— Да? — Мальчик то ли с недоумением, то ли с легкой досадой шевельнул выгоревшими бровями.—А я, когда сюда шел, думал, он один. Просто эскадер...

— Ты сюда шел... — задумчиво сказал Яр. — И вот пришел... Да?

— Ага. — И он опять слегка улыбнулся.

— Ну и... может, поздороваяешься хотя бы?

— Ой... здрасте. Простите. — Он чуть покраснел и зашевелил большим пальцем в полуботинке — в том месте, где вельвет был протерт почти насквозь.

Яр, бестолково улыбаясь, молчал. Мальчик решил, ви-

димо, что хватит смущаться, и повел веселыми глазами по пульту.

— Сколько приборов всяких! В сто раз больше, чем я думал... А это что за кнопка?

Яр в броске перехватил руку.

Он не мог ее перехватить. Рука должна была оказаться из воздуха. Или из чего там у призраков? Но она, по-мальчишески тонкая, твердая, теплая, оказалась настоящей. Когда Яр испуганно разжал хватку, на загорелой коже остались белые пятнышки от пальцев.

Мальчик удивленно морщился.

— Извини, — сказал Яр. — Больно? Я не хотел. Но это кнопка аварийного вызова, сейчас поднялся бы такой тарарам...

— Ой... — сказал мальчик и виновато засопел.

Яр откинулся в кресле.

— Ну, ладно.. Любопытно все-таки, откуда ты взялся?

— Я? Ну... я сперва поехал к Данке, чтобы спросить про цирк. А потом сюда, на поляну. Думаю: наверно, пора заглянуть. — Он почему-то вздохнул. — Велосипед у забора поставил, а сам сюда, по лесенке. Вот...

— Угу... Ты хочешь сказать, что крейсер стоит на поляне и к нему ведет лесенка?

Мальчик быстро и прямо взглянул Яру в глаза. Кивнул.

— М-да... — медленно сказал Яр. — Видишь ли, я убежден в другом. Я уверен, что он висит в субпространстве, которое даже не совсем пространство и про которое ученые до сих пор спорят, что же это такое. И в которое трудно приехать на велосипеде хотя бы потому, что...

— Да, я знаю, — перебил мальчик и нетерпеливо мотнул головой. — Это по-вашему в этом... в субпространстве. А в самом деле, по-нашему, на поляне...

— По какому это по-вашему? — слегка уязвленно спросил Яр.

— Это... Мы так придумали. Я и ребята. Когда стали в вас играть...

— Ничего себе заявочки! — Яр от изумления вспомнил мальчишескую терминологию давних лет. — Это, выходит, я придуманный? И весь экипаж, и крейсер?

Мальчик впервые смутился очень сильно. Оттопыренные уши стали алыми. Он опустил голову и левым башмаком начал неловко чесать правую щиколотку. Прошептал, не глядя:

— Ну... вы не обижайтесь, пожалуйста.

— Я не обижаюсь... — Яр дотянулся, взял его за локти (взял настоящего, живого, пахнувшего травой, мальчишечьим потом, велосипедной смазкой и клейким тополиным соком), поставил перед собой. — Я не обижаюсь, малыш... но мне трудно в это поверить. В лесенку, в поляну...

— Тогда пойдете! — Мальчик весело отпрыгнул назад.

— Куда?

— На поляну!

Яр понял, что сейчас мальчик уйдет.

— Постой! Скажи хотя бы, как тебя зовут?

Мальчик мигнул.

— Игна...т...тик, — проговорил он с легким усилием. Видимо, не знал: сказать полное имя или уменьшительное?

Яр этого не ждал. Среди его приятелей-мальчишек были Саши, Валерки, Вовки, Юрки, Сережи. Потом пошла мода на Денисов, Егоров, Данилок... Игната он не помнил ни одного.

Но все равно хорошо.

— Значит, Игнатик?

— Ага, — сказал мальчик с облегчением, будто сдал маленький экзамен. — Или иногда просто Тик... Вы пойдете?

Яр улыбнулся:

— Я же на вахте.

— Ну и что? Корабль на автоматическом контроле, вахта сейчас не обязательная.

— Хорошо... — Яр встал. Если играть, так до конца. Но кажется, конец был близок. Какой?

Игнатик шагнул к двери аварийного гермошлюза и ухватился за хромированный рычаг, утопленный в глубокой выемке. Вопросительно оглянулся на Яра.

— Чтобы открыть эту дверь, надо ее разблокировать и набрать двойной код, — тихо сказал Яр.

— Да не-е... — отозвался Игнатик.

И потянул рычаг.

Дверь тяжело отошла.

Яр увидел полосы солнца.

2

Солнце било в щели и открытую дверь дощатой будки. Будка примыкала к тамбуру шлюза. Игнатик легко перешагнул стальной комингс. Протянул оттуда, из дру-

гого мира, тоненькую свою руку Яру. Яр... вздохнул, зажмурился и тоже шагнул.

У него под ступнями прогнулись шаткие половицы. Яр быстро посмотрел назад. Там была теперь фанерная стенка с грубо сколоченной и плотно закрывшейся дверью.

— Как же я вернусь? — проговорил Яр с внезапным и совершенно детским страхом.

— Да очень просто. Так и вернешься... Ой, то есть вернетесь... Яр...

— Что? — машинально спросил он. Сердце стучало глухо и медленно. С трудом толкало кровь. Было жутко? Пожалуй, нет. Но... — Что? — механически повторил он.

— А можно... мы будем с вами на «ты»? Мы так привыкли, когда играли...

Игнатик опять засмутился, зачесал башмаком щиколотку. Он был настоящий. Его смущение было настоящим. И его царапина на носу, спутавшиеся на лбу волосы, дырка на майке.

И заброшенная голубятня была настоящая.

То, что это голубятня, Яр понял, увидев за окошком проволочную клетку. Здесь вкусно и знакомо пахло старыми досками.

Яр усилием воли вогнал сердце в нормальный ритм. В конце концов, он был скадермен с тремя звездами на рукаве.

— Да, — сказал он Игнатику, — конечно. Давай на «ты», так лучше будет.

— Пошли? — Игнатик шагнул к двери голубятни. Яр за ним. В проеме двери он, согнувшись, замер.

Навстречу ударило лето.

Знакомое до сладкой тоски лето с высокой травой, тополиным пухом, солнцем и чистой голубиной над низкими крышами.

Голубятня стояла посреди поляны, усыпанной звездами одуванчиков. Они покрывали поляну сплошной желтизной. Игнатик прыгнул в одуванчики и сказал Яру:

— Спускайся. Не бойся...

Яр медленно сошел по приставной лесенке.

За поляной лежал широкий двор. Тот самый двор? С двухэтажным деревянным домом, с высоким сараем, вдоль которого тянулась березовая поленница. За покосившимся забором — два тополя и кирпичное здание переплетных мастерских. Косой столб с проводами, на проводах повис разбитый ветром змей с мочальным хвостом.

Вокруг поляны, шелестя спицами по листьям высоких сорняков, ездил на велосипеде мальчишка.

— Во, Алька на моих колесах гоняет; — обрадовался Игнатик. — Алька!

Мальчишка подкатил, затормозил со звонким скрежетом. Распахнул ресницы, глянул изумленно. И вдруг просиял — иного слова не найдешь — навстречу Игнатику и Яру.

— Вот, — скромно сказал Игнатик. — Это Яр. Я привел. А вы не верили.

Алька положил велосипед. Сияя, обошел вокруг Яра, как вокруг новогодней елки. Потом встал перед ним, глянул серо-зелеными веселыми глазами и приоткрыл пухлый рот с трещинкой на верхней губе.

Он был круглолицый, русский, в полинялом и обвисшем тренировочном костюме. Чуть пониже Игнатику и на год или полгода помладше.

— Здравсте... здравствуй, — сказал он и протянул прямую ладонь с плотно сдвинутыми пальцами.

Яр улыбнулся... и опять поразился реальности и невозможности того, что случилось. Обдало жутковатым холодом. Но Алька был такой... такой взаправдашний Алька. И все вокруг — было.

А раз было, приходилось делать то, что полагается. Устав СКДР гласил: «Столкнувшись с необычными явлениями, которые на данный момент не поддаются объяснению, командир и члены экипажа, вместе или в одиночку, должны действовать, полагаясь на собственную интуицию и опыт, в соответствии с обстоятельствами».

В соответствии с обстоятельствами следовало взять Алькину руку и поздороваться. Яр так и сделал.

— Ой! — спохватился Игнатик. — Надо же к Чите зайти! Подождите, я запру велосипед в сарай — и пойдём...

Он вскочил в седло и укатил по траве и одуванчикам.

У Яра и Альки наступило неловкое молчание. Чтобы его прогнать, Яр спросил:

— А кто такая Чита?

Алька обрадованно засмеялся:

— Это не «такая», а «такой»! Это Вадька, мы его так прозвали.

— А он не обижается? Чита — это ведь, по-моему, обезьяна из старого кино про дикаря Тарзана...

Алька замотал головой так, что волосы разлетелись по сторонам.

— Это не из кино, что ты! Это сокращенно от слова «читатель».

Подбежал запыхавшийся Игнатик.

— Пошли! — Он торопливо взял Яра за руку. За другую — двумя ладошками — ухватился Алька.

Улица была та, где он бегал в детстве. Или почти та. Яр узнавал дома с палисадниками, старые ворота с поржавевшими овальными знаками страховых обществ. Вот старая кривая липа, вот водонапорная колонка, похожая на человечка в матросском берете с помпоном. У нее, как всегда, лужа, из лужи пьют воробыи.

Асфальтовый тротуарчик тут и там пробит крепкими небольшими лопухами...

Вошли во двор, похожий на тот, где жил когда-то Славик Раскатов. На середине приставной лестницы, ведущей к чердаку, сидел мальчик в очках. Это, безусловно, и был Чита. Во-первых, потому, что он читал. Во-вторых, потому, что Алька радостно завопил:

— Чита, мы пришли! Вот смотри!

Чита поднял голову. Рывком откинул со лба темное крыло волос. Положил очки в накладной карман отглаженной голубой рубашки. Прикрыл книгу и встал на ступеньке. Отряхнул красивые светлые брюки с острыми стрелками. И, не держась за брусья лестницы, легко сбегал по шатким перекладинкам.

Встал перед Яром — тоненький, высокий, очень аккуратный. Посмотрел прямо и внимательно.

— Здравствуйте, Яр. Хорошо, что вы пришли.

— Мы договорились с Игнатином, что будем на ты, — сказал Яр.

Чита рассеянно кивнул. Посмотрел на Игнатика.

— Тик, просто не верится. Как ты все это сделал?

— Я старался, — скромно сказал Игнатик.

— А где Данка? — нетерпеливо спросил Алька и крутнулся на пятке. — Еще не пришла?

— Вот она идет, — сказал Чита.

В калитку вошла девочка в красном платье. Угловатая, быстрая, с толстогубым добродушным ртом, но строгими бровями и темными глазами. Игнатик и Алька подтянулись. Впрочем, Алька тут же довольно развязно сказал:

— Где тебя носило? Принесла билеты?

— Здравствуйте, — сказала Данка. В основном Яру.

— Это Яр, — сообщил Игнатик.

— Я поняла... — В Данкиных глазах металось любо-

пытство, но говорила она сдержанно. — Значит, все-таки вытащил вас Тик... Он у нас молодец, верно?

— Тут какой-то заговор, — заметил Яр. — Выходит, меня заранее готовились «вытащить»?.. Объясните мне все по порядку! — взмолился он.

— А мальчишки не объяснили? — Данка с укоромглянула на ребят. Она была постарше и, видимо, умела командовать.

— А чего... — пробормотал Игнатик. — Я сказал, что мы играли.

— По дороге поговорим, — пообещала Яру Данка. — Вы ведь пойдете с нами в цирк?

— А у вас на меня и билет есть?

— Билета нет, но здесь такое правило: если собираются четверо ребят, один взрослый может пойти с ними бесплатно.

— А если спросят, откуда я взялся и кто я такой?

— Кому какое дело? — буркнул Игнатик.

— Мы скажем, что к Игнатику приехал в гости дядюшка! — воскликнул Алька и ухватил Яра за руку. — Пошли?

Данка хмыкнула и оглядела Альку от плоских растоптанных сандалет до растрепанной макушки. Потом Игнатика — его дырявую майку, мятые штаны и пыльные башмаки. Игнатик начал торопливо раскручивать правую штанину.

— Брысь, — холодно сказала Данка. — Даем вам десять минут.

Игнатик с Алькой переглянулись и рванули к калитке. Уже с улицы Алька крикнул:

— А Яр? Ему тоже надо переодеться!

— Не ваша забота, — ответила Данка.

Яр посмотрел на себя как бы со стороны: спортивные брюки из серебристой тетраткани, форменная рубашка с эмблемой СКДР и звездами на рукаве...

— Я принесу вам папин костюм, — деловито сказала Данка.

— А как отнесется к этому папа?

— Папа умер...

— Ох... прости, пожалуйста. Но...

— А мама на дежурстве... Вы не волнуйтесь, Яр, мы вас не подведем, все будет хорошо.

«Ничего себе «не волнуйтесь», — с усмешкой подумал Яр и понял, что не волнуется. Действие пентарина кончилось, пришло состояние легкого опьянения и беззаботной

дени. Теплое лето обволакивало Яра. Крейсер показался далеким сном. Да и где он был теперь, этот крейсер?

...Данка принесла мягкий вельветовый костюм и клетчатую рубашку. Яр переоделся в сарайчике, где пахло сухой травой и копошилась в углу курица-несушка. Одежда оказалась широковата в плечах, а по росту в самый раз.

— Вы... то есть ты немножко на папу похож, — улыбнулась Данка. — Такие же волосы светлые и такой же высокий. Только ты моложе.

— Моложе? — усмехнулся Яр, — Да ты знаешь, сколько мне лет?

— Сколько?

Яр сказал.

Данка охнула.

Но Чита авторитетно разъяснил:

— Это же общее число лет. А по локальному биологическому времени гораздо меньше.

— Да, — согласился Яр. — Но это пока в рейсе. А на земле потом жизнь берет свое. И начинает наматывать годы за месяцы...

— Вам никак не дашь больше тридцати пяти, — с чуть заметным девичьим кокетством сказала Данка.

— Пожалуй, — согласился Яр. — А тебе сколько?

— Четырнадцатый... — Она вздохнула. — А когда папа умер, было девять.

— Что же случилось с папой? — нерешительно спросил Яр.

— С папой?.. Да как со многими. Эпидемия... У Игнатика вот тоже... И отец, и мама... Он теперь с тетей живет...

Чита сказал, будто заступился:

— Она же ничего, хорошая тетка...

Грохнула калитка — примчались Игнатик и Алька. Красивые такие. В одинаковых парусиновых шортиках — чистых, отутюженных, с лаковыми ремешками и пестрыми нашивками. В рубашках с накладными карманами и погончиками — Алька в белой, Игнатик в оранжевой. Игнатик переобулся в новенькие блестящие сандалии. На Альке остались прежние расхлябанные сандалеты. Данка посмотрела на них с осуждением.

— А других нет, я их утопил, — независимо сказал Алька.

Брюки и рубашку Яра Чита спрятал в тайнике за поленицей, где у него хранились книги. Яр смотрел на это

с тревогой. Отдавая одежду, он как бы рвал последнюю связь с крейсером.

— Братцы, а когда вы вернете меня домой?

— Да вернем, вернем, — снисходительно сказал Алька.

— Вечером, — сказала Данка. — Если вы захотите...

— То есть как это «если захотите»?

— Вечером, — торопливо успокоил Игнатик. — Ты не бойся, Яр... Ну, идем?

Чита надел очки и открыл книгу.

— Он что, и на ходу читает? — шепотом спросил Яр.

— Ага, — с некоторой гордостью сказал Алька.

Летнее утро царствовало над тихими улицами. Прохожих было мало. Изредка с гарахтеньем проносились автомобили старых, каких-то полужнакомых марок.

Город становился не совсем знакомым.

Сначала Яру казалось, что он попал в старый Нейск. Или двойник Нейска. В этом была бы хоть какая-то, пуская сказочная, логика: неведомые силы вернули его в мир детства. Но город оказался не совсем таким, каким помнился Яру. Чем ближе к центру, тем больше было путаницы. За старинным зданием банка со знакомыми львиными мордами над окнами стоял вместо привычного магазина «Детский мир» красный трехэтажный дом. За крытым рыночным павильоном, куда Яська ходил с мамой за луком и капустой, подымалась кирпичная лютеранская кирха — такой в Нейске вообще не было...

— Как называется ваш город? Нейск? — спросил Яр у Данки.

Она сказала чуть удивленно:

— Нет, Орехов.

Чита шагал впереди и ухитрялся не спотыкаться.

Алька, шлепая сандалетами, подбежал к нему.

— Ты что читаешь?

— «Зверобой» Фенимора Купера...

— Ух ты!.. А это кто на картинке? Индейцы?

Он зашагал рядом с Читой, заглядывая в книгу. Яр вдруг заметил, что ноги у Альки чуть-чуть колесом, как у маленького кавалериста. Это было еле заметно и ничуть не портило Алькину внешность. Наоборот, делало его походку особенно ловкой и слегка шаловливой. Алькиной...

Игнатик и Данка шли по бокам от Яра. Игнатик двумя руками держал его за локоть. Один раз он заглянул Яру в лицо, тихо сказал:

- Яр...
— Что... Тик?
Он заулыбался:
— Ничего. Просто...
— А вот и цирк, — сказала Данка.

3

Когда вышли из цирка, в разгаре был день. С жарким солнцем, с высокими белыми облаками.

— Купаться, — сказал Алька и запрыгал на здоровой, незабинтованной ноге. — Пойдем, Данка, да? — Он заглядывал ей в лицо, слегка подлизываясь.

— Можно, — отозвалась Данка. — Тебе полезно остыть. — Она повернулась к Яру. — С ним невозможно сидеть, верно? Хохочет как сумасшедший, да еще ногами колотит.

— Ну, а что делать, если клоуны? — заступился Яр. — Я сам хохотал, как в детстве... Когда я маленький был, у нас такие же клоуны выступали. Батон и Шура Печкин.

И подумал: «А может, эти же самые?»

— Вы хохотали нормально, а он — как будто его сто русалок щекочут, — сказал Чита, раскрывая на ходу книгу.

— Ты все равно ничего не видел и не слышал, ты читал, — поддел Алька.

— Читал и слышал. И все видел, — невозмутимо сообщил Чита. — Видел даже, как Игнат хулиганил.

— А что я... — не очень уверенно сказал Игнатик.

— А почему у Софии Марчес кубики два раза не туда падали, а петух все время прыгал в вазу и кукарекал как бешеный? Она чуть не плакала.

— Тик, ну как не стыдно! — сказала Данка. Впрочем, без особой строгости.

Алька весело растопырил ресницы. Игнатик потупился, затеребил шортики и произнес Алькиным голосом:

— Я исправлюсь.

Яр хотел спросить, как это Игнатик сумел устроить такие шуточки, но Алька очень ехидно поинтересовался:

— Чита, тебя щекотали русалки?

— Нет, — хладнокровно сказал Чита.

— А откуда ты знаешь, как хохочут, если они щекотят?

— Липучка, — сказала Данка.

— Говорят, раньше русалки водились под обрывом у крепости, — сообщил Игнатик и пристроился к Яру. Взял его за рукав.

— Мало ли что говорят! — возразила Данка. — Тебе что

ни скажи, ты всему веришь... Знаете, Яр, он просто до ужаса доверчивый. Сам такие штуки умеет делать, а верит всему, что ни скажут.

— Ну и что... — слегка надулся Игнатик. И поплотнее взялся за рукав Яра.

Яр благодарно посмотрел на его белобрысую макушку и спросил:

— А что за крепость?

— Старинная, над рекой, — объяснила Данка.

— Пойдемте купаться к крепости! — оживился Алька.

— Только надо купить что-нибудь поесть, — рассудила Данка. — Через час вы запищете от голода... Тик, сколько осталось копеек?

Игнатик вытряхнул из кармана какие-то бумажки, огарок свечи и две монетки. Данка недовольно сказала:

— Зачем ты свечку-то с собой таскаешь? Смотри, от нее на кармане сальное пятно.

— Подумаешь...

Они шли по старой улице с двухэтажными домами. Вдоль потрескавшихся асфальтовых тротуаров цвели высокие тополя. В безветрии медленно падал тополинный пух. Тик сдувал с его большого белого каравая, который купил в подвальчике с вывеской «Хлеб и мука».

По тряской мостовой, позванивая, проскакивали мальчишки-велосипедисты. Почтенные пенсионеры в парусиновых пиджаках прогуливали пуделей и болонок. Псы морщились и чихали от пуха. Машин почти не было, протарахтел только голубой грузовичок, он вез на прицепе бочку с квасом. Двое загорелых ребятишек в красных трусиках катили по дороге громадную камеру от автомобиля — тугую и блестящую. Она звонко прыгала на булыжниках.

— Нам бы такую! — вздохнул Алька. Тут же отвлекся, завертел головой. — Ой, смотрите, фотография!

— Ну и что? — строго сказала Данка.

— Автоматическая же! Можно сняться и сразу карточки получить.

— Вечно ты выдумываешь. Зачем?

— На память Яру, — хитро сказал Алька.

— А в самом деле! — обрадовался Яр. — Давайте!

Он подумал, как здорово будет сохранить снимок этой замечательной компании. На память о чуде, которому он уже перестал (почти перестал) удивляться. По крайней мере, останется доказательство, что это было.

— А деньги? — спросила Данка.

Игнатик показал четырехкопеечную монетку.

Они вошли в полутемный фанерный павильончик. Пло-ский жестяной клоун у стены приподнял шляпу и задрогал ногами. Над ним зажглась надпись:

Опустите 4 копейки
и встаньте перед объективом
у черты

— Дай, я опущу! — Алька толкнул монетку в щель старинного аппарата рядом с клоуном. Аппарат был нарисованный, а объектив у него — настоящий.

Все торопливо встали у белой полосы на полу. Яр оказался посередине, Алька слева, Игнатик справа, Данка и Чита по краям.

— Перестань читать, — сердито сказала Данка.

В это время зашипело, вспыхнул магниевый свет, все вздрогнули, Алька подпрыгнул и захохотал.

Через полминуты глаза опять привыкли к сумраку. Тогда зажглась новая надпись:

Подождите

А еще через минуту:

Получите!

Клоун опять задрогал ногами и поднял шляпу. Из щели под нарисованным аппаратом выскользнул на столик фотоснимок размером с открытку. Алька подхватил его, а клоуну снисходительно сказал:

— Спасибо.

На улице карточку подробно рассмотрели. И одобрили. Все получились похожие и веселые. Только Чита все-таки смотрел в книгу.

— Ну и ладно. Иначе это был бы не Чита, — заметила Данка и отдала снимок Яру. Он положил его во внутренний карман вельветового пиджака. При этом он заметил, что в кармане есть не то плоский бумажник, не то твердый конверт. Но тут же забыл.

...Улица вывела на речной обрыв.

Река была широкая, с желтоватой водой, с толчеей

плотов у противоположного низкого берега. На том берегу толпились домишки слободы. За слободой тянулись луга и синели рощицы. Над ними висели светлые груды облаков.

Река плавно поворачивала, и зеленый с желтыми проплешинами обрыв изгибался широченной дугой. На дальнем конце изгиба Яр увидел крепость.

Это были кирпичные башни — квадратная и несколько круглых. Они стояли почти вплотную друг к другу — будто кто-то на краю громадного стола сдвинул вместе красновато-коричневые банки и коробку.

Вершины башен были неровные, с осыпавшимися зубцами.

— Странная крепость, — сказал Яр. — У нас такой не было.

Тик посмотрел на него с тревогой:

— А что? Это... плохо, да?

— Н-нет... — скрывая сожаление, отозвался Яр. — Но когда вы меня... когда я оказался у вас, то подумал сначала, что попал в свой родной город...

— Все-таки это Орехов, а не Нейск, — виновато заметила Данка.

— Да... Но непонятно, откуда столько знакомого... Даже цирк с Софией Марчес...

— Это Тик напридумывал так похоже, — сказал Алька. — Ой... — Он перепуганно посмотрел на Яра.

Яр засмеялся, дотянулся, взлохматил ему и без того растрепанную русую голову. И сказал, слегка наклонившись к Игнатику:

— Ну и молодец, что напридумывал... Двор у вас в точности такой же, в каком жил я. Мне даже показалось: вот поднимусь на второй этаж и окажусь в своей собственной комнате... И голубятня такая же... Голубей в ней не было, и мы там играли по вечерам.

— Как? — спросил Игнатик.

— По-всякому... Тоже придумывали... У нас тогда была постоянная компания: Валерка Дымов, Славик Раскатов, Димка Савченко, Юрий... фамилию не помню... и я... Девочки, правда, не было. — Он покосился на Данку. — Сначала не было...

— А вас не ругали? — спросил Чита и оторвался от книги.

— За то, что не было девочки?

— Нет, за то, что пятеро, — быстро сказал Игнатик.

Яр по очереди оглядел всех. И Алька, и Тик, и Дан-

ка, и даже Чита смотрели на него с непонятным ожиданием.

— Братцы, — осторожно сказал Яр. — Я заметил непонятную вещь. У вас, по-моему, ужасно не любят число «пять». Почему?

Алька сердито фыркнул. Тик быстро обвел друзей блестящими глазами и покрепче взял Яра за руку. Данка странно улыбнулась.

Чита пожал плечами:

— Это же несчастливое число. Все знают...

— Я-то не знаю. У нас такого нет, — сказал Яр. — Это что? Обычай? Примета?

— Всё на свете, — объяснил Чита. — Людям известно, что пять — это всегда не к добру. Во всех случаях жизни.

— Даже неприличным считается, если что-то пять, — сказала Данка. — Если впятером собираются, это... Да никто и не собирается. Иногда только ребята, но за это попадает.

— Говорят, что хулиганство... — буркнул Алька.

— Ну... а мы сейчас тоже впятером. За это не попадет?

— Это не впятером, — усмехнулся Чита. — Это четверо и один. Четверо ребят и взрослый. Считается, что он смотрит за детьми. Поэтому его даже в цирк пускают бесплатно.

— Ну, идем купаться-то? — жалобно спросил Алька. И шагнул к откосу. Там среди бурьяна и конопля начиналась тропинка и петлями спускалась к воде.

— Постой, Алька... Я хочу все же разобраться, почему такой обычай. Или даже закон?

— Закон? — удивилась Данка. — А откуда он возьмется?

— Как откуда? Мало ли... Вам лучше знать. Может, от директора школы, может, от правительства...

— А откуда возьмется правительство? — сказал Чита. — Правительства были раньше, когда люди еще воевали.

— А сейчас не воюют?

— Сейчас? — удивилась Данка. — Сумасшедшие, что ли? И без того хватает...

— Значит, по всей Земле нет войн?

— По какой земле? — сунулся Алька.

— По всему земному шару?

— А как это «Земной шар»? — нерешительно спросила Данка.

— Разве планета — не шар?

— Шар, конечно, — заметил рассудительный Чита. — Но при чем здесь земля?

— Разве планета называется не Земля?

— Земля — вот. — Чита колупнул ботинком траву и почву. — А планета — просто Планета. Она так и называется...

— А-га... — соображая, протянул Яр. — Ну что же... А разве других планет у Солнца не открыли?

— Давным-давно открыли, — объяснил Чита. — Альфа, Бета, Гамма, Дельта... и так далее. А наша — просто Планета. Потому что для нас она главная.

— Логично, — заметил Яр.

— Пойдемте же купаться! — отчаянно сказал Алька.

Яр его понял. Яру тоже ужасно захотелось сбежать по тропинке среди зарослей, сбросить одежду, бултыхнуться в воду. Потом свалиться на песок и, может быть, зарыться в него, в сухой и теплый. И устроить с Тиком и Алькой возню. Вспомнить наяву берег Туры с такой же широкой желтоватой водой... Ну их, планеты. Хотя бы в этот летний день...

И все же Яр задал еще вопрос:

— Если нет правительств, кто же управляет людьми на всей... Планете?

— А зачем ими управлять? — опять удивилась Данка. — Маленькие, что ли? Каждый и так знает, что ему делать.

— Да нет, говорят, все же управляют, — как-то сумрачно возразил Чита.

— Мы еще маленькие, мы это не проходили, — чуть насмешливо сказал Алька.

Игнатик заглянул Яру в лицо.

— В самом деле, пойдем купаться, Яр.

Они начали спускаться. Данка двигалась осторожно, боком. Алька, несмотря на забинтованную ногу, ускакал вперед. Чита ухитрился читать на спуске и ни разу не споткнулся. Игнатик не выпускал руку Яра.

4

Под заросшими откосами и обрывами тянулась песчаная полоса. Кое-где на ней торчали пляжные грибки. На песке резвилось и загорало множество мальчишек и взрослых. Мальчишек, разумеется, больше. Ребята и Яр долго шли вдоль воды и наконец отыскали свободное место с гладким, почти не тронутым следами песком.

Алька торопливо задергал пуговики рубашки. Сказал с восторгом:

— Ох и побулькаем...

— Тебе нельзя, у тебя нога порезанная, — возразила Данка. Впрочем, без всякой уверенности, что Алька послушается.

Он только фыркнул и показал язык.

— Балда упрямая, — сказала Данка. Одним махом сбросила через голову платье, промчалась по песку и гибко, по дуге, кинула себя в воду. В серебристом купальнике она мелькнула, как узкая рыбка.

— А говорили, что здесь русалки не водятся, — улыбнулся Яр.

Мальчишки торопливо пошвыряли в кучу одежду и башмаки. Даже Чита без жалости скомкал свои наглаженные брюки. Только Яр аккуратно укладывал костюм — чужой, надо беречь. Игнатик, Алька и Чита нетерпеливо на него поглядывали.

— Ты нас побросаешь? — спросил Игнатик.

— Как?

— Ну, раскачал — и в воду, — объяснил Алька.

Вода была мутноватая и теплая, с привкусом травы и песка. Яр швырял с размаху в эту воду орущих от радости Игнатика и Альку. Потом все ныряли с него, как с вышки. Даже Данка, которая приплыла с середины реки. Оказалось, что лучше всех ныряет Чита. Тощий, ребристый, в обвисших трусиках, он взлетал с плеч Яра, как пружинка, и падал без плеска. Данка тоже хорошо ныряла. Игнатик не очень. Алька же просто плюхался.

Когда выходили на берег, Алька вдруг завопил:

— Ой, меня кто-то за ногу тащит! Крокодил!

Никто, даже Яр, не обратили внимания: привыкли к его фокусам. Только Игнатик бросился к Альке. Схватил его за локоть, дернул к себе. Оба шлепнулись у берега на мелком месте.

— Ты чего! Я же понарошке! — захохотал Алька.

Игнатик вскочил, ушел на берег и лег.

— Ну какие здесь крокодилы! — немного смущенно сказал ему вслед Алька.

— Ох и пустозвон ты! — вздохнула Данка.

— Я виноват разве, что он всему верит? — огрызнулся Алька.

Вслед за Игнатином все в беспорядке попадали на пе-

сок. Яр украдкой смотрел на Игнатика и Альку — те лежали недалеко друг от друга. Алька боком-боком подобрался к Игнатику, осторожно дотронулся локтем до его плеча. Игнатик улыбнулся. Тогда Яр облегченно закрыл глаза и перевернулся на спину. Блаженно вытянулся на сухом теплом песке Планеты.

Какой планеты?!

Скадермен всегда обязан быть скадерменом. Разведчиком. Попадая в незнакомые условия, он должен исследовать, изучать, анализировать, делать выводы. Строить хотя бы первоначальную теорию. Во имя дальнейшего развития человеческой мысли, во имя прогресса и науки.

Яр чувствовал, что самым скандальным образом теряет право на свой высокий титул. Он не анализировал и не строил. Он валялся на песке в обществе трех загорелых пацанов и девчонки и, вопреки логике, чувствовал себя таким же, как они, довольным и беззаботным.

Впрочем, он попытался мысленно прикинуть конспект первого донесения.

Пункт первый. Способ высадки на объект. Значит, так: через голубятню на поляне с одуванчиками (о, бедные академики в экспедиционном комитете СКДР!).

Пункт второй. Вид космического объекта. Планета типа, максимально приближающегося к земному... А может быть, все-таки просто Земля? В другом витке пространства-времени, или в каком-нибудь параллельном варианте развития, или... тьфу! Сюда бы Стасика Тихова с его коллекцией фантастики, там подобной зауми — хоть зачитайся. (Но Стасик разбился в десантной ракете на голой гранитной планетке с красивым именем Легенда. И где теперь его коллекция?)

Ну ладно, пункт третий. Наличие биологической жизни. Сколько угодно. Во всех видах. Вот божья коровка ползет по локтю...

Пункт четвертый. Имеются ли какие-либо признаки цивилизации?

О Господи, вон они, живые представители здешней цивилизации! Похитили разведчика Ярослава Родина с крейсера и в ус не дуют! Данка сидит на песке в позе знаменитой Русалочки и крошечным гребешком расчесывает мокрые волосы. Игнатик и Алька докопались до влажного песчаного слоя и строят крепость — вроде той, что стоит наверху. Чита, естественно, читает. Впрочем, это не ме-

шает ему время от времени украдкой швырять в крепость песочные бомбочки. Яр давно заметил, что Чита многое умеет делать, не отрываясь от книги.

Очередная бомбочка шлепнулась на верхушку главной башни.

— Ну ладно, Чита, — сказал Алька. — Сейчас ты запоешь... Тик, давай устраивать карательную экспедицию.

Оба угрожающе засопели и на локтях и коленках стали подбираться к Чите с флангов. Он делал вид, что ничего его не касается. Но когда Игнатик и Алька с воплями кинулись в атаку, Чита непостижимым образом ускользнул. Бросил книжку и помчался к воде. Алька с Тиком — за ним.

— Сейчас всю реку взбаламутят, — сказала Данка. — Ой, вон пароход идет, волны будут! Пойдем покачаемся?

На середине реки шлепал громадными колесами черно-белый пароход с желтой трубой и голубым флагом. От форштевня и колес бежали к берегу длинные волны. По песку мчались к воде радостные мальчишки.

— Идем! — поторопила Данка.

— Лень, — честно сказал Яр. — Лучше я поваляюсь.

Данка убежала. Яр опять попробовал сосредоточиться. Настроить мысли и нервы на тот жесткий ритм, который свойствен скадермену, ступившему на незнакомый космический объект.

Не получилось. С первых минут, когда Яр оказался на Планете, его беспокоили мысли, не имевшие отношения к задачам разведчика и науке планетологии. Его волновало, не обидел ли он Данку неосторожным вопросом об отце. Не слишком ли сильно поссорился с ребятами Алька? Не разболится ли порезанная Алькина нога? Почему у Игнатика среди веселья и смеха вдруг мелькает в глазах тревога?

Игнатик... Белобрысый похититель скадерменов, покоритель субпространства и сказочник с оттопыренными ушами и поцарапанным носом. Когда он доверчиво и как-то чуть испуганно берет Яра за рукав, к горлу подкатывает теплая ласковость. В конце концов, это понятно: у Яра мог быть такой сын. Такой же, как кареглазый Тик... Или как Алька? Может быть... Или как серьезный и быстрый Чита... Или дочь, похожая на Данку... Если бы Галина дождалась тогда...

Но она не дождалась. И Яр никогда не осуждал ее. Он знал, что это могло случиться. Он сам не раз говорил

ей, что главное для скадермена не земные радости, а звездный поиск. И верил, что это так...

Мальчишки с Данкой выбрались из воды. Расселись вокруг Яра. Данка сказала:

— Ты пережаришься.

— Не-е... — сказал Яр Алькиным голосом.

Алька вспомнил:

— У нас же хлеб есть! Давайте обедать.

Они разломали и дружно умяли пухлый свежий каравай.

Алька похлопал себя по животу и лениво встал.

— Пойду поплю водички...

— Из реки? — ужаснулась Данка.

— Я тыщу раз пил, — сказал Игнатик и тоже поднялся.

— Вы посмотрите, какая вода мутная!

— Это же песок, — возразил Чита. — Песок — не микробы, он даже полезен для пищеварения. — И двинулся за Игнатиком и Алькой.

Данка жалобно посмотрела на Яра:

— Может, правда попить? Ты не боишься воды с песком?

— Я могу пить какую угодно воду. Даже морскую... А вот вы...

— А, ничего не будет! — Данка махнула рукой и побежала к воде. Яр за ней.

Они заплыли подальше, поглотали теплой, но не очень противной воды, поныряли и опять растянулись на песке.

— А знаете, что мы натворили? — вдруг спросил Чита.

— Что? — радостно подскочил Алька.

— Мы один хлеб разломали на пять частей. И запили водой из реки, не из водопровода. Настоящий обряд. Мы теперь вроде тайного союза нарушителей обычая.

— Все за каждого, один за пятерых, — серьезно сказал Игнатик.

— Вот это да!.. — с тихим восторгом прошептал Алька. — Уже?

— И ничего не случилось, — усмехнулась Данка. — Ни землетрясения, ни молний. Ни криков классной дамы...

— И крепость на нас не обрушилась, — поддержал Чита.

Все посмотрели на крепость.

Она стояла высоко на обрыве, прямо над тем местом, где лежали и сидели пять «заговорщиков». Кирпичные башни ярко освещало солнце, они были коричневато-оран-

жевыми. Над разрушенными зубцами плыли круглые облака. Внизу ветра не было, но там, на высоте, облака двигались быстро. Они наплывали из-за реки и уходили за крепость. Крепость бесконечно клонилась им навстречу, будто и в самом деле грозила рухнуть под обрыв.

— Что сейчас там? — спросил Яр. — Музей?

— Ничего нет, — сказала Данка. — Просто развалины.

— Но, наверно, туристы все равно лазят?

Данка покачала головой:

— Там почти никто не бывает. Говорят, что опасно. Крепость стоит на песке и может в любую минуту обвалиться.

— Видишь, даже здесь, внизу, кроме нас, никого нет, — гордо сказал Алька. — Все боятся...

В самом деле, берег был полон народа, а на пятачке под крепостью — пусто. Вот, значит, почему...

Яр спросил:

— А если в самом деле обвалится?

— Ну да! Полтыщи лет стояла, а сейчас вдруг посыплется, — хмыкнул Чита. — По теории вероятности — это чушь.

— Да там все прочное, — тихо сказал Игнатик. — Яр, мы там знаешь сколько лазили!.. Хочешь, слазим вместе?

Яр хотел.

В Нейске не было крепости. Был только старый монастырь на обрыве, но туда никого не пускали: в нем располагался секретный научный институт. Еще нависал над берегом фундамент взорванного собора. Под фундаментом Яська с Валеркой и Юриком разыскали подземный ход, но он оказался заваленным в самом начале.

Им тогда хотелось приключений и тайн. Они мечтали: вот если бы в городе сохранилась старинная цитадель — с башнями и подземельями, где можно отыскать ржавое оружие. Пусть и с привидениями...

Яське даже снилась иногда такая крепость. Впрочем, взрослому Яру тоже иногда снилась...

Мальчишки торопливо натягивали одежду.

— В обход пойдем, по тропинке? — нерешительно спросила Данка.

Алька презрительно фыркнул.

— На штурм, — твердо сказал Игнатик.

Чита затолкал «Зверобоя» под брючный ремешок, снял очки и прицельно глянул вверх.

— На кого вы будете похожи... — вздохнула Данка. — Яр, ты тоже полезешь напрямик?

— Я боюсь за костюм...

— Да с костюмом-то ничего не сделается, почистим... — Данке самой явно не хотелось тащиться в обход.

— А крик на берегу не подымут? — спросил Яр. — «Куда полезли, хулиганы? Там опасно!» Чего доброго, милицию позовут, а у меня никаких документов...

— Какую милицию? — удивилась Данка.

— Милиция — это отряды добровольцев, если... ну, какое-нибудь стихийное бедствие или еще что-нибудь, — объяснил Чита. — Кто же будет из-за нас собирать отряд?

— А кто охраняет порядок? — спросил Яр.

— Где? — не поняла Данка.

— Ну, везде...

Она пожала плечами:

— В школе — учителя. Дома — родители... или вообще старшие. На работе — начальство...

— На море — береговая охрана. Это если браконьеры, — сказал Игнатик. — Я знаю, у меня еще одна тетя есть, она у моря живет, на той стороне. Она писала про браконьеров...

— Разве бывают письма с той стороны? — удивился Алька.

— А что такого? Говорят, и люди иногда приезжают, — сказал Чита.

Все почему-то помолчали.

— Лезем, — решительно сказал Алька.

Было трудно и весело. Пласты песка оседали под тяжестью тела, песчаные ручьи неслись вниз, шурша в редких стеблях. Один раз Яр почти с полпути съехал с песчаной лавиной в бурьянные заросли у подножия обрыва. И все же они штурмовали крутой берег снова и снова. Данка неожиданно вырвалась вперед и мелькала в своем красном платице, как флажок, — высоко-высоко. Алька тоже ловко карабкался выше Яра. Игнатик и Чита держались по бокам — Яр понял, что они деликатно подстраховывают его. «Отяжелел, старая кляча, — обругал он себя. — Никакой подготовки». И поднажал, отплеываясь от песка.

Песок был везде. За воротом и за пазухой, во рту и в ушах, в волосах и в обуви. Теплый, сухой, чистый...

Яр отчетливо вспомнил, что такое уже было. Почти так. Во сне. Не очень давно. Только вместо четырех ребят с

ним штурмовал берег один мальчишка. Похожий на Игнатика, лишь волосы темные. Сердитый, босой, с грязным бинтом на коленке, в черной рубашке с блестящими пуговицами. Он тащил на боку игрушечный барабан, который когда-то мама подарила маленькому Яське. Это был сын Юрка (которого на самом деле никогда не было). Он спешил наверх, чтобы сыграть сигнал — очень важный...

Глава вторая

СВЕЧА И МЯЧИК

1

Зажатый отвесными башнями двор крепости был налит солнечным теплом. Сухо пахло нагретыми камнями. Тишина стояла удивительная. Щелканье подошв раскаляло ее трескучими выстрелами. Рассыпчатое эхо улетало вверх. Там, в темно-синем зените, над осыпавшимися кирпичными зубцами все так же плыли облака. Белые, очень яркие.

Алька пританцовывал на каменных плитах, вытряхивал песок из волос, из карманов, из сандалет. Потом догадался — скинул одежду и стал выколачивать. Игнатик и Чита сделали так же. Яр высыпал песок из башмаков, вытряс из пиджака, отряхнул брюки. Плиты под босыми ногами были шероховатые и очень теплые.

Чита сидел на корточках и Алькиной сандалетой сгребал в кучку вытряхнутый песок. Получался солидный курганчик.

Данка сказала с усмешкой:

— Ох и увозились! Я так и знала.

Сама она стояла чистенькая, аккуратная, будто не взбиралась по обрыву, а прогулялась по лужайке.

— Надо вам было все же пойти тропинкой, — добавила она снисходительно.

— Еще чего! — бодро возразил Яр.

Данка сказала:

— Все мальчишки одинаковы. Даже... если пожилые.

— Мерси, — отозвался Яр. — Ничего не имею против «мальчишки»...

Алька с Игнатиком оделись, а Чита все еще сгребал песок. Очень старательно. И внимательно разглядывал песчинки.

— Да хватит уже, — сказал Алька. — Пойдем покажем Яру крепость... Яр, мы тут все ходы-выходы знаем.

— Хвастунишка, — хмыкнула Данка.

Чита, натягивая брюки, сообщил:

— Всех никто не знает. Тут масса тайников.

В переходах пахло влажным кирпичом. Пласты солнца врубались в коричневый полумрак сводчатых залов. На ступенях винтовых лестниц, которые были прорезаны в толще стен, скрипела каменная крошка. В стенах темнели полукруглые ниши. В одной из них Алька нащупал вделанный в камни обрывок цепи. Звякнул.

— Во... Здесь, наверно, держали рабов или пленных.

— Тех, кто скачет и никого не слушает, — сказала Данка. — Не лезь вперед, свалишься в какую-нибудь яму.

— Бе-е... — тихонько, но строптиво ответил Алька.

Яр пытался разобраться: что же за стиль у этих построек? Станный и незнакомый. Снаружи — глухая мощь, никакой архитектуры, внутри — пологие своды и арки, как бы ласково приглаженные сверху. В арках была плавность и легкость.

— Кто эту крепость построил? — спросил Яр у Читы. Чита наверняка был самый эрудированный.

— Никто не знает, — сунулся Алька.

Чита сказал:

— Это загадка. Полтысячи лет назад пришел какой-то народ, выстроил крепости, но никого не покорял, ни с кем не воевал. Потом вдруг сразу ушел на юг...

— На истинный полдень, — уточнил Тик. — Тогда было еще пять сторон света.

— Как это пять? — удивился Яр.

— Пять, — подтвердил Чита. — Это еще в старину, задолго до большой войны. Север, Запад, Восток, Юг и Истинный полдень. Сейчас уже никто не знает точно, что это такое. Где-то на юго-востоке. Та сторона, где солнце подбирается к самой высокой точке, но еще не дошло до нее... Считалось тогда, что это счастливая сторона. Как бы символ молодости...

— Пойдемте в Львиный зал! — вмешался Алька.

Львиный зал был длинный, все с теми же приглаженными арками. Вдоль стен стояли на кусках гранита, а чаще валялись на боку или вверх лапами каменные львы с ленивыми кроткими мордами. Алька по-свойски хлопал их по животам.

В стенах были прорезаны прямоугольные окна.

По углам Яр увидел много мусора. Лежала груда досок, валялись мотки проволоки и ржавые гвозди, обрывки газет и пустые бутылки. И все это серое от пыли.

— Когда-то здесь хотели делать ремонт, — объяснил Чита. — Потом раздумали, испугались обвала.

Яр спросил:

— Те, кто строил крепость, о чем они, интересно, думали? Такую махину ставить на песке...

Чита солидно возразил:

— Разговоры про песок — это чушь. Под песком наверняка гранитный монолит. Мы в подземные ходы лазили, там сплошь камень.

— Жалко, что недалеко лазили, — вздохнул Алька.

— Они длинные, эти ходы, — сказал Тик. — Говорят, некоторые из них под рекой идут, на ту сторону...

— Вот бы разок пробраться! — почему-то шепотом проговорил Алька. — П е р е й т и р е к у ! ...

— Я вот тебе перейду! — пригрозила Данка. И сказала Яру: — А странно все-таки, да? Построить такие крепости, а потом уйти...

— Может, их заставили, — сумрачно сказал Чита.

— Кто? — не поверил Алька.

— Те, кто велят... — с непонятной усмешкой проговорил Чита.

Игнатик хмыкнул.

Чита посмотрел на него и заметил:

— Не такой уж ты доверчивый.

«Ничего не понимаю», — подумал Яр. В этот момент Данка ему сказала:

— Здесь недалеко есть еще одна интересная комната. С камином.

— Пошли, — согласился Яр.

Они спустились по маленькой винтовой лестнице. Комната оказалась круглая, небольшая. Камин (вернее, очаг с поломанной решеткой у пола) был сложен из грубо отесанных камней. Свет попадал в отверстие высоко в стене. Солнце овальным пятном лежало на камнях очага, покрытых старой копотью. На копоти была нарисована рожица со смеющимся ртом-полумесяцем.

— Это Тик в прошлом году нарисовал, — объяснил Алька. — Мы здесь картошку пекли.

— Лицо как у бормотунчика, — сказала Данка.

Алька подскочил:

— А давайте сделаем бормотунчика! Чита, ты ведь хотел, да? Ты нарочно песок сгребал!

— Правда, давайте! — подхватил Игнатик.

— А песок-то подходящий? — спросила Данка.

— Да, я смотрел, — кивнул Чита. — Я сейчас принесу. И он убежал.

— А что за бормотунчик? — недоуменно спросил Яр.

— Ты разве не делал бормотунчиков, когда маленький был? — удивился Игнатик.

— М-м... не помню. Вернее, помню, что не делал. Они какие?

— Ну, это такая штука... Такой... — сбивчиво заторопился Алька.

Данка объяснила:

— Их обязательно надо делать в тихом месте и когда рядом только друзья. И бормотунчик тогда как друг... Игнатик их делает лучше всех на свете.

Игнатик скромно промолчал, отошел и стал подбирать у стены куски алюминиевой проволоки.

Пришел Чита, принес в подоле рубашки песок. Спросил:

— А из чего делать?

— Может, из моей рубашки? — самоотверженно сказал Алька. — Я могу подол оторвать.

— А мама оторвет тебе голову, — подал голос Игнатик.

— А мама уехала. Я три дня буду у Читы жить, мы договорились, — победоносно сообщил Алька.

— Оторвет, когда приедет, — уточнила Данка. — Яр, у тебя в кармане платок. Он тебе очень нужен?

— Не очень...

Платок расстелили на каменном полу. Игнатик насыпал на него горку песка. Завязал в узелок. Получился белый мешочек размером с большое яблоко. Игнатик подобрал в очаге обугленную щепочку. Любовно нарисовал на мешочке круглые глазки, нос-пяточок, веселый рот. Из кусков алюминиевой проволоки смастерил витые ножки, потом ручки с растопыренными пальцами. Оттянул на узелке с песком материю, прикрутил ручки там, где у рожицы должны быть уши. А ножки приделал к подбородку.

Получилось удивительное существо — не то четырехлапый краб, не то безголовый человечек с рожицей на пузе.

— Надо цеплялку, — вполголоса сказал Игнатик.

Алька и Чита подхватили тонкую ржавую проволоку. Один конец обмотали вокруг выступающего камня на оча-

ге, другой закрепили на железном крюке, вбитом в стену. В метре от пола.

Игнатик согнул пальцы бормотунчика, подвесил его за руки на проволоке. Тот покачался и замер. Все тоже замерли, чего-то ждали.

У Яра на дне сознания шевелились мысли, что надо скоро возвращаться на крейсер, и получится ли это, и надо ли рассказывать там про все, что случилось, и как грустно будет расставаться с ребятами, и удастся ли увидеться снова. Но самым главным был интерес: что за бормотунчик, для чего он?

Бормотунчик тихо качнулся. Его нарисованная рожица, конечно, не изменилась, но в глазах и улыбке появилось что-то живое. Так, по крайней мере, показалось Яру. Он услышал бормотание, попискивание, легкий треск, шепот. Словно включился маленький расстроенный приемник. Бормотунчик закачался сильнее... И вдруг, перебирая ручками, двинулся по проволоке. Остановился у края очага. Прекратил качание, зацепившись ножками за камень. Не двинув угольным ртом, сказал картаво:

Раз-два-три-четыре-пять,
Я иду искать.
Если кто не спрятался,
Я не виноват...

Голос был механический, как у старинного магнитофончика.

— Какая-то незнакомая считалка, — проговорил Алька.

— Знакомая, — сказал Яр.

Бормотунчик шевельнулся и произнес:

— С цифрой пять на медной бляшке, в синей форменной фуражке... Ну, что вам еще?

— Сказку, — тихо попросил Игнатик и быстро оглянулся на Яра. — Какую-нибудь сказку про пятерых друзей...

В бормотунчике сильно зашелестело. Он опять покачался на тонких ручках. Сказал с металлической насмешливой ноткой:

— Сказок вам хватит и без меня. Смотрите, кругом такая романтика... Верно, Яр-р?..

Яр вздрогнул.

— Ты меня откуда знаешь?

Бормотунчик беспокойно задергался:

— Я могу ответить только на один вопрос! На один. На втором — крак — разряжусь. Ты спрашиваешь? Это вопрос?

— Нет-нет, это не вопрос, не отвечай, — торопливо ска-

зал Игнатик. И прошептал Яру: — Он про многое знает, бормотунчики все такие...

Бормотунчик вдруг пропел дребезжащим голоском:

Та-ра-ра, та-ра-ра,
Очень странная игра,
Непонятную считалку
Барабанщик бьет с утра:
Пять ворон,
Один патрон,
Сто врагов с пяти сторон.
Барабанит, барабанит,
А песок скрипит и ранит...

Он резко замолчал.

И все молчали. Алька нерешительно хихикнул, но Данка цыкнула.

Бормотунчик вдруг спросил, уже без дребезжанья, чисто:

— Что, Яр, досмотрел свой сон?

— Какой сон? — с неожиданным и резким страхом спросил Яр.

— Это вопрос?

— Это вопрос, — жестко сказал Яр.

— Тот сон, как вы лезете по обрыву... Не бойся, он доберется. Может, ты не доберешься, а он доберется...

— О чем это он? — прошептала Данка.

— Да мало ли что... Они часто несут всякую дребедень, — отозвался Чита.

— Сам ты несешь дребедень, — обиженно сказал бормотунчик. — Лучше разожгите огонь. Ночевать будет холодно.

— А зачем нам здесь ночевать-то? — удивился Алька.

— Разожг... — тонко крикнул бормотунчик. Дернулся и безжизненно повис на проволоке.

Игнатик досадливо обернулся к Альке:

— Ну вот, он разрядился... Зачем ты полез со вторым вопросом?

— Да это и не вопрос вовсе! Просто у меня вырвалось...

— Ладно, пойдем, — вздохнула Данка. — Все равно он был какой-то странный.

— Может, серебристых кристалликов мало в песке, — виновато сказал Игнатик.

— Наоборот! Полным-полно, я смотрел, — возразил Чита.

Яр не слушал ребят, мысли прыгали, как у мальчишки, который проснулся среди ночи, увидев загадочный и страш-

новатый сон... Казалось, столько всего случилось за этот день! Стоит ли удивляться? Но он удивился пронизательности бормотунчика. И даже расстроился. Недаром на Земле говорят, что в приметы верят лишь дети и скадермены.

— А может, правда разожжем огонь? — звонко спросил Алька.

— Картошки-то нет.. — заметил Чита.

— Не обязательно картошку печь. Просто так посидим у огонька, — тихо сказал Игнатик. — Недолго... Ладно, Яр?

2

Яр подумал, что огонь — это и в самом деле неплохо.

Сначала прохлада внутри крепости была приятной после жары. Но теперь чувствовалось, что воздух сыроватый и зябкий. Хотелось погреться. Да и просто хорошо посидеть у горящего очага.

Когда Яр последний раз сидел у живого огня? Боже мой, это было, когда ему стукнуло семнадцать лет. С однокурсниками из Ратальской школы он ушел в лыжный поход, и группа попала в буран. Они укрылись в лесу, отыскали охотничью избушку, развели огонь в печке. Это была такая хорошая ночь...

Яр встряхнулся. Вместе с ребятами он взялся собирать у стен и таскать к очагу старые доски, желтые обрывки бумаги. Доски были большие, в очаг не лезли. Одну из них, тонкую и трухлявую, Алька храбро попытался с размаху сломать о колено. Не сумел, конечно, завертелся на пятке, держась за ушибленную ногу.

— Олух царя небесного, опять покалечишься, — сказала Данка.

Яр, посмеиваясь в душе над собственным пижонством, положил доску на два камня, рубанул ребром ладони.

— Во... — с тихим восхищением выдохнул Игнатик.

— Еще, — потребовал Алька.

Чита молча положил перед Яром другую доску. Данка сказала:

— Так можно руку разбить...

Яр, усмеиваясь, ударил еще раз. И еще. И заработал, как автоматическая дроворубка.

— Хватит уж... — сочувственно сказал Чита. — Вон сколько дров.

Яр гордо распрямылся и украдкой стал потирать ла-

донь — поотшибал все-таки. Алька, выгибаясь назад от тяжести, поволок охапку обломков к очагу.

— Ой, а спички? — растерянно сказала Данка.

Алька с шумом бросил дрова и обернулся. Чита посмотрел на Яра:

— У вас нет?

Яр оглянулся на Данку и развел руками:

— Если нет в карманах, то...

— Папа не курил, — виновато сказала Данка.

— Вот и погрелись, — заявил Алька и с обиженным видом уселся на дровах.

Игнатик, сосредоточенно хмурясь, достал из кармана свечной огарок. Поставил на камень. Сел перед ним на корточки.

— Ой... — прошептала Данка. — Тик, ты думаешь, получится?

Он оглянулся резко, почти сердито.

— Подойдите.

Они послушно подошли, встали у Игнатика за спиной.

— Может, за руки взяться? — нерешительно сказала Данка.

— Нет... Яр, ты здесь? — Игнатик снизу вверх посмотрел на него. — Вот хорошо... Сейчас..

Свечка затрещала и зажглась.

Игнатик засмеялся. Встал. Сказал с негромким торжеством:

— А вы не верили... Яр, я им говорил, а они не верили.

Яр, ничего не понимая, кивнул.

— Как это не верили? Мы верили, — серьезно сказал Чита. — Давайте разжигать камин.

Через пять минут пламя гудело и вытягивало языки в черную глубину дымохода. Из досок и камней ребята сделали скамейки, поставили их буквой «П», ножками к очагу. Алька сел у края очага, слева. Чита — справа (и открыл книгу). Данка — рядом с Читой. Яр с Игнатином устроились напротив огня. Горячие блики запрыгали по лицам, оранжевая рубашка Игнатика засветилась, как отраженное пламя.

Игнатик шепотом сказал — то ли Яру, то ли себе:

— Сколько огня от крошечной свечки...

— Но свечка-то... Как она зажглась сама собой? — отозвался Яр.

— Она не сама. Это я ее... — вздохнул Игнатик, будто признался в шалости.

— Он давно хотел, да нас было мало, — объяснил Алька. — Надо, чтобы пятеро...

— Братцы, — жалобно сказал Яр. — Объяснили бы вы все по порядку, а?

— Тут целая история, — охотно отозвалась Данка. — Рассказать?

— Это еще в прошлом году было, мы играли в лунки. На пустыре, у старого тополя... Ну, лунки — это простая игра. Надо выкопать ямки — столько ямок, сколько человек играет. В один ряд, в цепочку. Потом по этим лункам кто-нибудь пускает мячик. В чьей лунке мячик остановится, тот его хватает, кидает вверх и кричит: «Штандер!» Такое слово специальное. А когда мячик о землю стукнется, тот его снова ловит и бросает в кого-нибудь. А все, конечно, разбегаются, пока он не крикнул «штандер»... Ты такую игру знаешь, Яр?

— Я помню... Только, по-моему, лунки и «штандер» были две разные игры...

— Это, наверно, где как... В общем, мы решили играть. Стали рыть лунки. Алька наш, как всегда, заторопился: скорее, скорее... Молчи давай, не спорь... И получилось, что вырыл он две лунки вместо одной...

— Я за тебя старался, потому что ты еле двигалась...

— Господи, что за ребенок...

— Сама...

— Тьфу... Ну и получилось: пять лунок, а нас, конечно, четверо. Хотели зарыть одну, а Тик вдруг и говорит: «Не надо, пускай пять остается...» До сих пор не знаю, почему он так сказал...

— Я и сам не знаю, — отозвался Игнатик.

— Мы говорим: «А кто будет хватать мячик, если он в пятую лунку угодит?» Он говорит: «Ну, пожалуйста, я буду...» Нам немножко страшно сделалось: будто впятером играем. И весело...

Сперва мячик в пятую лунку не попадал, она самая дальняя. А потом закатился...

— Это я катал, — сказал Алька.

— Ты, ты... Игнатик схватил да как кинет, как крикнет: «Штандер!» Звонко-звонко. Мы остановились, ждем: в кого он бросит? А он тоже стоит, голову поднял, вверх смотрит. Потом говорит: «Мячика нет...» Понимаете, мячик улетел и не вернулся.

— Совсем?.. Никогда? — полушепотом спросил Яр.

— Да... Мы сперва решили, что он в ветках тополя застрял. Конечно, трудно ему там застрять: он гладкий, круглый. Да и тополь совсем не густой, полувывсохший. Но если не там, то куда он девался? Стали палками кидать по веткам. Кидали, кидали — ничего нет. Потом смотрим — что-то летит вниз. Упало. Только не мячик, а свечка. Вот этот вот огарочек. Взяли, а она теплая, и фитилек еще дымится... Смотрели-смотрели, думали-думали: что такое? Откуда она взялась? Ничего не придумали, конечно... Тик вдруг говорит: «Спорим, что я ее сейчас зажгу! Без спичек, просто так!» Мы, конечно, удивились: Тик никогда не хвастается, не то что некоторые... А он опять: «Вот возьму и зажгу...»

Поставил свечку на землю, сел перед ней, потом нас позвал поближе. Вот так же, как сейчас. Смотрел, смотрел на нее... Свечка вдруг зачадила, искорка появилась на фитильке. А больше ничего... Ну, Тик чуть не заплакал... Тик, ты не обижайся, Яру ведь все можно говорить... По правде говоря, даже почти заплакал. А потом сказал: «Вот если бы нас было пятеро, вот тогда бы...» В тот вечер, Яр, мы в первый раз подумали: а может, в самом деле хорошо, если пятеро?

— И придумали меня... — усмехнулся Яр.

— Ты все еще обижаешься... — насупленно прошептал Алька.

— Нет, — сказал Яр очень серьезно. — Только объясните мне до конца: зачем вы меня позвали? Ведь не для того же, чтобы свечки зажигать, да?

— Да, — вздохнул Игнатик и придвинулся к Яру плотнее.

А Данка сумрачно сказала:

— Потому что вчетвером нам плохо.

Чита быстро поднял на нее глаза, она смешалась:

— Ой, нет, я не то... Нам, конечно, хорошо вчетвером, только...

— Только пять лучше, чем четыре, — объяснил Чита и закрыл книгу. — Видимо, правду говорили в старину, что если людей пятеро, они неуязвимы. Им не страшно...

— А вы... — осторожно сказал Яр. — Кого-то боитесь? Или чего-то?

Ребята сидели неподвижно, лишь Алька машинально потирал коленки, ему припекало их близким пламенем. Но он не отодвигался. Игнатик прислонился виском к плечу

Яра. Он всегда держался ближе всех к Яру, и это право никто у него не отнимал. Зато он был молчаливее других.

Однако сейчас Игнатик заговорил:

— Никто не знает... Но все боятся.

— Непонятно... — отозвался Яр.

— В том-то и дело, что непонятно, — подавленно сказал Чита. — Вроде бы все в порядке. Бегаем, играем, в кино ходим, все у нас есть. Не то что в старину, когда воевали и голодали. А только временами что-то не так...

— Что не так? — напряженно спросил Яр. — Что, ребята?

— Многое. Даже не объяснишь, — вздохнула Данка.

— Да нет, можно объяснить! — резко перебил Чита. — Ну вот, недавно Алька вечером прибегает и дрожит: «Почему облака такие? Я не могу на такие смотреть...»

— Я не дрожал... Просто холодно было, — тихо сказал Алька и стал дуть на колени. Потом завозился и отодвинулся от огня.

— А что за облака? — спросил Яр.

— Обыкновенные, серенькие... А я посмотрел, и тоже страшно стало. А потом оказалось, что полгорода в панике было...

— Ну а дальше? Что-нибудь случилось?

— На этот раз нет... Правда, две машины столкнулись... А зато четыре года назад — эпидемия. И какая-то непонятная: все врачи заболели первыми... И в позапрошлом году опять...

— Или нашествия эти... — сказала Данка.

— Какие?.. — начал Яр. Но его звонко перебил Алька:

— А почему нельзя на тот берег?

— Или нельзя дружить с кем хочешь, — негромко сказал Игнатик. — Нам-то повезло, не запрещают. А бывает наоборот...

— Бывает, что говорят: с этим не дружи, — разъяснил Чита.

— Кто говорит?

Чита пожал плечами:

— Вроде бы никто и не говорит. А все знают: нельзя.

— Ничего не понимаю, — искренне сказал Яр. — Облака, эпидемия, дружить нельзя... А почему на цифре пять такое проклятие?

— Ее боятся, — сказала Данка.

— Кто?

— Все. Кроме нас, — ответил Игнатик и потерся виском о плечо Яра.

— Кто-то боится по глупости. А кто-то... боится, что перестанут бояться, — раздумчиво проговорил Чита.

— Про это даже сказки есть, Яр, — оживился Игнатик. — Там, если пять человек, у них всегда все получается, они сильные. Но в сказках это всегда плохие люди... в общем, отрицательные герои. Разбойники, пираты, колдуны всякие. Но по-моему, это специально, чтобы пример не брали... Зато они непобедимые...

— Вот и вы сказку выдумали. Про меня, — с грустью сказал Яр. Он думал, что и ребята загрусят. Но они оживились.

— Это Тик придумал! — радостно сообщил Алька.

Данка объяснила:

— Он приходит однажды и говорит: «Давайте играть, будто голубятня — это звездолет и в нем есть человек, который наш друг. И будто мы всегда можем с ним встретиться...» Ну, мы и стали играть.

— А потом поверили, что это по правде, — серьезно сказал Алька. — Тик говорит: «Давайте в самом деле позовем Яра».

— Мы сперва не хотели, — немного виновато объяснил Игнатик. — Мы даже не думали. А потом показалось, что это можно...

— Если уж Тик во что-то поверил — значит, можно, — заметила Данка.

— У Игната — ума палата, — с привычной подковыркой сказал Алька. Но Данка на него не цыкнула.

— И сразу это получилось? — поинтересовался Яр.

— Не... — вздохнул Игнатик. — Я много раз пробовал, но не выходило... Наверно, это можно, только когда скадер в субпространстве... Сегодня подошел к голубятне и, сам не знаю почему, думаю: «Вот сейчас, наверно, получится. Наверно, Яр один на вахте».

— Слушайте, добры молодцы! — воскликнул Яр. — А имя тоже вы мне придумали? Или оно все же мое собственное?

— Тут, видимо, просто совпадение, — вежливо сказал Чита.

— Много совпадений, — вздохнул Яр. — Больше, чем вы думаете...

Игнатик беспокойно зашевелился, глянул Яру в лицо: «Это плохо, что много?» Яр улыбнулся.

— Скажите-ка, а какой был мячик? Тот, что улетел. Синий?

— Да, — торопливо кивнул Игнатик.

— И три белые полоски, — добавил Алька. — Как на матросском воротнике. У меня такой есть...

— И фабричное клеймо, — сказал Яр. — Стершийся красный треугольничек... Да?

3

Когда же это случилось? Месяца через два после того, как Яська познакомился с Юриком. Да. И было им в то время по одиннадцати лет, в пятый класс перешли. А Славику Раскатову исполнилось десять. Он был самый младший, зато самый большой придумывальщик. Это он и вспомнил, что у бабки Каблуковой на пустом, но запертом сеновале стоит старинный сундук неизвестно с чем.

Вспомнил вечером, когда сидели в темной голубятне и рассказывали всякие истории: про клады, подземные ходы и привидения.

Сундук заметили еще ранней весной, когда по просьбе бабки скидывали снег с сарая. Тяжелый Димка Савченко провалился ступней сквозь трухлявую тесину, получилась дыра, и все в нее заглянули. Как не заглянуть, если дыра? Тогда и разглядели: на полу, разлинованном полосками солнца, стоит горбатый сундучище, обитый узорчатым железом. Потолковали об этом, но без особого интереса: надо было кончать со снегом. Потом вышла Каблучиха, расплатилась за работу карамельками, ребята ушли со двора и про сундук забыли.

А сейчас вот Славик сказал:

— Вдруг она там какие-то сокровища хранит?

— Что она, психованная? — хмыкнул Димка.

Димка был бабкин сосед. Они обитали в одном дворе, только Димкин флигель стоял в глубине, в садике, а бабкин дом выходил окнами на улицу. Каблучиха жила с глухонемой племянницей, больше у них никого не было. И коровы давно не было. Сено поэтому на сеновале не водилось, но на дверях почему-то висел замок.

— Замок просто из вредности, чтобы мы не лазили, — объяснил Димка. Свою престарелую соседку он знал прекрасно. — А в сундуке шиш, а не сокровища. Бабка из ума еще не выжила, чтобы на трухлявом сеновале ценности прятать.

— Нам чужие ценности и не нужны, — слегка обиделся Славик. — А может, там такое, что бабка и сама не понимает. Вдруг какие-нибудь книги старинные или карты мор-

ские? Может, у нее какой-нибудь предок был путешественник?

— Я где-то слышал такую фамилию: адмирал Каблуков, — задумчиво сказал Юрик.

— А вдруг там оружие ржавое! — неумоимо подбавлял интересу Славик.

И все наконец поняли, как отчаянно им хочется разведать: что в сундуке? Им хотелось приключений. Всем, кроме Димки, который боялся соседки. Но Димке бурно доказали, что бабка в такой темный вечер на двор не сунется и что дело вообще пустяковое — забраться по щелястой стене, отодрать доску и пролезть в дыру.

Димка, вздыхая, спросил:

— А как без света?

Фонарика с собой ни у кого не было. Если идти за ним домой, это ловушка: «Хватит бегать, ночь на дворе!» Было около десяти, над голубятней висело черное небо августа с большущими звездами.

— А свечка? — догадался Юрик.

И они обрадованно вытащили из тайничка огарок свечи, которую иногда зажигали в голубятне. И спички, конечно.

На сеновал проникли быстро. Зажгли огарок. И стало все как полагается: страшновато, громадные тени кругом, шелест какой-то по углам. Разговор получался только шепотом.

Сундук был не заперт. Юрик поднатужился и стал поднимать горбатую пудовую крышку. Она, конечно, скрипела. Юркины продолговатые глаза отражали золотые точки. Никто не дышал. Только Славик тихонько ойкнул: он сидел у сундука на корточках, держал перед собой свечку, и горячий стеарин капнул ему на ногу.

Крышка поднималась, поднималась и наконец с шумом упала назад: Юрик не удержал тяжесть. Огонек свечки заметался. Все замерли, будто сюда могла ворваться толпа вооруженных стражников...

Потом заглянули в сундук.

В сундуке ничего не было.

Совсем ничего. Даже дна.

Янтарно светились стенки из старого некрашеного дерева, а вместо дна чернел прямоугольник пустоты.

Кладоискатели переглянулись. Потом снова посмотрели вниз.

— Люк, — прошептал Яська.

— Тайный ход, — отозвался Славик тоже шепотом.

— Странно, — сказал Юрик. — Куда же он ведет?

— Куда, кроме стойла, — хмыкнул Димка. — На тот свет, что ли?..

Из черной пустоты веяло неуютным холодком.

Славик перегнулся через край сундука, чтобы осветить в глубину. Опять сказал «ой» и выпустил свечку. Она полетела в люк и тут же погасла.

— У, растяпа, — процедил Димка.

— Все пальцы горячим закапало, — виновато объяснил Славик.

— Вот устроим «звоните ноль-один», будет тогда горячее, — сказал Димка.

— Она же погасла, — оправдывался в темноте Славик.

— Погасла... А завтра Каблукова ее в стойле найдет — и сразу к мамке. На меня все шишки...

Все озабоченно помолчали.

— Пусть сперва докажут, что наша, — попытался успокоить Димку Яська.

— Мамка-то? Она докажет, — сумрачно сказал Димка. — У нее для этого туристский ремень специально в «Спорттоварах» куплен...

Тогда Славик проговорил виновато и решительно:

— Я сейчас туда спрыгну и найду свечку. Раз сам уронил... Посветите спичками.

Яська чиркнул щепоткой спичек о коробок. При разгоревшемся огне тоненький и быстрый Славик перекинул ноги через край сундука, повис в нем, вцепившись в кромку. Он не боялся, знал, что до пола невысоко. Димка ухватил его за скрещенные на спине лямки штанов, как за багажные ремни. Легко вынул обратно.

— Балда. Там грабли валяются да вилы. Наденешься... Айда лучше через низ, со двора.

Стойло не запиралось. Они просочились в глухую, пахнущую трухой и старым деревом темноту.

— Тепло... — удивленно прошептал Славик. — А когда я висел, такая холодища была, до сих пор ноги в пупырышках...

Они стали зажигать спичку за спичкой, искать огарок среди пустых бочек, сломанных стульев, лопат и метелок. Не нашли.

— Надо под самым люком смотреть, — посоветовал Яська. Но жиденький свет не достигал потолка, люк нельзя было разглядеть. Наконец спички кончились.

— Ну и черт с ней, со свечкой, — буркнул Димка. — Мы не нашли — бабка тоже не найдет...

— Странно. Зачем на сеновал тайный ход через сундук? — задумчиво сказал Юрик.

Димка хмыкнул:

— Может, к бабке в молодости на сеновал парни лазили. На свидания...

Он больше своих друзей был искушен в жизни и меньше их увлекался романтикой.

— Странно, — повторил Юрик.

Но самое странное случилось утром.

Димка и Яська решили — на всякий случай — еще раз поискать свечку, а заодно убрать с пола обгорелые спички. Было светло, в квадратные оконца врвались яркие лучи.

Свечку не нашли.

Не было и люка на потолке.

— Может, бабка приходила, задвинула какой-нибудь тайной крышкой? — с тревогой сказал Яська.

Но на досках потолка не было никаких щелей и прорезей.

— Айда на сеновал, — скомандовал Димка.

Они пробрались к сундуку прежним путем, через дыру в задней стене. Крышка у сундука была откинута: ее так и оставили вечером. Яська и Димка заглянули...

Разумеется, у сундука было дно. Гладкое, прочное, такое же, как желтые некрашенные стенки.

Сундук был пуст. Лишь в уголке, будто притаившись, лежал мячик.

Потертый синий мячик. С тремя белыми полосками — как на старенькой матроске Славки Раскатова.

4

— Вот такая история, братцы, — закончил Яр.

Трещал огонь, в который Чита аккуратно подкладывал обломки досок. Он положил последний обломок и сказал:

— А что... В этом есть какая-то связь.

— Ничего себе «какая-то!» — отозвалась Данка.

Алька уверенно заявил:

— Значит, это наш мячик.

— Не знаю, — сказал Яр. — Это же было очень давно.

— Что такое «давно» для космоса? — мудро заметил Чита.

«Для космоса, может быть, и ничего. Но для меня...» — подумал Яр.

Нет уже давным-давно ни Славика Раскатова, ни Димки Савченко, ни Валерки Дымова. Славик стал военным и погиб в короткой стычке на одной из восточных границ — тогда еще случалось такое. Димка, говорят, до старости работал учителем труда в той же школе, в которую они когда-то бегали пацанами. Валерка закончил философский факультет и стал крупным ученым — он и в детстве отличался рассудительностью. Именно он, вернувшись из летнего лагеря, доказал тогда Яське, Славику, Юрику и Димке, что история с сундуком — это явление коллективного самогипноза. Намечтались о приключениях — и вот получили, чего хотели.

Впрочем, не совсем доказал. Славик говорил, покачивая кудлатой головой на тоненькой шее:

— Не так это просто.

И рассказывал, что, когда висел в сундуке и у него коченели от непонятного холода ноги, он глянул вниз, через плечо. И увидел какие-то огоньки. Будто звездочки в черной глубине.

— Это были светляки, — сказал Валерка.

— Они у нас сроду не водились! — возмутился Димка.

— Ну, гнилушки... Или показалось...

Так и не договорились.

А теперь уж нет никого. С космосом связал себя только Яр. И сейчас он был от своего детства гораздо дальше, чем просто взрослый человек. Все, кого любил, все, с кем дружил, остались далеко-далеко...

Хотя кто знает?.. Может быть, Юрик... Что стало с Юриком, Яр не знал. И еще Галка... Девочка, которая появилась в их компании, когда уехал Юрик. Может быть, и она жива? Галка... Как быстро и незаметно они выросли! И как Яру хотелось, чтобы у них был сын Юрик — в память о друге детства...

Игнатик зашевелился под боком у Яра и вдруг взволнованно заговорил:

— Ой, ребята... А если бы тот мальчик... ну, Славик... Если бы он прыгнул в сундук? Значит, прилетел бы к нам вслед за свечкой?

— Ой, правда... — почему-то испугалась Данка.

Чита сказал:

— Не исключено.

— Вот шлепнулся бы, — заметил Алька, но без насмешки, с сочувствием.

— Он сначала застрял бы в тополе, — успокоил Игнатик. — А потом бы спустился по веткам.

— И это было бы гораздо лучше, чем звать меня, — со вздохом заметил Яр.

— Почему? — с беспокойством спросил Игнатик.

— Потому что он гораздо больше годился бы для вашей компании, чем такой старый хрыч, как я...

— Вы так ничего и не поняли, Яр, — с упреком сказал Чита.

— Кто бы разрешил нам дружить с мальчишкой? С пятым-то? — воскликнул Алька. — Мы потому тебя и придумали, что взрослый. Ой...

Игнатик объяснил тихо:

— Взрослого никто не заподозрит, что он наш друг.

Яр помолчал, глядя, как рассыпаются на угольки прогоревшие доски. Сизый дым, крутясь, убежал в черный зев дымохода. Игнатик тепло дышал у плеча. Сидеть бы так до бесконечности...

Яр неловко шевельнулся.

— Хорошие вы люди. И мне с вами хорошо... Но ведь скоро я уйду. Я должен, никуда не денешься.

— Обязательно должен? — прошептала Данка.

Яр кивнул.

Игнатик сказал торопливо и жалобно:

— Но главное же не это. Главное, что ты есть. И ты ведь будешь к нам приходить. Да?

— Я бы хотел, — неуверенно отозвался Яр. — Но это зависит от вас, сам я не умею... И крейсер ведь не часто заходит в субпространстве. Два или три раза за весь рейс...

Доски совсем прогорели. Чита больше не подбрасывал дров в огонь. Может быть, потому, что ему тоже стало грустно?

Яр осторожно спросил:

— А что, ребята, не пора нам? Вроде бы темнеет.

— Что ты! Еще день, — сказала Данка.

Яр взглянул на часы. Половина пятого. Для лета в самом деле день. Почему же круглое отверстие у потолка погасло?

— Наверно, туча, — сказал Игнатик. — Гроза будет.

— Я сбегая посмотрю! — Алька по винтовой лестнице умчался в Львиный зал.

И долго его не было.

Потом услышали:

— Идите сюда! Скорее!!

Это был тревожный, даже отчаянный крик. Яр первый метнулся на лестницу. В узких окнах зала тоже сгущалась темнота. Алька стоял у окна, забравшись на опрокинутого льва.

— Смотрите, что случилось!

Все бросились к окнам.

Яр увидел плавный изгиб высокого берега, улицы и дерева. Над ними вставала угольно-черная туча с ровным, будто обрезанным краем. На ее фоне подымались светлые спиральные вихри.

«Ох и грянет сейчас!» — подумал Яр.

Грозовая стена с нарастающей скоростью двигалась над городом, прямо к крепости. С дальних деревьев в единый миг сдуло листья. Не было ни молний, ни грома, но вдруг яркой свечкой загорелся на берегу деревянный домик.

Яра кто-то рванул от окна. Это был Чита.

— Отойдите! — Он отбросил от окон Данку, Игнатика, Альку. — Отойдите! Надо вниз! Это нашествие!

5

У входа на винтовую лестницу сохранилась железная дверца. Чита вытолкал всех из зала на ступеньки, отчаянно налег на дверцу, она закрылась под ржавое завывание петель. Стало темно, только внизу светились угли очага.

Данка громко всхлипнула, ухватилась за ржавое кольцо.

— Отойди, — хмуро сказал Чита. — Спускайтесь, ребята.

— Пусти, дурак! Тебе хорошо, у тебя родители за городом! А у меня мама там!

— Уйдет в подвал, — тихо сказал Чита.

— Куда она уйдет от больных?! Она же на дежурстве!

— Уйдет с больными... Ты все равно ничем ей не поможешь.

— Я хотя бы узнаю, что там... Ну пусти!

— Ты не проберешься в город... Сгоришь, вот и все, — сказал Алька.

Данка завсхлипывала сильнее, но медленно пошла вниз.

Яр с ребятами спустился к очагу. Все молча сели на прежние места. Чита кинул на угли обломки досок. Медленно разгорелся огонь. Только тогда Яр спросил:

— Что такое нашествие?

— Разве ты не знаешь? — со слезами отозвалась Данка.

— Это туча, — сказал Алька.

— Что за туча? Гроза? Тайфун? Или пепел от вулкана? Что?

— Говорят, она живая, — прошептал Игнатик. — И всех убивает. — Он опять сидел рядом с Яром. И каждый клеточкой, каждым нервом Яр ощутил, как Игнатик боится.

— Это как нападение врага, — сумрачно объяснил Чита. — Она все сжигает молниями или превращает в крошки и шлак...

Яр больше не решился приставать с расспросами. Ребята и так были перепуганы.

Чита, видимо, догадался, что Яру по-прежнему ничего не ясно.

— Что это за тучи, никто не знает, — сказал Чита. — И откуда они берутся, толком не известно. А мы тем более не знаем. Последний раз нашествие случилось, когда нас на свете не было.

— Я уже была, — всхлинула Данка. — Только я ничего не помню.

Яр посмотрел вверх. Отверстие под потолком выделялось, как бархатный черный кружок на слабо освещенных камнях.

— И долго длится нашествие? — спросил Яр.

— Говорят, недолго, — ответил Чита. — Как гроза... Только после этого целые сутки нельзя высовываться из убежища, потому что остается электричество. Между домами молнии проскакивают... И еще рассказывают, что часть тучи оседает и живет...

— Как это?

— Не знаю... А нам придется здесь до завтрашнего вечера отсиживаться.

— Повезло еще, — как-то очень по-взрослому заметил Алька.

— «Повезло»! — с сердитым всхлипом отозвалась Данка.

Огонь опять с треском разгорелся в очаге. Но теперь он не радовал. Глядя на пламя, Алька пробормотал:

— Там, наверно, дома́ горят...

Игнатик прошептал:

— Яр, не сердись. Я ведь не нарочно.

— За что мне сердиться, Тик?

— Если голубятня сгорит... Я тогда не знаю, как ты обратно...

— Обратно — это потом, — сказал Яр. — Там посмотрим.

Он был почти спокоен. Скадермен Ярослав Родин попал на незнакомую планету и оказался в чрезвычайных обстоятельствах. Скадермену Родину было не впервой попадать в такие обстоятельства. Взять хотя бы случай, когда вездеход заглох в песчаных горах АЦ-1. Шансов на возвращение тогда было не больше, чем сейчас.

Оказавшись в чрезвычайных обстоятельствах, член экипажа СКДР должен данные обстоятельства взвесить, поставить перед собой четкую задачу и всеми средствами стремиться эту задачу решить.

Задача была: обеспечить безопасность четырех несовершеннолетних граждан Планеты, с которыми скадермена Родина свела судьба или случай. Это был долг скадермена Родина. Это было желание Яра — пятого человека в маленькой компании заговорщиков, запертых в старой крепости. Яр прогнал воспоминание об уютной рубке скадера и деловито сказал:

— Будем устраиваться на ночь.

К счастью, досок в круглой комнате было много: целый штабель. Из них сделали широкие нары. Нечего было постелить и нечем укрыться, но Алька бодро сказал:

— Подумаешь! Обойдемся.

Яр, однако, понимал, что придется всю ночь поддерживать огонь, иначе ребята продрогнут в зябком каменном помещении.

Спать никто не хотел, мешали тревожные мысли. Да и рано еще было. Чита неуверенно попросил:

— Яр, вы не могли бы рассказать про другие планеты?

— Мог бы, — согласился Яр. Надо было занять время.

Он стал рассказывать про вихри Меркатора, про песчаных кротов на АЦ, про развалины Леды. Про Черные Кристаллы, которые без лишних церемоний выставили со своей планеты экспедицию землян.

— А что за кристаллы? В самом деле живые? — заинтересовался Алька.

— Безусловно... И не совсем черные. Когда приглядишься, у них в глубине мерцают радужные огоньки. Словно световая азбука или сигналы какие-то... Разные были кристаллы — некоторые с ноготь, а некоторые с дом. Они все время росли и соединялись в разные фигуры. Будто

город из себя строили... Конечно, это была жизнь, только нам совершенно непонятная...

— А вы пытались объяснить? — спросил Чита.

— Всеми способами... И на третий день на громадном кристалле появились ответные слова. Метровыми буквами, очень красивым академическим шрифтом: «Уходите, пожалуйста. Вы нам мешаете».

— И вы улетели? — огорчился Алька.

— А что было делать? В чужой дом соваться без спросу?.. Мы позволили себе только одну невежливость. Уже из люка наш тогдашний капитан, Лева Замятин, сказал им: «Ну и фиг с вами, хрустальные болваны».

Игнатик улыбнулся. Алька оживленно спросил:

— А они ответили?

— Ответили, — соврал Яр. — Зажгли слова: «Фиг с тобой, Лева».

Данка тоненько засмеялась. И вдруг отчаянно вскрикнула, слетела с нар.

По шероховатой доске ползло странное существо размером с жук. Не то жук, не то шмель с короткими крылышками. Оно слабо двигало ножками, скребло отвисшим брюшком по дереву. Оно тускло поблескивало, как свинец.

За ним ползли еще два таких же существа.

Чита, Игнатик и Алька следом за Данкой шарахнулись с нар.

— Вот они... — вздрагивая, сказал издалека Чита.

— Кто? — спросил Яр, передернувшись от отвращения.

— Ну, эти... из которых состоит туча.

Яр пересилил себя и нагнулся над насекомым. Скорее всего, это был шмель. Яр потянул к нему палец.

— Не трогай! — взвизгнула Данка.

Яр поморщился и тронул шмеля. Между пальцем и шмелем проскочила синяя искра. Палец ощутимо кольнуло. Яр отдернул руку.

— Электрические твари... Да не бойтесь, поодиночке они не опасны. Противно только...

Шмель, выпустив заряд, перевернулся на спину, дернул ножками и съезжился. Яр опять задел его, искры не было.

— Слох, — сказал Чита.

Подскочили Игнатик с Алькой, обломками досок трахнули по шмелям — по живым и по издохшему. Игнатик был бледный, и на лбу у него искрились капельки. Он часто переглатывал.

Яр взял за крылышко раздавленного шмеля. Тот ока-

зался удивительно тяжелым — как свинцовая пуля. Из лопнувшего брюшка свисал комок внутренностей — что-то вроде смолы с желтыми прожилками.

«Ничего похожего на простое насекомое», — подумал Яр. Зажмурился от брезгливости и кинул шмеля в огонь. На пальцах осталась жирная металлическая пыль, похожая на графитную смазку.

— Наверно, они в щель под дверью пролезли. Пойду заложу, — сказал Чита и с короткой досадой стал подниматься по лесенке.

— А может, оттуда залетели? — Игнатик посмотрел на отверстие под потолком. Отдушина была высоко, да и заткнуть нечем.

Но и не надо было затыкать. Чернота вверху исчезла. Виднелось синевато-серое вечернее небо, а в нем — легкое облачко, освещенное отблеском заката.

Наступила ночь. Притихшие ребята улеглись на твердых нарах. Яр заставил их сдвинуться плотнее, укрыл запахнутым пиджаком. Сам не лег, сидел у огня. Часы текли незаметно. Яр умел настраивать себя так, чтобы время бежало быстро. Он не думал ни о чем важном. Завтрашний день покажет, что делать. А пока Яр смотрел в огонь и вспоминал костры — те, что он с друзьями разжигал в детстве на пустырях и лесных полянах. Иногда оглядывался на ребят. Данка спала, положив голову на Читино плечо. Чита лежал на спине, Данкины длинные волосы щекотали ему подбородок, он смешно морщился во сне. Яр осторожно вынул у него из нагрудного кармана очки — вдруг повернется и раздавит. Убрал их с книгой на край лежанки.

Игнатик и Алька спали, уткнувшись друг в друга ногами и перепутавшись испачканными в пыли и копоту ногами. Теплый воздух шел от очага на ребят, им не было холодно, и все же Яр тихонько расправил на них пиджак...

...Среди ночи проснулся Алька. Сел. Посмотрел на Яра, сказал со вздохом:

— В желудке все засохло...

— Ничего, — строго заметил Яр. — Никто не умер от того, что сутки поголодал.

— Да я не про голод. Пить хочется.

Яр понял, что ему самому хочется пить. Очень.

Но ему — это ладно. А как быть с ребяташками? Жажда — штука скверная. Словно откликаясь на эти мысли, проснулись остальные. Яр умоляюще посмотрел на Альку:

«Не надо про воду». И тот понял. Но Игнатик облизнул губы и спросил:

— А воды нет?

— Откуда? — хмуро сказал Чита.

Данка тоже провела языком по губам. Промолчала.

Когда они пили последний раз? Во время купанья. Примерно полсутки назад. Не такое уж большое время прошло. Но если знаешь, что нет воды, пить хочется в десять раз сильнее. К тому же днем все пережарились на солнце, а потом перегрелись у пламени.

Яр почувствовал, будто у него в горле и желудке сухой песок. На это, конечно, наплевать. Но если то же самое чувствуют остальные...

В отдушине под потолком ласково сияла звездочка.

— Схожу на разведку, — сказал Яр.

— Яр, не ходи! — Игнатик рывком придвинулся к нему.

— Я не долго. И ничего со мной не будет. Меня не берут ни электричество, ни излучение и ничто другое. К тому же все заряды наверняка ушли в сырой песок... Я скоро вернусь.

— Не делайте этого, Яр, — веско сказал Чита. — Неизвестно, чем это кончится.

— Известно, — улыбнулся Яр. — Я найду несколько пустых бутылок, вымою их в реке и принесу воды.... Братцы, да вы не бойтесь. Я бывал во всяких переделках и всегда возвращался. Здесь дела-то на пять минут...

Больше он не стал ничего говорить. Не стал прощаться. Взял пиджак. Легко взбежал к двери и сверху оглянулся. Последнее, что он заметил перед уходом, — повисшего в углу очага бормотунчика. Яру показалось, что бормотунчик шевельнулся.

«Охраняй ребят», — мысленно попросил его Яр. И щелкнул пальцами, чтобы отогнать всякую беду.

Прикрыв за собой тяжелую дверь, Яр осмотрелся. На стенах Львиного зала танцевали отблески. Неяркие, но заметные. В окно Яр увидел, что над берегом горят несколько домов. Ровное пламя перебивалось похожими на лиловые звезды вспышками. Яр пошел к выходу на крепостной двор. Под ногами с легким электрическим треском лопались шмели.

Над башнями светилось бледное небо июньской ночи. Ясное, с редкими звездочками. Через маленькие сводчатые ворота Яр выбрался на обрыв. Пахло речной водой, влажным песком. На западе, у горизонта, запрокинувшись, ви-

сел круто изогнутый месяц. На дальнем берегу, будто не было никакого нашествия, мигали спокойные огоньки.

Яр подобрал в зале шесть старых бутылок и теперь держал их в охапке. Спускаться с такой ношей по сыпучему обрыву было невысказано. Пришлось искать иную дорогу.

Метрах в ста от крепости Яр обнаружил тропинку. Здесь берег был не такой крутой, тропинка плавными изгибами уходила к воде по заросшим откосам. Яр спустился. Река тихо плеснула ему навстречу. Яр быстро, но тщательно вымыл бутылки. Наполнил их. Подосадовал, что нет пробок, придется нести так.

Прижимая скользкие бутылки к пиджаку, Яр двинулся к тропинке. Крепость чернела на светлом небе, громадная и бесформенная.

Потом силуэт крепости изменился. Сломался.

Яр ногами ощутил упругий толчок земли. Крепость осела, стала оползать, рассыпаться, съезжать в реку. Башни раскалывались, превращались в груды...

Лишь через несколько секунд до Яра дошел нарастающий гул.

Глава третья

ПЕРЕИТИ РЕКУ...

1

Желтый закат над рекой был громадный, но тусклый. В воздухе словно рассеяли медную пыль. Вода отражала закатное небо во всю ширину, от берега до берега.

Пароход натужно дышал котлами и шлепал по воде досками гребных колес. Яр стоял на нижней палубе, у сетчатых перил с обшарпанным спасательным кругом. Вода отваливалась от низкой паровой скулы желтыми пластами.

В желтой воде была тоска. Она была везде — внутри Яра и вокруг. И не было ничего, кроме желтой тоски.

И быть не могло.

...Яр плохо помнил, как оказался на пароходе. Кажется, он сидел на берегу, на мокрой коряге, когда к нему подошли два бородатых матроса и один сказал с неловким сочувствием:

— Чего же так сидеть-то?.. Пойдемте, мы вас довезем до Чайной Пристани, а там видно будет.

Или это после сказали?

Да, сначала он долго шел по берегу, потом увидел пароход, приткнувшийся носом прямо к бурой крутизне глинистого откоса. Сел. С квадратного высокого мостика его окликнул пожилой капитан в мятой фуражке.

— Вы к нам?

— У меня билета нет, — бессмысленно отозвался Яр.

— Это неважно. Купите здесь.

Яр машинально поднялся на палубу. Капитан сошел навстречу. Оглядел перепачканный костюм Яра.

— Вы из Орехова? Ступайте в четвертую каюту, там свободно.

«У меня нет денег», — хотел сказать Яр, но не сказал. Потому что это не имело значения. Ничто не имело значения.

В каюте он долго сидел на узкой клеенчатой койке и смотрел, как рябит на стене отражение воды. Стукнули в дверь, вошел морщинистый и седоусый пассажирский помощник. Осторожно проговорил:

— Вы бы почистились... Потом побриться можно, у нас тут парикмахерская, мастер приличный.

— Ладно, — сказал Яр.

В тесной ванной кабинке он вычистил, как мог, пиджак и брюки. Он делал это механически. Думал он об одном: о чудовищной груде камней, земли и песка, в которую превратилась крепость. Даже не думал, а просто видел перед собой этот песок и эти камни.

...Как отчаянно он тогда метался среди кирпичных завалов. Как старался их разгрести, вгрызался в щебень, стремился собственным телом пробить тысячетонную тяжесть! Конечно, он вел себя не как скадермен. Он потерял от страха и тоски голову. Он понимал, что надежды нет, и не хотел это понимать, пытался окровавленными пальцами разрыть руины цитадели. Потом кинулся к городу.

Его остановили какие-то люди в комбинезонах. Остановили решительно, велели убираться — в город нельзя. Обозвали идиотом, когда он начал говорить о крепости. В городе погибли и ранены сотни людей, кто сейчас будет заниматься цитаделью! Там нужны десятки машин и годы работы.

Но, видимо, отчаяние Яра было таким, что два человека пошли с ним. С полчаса лазили по сыпучим глыбам обвала. Потом пожалы плечами и оставили Яра одного.

Яр до рассвета разгребал осыпи. Пытался найти какую-нибудь щель, ход, лазейку. Среди кирпичей он увидел стоптанную ребячью сандалету. Алькина?

Она не могла быть Алькиной. Алька остался там, под десятками метров каменной толщи. Все остались...

А почему он, Яр, не остался?

Яр осторожно поставил сандалету на камень и стал спускаться к воде. Какой смысл разгребать камни? Если даже он чудом пробьется внутрь, то... То, что он найдет, уже не будет Алькой, Игнатиком, Данкой, Читой...

Яр долго брел вдоль воды и оказался на пароходе.

...Из кармана пиджака выпала тонкая кожаная книжица. Яр машинально поднял. Это был плоский бумажник. В нем оказалось несколько четырехрублевых ассигнаций и квитанция страхового общества на имя Я. Охты — видимо, Данкиного отца. То ли Данка специально сунула бумажник для Яра, то ли он лежал в кармане с давних времен...

«Вот и деньги на билет», — механически подумал Яр и снова сунул бумажник в карман. И нащупал там какую-то жесткую бумагу. Вроде открытки. Это был фотоснимок. Тот, что сделали вчера в фотоавтомате. Игнатик, Алька, Чита и Данка стояли с Яром живые-живые, веселые-веселые. И мысль, что теперь они растерты каменными глыбами, стиснула Яра новым отчаянием.

Он с полчаса стоял, прижимаясь лбом к острому косяку, и не было ни мыслей, ни дыхания, ни ощущений. Был только протяжный молчаливый крик. Вой тоски и боли. И он не приносил облегчения...

Потом Яр заставил себя выпрямиться. Стараясь больше не смотреть на снимок, опустил его в карман. Умылся. Сходил к парикмахеру, который сбрил отросшую за сутки щетину. Купил у пассажирского помощника билет. Ушел на нос парохода, на нижнюю палубу, и стоял там до вечера. Один раз подходил помощник, звал обедать в салон. Яр покачал головой. Больше его не беспокоили. Пассажиры то ли обходили Яра, то ли их не было совсем.

В мире осталась одна желтая тоска. Смесь боли и безнадежности. Яр никогда не думал, что может быть такая тоска.

Даже когда умерла мама, что-то светило впереди. Сквозь бешеное горе, сквозь режущее до крика отчаяние. Что-то оставалось в жизни. Хоть самую капельку. Потому что были друзья. Был Космос, о котором он мечтал. Была серьезная ласковая девочка Галка, которая утешала его, как раньше в тяжелые часы утешала мама...

Чтобы жить, человек должен любить. Кого-то или что-то. Яр любил. Сначала маму, а еще Славку, Димку, Валерку, Юрика. Потом Галку. Галинку, Галину... Заранее любил будущего Юрку. Галина не смогла понять этой любви и понять, что такое Космос, тоже не смогла. Юрка так и не родился, Яр ушел в бросок на Меркатор... Он продолжал любить: товарищей, тайны планет и Пространства. Потом наступило время, когда товарищи стали уходить один за другим. Тайны Космоса оказались не важнее того, что осталось на Земле. Но и то, что осталось, ушло в прошлое. Что ж, Яр продолжал любить прошлое. А когда понял, что этого мало, в рубке крейсера появился Игнатик.

Это началась вторая жизнь. Судьба дала волшебную ниточку, ниточка связала Яра с теми, кому он по-настоящему нужен.

Судьба (или сказка, или Космос, или собственная печаль Яра) подарила ему светлоглазого Игнатика, похожего на Юрку, о котором он когда-то мечтал...

Яр говорил неправду вчера у очага. О том, что скоро уйдет. То есть он ушел бы на крейсер, но не насовсем. Вернулся бы на Планету. Он сам тогда этого не понимал, а теперь знал.

Но какой смысл знать это теперь?

Зачем он ушел из крепости? Сейчас Яру казалось счастьем остаться с ребятами до конца. Хоть до какого конца. Лишь бы вместе...

Никогда не будет этого «вместе». Ничего не будет. Кроме желтой тоски.

Куда от нее уйти?

Яр ушел бы, не медля ни секунды. В воду или головой о камни. Но он боялся. Не смерти. У него было смутное ощущение, что там, за гранью, где исчезает все, желтая тоска останется...

Яр плыл, не думая, куда и зачем. Он взял билет до какой-то Чайной Пристани, потому что при нем упомянули это название...

На низком левом берегу, за лугами и кустарниками, встал на фоне заката город. Силуэты острых колоколен, башен со сквозными окнами, высоких крыш, пологих арок и крутых мостиков между балконами.

Своим четким рисунком город разбил сплошную желтизну. Так разбивает монотонную мелодию дождя посторонний звук: звон капель о донышко пустого ведра или чей-то неожиданный голос.

Яр удивился, что он еще может замечать посторонние вещи. Думать о них. Зачем ему какой-то город? После того, что случилось...

И все же он смотрел. А город разрастался, словно кто-то разматывал черное кружево на подсвеченном тускло-желтом сатине...

Яр оторвался от поручней и поднялся в рулевую рубку — стеклянную будочку на верхней палубе. Капитан был здесь. Что-то тихо говорил бородатому рулевому. Оба посмеивались.

— Что это за город? — спросил Яр.

Капитан обернулся. В его очень светлых старческих глазах отражалась желтизна.

— Город?

Яр кивнул на левый берег.

— Да это, собственно, не город, — неохотно сказал капитан.

— А что же?

— Да в общем-то, город... Но не совсем.

— Все-таки что же там?

— Да вам-то что? — удивленно проговорил капитан. — Вы же с другой стороны.

— Я вас не понимаю, — резко сказал Яр.

Капитан озадаченно потер подбородок. Чуть наклонившись, он разглядывал Яра. Яр сказал:

— Я хочу здесь сойти. Это возможно?

— Здесь?

— Да.

Капитан совсем растерялся:

— Но вы ведь, кажется, из Орехова?

— Ну и что же?

— Но... тогда получится, что вы перешли реку.

Яр. — Я не знаю местных обычаев, — угрюмо объяснил Яр. — Что случится, если я перейду реку? Это запрещено?

— Это, конечно, не запрещено... Пожалуйста. Но здесь нет пристани.

— Ладно, я доплыву...

— Нет, что вы! Я прикажу спустить лодку... Желание пассажира — закон. Только...

— Если это трудно, не надо, — сказал Яр.

— Это не трудно. Дело только вот в чем... Вы отвергаете предрассудки, вы, конечно, правы. Сам я тоже... Но, понимаете, матросы... Они все с высокого берега. Я не могу им приказать. То есть, разумеется, могу, но потом... Это

ничего, если лодка не будет касаться земли и вы пройдете немного по воде?

— Ничего, — сказал Яр. — Спасибо, капитан.

Через две минуты пароход уронил в желтую воду литой якорь. Течение медленно развернуло судно кормой к закату. С кормы спустили плоскодонку. В нее сошли два старых матроса, они поглядывали на Яра хмуро и нетерпеливо.

Яр кивнул капитану и прыгнул в лодку.

Матросы гребли молча. В полусотне шагов от берега началась отмель, весло подняло со дна песчинки.

— Хватит, друзья, — сказал Яр. — Спасибо, тут я добреду.

Матросы повеселели:

— Будьте здоровы... Счастливо вам. — И дружно погребли к пароходу.

По колено в теплой воде Яр пошел к берегу, выбрался на траву.

Тоска чуть-чуть ослабла. Правда, сильно болело сердце, но от этого было даже легче: боль отвлекала от мыслей.

Яр медленно зашагал через высокую траву. Листики и колоски липли к мокрым брюкам. Город приближался, вытягивая в небо черные башни и заслоня желтый закат. Было тихо и безветренно. Но вдруг от реки прилетел ветерок, закрутил над верхушками травы маленькие спиральные вихри. Они побежали к городу впереди Яра.

2

Город начинался сразу, без привычной окраины с домиками и огородами. Высокие каменные дома с крутыми крышами вставали из травы и кустов. Яр ступил на гранитные плиты улицы.

Улица была пуста. И, видимо, весь город был пуст. Ни шагов, ни отдаленных голосов. Ни одного лица за стеклами и узорными решетками окон. Впрочем, несколько раз Яру показалось, что вдали мелькнули бесшумные фигуры. Но это могли быть просто вечерние тени.

Яр не удивлялся тишине и безлюдью. Еще на пароходе у него появилось ощущение, что в городе никого нет. Город казался таким же одиноким, как Яр. Но в этом одиночестве улиц, башен, старых домов не было горечи. Было только усталое спокойствие. И оно коснулось Яра.

Так бывает у мальчишки, когда во время большой бе-

ды, среди безудержных слез наступает передышка. Мальчик умолкает, ощутив на себе чью-то ласковую руку, и вдруг замечает, что кругом тишина.

Яр шел, не думая, куда идет. Поворачивал с улицы на улицу. Огибал башни с полукруглыми амбразурами, проходил по чугунным узорчатым мостикам через заросшие овражки, в которых бормотала вода. В сумраке овражков мигали редкие желтые огоньки.

«Светлячки, что ли?» — подумал Яр. И поймал себя на том, что в нем шевельнулось чуть заметное любопытство. Полного равнодушия уже не было. И поменьше стало болеть сердце.

Яр пригляделся к домам. Их сложили из темно-розовых и серых камней. Камни были шероховатые, словно посыпанные крошкой. Среди них кое-где светлели мраморные блоки и плиты с буквами, знаками и барельефами. Буквы были незнакомые, знаки — непонятные. А на барельефах чаще всего встречался одномачтовый кораблик с кругло надутым парусом и длинным флагом.

Дома стояли вплотную друг к другу. Иногда над улицей были перекинута крытые мостики с башенкой посредине. На одной из башенок Яр увидел часы. Ржавые стрелки на черном циферблате показывали двадцать минут третьего — часы явно стояли. Над циферблатом сидела серая большая птица, похожая на спящего орла. Яр подумал, что это украшение. Но птица подняла голову, глянула с высоты на Яра, махнула метровыми крыльями и шумно унеслась вдоль улицы. Она словно разбудила ветер. Вернее, стайку ветерков, которые пробежали над плитами тротуаров, над круглыми булыжниками мостовой, подняли спиральные столбики пыли.

Ветер зацепил на стене изорванную бумагу. Видимо, это была старая афиша. Бумага моталась и шелестела. Яр увидел на серых лоскутах бледные буквы: КИНОФ... Потом еще: «Если ты не...»

«Что не?» — машинально подумал Яр.

Это было странно — афиша. Сколько времени она, даже очень старая, может повисеть на стене и не истлеть, не исчезнуть?

Значит, люди покинули город не очень давно?

А кажется, что целый век назад.

Впрочем, дома были целы, Яр не заметил развалин и большого запустения. Только в одном из переулков прямо посреди мостовой рос между булыжниками тополек. У него от проснувшегося ветра хлопала друг о друга листья.

Яра обрадовало это живое лопотанье листьев... Хотя что значит обрадовало? Радоваться он не мог. Но почему-то показалось, что это хороший знак.

«Какой знак? Что может быть хорошего?» — тут же горько усмехнулся Яр. Но пошел по переулку где рос тополе.

И вышел на большую площадь.

На другой стороне уступами поднимались зубчатые стены, а над ними узкие многоярусные башни — то ли сторожевые вышки, то ли колокольни монастыря. На площади стояли тонкие колонны. Целый лес. Наверху их смыкали между собой легкие пологие арки. Ряды этих арок уходили к дальним стенам. Под арками кое-где висели колокола. Разные: и совсем маленькие колокольчики, и великаны. Что это? Необычная монастырская звонница? Или громадный концертный зал, где на колоколах играли неизвестную теперь музыку?

Как не похоже это было на тот знакомый, почти родной Орехов, где Яр встретил ребят!

И все же что-то смутно знакомое чудилось в городе. Может, память о давних играх или детских сказочно спутанных снах?

В небе давно исчезла желтизна, однако полные сумерки не наступали. Над городом висело яркое облако. Солнце из-за горизонта бросило в него красноватые лучи, и облако расцвело. Оно освещало город мягким рассеянным светом. Ласково розовели колонны и арки, на плиты площади словно осела светло-оранжевая пыль. Лишь бронза колоколов оставалась темно-зеленой и черной.

Яр пошел по плитам, и ему не хотелось, чтобы площадь и ряды колонн кончались. Идти бы так бесконечно — среди розоватого света и тишины, которые приглушили тоску, притупили боль. Потому что если кончится этот путь — дальше что?

«Что?» — словно в стороне раздалось это шелкающее слово.

«Что-что-что-что...»

Это были не слова. Это шелкали по камню легкие шаги. Справа, из темной густоты парковых деревьев, появился мальчик.

Яр остановился. Мальчик шагал легко и беззаботно. Несколько раз он оглянулся на деревья, словно ждал, что его догонят приятели. Яра мальчик не замечал.

Он прошел совсем недалеко. Темноволосый щуплый мальчишка лет двенадцати. В клетчатой рубашке, с бле-

стящим ранцем за плечами. Ранец подпрыгивал при каждом шаге. Будто мальчик, чем-то довольный, возвращался из школы.

Какая здесь школа, для кого? Да и время позднее, и каникулы...

Впрочем, кто знает...

Окликнуть? Сказать: «Послушай, я здесь один. Я не знаю, как быть. Помогите». Яр доверял мальчишкам больше, чем взрослым, он не постеснялся бы попросить о помощи.

Но о какой?

Мальчик вдруг остановился. Он стоял в двух десятках шагов и теперь смотрел на Яра. Будто спрашивал: «Хочешь что-то сказать?»

Яру нечего было сказать.

Мальчик быстро улыбнулся, нашарил что-то в кармане (как Игнатик нашаривал свечку), сел на корточки и размашисто нарисовал на камне какой-то знак. Выпрямился, переливчато засмеялся и побежал, теряясь за колоннами. Рассыпались сухие шелчки подошв, а потом с края площади донесся звонкий оклик:

— Сережка, ну скоро ты?!

И еще чей-то отдаленный топот. И все стихло.

Яр постоял и подошел к рисунку на плите. Там был начерчен крест со стрелками на концах: указатель на четыре стороны. И еще одна стрелка — из центра перекрестья в сторону.

Такой знак любил рисовать на асфальте Юрка.

3

Яське нравилось барабанить. Нравилось придумывать всякие боевые марши. Стучишь в барабан, а за тобой будто встает армия. Качаются султаны на киверах, полощут знамена, блестят вскинутые палаши. Как в старой книжке про Бородино.

Давно уже порвался и пропал игрушечный барабан. Яська успел закончить четвертый класс, но игру свою не разлюбил. Когда в доме отключали газ и мама посылала Яську за керосином, он выбирал дорогу подлиннее, переулки попустынее и шагал по ним, выбивая марши на доньшке жестяного бидона.

И в тот раз он тоже маршировал вдоль косога забора, у которого росли подорожники и дикая ромашка. Он топал под марш «Атака голубых гренадеров». И на тропинку прямо перед Яськой прыгнул с забора мальчишка в

полосатой майке. У мальчишки были непонятные продолговатые и широко сидящие глаза. Он смотрел серьезно.

Яська отступил и сказал:

— Ты чего?

Он не любил драться и не умел быстро знакомиться.

Мальчишка улыбнулся беззлобно, доверчиво.

— Я так... Я слышу, кто-то каждый день барабанит. И вчера, и позавчера...

— Потому что керосина третий день в лавке нет. Вот и хожу... — насупленно объяснил Яська.

— Ага... Я вчера в щелку поглядел, тебя увидел. А сегодня ты опять идешь...

Яська посопел. Он не знал, что сказать.

— Я тут живу, — мальчишка кивнул на забор. — Здесь наш сад.

— А-а...

— Меня Юрка зовут. А тебя?

— Ярослав.

— Ух ты! — восхитился Юрка. — Какое княжеское имя!

Тогда Яська улыбнулся:

— Юрий ведь тоже княжеское...

Небо хмурилось, потянул серый ветерок, спиральный столбик пыли пронесся по тропинке. Яська переступил — зашекотало ноги.

Юрка сказал:

— Говорят, что если в такой маленький смерч бросить ножик, на нем капелька крови покажется.

— Ага, я слышал, — согласился Яська. — Только это не смерч, а вихорек... Ты кидал ножик?

— Не... — вздохнул Юрка.

— Я тоже.

— Потому что жалко, да?

Яська смущенно кивнул:

— Вдруг правда кровь будет! Тогда, значит, они живые...

Прогремело за крышами.

Юрка поглядел вверх.

— Скоро польет... Пошли ко мне, переждем...

Дома у него на большом столе был город. Из бумаги, из картона, из пенопласта. Сказочный город, где перепутались старинные замки и телевышки, терема и небоскребы ростом с карандаш. Была маленькая железная дорога и морской залив из голубой бумаги, застеленной мятым целлофаном. И кораблики в порту...

Потом Яська и Юрик часто играли вместе у этого города...

И вообще они часто играли вместе. Юрик прибегал к Яське во двор и скоро стал полноправным обитателем голубятни.

В конце лета, вечером, была игра в сыщики-разбойники. Яська и Юрик убегали от Димки, Валерки и Славика. И еще от большой компании соседских ребят. Юрик рисовал на асфальте знаки-указатели: четыре стрелы на четыре стороны света. Можно было такой знак и оставить: ищи, где хочешь. Но Юрик всегда играл честно. Он пририсовывал пятую стрелку: она смотрела в ту сторону, куда они с Яськой скрывались.

Стрелка не помогла тем, кто их догонял. «Сыщики» отстали. Яська с Юриком отсиделись в акациях циркового сквера, вышли на улицу. Было пусто. В конце улицы закат разукрасил узкие облака.

— Пойдем посмотрим город, — шепотом предложил Юрик.

Яська удивился: не видал он, что ли, города? Только сегодня клеили новый дом с часами на башне!

— Да нет, не тот город, — чуть виновато улыбнулся Юрик. — Знаешь, бывает такая штука... Я сам не знаю почему. Когда вот такой закат, надо забраться на старую водокачку, и с нее видно, будто незнакомый город появляется на горизонте. Башни всякие, стены, крыши... Далеко-далеко...

Яська понял, что Юрик делится своей тайной. И очень захотелось тоже увидеть дальний непонятный город.

— Давай. Только не пойдем к водокачке по Южной. Лучше мимо кино.

— Почему? — удивился Юрик.

— Ну... — Яська замялся. Но Юрик доверил ему свою тайну, и Яська не стал скрывать свою, хотя и неприятную: — Там магазин «Спортовары», а в витрине этот... ну, дурак такой, манекен в альпинистском костюме. Я его не люблю. У него рожа такая... Улыбается, а глаза злющие. Будто все время следит... Я его зову Наблюдатель. Будто он шпион какой-то.

— А, знаю, — сказал Юрик.

— Я как мимо него пройду, так какая-нибудь неприятность делается, — вздохнул Яська. — Вчера, вот гляди, локоть ободрал. Запнулся, да ка-ак брякнусь, а он, гад, смеется... А весной прошел рядом с витриной, и мама заболела... И еще всякое было...

Юрик серьезно кивнул:

— Я понимаю. Только этого типа уже нет в витрине.

— Как? — радостно подскочил Яська.

— Его сегодня убрали, я сам видел... — Юрик хихикнул. — Совсем голого... И знаешь что? У него в груди почему-то дыра. Вот такая. Будто прострелили ядром.

— Тогда пошли! — с облегчением сказал Яська.

Но они не ушли далеко. Встретилась мама Юрика. Она была то ли встревожена, то ли очень опечалена.

— Юра, домой... Ясик, ты извини, у нас важное дело.

Яська растерянно остался на тротуаре. Юрик (он сам ничего не понимал) слабо помахал рукой: до завтра.

Но завтра Юрика не было. Он уехал с матерью накануне вечером, уехал насовсем и неизвестно куда. Потому что случилась беда: от них ушел отец. Яська узнал это через несколько дней.

Своего отца Яська не помнил. Ему хватало мамы. Но, значит, это очень большое горе, когда уходит отец. Такое, что люди от него уезжают на край земли и даже некогда проститься с другом...

И маленький Яська поклялся на веки веков, что, если он вырастет большой и у него будет сын, он никогда-никогда не бросит сына.

А знаки со стрелками, которые в тот вечер нарисовал Юрик, целую неделю еще белели на асфальте. Пока не пошли дожди.

4

Яр постоял над знаком, который начертил незнакомый мальчик. Едва ли он для Яра его нарисовал. Наверно, просто играл... Яр повел медленным взглядом, куда показывала, вырываясь из креста, пятая стрелка.

А куда она показывала? Просто на левый край площади, где громоздились темные дома. В одном месте они были раздвинуты щелью переулка. Яр пошел к этому переулку.

Он начал смутно надеяться на что-то. На что, не мог понять: той беде, что случилась вчера, помочь было невозможно. И все же он шагал с ожиданием какой-то перемены.

Облако над городом погасло. На площади стало сумрачно, а в зажатом высокими домами переулке оказалось совсем темно. И тепло: еще не остыли нагретые дневными лучами камни.

Где-то опять простучали быстрые шаги. Что-то крикнул в отдалении звонкий голос. И вдруг Яр увидел, как над головой, на верхних этажах неярко зажглись окошки. Их было немного — три или четыре на весь переулок.

«Все-таки кто-то живет здесь», — подумал Яр. Свет в окнах казался спокойным и ласковым.

Впрочем, скоро окна скрылись из вида. Переулок вильнул и вывел Яра в совершенно темную улицу. Вернее, в прямой проход между глухих стен. Стены были неровные, с выступами и каменными подпорками. Кое-где на них смутно белели выложенные из плиток узоры и неясные буквы. Но не было ни одного окна.

Дорога между стенами поросла травой. В траве очень громко трещал ночной кузнечик.

Стены были высокие. Небо, еще не совсем погасшее, висело над Яром неширокой синевато-серой полосой. Эта полоса в конце улицы делалась очень узкой. Там в небо врезался тонкий силуэт башни. Верхушка ее была похожа на шахматную фигуру.

Впереди засветился крошечный желтый квадратик. Яр, сам не зная отчего, ускорил шаги. Кузнечик в траве надрылся от треска. Черная башня выростала над Яром, уходила точеной вершиной в высоту.

Улица упиралась в основание башни. Это здесь и горело оконце. Метрах в трех от земли. Под ним Яр, приглядевшись, различил дверь. Не старинную, а простую, как в комнате обычной квартиры. Яр не колебался. Нащупал ручку и потянул.

Он увидел...

А что он увидел? Ничего особенного. Пустую комнату с цементным полом и грязными исцарапанными стенами. Под потолком горела мутная лампочка. У стены валялись разломанные ящики и бочонок. Вот и все.

Яр ощутил, как возвращается к нему прежняя тоска. Он беспомощно и все же с остатками надежды осмотрелся. За грудой ящиков была, кажется, еще дверь. Он торопливо шагнул туда. Правильно, дверь. Даже две. Грязные, в чешуе облупившейся краски... А это что?

Что это?!

В узком простенке, зацепившись лапкой за ржавый крюк, висел бормотунчик.

Конечно, это был другой бормотунчик. Не из платка, а из полинялой трикотажной тряпицы (скорее всего, из обрывка мальчишечьей майки). И лицо его нарисовано не

сажей, а мелом. Но выражение улыбчивой рожицы было таким знакомым...

Яр замер. Он понимал, что бормотунчиков умеют делать многие мальчишки на Планете и что этот, забытый и разрядившийся, висит здесь в запустении с давних времен. И все-таки...

Бормотунчик вдруг шевельнулся. Уцепился за крюк второй ручкой, покачался. Спросил голосом капризной куклы:

— Ты зачем пришел? Слушать? Хочешь правдивую, красивую, прекрасную сказку про ветерков?

— Кто тебя сделал? — шепотом спросил Яр.

Бормотунчик нервно дернулся:

— Ты спрашиваешь? Это вопрос? Я могу ответить лишь на один вопрос! Потом кристаллы разрядятся.

— Нет-нет, — испуганно сказал Яр. — Не отвечай. Я задам другой вопрос.

— Поскор-рей, — недовольно потребовал бормотунчик.

Яр знал, о чем спросить: «Скажи, как вернуться на крейсер». Надо вернуться. Здесь нечего делать. Нечего ждать, не на что надеяться. А очнувшись у пульта, Яр сможет вспомнить Планету и ребят, как сон. Светлый и страшный. Он убедит себя, что это только сон. Ничем другим это и не может быть.

И желтая тоска больше не тронет Яра.

«Тронет, — сказал вечный спорщик, который сидит внутри каждого из нас. — Потому что не сон это. И от себя не убежишь».

«Но что мне делать здесь?»

«А что делать там?»

Яр, понурившись, рассматривал замызганный цементный пол.

«Тебя позвали сюда», — настойчиво толкнулась мысль.

«Но тех, кто позвал, теперь нет!»

«Зато есть надежда...»

«Какая?» — горько усмехнулся Яр. Он удивлялся, что эта надежда — слабенькая, беспомощно-детская — нет-нет да и шевелилась в нем. Будто может произойти неожиданное. Такое, что ослабит беду и как-то утешит Яра.

Что могло ослабить, как утешить? И на кой черт утешение?

Был нарушен какой-то закон, детство не повторяется, поэтому все кончилось так страшно...

— Ты скоро? — нетерпеливо дернулся бормотунчик.

— Сейчас, сейчас, — прошептал Яр.

А что «сейчас»?

И он беспомощно проговорил:

— Ну скажи, что мне делать?..

Бормотунчик закачался. Хихикнул.

— Ты хитрый. Ты решил задать сто вопросов в одном... Хо-ро-шо!.. Хочешь вернуться — иди в правую дверь. Хочешь чего-то другого — иди в левую...

— Чего другого? — вырвалось у Яра.

— А того, что... — Бормотунчик вдруг пискнул и беспомощно повис. Успел выдать угасающим голосом: — Дурак ты...

— Прости, я не хотел, — с испугом сказал Яр.

Бормотунчик висел тряпичным кульком.

«Прости», — еще раз подумал Яр.

Перед ним были две двери. Боясь раздумывать, Яр ухватился за ручку левой.

Рванул.

За дверью была почти такая же комната. Лишь поменьше и почище. На дощатом столе валялся на боку большой продырявленный барабан и горела, оплывая, очень толстая свеча.

В углу на драном тюфяке спал Игнатик.

Глава четвертая

ИГНАТИК

1

Белый домик стоял на мысу, над спокойным зеленоватым заливом. Каменный, широко застекленный, с плоской крышей и решетчатой башенкой маяка. В домике находилась диспетчерская служба порта.

Порт был крошечный. Его деревянные причалы прятались в бухточке за мысом. Большие суда к ним не совались. Торчал здесь голубой катер береговой охраны, да отставались днем крутобокие мотоботы рыбацких артелей. Перед закатом они уходили на ночной лов. Диспетчерская главным образом и работала для промысловых экипажей.

К домику примыкал неказистый павильон с пышной черно-золотой вывеской:

БАР У НЕПТУНА ЗА ПАЗУХОЙ

Здесь был постоянный приют не занятых ловом рыбаков и свободных от дежурства диспетчеров.

Яр зашел к «Нептуну», когда солнце уже катилось к морю и делалось оранжевым.

Бармен Черный Яков, маленький, похожий на подростка, но с морщинистым личиком, обрадовался:

— Яр! Давно не заходил! Кружечку, а?

— Табаку, Яков. Пачку «Субмарины».

— Пачку «Субмарины» и кружечку. А?

— Мне через час на вахту.

— Кружечка холодного «Бомбардира» перед вахтой — самое дело, — уверенно сказал Яков.

Яр засмеялся:

— Ну, давай.

Кружка была из мятой тонкой жести, пиво сквозь нее холодило ладони. Яр оглянулся. У больших бочек, заменявших столы, было почти пусто. «Вот и хорошо», — с облегчением подумал Яр. Но тут же его окликнули:

— Эй, Яр! К нам иди...

У окна с частым переплетом «ошвартовались» двое: болтливый маячный мастер с длинным прозвищем Пауль Верхняя Душа и механик с мотобота «Креветка» Захар Лира. Захар был молодой, слегка ленивый, с широким бабьим лицом. В отличие от многих, нелюбопытный. У него в доме Яр снимал для себя комнатку.

Разговаривать не хотелось, но обычай требовал: зовут — подходи. Нарушать поселковые обычай Яр остерегался.

Пауль Верхняя Душа суетливо подвинул ящик из-под консервов.

— Ты садись, садись, Яр, садись с нами. А то, гляжу, все один да один. Сумрачный что-то. Служба, что ли, не ладится?

— Служба нехитрая, — обронил Яр и спрятал за кружкой лицо.

— А чего же тогда? А?

— Не копай ты чужую душу, Пауль, — с зевком сказал Захар. — Мало ли что у человека. Мы вот в одном доме живем, я и то не копаю.

— А чего и не копнуть? — не согласился Пауль. — Иногда копнешь, а человек выскажется, и бывает ему облегчение...

— Да все у меня нормально, — сказал Яр. — Ты, дядя Пауль, покопался бы лучше в своем фонаре. А то в пятницу с какого-то сейнера запрашивают: «У вас что за маяк? Мыс Грива или Белый Бык?» — «Грива, — говорю, — вы что там, перепились все до полного побеления? Бык на

семьдесят миль южнее». — «А какого же растакого дьявола, — кричат, — у вас зеленые проблески через пять секунд, как на Бычьей мигалке, а не через две, как про вас в лоции написано?» И открытым текстом как выдадут про наш маяк все, что думают...

— Ну, этот факт особый, критика эта в чем-то правильная, — слегка обиделся Пауль Верхняя Душа. — Только я вижу так, что про маяк ты заговорил, чтобы разговор увести от себя. Дело, конечно, совершенно твое. А мне просто в душе больно смотреть, если кто ходит понурый... Сперва ты вон какой бойкий был, да все не один, а с мальчонкой. Чего его не видать-то, приемыша твоего?

— Какой же он приемыш? Он с родной теткой живет.

— Тетка теткой, да и не родная она, а бес ее знает какая. А за тобой-то он, бывало, как пришитый ходил...

«Да замолчи ты, дубина», — тоскливо подумал Яр.

И сказал:

— У него свои дела, мальчишечьи...

— Свои-то свои... Он, конечно, парнишка вроде смышленный. И вежливый такой, только от нашей ребятни все в сторонке держится. Со взрослыми нормально, а мальчишек здешних боится, что ли. Мне с башни все видно...

— Не привык еще, — сказал Яр. — По старым друзьям тоскует. Я же говорил, у него друзья погибли в обвале...

Пауль повздыхал, закивал, хотел опять заговорить, но язык у него стал потяжелее: во время беседы они с Захаром пропустили по паре кружек.

— Пора... — Яр поднялся.

В баре прибавилось посетителей. У двух бочек устроились компании по три человека. Дымили трубками. Оранжевое солнце пробивало зеленоватые клубы дыма, которые поднимались к потолку — к запылившимся моделям парусников и стеклянным шарам, оплетенным сизалевыми сетками. Шары — это были поплавки от сетей. Еще недавно такой поплавок Яр подарил Игнатику...

Яр резко шагнул к выходу. Черный Яков закричал из-за стойки:

— Яр! Что же ты, а? После одной кружки не уходят! А, Яр?

— На вахту же...

Но тут его заметили другие.

— Яр! Подсаживайся!

— Давай, давай, Яр! Четверо — не пятеро, садись к нам...

— Не могу, ребята, надо Стефана менять. Время.

— Ну, что Стефан? — сказал со своего места Пауль. — Стефан молодой, подежурит еще часок. Я вот пойду и скажу: «Ты, Стефан, подожди. Яр не часто с нами сидит, пускай побудет у Якова, а ты еще подежурь маленько...» Дай мне, Яков, кружку, я отнесу Стефану.

«Ну и пусть», — устало подумал Яр. Стефан и в самом деле мог подождать, нравы здесь были простые.

Яр подошел к бочке, за которой пристроился диспетчер Феликс. Он Яру нравился. Молодой еще, кряжистый, русобородый, по-стариковски спокойный. На первый взгляд он казался даже мрачным. Но глаза были ласковые и какие-то беззащитные. Кроме Феликса, сидели тут механик поселкового кинотеатра Дымок — совсем мальчишка — и старый мастер канатного дела Антон Хвост, такой же разговорчивый, как Пауль Верхняя Душа.

Феликс улыбнулся, Дымок солидно крякнул и сделал глоток, а старый Антон заговорил:

— Садись, Яр, садись... Яша, ты нам принеси!.. Я вот смотрю, Яр, ты у нас целый месяц, а к здешней жизни все не приспособился. Будто из другого мяса ты...

— Я человек с той стороны, — вздохнул Яр.

— Та сторона, это сторона — предрассудки собачьи, — басовито сказал Дымок.

— Может, и предрассудки. Только откуда они взялись, вот вопрос, — осторожно проговорил Яр.

Феликс отвел глаза и подавил улыбку. Старый Антон нелепо развеселился:

— Вопрос — это хорошо! Любопытному человеку интереснее живется. Ты давай вопросы-то, мы, может, все тут и разберемся!

— Хорошо. Что такое нашествие? — неожиданно для себя громко сказал Яр.

В баре замолчали. Потом кто-то мелко засмеялся. Дымок солидно проговорил:

— Чушь это. Никаких нашествий не бывает.

— Бывают, — сказал Яр.

— Это шмели-то? — отозвался старый Антон. — Ну да, ну я знаю. На той стороне... А что шмели? У нас сроду не было...

— Это не просто шмели, — разозлившись, сказал Яр.

Феликс поцарапал бороду. Он был явно под хмельком, но сейчас посмотрел трезво.

— Яр, когда вулкан или цунами... вот как на Желтых Камнях, например... никто же не спрашивает — что такое? Природа...

— Довели матушку-Планету, вот она и плюется, — сказали у соседней бочки. — И нечего тут искать других объяснений...

— Кто довел? — спросил Яр.

Старый Антон захихикал. Дымок, важно улыбаясь, курил. Феликс ласково проговорил:

— Яр, ты как с другой планеты, честное слово...

— Я и так с другой планеты, — ничем не рискуя, сказал Яр.

Старый Антон засмеялся, закашлялся, хлопнул по спине Дымка так, что у того вылетела трубка.

— Дым, пошли за пивом, Яков уснул там, не несет...

Дымок важно поднял трубку, и они с Антоном двинулись к стойке.

Феликс царапал мундштуком латунный обруч бочки.

— Яр, ты хороший парень... Жаль, ты у нас не задержишься.

— Почему не задержусь?

— Ты сам знаешь. Тебе не это надо... Вопросы у тебя...

— А что, здесь не любят тех, кто спрашивает?

Феликс улыбнулся:

— Не здесь... Яр, ты совсем ничего не боишься?

«Боюсь потерять Игнатика», — подумал Яр, но это никого не касалось.

— Я пока не знаю, чего надо бояться...

— Ну и правильно! — вдруг пьяно сказал Феликс и грохнул кулаком по бочке. — Так и надо!.. Яша!.. Поставь, милый! Слышишь? Поставь ту пластинку! Один-то раз. Для Яра...

Шум в баре поутих. Яр оглянулся на стойку. Яков улыбался. Улыбка — беззубая щель на черном обезьяньем лице. С полки, из-за пестрых бутылок, он достал плоский пакет, вынул пластинку, подул на нее. Положил на диск проигрывателя...

Стало совсем тихо. Солнце окуналось в море, стеклянные поплавки у потолка уже не блестели, но лампы еще не зажглись. Скрытый за моделью галиона динамик зашипел. Потом ударил тяжелый аккорд гитарных струн, пошла медленная мелодия.

И глуховатый мужской голос запел:

Когда мы спрячем за пазухи
Ветрами избитые флаги
И молча сожжем у берега
Последние корабли,
Наш маленький барабанщик
Уйдет за вечерним солнцем

И тонкой блестящей льдинкой
Растает в желтой дали.

Это пел явно не артист. Но пел хорошо, по-настоящему,
Со скрученной печалью и нарастающей жестокостью. Яр
вспомнил песчаный обрыв у крепости...

От горького пепелища,
От брошенных переулков.
Где бьют дожди монотонно
По крышам, как по гробам,
От злой измены, что рыщет
В домах опустелых и гулких,
Наш маленький барабанщик
Уйдет, не сдав барабан...

Издали, сначала незаметно, вошел, вплелся в песню
голос мальчишки (у Яра сжало горло).

Но есть утешенье — как будто
Последний патрон в обойме, —
Последняя горькая радость,
Что каждый из нас был прав.
И вот потому над Планетой
Шагает наш барабанщик —
Идет он, прямой и тонкий,
Касаясь верхушек трав...

Кончилась песня, прошли секунды тишины. Потом за-
горелись лампы — будто свет в кинозале после окончания
фильма.

У бочек задвигались, закашляли. Кто-то сказал:

— Да-а... Гордые были мальчишки.

— Ну а что с того, что гордые? Сгорели, а толку...

— Не накликать бы чего... Ты, Яков, тоже... смотри...

— Да что мы, не люди, что ли? — громко спросил Фе-
ликс.

Вернулся Пауль Верхняя Душа.

— Ну вот, я сказал Стефану. Ты Яр, не волнуйся, он
подежурит, сколько надо. Мы с ним там посидели, он го-
ворит: конечно, пускай Яр погуляет, если охота, а я, гово-
рит, побуду за него, а потом он за меня, дело такое...

— Что это за песня была? — спросил Яр у Феликса.

— А вот, — опять хмелея, отозвался Феликс. — Это про
тех ребят, которые тогда поднялись в Морском лицее, в
Городе... Дело давнее, а песня осталась.

— Как поднялись? Против кого?

— Против кого... Знать бы... Не хотим, мол, и все.
Карабины порасхватили с учебными патронами. А зачем
эти хлопушки, если пожар? Это тебе не шмели...

Феликс макнул бороду в кружку.

— А в каком городе? — спросил Яр. — У реки?

— Ну, я же говорю: в Городе. Он один тут. Город...

— Феликс, а почему он пустой?

— Никто не живет, вот и пустой. Вроде музей, заповедник...

— А почему не живут?

— Не хотят — и не живут. Ты сам попробуй в пустом городе...

«Черт, — беспомощно подумал Яр. — Хоть бы одного человека найти, который скажет...»

— Я видел там людей, — резко бросил он. — Врете вы все тут. Люди там живут и ничего не боятся. Веселые люди.

— Сколько их — веселых — там? — совершенно трезво сказал Феликс. — Это те, кто смог... А если разобраться, какой смысл?

«Ни в чем нет смысла», — подумал Яр.

— Ладно, ребята, пора Стефана менять.

— Да подождет он, Стефан-то, — заговорили с трех сторон. — Ты, Яр, об этом не думай, ты к нашей компании привыкай. Вот и народу прибывает, посидим, споем наши рыбацкие... А вопросы, ну их, Яр, к черту...

В баре и правда становилосьлюдно. За окнами темно, но еще видна была дорога от поселка к мысу. Вверх по дороге тянулись завсегдатаи «Нептуна».

Появился высокий мужчина с бородкой-эспаньолкой и в круглых конторских очках, которые к его бородке совершенно не подходили. Это был начальник местной береговой охраны, по прозвищу Шериф.

— Иду, слышу, музыка тут играет, — сказал он Якову. Яков засуетился, раскрутил шипучий пивной кран.

— Старую пластинку играем, — заговорил мастер Антон. — Садись, Шериф, вон к Захару, их трое. Мы для Яра тут пластинку играли, такое вот дело.

— Яр, привет! — Шериф протянул руку. — Ты как-то говорил, что хочешь своего мальчонку на катере покатасть. Завтра идем в Новый Свет браконьеров гонять. Пойдете с нами?

— Завтра я на вахте до вечера, — вздохнул Яр.

— Ну, тогда на той неделе... Пауль, сто гарпунов тебе в верхнюю и нижнюю душу! Почему твоя коптилка на башне опять мигает вразнобой, как пьяная курица? Я вот составлю донесение...

Пауль поперхнулся и засеменял к выходу. Там он

столкнулся с краснощекой крупной женщиной. Она заговорила с порога:

— Рыболовы! Мужичка моего здесь нету? Говорит, в рейс пошел, а сам небось встал тут на прикол да наливает цистерны?

Посыпались шуточки. Смысл их сводился к тому, что «мужичка» здесь нет и что он в самом деле пошел в рейс, но не за рыбой, а к какой-нибудь красотке.

— А и пусть провалится совсем, — говорила женщина и шагала среди бочек. — Мне от него чего надо-то? Ключ от погреба с собой унес, пустая бутылка, а в погребе у меня банки для черешни. Будем теперь с Игнашкой замок сбивать... Яков, дай-ка спичек да полдюжины свечей, в погребе-то хоть глаз выколи... А, Яр! Здравствуйте, Яр!

Это была тетка Игнатика. Яр встал. Она подошла.

— Что-то не заходите к нам...

— Зайду. Работы много. Дело новое, вникаю... А Игнатик почему перестал ко мне забегать?

— Я и сама удивляюсь. Все на чердаке сидит. То змѣя клеит, то вертушки ветряные делает. Я говорю: «Ну, с ребятами не играешь — дело твое, а почему к дяде Яру ходить перестал? Он с тобой смотри как по-хорошему, на лодке катал, лук со стрелами сделал, курточку вон какую подарил, а ты...»

— А он? — тихо спросил Яр.

— А он чего?.. «Зайду, — говорит, — обязательно. Вот доделаю, — говорит, — эту штуку и пойду»... А глаза вниз глядят. Может, провинился перед вами?

— Да нет, что вы, — сказал Яр.

Вместе с теткой Игнатика он пошел к выходу. («Яр, да подождет Стефан-то!» — кричали вслед.)

Вечер был теплый, начинали трескотню ночные кузнечики.

Тетка вдруг вздохнула и призналась:

— Боюсь за Игнашку я. Нездешний он какой-то. Не в том дело, что с другой стороны, а вообще... Сегодня стали свечки искать, чтобы в погреб лезть, нашли огарок, а он его взял и смотрит, смотрит. Потом я гляжу, а глаза у него мокрые... Вы бы поговорили, Яр, узнали, что с ним такое делается.

— Я бы поговорил, — с горечью сказал Яр. — Но он же не приходит...

— Он придет. Я накажу, чтобы завтра же...

— Пусть придет... Ну, скажите ему, что я соскучился, — беспомощно попросил Яр.

В тот вечер, когда Яр нашел Игнатика, они остались в комнате со столом и свечой. Никуда не пошли. Ни о чем не говорили. Игнатик вздрогнул и открыл глаза, едва Яр наклонился над ним; коротко вздохнул, вцепился в Яра, прижался лицом к его пиджаку. И так они сидели долго-долго. И наконец Игнатик уснул. Яр положил его на тюфяк и уснул рядом. И последнее, что он помнил, был толчок страха: не приснился ли Игнатик?

С таким же страхом он проснулся.

Свеча догорела, пахло растопленным стеарином. В оконце бил утренний луч.

Игнатик сидел над Яром на корточках, грязный, босой, похудевший, в порванной рубашке, с черными царапинами на лбу и на ногах. Улыбался осторожно и печально.

Яр со странной, закаменевшей радостью придвинул Игнатика к себе. Шепотом спросил:

— Как ты уцелел?

Игнатик шмыгнул носом, потерся щекой о рукав Яра.

— Я не знаю... Бормотунчик сорвался с проволоки, заковылял под лестницу, а я за ним побежал. Думаю, куда это он? А там щель... Большая щель, вроде как ход какой-то. Он туда, я тоже туда. Потом все задвигалось, сверху что-то навалилось... Яр, я сразу понял, что крепость поползла! Думал, что всё. Тут меня, кажется, щепнем завалило... Ну, я раскопался кое-как, а там такой длинный-длинный каменный коридор. Назад хода не было, я пошел по коридору...

— А потом?

— Я шел, шел... Будто сто лет. Яр, это, наверно, ход под рекой. Я утром выбрался, а мне люди говорят: «Ты с той стороны?» Я говорю: «Не знаю». Они говорят: «Если с той стороны, садись на поезд, он идет до станции Мост. А там вернешься к себе...» Два дяденьки и женщина, добрые такие, дали хлеба, посадили в вагон...

— А что за станция? Она здесь?

— Да не здесь... Я в вагоне спрашиваю: «Скоро станция Мост?» А все на меня смотрят, как на ненормального. Потом говорят: «Это же в другую сторону...» Я тогда сошел на полустанке, чтобы на обратный поезд пересечь. А поездов нет и нет. Я пошел к реке. Думаю: переплыть как-нибудь. Если под землей прошел, почему нельзя обратно переплыть? А потом смотрю — вот этот город...

— Пустой... — сказал Яр.

Игнатик кивнул:

— Ага... Только не совсем пустой. Я так умаялся, лег на траву у фонтана и заснул. А меня кто-то поднял и понес. Я даже проснуться как следует не мог... Потом проснулся уже здесь. Смотрю: на столе хлеб и кружка с водой. Я поел и опять заснул... Яр, я даже не думал, что ты меня так скоро найдешь... Яр, а ребята? Они живые?.. Яр! Ну, ты чего молчишь?

Игнатик заглянул Яру в лицо и заплакал.

Через час они ушли из города, который солнечным утром казался еще более пустым, чем в сумерках. Съели огрызок хлебной корки, который лежал на столе, умылись у фонтана, булькавшего одинокой струйкой, и ушли.

Игнатик сказал, что у моря, километрах в сорока от города, есть рыбацкий поселок и там живет его тетка. Правда, незнакомая, он про нее только слышал, а никогда не видел, потому что жили на разных сторонах. Но все-таки тетка.

— А почему, если на разных сторонах, то нельзя видеться? — спросил Яр. — Почему запрещено переходить реку?

— Да нисколько не запрещено, — отозвался Игнатик. — Просто считается, что это принесет беду... Да теперь уже все равно.

Игнатик больше не плакал, он стал сумрачно-деловитым. Уже за городом, когда шли на север по высокой луговой траве, он сказал:

— Поживем в поселке, а там решим, что делать. В Орехов нам возвращаться ни к чему...

— Тик... Если мы не вернемся, кто расскажет родителям Альки, Данки и Читы про все, что было?

— Я напишу письмо из поселка, — хмуро сказал Игнатик. — Читиным папе и маме. Они-то уж точно уцелели, они были за городом. А остальные — кто знает...

— Письмо дойдет?

— Письмо-то дойдет... Яр, ты сможешь быть рыбаком?

— Не пробовал, Тик... А зачем?

— Яр... Голубятня же сгорела. Я не знаю, как ты теперь обратно...

— Ничего, малыш, как-нибудь, — сказал Яр.

— Ты на меня не сердись очень сильно...

— За что сердиться-то? Наоборот, спасибо тебе.

— За что?

«За то, что ты есть», — подумал Яр. И сказал:

— За то, что нашелся.

— Я один нашелся, — прошептал Игнатик. — Вот если бы были ребята... Можно было бы даже построить новую голубятню... А сейчас...

Потом они долго шли молча, потому что думали о Данке, Альке и Чите.

В середине дня они пришли к чистой речке с заросшими тальником берегами. Напились холодной воды. Потом Игнатик странно замер, плюхнулся животом в воду, забарахтался. Яр кинулся, схватил его за рубашку, поднял. Игнатик прижимал к животу длинную рыбину. Он бросил ее далеко на берег. Рыбина попрыгала в траве и уснула.

— Вот ты как раз и есть рыбак, — сказал Яр.

— Я случайно, — вздохнул Игнатик. — Сам не ожидал.

— А как будем есть? Сырую?

— Испечем.

— А чем огонь разведем? Свечки-то нет...

Игнатик глянул потемневшими глазами: «А если бы и была? Нас же не пятеро...» «Ох и дурак я!» — сказал себе Яр.

Игнатик шарил в карманах мятых шортиков.

— У меня, кажется, стеклышко есть. Вот... — Он вытащил маленькую линзу. — Это мы с Читой телескоп делали...

Они набрали сухой травы, наломали в кустах веток. Разложили небольшой, но жаркий костер, а потом в углях испекли рыбу. Съели ее несоленую, пахнущую водорослями.

— Давай отдохнем, — попросил Игнатик. Он сбил ноги. Сандалии он потерял при обвале, а ходить так много босиком не привык.

Они легли под кустом и уснули до вечера.

Когда проснулись, Яр спросил:

— Будем здесь ночевать или двинемся в путь на ночь глядя?

— Пойдем, — сказал Игнатик. — Мы же выспались.

Но скоро Игнатик стал опять спотыкаться. К тому же он вздрагивал: над лугами поднимался влажный туман, сумерки были зябкие.

Яр закутал Игнатика в пиджак и взял на руки.

— Ну вот, как маленького, — пробубнил Игнатик, но больше не спорил.

Яр зашагал через высокую траву по плечи в тумане.

На пути поднялись невысокие холмы. Яр взошел на плоскую вершину. Совсем стемнело. И Яр впервые взглянул на звездное небо Планеты.

— Смотри, Тик, — сказал он с неожиданной радостью. — Те же созвездия, что у нас!

Игнатик шевельнулся и осторожно спросил:

— Ты очень скучаешь по своей Земле?

— Я.. Знаешь, Тик, мне кажется, здесь та же Земля... «И здесь у меня есть ты», — добавил он про себя.

— Яр, — тихо сказал Игнатик и часто задышал у щек Яра. — Мы с тобой теперь одни на свете. Ты и я.

— А тетки твои? — помолчав, спросил Яр.

— Ну что тетки! Та, у которой жил, она нисколько меня не обижала, но... я ей что есть, что нет. А эту я не знаю... Яр...

— Что, Тик?

— Если вдруг получится, что ты сможешь уйти... Ну, туда, к себе... Яр, тогда хотя бы...

— Я никуда не уйду. По крайней мере, без тебя не уйду, — будто ставя точку, сказал Яр.

Игнатик вздохнул, повозился и спросил:

— Ты не устал нести меня?

— Нет, — сказал Яр и стал спускаться с холма.

К утру они пришли в поселок. Расспросили словоохотливых жителей и разыскали дом тетки. Тетка, едва услышав, что это Игнатик, запричитала, начала кормить его и Яра. Потом отмыла Игнатика в большущей деревянной бочке, а Яр в это время рассказал про нашествие и про то, как они с Тиком здесь оказались.

Все рассказал. Кроме одного: кто он и откуда. Объяснил, что работал радиомастером, жил по соседству с Игнатиком, ходил иногда с ребятами на прогулки. Пошел и на этот раз, и вот...

— Беда-то какая!.. — ахала тетка чересчур громко, но, видимо, искренне. — Надо же, какое дело стряслось... Да и вправду говорят, что на том берегу все не так... Вам теперь туда ни к чему возвращаться, если вы человек одинокий. Что вам в разоренном-то городе? Если вы радиомастер, то идите в диспетчеры, у нас в поселке понимающих людей ох как ценят...

И Яр пошел в диспетчеры. Страховая квитанция с именем Я. Охты вполне заменила удостоверение личности. Главное, что человек знает аппаратуру. Через два дня Яр заступил на первое дежурство.

Он стал жить как все. Стал курить трубку, заглядывать в бар, вести разговоры об уловах и авариях. Надолго ли такая жизнь, он не знал. Надо было выждать и разобраться. Надо было многое понять. И узнать. Прежде всего о Планете: почему она похожа на пустынный заросший двор, хозяева которого то ли состарились, то ли махнули на все рукой? Почему боятся числа «пять»? Что за рубеж положила между людьми река? Какие на Планете города и страны, как живут в них люди и чего хотят?

Он спрашивал иногда, но ответы были неясны или смешливы. А спрашивать настойчиво и часто Яр не решался. Он и так был человеком «с той стороны».

Когда дежурств не было, они с Игнатиком ходили по берегу моря и окрестным холмам. Игнатик собирал раковины и похожие на зверюшек камни. Яр что-нибудь рассказывал: про мушкетеров, про Робин Гуда, про планету Меркатор. А иногда просто так гуляли, молча. Игнатик был тихий и неулыбчивый. Яр тоже помнил про крепость. Алька, Чита и Данка словно ходили рядом...

С поселковыми ребятами Игнатик не играл. Они его звали несколько раз, а потом оставили в покое. Ребятишки были славные, не задиристые, не обижались на Игнатика за его одинокий характер. Один раз, в праздник, даже сделали ему яркого воздушного змея и принесли в подарок. Этого змея Игнатик раза два запускал с крыши, но снова один, без ребят.

Потом Игнатик нашел незаметную травку на склоне холма. Пригляделся, упал на колени, осторожно взял, не срывая, стебелек с разлапистыми листиками. Повернулся к Яру — глаза с искорками.

— Смотри, Яр!

— Что?

— Пятилистник же...

— Ну и что, Тик?

— Это же... Нет, я потом скажу. Ох, почему я раньше не подумал? Яр, нам надо к сухому дереву!

— Куда?

— К сухому... Ой, нет, я потом скажу. Я сначала все обдумаю.

— Думай, — улыбнулся Яр. Он был рад, что Игнатик так оживился.

С того дня Игнатик стал веселее. Сделал себе лук со стрелами (тетиву смастерил из шнурков от башмаков, которые дала ему тетка). Заставил Яра играть в Робин Гуда...

А через пять дней не пришел к Яру в диспетчерскую, хотя обещал. При встрече отвел глаза и пробормотал, что забыл. Потом спрятался, когда Яр хотел позвать его в кино. И пошло: то ускользнет, то опустит глаза и что-то бормочет неохотно. Так он вел себя целую неделю. И неделя эта была для Яра пыткой.

И в эту ночь, на вахте, Яр мучился: придет или не придет?

3

Игнатик пришел. Рано утром. Яр заметил его из окна. Игнатик брел в тени длинного деревянного забора — то по скользкой от ночного дождика тропинке, то по мокрой траве. Казалось, он нарочно не выходит на солнце, хочет остаться незамеченным.

Но он все равно был замечен издали в своей оранжевой рубашке. Это была та рубашка, в которой он ходил в цирк. Потрепанная теперь, много раз стиранная и зашитая, она не потеряла своей яркости. Парусиновые шортики обветшали, стали мятые и серые, как мешковина, а рубашка пламенела даже в тени.

На ногах у Игнатика болтались рыбацкие сапоги. В каждый можно было засунуть по мальчишке. Голенища с отогнутыми отворотами тяжело хлопали его по коленкам.

Может, из-за этих сапог Игнатик и шел так медленно?

Яр подавил желание вскочить и поспешить навстречу. Лишь когда Игнатик остановился у крыльца диспетчерской, Яр вышел на ступеньки.

Игнатик не улыбочиво посмотрел на него и опустил голову. Яр увидел белобрысую макушку с отросшим хохолком.

Яр спустился с крыльца, сел на бетонную ступень, взял Игнатика за повисшие руки, поставил между колен.

Игнатик смотрел в сторону.

Тихо-тихо, осторожно-осторожно Яр сказал:

— Тик... ну, ты чего?

Игнатик переступил внутри сапог тонкими ногами и отозвался, все так же глядя в сторону:

— Я ничего... Ты сказал, чтобы я пришел. Я вот...

— Что с тобой?

— Со мной? — Он попытался улыбнуться. — Все в порядке.

— Слушай... Игнатик... Я чем-то обидел тебя, да?

— Нет, что ты! — испуганно и честно сказал Игнатик. Быстро посмотрел Яру в глаза. Потом заморгал и опять отвернулся.

— Тогда почему ты от меня бегаешь?

— Я не бегаю...

— Тик...

— Ну... разве я бегаю?

— Ты не хочешь меня видеть?

— Я... хочу... Просто дела всякие. Тетя все время просит по хозяйству помочь. И ты работаешь...

— Я не знаю, что и подумать, — беспомощно проговорил Яр. — Может быть, кто-то тебя не пускает? Тетка? Говорит, что пускает, а сама...

— При чем тут тетка? — с пробившейся горечью сказал Игнатик.

— А кто?

Он молчал.

— Тогда кто? — с отчаянием спросил Яр. — Может, кто-то напугал тебя? Или сочинил про меня какую-нибудь чепуху? Или... Я просто не знаю, что подумать! Тик... Может, я сам в чем-то виноват?

Игнатик отрицательно помотал головой.

— Есть же какая-то причина! — почти крикнул Яр. — Игнатик... Ну?

У Игнатика шевельнулись губы. Кажется, он беззвучно сказал: «Есть...»

«Слава богу, это хоть что-то», — подумал Яр. Он поднял невесомого Игнатика за бока, вынул из сапог и посадил на колено.

— Теперь ты мне все скажешь. Да?

Но Игнатик молчал. Шевелил пальцами босых ног и не поднимал головы.

Яр ладонью провел по его заросшему затылку.

— Конечно... Ты еще маленький, а я почти старик. Мы разные... Но той ночью, когда я тебя нес... Ты тогда сам сказал: «Мы с тобой одни на свете...» Я думал, это по правде, думал, мы никуда друг без друга...

Игнатик перестал шевелить пальцами и весь затвердел.

— Сейчас, наверно, ты не так думаешь... — пробормотал Яр. — Но все же... ведь не враг же я тебе...

Игнатик беззвучно заплакал. Потом обхватил Яра за шею и уткнулся ему в плечо. Вздрагивая, прошептал:

— Я же не виноват... Они не велят.

— Кто?! — с радостью и злостью крикнул Яр.

— Ну... они... эти... — всхлипывал Игнатик.

— Да кто же, дьявол заведи? Кому какое дело? Кто посмел?!

— Эти... ты не знаешь, что ли?

— Ни черта я не знаю! — ликуя в душе, отозвался Яр. Игнатик был его. Его братишка, его сын и друг — на остальное плевать. — Ну, кто же, Тик? Перестань плакать... Ты же понимаешь, я многого не знаю. Что им нужно от нас? Кто они такие?

— Это... те самые люди... которые приходят и всё велят...

— Откуда приходят? Они здешние?

— Да нет же, — опять всхлипнул Игнатик и повозился, вытирая о рубашку Яра мокрое лицо. — Они не такие... Все говорят, что их нет, а знают, что есть...

— Чушь какая-то...

— Я тоже сперва думал, что чушь. А он пришел и сказал, чтобы я не смел...

— Что не смел?

— Приходить к тебе.

— Но почему? Почему?!

Игнатик глянул влажными умоляющими глазами.

— Я не знаю... Говорит, если будем видеться, они убьют...

— Кого? Тебя? — подобравшись, как для атаки, спросил Яр.

— Тебя.

— Бред.

Яр знал, что не бред. Включилось тренированное чувство разведчика и четко сигналило ему, что рядом есть непонятный враг. Но Игнатик должен жить без страха. Как можно беззаботнее Яр сказал:

— Посмотрел бы я на человека, который попробует меня убить...

— Яр, они могут. Правда.

— Тик... — очень ласково проговорил Яр. — Я прошел подготовку в высшей школе космических первопроходцев. У меня реакция, как у электронной машины. Я увертываюсь от пули и стреляю без промаха в подброшенный орех. Из-за плеча.

— У тебя, значит, есть пистолет? — живо спросил Игнатик.

— Есть, — соврал Яр.

— Покажешь?

— Да... после. Он в сейфе сейчас.

Лицо Игнатика — похудевшее, в мокрых разводах — стало сумрачно-строгим.

— Яр, ты носи его всегда с собой.

— Хорошо...

— Обязательно с собой, Яр, они не шутят... Я, наверно, зря тебе про все сказал.. — Игнатик опять чуть не заплакал. — Они не велели говорить, а я сказал. Теперь, наверно, будет плохо...

— Плохо будет тому, кто попробует нас задеть, — очень бодро и уверенно произнес Яр. — Это я тебе обещаю железно. Поверь.

Игнатик снова — теперь уже с облегчением — ткнулся носом Яру в плечо. Видимо, он устал от страха, от тоски, и сейчас душа его отдыхала. Он уверовал, что космический первопроходец с пистолетом сильнее тех врагов...

Каких врагов? Кто они? Как выглядят?

Обо всем этом надо было спросить Игнатика.

Но спрашивать — значит, показывать свою неуверенность. Значит, будить в Игнатике прежние страхи. Яр сказал:

— Видишь, я не боюсь. И ты никого не бойся. Главное, чтобы мы были вместе.

Игнатик слабо улыбнулся и кивнул.

Яр снова погладил его по затылку. Поднял, осторожно вставил в сапоги.

— Зачем ты их таскаешь, такие бахилы?

Игнатик улыбнулся уже веселее.

— Тетка сказала, что такая примета есть: кто целую неделю морские сапоги не будет снимать ни днем ни ночью, обязательно станет капитаном. Вот я и не снимаю.

— И спишь в них?

— Ага...

Яр хотел рассмеяться, но раздумал.

— Ты очень доверчивый, Тик, — сказал он серьезно. — Ужасно доверчивый. Тетка сказала тебе смешную шутку, а ты веришь. Какие-то болтуны пришли и наптели тебе всякую чепуху — ты тоже веришь.

Игнатик помолчал. Потом быстро глянул и сказал с лукавинкой:

— Ага, я доверчивый... Вот поверил, что ты есть на свете, и ты правда есть.

Теперь Яр рассмеялся:

— Это ты хорошему поверил. А ерунде верить не надо. Игнатик выбрался из сапог.

— Я их здесь оставлю. Я домой сбегая, а потом опять приду, скоро. Я тебе черешни принесу...

Он и правда скоро вернулся. Прискакал босой, веселый, с большим кульком белой черешни.

— Вот, смотри, какая в теткинском саду созрела.

Они сели на скамью у пульта.

— Я с тобой буду дежурить, — решил Игнатик.

Вахта была спокойная. Мотоботы вернулись вовремя, аварийных сигналов не поступало, залив под утренним солнцем лежал пустой и тихий, только еле заметный парусник маячил у горизонта.

— Завтра возьму у Захара шлюпку и пойдем с тобой под парусом на Медный остров, — сказал Яр Игнатику.

— Ой, правда? Я под парусом еще ни разу... А если шторм?

— Не бойся, на завтра сводка спокойная.

— Да я и не боюсь, если с тобой... С тобой вообще ничего не боюсь... — Он придвинулся поближе.

— Совсем ничего?

— С тобой? Совсем.

— Тогда... Игнатик! Расскажи, что это были за люди.

Он съежился на миг, притиснулся покрепче, зябко обхватил коленки.

— Игнатик, ты же не боишься.

— Да... Но не хочется про них. Лучше вечером про все расскажу... Можно я у тебя буду ночевать?

— Даже обязательно... Только без сапог.

Игнатик серьезно сказал:

— Ладно. Все равно я их уже снял... Яр...

— Что, Тик?

— Они... эти люди... по-моему, они знают, кто ты такой.

— Почему ты решил?

— Они говорили: «Зачем ты с ним связался? Все равно он скоро уйдет туда, к себе...» Яр, ты не уйдешь?

— Я же обещал: без тебя никуда не уйду.

Весь этот день Яр прожил с ощущением, которое у разведчиков называется «на щелчке». Оно возникает на незнакомых планетах, когда нет ясной опасности, но есть

ее предчувствие и каждую минуту можно ожидать чего угодно. Защелкнуты гермошлемы и браслеты датчиков, щелчком сдвинуты вперед предохранители бликов...

Правда, сейчас не было ни шлема, ни датчиков, ни излучателя, а состояние «щелчка» перебивала радость оттого, что Игнатик — вот он, рядом.

Он был рядом целый день. Листал вахтенные журналы, копался в старом ненужном приемнике, мастерил из его деталей и лампочек смешного человечка. А когда завечерело, весело сказал:

— Я сбегая, тетке скажу, что буду у тебя ночевать. Ты не уходи пока, я вернусь, и вместе пойдем к тебе.

— Только не задерживайся, Тик...

— Я как стрела!

Едва он умчался, пришел Феликс.

— Ну что, Яр, все спокойно на морях? Гуляй, я заступаю.

— Заступай... Феликс, я спросить хочу. Уточнить, так сказать. Мне, как диспетчеру, выдали все, что положено?

Феликс откровенно удивился:

— Откуда я знаю? А что именно тебе выдали?

— Ну, форму, документы... Аванс... А оружие не полагается? Говорили, что вроде бы тем, кто на суточных вахтах, положен пистолет.

— Бог ты мой, да зачем он на вахте? Пираты, что ли, нападут?.. Ну, вообще-то положен, поскольку диспетчер — это еще и представитель береговой охраны. Только никто их не берет, морока лишняя.

— Может, и морока. Но я привык, чтобы все по форме.

— Скажи Шерифу, он выдаст.

— Надо сказать...

— Скажи... Яр... — Феликс глянул быстро и непонятно. — А тебе игрушка эта только для формы? Или...

— «Или»... — сам не зная почему, сказал Яр. Впрочем, Феликсу он верил.

— Тогда лучше возьми мой.

— То есть?

— Мой собственный. С давних времен остался. Таскаю вот по привычке, никто не знает...

Феликс, усмехаясь, полез за пазуху и вынул небольшой плоский пистолет с ребристой рукояткой. Видно, что старенький — вороненые детали на острых краях были вытерты до светлого металла. Феликс оглянулся и положил пистолет на ладонь.

— Надежная система, «викинг». Только запасной обоймы нет, всего семь патронов... Ну, надо будет — достанешь. Бери.

— Да, но... так, наверно, не полагается?

— А кому какое дело? Это же мой. Бери, Яр, тебе нужнее... Люблю таких, как ты. Сам вот не потянул...

— Ты это о чем? — с тревогой спросил Яр.

— О смелости, — вздохнул Феликс. И затолкал пистолет Яру в карман куртки. — Бери... Жаль, не удержишься ты у нас, Яр.

— Ты уверен? — тихо спросил Яр.

— Чую...

— Пойду я, — сказал Яр. — Спасибо, Феликс. Пойду встречу Игнатика. Он небось уже летит сюда...

Яр не встретил Игнатика по дороге и слегка встревожился. Вошел в поселок. Побеленные каменные домики с односкатными крышами вытянулись в длинную улицу. Дом, где жил Игнатик, был в самом начале.

У крыльца стояла тетка.

— Что-то не торопится наш Игнатик, — сказал Яр.

— Как же не торопится? Уже уехал, — отозвалась тетка и жалобно взглянула на Яра.

— Как уехал?!

— Сосед на бричке проезжал, обещал его подбросить до вокзала. Там, говорят люди, бывает вечерний поезд...

— Какой поезд? — с отчаянием спросил Яр. — Зачем?

— Да вы не знаете разве? — Она всплеснула руками. — А он мне сказал, что только сейчас попрощался с вами! К себе в Орехов, говорит, поеду, там вроде бы все наладилось... Скучаю, говорит... До станции Мост, говорит, а там уж как-нибудь на ту сторону...

— А как же вы его отпустили?

— А как не пустить? Он и не слушал, встрепанный такой. Прибежал, письмо, говорит, дали на почте от той тетки, она пишет: приезжай. И сказал, что вы разрешили. Курточку, что вы подарили, взял, кой-какие вещички в сумку кинул, меня обнял... Я еще говорю: «Деньги ведь надо на билет...» А он: «Не надо, мне Яр дал, вот смотри...»

«Не давал! — ударила мысль. — Но кто-то дал. Кто-то успел напугать и уговорить за эти полчаса... Гады...»

Думал это Яр уже на бегу.

Глава пятая

ДОРОГА

1

Вокзал находился в двух милях от поселка. Громадный и странный. Лет пятьдесят назад на берегу хотели устроить большой курорт, но потом то ли раздумали, то ли война помешала. То ли кто-то запретил. А вокзал успели выстроить. Даже не вокзал, а целый вокзальный город. Сюда должны были прилетать самолеты, приплывать пароходы, приходиться поезда.

Теперь у громадных причалов изредка швартовались катера и рыбацьи лайбы. На мол со взлетно-посадочной полосой раз в неделю садились трескучие бипланчики местной линии. А по рельсам, спрятанным в полыни, редко и нерегулярно бегал поезд прибрежной железной дороги.

...Яр понимал, что бричку ему не догнать, если двигаться следом. Но был короткий путь — через холмы.

На бегу Яр проверил пистолет. Это была очень простая и, значит, надежная система. Яр зажал в ствол первый патрон, нажал предохранитель и положил «викинг» во внутренний карман, за пазуху. «Стреляю без промаха в подброшенный орех, — усмехнулся он. — Пижон, дурак старый». Из оружия с пороховыми патронами Яр стрелял два раза в жизни, в незапамятное время, на учебном полигоне Ратальской школы.

«Впрочем, не так уж плохо стрелял. Может, и не промахнулся, если придется...»

Тропинка вывела на холм, поросший мелким дубняком. Солнце стояло невысоко, и распахнувшееся впереди море было усыпано блестящей чешуей. На этом искрящемся зеркале чернели здания вокзала. Он был такой громадный, что многоэтажные корпуса казались приземистыми. Над ними торчала башня, похожая на колокольню Петропавловской крепости.

Черная взлетная полоса надвое разрубала сверкающее море.

Яр бегом стал спускаться к вокзалу...

Площадь перед центральным зданием когда-то вымостили ракушечными многоугольниками. Сейчас некоторые плиты исчезли, а оставшиеся были вздыблены и расколоты проросшими корявыми кустами с черными ягодами. Кусты хватали Яр за штанины.

Яр остановился. Обогнал он бричку или нет? Если обогнал, где ее ждать? Не было заметно, чтобы к заросшей площади вела какая-нибудь дорога.

Не лучше ли поспешить прямо к поезду? Уже там-то Игнатик окажется обязательно.

Яр вошел в арку центрального входа и оказался в пустом гулком помещении с неизмеримо высоким потолком. На потолке он разглядел облупленную картину: два человека с плоскими лицами, в мундирах, аксельбантах и золотых эполетах улыбались и пожимали друг другу руки. Картину окаймляла лепная рама из перевитых розами знамен и сабель.

В дальнем конце зала темнел ряд окошечек. Яр двинулся туда. Под ногами постукивали расшатанные плитки кафельной мозаики.

Окошечки были закрыты. Над ними белело лепное слово «КАССА». В завитках букв скопилась пыль, а на букве «К» сидел рыжий паук. Треснувшая стеклянная табличка извещала: «Уважаемые пассажиры, ездить без билетов запрещается правилами и Вашей совестью».

«Игнатик наверняка будет покупать билет, — подумал Яр. — А может быть, уже купил? Где?»

Яр постучал в окошко, над которым сидел паук. Оно тотчас открылось. Возникло лицо седой дамы, похожей на актрису-пенсионерку.

— Скажите, пожалуйста... — нетерпеливо начал Яр.

Дама сухо произнесла:

— Потрудитесь пройти на платформу, касса работает в летнем павильоне. Поезд до станции Мост уходит в двадцать ноль три.

Окошко захлопнулось, подняв облачко пыли. Яр чертыхнулся и посмотрел вокруг. Над темной аркой увидел выпуклые слова:

**ВЫХОДА НЕТЬ
ВЫХОДЪ НА ПЕРРОНЪ**

Яр мельком удивился твердым знакам и противоречивости надписей и решил поверить той, что ниже.

Туннель был темный, только впереди светился полукруглый выход. Яр торопливо двинулся на свет. Ему казалось, что идет он страшно долго. Мягкий пол будто ехал назад и оттягивал Яра от выхода. А может быть, так и

было? Но в конце концов Яр приблизился к солнечной арке и шагнул через медный порог.

Он оказался не на перроне. Перед ним было море и узкий желтый пляж с синими и красными зонтиками, с горками для съезжания в воду и круглыми разноцветными будочками. Направо и налево пляж тянулся бесконечно. Позади так же бесконечно тянулись бетонные стены вокзальных зданий. Оконные стекла слепяще отражали солнце, но кое-где чернели пустые квадраты.

На пляже было многолюдно, это казалось удивительным после пустоты вокзала. Да и вообще — вечер уже, не время для такого массового купания. Но мелькали пестрые мячи, смеялись ребятишки, монотонно кричал бродячий фотограф.

Яр оглянулся, собираясь вернуться, но недалеко мелькнула оранжевая рубашка.

— Игнатик! — Яр крикнул негромко, сдавленно, чтобы не привлекать чужого внимания.

Рубашка метнулась за голубой киоск с мороженым. Зарываясь башмаками в песок, прыгая через коврики в разложенной снедью, Яр бросился к киоску. Ему сердито кричали вслед.

За киоском никого не оказалось.

Оранжевая рубашка мелькнула у вокзального здания. Там, в серой плоской стене, была узкая дверца. Игнатик исчез в этой дверце. Яр кинулся следом.

Он оказался в бетонном коридоре, вдоль которого тянулись железные трубы разной толщины. Их коленные изгибы иногда перегораживали дорогу. На изгибах торчали колеса вентиляей. Пахло ржавчиной и теплой сыростью. Вдали быстро простучали подошвы.

— Игнатик!

Все стихло. Даже эхо увязло в мягкой духоте.

Коридор, закругляясь, привел Яра в подвал. Солнце почти горизонтально врывалось в квадратные оконца у потолка.

Подвал был полон якорей.

Это был целый музей якорей. Царство якорей. Мир якорей.

Кладбище якорей...

Якоря лежали, стояли, косо навалившись друг на друга, на стены и на каменные столбы. Здесь были классические адмиралтейские якоря с истлевшими деревянными штоками, знаменитые якоря Холла с теплоходов и стальных крейсеров, старинные якоря-кошки. Якоря всех кон-

струкций и видов: двурогие, однорогие, многорогие. Грибовидные и винтовые. Маленькие, от рыбацких лодок, и пятиметровые великаны от океанских кораблей. Все ржавые и забытые.

Яр мельком подумал, что если якорь — символ надежды, то здесь кладбище многих-многих надежд.

Между якорями лежали и висели лохматые от ржавчины цепи. Звенья у некоторых были с колесо мотоцикла.

Яр прыгал через цепи, стремясь в ту сторону, где ему опять послышался топот мальчишечьих ног.

— Игнатик, подожди!

Крик запутался в этом железном лесу, погас...

Яр налетел на кирпичную стену, кинулся вдоль нее, увидел металлическую лесенку, бросился по дребезжащим ступенькам. Лесенка, круто ломаясь, повела вверх внутри узкой шахты. Горели пыльные лампочки в проволочных клетках. Проржавевшие ступени иногда гнулись под ногами. Стало ясно, что Игнатик здесь не пробежал. Вернуться? Нет, бессмысленно гоняться по лабиринтам. Лучше выйти к поезду и встретить Игнатика там.

Лестница привела к квадратную комнату — пустую, белую, без окон. Мягко светил плафон. Чернела обитая кожей дверь. Яр дернул ее.

Он оказался в небольшом зале. Блестел светлый мрамор, горели электрические канделябры. За овальным столом сидели похожие друг на друга люди — в темных костюмах, с гладкими неподвижными лицами.

— Что вам угодно? — бесцветным голосом спросил один.

— Мне угодно выбраться на перрон, — резко сказал Яр.

Человек невозмутимо разъяснил:

— Вам следует вернуться. Выход на перрон через соседнюю дверь.

Яр шагнул назад — он забыл в этот миг, что в белой комнате другой двери не было.

Впрочем, и самой комнаты не было. Яр увидел что-то вроде большого склада. По нему сновали молчаливые люди в серых халатах. Они грузили на тележки с мягкими колесами длинные тюки.

В этой молчаливости, в тусклом свете лампочек, в запахе грязной ткани была тоскливая мрачность. Словно грузили обернутые мешковиной трупы. Но конечно, это не так. У стен Яр заметил штабеля каких-то одинаковых гипсовых статуй. Скорее всего, их и увозили куда-то.

Яр прошел через склад. Ему смотрели вслед, но ничего не говорили.

За складом был светлый коридор с окнами в одну сторону. Окна оказались распахнуты. Яр увидел наконец платформу, заросшие рельсы, на них дырявые товарные вагоны и мятые цистерны. Две нитки рельсов не были ржавыми, они блестели среди зелени. По ним подтягивался к платформе поезд с аккуратным паровозиком и зелеными вагончиками.

Искать выход на перрон — значит опять запутаться в дурацких переходах и подвалах. Проще было прыгнуть вниз — окна тянулись невысоко от земли, на уровне второго этажа.

Яр оперся ладонями о подоконник... И услышал:
— Ярослав Игоревич, подождите...

Яр замер. Шевельнул плечом, ощутил мышцами груди спокойную твердость пистолета. Оторвал от подоконника ладони и медленно обернулся.

В двух шагах стоял человек в черном костюме. В белой сорочке с темным галстуком. Среднего роста, сухощавый. С приветливым лицом без морщин. С гладкой черной прической — такой блестящей, будто голову помазали дегтем.

— Ярослав Игоревич, не могли бы вы уделить мне две минуты?

Человек говорил странно: губы его почти не двигались и лицо не менялось. Но голос был приветливым.

— Да, если две минуты, — как можно спокойнее отозвался Яр. — Я спешу.

— Я знаю. Об этом и речь... Куда-нибудь пройдем или побеседуем здесь?

— Здесь, — сказал Яр.

— Как угодно... — Человек отошел к стене против окна, слегка прислонился, взялся за тонкую трубу, которая шла сверху к решетчатой батарее отопления.

— Я слушаю, — сказал Яр.

— Ярослав Игоревич, вам не следует разыскивать мальчика...

«Что же, этого надо было ждать, — подумал Яр. — Может быть, оно и к лучшему». Знакомое ощущение «на щелчке» взвело в нем тугие пружины. Яр сел на подоконник, прижался затылком к косяку. Быстро глянул на перрон — Игнатика не было. Яр посмотрел на человека. Тот ждал.

— Разыскиваю я мальчика или нет, это мое дело, — сказал Яр. — Мое и мальчика. Но никак не ваше.

Казалось, человек слегка вздохнул, хотя лицо его опять не шевельнулось. Оно блестело, как глазированное.

— Вы заблуждаетесь, — сказал человек. — Это дело касается очень многих. В том числе и меня.

— Кто же вы такой?

— Меня зовут Тот.

Яр усмехнулся.

— Исчерпывающий ответ. По-моему, это имя какого-то египетского божества.

— Я не божество. И это не имя. Скорее, местоимение. «Тот, того, тому; тот, который...» И так далее.

— Ну и что же Тот который хочет от мальчика и от меня? — сдержанно спросил Яр.

— От мальчика почти ничего. Только чтобы он не был в контакте с вами... А от вас — чтобы вы последовали доброму совету...

— Жду совета.

— Вернитесь домой.

— Домой — это куда?

Тот улыбнулся уголками твердого рта.

— Я имею в виду крейсер.

— А-а... — сказал Яр.

Поезд подошел к платформе, но она была совершенно пуста.

Человек заговорил вкрадчиво, его голос теперь напоминал шелест сухого песка:

— Поверьте, это в наших силах — вернуть вас на корабль.

— Охотно верю, — вежливо отозвался Яр. — Но вы, наверное, не думаете, что, услышав ваш совет, я тут же соглашусь.

Тот снова улыбнулся:

— Нет. Я понимаю, что обязан ответить вам на некоторые вопросы.

— Вот именно, — сказал Яр.

— Хорошо. Спрашивайте.

— Спрашиваю. Что такое нашествие?

Тот поморщился. Яр не ожидал, что это неподвижное лицо способно на такие гримасы. Казалось, от щек и подбородка сейчас посыплется потрескавшаяся глазировка. Нет, не посыпалась.

Тот неохотно сказал:

— Нашествие — это просто побочный продукт эксперимента.

— Что за эксперимент?

— Но, Ярослав Игоревич... Это крайне сложный вопрос. Извините, но вы можете не понять...

— Как-нибудь.

— Я даже не уполномочен делать такие разъяснения...

— Но вы, по-моему, уполномочены уговорить меня покинуть Планету, — усмехнулся Яр. — А мне не хотелось бы покидать без разъяснений. Я крайне любопытен от природы. Что за эксперимент, в результате которого горят города и гибнут люди?

Тот сказал очень сухо:

— В процессе эксперимента иногда горят целые звездные системы.

— Ого, у вас масштабы.

— Да, — с еле заметным самодовольством отозвался Тот.

— Тем более любопытно. В чем суть такой обширной деятельности? И цель?

— Цель... Хорошо. — В шелестящем голосе опять скользнуло самодовольство. — Конечная цель — создание мыслящей галактики.

«Псих? — подумал Яр. — Или правду говорит?» (А Игнатика все не было.)

— Вы можете не верить, — сказал Тот. — Но это правда.

— Допустим... А зачем вам это? Мыслящая галактика...

Тот растерянно, как-то очень по-человечески мигнул.

— Я не понимаю...

— И я не понимаю, — сдерживая злость, сказал Яр.

— Но мыслящая, осознавшая себя галактика — это... высшее достижение... венец прогресса... Извините, но я же предупреждал, что вам трудно будет осознать.

Яр пожал плечами.

— Я осознал. Я даже догадываюсь, что мыслить она должна исключительно по-вашему... Но не вижу смысла. По-моему, каждый человек — сам по себе галактика. Целая вселенная, если хотите. Целый мир чувств, идей... Впрочем, это общеизвестно. Так зачем же убивать столько галактик ради одной?

Тот вздохнул и терпеливо сказал:

— Ярослав Игоревич, это все красивые слова.

— Отнюдь... Вы что же, полагаете, чем больше линей-

ные масштабы мыслящей материи, тем она совершеннее? — возразил Яр. И подумал: «Игнатик... Да он один стоит десяти галактик. Недаром же своей выдумкой пробил пространство... Черт возьми, но где же он?»

Гладколицый Тот, судя по всему, угадал мысли Яра. Или прочитал?

Он проговорил с досадой и довольно искренне:

— Кто же знал, что у мальчишки такие способности? Он шутя делает то, что нам удастся после колоссальных усилий. Да и не всегда удается к тому же...

— Просто он очень верит в сказки, — сдержанно сказал Яр. — Галактика сказок... А вы пришли, сожгли его город, убили его друзей. Могли убить и самого... В давние времена это называлось четко — фашизм.

— Не слыхал, — сказал Тот.

— Это не меняет сути.

— Но вы и сам не такой уж гуманист, — заметил Тот. — Зачем-то же носите пистолет.

— Чтобы защищать «галактики», — не растерялся Яр. — От всяких экспериментаторов... Кстати, любопытно узнать: кто вы такие? Жители Планеты или принесло вас откуда-то?

— Простите, Ярослав Игоревич, но про это я в самом деле не могу...

— И не надо, — устало сказал Яр. — Как-нибудь докопаюсь. В конце концов, ничего оригинального в вас нет. Еще в древние эпохи всякая нечисть прикрывалась словами о прогрессе.

Тот натянуто улыбнулся:

— В древние эпохи... Какой вы все-таки ребенок! Видимо, поэтому и нашли общий язык с теми четырьмя.

«Ах ты гад!» — тоскливо подумал Яр. Но спросил вежливо:

— Кстати, чем мы вам помешали? И почему вы как чушь боитесь числа «пять»?

— Но, Ярослав Игоревич...

— Что? Не уполномочены отвечать?

— Хорошо, я объясню. Население многих планет не может понять сути эксперимента, сознание гуманоидов цепляется за привычный образ жизни. Люди начинают мешать нам. Чаще всего это не страшно. Однако опыт показывает, что иногда в обществе создаются молекулы активного сопротивления. На данной планете — честное слово, не знаю почему, — это, как правило, группы из пяти человек. Антон природы какой-то... Конечно, и они почти не страш-

ны. Но если в такой пятерке один умеет связывать разные пространства, а другой — разведчик космоса... Видите, я с вами откровенен.

— Весьма, — сказал Яр. — Но чего вы боитесь теперь? Нас не пятеро, нас осталось только двое.

Тот растерянно мигнул.

— Ну... все равно. Присутствие человека из другого мира... В конце концов, это незаконно. Что вам здесь надо? Мы же не лезем в ваше пространство.

— Вы пробовали, — уверенно сказал Яр. — Не получилось.

— Да, — согласился Тот. — Но теперь уже не пробуем. И вы тоже оставьте нас.

— Хорошо, — сказал Яр. Неожиданно для себя. И без уверенности, что говорит правду. — Я уйду. Только вместе с мальчиком.

— Это невозможно, — быстро ответил Тот.

— Почему?

— Это сложный вопрос...

— Вы уже заметили, что я люблю ясные ответы.

— Отвечаю ясно. Вы вдвоем представляете ось, которая соединяет разные пространства. Нам ни к чему такая связь. Мальчик в любое время может вернуться и привести с собой кого угодно.

— А вы боитесь...

— А мы не хотим осложнений... Да и зачем мальчику уходить с вами? Что он будет делать в вашем благоустроенном мире?

«Это вопрос», — подумал Яр.

— Он и не согласится. У него есть причины, чтобы не покидать Планету, — сказал Тот.

«Возможно», — подумал Яр. И вздохнул:

— Тогда мы с вами не договоримся.

— О чем?

— О господи! О моем уходе.

— Но вы обещали!

— Я? Когда?

Тот задумчиво покачал трубу отопления. С нее посыпалась ржавчина. Тот заговорил жестко — в голосе не шелест песка, а хруст щебенки:

— Вы ставите нас перед необходимостью принять жесткие меры.

— Вы сумели напугать мальчика. Меня испугать труднее.

— Я не пугаю, а информирую, — с грустной ноткой сообщил Тот.

— Кстати, о мерах... Зачем вы так возитесь со мной? Что такое еще один человек при ваших-то масштабах? Почему вам попросту не прихлопнуть меня?

— А зачем... лишние жертвы...

— Я заметил, Тот, что врете вы неумело, вас слишком примитивно запрограммировали, — пренебрежительно сказал Яр. — Говорите уж прямо.

— Говорю прямо. Мы не можем. Вы человек из другого пространства. Программа эксперимента не позволяет...

— Кислое у вас положение, — усмехнулся Яр.

— Но мы можем другое, — опять с вкрадчивым шелестом сказал Тот. — В случае необходимости мы можем убить мальчика или одного из трех его друзей.

— Из трех?! — метнулся Яр. — Значит, они живы?!

Тот замигал, как провинившийся первоклассник.

— Я... не знаю. Я имел в виду тот случай, если они спаслись... Такую вероятность нельзя исключить до конца.

«Почему же ты, идиот, сам не подумал об этом? — сказал себе Яр отчаянно и радостно. — А Игнатик думал! Недаром он так расцвел, когда увидел пятилистник...»

— Если кого-то из них вы заденете пальцем, — отчетливо и медленно проговорил Яр, — создавать мыслящую галактику будет некому. Я тоже кое-что умею и не останюсь ни перед чем.

Тот вздохнул, выпрямился, чиркнул пальцем по трубе отопления. Она перерезалась — гладко и ровно, как тонкой ножовкой. Тяжелая батарея осела на пол. Труба качалась и со всхлипом втягивала воздух. Тот чиркнул по трубе еще раз — повыше первого среза. К ноге Яра покатилося железное колечко. И еще колечко. И еще... Тот нагнулся, смял в кулаке звенья батареи, отшвырнул ее, как ворох бумаги, и посмотрел на Яра.

— Не впечатляет, — сказал Яр. — В цирке я любил клоунов, а фокусников смотрел без интереса.

— Пожалейте вашего Игнатика, — предупредил Тот.

— Мне кажется, — проговорил Яр, — вы и его, и меня берете на испуг. Вы ничего не можете сделать ему, как и мне. Иначе бы давно сделали.

Тот пожал плечами и пошел по коридору. Спина его была прямая и неподвижная. В эту спину Яр бросил слова:

— Эй вы... Тот! Остановитесь.

Тот остановился. Повернулся к Яру всем туловищем. Лицо его было вежливым и бесстрастным.

— Еще один вопрос. Последний, — сказал Яр.

— Слушаю вас.

— Планета Земля, город Нейск, угол улиц Южной и Строителей, магазин «Спорттовары»... Это не вы стояли там в витрине, в башмаках с шипами и с ледорубом на плече?

— Нет, — очень спокойно ответил Тот. — Это был не я.

— Да, пожалуй... У вас физиономия поинтеллигентнее. Но весьма похоже... Ладно, прощайте.

— До встречи, — сказал Тот. И опять двинулся по коридору.

Яр посмотрел на перрон — никого. Посмотрел на часы — было ровно восемь вечера. Если верить кассирше, поезд отправится через три минуты.

«Наверное, Игнатик уже там, — сказал себе Яр. — Прозевал я, пока беседовал с глиняной скотиной...»

Он перемахнул через подоконник и легко упал на платформу.

Вагончики дернулись и сразу быстро покатали. «Черт, раньше срока...» Яр вскочил, бросился за поездом и прыгнул на висячую подножку.

2

Вагон был совершенно пуст. В нем стояли потертые желтовато-лаковые скамейки — как в старой электричке, на которой маленький Яська ездил с мамой на дачу к знакомым.

В полуоткрытые окна врвался встречный воздух, катал по полу пыльные окурки. Потом среди скамеек пробежал маленький спиральный вихрь, закрутил пыль, взметнул бумажные обрывки...

Яр сел у окна. Дребезжало треснувшее стекло. За окном низкое солнце кинуло на море широкую огненную полосу.

Яр не хотел сейчас метаться по вагонам и разыскивать Игнатика. В этом крылось что-то обидное — и для Игнатика, и для него. Яр был уверен, что Игнатик в поезде. Еще совсем немного, и они встретятся. И Яр ласково и твердо объяснит, что не надо бояться тех, которые велят. Яр и Тик будут вместе. Во-первых, потому что они нужны друг другу. Во-вторых, потому что так безопаснее. Те ничего не сделают Яру и ничего не сделают

Игнатику, если он рядом с Яром. И ничего не сделают Альке, Данке и Чите, если их спасло счастливое чудо.

Чудо?

Или какой-то закон, из-за которого эти манекены, одержимые космической гигантоманией, бессильны перед пятеркой друзей?

Алька, Данка, Чита... Боже мой, неужели есть надежда, что они живы? Тогда... тогда все меняется на этом свете.

Нет, надо скорее найти Игнатика и сказать ему обо всем.

Проходы между вагонами были открыты. Яр прошагал сквозь поезд туда и обратно несколько раз. Дергал дверки пустых туалетов, заглядывал под скамейки. На него оглядывались редкие пассажиры — все больше хмурые рыбацкие старухи с узлами и корзинами.

Не было Игнатика.

Яр опять сел у окна в первом вагоне. Похожее на помидор солнце тонуло в море, день угасал. И настроение угасло. Но в том, что Игнатик где-то в поезде, Яр был уверен по-прежнему.

Поезд пошел вдоль черно-ржавой стены со многими рядами круглых окон. Яр наконец сообразил: это борт громадного парохода, вздымающийся над береговой кромкой. Ну и великан! Кто его построил, зачем? Давно ли он здесь ржавеет?

«Опять вопросы, — подумал Яр. — И никаких ответов...»

Когда-то он с интересом читал фантастические книжки из коллекции Стасика Тихова. Многие из них рассказывали, как человек с Земли попадал на другие населенные планеты. На этих планетах царило зло и угнетение. Землянин храбро вступал в бой — то со сказочными драконами, то со злыми роботами, то с хитрыми диктаторами. И выходил победителем, освобождал планету. Иногда легко и весело, иногда после тяжких трудов и жертв. Но освобождал.

На самом деле пришельцы не могут освободить планету. Она, если хочет, должна освободиться сама. Планета огромна, пришелец мал, затерян, беспомощен. Он не знает ее законов...

Но Тот и его компания... Разве они не пришельцы?

Кто они такие? Могучая цивилизация или кучка авантюристов? Родились они здесь или пришли из глубины Вселенной?

«Это все равно, — подумал Яр. — Они несут Планете зло. Тот, кто несет зло, всегда чужой. Даже если он с этой планеты...

Такие встречались и на Земле. Во все времена. Сначала именем богов и владык, потом именем прогресса и любви к человечеству они делали все, чтобы уничтожить Землю и людей. Не удалось. Но не по их ли вине Земля стала похожа на подстриженный сквер с павильончиками для развлечений? Или я не прав? Что я знаю про нынешнюю Землю? Немногом больше, чем про Планету...»

Впрочем, эти мысли волновали Яра меньше, чем одна — конкретная и неотступная. О крепости. Рухнула крепость сама или ее обрушили те — чтобы покончить с опасной пятеркой?

Если те, это лучше. Тогда, возможно, сработал закон сопротивления, и ребята спаслись...

Поезд ушел от моря, потянулись заросшие холмы. Вечер сразу потемнел, зажглись желтые плафончики. В этом печальном свете и мысли у Яра сделались печальными. Он стал понимать, что на придуманные законы и на чудо надеяться не стоит. Крепость, скорее всего, сползла сама. Видимо, электрические разряды при нашествии как-то нарушили структуру берега... И нечего тешить себя надеждами.

А Тик, напуганный мерзавцем Тотом (или просто Тем?), будет убегать и прятаться бесконечно. Думает, глупый, что этим спасает Яра от беды...

Кто-то шаркающе подошел и кашлянул. Яр опять ощутил грудью прикосновение пистолета и медленно оглянулся. Рядом стоял старичок в мятой фуражке с засаленным гадуном. С зеленой повязкой на потертом рукаве.

— Билетик ваш? — попросил старичок.

— Нет у меня билета, отстаньте! — резко сказал Яр.

Старичок потоптался, поморгал и заговорил примирительно:

— Ну, нет так нет. Ругаться-то зачем? Сказали бы попросту, я разве не понимаю...

«Что это я? — ахнул про себя Яр. — При чем здесь старик?»

— Извините, папаша. Не успел билет купить, спешил...

— Ну и ладно, — покладисто отозвался старичок. — Не успел так не успел... — Он присел напротив Яра. — Если разобраться, то кому они нужны сейчас, эти билеты? Ты, главное, скажи по-человечески, я и пойму... А то вроде как тот мальчонка. Я подхожу, а он бежать...

— Какой мальчонка? — замирая, спросил Яр.

— Да шустренький такой, в рубашечке апельсиновой... Я говорю: «Ну куда ты скачешь-то? Я тебя разве буду ловить? Ты скажи по-хорошему да езжай дальше...» Ну, притих, успокоился...

— А где он сейчас?

— Тут он и есть, в соседнем вагоне прилег...

Яр поднялся и по-кошачьи пошел к тамбуру.

...В соседнем вагоне так же слабо горел желтый свет и дребезжали стекла. Вагон подпрыгивал на стыках. В такт этому подпрыгиванию вздрагивали мальчишечьи ноги — они торчали из-за спинки ближнего сиденья. Пыльные, в белых царапинах на загаре. В стоптанных полуботинках без шнурков. Яр вспомнил, что из шнурков Игнатик сделал тетиву для лука... Он перегнулся через спинку.

На голой скамейке — голова на согнутых руках — спал светловолосый остролицый мальчишка.

Яр смотрел на него с ощущением потери и усталости. И с невольной ласковостью. Пацаненок в порванной оранжевой майке был слегка похож на Игнатика.

Так продолжалось полминуты. Мальчик поднял веки, встретился глазами с Яром. Секунду лежал неподвижно, потом метнулся к выходу.

Яр постоял и пошел следом. Он чувствовал себя виноватым. На ходу он подумал: «А Игнатик-то, наверно, и не в рубашке, он же курточку с собой взял. Зря я гонялся...»

Он опять прошел поезд насквозь. Последний вагон заканчивался площадкой с навесом и перильцами. Под кромкой навеса горел яркий фонарик.

Мальчик был здесь. Он вскочил на перила, ухватился за витой столбик и быстро сказал:

— Я могу прыгнуть на ходу. Мне ничего не стоит.

Голос у него был тонкий, но не испуганный, а сердитый.

— Не надо, — отозвался Яр как можно спокойнее. Исел на откидное сиденье у двери.

Мальчик стоял, покачиваясь. Глядел сверху на Яра.

— Что вам от меня нужно? — спросил он потише.

— Ничего. Я искал не тебя. Я ошибся, извини... И не бойся.

Мальчик прыгнул на трясущийся пол.

— Я не боюсь ничего, не в этом дело, — сказал он очень серьезно.

— Зачем же убежал?

Мальчик сказал нехотя:

— Я тоже ошибся. Я думал, что пристанете с расспросами. Не люблю, когда много спрашивают.

— Я не буду, — пообещал Яр.

Мальчик сел на откидную скамеечку у другого косяка. Поставил на нее пятки, обхватил колени. Стал смотреть перед собой. Фонарик ярко светил ему на макушку, а лицо было в тени.

Из-под вагона убегали рельсы, они тускло отражали еще не совсем погасшее небо. Уплыл назад темный городок с острыми башнями и редкими огоньками. Мальчик тихо спросил:

— А вы кого искали?

— Такого же мальчика... Понимаешь, он уехал не прощавшись...

— Понимаю. А далеко уехал?

— Сказал, что до станции Мост.

— Куда? — звонко спросил мальчик. Опустил ноги и повернулся к Яру.

— До станции Мост...

— Ну, вы даете... — пренебрежительно сказал мальчик.

— А... что такого я сказал?

Мальчик пожал плечами.

— Я не здешний, — объяснил Яр. — Я многого не знаю.

Мальчик снисходительно спросил:

— Вы по правде верите, что такая станция есть?

— Да... По крайней мере, верил до сих пор... А куда же идет поезд?

Мальчик усмехнулся:

— Куда-нибудь...

— Но все-таки? С какой станции он отправится обратно?

— А зачем ему отправляться обратно...

Яр понял, что дальше спрашивать не стоит. Он беспомощно сказал:

— Тогда я не знаю, как быть. В поезде я его не нашел... Где же искать, если станции Мост нет?

— Да уж лучше сойти где придется, — посоветовал мальчик. — Там, где место покажется подходящим.

— Пожалуй, я так и сделаю, — устало сказал Яр. Его стала давить сонливость.

— Так и сделайте, — сказал мальчик.

Яр встряхнулся и опять посмотрел на него. Мальчик снова сидел, обняв колени. С локтя у него падали темные капли.

— Что это у тебя? На руке...

— А... Поцарапался, когда бежал. Там проволока торчит у тормоза.

— Ну-ка покажи... Ничего себе «поцарапался»!.. Дай, я хотя бы платком перетяну. Это ты из-за меня пострадал.

Мальчик скосил глаза на локоть.

— Ладно, перетяните.

— И промыть-то нечем.

Мальчик задумчиво сказал:

— Раньше раны смолой замазывали. Или порохом посыпали...

— Порохом?

«А в самом деле, он же стерильный», — подумал Яр. Вынул и положил на колени пистолет. Вытащил обойму.

— «Викинг», — не удивившись, сказал мальчик. — Хорошая штука, надежная.

Яр достал патрон, зажал в закаменевших пальцах пулю, раскачал, выдернул. Высыпал на ладонь серые зернышки.

— А в патронах для карабинов порох черный, — задумчиво сказал мальчик.

Яра что-то толкнуло:

— В учебных патронах?

Мальчик будто затвердел. Глухо молчал.

— Ну, извини, ты ведь не любишь лишние вопросы. Как бормотунчик, — сказал Яр. — Давай руку.

Мальчик подставил локоть. И, обмякнув, тихо проговорил:

— Они были не учебные. Просто они почему-то не срабатывали, когда нужно. Будто холостые...

Яр присыпал порохом глубокий черный порез, достал платок, разорвал на полосы. Вспомнил Альку — как он поранил ногу в фонтане, а Данка бинтовала.

«А может быть, они все-таки живы?»

Он стал перевязывать мальчику руку.

— Вам не жаль патрона? — спросил мальчик. — Их же всего семь в обойме.

— Что поделаешь?..

Над бинтом, у самого плеча, был у мальчика широкий шрам: пятно бугристо съезжившейся кожи.

— Где это ты так? — спросил Яр. — Ох, прости, я опять с вопросом...

— Ничего. Это ожог.

— Понятно... А можно еще вопрос?

Мальчик кивнул.

— В Городе, — сказал Яр, — есть узкая улица между стенами. Она ведет от площади с колоколами к башне. Как она называется?

— Так и называется: Башенная, — спокойно разъяснил мальчик, опуская на локоть трикотажный рукав. Но кажется, опять насторожился. Съежился.

— Тебе не холодно?

Он вздохнул:

— Мне не бывает холодно. Я даже не знаю, что это такое...

— А грустно бывает?

Мальчик опустил голову лбом на колени.

— Это похоже, — сказал Яр. — Грусть и холод.

— Тогда понимаю...

Мальчик посмотрел на темнеющее небо, и глаза его блеснули под фонарем.

— Сейчас летний воздух над всем полуостровом, — сказал он. — Завтра будет иначе. Даже снег пойдет к вечеру. Вот будет у ветров работа — разносить его... Но вы не бойтесь, это случайный летний снег, здесь бывает такое. Я вам говорю, потому что вы не здешний.

— Спасибо... А ты умеешь делать бормотунчиков?

— Умел. У нас все умели... А вы умеете играть на барабане?

— Умел... У меня в детстве был игрушечный барабан.

— Тогда послушайте: какой марш барабанят колеса?

— Ну, этого я не знаю...

— Сбор на площади, шеренги по пять, — сказал мальчик. — А вот и огоньки.

Поезд шел вдоль мохнатого от зарослей склона. Вверху замелькали то ли факелы, то ли маленькие костры.

«Один, два, три... четыре, — машинально сосчитал Яр. — Или пять?» Огни то вспыхивали, то терялись.

— Я пойду. Спасибо, — сказал мальчик.

— Куда?

Мальчик вскочил на перила. Яр испуганно качнулся к нему.

Мальчик легко прыгнул. И его словно отнесло ветром. Он встал, покачиваясь на упругих верхушках кустов. Будто совсем невесомый. Помахал Яру. И побежал вверх, не проваливаясь в чашу.

...Яр всю ночь провел на площадке. Даже поспал, навалившись на тряскую стенку вагона.

Потом он ехал еще полдня — голодный, утомленный и почти спокойный. Он знал теперь, что Игнатика в поезде

нет и поиски будут долгими. И начинать их надо там, где подсказет инстинкт. Если подсказет...

Поезд пошел по высокой зеленой насыпи. Вдоль нее развевался городок. Было в нем что-то знакомое, как в Орехове. Скорость заметно снизилась на подъеме. Яр застегнул куртку и прыгнул вниз, на травянистый склон.

3

Это был городок или поселок с ласковой тишиной на улицах. Кирпичная церковь с голубыми на обветшалой колокольне. Домишки с узорчатыми карнизами, длинные дощатые заборы. Вдоль тротуаров стояли клены, в их кронах было много покрасневших листьев.

Слабо пригревало солнце.

На косом навесе маленького деревянного крыльца лежал, свесив голову, громадный кот с зелено-серой шкурой. Домик с круглым итальянским окном и кот показались Яру знакомыми.

— Кис-кис... — шепотом сказал Яр.

Кот изо всех сил зевнул и отвернулся.

Яр улыбнулся. Он был спокоен, как человек, вернувшийся после трудного рейса в родные места. У него появилась уверенность: теперь все пойдет как надо. Он даже предчувствовал, что будет дальше. За одним из поворотов откроется море, он спустится к берегу, там стоит готовый к отплытию баркас. Два молчаливых рыбака распустят парус. При тихом ветре баркас пересечет бухту, и на ступенях маленькой пристани Яр увидит одинокого уставшего Игнатика. Возьмет его на руки и скажет:

— Больше не убегай, глупыш... Помнишь, я хотел покать тебя под парусом? Поехали...

Да, он верил, что так и будет...

Сначала ничто не говорило о близости моря. Но вот кончились деревянные домики, потянулся бульвар с белой каменной балюстрадой. На балюстраде густо сидели улитки. Это было похоже на уголок в курортном городке. Началась улочка с домами из ракушечника.

Быстро за вечерело. Стал опускаться медленный снег. Это был теплый ласковый снег, солоноватый на вкус. Он еще больше успокоил Яра. А море — Яр это чувствовал — было совсем рядом.

Яр оглянулся и не заметил ни одного прохожего. И не надо, сам найдет путь к берегу, без расспросов. Скорее всего, следует свернуть в этот переулок, сойти по сбитым

ступенькам на каменистую тропинку, обогнуть двухэтажный домик с балконом.

С удивительно знакомым балконом!

У балкона были железные перила с узором, напоминающим штурвалы. Их оплетали засохшие стебли вьюнков. Среди стеблей поблескивал подвешенный неизвестно зачем елочный шарик. Яр заметил этот блеск при свете одиночной лампочки, которая горела на столбе.

Он вспомнил. Его всегда занимала загадка: зачем среди вьюнков повесили елочную игрушку? А спросить было некого. Хозяева уехали в столицу и оставили домик в полное распоряжение Яра. И он, шестнадцатилетний, жил тогда на каникулах в этом домике один. Вернее, со своими планами на будущее и ненаписанными стихами. У моря... Еще не было Ратальской космошколы, не было приятелей-курсантов... А мамы уже не было. Только стояла на подоконнике мамина фотография.

Может быть, она стоит и сейчас?

Дверь была приоткрыта, окна не светились. Дом казался пустым.

Яр шагнул к утонувшему в сухой траве крылечку.

«Что ты делаешь? — сказал он себе. — Это не тот дом, не то море, не та Земля...» Но была такая крепкая уверенность, что в низенькой комнате на первом этаже стоит по-прежнему раскладушка с раскиданными по ней учебниками по астронавигации, притаился в углу старенький телевизор «Спартак», а на подоконнике, среди раковин и пестрых морских камней, в тонкой пластмассовой рамке — карточка мамы.

Если очень поверить...

Ведь поверил же Игнатик — и шагнул к Яру через пространство.

Яр пошел к двери. Тревожная мысль, что он сворачивает с нужной дороги, едва не остановила его. Но Яр сказал себе: «Всего-то несколько шагов...»

В темном коридорчике он зацепил плечом висевший на стене велосипед (так бывало и раньше!) и дернул дверь «своей» комнаты.

Комнаты не было.

Вернее, она осталась, только не было стены — той самой, с окошком, глядевшим на море.

Стена обрушилась — видимо, еще в давние времена. Яр видел перед собой сизую громаду моря с огоньком у горизонта, серые полосы снега в синих сумерках, темную бе-

реговую улицу, которая неровно спускалась к воде. Каменные глыбы, кочья сухих кустов.

«Ну что ж...» — подумал Яр.

Он по обломкам рухнувшей стены спустился на тропинку. Вышел на скалистую площадку, козырьком нависшую над улицей.

Снег шел и шел. Море было безмолвно. Яр чуть не задохнулся от одиночества. Уверенности, что его ждет баркас, уже не было.

Какой баркас? Откуда он возьмется?

Яр оглядел улицу. Она была пуста. Редко светились окошки. Но здесь — на площадке и других скалистых выступках — Яр увидел неподвижных и молчаливых людей. Стояли они и чего-то ждали. Это не разогнало его одиночества.

Послышался не то вздох тысячи людей, не то слитный шум неторопливых шагов. Слева, из тесноты домов, стала вытягиваться на улицу длинная толпа. Люди несли огни — маленькие факелы или очень яркие свечи. Издалека было похоже, будто по медленной реке кто-то пустил сотни игрушечных лодочек с фонариками.

Раздалось пение. Негромкое, но сразу наполнившее улицу и берег, потому что пело множество людей.

«Какой-то праздник? Крестный ход, что ли?» — подумал Яр.

Но тут же он понял, что поют не молитву. Это была просто песня. Слегка печальная, с неразличимыми, но, видимо, ласковыми словами.

Огоньки достигли середины улицы. Их было так много, что желтый отсвет упал на скалистый выступ. Яр увидел, что в трех шагах стоит пожилой человек в длиннополом пальто и широкой шляпе. У человека блестели очки и седые волоски в бородке. Он был похож на старого учителя или врача.

Яр мягко шагнул к нему. Вполголоса сказал:

— Простите, я не здешний. Что происходит?

— Колыбельная, — вздохнул старик.

Яр вопросительно молчал.

— Такой обычай, — тихо проговорил старик. — Поют колыбельную, когда хоронят ребенка.

Тоскливое предчувствие с размаху резануло Яра. Он скрутил его, сжал, мысленно обругал себя мнительным идиотом и неврастеником. Несколько секунд стоял, успокиваясь. Переспросил:

— Ребенка?

Старик покивал:

— Да, мальчика...

— Что же случилось? — опять слабея от страха, спросил Яр. (А колыбельная все нарастала, заливая улицу ласковой печалью.)

— Храбрый был мальчик, — сказал старик. Снял шляпу, отряхнул от снега и сунул под мышку. — Беда случилась. Двое ребятишек отвязали лодку, их стало относить от пристани, они испугались, попрыгали в воду. А плыть не смогли, маленькие. Мальчик и бросился за ними. Вытащил, а сам поскользнулся и головой о камни... Два часа только и прожил после этого... Славный такой мальчик.

— Вы его знали? — хрипло спросил Яр.

Старик покачал головой (на ней быстро таял снег).

— Нет... Его здесь никто не знал. Он шел откуда-то издалека и вот оказался на берегу...

Яр с заледеневшим сердцем стал спускаться к улице. Но он еще надеялся. «Ну, брось, — говорил он себе. — Мало ли какой незнакомый мальчик мог оказаться на берегу?.. С какой стати здесь быть Игнатику? Он наверняка проехал мимо этого поселка... Черт знает что с твоими нервами...»

По скользким от снега камням, через ломкие кусты и колючки Яр спустился к обочине. Женщины, мужчины и дети шли мимо. У них были большие пылающие свечи, они не гасли на воздухе. Колыбельная звучала слаженно, словно кто-то дирижировал хором. Только слов по-прежнему было не разобрать. Да Яр и не пытался.

Наверно, это была хорошая песня, если слушать ее не сейчас, не в эти жуткие минуты. А теперь она изматывала душу.

Яр пошел по краю дороги, обгоняя толпу. Он должен был скорее, скорее узнать: что там, кто там?

Люди втягивались в широкие двери каменного приземистого дома. Дом напоминал низкую церковь без башен — у него тускло светились очень узкие окна. А возможно, это был сарай для хранения рыбацких баркасов. Или какая-то мастерская...

Обгонять людей вблизи дома стало невозможно, они шли плотно, заполняя всю ширину дороги. Яр оказался в середине толпы. Кто-то дал ему свечу. И наконец он переступил порог.

Каменное здание внутри оказалось гулким и просторным (только у стен, кажется, лежали горбатые корпуса лодок). В дрожащем свете были смутно различимы под по-

толком переплетенные балки. Яр увидел это мельком и тут же забыл. Впереди — за десятками голов и ярких свечей — он разглядел серое возвышение. На нем чернела полоска маленького гроба, а над его верхним краем Яр увидел блое запрокинутое лицо.

Чье лицо? Издалека не различить.

«Не надо, — сказал Яр судьбе. — Ну, пожалуйста, не надо. Столько уже было всего... Хватит горя...» И тут же понял, что судьбе все равно. Если мальчик погиб, то для мира, для Планеты не важно, кто над ним будет горевать — Яр или кто-то другой. Какое у Яра право хотеть, чтобы горе обошло его и настигло другого?

Но Яр хотел. «Не надо...» — еще раз беспомощно сказал он. Осторожно, однако быстро и настойчиво он обходил людей, чтобы скорее оказаться там... ближе... все узнать...

Но два седых рыбака положили на гроб острую двускатную крышку. Тут же его подняли на носилки из весел и понесли к дверям — не к тем, в которые входила толпа, а в другом конце здания. Яр бросился вперед. На него заоглядывались. Закачались вокруг свечи. Яр сжал себя. Все равно ничего нельзя было сделать.

Из каменного дома толпа опять вытянулась на улицу. Здесь улица была сжата заборами. Гроб качался далеко впереди. Шли тихо, песни теперь не было. Теплое свечное сало капало Яру на руки.

Яр увидел рядом с собой девочку лет девяти. Чуть нагнувшись, Яр спросил:

— Как звали этого мальчика?

Спросил с отчаянным страхом, но неизвестность была еще страшнее.

Девочка подняла лицо. В ее глазах отразилась свечка Яра. Девочка негромко сказала:

— Он не здешний.

— Разве он не успел сказать, как его зовут?

— Успел...

— Ну... как? — простонал Яр.

— Нельзя же говорить, когда хоронят...

— Почему?

— За собой уведет... — Она еще посмотрела на Яра и, кажется, пожалела его, хотя и не знала, за что. Сказала, словно утешить хотела: — Там ведь написано будет на могиле...

Улица пошла в гору. Опять запели колыбельную...

«Это никогда не кончится, — с бессильным отчаянием

подумал Яр. — Это ловушка проклятой Планеты. Мы будем идти так бесконечно. И песня будет бесконечная...»

И страх будет бесконечным.

...Это кончилось. Улица привела к маленькому кладбищу над обрывом. Толпа растеклась под черными, очень высокими деревьями, окружила то место, где, кажется, была могила. Колыбельная все еще звучала, но тихо, без слов, будто люди пели, не разжимая губ.

Яр опять стал пробираться вперед.

Он добрался до могилы, когда над ней уже насыпали холмик. При пламени свечей земля казалась темно-коричневой.

В холмик врыли маленький желтый памятник. Люди стали гасить свечи и расходиться. Кто-то шепотом сказал Яру:

— Задуйте свечу.

Яр вздрогнул и задул. Уронил.

Кладбище быстро пустело, люди уходили молча, будто растворялись в темноте. Яр стоял. Над могилой горел одинокий огонек.

Никого не осталось вокруг, и тогда Яр подошел к холмику. Земля была завалена ветками и цветами. На них падал снег. Над холмиком стоял светлый столбик, от него пахло свежеструганным деревом. Столбик был оплетен вьюнком с черными цветами-колокольчиками. В дереве выдолбили гнездо-окошечко, и в нем горела свечка. Ниже окошечка проступали на свежем стесе неясные буквы.

Яр осторожно вынул свечку, замер на миг и поднес к надписи.

На дереве чернели выжженные слова:

ИГНАТИК ЯР

4

— Он сам так назвал себя. Он, видимо, хотел носить ваше имя.

Голос раздался за спиной. Он шелестел, как сыпавшийся песок.

Яр, не выпуская свечи, медленно распрямылся. Обернулся. Поднес огонь к лицу говорившего. Увидел глазированные щеки и неподвижные глаза под полями лаковой шляпы.

— Значит, это ваша работа, сволочи, — безучастно сказал он.

— Нет, скорее, ваша, — возразил Тот. — Вы преследовали мальчика, он уходил. Судьба привела его на этот берег.

— И здесь вы его убили.

— Нет. — Тот по-свиному моргнул, и его голос зазвучал доверительно: — Мы не могли убить, вы были правы. Но произошел несчастный случай, который оказался сильнее вас и нас.

— Я тебе не верю, — сказал Яр и ощутил, как наливаются в нем свинцовый гнев. И удивился: неужели можно еще что-то чувствовать, если Игнатика нет?

— Напрасно не верите, — сказал Тот и пожал плечами. — Какой смысл мне вас обманывать? Мальчик оказался на берегу, там у двух малышей отвязалась лодка...

— Вы ее отвязали, — с горькой уверенностью проговорил Яр. — Вы знали, что он кинется на помощь.

Тот опять приподнял плечи.

— Вы можете сейчас думать что угодно. И поступать как угодно... Впрочем, самое разумное для вас — это все же вернуться на крейсер. Хотите?

— Черта с два, — сказал Яр.

— Но что вам здесь делать? Мальчика больше нет.

Яр молчал.

— Или вы рассчитываете, что те трое спаслись из-под обвала?

— Рассчитываю, — сказал Яр.

— Ну и зря... А если и так? Зачем они вам? Какую вы можете поставить цель? Собраться впятером вам не удастся никогда. Вам больше не найти такого, как... — Тот посмотрел на холмик, — вот этот ваш адъютант.

— Я его не искал, — глухо сказал Яр. — Он меня нашел и позвал. И те трое. Пока есть надежда, что кто-то из них жив, я не уйду.

— Но какой смысл?

— С какой стати я должен разъяснять смысл своих поступков? Чтобы вам было легче устроить очередной «несчастный случай»?

— Вот уж нет, — слегка обиженно возразил Тот. — Ни ним, ни тем детям, если они вдруг живы, нечего бояться. В лучшем случае вас будет четверо. Теперь вы для нас абсолютно безразличны.

«Теперь безразличны», — тяжело отдалось в Яре. Он перехватил свечку левой рукой, а правую положил за пазуху.

Тот сказал:

— Вы разведчик космоса. В своем деле вы могли бы достичь еще многого. А вы остаетесь. Неужели вы так приязнаны к этим детям?

— Ты спросил бы об этом, когда отвязывал лодку, — тихо проговорил Яр.

— Я не отвязывал... Ярослав Игоревич, вам все-таки лучше уйти. Имейте в виду, очень мало шансов, что те трое уцелели. Очень мало... Зачем вам оставаться? Это чудовищно нелогичный поступок.

Яр вспомнил, как они впятером сидели на скамейке в сквере у цирка и ели розовое фруктовое мороженое. Оно сильно таяло. Алька закапал себе рубашку. Данка на него ворчала. Чита невозмутимо листал книгу, ухитряясь не уронить ни капли. Яр съел свою порцию раньше всех, и Тик шепотом спросил: «Хочешь, я тебе оставлю?»

«Оставь... немножко...»

Яр судорожно передохнул.

«Игнатик Яр, — подумал он. — Маленький ты мой...»
И достал теплый пистолет.

Посветил в глазированное лицо и нажал спуск.

Пистолет хлопнул негромко и как-то нехотя. Выплюнул бледный огонек. Затвор, помедлив, отошел назад, выбросил гильзу и с натугой послал в ствол второй патрон.

Тот стоял спокойно и глядел не мигая.

Яр со злостью снова надавил спусковой крючок, будто силой руки мог увеличить мощность выстрела. Опять выскочил желтый язычок огня, а следом за ним — пуля. Она ударилась о мокрое пальто Тота и упала в снег.

Яр отчаянно рванул крючок третий раз. Пистолет сработал с медлительным бессилием.

Тот поправил шляпу.

— В самом деле, какой же вы ребенок! — сказал он с сочувствием. Повернулся и стал уходить среди черных деревьев.

Догоревшая свечка обожгла Яру пальцы, и он уронил ее. С минуту стоял без мыслей. Потом подумал механически: «Что же с оружием?» Поднял пистолет и выстрелил вверх.

Грохот взорвал кладбищенскую тишину. Вспышка осветила ветки. Яр выстрелил опять. Заложило уши. При вспышке сверкнул оструганный столбик на могиле. Выстрел разметал снежные хлопья.

«Как салют по Игнатику, — горько подумал Яр. — А зачем он, салют?.. Даже отомстить не мог. Хлопушка...»

В «хлопушке» оставался один патрон. Он был бесполезен против врага, но годился для другого.

«Может быть, правда? Может, в самом деле — ствол к виску и свалиться на сырую, перемешанную со снегом землю? И в последний миг испытать облегчение, что все-таки здесь, рядом с Тиком... И тут же все забыть...»

Яр холодно прислушался к себе. Нет, он не хотел ничего забывать. И прежде всего — Игнатика. А как можно забыть про Данку, про Читку и Альку? Если они живы, он обязан быть с ними. «А зачем ты им нужен? — спросил себя Яр. — Ты был нужен, чтобы стать пятым. А сейчас?»

«Не знаю. Просто, кроме них, у меня никого нигде нет...»

«С чем ты к ним придешь? Вдруг опять принесешь несчастье? Игнатика не уберег... Что, если и на других накличешь беду?»

«Я их найду. А если окажусь не нужен, тогда и надо будет думать о «точке».

Яр спрятал пистолет. Шагнул к столбику, постоял, коснулся губами холодного дерева. Опять перехватило горло. «Никогда не плакал, — подумал Яр, — с тех пор, как умерла мама».

Снег перестал падать. В разрыв облаков глянула яркая половинка луны. Скользя и срываясь, Яр стал спускаться к морю.

5

Он провел ночь в незапертом лодочном сарае на краю поселка. Лежал на груде старых сетей. От них одуряюще пахло горькими водорослями.

Яр не мог заснуть. Он принуждал себя, он прибегал ко всяким хитростям, которые используют разведчики, чтобыставить себя отдохнуть несмотря ни на что. Но едва сон начинал обволакивать голову, в ушах возникала колыбельная...

Лишь перед рассветом Яр уснул. Вернее, провалился в черное ничто, будто умер.

Когда Яр пришел в себя, щели светились от солнца.

Было утро, и опять было лето. Камни и трава блестели от растаявшего снега. От камней поднимался пар, это означало, что день будет очень теплым. Яр сначала шел вдоль моря, а затем поднялся по откосу и двинулся через каменистое поле.

Вчера он не знал, куда идти. Не знал, что делать. Он в беспомощном, почти детском отчаянии подумал даже, что надо набрать у моря песка и сделать бормотунчика. И спросить совета. Но тут же вспомнил, что делать бормотунчиков не умеет... Яр постоял над морем, увидел среди облаков яркую звезду, вспомнил почему-то рассказ ребят про истинный полдень и решил, что завтра так и пойдет: между югом и юго-востоком.

Так он теперь и шел. Солнце светило ему в левую щеку.

В блестящей траве и кустах перекликались, трещали и свистели птицы. Иногда они вспархивали из-за камней и, словно пущенные из рогатки, темными комочками взлетали в зенит. И там тоже рассыпчато звенели птичьи песни.

Утру не было никакого дела, что вчера погиб Игнатик и его закопали у моря, над обрывом. Всей Планете не было до этого дела... Хотя — не всей. Люди, которые вчера хоронили Игнатика, — они горевали по-настоящему. Кажется, даже плакали. И тот старик... Как он сказал: «Храбрый был мальчик...»

«Гордые были мальчики», — вдруг перекликнулось в памяти у Яра. Когда это было, кто говорил?.. А, в баре «У Нептуна за пазухой», когда Черный Яков поставил пластинку с той странной песней... Чего они хотели, мальчики из Морского лица? Что с ними стало? Боевые патроны хлопали, как холостые... Пожар...

«Ничего не знаю, — подумал Яр. — Проклятая Планета. Она обманывает, она завораживает тем, что очень похожа на Землю. А на самом деле совсем не похожа... Сюди бы Стасика Тихова, он бы разобрался... Как он странно сказал тогда, перед уходом на Легенду: «Надоело... Ни одной планеты, похожей на нашу. И так мало похожа на Землю Земля...»

И Планета не похожа совсем...

Совсем?

А мальчишки?

А разве на Земле никогда не было восстаний?

«Гордые были мальчики...»

Зачем они расхватали карабины? Наверно, знали за-
чем. Знали, что правы.

Последнее утешенье —
Последний патрон в обойме.
Последняя горькая радость,
Что каждый из нас был прав...

Будто это про них — про Яра и про Игнатика...

И вот потому над Планетой
Шагает наш барабанщик,
Идет он, прямой и тонкий,
Касаясь верхушек трав...

Стало немного легче. Словно в самом деле над свер-
кающей травой прошел легким шагом тоненький мальчиш-
ка, оглянувшись на Яра, сказал глазами: «Ничего. Еще не все
кончено...»

Пришло странное спокойствие — как тогда, в пустом
Городе.

А что за Город?

Почему о нем молчат?

«Ничего не знаю», — опять подумал устало Яр.

Да и что он мог узнать про жизнь целой планеты за
месяц? В маленьком поселке среди добрых и вроде бы
исселых, но раз и навсегда чем-то напуганных людей? Что
он видел? Маленький полуостров, треугольный кусочек су-
ши между рекой и морем. С кем встречался? С несколь-
кими ребяташками да двумя десятками рыбаков.

Да с глиняным болваном, который умеет мять железо и
перехватывать пули.

С глиняным?

Болваном?

Яр на ходу рванул высокий мокрый стебель, ожег руку,
отшвырнул сорняк с комлем земли на много шагов.

«Ничего не знаю...»

«А наверно, есть на Планете люди, которые знают.
Может быть, есть страны и города, в которых не боятся
глиняных пришельцев... Или все сдались, как Феликс?
Надо идти, искать...»

«А какое ты имеешь право вмешиваться в жизнь чужой
планеты?»

«Имею. У меня был сын, его звали Игнатик Яр. Он
ярыт в этой планете, имею».

«И что будешь делать?»

Вот этого Яр не знал. Он очень хотел есть, и у него

кружилась голова. Не было никакого плана. Не было дома, не было друзей. Был только пистолет с единственным бесполезным патроном и несколько четырехрублевых бумажек.

«Но это лучше, чем ничего», — хмуρο подумал Яр.

К полудню он пришел в небольшой поселок на берегу тихой речушки.

Первое, что он сделал, — отыскал сельскую парикмахерскую. Показываться на людях с двухдневной щетиной — значит вызвать расспросы и подозрения. Молоденькая мастерица оказалась разговорчивой и любопытной. Поглядывая на диспетчерские шевроны Яра, она ворковала, что здесь, в этой деревне, так редко бывают моряки. А откуда моряк здесь появился и куда держит путь? Неужели в пути он (хи-хи-хи) не сумел ни разу побриться? Или он решил отпустить бороду, как у капитана в фильме «Королевский корсар», а потом раздумал?

Яр что-то наплел в ответ, не очень заботясь, чтобы девушка поверила. Она не поверила, обиделась и замолчала. Дергала бритвой и сердито прикладывала к порезам едкие примочки.

В тишине стали слышны голоса деревенской улицы: петушиные крики, стрекот мотоцикла, бляение козы. И еще — отдаленный ребячий гомон. Веселый и многоголосый.

— Что там за шум? — спросил Яр с непонятым для себя беспокойством.

— А здесь недалеко школа, — опять оживилась парикмахерша. — Большая такая школа, ребятишки со всей округи. Они сегодня мост ломают...

— Зачем?

— Старый мост. Новый недавно построили из камня, а деревянный, который совсем гнилой, отдали на дрова школе. Вот малышня его и разбирает.

«Станция Мост», — неожиданно подумал Яр.

Никакой станции здесь не было. И мост, разумеется, был совсем не тот. Но Яр заволновался, с трудом дождался, когда кончится бритьё, отказался от одеколона и шагнул за порог, не взяв сдачу у ошарашенной мастерицы.

Он пошел по тропке вдоль берега, поросшего большой травой с седыми головками семян. Головки уже высохли, семена распушились и слетали на темно-зеленую воду. Новый мост оказался рядом, на нем два парня возились с злостью, их ругали возчики столпившихся на

берегу подвод. Яр обошел телеги и двинулся дальше, на ребячьи голоса.

За купами деревьев, росших у воды, Яр наконец увидел, что происходило на старом мосту.

Этот мост представлял собой дощатый настил на двух бревенчатых опорах, очень покосившихся. Над настилом была возведена для прочности деревянная решетчатая ферма. На ее тонких, кое-где поломанных балках висели, качались и скакали десятка два полуголых ребятишек. Они весело вопили и расшатывали сооружение с явной целью обрушить его.

По обоим берегам носились похожие на растрепанных куриц женщины. Они жалобно и сердито кричали, чтобы немедленно прекратить безобразие. Они грозили директором, письмами родителям, исключением и даже, кажется, поркой.

Яр посочувствовал женщинам и подумал, не вмешаться ли, потому что игра в самом деле была опасная. Но тут мальчишки — по одному и стайками — попрыгали кто в воду, кто на берег. То ли возымела действие какая-то угроза, то ли они услышали предупреждающий треск дерева. Они с хохотом сыпались с моста и спешили от него подалее.

Только один пацаненок — в желтых трусиках, загорелый и блестящий на солнце — стоял наверху решетчатой фермы.

Мост начал скрипеть и оседать. Яр отчаянно бросился вперед, но не успел.

Ближняя опора смялась, превратилась в кучу прогнивших бревен. Ферма, лопаясь, затрещала, стремительно осела одним краем в воду. С пушечным грохотом полетели лопнувшие балки.

Но большинство балок выдержало. Решетчатая конструкция уцелела. Она только дрожала и покачивалась. А наверху все так же стоял мальчишка. В небрежной позе сошедшего с коня кавалериста.

Потом он странно вытянулся, неловко прыгнул в воду, выскочил на берег, кинулся к замершему Яру. Подскочил, отчаянно стиснул его мокрыми руками и ногами, уткнулся лицом в плечо. Зашептал со всхлипами:

— Яр... Ты, да? Яр... Ты нашел меня, да, Яр?

— Алька...

Глава шестая

АЛЬКА

1

Яр так и унес его, вцепившегося намертво, подальше от моста, за деревья. Опасливо оглянулся: не идет ли кто следом? Никто не шел. То ли от растерянности, то ли из-за деликатности.

Яр посадил Альку на траву, тот сразу схватил его за руку. Яр сел рядом.

— Ты меня нашел, — восхищенным шепотом сказал Алька. — Ты меня искал, да?

«Какая же я скотина!» — подумал Яр и сказал:

— Да... Алька... Алька ты мой, как же ты уцелел в крепости?

Он замотал головой так, что брызги полетели с волос.

— Ой, Яр... Я не знаю. Там все посыпалось, загремело, поехало куда-то — и сразу темно. Даже придавило чем-то, но я выбрался. А потом нашел какую-то дыру и какой-то длинный-длинный ход... Потом ничего не помню. Кто-то меня подобрал и сюда привез.

«Почти как Игнатик», — подумал Яр.

— А Данка, а Чита?

— Яр, я не знаю... — Алька глянул потемневшими глазами. — Ты их разве не нашел?

— Нет... Пока нет... Значит, тебя завалило одного, без них?

Алька чуть смутился.

— Я там отошел в закуточек такой... ну, по одному делу.. Яр, ты боишься, что они не выбрались?

— Теперь думаю, что выбрались...

— А Тик?

«Вот оно, — подумал Яр. — Как ему сказать?»

— Яр, а Игнатик?.. Яр!

Алька не стал плакать. Только прижался к Яру, будто озяб, и глаза у него сделались большущие и почти черные. Яр накрыл его своей курткой. Алька молчал долго-долго. Потом сказал медленно:

— Значит, они в самом деле есть, эти люди, которые велят. Я думал, это сказки.

«Может, не стоило ему говорить? — упрекнул себя Яр. — Но тогда как все объяснить?»

Впрочем, Алька не был испуган. В его голосе прозвучало

чала даже презрительная нотка — при словах «люди, которые велят».

Потом он опять помолчал и наконец проговорил, наморщив лоб:

— Что-то здесь не так...

— Что, Алька?

— Почему он погиб? Он не мог... Он всегда говорил, что мы доживем до ста лет, он верил. У него всегда получалось то, про что он верил.

— Не все зависит от нас, Алька.

— Я знаю... Но все равно... Я вот верил, что ты придешь. Я давно бы мог убежать и домой пробраться. Там, наверно, мама давно вернулась, меня ищет... А я не уходил, тебя ждал.

— А я и не знал, — виновато прошептал Яр.

— Но ты же все равно пришел!

— Ты молодец, что ждал... Вот если бы Игнатик тоже так же... Если бы не ушел, — с прорвавшейся горечью сказал Яр.

Алька глянул с удивлением и упреком.

— Он же не просто так! Он хотел добраться до сухого дерева!

— При чем здесь дерево?

— Разве ты не знаешь? Он решил разыскать нас всех, он хотел точно знать, что мы уцелели. И тогда бы мы опять нашли тебя. И было бы пятеро — и ничего нам не страшно...

— Понимаю... — пробормотал Яр. — Хотя не очень...

Алька терпеливо объяснил:

— На краю нашего города, на пустыре, есть дерево. Мы там играли... Да мы же тебе рассказывали! Помнишь? Про свечку! Ну вот. Сначала это было просто дерево, тополь, потом оно засохло, но мы все равно у него собирались... Это место хоть и далеко от дома, зато наше заветное. Мы так договорились, Яр: если случится что-то важное или если потеряем друг друга — бежать к сухому дереву.

— А почему ты к нему не бежал? Не пускали?

— Я же говорю: тебя ждал. Я знал, что ты найдешь меня здесь.

— Почему? — краснея, спросил Яр.

— Я догадался, что ты тоже на этом берегу. А тут перекресток дорог и школа. Мимо не пройдешь. Но если бы ты не пришел, я бы скоро убежал.

— К дереву?

— Ага... И к маме.

Яр осторожно спросил:

— Алька... ты думаешь, дерево уцелело при нашествии?

— А что ему делается? Оно же все равно сухое. Ну, может, обгорело, это неважно... Яр, мы все равно должны туда идти.

Яр молчал. Он опять не знал. Идти ли? А если что-то снова? Как с Игнатиком...

— Яр...

— Ладно, — сказал Яр. Все равно ничего другого придумать он не мог.

Но Алька угадал его неуверенность. Он встревоженно вскинул глаза:

— Яр, ты не уйдешь один, без меня?

— Нет...

— Тогда чего еще ждать? — Алька вскочил.

— А тебя отпустят из школы?

— Больно надо нам спрашивать!

— Алька, но неудобно же. Все-таки школа. Тебя хватятся...

Алька странно усмехнулся:

— Да?.. Ну ладно, может, так лучше будет. Пошли к директору...

Формальности заняли очень мало времени. Яр представился как житель Орехова, сосед Альки по дому. Сказал, что проезжал мимо, узнал мальчика и хочет увезти его домой, потому что мать ищет его и очень волнуется.

Директор — молодой, но лысый человек с костистым лицом — торопливо кивал:

— Конечно, конечно! Раз вы так решили и мальчик тоже просится... Мы ведь посылали запрос в Орехов, но сами понимаете... — Потом он понизил голос и объяснил виновато: — По правде говоря, мы только рады. Школа так переполнена... К тому же мы хотя и боремся с предвзвешенными, а к детям с той стороны отношение все равно не такое...

Он дал Яру расписаться в какой-то разлинованной книге. Потом, глядя в сторону, сказал:

— Вам лучше всего ехать на автобусе. До станции Мост...

— До станции Мост? — вырвалось у Яра.

Директор сделал виноватое движение спиной.

— Ну... это, разумеется, условное понятие... Вы, естест-

венно, можете сойти на берегу, где удобнее. А там уж... Да что я вам объясняю! Раз вы прибыли сюда из Орехова, дорогу знаете сами...

— Разберемся, — сказал Яр и посмотрел на Альку.

Алька — уже одетый, с курточкой под мышкой, с рюкзачком — нетерпеливо переминался рядом. Он почему-то усмехнулся и спросил директора:

— А когда автобус?

— Через полтора часа... Я пошлю кого-нибудь за билетами, а вы пока пообедайте в школьной столовой.

Они пообедали в гулком, заставленном столами зале. Ребята поглядывали на Альку и на Яра с завистью. Алька был серьезный и молчаливый. Упитанная тетка в синем халате принесла два желтых билета. Яр спросил, где автостанция.

— Я знаю, — нетерпеливо сказал Алька. — Пошли.

— Ты ни с кем не будешь прощаться?

— С кем надо, я попрощался заранее, — серьезно сказал Алька.

Они прошли вдоль каменной изгороди, окружавшей двухэтажные корпуса школы. Потом оказались на прямой улице, в конце которой был виден дом с башенкой и несколько бело-синих автобусов. Определенно автостанция. Но Алька дернул Яра за рукав и потянул в какую-то дыру в заборе. За ним росли кусты боярышника и начиналась тропинка. Она привела к речке, на берег, ниже старого моста. Здесь было очень тихо, только потрескивали крыльями стрекозы. Под нависшими ветками старой ольхи Яр увидел привязанный плот с шалашиком. Шалашик сливался с ветками, и разглядеть плот можно было только в двух шагах.

— Вот, — сказал Алька. — Это я приготовил давно, на всякий случай. Прыгай.

Яр послушно прыгнул на связанные бревна, они захлюпали.

— Алька, а зачем? Ведь билеты же...

— Покажи-ка.

Яр протянул глянцевитые бумажки. Алька не глядя скомкал их и кинул в течение. Сказал досадливо:

— Ты что, совсем глупый?.. Ой, прости. Но ты, честное слово, как дошкольник, Яр...

«Это мне уже говорили», — подумал Яр.

Алька бросил в шалашик рюкзачок и курточку, умело рванул веревку, толкнулся шестом. Плот вышел на середину речки.

— Главное, выбраться на большую реку, — деловито объяснил Алька. — Присядь, Яр, не торчи... Там, на реке, никто не будет знать, с какой мы стороны, никто и не привяжется. Просто не имеют права.

— Но... — начал Яр и понял, что спрашивать сейчас — это лишнее. Самое умное — слушаться Альку. И как же хорошо, что Алька здесь! И никак нельзя допустить, чтобы кто-то его отнял...

По обоим берегам сплошным темно-зеленым валом тянулись кусты. На воде покачивались кувшинки. Над кустами и кувшинками носились тучи стрекоз, просто безумствовали. Яр смотрел на них без радости: вспоминались свинцовые шмели, и опять подступила к сердцу тревога.

Течение было тихое, Алька подгонял плот, наваливаясь на шест. «Давай лучше я буду толкать», — хотел сказать Яр. В это время из кустов метрах в десяти позади плота вышла лодка.

В лодке сидели двое. Один — спиной к плоту, он греб. Второй — на корме — неотрывно смотрел на Яра. Он был тощий, с худым лицом и пышной шевелюрой. Шевелюра была нестерпимо рыжая.

— Остановитесь! — громко сказал рыжий.

Алька отчаянно оглянулся на Яра и налег на шест.

— Яр, помоги!

Яр подскочил.

— Куда вы увозите мальчика? — крикнул рыжий.

— Не ваше дело! — отозвался Алька. — Яр, толкай!

Яр толкнулся шестом о твердое дно, вода сразу забурлила, плот набрал скорость. Но лодка с веслами шла быстрее.

— Немедленно пристаньте к берегу! — потребовал рыжий официальным голосом.

— Не вздумай, — торопливо сказал Алька. — Яр, не вздумай. Если пристанем — тогда все...

Яр молча налег на шест.

— Я предупреждаю вас, — проговорил рыжий. Тот, что с веслами, сильно и равномерно греб. Под его курткой ровно ходили лопатки. Лодка приближалась.

Алька повернул к Яру сразу похудевшее лицо. Жестко проговорил:

— Как подойдут, ты их шестом. Сначала гребца.

— Я сделаю лучше, — сказал Яр и вынул пистолет. — Оставьте нас! — крикнул он рыжему.

— Вы ответите, — сказал рыжий.

Яр поднял пистолет и, когда весло на миг остановилось

при взмахе, выстрелил. Шейка весла разлетелась, лопасть поплыла. Рыжий втянул голову. Лодка завертелась, гребец сполз со скамейки на дно.

— Следующая пуля — по вам, — сказал рыжему Яр.

На лодке не знали, что следующей нет. Рыжий что-то закричал, гребец выдернул из уключины уцелевшее весло, начал грести им, не поднимаясь. Лодка неуклюже поползла к берегу, скрылась за кустами.

Яр посмотрел на Альку. Тот сидел на корточках, прижимая к ушам ладони. На лице его были восторженный ужас и восхищение.

— Как ты их, Яр... Вот это да!..

«А если бы как на кладбище? Если бы это оказались они?» — запоздало подумал Яр. И кинул в шалашик, на рюкзак, бесполезный пистолет.

— Теперь надо нажимать, Алька...

— Теперь не надо... — Алька, блаженно улыбаясь, стянул брезентовые башмаки, сел на краю, опустил в воду исцарапанные в боярышнике ноги. — Больше они не ползут, Яр.

— А кто они такие? Что им надо?

Алька пожал плечами. Потом оглянулся нерешительно:

— Яр... Я хочу спросить...

— Что, Алька? Давай спрашивай.

— Я... нет, потом... Ты садись. Через час нас вынесет на большую реку.

...Так и случилось. Минут через сорок берега стали расходитья, и скоро Яр и Алька увидели серебристый размах большой воды. По нему двигался в отдалении пароход.

Сзади тянул ветерок. Яр укрепил шест, как мачту, сделал из толстой рейки поперечину, растянул на ней свою и Алькину куртки, и под этим маленьким парусом плот медленно выплыл на середину реки.

Здесь течение было быстрее.

Алька что-то прошептал, загибая пальцы. Потом сообщил:

— Завтра до двенадцати будем у дерева.

В шалаше у Альки нашлось маленькое весло. Его привезли к шесту, получился хороший руль для плота. Яр постепенно увел плот с фарватера к правому берегу, чтобы не мешать пароходам и баржам.

Скоро завечерело. Яр испугался. Он подумал, что над рекой опять распахнетя желтый закат — и тогда подступит невыносимая желтая тоска. Но солнце нырнуло в си-

зое облако, и сразу пришли сумерки. По берегам и на встречном буксире замигали огоньки.

Алька вытащил пузатый керосиновый фонарь и спички.

— А то кто-нибудь налетит на нас ночью...

— Ты, Алька, просто капитан дальнего плавания, — с удовольствием сказал Яр. — Все предусмотрел.

— Ага, — серьезно откликнулся Алька. — Я много про всякие плавания читал... Я даже хотел в Морской лицей поступить. Только его, говорят, уже давно нету...

— Этот тот, где случился пожар? — спросил Яр.

— Ну да... — Алька подвесил зажженный фонарь над входом в шалашик, сел у плетеной стенки. Потянул за руку Яра, чтобы тот сел рядом. — Но пожар — это потом...

— А сначала? Восстание?

— Ага...

— Алька, расскажи. Я ничего про это до сих пор не знаю.

— А никто не знает, — вздохнул Алька. — Про это, Яр, всякое говорят, даже сказки разные. Но я теперь думаю: может, они против тех, кто... ну, в общем, этих... которые велят?

— Может быть. Только против них бесполезно идти с учебными карабинами. Да и с боевыми тоже...

— Ребята же не знали.

— Они все погибли?

— Почему все? Многие ушли в Город.

— В Город? Но лицей и так был в Городе!

Алька по-взрослому сказал:

— Нет, Яр, ты путаешь. Лицей был недалеко от Города, но не в нем. Он стоял ближе к морю... А Город ведь давно пустой.

— Алька, ты что-нибудь знаешь про этот Город?

— Ну... про него тоже говорят всякую путаницу. Никто не может сказать толком, что за люди там жили... Только знаешь что говорят, Яр? Будто те, которые велят, туда не заходят. Боятся.

— Боятся?

— Так говорят. Не знаю... Но обыкновенные люди тоже боятся. Какой-то страх там на всех нападает...

— Чушь, — сказал Яр. — Нет там никакого страха. — И чуть не добавил: «Спроси Игнатика...»

Он помолчал, вспоминая мальчишку на пустой площади с колоннами — того, кто нарисовал знак со стрелой. И еще одного — на вагонной площадке, когда колеса выбивали марш барабанщиков и так же, как сейчас, качался

в сумерках фонарик. И еще — свой сон про песчаный обрыв и Юрку... Потом он спросил:

— А где ты все это слышал, Алька? Про Город, про восстание...

— У нас в той школе по вечерам обо всем болтали. Когда уже все лягут и свет погасят. Сказки всякие, ну и такие вот истории... Конечно, если воспитателей близко нет или директора.

— А что, строгие порядки?

Алька посопел и сказал:

— Не очень. Но за разговоры знаешь как влетало... Особенно от директора. Такая свинья...

— Да что ты? А мне он показался деликатным таким, тихим.

— Он тихий. Тихий гад... Никогда не кричит. Заведет в кабинет, спокойненько так, с улыбочкой, потом как врежет...

— Разве есть такой закон, чтобы бить ребят?

Алька опять посопел.

— Закона-то нет. Зато у него есть скакалка. Ну, шнур такой с ручками, чтобы прыгать через него? Знаешь?.. Резиновый. Как вытянет по ногам...

— И тебя? — тихо спросил Яр.

Алька вздохнул.

Яр искренне сказал:

— Вот в кого надо было всадить последнюю пулю. От тех дураков на лодке отбились бы и шестом.

Алька оживился и весело подтвердил, что, конечно, отбились бы.

— Алька, а все-таки кто они были?

— Откуда я знаю?

— Но ты же заранее боялся, что будут преследовать. Выходит, знал...

— Я знал, что будут, но не знал кто. Яр, я просто чувствовал... А ты разве не чувствовал? Директор за билетами послал, а у самого глаза бегают. Да и вообще... опасно кругом.

— И сейчас? — с тревогой спросил Яр.

Алька беспечно зевнул:

— Не-а... Сейчас пока нет.

Быстро спустилась безлунная ночь. Залила одинаковой чернотой небо и реку. Только звезды роились вверху, а внизу светились белые и красные огоньки фарватера. Плот со своим круглым фонарем повис посреди большой темно-

ты. Тихо хлюпала невидимая вода. С берегов пахло травами и сырым песком.

— Пойди поспи, — сказал Яр. — Я подежурю.

Алька послушно полез в шалашик, но через несколько минут выбрался опять. Уселся на корточках на прежнем месте, под фонарем. Съежился так, что побитые колени торчали рядом с ушами. Яр накрыл его с головой своей курткой. Алька благодарно повздыхал.

Яр для порядка шевельнул веслом и сел рядом с Алькой.

— Мы с тобой, как Джим и Гек Финн...

— Кто? — Алька выставил из-под куртки лицо.

— Джим и Гек Финн. Про них книжка есть. Не читал?

— Не... А про что там?

Яр коротенько рассказал. И добавил:

— Но она длинная. Потом сам считаешь.

Алька с сожалением проговорил:

— У нас такой книжки, наверно, нет. Это у вас, на Земле.

— Ну почему? Есть же «Зверобой» Купера. Помнишь, у Читы? В точности такой же, как я в детстве читал... Здесь, Алька, много всего «в точности»...

— Но еще больше не так, да?

— Да...

— Яр... В нашей спальне один парнишка был, постарше нас. Он много про все знал и рассказывал. Он один раз такую историю рассказал непонятную. Будто наша Планета раскололась.

— Как это?

— Будто давно была большая война... Ну, она правда была... И люди бросили на один город бомбу. Такую страшную, что сразу всего города не стало и всех людей. И Планета не выдержала, раскололась на несколько планет...

— И что же? Они разлетелись в разные стороны?

— Да нет же! Она не так раскололась... Она осталась; но как будто на одной сразу несколько планет, и жизнь на каждой пошла по-разному... Я это сам не понимаю, но, когда он говорил, я понимал... Яр, может, наша Планета и твоя Земля такие вот расколотые?

— Может быть, — подумав, сказал Яр. — По крайней мере, это объяснение не хуже других...

«И может быть, где-то есть еще Земля или Планета, где люди живут умнее и лучше, чем мы? Настоящая Земля...»

— Алька?

— Что, Яр?

— Слушай Алька... Про что ты хотел спросить меня? Тогда, днем? А потом раздумал. Или забыл?

— Нет, помню...

— Про что же?

— Ты... Яр, ты, наверно, рассердишься. Или засмеешься надо мной...

— Нет, Алька, ни за что. Честное слово.

Он повздыхал, повозился под курткой, спрятал лицо и проговорил тихонько:

— Ты совсем точно знаешь, что Игнатик умер?

Яр не ответил. Что он мог ответить? Он положил руку на Алькин затылок, и так они долго плыли молча. Яр провожал глазами огни встречных пароходиков. Потом он сказал:

— Поспал бы ты, Алька.

— Ладно. Только я тут, с тобой.

Он и правда уснул, приткнувшись к Яру. А Яр со страхом понял, что к нему явственно, вплотную подходит память о прошлом вечере. О свечах, пылающих в сумерках, о колыбельной. Колыбельная зазвучала так, будто совсем рядом пел в темноте слаженный хор.

Тогда Яр сделал усилие и переключил память на другую песню.

Когда мы спрячем за пазухи
Ветрами избитые флаги
И молча сождем у берега
Последние корабли...

Тоже грустная песня, но все же в ней не было такой безнадежности. Это была песня повстанцев.

Так, под эту песню, Яр и просидел всю ночь. До яркого золотого рассвета.

Утром они позавтракали хлебом и огурцами из Алькиного рюкзачка. И скоро, раньше, чем ожидал Алька, появились по правому берегу предместья Орехова.

— Ой, смотри, вон труба старой пекарни! — шептал Алька. — Только она обугленная, и верхушка обвалилась... А водонапорная башня целая...

Еще не было видно самого города и обрушенной крепости, они скрывались за поворотом. Но Алька сказал, что туда плыть и не надо. Они пристанут к берегу раньше, сразу за старой баржей.

Потом он вдруг притих, печально съежился на краю плота.

— Ты что, Алька?

— Я думаю, как там мама...

Как можно бодрее Яр пообещал:

— Все будет в порядке, не грусти.

Алька, видимо, поверил. Улыбнулся.

Плот прошел вдоль скользкого от зелени борта полупотопленной баржи. И сразу Яр подогнал его к берегу — к желтой песчаной полоске. Алька подхватил рюкзачок, прыгнул на песок и пошел, нетерпеливо оглядываясь на Яра.

Мимо кривых заборов с колючей проволокой наверху, мимо штабелей старых ящиков, мимо куч железного хлама они вышли на обширную поляну, поросшую сурепкой.

Посреди поляны стоял ствол тополя с растопыренными вверх, обломанными сучьями. Это было сухое дерево.

Под деревом сидел с книжкой Чита.

2

Чита положил в траву книгу. Снял очки. Хотел пойти навстречу спокойно, только не выдержал, побежал. Облапил сразу Яра и Альку. Потом оторвался, сказал немного сердито:

— Ну, наконец-то! Теперь уже четверо. Только Тика нет.

Яр отвел глаза. Алька своим брезентовым башмаком стал пинать траву.

Чита посмотрел на того, на другого, насупился и объяснил:

— Он еще не приходил, в дупле нет его записки. Но он все равно придет.

Яр сказал через силу:

— Не придет Игнатик...

Пока Чита слушал про все, что случилось, у него было странное лицо. Не печальное, а напряженное: будто он не мог что-то понять. Или что-то вспомнить. Потом он сказал:

— Непонятно это.

— Что, Вадик? — мягко спросил Яр.

— Непонятно, почему он погиб. Тут что-то не увязывается.

— Это всегда не увязывается, Вадик.

Чита обмяк, растерянно завертел очки. Видимо, наконец поверил.

— А у Данки мама погибла. Тогда, при нашествии, — сказал он.

«Сами-то вы как уцелели?» — хотел спросить Яр. И не стал. Потом как-нибудь... Он спросил:

— А что с Данкой?

— Живет одна теперь.. Ничего...

Алька сказал, запинаясь:

— Чита, а моя мама... Ты не слыхал?

— В порядке твоя мама, — грубовато, как-то не по-своему ответил Чита. — Только извелась вся. Ты давай беги к ней.

— Ага, я побегу! Яр...

— Беги, беги...

— Потом приходи к Данке, — сказал Чита. — Хотя постой. Надо оставить в дупле записки, твою и Яра. Что вы тоже пришли.

— Для кого? — спросил Яр. — Мы пришли уже все четверо. Больше некого ждать.

У Читы досадливо шевельнулись брови.

— Все равно... так надо. У нас такой обычай.

Он достал из нагрудного кармана карандашик и свернутый листок. Оторвал две бумажные полоски.

— Яр, напиши свое имя. Надо, чтобы ты сам... Алька, напиши... Вот, я книгу подставляю, пишите на ней...

Книга была «Рассказы» какого-то А. Рысина. Яр и Алька на ней, как на столике, приладили бумажки и написали имена. Яру было не по себе... Очень грустно и непонятно: что же будет дальше?

Алька умчался, уже не оглядываясь на Яра. Понятное дело — к маме. Что ему теперь Яр?

Чита поразительно ловко, не помяв отглаженных брюк, забрался по бугристому стволу до первого сука, торчавшего, как одинокая лапа. Сел на него.

— Здесь дупло...

Он, перегнувшись, сунул руку в глубь ствола. И как-то странно замер.

Казалось бы, долгое ли дело положить записки? Но Чита сидел целую минуту, словно что-то нащупывал в дупле. Потом прыгнул с трехметровой высоты.

— Вот странная штука, — сказал он с напряженной улыбкой. — Там в дупле внизу мох и труха всякая, и мне всегда казалось, что под ней что-то круглое, только было лень раскапывать. А теперь раскопал. Смотри... — Он про-

тянул на ладони синий мячик с тремя белыми полосками. — Вот куда залетел...

«Неужели тот самый?» — подумал Яр.

Мячики так похожи друг на друга... И прошло столько лет...

Яр все же улыбнулся. Даже сказал:

— Вот здорово...

Чита поднял из травы книгу и надел очки.

— Пошли к Данке, Яр.

Он зашагал впереди, читая и в то же время играя мячиком: стукнет им о натоптанную тропинку и поймает... Яр опять подумал: как много дел может делать Чита, не отрываясь от книги. Да и читает ли он? Может, просто прчет за книжкой то, что думает и чувствует?

— Вон Данка идет навстречу, — сказал Чита.

И Яр увидел на краю пустыря Данку.

Она была подросток, похудевшая, в каком-то сером печальном платьице. Яр такой и ожидал ее увидеть.

Данка заулыбалась навстречу:

— Ой, Яр... Здравствуй, Яр! Наконец-то... Яр, ты один?

— С Алькой. Он к маме побежал... Яр говорит, что Игнатик погиб, — сразу сказал Чита. Ну и правильно, что сразу.

У Данки погасли глаза.

— Я будто чувствовала...

Она медленно повернулась и пошла по тропинке. Яр и Чита — по сторонам от нее, по шелестящей траве. Так они дошли до переулка с кривыми домиками. Некоторые домики были обугленные, без крыш. Данка молчала.

— Я вот... смотри, — осторожно проговорил Чита. — Мячик наш в дупле нашел.

Данка посмотрела без интереса.

Чита сник. Даже книгу опустил.

Данка сказала:

— Тут автобусная остановка недалеко. Поехали ко мне, что ли... Я вас покормлю чем-нибудь... Яр, а у меня мама умерла.

— Я знаю, Данка.

«Ну, вот и все», — подумал Яр. Оттого, что всю ночь не спал, голова у него была тяжелой. Но еще тяжелее было на душе. Вот он пришел. И что дальше? Зачем он этим ребятам? Зачем он здесь вообще? Воевать с неведомой силой? Один воевать не может. Дело не в том, что нужны союзники. Дело в том, что вообще нельзя одному, надо, чтобы тебя кто-то любил... Было хорошо, когда позвали ре-

бита. Но они играли. Теперь игра кончилась, ее разбило настоящее, не игрушечное горе. Игнатика не вернуть. Данку не утешить. Алька, не оглянувшись, убежал к маме. Наверно, ему хватило страшных приключений. Чита... Его не поймешь: чего он хочет, чего ждет?

Они подошли к остановке — к бетонной площадке с кривым столбиком и ржавой табличкой. Стало пасмурно, ветер гонял по бетону сухую пыль.

«Зачем я здесь? — думал Яр. — Для ребят я только обуза...»

Подошел обшарпанный, валкий автобус. Почти пустой.

— Садись, Яр, иди вперед, — сказала Данка. — Подем.

«А куда? Что будет потом?.. Видимо, Тот был прав: надо было тогда, еще на вокзале, уйти...»

На миг острое сожаление, что он здесь, а не на крейсере, обожгло Яра. Сзади нетерпеливо дышал Чита. Яр машинально шагнул в автобусную дверь. Навалилась давящая темнота. Яр отчаянно мотнул головой. Стало светло. Он оглянулся на захлопнувшуюся дверь автобуса: а ребята?

Автобусной двери не было. Была стальная дверь гермошлюза.

3

Капитан Виктор Сайский сидел в кресле прямо и смотрел мимо Яра. В стеклышках старомодного пенсне Сайского блестели крошечные отражения плафонов. Длинные несущатые пальцы Сайский держал на подлокотниках. Когда он говорил, указательный палец правой руки слегка поднимался и опускался — будто отмеряя слова.

— Ярослав Игоревич... При всем уважении и доверии к вам я вынужден сказать, что вы поставили нас в крайне трудное положение...

— Именно? — спросил Яр. Он все больше хотел спать.

Капитан беспокойно шевельнулся. Его худое лицо с блестящими залысинами и рыжеватой щеточкой волос на миг потеряло уверенность. И все же он сказал твердо:

— При всей боязни оскорбить вас должен прямо заявить, что вашу историю мы не можем принять всерьез.

— Говорите только за себя, капитан! — звонко и дерзко вмешался второй штурман и разведчик Дима Кротов. Он сидел рядом с Сайским, но сейчас дернулся, словно хотел придвинуться к Яру.

Старший астронавигатор Олег Борисович Кошка, рыхловатый и нерешительный, возился в кресле, виновато уставившись в пол. Иногда шумно вздыхал.

— Я говорю от себя и от имени вверенного мне экипажа, — сказал Сайский. — Мы на суперкрейсере дальней разведки, а не в студенческом клубе, Кротов. Мы несем службу поиска и должны принимать за истину только доказанные вещи и явления.

— Где же я, по-вашему, был? — отгоняя сонливость и начиная злиться, спросил Яр.

— Я как раз и хотел услышать это от вас. Где вы были, когда отсутствовали на борту крейсера в течение сорока трех минут?

— Это смешно, в конце концов... На кой черт мне развлекать вас сказками?

— Понятия не имею, — сухо, но искренне произнес Сайский. — Очевидно, есть причины, о которых мы не догадываемся... Я, как капитан, настаиваю, чтобы вы их изложили... или привели доказательства, что ваш рассказ — правда.

— Я привел. Вот фотография...

Олег Борисович Кошка нерешительно поднял голову.

— Яр, голубчик, это же несерьезно... Обыкновенные дети... Милые такие, веселые, живые. Абсолютно земные ребяташки...

«И одного из них нет», — подумал Яр. И сказал:

— Они и есть земные.

— Вот видите, — отозвался Сайский.

— Я не в том смысле... Просто они такие же.

— Все это противоречит современным космологическим концепциям, — сказал Сайский.

— А мне плевать, что противоречит, — безнадежно сказал Яр.

Сайский взял со стола снимок, долго разглядывал. Потом спросил:

— Почему же не сработал сигнал тревоги? Он реагирует на малейшее изменение нормальной обстановки. Вы говорите — пришел мальчик. Сигнал должен был отозваться на появление постороннего лица.

— Игнатик не хотел шума, — сказал Яр не Сайскому, а себе.

Сайский помолчал. Яр взял со столика и снова бросил на него четырехкопеечную монетку.

— Это — тоже обычная вещь? Таких никогда не было на Земле.

Веснушчатый палец Сайского забарабанил по твердо-му подлокотнику невпопад словам.

— Ярослав Игоревич... Я скорее готов предположить, что и монеты, и ваш костюм, и снимок, и даже пистолет системы «викинг» изготовлены специально... для такой вот инсценировки... чем поверить в существование вашей Платы.

— Да зачем нужна Яру инсценировка?! — подскочил в кресле Дима Кротов. — Подумайте, капитан! Зачем?

Сайский снисходительно сказал:

— Не знаю. Может быть, для розыгрыша. Может быть, для сенсации. Или для создания какой-то своей научной версии. Может быть... В конце концов, я не могу прочитать мысли Ярослава Игоревича. Но мне легче заподозрить любого человека в любом умысле, чем поверить столь фантастическим объяснениям.

— Значит, — медленно проговорил Яр, — все эти вещи я приготовил заранее, а потом прятался в укромном уголке, чтобы создать «эффект отсутствия»?

— Это все же правдоподобнее, чем...

— А сигнал? — крикнул Дима. — Если бы Яр не ушел с корабля, а просто спрятался, аварийный сигнал не включился бы!

— Вот и странно, — пробормотал Олег Борисович. — Пришел мальчик — сигнал не включился. Исчез Яр — сигнал сработал.

— Значит, я перестроил и схему сигнала, — усмехнулся Яр. — В запломбированном отсеке... Да-да, это все же правдоподобнее, чем... Знаете, Сайский, вы зря стали капитаном. По двум причинам: во-первых, ваша логика не в состоянии перешагнуть установленные рамки. Во-вторых, вы не верите людям.

— Как можно не верить честному слову скадермена?! — воскликнул Дима.

Сайский не взглянул на Диму. Он стиснул подлокотники и тихо сказал Яру:

— Могу ответить вам тем же: вы плохой скадермен... Если верить вам, вы ушли с корабля вслед за незнакомым мальчиком. Таким образом, вы без разрешения оставили корабль во время вахты. Покинули экипаж в рейсе, не обеспечив замены, и тем самым...

— Вы не учитываете обстоятельств! — вспыхнул Яр.

— И вахты не было, был автоматический режим, — вмешался Дима.

— Я учитываю обстоятельства, — жестко проговорил

Сайский. — Увидев, что мальчик действительно уводит вас с корабля, вы обязаны были остаться в отсеке, не переступить порог... И теперь требуете, чтобы я верил вам.

— Мне, собственно, все равно, — устало сказал Яр. — Можете не верить.

— Странно, что вам все равно. Если я поверю, то вынужден буду отстранить вас от обязанностей и подвергнуть аресту за дезертирство.

— Меня? — сказал Яр и встал.

«Надо же, — подумал он. — Я и не знал, что еще могу так злиться. А ну, спокойнее».

— Вы не сделаете этого по трем причинам, капитан Сайский, — очень-очень вежливо проговорил он. — Арестовать может лишь равный по званию или тот, чье звание выше. Я же, если сравнивать с боевыми рангами старого флота, имею звание, подобное вице-адмиральскому. На моем парадном мундире (а они до сих пор не отменены) на два шеврона больше, чем у вас. Это первое... Во-вторых, устав СКДР не предусматривает наказаний за дезертирство во время рейса — хотя бы потому, что оно не представляется возможным. И в-третьих, я просто не уверен, что позволил бы вам арестовать меня. Тем более что вы не встретили бы поддержки у некоторых членов экипажа. — Он мельком взглянул на Диму.

Сайский, откинувшись в кресле, снизу вверх смотрел на Яра. На веснушчатом лице капитана мелькнула тень улыбки.

— Меня остановило бы, пожалуй, только второе соображение. В самом деле, устав не предусматривает... А можно задать неофициальный вопрос, Ярослав Игоревич?

— Валяйте, — нервно сказал Яр и сел.

— Если то, что вы говорите, было... тогда... вас не смущала мысль, что вы бросили крейсер, бросили свое дело?

— Не смущала... Я думал об этом. Но я оставил крейсер без умысла. А дело, которое пришлось мне делать там, важнее того, что здесь. Я охранял детей, которые звали меня для защиты... Я делал это плохо. Отвратительно. Я был нерешителен, глуп и беспомощен. И это сейчас мучит меня больше всего... И хватит об этом.

— И все же... — Сайский снял пенсне. (И Яр вспомнил, как Чита снимал очки, но у Читы глаза оставались острыми, а у Сайского стали растерянными.) — И все же... Вы ради этого оставили главное дело жизни. Которое было вашим долгом.

— Какое?

— Открывать новые планеты.

— Я открыл свою планету, — сказал Яр. — Жаль, что не судьба...

— Но вы утверждаете, что это не новая планета, а та же Земля...

— Землю иногда тоже надо открывать заново... Когда-нибудь вы убедитесь в этом. Увидите, что мы слишком забыли про нее... И не скажут ли потом, что все мы дезертиры?

— Смелое утверждение...

— Печальное утверждение.

— Собственно, кто дезертиры? Мы, скадермены?

— «Скадермены»! — усмехнулся Яр. — Элита человечества, космическое дворянство... Нет, я имею в виду всех жителей Земли.

— За что же вы их так? Люди сделали нашу планету цветущей.

— Планета — не клумба... Вам не кажется, что люди разучились любить?

— Это неправда, Яр! — воскликнул Кротов.

Яр улыбнулся:

— Я не имею в виду вас, Дима... И я не про ту любовь. Я про ту, где тревога и боль друг за друга...

— Если люди счастливы, зачем боль-то? — нерешительно сказал Олег Борисович. — Яр, голубчик, ты что-то не то...

— Да, пожалуй, — согласился Яр. — Только всегда ли они счастливы? А что, если однажды мы вернемся, и... Впрочем, такие дискуссии не предусмотрены уставом СКДР...

Сайский встал.

— Олег Борисович, прошу вас, еще раз проверьте систему для выхода из режима. Дмитрий Васильевич, вас прошу быть в рубке на вахте.

— Но ведь до выхода еще семнадцать часов! — строптиво сказал Дима.

— Это сейчас не имеет значения. Мы возвращаемся на Землю. В силу чрезвычайных обстоятельств.

— Что чрезвычайного вы усмотрели? — утомленно спросил Яр. — Почему нельзя продолжать экспедицию?

— Это позвольте решать мне, Ярослав Игоревич. А вас я попросил бы незамедлительно написать подробный рапорт о случившемся. Надеюсь, вас это не затруднит?

— Затруднит, — сумрачно сказал Яр. — Я не могу... сейчас.

— Что ж, отдохните... Только прошу: если у вас возникнет намерение вновь покинуть крейсер, не делайте этого без предупреждения.

— Вам угодно иронизировать?

— Отнюдь...

— У меня не возникнет такого намерения, — с трудом сказал Яр. — Потому что мальчик, который приходил за мной... он уже не придет. Я вам говорил... — У Яра перехватило горло. — И вы, капитан... И поэтому... я сейчас не могу писать рапорт. И подите вы к черту...

Сайский опустил глаза.

— Извините, Ярослав Игоревич...

— Простите нас, Яр, — сказал Дима Кротов и ушел из кают-компании в рубку.

— Яр, ты... правда... отдохнул бы, — пробормотал Олег Борисович и, оглядываясь, побрел к выходу.

Сайский опять сел.

Яр отошел к иллюминатору. За стеклом была панорама, изображающая березовый перелесок. Пластиковые листики вздрагивали от струи вентилятора. Пластмассовая божья коровка сидела на блестящих лепестках очень ровной ромашки. Яр закрыл глаза и уперся кулаками в теплое стекло.

— Яр! — громко и странно позвал его Дима. — Ярослав Игоревич!

Яр оглянулся. Дима — бледный, с какой-то неловкой улыбкой — стоял в дверном проеме рубки.

— Яр, там... к вам...

Дима шарахнулся от метнувшегося в рубку Яра.

В рубке смешались электрический и солнечный свет. У отодвинутой двери гермошлюза переминался с ноги на ногу сумрачный Алька.

Глава седьмая

БУРАН

1

Снова было похоже на июнь. Вокруг голубятни лежал ковер цветущих одуванчиков. Дальше цвела сурепка и еще какие-то солнечные цветы. От них весь пустырь казался

ярко-желтым. Одуванчики качались под теплым ветром. И квадратная тень голубятни шевелилась на них, как живая.

По одну сторону тени стоял Яр. По другую Алька. Друг на друга они не смотрели. Яр поправлял под курткой ремень блика. Алька расковыривал дырку на своей трикотажной фуфайке. Потом он быстро глянул из-под ресниц и жалобно попросил:

— Яр... ну, прости, а?

Яр сопел, дергал пряжку — ее заело.

— Ну, Яр...

— Ага, теперь «прости», — пропыхтел Яр. — Надо было думать...

— Я больше не буду, — по-настоящему виновато сказал Алька. Почти по-настоящему.

— Ага, «не буду»... За твои слова знаешь что? Драть надо как следует...

Алька опять стрельнул глазами из-под пшеничных ресниц, совсем понурился и вздохнул:

— Ну... ладно. А потом простишь?

— Видно будет. Иди сюда, — деревянным голосом сказал Яр.

Алька, загребая башмаками одуванчики, побрел через тень голубятни. Остановился перед Яром. Полная покорность и раскаяние.

Яр хмыкнул, взял в пятерню отросшие Алькины волосы, качнул туда-сюда покаянную голову, подхватил Альку, взметнул над собой.

— Вот заброшу балбеса на голубятню...

Алька радостно заверещал, задрывал ногами, роняя, как всегда, башмаки. Сказал с высоты:

— Не-а! Не забросишь.

— Это почему?

— Потому что ты уже не злишься.

— Злюсь! — рявкнул Яр.

— Не!..

— Откуда ты это взял?

— Ну... потому что ты же понимаешь... что сам виноват... — И Алька испуганно заморгал.

Яр опустил его в одуванчики.

— Ах, значит, я виноват?

— То есть я... Но ты тоже... немножко.

— Тьфу на тебя... Тоже мне психоаналитик, — проворчал Яр.

Алька смотрел преданно, весело и бесстрашно. Яр ни-

чего не мог ему возразить. Потому что он и в самом деле был виноват. По крайней мере, с точки зрения Альки. Недаром Алька так заорал тогда, в крейсере...

Ой-ей-ей! Яр никогда не думал, что веселый и ласковый Алька может так яростно и беспощадно орать.

Когда прошла первая радость, когда Яр выпустил Алькины плечи и с усмешкой оглянулся на обалдевших членов экипажа, Алька сказал коротко:

— Почему ты сбежал? Пойдем.

Яр понял, что надо решать. Немедленно и навсегда. И... начал глупо и жалобно говорить, что он там, наверно, лишний и лучше будет, если...

Вот тут Алька и взорвался.

— Ты что! — закричал он, исходя яростью и слезами. — Сперва наобещал, а теперь... Какое ты имеешь право?! Врал, что никогда не уйдешь, а сам!.. Пошли сейчас же!!

— Но, Алька...

— Не пойдешь?! — бешено крикнул Алька. — Тогда... Тогда ты самый паршивый дезертир, вот кто!!

Стало тихо. Лишь в Альке kloкотало гневное, смешанное со слезами дыхание. И в этой тишине случилось неожиданное. Капитан Сайский начал ржать. Интеллигентный, безукоризненный Сайский уронил золоченое пенсне, бухнулся в кресло и стал не смеяться, а непотребно ржать, как загулявший рыбак в баре у Черного Якова, услышавший какой-нибудь пудовый анекдот...

Сквозь сумятицу мыслей, сквозь обиду, растерянность и досаду на себя, сквозь щемящую нежность к негодующему Альке и радость оттого, что он пришел, сквозь злость на идиота Сайского до Яра смутно дошел комизм положения.

Сайский, всхлипывая, сказал:

— Клянусь субпространством, такого не было в космосе за всю историю полетов... Ярослав Игоревич, вдумайтесь: вы в любом случае оказываетесь дезертиром. Так что уж идите с мальчиком. На Земле вас, по крайней мере, хоть как-то оправдают.

«Бред какой-то, честное слово», — беспомощно подумал Яр. Но отозвался сухо:

— Позволено мне будет взять кое-что из личного имущества?

«Боже мой, что это я говорю? И что опять делается?»

— Почему же нет? — отозвался Сайский. — Даже и по

из личного... Возьмите блик. Судя по всему, он не будет для вас лишним.

— Но... — Яр иронически взглянул на капитана. — Не выглядит ли это как «вооруженное вторжение на планету с неизвестной цивилизацией»?

— Откуда я знаю? — серьезно сказал Сайский. — Здесь явно непредусмотренная ситуация. Будем решать на свой страх и риск... Только давайте, Ярослав Игоревич, составим подробную запись в вахтенном журнале. Своего рода акт о вашем уходе. — Сайский оставался Сайским. — И еще вот что... — добавил он. — Пусть Кротов сделает фотоснимок всех нас вместе с... нашим гостем. Это лучше, чем четырехкопеечная монета. Я говорю о доказательстве случившегося, на тот случай, если...

— На тот случай, если я не вернусь, — усмехнулся Яр. Он был уверен, что не вернется.

И теперь они стояли под голубятней. И хитрый, негодный Алька, почуяв слабину в Яре, выговаривал:

— Ушел — и крышка. А как мы без тебя, подумал?

— Неужели ты, балда, решил, что я ушел нарочно? — огрызнулся Яр.

— А откуда мы знали?.. Чита даже читать перестал, ходит, как вареная макарона. Данка ревет целыми днями...

— Как... целыми днями? Сколько же времени прошло?

— Как сколько? Ты сам не знаешь? Почти три месяца.

Яр присвистнул. «Побеседовали в кают-компании... Хотя, конечно, так и должно быть...»

— То-то, я смотрю, ты вырос...

Алька в самом деле стал выше. Старенький трикотажный костюм сделался короток: штаны до щиколоток, из-под фуфайки смешно выглядывает голый живот, загорелый и расцарапанный, — видно, Алька лазил на дерево.

Яр посмотрел на ствол высохшего тополя. Его могучие сучья были опилены на одном уровне. На них-то, как на растопыренных пальцах, и стояла теперь голубятня.

— Как она здесь оказалась? — спросил Яр.

— Это другая. Та сгорела. Мы набрали досок и построили новую, почти такую же... Здесь лучше, спокойнее. Людей меньше.

Яр присел на чемоданчик. Поставил Альку перед собой. Посмотрел снизу вверх в его потемневшие распахнутые глаза, беспокойные и требовательные.

— Алька... А как ты сумел до меня добраться?

Он смущенно и чуточку гордо улыбнулся:

— Я старался... Я очень хотел... И ребята просили...

— Раньше это мог только Игнатик...

Алька серьезно сказал:

— Я теперь многое умею то, что раньше Игнатик...

Только свечку зажечь не могу.

— Ну, Игнатик тоже не мог, если бы не было пятерых.

Алька досадливо мотнул головой.

— Не в этом дело... Я никогда не смогу. И никто не сможет. Это один Игнатик мог, это его... Яр, смотри, Данка идет и Чита!

Они подошли спокойно, будто заранее договорились о встрече. Данка вертела в пальцах ветку цветущей сирени. Чита был без книги. С мячиком в руках.

— Ага, появился, — сказал Чита радостно и все же с тенью упрека.

— Здравствуй, Яр, — улынулась Данка.

— Вы подросли, — сказал Яр.

— За лето всегда подрастают, — согласилась Данка.

— А я не успел даже выспаться, — виновато проговорил Яр. — У меня всего два часа прошло.

Данка не удивилась.

— Здесь уже осень, — сказала она. — В этом году такая замечательная осень! Обычно в это время уже снег идет, а сейчас будто вторая весна. Одуванчики... И сирень снова зацвела... Смотрите, ребята, сколько в ней цветков с пятью лепестками. Прямо сплошь...

— У нас это считалось, что к счастью, — вспомнил Яр.

— А у нас говорят, что к беде, — сердито усмехнулся Чита.

— Но это неправда, — вмешался Алка.

— Конечно, неправда, — мягко сказала Данка. — На самом деле хорошо, если пять... Будто Игнатик знак по-дает...

Тоска по Игнатику опять резанула Яра. Он отвернулся, чтобы скрыть от ребят лицо. У них-то минуло три месяца, а для него и двух суток не прошло с той ночи на кладбище...

Но и ребята запечалились. И чтобы встряхнуть их и встряхнуться самому, Яр громко спросил:

— Ну, похитители скадерменов, что будем делать дальше?

— Как что? Жить, — сказала Данка.

— Просто жить?

— Не просто, — тихо и удивительно жестко сказал Чи-

та. — Будем учиться. Будем спокойно и подробно все узнавать про этих гадов. Кто они и зачем они. И какое против них есть оружие.

«Вы же дети», — чуть не возразил Яр. И не возразил, потому что не было смысла: они решили.

— Наверно, это придется делать долго, — сказал Яр.

— Ничего. Зато потом... — сказал Алька и незнакомо сузил глаза.

«А как быть с пятым? Нужен нам кто-нибудь?» — чуть не спросил Яр. И не решился. Он спросил о другом:

— А все-таки... что делать мне? Ни крыши, ни работы... Я здесь никто.

— Крыша есть, — отозвался Чита, — а работы в городе сколько хочешь. Например, можешь стать учителем. Хочешь?

— Каким же учителем? Я не знаю ни истории здешней, ни географии.

— Можешь быть учителем физкультуры, — предложил Алька. — У тебя вон какие мускулы.

Яр вздохнул:

— Мускулы... А меня возьмут?

Данка серьезно сказала:

— Сразу. Сейчас в школах так не хватает мужчин...

— Я смотрю, вы все обдумали.

— Ага, — сказал Алька.

Неожиданно потемнело. Солнце укрылось в сером облачке с косматыми краями. Следом за этим облачком тянулись еще, а ближе к горизонту выростала хмурая туча. Сразу стало зябко.

— Снежные тучки-то, — озабоченно проговорила Данка. — Пошли, а?

Яр подхватил чемоданчик.

Над пустырем прошелся резкий ветер и принес издалека, от тучи, первые снежинки. Алька съежился и взял себя за плечи. Он один был одет по-летнему, остальные в куртках.

— Давайте к автобусу, — скомандовал Чита.

Они торопливо зашагали через пустырь. Цветы оставались яркими, солнечными, хотя стало совсем пасмурно и снег летел все гуще.

Ветер принес льдистый холодок. Алька запрыгал, как козленок.

— Вадик, возьми чемодан, — сказал Яр. Подхватил Альку на руки, прикрыл его широкой полой куртки, ускорил шаги.

— Ну чего, я сам... — для порядка буркнул Алька.

— Не дергайся.. Давайте, ребята, скорее... Вадик!

Но Чита стоял в непонятной позе: замер, согнувшись и подняв к самым глазам чемоданчик Яра.

— Смотрите...

Яр и Данка встревоженно подошли.

— Снежинки, — сказал Чита. — Как цветки на сирени...

У снежинок был четкий узорчатый рисунок. Сказочные шестиконечные звездочки, как на новогодних открытках. Но... не только шестиконечные. Яр увидел, как на черную искусственную кожу села звездочка с пятью концами. Потом еще, еще...

— Видите! — с непонятным торжеством сказал Чита. Что-то пошептал над снежинками, сдул их, махнул чемоданом и торопливо зашагал впереди всех. Потом весело обернулся: — Данка, ты держи Яра перед автобусом! Чтобы он опять не пропал...

2

Шмели пронеслись над городом полосами. Они обуглили землю, деревья и здания. Деревянные дома стояли обгорелые, а каменные были словно изъедены кислотой или миллионами червей. Их стены превратились в сизый ноздреватый шлак. Но многие кварталы оказались не задеты нашествием, жизнь в них шла самая обычная.

От старой голубятни остались только обугленные столбы. Забор вокруг большого двора тоже сгорел. Кирпичное здание переплетных мастерских чернело пустыми окнами. Но двухэтажный деревянный дом уцелел. И, как в июне, двор пестрел одуванчиками. Только сейчас на них сыпался снег.

Данка жила на первом этаже. В маленькой двухкомнатной квартире, похожей на ту, в которой жил когда-то Валерка Дымов. Яр даже увидел на стене коврик с оленьями — такой же, какой висел над кроватью Валеркиной мамы...

Яр бухнул Альку на кровать, накрыл курткой и сказал Данке:

— Грей чай. Надо оттаивать этого обормота.

— Вадик, поставь чайник, — распорядилась Данка. И когда Чита ушел, она сказала Яру: — Вот в этой комнате ты будешь жить.

— Я? В этой?

— Да... Раньше это мамина комната была. Теперь будет твоя... Ой, а если тебе не нравится, можешь в той...

— Мне нравится, — неловко проговорил Яр. — Но... это ничего, что я... у тебя?..

— Конечно, ничего! Ой, Яр, да мне все равно когонибудь подселили бы. Сколько домов сгорело, а я одна в двух комнатах.

Яр вздохнул и сказал прямо:

— Данка, я не об этом. Ты вон какая... уже почти взрослая. Скажут: поселился у девушки, в женихи метит старый хрыч.

Данка улыбнулась, поправила платице, чуть порозовела. Но ответила спокойно:

— Никто не скажет. Я уже всем объяснила, что ко мне дядя приезжает, мамин брат.

— Ну и ладно, — решительно сказал Яр. — Тем более что деваться мне все равно больше некуда.

Он повесил на спинку стула блик. Стул скрипнул, тяжелый аппарат закачался у пола на длинном ремне.

Вошел Чита. Сразу спросил:

— Это что? Электродрель?

— Сам ты дрель, — сказал с кровати закутанный Алька. Он был немного в курсе. — Не трогай эту штуку. С ходу разнесешь полгорода в пыль...

Очки у Читы блеснули.

— Правда?

— Неправда, — сказал Яр. — Полгорода не разнесешь. У этой штуки направленный удар. Старая система: боевой линейный излучатель Кузнецова.

Чита заложил руки за спину и присел перед бликом на корточки.

Яр достал из кармана помятую фотографию, поставил на стол. Прислонил к вазочке с веткой сирени. Чита поднялся. Все смотрели на снимок. Алька сказал:

— Тетка Игнатика куда-то уехала из города, навсегда. Если бы он... был... он бы, наверно, остался жить с нами. Вот здесь...

Они помолчали. Чита сходил на кухню и вернулся с чайником. Данка достала чашки.

— Садитесь...

Они долго сидели и разговаривали. Сначала у стола, потом на кровати, где опять устроили закутанного в куртку Альку (он все еще зябко вздрагивал). Сначала рассказывал Яр — про все, что с ним было после обвала. По-

том ребята — как жили без Яра. Потом опять Яр. Потому что Чита попросил:

— Расскажи еще раз про этого... который Тот.

Когда Яр снова, с подробностями, поведал о встрече на вокзале (про кладбище повторять не стал), Чита сказал хмуро и пренебрежительно:

— Глиняные болваны.

— Не болваны, — вздохнул Яр. — И далеко не глиняные.

— Все равно глиняные болваны, — упрямо повторил Чита. — У них логика глиняная... И хотят, идиоты, чтобы получилась мыслящая галактика с глиняными мозгами.

— Откуда они все-таки взялись? — вздохнула Данка.

— А я знаю, — сказал Алька. — То есть... Ну, мне так представилось... Вот стоит город, живут в нем люди, все нормально, и вдруг взрыв! Тот большой взрыв, бомба, которая расколола планету...

— Знаешь, Алька, если планета раскололась, то гораздо раньше этого взрыва, — перебил Яр. — Еще в очень давние времена...

— Ну, может быть. Я не про то... Вот взрыв! И люди все погибли, а вот эти... они были просто манекены в магазинах... Они ожили от атомных лучей. И решили, что теперь наступила их пора хозяйничать. Наверно, подумали: раз люди такие бестолковые, что сами себя сжигают...

— Как же эти манекены сделались такие сильные и ничего не боятся? — возразила Данка.

— Они боятся, — сказал Чита. — Цифры «пять» почему-то боятся. Яра боятся, Игнатика... боялись... И еще многого, только мы не знаем.

— Боятся заходить в Город, — вспомнил Яр.

— Говорят, после большой войны была еще одна: между левым и правым берегом, — сказала Данка. — Вот с той поры люди и не любят переходить реку, хотя давно никаких войн...

— А при чем здесь Город? — не понял Яр.

— Город тогда очень долго сопротивлялся осаде. Все люди в нем погибли, но взять его чужие солдаты так и не смогли. Не знаю почему... Но опустел он не тогда, а позже.

— Не совсем опустел, — сказал Яр. — Все-таки он живой.

— А не уйти ли нам всем туда? — спросила Данка вполне серьезно.

— А мама? — сказал Алька. Покраснел и испуганно посмотрел на Данку. Она слабо улыбнулась.

— Про Город есть сказка, — заговорил Чита. — Будто в него ушли барабанщики. Мальчишки вроде нас. Когда лицей горел и повстанцы отступали, барабанщики остались их прикрывать...

— Кто же оставил их, самых маленьких? — спросил Яр.

— А кого они спрашивали?.. Они стояли шеренгой и барабанили все марши, которые знали. И враг этих маршей боялся и не мог подойти...

— Какой враг?

— Не знаю... Но он боялся. А когда марши у ребят кончились, налетел сильный ветер, просто ураган, и все окутал пылью. И барабанщики исчезли в этом вихре. Говорят, они сами превратились в ветерки и живут теперь в Городе... Яр, ты их не встречал?

— Встречал, пожалуй, — сказал Яр.

Алька вздохнул, закутался в куртку по уши и тихо проговорил:

— А может, Игнатик тоже стал ветерком? Улетел от тех и стал...

— Ну и что хорошего? — печально спросила Данка.

А Чита сказал:

— Ветерки, они хорошие. Только что они могут?

— Многие могут, — как бы заступаясь за Игнатика, сказал Яр. — Корабли гонять, пожар раздуть. А если вместе, они — ураган.

— Раздуть пожар могут, — тихо проговорил Чита. — А маленькую свечку зажечь не смогут. Это может только живой Игнатик... Яр, ты уверен, что Тик умер?

Яр вздохнул. Он знал, что ребята не верят. Точнее, не совсем верят. Но надо было отвечать честно.

Яр сказал:

— Я был на его могиле.

И снова тоской сдавило сердце: «Игнатик Яр...»

За окнами темнело и шелестел ветер. Снег не кончался.

Данка поднялась и сказала, что надо думать об ужине. Как народ отнесется к макаронам с консервами?

Народ отнесся положительно.

— Вот и отлично. Потому что все равно больше ничего нет. Даже хлеба... Вадик, ты сходишь в булочную?

— Мы ходим с Яром, — сказал Чита.

— И я! — подскочил Алька.

— А ты разденешься и залезешь под одеяло. И нику-

да не сунешься до завтра. Смотри, все еще трясешься...

— А мама что скажет?

— Я зайду, предупрежу ее, — пообещал Чита.

— Сговорились... — пробурчал Алька. Но послушно отдал Яру куртку.

Чита сказал Данке:

— В ближней булочной хлеба наверняка нет. Мы пойдем на Тополиный спуск, но там, конечно, очередь. Не волнуйтесь, если мы задержимся.

— Лучше идите на Южную. Это дальше, зато там народу меньше.

— Пожалуй, — согласился Чита и глазами показал Яру на блик.

Яр понял. Приладил тяжелый излучатель под курткой.

— Зачем это? — забеспокоилась Данка.

— На всякий случай, — беспечно разъяснил Чита. — И для того, чтобы здесь к этой штуке никто не лез и ничего не нажимал.

— Я что, ненормальный? — обиделся Алька.

— Пошли, Яр, — сказал Чита.

3

Вечер был серый, и полосы летящего снега тоже были серые. Теперь ветер гнал не снежинки, а хлопья.

Чита поднял воротник у курточки и сказал:

— Яр, у меня к вам важный вопрос.

— Я чувствую...

— Вы ведь разбираетесь в радиоаппаратуре?

— Думаю, что да...

— У меня родители одно время работали на городском почтамте. Я часто приходил к ним, меня везде пускали... Яр, там на верхнем этаже есть аварийная радиостанция. Сейчас почтамт пустой и электричества, конечно, нет. Но у станции автономное питание, аккумуляторы. Может быть, они сохранились...

— Ну... допустим, сохранились, — осторожно сказал Яр и ощутил тяжесть блика. — И зачем же нам станция, Вадик?

Он поморщился и жалобно попросил:

— Не называйте меня Вадиком. Чита я и есть Чита...

— Данка же называет, — улыбнулся Яр.

— Это Данка...

— Ладно. А ты перестань говорить мне «вы». Сколько можно?

— Хорошо... Яр, вы... ты как видел Игнатика в тот раз... когда хоронили? Близко?

«Опять», — подумал Яр и неохотно сказал:

— Издалека.

— Ты его узнал?

— Я же говорю: было далеко... Неужели ты думаешь, что тысяча людей устроила для меня спектакль? Зачем?

— Не люди, а те... Люди не знали, а тем не трудно устроить обман. Они обманывают всю Планету.

— Но зачем бы они стали обманывать меня?

— Как зачем? Чтобы вы... чтобы ты убрался с Планеты.

— Ты надеешься, — горько сказал Яр, — что Игнатика они где-нибудь спрятали, а похоронили куклу?

— Почему бы и нет? — сердито отозвался Чита. — Они сами куклы. Что им стоит?

Чтобы задавить в себе бесполезную надежду, Яр проговорил беспощадно:

— Нет. Им проще было сделать, чтобы он погиб. Раз и навсегда.

— Яр... Ты же сам говорил, что они не могут это сделать, если нас пятеро.

— Но Игнатик не знал, что вы живы...

— Зато те знали. К тому же Игнатик догадывался...

— Кроме того, это был несчастный случай.

— Подстроенный случай — тоже убийство... Яр...

— Что?

— Яр, а вдруг Тик живой и они держат его где-нибудь взаперти? А он и не старается вырваться, потому что они сказали, будто ты ушел с Планеты... Совсем ушел...

— Он доверчивый, — сказал Яр. — Но этому он бы не поверил.

— Яр, ты не обижайся... но ты же по правде ушел.

— Это получилось, потому что Игнатика нет, — через силу сказал Яр.

Чита опустил голову, долго шел молча. Хлюпал ботинками по раскисшему на асфальте снегу. Потом хмуро спросил:

— Почему ты боишься надеяться?

— Потому что... — глухо сказал Яр, — надежда погибнет — и будет еще страшнее.

Чита удивленно вскинул голову и снял очки.

— Страшнее? — звонко спросил он. — Что может быть страшнее для Игнатика, если он погиб? Или вы боитесь и себя, Яр?

— Дурак! — крикнул Яр. Жалобно, зло и с непонятным облегчением. — Чего я боюсь?! Я...

— Вот почтайт, — сказал Чита.

Почтайт был знаком по Нейску. Три этажа, полукруглые окна, башня с квадратными часами. Левое крыло здания было изъедено огнем и шмелями, камень превратился в сизую губку. Правая часть и центр с башней уцелели, только на башне покосилась решетчатая антенна. Окна выбиты, нигде ни огонька.

— Почтайт. Ну и что? — насупленно сказал Яр.

Чита переглотнул. Прищуренно посмотрел на антенну.

— Если станция цела, можно дать сигнал... Яр, сразу по всем каналам! «Тик, мы живы, мы тебя ждем!» Нас попытаются заглушить, но сразу не успеют.

— Чита, но если он... если, ты говоришь, его держат взаперти, разве он услышит радио?

— Он все равно узнает. Вся Планета будет знать, узнает и он... Яр, он услышит. Он даже траву умеет слушать, даже снег...

«Он говорит умеет, а не умел», — подумал Яр. У него редко и глухо стало толкаться рядом с бликом сердца.

Чита смотрел на Яра требовательными глазами стрелка. И сказал:

— Даже если это самый маленький шанс...

Сумрачный вечерний свет входил в громадные разбитые окна, и в залах стояли серые полусумерки. Чугунные лестницы плавными разворотами вели с этажа на этаж. Ступени гудели под ботинками, эхо тоже гудело в пустой громаде здания — от подвала до башни. Кафельные полы были усыпаны бумагами. Сквозняки шевелили их.

Чита сказал на ходу:

— Может быть, это смешно... Знаешь, Яр, я попросил снежинок-пятилистных рассказать про нас Игнатику. Если ветры донесли их к нему. Но радио, конечно, надежнее. Яр промолчал.

На верхнем этаже Яр и Чита прошли несколько больших комнат, заставленных телеграфными аппаратами. Шелестели бумажные ленты, катались под ногами наполовину сгоревшие свечи. Такие же свечи стояли у аппаратов и на подоконниках, посреди лужиц застывшего стеарина.

— Смотри-ка, — уважительным полусшепотом произнес Чита. — Электричества уже не было, а люди все равно дежурили. При свечах...

Здесь, наверху, было как-то уютнее. Почти все окна оказались целыми, не гуляли сквозняки. В одной из комнат за панелью громадного коммутатора трещал неизвестно как выживший сверчок. Казалось, коммутатор включен и ждет вызова, хотя из панели торчали оборванные провода.

Чита привел Яра к обитой жостью двери.

— Вот здесь...

Дверь была закрыта. У скважины замка висела на проволочке пломба.

Яр оглянулся на Читку, пожал плечами и оборвал пломбу. Надавил на дверь плечом. Сильнее, сильнее... Что-то пружинисто лопнуло, дверь отошла...

В полукруглой комнате была стеклянная крыша. За стеклами (видимо, очень крепкими и потому уцелевшими) беззвучно летели темные сгустки снега. Начинался настоящий буран. Но серого света все же хватило, чтобы различить на черном пульте клавиши и тумблеры.

— Разберешься? — прошептал Чита.

— Как-нибудь, — отозвался Яр.

Слева от пульта, в пыльном закутке, он отыскал рубильник аварийного питания. Чита обрадованно ойкнул: на панели зажглись разноцветные стеклянные капельки. Тонко пропищал непонятный сигнал.

Яр шагнул к пульту. Чита стоял в двух шагах и напряженно смотрел на Яра. На тонком лице у Читы лежали цветные отблески огоньков. С волос капал растаявший снег.

Яр медленно нажал клавишу общей трансляции. Из панели выдвинулся на изогнутой лапе решетчатый микрофон: говори.

Что говорить?

«Игнатик... Игнатик Яр! Если ты жив, знай, что и мы живы. Игнатик, мы тебя ждем...»

Яр представил, как невидимые волны несут над Планетой этот беспомощный зов. Над тихой, раз и навсегда испуганной, потерявшей себя Планетой. Над заросшими рельсами, заброшенным вокзалом, рыбацким поселком с людьми, которые боятся рассказывать. Еще над тысячами таких же поселков и городов. Над опустевшим Городом, который не сдался, но и не победил. Над темным кладбищем у моря...

В этом было какое-то кощунство. Игнатик лежит, закрытый в холодную почву Планеты, а крик, обращенный

к нему, сейчас полетит в эфир, заставит вздрогнуть пыльные репродукторы и скрипучие приемники...

Но... Чита смотрел жестко и упрямо. Как, наверно, смотрели те барабанщики-повстанцы, когда играли последний марш. И он был прав: нельзя упускать ни малейшего шанса. Потому что... да, капелька надежды опять дрожит где-то на самом дне души.

— Игнатик... — хрипло сказал Яр микрофону.

Вверху, под стеклянной крышей вспыхнули белые лампы. Цветные капельки на пульте погасли. Высокая черная панель радиостанции треснула от пола до верха, разошлась, как ворота. Из широкой щели с дымящимися катушками и обрывками кабелей шагнул к отшатнувшемуся Яру Тот.

Яр швырнул Читу к двери и отскочил сам.

Тот, растопырив руки, деревянно двинулся к Яру и Чите.

Впрочем, это был не Тот. Другой это был. Яр узнал его. Узнал неподвижные злые глаза, бессмысленную улыбку, трещину на глазированной щеке. Пестрый альпинистский костюм.

Наблюдатель поднял скрюченные руки до плеч, будто хотел обнять Яра и Читу. Медленно шагнул к ним, вынося негнущиеся ноги в сторону. Он не торопился, он был уверен, что никто от него не уйдет. Яр вспомнил, как Тот резал из трубы колечки и комкал чугунную батарею. И как беспомощно падали в снег пули.

Ладно, сейчас не пули...

— Зажми уши и зажмурься, — сказал Яр Чите.

Он передернул на ремне блик. Откинул на приклад опорную площадку и прижал ее к груди. Припал на колени, чтобы стрелять снизу вверх — иначе луч, уходя в пространство, превратит в ничто верхние этажи уцелевших домов.

Наблюдатель шел и тупо улыбался. Яр положил большой палец на кнопку. Она была вогнутая, удобная. Наблюдатель сделал еще шаг. Яр нажал.

Режущий свист — и белая вспышка ударила в стену. Лампы погасли.

В панели станции появилась метровая пробоина.

Сквозь зеленые пятна в глазах Яр увидел на светлом фоне пробины силуэт Наблюдателя. Наблюдатель постоял и сделал шаг к Яру.

Яр выстрелил опять. Будто в ответ на это снова заго-

релись лампы. Сверху сыпались стекла. Края пробоины в панели дымились.

У Наблюдателя с поцарапанной щеки слетело несколько чешуек глазировки. Он, улыбаясь, шагнул к Яру.

— Уходи! — крикнул Яр Чите.

Оглохший Чита покачал головой. Яр выкинул его за порог. Выскочил сам. Захлопнул тяжелую дверь, хотя это было совершенно глупо.

— Пошли отсюда! — крикнул Яр снова.

Чита странно улыбался. Он громко спросил:

— Почему ты больше не стрелял?

— Это бесполезно!

— Нет! — сказал Чита. — Стреляй.

Наблюдатель не открывал дверь. Он аккуратно резал ее. Сначала тонкие щели прошили толстую жель крест-накрест, потом разделили дверь на квадраты. На квадратики. Квадратики посыпались на пол. Наблюдатель шагнул в дверной проем.

Яр опять встал на колено и выстрелил. Белый луч унес в пространство все, что встретил на пути. Стены ахнули. А Наблюдатель стоял.

Постоял и снова шагнул.

Яр перевел кнопку на постоянное излучение. Огненный рев потряс пустой почтамт. Это было похоже на запуск стартовых ракет. Стена впереди исчезла. Сыпались камни и штукатурка.

Потом стало тихо. Яр увидел вдали круглый глаз чистого неба: луч высверлил в облаках туннель. Буран втягивался в этот туннель спиральными вихрями. Чистое небо стремительно заплывало снежной мутью.

Наблюдатель постоял, словно ожидая, когда Яр придет в себя. Потом шевельнулся и опять пошел к Яру.

Яр сорвал с ремня горячий блик и бросил его в Наблюдателя, как бомбу. Попал. Наблюдатель качнулся и пошел скорее.

Яр дернул за руку Читы, и они побежали. По залам, по чугунным лестницам, по узким темным коридорам. Влетели в какую-то комнату с низким потолком и полукруглым окном.

— Черт, заблудились, — со всхлипом сказал Чита. Исел на подоконник. Он часто дышал сквозь сжатые зубы.

— Отдохни, — сказал Яр.

— Зачем ты бросил оружие? — резко спросил Чита.

— Это теперь не оружие. Оно разряжено полностью, на Планете его не зарядить.

— Тогда уходим, — сказал Чита и прыгнул с подоконника.

— Отдышимся немного. Он нас не догонит так быстро...

В это время рассыпалась на квадратiki часть стены, и Наблюдатель возник в провале.

Яр и Чита опять бросились к двери. Они долго бежали по бетонному коридору. В конце коридора включилась лампочка. Под ней стоял Наблюдатель.

Все тот же. С улыбкой, с отскочившей глазированной щеке, со скрюченными руками.

Яр и Чита метнулись вверх по лестнице. Она привела их на застекленную площадку. Наблюдатель стоял посреди площадки.

— К выходу, вниз! — крикнул Чита.

Но внизу, у дверей центральной арки, снова стоял Наблюдатель.

Яр больше не мог бежать. Чита, видимо, тоже. Они пошли опять вверх. Наблюдатель шел за ними, под его ногами рассыпались чугунные ступени.

Потом шаги Наблюдателя стихли. Яр и Чита оказались в комнате с телеграфными аппаратами, но не в разрушенной, а в другой, поменьше. Чита сел на пол и прислонился плечом к ножке стола.

— Кажется, этот гад нас не выпустит, — сказал он довольно спокойно. — Что будем делать, Яр?

— Он преследует меня одного, — тяжело дыша, ответил Яр. — Ты ему не нужен. Ты уходи, а я задержу...

— Неправда, — сказал Чита.

— Что неправда?

— Что он преследует тебя одного. Тот говорил, что с тобой они ничего не могут сделать.

— Это когда я был пришельцем из космоса. А теперь я просто житель Планеты.

— Это хорошо, — заметил Чита.

«Уж куда лучше», — подумал Яр и сказал:

— Уходи.

— Идите вы, Яр, знаете куда... — вежливо сказал Чита.

— Я старший, я приказываю.

— Глупо ты приказываешь, — отозвался Чита и встал. — Здесь только один выход. И он занят. Слышишь?

Яр услышал шаги Наблюдателя.

— Я отвлеку его, а ты выскочишь в дверь, — сказал Яр.

Чита промолчал. Снял с телеграфного аппарата тяжелую катушку и взвесил в руке.

Наблюдатель возник в двери. Постоял и пошел к Яру. В пасмурном свете полукруглых окон Яр с трудом различал его неподвижное лицо.

— Убирайся, — злым шепотом приказал Яр Чите.

Чита метнул в Наблюдателя катушку. Она с жестяным звоном ударилась о твердый лоб манекена и отлетела. Наблюдатель опять остановился, будто раздумывая. И вновь зашагал.

Чита подобрал с пола и швырнул в него несколько свечей.

«Глупо как... — подумал Яр. — Глупый конец». Он не боялся, но было обидно. Сдохнуть, как мышонку, в лапах глиняного кота.

«Ничего не успел, — подумал Яр. — Ничего не узнал, никому не помог... Даже не знаю, кто мой враг. Все зря...»

Сейчас этот гад подойдет, сдавит клешнями... Лишь бы не видел Чита... Надо отвлечь Наблюдателя и выкинуть Читу за дверь...

Чита шарил по карманам. Выхватил связку ключей, швырнул в манекена. Потом в руке у него оказалось что-то круглое. Яблоко? Мячик.

Наблюдатель стоял на фоне окна. Чита сильно взмахнул рукой.

Яр решил, что Чита промахнулся. Мячик ударился в оконный переплет, отпрыгнул на середину комнаты и покатился к ногам Яра.

Чита рассмеялся — коротко и зло. Наблюдатель стоял в прежней позе. Но в груди у него была ровная круглая дыра. Чита попал. И резиновый мячик с тремя белыми полосками, как на матросском воротнике, без задержки прошел сквозь тело несокрушимого врага.

Наблюдатель покачнулся и упал с кирпичным стуком. У него отскочила и откатилась голова.

— Вот так, — устало сказал Чита.

Он поднял мячик, и они с Яром отошли к окну. Яр не испытывал ни удивления, ни радости. Только усталость.

Чита погладил мячик, словно котенка.

— Вот какой ты. Недаром из пятой лунки...

Яр, глядя на отбитую голову Наблюдателя, медленно сказал:

— Старый знакомый... Откуда же он про нас узнал?

— Значит, они шпионят за нами, — отозвался Чита.

— Но зачем?

— Вот и я думаю: зачем? Они же говроили, что, если нас четверо, мы им не страшны... Ведь говорили, Яр?

— Да... Только не верю я во всю эту числовую дребедень... Четверо, пятеро... Учи как следует историю, узнаешь тогда, что для войны с угнетателями нужны миллионы...

— У нас в школах давно не учат историю, — вздохнул Чита. — И в цифру «пять» я тоже не очень верю... Яр, но они верят и боятся ее. И сейчас они чего-то боялись... Яр, зачем бы они боялись, если Игнатика нет?

Яр промолчал. Он думал о том же, что и Чита. И думать об этом боялся. И хотел думать. И не смел. И надежда вырастала несмотря ни на что...

«Игнатик...» — успел сказать он в микрофон. И если это слово пробилось? Если его услышал... тот, кто должен был услышать?

— Завтра пойдем к дереву, — сказал Чита. И старательно затолкал мячик в брючный карман. Потом воскликнул: — Ой, смотри, Яр, здесь книга!

На мраморном подоконнике, рядом с оплывшим свечным огарком, валялся вверх переpletом раскрытый томик.

— Такая же, как та, — удивленно и ласково сказал Чита. — «Зверобой». Кто-то из дежурных читал и оставил... Яр, а я тогда ее не дочитал, всего десять страниц осталось. Ее там засыпало, в крепости...

Он лихо насадил на переносицу очки, схватил книгу, залистал, нагнулся над подоконником.

— Забирай книгу — и пошли отсюда, — сказал Яр.

— Сейчас. Как же я могу забрать? Она не моя. Вдруг за ней придут? — Чита поставил на подоконник локти и навис над книгой.

Ну что за парень, черт побери! У Яра возникло желание вытянуть его по тощему оттопыренному заду.

— Ну-ка пошли! А то явятся сюда его дружки, — Яр кивнул на останки Наблюдателя. — Думаешь, всех мячиком закидаем?

— Не явятся, — уверенно заявил Чита. — Понимают, что себе дороже.

У Яра не было сил ни спорить, ни возмущаться. Он только сказал с досадой:

— Надо же, как тебе приспичило читать... Между прочим, мы за хлебом опоздаем, Данка нам покажет...

Чита отозвался, не оборачиваясь:

— Все равно опоздали... Зайдем к Алькиной маме, у нее попросим.

— Вот и надо идти. Она волнуется: где Алька?..

— Надо переждать буран. Смотри, как несет. Нас снегом заплюет. Подождем...

— Конца бурана?

— Ну... вообще.

Яр тихо плюнул и отошел к стене. Уперся ладонями. Стена была очень холодная. Мысли тоже были холодные. Даже чудо с мячиком не принесло радости. Хорошо, что есть мячик, но как же этого мало! И надо думать не о чуде, а о простых вещах. О том, как жить. О работе, например. Не сидеть же на шее у Данки! Да мало ли впереди забот.

Если бы рядом был Игнатик, заботы эти оказались бы нестрашными, веселыми, согретыми радостью. Но пришло воспоминание о темном кладбище над обрывом, о надписи на отесанном столбике и снова погасило надежду.

Чите хорошо, он спокоен, он прочно надеется. Он даже снежинок попросил разыскать Игнатика. Яр представил, как снежинки кружат у столбика над могилой.

«Мальчик мой...» Яр прижался к стене горячим лбом. К ледяной стене. Нельзя даже всхлипнуть. Надо держаться. Ребята позвали — он пришел. Раз пришел, надо быть до конца....

— Яр... — сказал Чита.

— Что?

— Яр, ты успокойся...

— Я спокоен, — хрипло соврал Яр и переглотнул. — А ты... перестань читать. Совсем глаза испортишь... ночь на дворе...

— Не испорчу, — странно, очень ровно сказал Чита.

Яр обернулся. Чита по-прежнему стоял, согнувшись над людоконником. У него золотились завитки волос и край щеки.

— Что... Что там?! — крикнул Яр.

— Ничего такого... Свечка зажглась.

Праздник лета в Старогорске

Первая часть

ДЕНЬ ЗНАКОМСТВ

Я бегу, я тороплюсь...

Опять я опаздывал. И все из-за нее, из-за тети Вики.

— Никуда не пойдешь, пока не доешь морковку!

Я эту третью морковку со сметаной ненавижу каждым кончиком нервов. У меня от нее судороги в горле. Но тетя Вика знает одно: ребенку нужны витамины.

— Да не могу-у я-а-а...

— Не капризничай. Ты что обещал маме, когда она уезжала?

Что я обещал! Слушаться тетю Вика и бабушку. Но это же не значит, что можно издеваться над человеком!

— У меня не глотается!

— Ты дольше споришь. Давно бы уже доел и гулял.

Я остановил дыхание, зажмурился и сглотал морковку.

тремя судорожными рывками. И метнулся из-за стола. Следом крик:

— Геля, стой! Куда ты побежал! Не смей купаться у моста, там глубоко. Почему у тебя сандалии на босу ногу, это неприлично! Надень носочки! Во сколько ты вернешься? Гелий, остановись!

Но я только добавил скорости. Потом скажу, что на бегу этих возгласов не слышал...

Я знал: сейчас тетя Вика высунется в окно, чтобы криком остановить меня у калитки. Поэтому с крыльца кинулся к забору. Там сложены дрова для старого нашего камина и стоит будка Дуплекса. Я на будку, на поленницу, на кромку забора, а оттуда — у-ух! — вниз, в лопухи Коленчатого переулка.

Тетушка поторчит в окне, пожмет плечами и по треску-чей от старости лестнице поднимется в бабушкину комнату.

— У меня опускаются руки, Вера Матвеевна. Это не мальчик, а сплошная аномалия. Как хотите, но я уверена, что от слов пора переходить к решительным мерам.

— Я с вами совершенно согласна, Виктория Георгиевна. Игорь ни о чем не думает, кроме этой своей скважины, и совершенно забывает о сыне. А мать потакает Гелию во всем.

Потом они сдержанно вздохнут, закурят длинные сигареты «Леда», от которых воняет жидкостью для ванн в комнатах, и будут долго разговаривать о моем воспитании... Они в чем-то очень похожи друг на друга — моя бабушка (папина мама) и тетушка (папина двоюродная сестра). Обе ужасно воспитанные, даже друг друга называют по имени и отчеству, будто не родственники, а дамы в гостях. Только бабушка старая, а тетя Вика... ну, еще не очень. Даже замужем не была...

Обо всем этом я думал машинально, а ноги работали на полную скорость. На бегу я вскинул к носу руку с часами. Часики были старые, еще папа носил их, когда был студентом. Бледные электронные цифры еле мерцали на черном экранчике. Но я разглядел, что до девяти осталось шесть минут.

Я кинулся вниз по Старогорскому переулку, по булыжникам, которыми была вымощена дорога еще в давние докосмические времена. Но тут же пришлось затормозить: навстречу, занимая всю ширину переулка, полз автобус. Он был похож на оклеенный рекламами дирижабль. В таких приезжают экскурсанты осматривать монастырь и другие древности. Я нырнул в щель между монастырской сте-

ной и забором, над которым висели крупные, почти созревшие яблоки.

Придется шпарить через сад. Если увидят хозяева и накапают тетушке, будет еще один разговор о моем поведении. Но это — вечером. А Юрка-то ждет уже сейчас.

Я пустился вдоль забора к знакомой лазейке... А, ч-черт! Дыру закрывали новые желтые доски.

Теперь оставалось одно: по спуску до болотистой речки Пестрянки. Через нее переброшены жерди. Хорошо, если мальчишки с Библиотечной улицы не дернули их на свой берег. Когда у них игра в индейцев, они убирают переправу...

Ура, переправа на месте! Я влетел на тонкие жерди со всего хода, без всякого страха — лишь бы скорее! — а они, подлые, запружинили под ногами, запрыгали и разъехались. Хорошо, что уже у того берега.

Ноги ушли по щиколотку в ил и по колено в воду. Но я рванулся и через осоку выбрался на сухое место.

И снова вперед! Начался подъем. По склону холма вилась тропинка, но я кинулся напрямик — через траву-лебеду и «бабкины бусы». Это такое растение, вроде бурьяна. К середине лета оно подсыхает, и на верхушках появляются семена, похожие на сморщенные черные бусины. Очень твердые. Когда бежишь в зарослях «бабкиных бус», кажется, что по ногам стреляют сушеными ягодами. Будто сто человек спрятались в кустах и лупят по тебе из стеклянных трубок. Это, конечно, если быстро бежишь.

Я так и бежал сперва. Сандалии разбухли и стали скользкие внутри, но я мчался вверх, будто вниз. Однако скоро закололо в боку. Воздух стал пролетать мимо рта — не вдохнешь. Я перешел на шаг. Выбрался на тропинку. И по ней уже добрался до плоской макушки холма.

Здесь я остановился, чтобы чуточку передохнуть. Но и... по правде говоря, не только для этого. Когда я оказываюсь на этом холме, то всегда на минутку останавливаюсь. Даже если очень тороплюсь. Потому что мне нравится смотреть на город.

Он совсем небольшой, наш городок. Ну и что? Я за это его и люблю. Нисколько не хотел бы жить в столицах или в Поясе городов. Это тетушка Вика постоянно стонет: «Ах, как там чудесно! Ах, гостиные со встроенными стереовизорами! Ах, кухни с окном линии заказов! Ах, монорельсовое сообщение...»

Зато ни у кого там нет камина с настоящим огнем. И таких откосов над рекой там нет, и пустырей, где можно

играть, как в диких джунглях, и разводить костры. И нет в этих громадных городах никаких загадок и тайн, только причесанные парки да стеклянные домищи. А у нас один монастырь. чего стоит! Сейчас там музей, а раньше, говорят, жили монахи. Специальные такие люди, чтобы молиться Богу. Но они этим занимались в мирное время, а если кто-нибудь напал, монастырь превращался в крепость и монахи сражались, как обыкновенные солдаты. Для этого у них было много всякого оружия, а под стенами подземные ходы, чтобы делать вылазки на врагов.

Мы лазили по дальним закоулкам монастыря и видели остатки этих засыпанных ходов. А в прошлом году мальчишки из нашего класса откопали у стены старинную пушку с непонятными буквами и узорами на стволе.

Вот так... А монорельсовая дорога нам тоже ни к чему. Город можно от края до края пробежать за полчаса. Вот он, почти весь виден отсюда. Со старинными колокольнями, со сверкающими зеркалами энергокомплекса, с разноцветными крышами, с зелеными тучами садов. С белыми куполами обсерватории, где когда-то работал мой дедушка. Высокие дома Западного микрорайона сверкают на солнце, как ледяной барьер Антарктиды. Между прочим, дома эти ничуть не хуже, чем в Поясе...

А большая река — то серебряная, то темно-синяя — плавно огибает холмы, на которых лежит город. Говорят, миллионы лет назад холмы были настоящими горами, но потом осели, состарились. Может, из-за этого нашему городу и дали такое имя — Старогорск. Раньше он назывался еще понятнее — Старые Горы. У станции и сейчас такое название.

Вот она, станция, близко. Двухэтажный желтый домик, башенка с часами, красно-синий поезд у перрона. А дальше пустые запасные пути, и на самом дальнем — наш с Юркой вагон...

Ой, а ведь Юрка-то ждет!

Я кинулся вниз по склону — опять сквозь стреляющие «бабкины бусы». И тут вдруг: «Пи-и-и, пи-и-и, пик!» Два длинных сигнала и короткий! Это из репродуктора на станционной башне.

Что? Ровно девять?

Я ошарашенно глянул на часики. Там — 08.57.

Вот какой же я балда! За неделю не собрался положить часы на солнце, подзарядить. Конечно, теперь отстают...

Юрка презрительно дрогнет щекой и скажет: «Ну что, Кошечкин, не можешь без этого...»

— Эй, Копейкин! Ну-ка подойди!

Я завертел головой: откуда этот жестяной голос?

Позади, на голой макушке холма, — решетчатая вышка ретранслятора. Слева уходят вниз окраинные заросли городского парка. Справа заросший могучим репейником пустырь. На нем заброшенные сарайчики. Такие приземистые, что над репейником видны только прогнившие крыши.

— Копейкин! Тебе говорю!

На ближнем сарайчике лежал Ерема. Он распахнул на животе мятые железные створки, выдвинул из себя и раскинул веером блестящие элементы солнечной батареи. Заряжался. А квадратную башку повернул ко мне и смотрел зелеными, как у кошки, глазами.

— Чего? — боязливо спросил я.

— Ну, подойди. Разговор есть...

Ерема был беглый и беспризорный. Лет пять назад он удрал с городской выставки юных техников.

Говорят, его сделали в каком-то кружке электроники из всяких отходов. Запихали в голову несколько старых аккумуляторов, а промежутки между ними забили микрочайками памяти от списанной диспетчерской машины «Кристалл-М». Сбежал Ерема не сразу. Сперва он вел себя как обычный послушный экспонат: здоровался, решал первоклассникам задачки и раздавал посетителям открытки. Но однажды вечером, когда посетители разошлись и Ерема смирно сидел в уголке, уборщица уронила ему на голову тяжелый таз. В Ереме включилась какая-то музыка, потом он заскрипел, примолк и вдруг сказал уборщице слова, какие порядочный робот не только говорить, но и знать не должен.

Уборщица пожаловалась директору выставки. Тот угрозил Ереме, что в наказание отключит его от сети. Ерема сказал, что больше не будет. А ночью он вмонтировал в себя аккумуляторы и солнечные элементы, выпилил дверной замок и ушел. И начал вольную жизнь.

В Старогорске Ерема сразу прославился как хулиган. Он ходил с самодельной жестяной гитарой и хрипло пел пиратские песни из фильма «Галион идет из Картахены». За Еремой толпой ходили ребята. По их просьбе он танцевал и пускал из ушей маленькие молнии. Но это не самое главное. Сторожа в парке заметили, что по ночам Ерема разбивает гипсовые статуи. Всяких там физкультурников, купальщиц и стариков с золотыми рыбками. Тут

уж Еремой занялась милиция. Хотели его размонтировать. Ерема не дался. Сказал, что не имеют права: он живое мыслящее существо. Ему объяснили, что мыслящие существа так себя не ведут. Ерема опять пообещал, что больше не будет.

После этого он исчез на год или два. Одни говорили, что он уехал в Нейск и работает экскурсоводом в Техническом музее. Другие — что он тайно живет в подвале городской библиотеки и по ночам глотает книжную премудрость.

Когда Ерема снова появился на улицах Старогорска, он вел себя не так нахально. Но родители и бабушки все равно запрещали ребятам с ним водиться. Мальчишек, если они грубили и не слушались, называли «еремами».

Ерема не бездельничал. Зимой вместе с дворниками (живыми и автоматическими) он убирал с улиц снег, а летом сидел у входа в парк и чистил всем желающим обувь. Дворникам он помогал бесплатно, а за чистку башмаков требовал мелкие деньги. На эти деньги он покупал всякие радиодетали. Для своих внутренностей. А еще он покупал табак.

Да, представьте себе, Ерема курил! Он объяснял, что этим способом прогревает себе нюхательный аппарат. Иначе говоря, блок обоняния.

Мальчишкам, которые с ним знакомились, несмотря на запреты, Ерема дарил механических мышей (чтобы дразнить кошек) и электронные пищалки. Отливал из олова маленьких рыцарей и пистолетики. Но к себе домой Ерема никого не приглашал. Говорили, что живет он за городом, на большой железной свалке.

Я с Еремой не был знаком. Наверно, потому, что я не очень решительный. Другие подбегут: «Ерема, привет! Ерема, как дела? Ерема, сделай мышá!» А я только издавка поглядывал.

Но Ерема-то, оказывается, меня знал!

Я неуверенно подошел. Ерема втянул в брюхо солнечную батарею, захлопнул дверцы и запер их на проволочный крючок. Потом сел. Свесил с крыши ноги. Ноги были из железных толстых трубок, с резиновыми гармошками на коленях. На одной ноге старый валенок, на другой большая футбольная бутса. Руки — тоже из трубок с гармошками на сгибах, а ладони и пальцы — из черной пластмассы. Туловище похоже на шкаф из некрашеной жести, а голова — угловатая, как почтовый ящик. Рот широчен-

ный, губы из пористой резины. Но говорил Ерема через динамик на груди.

Нос Ереме сделали из оранжевого мячика с двумя дырками-ноздриями. А точнее, из баллончика детской клизмы, засунутого острым концом внутрь головы. Глазами служили зеленые индикаторы от старинных ламповых приемников.

Этими индикаторами Ерема и смотрел на меня. Не поймешь, как смотрел: то ли по-хорошему, то ли с насмешкой.

— Да ты не бойся, — сказал он с хрипотцой.

— Я и не боюсь, — хмуро сказал я. — Просто удивился: откуда ты меня знаешь?

— Я всех знаю, — ответил Ерема с горделивой ноткой. — Память-то электронная. — Он похлопал себя по гулкой голове.

— Электронная, а не знаешь, как меня зовут, — сердито отозвался я.

— Ко... пейкин...

— Сам ты Копейкин! Меня зовут Гелька!.. То есть Гелий. Потому что мой дедушка был астроном, он Солнце изучал!

Ерема, видать, смутился. Сморщил резиновый нос, хрюкнул им.

— Я думал, Копейкин — это фамилия...

— А фамилия — Травушкин.

Ерема нерешительно покачал ногой в бутсе.

— А почему тогда Копейкин?

— Потому что дураки придумали, — буркнул я.

Три года назад в летнем лагере была игра «Взятие крепости», и нас, маленьких, старшие ребята записали в разведчики. И всё так хорошо было сначала, я к самой крепости подобрался, но там вдруг меня схватили и вытащили из травы. И хохочут: «Мы еще издалека видели, как ты ползешь. Голова-то блестит на солнце, как новая копейка!»

С тех пор и приклеилось: Копейкин да Копейкин. У меня и правда волосы такие, с медным отливом. Вернее, с латунным. Особенно когда постригусь ежиком.

Но при чем тут Копейкин! Такое дурацкое прозвище, будто дело не в волосах, а в том, что цена мне одна копейка...

Ерема прыгнул с крыши в репейник, с треском шагнул ко мне сквозь стебли. Он был с меня ростом, но гораздо шире.

— Ладно, Ко... Травушкин. — Он виновато помигал ин-

дикаторами. — Дураки, они... Ты на них тьфу. У меня дело к тебе.

— Что за дело? — важно спросил я и обрадовался: теперь у моего опоздания уважительная причина. Скажу Юрке: Ерему встретил, о делах говорили.

— У тебя случайно нет старого лампового приемника? — спросил Ерема и переступил в валенком и бутсой. — Тут у меня в потрохах одна лампа сгорела. Теперь оглох на левое ухо и в затылке ломит. Пакостно так...

— Разве ты не на транзисторах? — удивился я.

— Во мне всего хватает. Собирали-то, можно сказать, из утиля. Я в себе кое-что заменяю потихоньку, а для этой лампы никак не отыщу транзисторного эквивалента. Замайлся... Может, найдется приемник?

— Ты заранее знал, что найдется, или наугад? — спросил я.

— Есть?! — обрадовался Ерема. — Я не знал. Я логически. Думаю, у Ко... у Травушкина дом старинный, на чердаке, наверно, всякого барахла хватает.

Дом у нас правда старый, еще при дедушкиных родителях построен. Маленький, но двухэтажный, с четырехскатной крышей, под которой просторный чердак. С высокими березами у окошка моей комнаты. Я его люблю, наш дом...

— Так и быть, — вздохнул я. — Поищу тебе приемник.

— Милый, — проскрипел Ерема и часто замигал зелеными глазками. — Я тебя до самой переплавки не забуду...

— Да ладно, — смутился я. — Только ты ко мне за ним не ходи. Понимаешь, тетка у меня... Я сам принесу тебе.

— Вот спасибо! Ты сегодня, как выберешь времечко, принеси в свой вагон, а я вечером приковыляю, заберу.

«И про вагон знает!» — подумал я и даже испугался. Но Ерема успокоил:

— Я про что знаю, про то молчу, ты не сомневайся. Во мне, как в сейфе... Значит, что? До вечера?

— Ага. Я побежал. Пока!

— Пока, Ко... Ой, Травушкин. Это у меня из-за той лампы сбой в контактах...

Орден Алого Шиповника

Станция Старые Горы совсем заглохшая. Грузовые составы по нашей линии почти не ходят, потому что больших строек поблизости нет. Товары возят фургонами. Пассажирские поезда проскакивают два раза в сутки: утром

и в три часа дня. Да и то почти пустые. Людям больше нравятся рейсовые электробусы или речные экспрессы на воздушных подушках. А на станции тихо. Только воробьи галдят в траве среди нагретых рельсов.

Через рельсы можно бежать без опаски. Разве что дежурный закричит или начальник станции.

...Старенький товарный вагон стоял в тупике за станционной водокачкой. Лебеда и «бабкины бусы» скребли макушками по ржавым колесам. Это был наш с Юркой вагон. Мы первые догадались, что он не нужен никому, кроме нас.

Здесь мы хранили наше оружие для мушкетерских игр, фонарики, запас сухарей (на всякий случай), надутые автомобильные камеры, чтобы плавать на них, и всякое другое имущество. И конечно, удочки. Зачем их таскать домой, если от вагона до реки ближе, чем от дома?

Но сегодня мы собрались не на реку, а на старый затопленный карьер. Юрка узнал от кого-то, что прошлой весной лаборанты из Института рыбоводства выпустили в карьер мальков.

— Просто так, ненужных, — говорил он. — А теперь они вымахали вот в таких карпов. Особая порода.

В рассказы про «вот таких» карпов я не верил, карьер был у черта на рогах, тащиться туда мне вовсе не хотелось. Но Юрка и не спрашивал, хочу я или нет, сказал, что пойдём, и точка. Еще он объяснил, что рыбачить надо, пока на воде лежит тень от обрыва. К полудню она уйдет, поэтому надо прийти на карьер пораньше. Договорились встретиться у вагона в девять. Теперь я безнадежно опаздывал. Конечно, у меня уважительная причина, но все-таки...

А если разобраться, почему я боюсь? Сам не знаю. Эта привычка осталась у меня еще с той поры, когда Юрка «делал из меня человека».

...С Юркой мы познакомились в прошлом году. В хороший для меня час. Тогда меня выставили из игры в «три мяча».

Сперва-то все было хорошо. В нашей команде все хотели быть на перекидке, никто не желал защищать зону, и капитан Вовка Елизаров сказал:

— Что делать? Давай, Копейкин, становись...

На радостях я даже простил ему «Копейкина». Натянул перчатки и приготовился отбивать «выстрелы».

Ну что, не так уж я плохо стоял сначала. И отбивал,

и ловил, и прыгал, и падал. Все локти и колени поотщибал. А то, что пропустил два мяча, — так это хоть с кем бывает...

Но потом в переулке появился Юрка. Я тогда еще не знал, что он Юрка. Незнакомый парнишка, на вид — класса из пятого. В каком-то обвисшем свитере, в мешковатых штанах до пяток, в мятом беретике с хвостиком. Наши противники сразу поставили его в центр нападающей тройки. Видимо, уже знали. Вот этот нападающий и вляпал мне три очка подряд. Буквально за одну минуту.

Первый раз мяч свистнул у земли рядом с дырявым ведром, которое заменяло нам границу зоны. Я и шевельнуться не успел. Та команда радостно завопила, а наши молча смотрели, как я ищу мяч в чертополохе у дальнего забора.

Только я выкинул этот мяч из сектора, как — бэмс! — второй ударил! Издалека и поверху, по самым кончикам пальцев.

Я разве виноват, что не допрыгнул?

Третий мяч я поймал. Но какой толк? Он самый большой из трех — тугой и тяжелый, как ядро. Вместе с ним я птичкой влетел в зону...

Вовка Елизаров сказал мне даже не сердито, а так просто:

— Эх, Копейкин ты, Копейкин. Не защитник, а дырка. Иди отдохни.

Я сел у палисадника на лавку. Дышу сквозь зубы, чтобы не зареветь, Вовку Елизарова ругаю шепотом: сам бы постоял, когда в тебя так лупят... Ну и на себя злюсь, потому что до четвертого класса доучился, а все какой-то беспомощный...

Тут команды сделали перерыв. Счет пять — два не в нашу пользу. Ребята кто на траву повалился, кто к колонке побежал. На меня и не глядят. Тот, который мне три очка икатал, тоже прошел мимо. Потом остановился в двух шагах, снял беретку, отряхнул ею штаны, оглянулся, хмыкнул и говорит мне:

— Когда на защите стоишь, нечего зевать и чесаться...

— Тебе-то какое дело!

А он спокойно так отвечает, даже угрюмо:

— Никакого мне дела... Смотри, локоть содрал. Иди домой, перевяжи...

Что ему надо? Может, виноватым себя чувствует, что из-за него я так треснул?

— Засохнет без перевязки... Дома все равно никого нет.

Это я соврал. Тетя Вика и бабушка были дома, но я с утра с ними рассорился.

Он спрашивает:

— Куда все девались? Как это мама оставила птенчика?

— Сам ты птенчик... Она к отцу уехала... — Тут у меня в горле еще сильнее заскребло.

— А отец... он где?

— В экспедиции, на скважине в Ярксоне. Тебе-то что?

Мальчишка поддернул штаны, взял меня за плечо и повел к колонке. Я не сопротивлялся. Злился на него, но шел.

Он промыл мне ссадину на локте, вздохнул почему-то, хлопнул меня мокрой ладонью по шее и пообещал:

— Ничего, жив останешься.

— Да уж как-нибудь... Ладно, спасибо.

— Не за что... Ты где живешь, существо?

Я опять ошетинился:

— Тебе это зачем?

— Провожу, чтобы не упал от потери крови.

Я отвернулся от него и домой пошел. Он — рядом. И тут, как назло, навстречу тетя Вика.

— Геля! Что за вид! Немедленно домой! Вот я напишу маме...

Глянула сердито на моего попутчика и зашагала впереди, деревянная такая. А он вздохнул и говорит:

— Несчастное ты создание... Сделать, что ли, из тебя человека?

— А я кто, по-твоему?

Он будто не услышал. Подумал и решил:

— Ладно. Завтра и начнем.

И Юрка начал. В шесть утра он явился под мое окно, стукнул в стекло и показал: выходи. Я вышел. Иначе бабушка и тетя Вика проснутся, начнется допрос: что, да куда, да зачем? Юрка увел меня на стадиончик за школой, поставил в ворота и давай обучать вратарскому искусству. Своим способом. Мяч, как бомба: бах, бах!

— Не увертывайся, Копейкин...

— Сам Копейкин! У меня имя есть!

— Научись мячи ловить, будет тебе имя.

И так повелось каждое утро. Вытащит меня из постели чуть ли не на рассвете и давай дрессировать. То в футбольных воротах обстреливает, а то заставляет на дере-

вянных мечях драться, будто хочет из меня древнеримского гладиатора сделать. То драные боксерские перчатки принесет — тогда уж совсем худо. А если увидит, что я испугался, командует:

— Пузом на землю — и пятнадцать отжиманий!

Не знаю, почему я ему подчинялся. Насмешек боялся, что ли? Он умел так посмотреть: щекой шевельнет, усмехнется и глядит сквозь упавшие волосы, как на прилипшего к смоле кузнечика. Будто думает: «Ах ты, букашка бедная, что с тобой делать?» Глаза желто-серые, ехидные, а волосы темные, нестриженные, все время лезут на брови из-под клоунского беретика.

Но нет, не только в насмешке дело. Если утром Юрка не приходил, я почему-то не радовался, а начинал вертеться от беспокойства: забыл он про меня, что ли?

Случилось как-то, что он не пришел три утра подряд, и я совсем извелся. Наконец отыскал его дом. Юрка лежал в постели, несчастный и сердитый. Меня впустила к нему пожилая женщина с рыжими волосами и добрым лицом. Сказала:

— Надо же ухитриться среди лета ангину схватить! Небось купаетесь до посинения... Ох, горе, горе! Ты, мальчик, посиди с ним, а я в аптеку схожу...

— Не надо мне лекарства, — буркнул Юрка.

— Как это не надо? Мать приедет, я ей что скажу?

— Приедет она, жди... — сказал Юрка, глядя в потолок.

— Это кто? — неловко спросил я, когда женщина вышла.

— Да, пожалуй, что никто... Вроде тетки. Мы с тобой одинаково живем: у тетушек.

— А... твоя мама где?

— В Нейске, — сумрачно сказал Юрка. — Личную жизнь устраивает.

Я молчал смущенно и вопросительно.

— Вышла замуж за одного редактора, — усмехнулся Юрка. — За знаменитого. Передачи «Вести с орбит» смотришь? Его работа... Мамаша ко мне все с вопросами да с намеками: «Не хочешь ли, Юрик, в интернат?» В интернате, мол, все условия, товарищей много, секции, кружки, эстетическое воспитание... В гробу я видел этот интернат.

— А отец где? — нерешительно выдавил я.

— Понятия не имею. У меня его никогда не было, — откликнулся Юрка почти весело.

— Так не бывает...

— Значит, бывает, — усмехнулся он. — А тот мужик, редактор-то, он ничего. Только я им там зачем? Вот и слинял сюда. Между прочим, это он устроил. Тетушка-то — его сестра...

Юрка вылечился через день. И пошла у нас прежняя жизнь. Иногда хорошая, интересная, а порой такая, что я его ненавидел.

Один раз я не выдержал.

Мы вдвоем купались в бухточке за старой пристанью. Юрка нырял с кормы полузатопленного лихтера и требовал, чтобы я тоже. Но до воды было метра три, с такой высоты я еще никогда не прыгал. Я топтался на горячей ржавой палубе и набирался решимости. Набрался бы и прыгнул. Может, не ласточкой, а солдатиком, но прыгнул бы. Только Юрка не дал мне собраться. Подошел да как отвесит пинка! Я и полетел. Пузом об воду! Забарахтался, захлебнулся, потому что рот не успел закрыть...

По-моему, я чуть-чуть не потонул. А он стоял на корме и смеялся, глядя, как я погибаю. И я не погиб. Видимо, потому, что разозлился до ярости. Я выбрался на берег, потом на лихтер. Юрка что-то говорил с ухмылкой, но я не слышал, у меня в ушах была вода. Слышал только, как гудел пустой лихтер, когда я шел к Юрке по наклонной палубе. Подошел и врезал кулаком по ухмыляющейся роже.

Он прижал к лицу ладони. Из-под них потекли по рукам красные струйки, и кровь стала падать с локтей на палубу.

И я вдруг увидел, что Юрка никакой не герой и не силач. Что он только чуточку побольше меня. И такой же ребристый, тонконогий и тонкорукий. Наверно, поэтому он и таскает на себе в любую жару похожий на мешок свитер и старомодные клеши. Специально, чтобы казаться взрослее и здоровее...

Но он оторвал от лица руки и глянул на меня желто-серыми прищуренными глазами. И стало ясно, что это прежний Юрка. И что сейчас он раскатает меня по палубе в тонкий блин.

Он не раскатал. Сказал пренебрежительно:

— Даже стукнуть не можешь как следует. Если бьешь, бей по зубам. А из носа краску пустить любой младенец может.

Я сразу же опять его возненавидел. И сказал:

— Я тебя убью.

— Ну и дурак, — ответил он и вытер под носом кровь тыльной стороной ладони. — Кто тебя тогда человеком делает? Даже нырнуть не можешь толком. Смотри, как надо...

И все пошло, как раньше. Ничего не изменилось.

Изменилось потом, осенью.

Хорошая была осень, будто второе лето. Снова зацвели сирень и шиповник. И по-летнему летали бабочки над зарослями, где мы играли в мушкетеров и гвардейцев. Мы с Юркой и еще трое мальчишек были гвардейцы. На рубашках, на майках, на Юркином свитере были нашиты белые кресты. А у мушкетеров — голубые. В старину кресты нашивались на форму, чтобы спасти солдат от пуль и клинков. Но кресты ни от чего не спасали, в этом я убедился. Когда я лежал в кустах у монастырской стены, в засаде, мне на спину, повыше выреза майки, сел тяжелый шмель.

Я не могу сказать, как я их боюсь, этих шмелей всяких, пчел и ос. Наверно, у меня в нервах какой-то заскок. Если такая жужжащая тварь летает рядом, я обмираю. А если сядет...

Я вскочил и заорал. То есть... я понял, что сейчас это сделаю. Но на крошечный миг задержался. Потому что в засаде все же. А в следующую секунду Юрка сказал стальным шепотом:

— Лежи.

Он сидел надо мной метрах в двух, на кирпичном выступе за чащей сиреневых веток. Своим шепотом он пришил меня к земле, как шпагой.

И он был прав: нельзя выдавать себя. Где-то рядом носятся на конях-велосипедах мушкетеры.

Но я же не могу! Мамочка... Шмель ходит по мне мохнатыми щекочущими лапами. Он сейчас под майку заползет!

— Ле-жи. Молчи.

Ой... Гад ты, Юрка! Ты же знаешь, как я их не терплю! Ну, дотянись ты, паразит, своей шпагой, прогони!

Он сжалился. Деревянный клинок чиркнул меня по спине. Шмель взлетел, и я понял, что такое настоящее счастье.

Но счастье длилось несколько секунд. Я понравился шмелю. Он сделал новый заход и мохнатой градиной упал мне на ногу.

Ой! Ой, ой, ой, ой...

— Лежи, — долетел сверху зловещий приказ.

А мохнатый злодей шел по ноге. Время от времени он останавливался и, кажется, потирал одну о другую задние лапки. И, видимо, прикидывал, как удобнее воткнуть жало.

Не надо... Юрка, скотина, ну что ты там?! Но Юрка замер: противник близко. Что делать-то? Сильно дергать ногой нельзя: разведка мушкетеров заметит. А несильно — тогда шмель ужалит!

— Ле-жи. Не двигайся...

Но я сейчас помру. Или еще что-нибудь хуже... Спасите...

Меня спасли мушкетеры. Они вынеслись прямо к нашей засаде, и я с радостным воем ринулся в бой.

Уж как я махал шпагой! Мушкетеры отлетали, будто мячики. А когда бой кончился, Юрка сорвал с куста шиповника большой цветок. Концом шпаги проковырял дырку на моей майке и воткнул в нее стебелек цветка. Сказал совсем серьезно:

— За храбрость и железную выдержку Гелий Травушкин награждается орденом Алого Шиповника.

— Ничего себе выдержка! — проворчал Витька Соломеин, потирая локоть. — Машется, как бешеная мельница.

— Я не про это, — сказал Юрка.

...«Орден» я спрятал в карман, а дома расправил лепестки и положил цветок в свой «Журнал наблюдений».

А Юрка с того дня стал относиться ко мне иначе. Конечно, все равно командовал и покрикивал, но уже не воспитывал специально. Ребята Юрку уважали, поэтому и на меня перестали смотреть как на полного размазню и неудачника. Иногда еще называли Копейкиным, но это по привычке.

В школе Юрка учился на класс старше меня, но после уроков мы всегда играли вместе. И осенью, и зимой, и весной. Маме Юрка нравился, только она почему-то вздыхала, глядя на него. А тетя Вика поднимала брови и поджимала губы, когда Юрка приходил к вам во двор и гладил Дуплекса, поджидая меня. В дом он заходил редко, потому что тетю Вику тоже не жаловал. Впрочем, держался он с ней очень вежливо.

Тетя Вика говорила:

— Станный мальчик. Что-то в нем есть, но этот ужасный вид... В прежние времена таких детей называли беспризорниками. Имей в виду, Геля, раз ты с ним дружишь, значит, должен на него положительно влиять.

Но как я мог влиять на Юрку?

Бродяга

Я с разбегу нырнул под вагон и на коленях выбрался с другой стороны, там, где вход. Юрка сидел на штабеле старых полусгнивших шпал (сейчас такие, деревянные, уже не делают).

— Привет, — сказал я и встал с четверенек. — Ну чего ты?.. Я знаешь как бежал!

— Вижу, — усмехнулся он.

Конечно, он всегда все видит... И сам я увидел себя как бы Юркиными глазами — от растрепанной рыжей макушки до заляпанных илом сандалий. Ноги в грязи и царапинах от осоки, шорты скосбочились — одна штанина задраплась, другая съехала до колена, — полосатая майка вылезла из-под ремешка, висит спереди, как фартук. Хорошая майка, почти настоящая тельняшка, а храброго вида все равно не придает, это уж я знаю точно. И топчусь вот тут перед Юркой, будто опоздавший первоклассник перед заучем.

Дурацкая привычка всегда чувствовать себя виноватым!

Я кулаком зачихнул майку в штаны и сердито сказал:

— А чего?.. Я не просто так опоздал! Там Ерема на горке...

Юрка выслушал рассказ про Ерему без удивления, даже рассеянно. Будто думал о своем. Может, о том, что не начать ли снова делать меня человеком? Ну уж фиг тебе, Юрочка...

Он вздохнул, поцарапал под беретиком затылок и глянул на меня странно. Даже виновато.

— Не до рыбалки сейчас. Тут такое дело... Жилец у нас появился.

Я замигал:

— Где? Какой жилец?

— Пойдем, познакомлю.

В вагоне было светло. Солнце шпарило горячими лучами в два оконца под крышей и в щели, которых было множество. Да и двери оказались раздвинуты на всю ширину. Внутри не осталось темных уголков. В том углу, где мы с Юркой устроили наш «кубрик», я и увидел незнакомца.

Это оказался парень с бородкой, похожей на светлый курчавый пух. Худой, белобрысый, в толстых очках. В клетчатой рубашке и узких штанах из рыжего вельвета. Он сидел на пластиковом ящике, который был у нас вместо сто-

Но ведь и в кино они не настоящие, а артисты.

— А зачем он тогда в вагоне укрывается?

— Да не укрывается он. Наоборот. По всем начальникам ходил, только они на него как на сумасшедшего смотрят.

— Почему?

— Ты удостоверение видел? Какой там город?

— Колыч какой-то... Или Кóлыч?

— Кóлыч. А где такой?

Я сердито дернул плечом: мало ли на свете разных городов?

— И никто не знает, — хмуро сказал Юрка.

— Как это?

— Вот так... И сам он не знает.

— Тогда он сумасшедший. И ты заодно. А я еще машинку хотел ему...

Юрка не разозлился. Он сказал серьезно:

— Тут непонятный случай. Он поехал из своего Колыча очень недалеко. В какую-то Старо-Талицу, писать репортаж про летний лагерь. А вместо этой Старо-Талицы попал сюда.

— Ну и ехал бы обратно, если не туда принесло.

— Куда «обратно»? Нет на линии такой станции — Колыч. Нет нигде...

Я даже остановился.

— Как это нигде?.. Ну, значит, он не из Колыча! Он врет!

— А удостоверение?

— Ну... Юрка! Оно, наверно, фальшивое!

Юрка сказал снисходительно:

— Глупенький-глупенький Геля. Кто будет делать фальшивый документ, от которого у всех глаза на лоб? Да и зачем?

«В самом деле», — подумал я. А Юрка глянул на меня сбоку и спросил:

— Ты вот скажи: этот Глеб похож на плохого человека?

Я посоображал. Нет, не похож. Скорее, наоборот. Глаза добрые. И какой-то беззащитный он, хотя и большой.

— Он даже ни одного сухарика нашего не тронул, несмотря на то что голодный, — сказал Юрка.

— А почему голодный-то?

— Он же из дома совсем ненадолго уехал, денег с собой почти не взял. И теперь — ни в кафе, ни в гостиницу...

— Хлеб-то мог взять в булочной!
— Он не знал, что можно бесплатно.

Я обалдело заморгал.

— Он совсем какой-то... ну, как Робинзон на диком острове, — сказал Юрка. — Надо ему помочь. Ты вот Ереме помогать взялся, а Глеб — живой человек.

— Ерема тоже живой, — заступился я.

Шепот звезд

Недалеко от дома, когда с Юркой мы уже расстались, я наткнулся на тетю Вику. У нее просто злодейская какая-то особенность — то и дело попадаться мне навстречу.

Она, конечно, воздела к небу руки:

— Геля! Еще утро, а ты уже похож на чучело! Ступай приведи себя в порядок! Ты не ребенок, а сплошная аномалия!

Раньше я думал, что «Аномалия» — это имя какой-то девочки-неряхи, и обижался. А потом узнал, что это просто ненормальность. Ну, и перестал обижаться.

Я зашагал к дому, а тетушка шла сзади.

— Гелий, ну почему ты не можешь выглядеть как нормальные дети?.. Вот хотя бы как этот мальчик. Посмотри.

Я посмотрел.

«Этот мальчик» шел по другой стороне улицы... Такие мальчики, наверно, специально существуют в природе, чтобы радовать тетюшек и бабушек. Шагает чистюля, скрипку в футляре тащит, под ноги смотрит, чтобы лаковые башмачки не поцарапать. Причесанный, в желтом костюмчике, на шее даже бантик — тоже ярко-желтый, с черными горошинками. На брючках стрелочки наглажены...

Я хмыкнул по-Юркиному, затолкал кулаки в карманы и зашагал быстрее. Затопал по асфальту. С сандалий посыпались чешуйки высохшего ила.

— Не вздумай в такой чудовищной обуви заходить в комнаты, — сказала тетя Вика.

Я вымыл сандалии на дворе под краном и потащил их сушиться на крышу.

— Опять тебя понесло куда-то! Сломаешь шею, — сказала бабушка из своего окна. Ее окно рядом с приставной лестницей, это очень неудобно.

— Не всем на скрипке играть, — буркнул я. И поскорее вниз. Там я поставил сандалии на решетку солнечного энергонакопителя, а сам пролез на чердак.

Пол на чердаке был посыпан негорючей пластиковой крошкой, она колола босые ноги. В углу я отодвинул полочный кухонный автомат и вытащил из старого бочонка приемник.

Это был совсем старинный приемник, ламповый «Рекорд». Он когда-то стоял у дедушкиного дедушки, да и в те времена это была устаревшая модель. Я отыскал его здесь прошлой весной. Протянул из своей комнаты удлинитель, думаю: дай включу эту машину. Что будет? Смотрю: лампы засветились. Что-то потрескивать стало, потом даже голос какой-то пробился. Интересно так...

Тогда я и придумал свою звездную станцию.

Я про нее никому-никому не рассказывал. Потому что засмеются: на Земле и на других планетах такие громадные звездные зеркала и антенны стоят, супертелескопы на спутниках, скадеры добрались до дальних звезд, а на крыше двухэтажного домика сидит третьеклассник и пытается услышать космические голоса. С помощью доисторического приемника и зонтика.

Из черного старого зонтика я сделал антенну-зеркало. Его я тоже нашел на чердаке и оклеил изнутри фольгой от чая и шоколада. Получилось что-то вроде маленького локатора. Я, конечно, не разбирался ни в физике, ни в астрономии, ни в радиотехнике. Но про большие звездные станции кое-что читал в «Технике юных» и решил, что у меня будет такая же, только очень маленькая. Если какие-нибудь сигналы от звезд попадут в мой «отражательный» зонтик, они соберутся в фокусе, как раз на кончике стальной проволоки, которую я приладил к рукоятке зонта. А оттуда — в приемник. Потому что другой конец проволоки я засунул в гнездо антенны.

Вдруг я однажды услышу что-нибудь такое... загадочное и совсем неожиданное? Нам даже в школе рассказывали, что важные открытия иногда делали не научные работники, а разные любители с помощью нехитрых аппаратов...

И вот я по ночам тихонько забирался на крышу и слушал звезды. Никто про это не знал, кроме старого Дуплекса. Я был очень осторожен.

Шкала у приемника оказалась разбитой, настройку заело на одной волне (понятия не имею, на какой). Поэтому я не таскал его на крышу, включал на чердаке и только протянул вверх провод с наушниками. Когда приемник нагревался, в наушниках начинало шипеть и потре-

скивать. Я сидел у каминной трубы, легкий зонтик брал за края и направлял его рукоятку к звездам. То есть антенну направлял.

Теплый воздух подымался от земли и уходил вверх с гребня крыши. Обтекал меня. Внизу трещали ночные кузнечики. Вокруг переливались огни Старогорска. Но я смотрел только вверх. Звезды были большие. Белые и немножко мохнатые от лучей. Между ними искрилась в черноте звездная пыль. Я переводил острие антенны от одной звезды к другой, и мне казалось, что конец стальной проволоки ходит где-то посреди Вселенной. Шорох в наушниках иногда угасал, иногда нарастал. словно кто-то шептал недалеко от меня — то в сторонке, то у самого уха. Неразборчиво шептал, но иногда очень настойчиво: будто хотел что-то объяснить, но не знал нашего языка.

Бывало, что и настоящие передачи пробивались: слова, музыка, песни. Одну песенку я слышал несколько раз, и она мне очень нравилась. Но больше всего я любил шорохи и шепот. Может, это сами звезды шептали? Или люди с незнакомых планет? Может, жители далекой Леды, где скадермены отыскивали развалины мостов и зданий? Вдруг они летят в пространстве и пытаются рассказать, почему покинули свою родину...

Я так и называл эти шорохи — «шепот звезд».

Среди ночи я через окно возвращался в дом и под одеялом, при фонарике, делал запись в «Журнале наблюдений»:

«11 июня 209 г. к. э. Сегодня в 00.05 опять слышал шепот, похожий на считалку про шесть мышей. А еще что-то потрескивало, будто от звезд шли электрические искры. Потом была еще неизвестная колыбельная песенка, я разобрал несколько слов. Небо было чистое и звезды яркие».

Звезды всегда были яркие. И они меня прямо завораживали. Хотя я и не понимал ничего в космических науках, но все-таки, наверно, сказывалось, что я внук астронома Травушкина. Жаль только, что я совсем не помнил дедушку, он умер, когда мне было чуть больше года...

В те ночи, когда я слушал шепот звезд, я был до обалдения счастливый. Наверно, не меньше, чем скадермен, который идет в бросках от звезды к звезде. Но как любит повторять бабушка, все проходит, все меняется.

В середине лета я встретил Юрку, и жизнь пошла дру- гая. Она так меня закутила, эта жизнь, что стало не до

ночных наблюдений. Но приемник я сберег: вдруг пригодится еще!

И вот пригодился. Немножко жалко отдавать, но у меня он без дела, а Ереме нужен до зарезу. Пусть уж...

Приемник я спустил с крыши на веревке, потом спустился сам (не по лестнице, а по стержню заземления) и спрятал «Рекорд» за будкой Дуплекса.

После этого я проник в комнату дедушки.

Здесь золочеными рядами стояли за стеклами ужасно старые книги. Чернела карта звездного неба. На большущем глобусе горел яркий солнечный блик. И со шелканьем качали тяжелый маятник древние пружинные часы со стрелками.

Машинка стояла на краю зеленого, как стадион, письменного стола. Она была накрыта полированной ореховой коробкой. На коробке блестели бронзовые узорчатые уголки. Машинку никто никогда не открывал (только я иногда поднимал крышку и осторожно давил клавиши).

Я снял коробку и оглянулся на дедушкин портрет. Бородатый дедушка улыбался. Он знал, какое дело я задумал, но, видимо, не сердился. А чего сердиться? Тут машинка стоит просто так, а там она нужна человеку. Для дела! И ничего с ней не случится за два дня.

Так я себя успокаивал. Но все равно я понимал, что делаю скверную штуку. Вздыхая и казнясь, я убрал машинку со стола, а футляр оставил на месте. Завернул машинку в старую папину куртку из плотной тетраткани — я нашел ее на чердаке и прихватил с собой. Прислушался. В доме стояла тишина: тетя Вика куда-то ушла, бабушка дремала наверху. Я поднял раму. Окно выходило в чашу сиреневых кустов...

Машинку я закидал лопухами рядом с приемником. Из будки вылез Дуплекс. Это кудлатый пес, большеухий, песочного цвета. Он обитал здесь давным-давно и раньше был дедушкиным любимцем. Дуплекс посмотрел синими водянистыми глазами и ткнул меня в ногу мокрым носом: погладь. Я погладил и признался:

— Плохой я человек, Дуплекс...

Он вздохнул и мотнул головой: «Нет, хороший».

— Для тебя-то я всегда хороший... Ладно... А как я все это потащу? Придется идти за Юркой.

Дуплекс кивнул: «Иди».

Засада на скрипача

Топал я босиком — сандалии все еще сушились на крыше. На углу я запнулся за кромку тротуара, ушиб палец и разозлился на Юрку: он мог бы и сам догадаться, что мне одному не утащить приемник и машинку. Болтается где-то...

Юрку я увидел, когда свернул на улицу Марка Твена. Юрка не болтался. Он словно прятался от кого-то.

Улица была горбатая, и на самом верху стоял красный дом с колоннами. В давние времена его построил владелец местной пристани, а теперь здесь была детская поликлиника. От дома спускалась кирпичная стена. Могучая такая и красивая: наверху узорные решетки, а в толще кирпичей полукруглые ниши. В нишах скамеечки сделаны. Тоже старые, прячутся в лопухах и диком укропе. Вот на такой скамеечке и притаился Юрка.

Интересно он себя вел: вытянет из воротника шею, глянет вверх, вдоль улицы, и опять в тень.

Меня Юрка не заметил: я-то снизу шел. Подобрался я кошачьим шагом и говорю:

— Руки вверх...

Он чуть вздрогнул, но голову повернул медленно.

— А, пришел... Садись, не торчи.

Я пролез через укроп, устроился у Юрки под боком. Сказал сердито:

— Это ты торчишь здесь. А я должен, как автоносильщик, весь груз переть к вагону?

— Успеется с грузом. Я тут жду кой-кого.

— Кого?

— Есть тут один... Хочу ему бантик пощупать.

— А, скрипач! — догадался я.

— Встречал?

— Видел. Тетушка мне его в пример ставила...

— Ну вот. Значит, и у тебя к нему счетик есть.

Но у меня никакого счета к музыканту не было. Пусть живет себе, как хочет. Я сказал:

— Больно он мне нужен... А тебе он что сделал?

Юрка оттопырил языком щеку, сощурился и плюнул в траву.

— Не люблю трусов. Их надо перевоспитывать, а то человечеству от них один вред.

Надо же, о человечестве забеспокоился. Лишь бы тяжести не таскать! (Палец у меня все еще сильно болел.)

— С чего ты взял, что он трус?

— Он вчера от меня драпал, как зайчик... — Юрка усмехнулся. — Я иду через мостик над Пестрянкой, а навстречу это музыкальное произведение. Я остановился, он тоже. И глазички вот такие, будто марсианского ящера увидел...

Я сразу понял, как это было. Стоит Юрочка на мостике, ботинком притопывает, руки сунул в широченные карманы, шевелит щекой и щурит табачные глаза не по-хорошему...

— Ну и что дальше? — сказал я без одобрения.

— Я говорю: «Ну-ка подойди, я посмотрю, что это за чудо с бантиком...» Он шаг назад. Я к нему — тоже шаг. А он повернулся да как рванет вверх по дорожке!

Я поморщился. Мне на музыкантика наплевать, но все равно неловко за него сделалось. Всякое случается: бывает, что и струсишь, и заревешь, но драпать вот так, без всякого боя, — это позор. Это вам самый смиренный перwokлассник объяснит.

Однако Юрке я сказал:

— Ты вон какой, на полкочана его выше...

— Ну и что? Он решил, что я его утоплю или съем?

— Решил, что драться будешь. А он драку небось только в кино видел.

— Вот и надо в жизни опыта набираться... А, вон он шагает! Красавчик Ниня...

— Это по-испански, что ли? Не ниня, а нинья. Значит — девчонка.

— Это не по-испански. Это сокращенно от слова «Паганиня».

— Не Паганиня, а Паганини.

— Кому Паганини, а кому так...

Ниня шел, не чуя засады. Спокойно так шел — не быстро и не тихо, ровно. Скрипка в футляре словно плыла с ним рядом. Другой бы махал ею, коленками поддавал, а этот...

— Я навстречу выйду, а ты сзади, — распорядился Юрка.

Не нравилось мне это дело, но с Юркой ссориться не хотелось. Получится, что я ему изменил, если откажусь. Ну и... по правде говоря, стало любопытно: что будет делать этот скрипач, угодивши в ловушку?

Лупить мы его не будем. Не за что, да и нельзя двоим на одного. А пугнуть «образцового мальчика», может, и полезно...

Все получилось очень ловко. Быстро, как в кино. Юрка

скакнул на тротуар и вырос перед Ниней. Тот шарахнулся назад, но там уже я стоял — руки в карманах, ноги на ширине плеч. Ниня отскочил вбок — и очень глупо. Оказался в нише, где мы только что прятались. Буквально в каменном мешке.

— Привет, — сказал Юрка и приподнял за хвостик берет.

Ниня прижимал скрипку к животу и перепуганно махал ресницами. Ресницы желтые, как его костюмчик, а глаза серые, налитые страхом, будто две чайные чашки. Потом он перестал мигать и спросил почти шепотом:

— Я вам что сделал?

— Ты? А что ты можешь сделать? — усмехнулся Юрка.

— Тогда почему вы за мной гоняетесь?

— Гоняемся? — удивился Юрка. Не по-настоящему удивился, а по-клоунски. — Да что ты! За таким бегуном разве угонишься? Вчера вон как чесанул.

Ниня слегка прикусил губу. В его глазах за страхом появилось что-то еще. Сердитость, что ли... Он вдруг быстро положил скрипку на скамейку, за собой, встал прямее, уперся сзади ладонками в кирпичи.

— Ну и что? — сказал он тихо. — Я же не знал, чего ты хочешь.

— Вот именно! — обрадовался Юрка. — Не знал и скорей бежать! А мне просто поговорить хотелось.

Ниня посмотрел на Юрку, на меня, потом куда-то между нами. Шевельнул плечом.

— Ну вот... теперь говорите...

Юрка усмехнулся и сплюнул. Я вдруг понял, что не знает он, про что говорить. Я тоже не знал, но я и не собирался.

Юрка лениво сказал:

— Теперь уже неохота. И так видно, что ты за персонаж. Еле стоишь, коленки от страха вибрируют.

Ниня глянул на свои желтые брючки со стрелками и ответил очень серьезно:

— Нет. Не вибрируют.

— Все равно боишься, — хмыкнул Юрка.

Ниня опять посмотрел вниз. Будто раздумывал. Потом глянул на нас честно и спокойно.

— Да, боюсь. Я очень за скрипку боюсь.

Юрка ненатурально засмеялся:

— Ну, вы даете, маэстро... Не такие уж мы дикари. Бантик могли пощупать, но зачем же трогать скрипку...

— Если в драке, можно ведь случайно. Я всегда за нее дрожу.

— Такое сокровище? Страдивариус? — язвительно спросил Юрка. Он иногда умел показать образованность.

— Нет, — сказал мальчик. — Но она все равно очень хорошая. Она одна такая на свете...

— Надо же, — сказал Юрка.

Скрипач стоял все так же: упирался ладонями в стену и загораживал скрипку. Я сейчас разглядел его как следует. Лицо загорелое, нос облупленный, а волосы такого цвета, как шерсть у Дуплекса, — будто желтый песок. Растрепались теперь... Мы встретились глазами. Я замигал от неловкости, опять разозлился на Юрку и на себя тоже. Чего мы к этому мальчишке привязались?

Чтобы помочь ему, я спросил:

— Значит, что? Если бы без скрипки, ты бы не убежал?

Он подумал секунды три, облизнул губы и сказал негромко:

— Нет. Я бы не убежал.

Глаза его набирали смелость. Не нахальную смелость, а такую, спокойную.

Я дернул Юрку за свитер:

— Ладно, пойдем...

— Ага, — охотно откликнулся Юрка. Повернулся, и мы пошли от скрипача. Юрка сказал с усмешкой: — Поговорить можно и потом, когда он будет без скрипки. Как-нибудь встретимся.

И вдруг мы услышали сзади:

— Если хотите, пожалуйста...

— Что? — Юрка сразу обернулся.

Мальчик не ответил, но глаза не опустил.

— Значит, можно встретиться? — с недоверчивой усмешкой спросил Юрка.

— Ну... пожалуйста, — снова тихо сказал мальчик.

— А когда? — Юрка опять завелся.

— Хоть когда. Пожалуйста...

— Хоть сегодня?

— Ну... ладно. Раз вам так надо...

— Тогда мы тебя проводим, — деловито сказал Юрка. — Отнесешь скрипку и выйдешь. Идет?

Мальчик подумал, кивнул и взял со скамейки футляр. Сказал, будто оправдываясь:

— Я в трех кварталах живу, на улице Кольцова.

— Посмотрим, где обитает юное дарование, — бормотнул под нос Юрка.

И мы пошли. Скрипач немного впереди, а мы сзади и по бокам. Молча. Я чувствовал себя ужасно по-дурацки. А Юрка вроде бы ничего. Спросил у мальчика:

— Ты откуда взялся? Мы всех в округе знаем.

— Мы из Приморска приехали. Папа будет поликлиникой заведовать, вон той, — мальчик мотнул головой назад.

— Ух ты... — сказал Юрка с насмешливым уважением. — А что, в Приморске все с бантиками ходят?

— Нет, — отозвался мальчик. — Там ходят без бантиков. Просто я сейчас занимаюсь у одного... у дедушкиного друга. Он старый музыкант и любит, чтобы ученики всегда были как на концерте. Мне это не трудно, а он доволен.

Юркины насмешки как-то усыхали от этих спокойных ответов. И все же Юрка сказал:

— Не забудь снять, когда пойдешь обратно.

— Да, сниму.

Он жил в новом двухэтажном доме с полукруглыми окнами. У нас в Старогорске много таких понастроено: разноцветных, небольших, квартир на восемь. Перед каждым — газон с низеньким пластмассовым штaketником.

Мальчик сказал нам:

— Я быстро, — и скрылся за дверью высокого крыльца. Мы сели на штaketник.

— Глупо, — сказал я.

— Что глупо? — огрызнулся Юрка.

— Сидим здесь без толку, а там Глеб ждет. И Ерема, наверно, пришел.

— Ну и подождут. Надо же опыт до конца довести.

— Какой опыт?

— Психологический. Выйдет Ниня или нет.

По правде говоря, мне тоже было интересно: выйдет ли? И хотелось, чтобы мальчик вышел. Назло Юрке...

Распахнулась дверь. Я обрадованно привстал. Но это был не скрипач. Вышла женщина в красном платье и соломенной шляпе. Оглянулась на нас.

— Мальчики, вы, наверно, моего сына поджидаете?

Самое время было сыграть отбой. Я уже прикинул: кувырок назад, а там через траву и в переулок. Но она сказала:

— Он просил подождать две минуты. У нас вешалка в коридоре сорвалась, он прибывает.

Женщина, улыбаясь, подошла к нам. Юрка незаметно сдвинул меня локтем в бок: встань, дубина. Когда надо,

он умел себя вести. Мы поднялись. Я виновато затоптался, захотелось куда-нибудь спрятать босые ноги. Мать скрипача посмотрела на них, улыбнулась и объяснила:

— Он сказал: «Там два моих товарища сидят, пусть не уходят...» А почему вы не зашли в дом?

— В другой раз, — вежливо отозвался Юрка. — Спасибо.

Она опять улыбнулась нам и пошла вдоль газона. Красивая такая, молодая. Вроде моей мамы. Юрка опустил голову и досадливо шевелил щекой.

И в эту минуту появился наш музыкант.

Конечно, уже без бантика. И вообще без концертного наряда. В синей майке, в мятых шортиках от летней школьной формы, в потрепанных кедах. Встал перед нами, опустил руки и сказал:

— Ну вот... — И посмотрел хмуро. — Куда пойдём?

— Зачем? — удивился я.

— Как зачем? «Разговаривать».

— Можно и здесь, — неловко проговорил Юрка. — Ты скажи вот что... С чего ты нас в товарищи записал? Матери сказал...

— А что я должен был сказать? «Мама, там два мальчика драться со мной пришли, попроси их подождать». Да?

— Да кто с тобой драться собирался?.. — насупленно произнес Юрка.

— А что, нет? — Он глянул довольно дерзко. — Пожалуйста. Вы же сами хотели.

— У нас двое на одного не нападают, — сказал я.

— Нигде не нападают. Значит, по очереди?

— Да ну тебя, — вздохнул Юрка. — У меня с тобой силы разные. Если хочешь, давай с ним. — Он кивнул на меня.

— С какой стати! — возмутился я.

Юрка вдруг засмеялся. Я сердито посмотрел на него и спросил у мальчика:

— Тебя как зовут?

Он шевельнул губами, будто улыбнуться хотел и раздумал. Опустил глаза и сказал:

— Юрка.

Честное слово, за полсекунды до этого я уже знал, что он — Юрка. Сам не понимаю почему. Будто шепнул кто-то. А может, незаметно шевельнулось воспоминание про книжку, которую я когда-то читал? Старая такая книжка, на-

зывается «Янка-музыкант». Или Янко? Не помню... О крепостном мальчишке, которого забил до смерти помещик.

Конечно, этот Янка был не похож на крепостного. Но тоже скрипач. И такой беззащитный на вид. У меня почти никакой мускулатуры, а у него даже по сравнению со мной руки как спички. А еще драться хотел...

— Ян-ка... — машинально повторил я. Шепотом.

А Юрка сказал с заминкой:

— Имя какое-то... не здешнее.

— Меня дедушка так назвал, — объяснил мальчик и зарарапал кедом тротуар. — Дедушка с Балтийского моря родом, ну и вот... Полное имя Ян. А Янка — это так, пока...

Я подумал про своего деда и спросил Янку:

— А твой дедушка кем был? Скрипичным мастером?

— Почему был? Он и сейчас есть, он врач. Ну и мастер тоже... Он скрипки всю жизнь делает. Ему даже Лев Сайский скрипку заказывал.

Я понятия не имел, кто такой Лев Сайский. Но Юрка поднял брови, будто сказал про себя: «Ого!» И спросил:

— А твою скрипку он специально для тебя делал?

— Да... Сразу, как я родился.

— А ты давно учишься играть?

Янка улыбнулся:

— Ну... наверно, да. Всю жизнь.

— Значит, тебя не заставляют? Ты сам? — поинтересовался я.

— Кто меня может заставлять? — Глаза у Янки распахнулись от удивления.

Я вспомнил, как три года назад тетя Вика и бабушка пытались записать меня в музыкальную школу. Реву было...

— Я сам... — сказал Янка. — Я если долго не играю, то просто... ну, как будто не живу.

Юрка посопел и проговорил нерешительно:

— Тогда конечно... А сегодня ты много играл?

— Я не знаю... Наверно, да.

— А еще можешь? — совсем тихо спросил Юрка.

Янка обрадованно вскинул глаза:

— Я хоть сколько могу! Пошли ко мне! Вы хотите?

Я не знал, хочу ли. Но Юрка почему-то хотел. И сам Янка весь прямо засветился.

Но Юрка вдруг насупился:

— Да ладно, потом. Дела у нас.

Я понял, что он стесняется своего балахонистого наряда. И подумал, что и сам не гожусь для гостей.

Янка сказал быстро:

— У нас дома никого нет. Пойдем!

Бабушка говорит, что я ничего не понимаю в музыке. Потому что, когда по радио играют сонату Бетховена, я могу свистеть разбойничьи куплеты из фильма «Зáмок на Черном острове» (свистеть вообще неприлично, а при Бетховене... О, этот ребенок!). Ну, не понимаю, и не надо. Что теперь делать?

То, что играл Янка, я тоже не понял и не запомнил.

Сперва мне понравилось, как струны пропели: та-а... та-та-а... Будто и не струны, а трубач в летнем лагере. Но дальше музыка взвилась, закружилась — не уследишь, не разберешь. И я от нее отключился. Но все равно мне очень понравилось, как играет Янка. Смотреть на него нравилось.

Мы сидели на пустой веранде с разноцветными окнами. У стены, прямо на полу, сидели. А Янка стоял посредине. То есть он не стоял, а будто летел вместе со своей музыкой. Солнце косо било в желтые и красные стеклышки, и мимо Янки словно неслись на быстром ветру яркие осенние листья. Черный смычок рвал воздух над блестящей скрипкой, пальцы летали над грифом, волосы у Янки растрепались, пряжка на пояске съехала набок, майка сбилась выше живота, но это было не смешно нисколько...

Мне вдруг показалось, что Янка мчится, стоя на спине золотистой лошади...

В музыке опять прозвучали те ноты, с которых началась мелодия. Как сигнал. И Янка опустил смычок. Откинул волосы. У него на лбу и на горле блестели крошечные капельки.

Юрка сидел скорчившись. Поставил на колени кулаки, на кулаки положил подбородок. Глядел на Янку из-под волос.

— Вот... — тихонько выдохнул Янка.

— Это что было? — спросил Юрка, не шевелясь. — Тадеуш Левский?

Янка чуть улыбнулся:

— Нет... Это дедушка написал. И я немножко. Мы вместе...

— Вот я и смотрю: что-то совсем незнакомое, — полупшепотом сказал Юрка.

Я удивленно покосился на него.

Янка поправил майку, почесал смычком ногу, облизнул губы. Вскинул голову:

— Еще? — И спохватился: — Ой, вам же надо идти. Да?

Юрка лопатками оттолкнулся от стены и вскочил.

— Да, — сказал он. — Хочешь с нами?

Янка не спросил куда. Не спросил зачем. Сразу ответил:

— Хочу.

Мы вышли на крыльцо. Уже совсем вечерело. Солнце делалось кирпичным и проваливалось в гущу тополей на станции. Я сказал Янке:

— Мы домой поздно вернемся. Тебе не попадет?

(Про себя-то я точно знал, что попадет.)

Янка удивился:

— Почему? Мне хоть до какого часа бегать разрешают, я человек вольный... Только я дедушке записку оставляю, ладно?

Он опять убежал в дом. Юрка задумчиво сказал ему вслед:

— Вот это игра у парня!

— Не знал, что ты такой любитель музыки...

— Ты многого не знал, — усмехнулся Юрка. — В Нейске из меня делали всесторонне развитого ребенка.

— Поэтому ты и сбежал?

— Ты же знаешь, что не поэтому, — ответил он сумрачно.

Я прикусил язык. Потом примирительно спросил:

— А что, Янка в самом деле здорово играет? Я ведь не разбираюсь...

— Дело даже не в том, что здорово...

— А в чем?

— Никогда не думал, что в скрипке могут так звучать трубы и барабаны. Вот тебе и... Няня.

Что-то шевельнулось во мне. Беспокойство какое-то.

— Юрка, зачем ты его позвал с нами? Будешь делать из него человека?

— Из него-то? Он и так человек, дай Бог каждому.

Я промолчал. Тревога во мне осталась. Пока еще маленькая, непонятная...

Вторая часть

ОТЕЛЬ

«КУРЯТНИК НА КОЛЕСАХ»

Наша компания

Это Глеб назвал так наш вагон: отель «Курятник на колесах». Вагон был покосившийся, щелястый, будто и в самом деле старый курятник. Но мы его любили.

С двух сторон у вагона были широкие раздвижные двери. Те, что смотрели в сторону станции, оставались закрытыми: их наглухо заклинило. А те, что выходили на пустырь за тупиком, нормально раздвигались и задвигались. В торцевых стенках вагона тоже находились двери. Они вели на узенькие крытые площадки, вроде балкончиков. Наверно, раньше здесь размещались те, кто караулил ценные грузы...

Глеба мы устроили неплохо. Принесли ему (а заодно и себе) надувные матрацы, несколько старых одеял. Я нашел на чердаке круглый фонарь типа «Сатурн». Днем он заряжается от солнца, а ночью сам светит, как солнце. Юрка раскопал где-то старенький карманный телевизор, которые сейчас уже не делают. Экран часто мигал и путал краски, но Глеб все равно радовался.

В вагоне сохранились широкие полки — вроде двухэтажных нар. Можно спать хоть внизу, хоть наверху. Мою машинку Глеб поставил на пластиковый ящик, который служил столом.

Все получилось хорошо, только щели в стенах заткнуть мы не смогли. Слишком их было много.

— Да ладно, — сказал Глеб. — Погода у вас теплая, до осени и так протяну.

— Дело не в погоде, — озабоченно разъяснил Юрка. — На станции увидят, что вечером щели светятся, и начальник попрет нас.

— Да не попрет он, — отозвался Глеб. — Он знает, что я здесь поселился.

— И не ругается? — удивился я.

— Нет. Он хороший дядька.

Юрка шевельнул щекой. «Хороший дядька» часто орал на мальчишек и обещал оторвать уши за то, что бегают не через мост, а прямо по путям.

— Он понял, что мне деваться некуда, — вздохнул Глеб.

И мы опять задумались над его странной историей.

Где этот город Колыч? Почему никто о нем не слышал, если ехать от него до нас два часа? И вообще, когда Глеб рассказывал про себя, мы узнали много странного.

Глеб с семи лет жил в интернате, потому что родители его разбились в авиалайнере (как может разбиться лайнер?). Школа у них была громадная — несколько зданий по четыре этажа (хотя все знают, что интернаты и школы выше двух этажей строить запрещено). Рядом с интернатом стоял механический завод, и старшие ребята проходили там практику (это, конечно, здорово, но как завод может стоять рядом со школой? Куда смотрели врачи?).

Но Глебу мы верили. Было видно, что он не придумывает. Он оказался хорошим парнем, добрым таким, и ничуть не показывал, что старше нас. Только в те моменты, когда Глеб брился, мы вспоминали, что ему больше двадцати.

Глеб разводил в чашечке мыльную пену, мазал этой пеной светлую щетинку на худом лице и со скрипом скоблил щеки страшной складной бритвой. Пух на подбородке он оставлял. Мы держали перед Глебом зеркальце и смотрели, развесив губы. Такое допотопное бритье мы раньше видели только в кино.

— Учитесь, учитесь, молодежь, — говорил Глеб, махая тонким лезвием. — Бритье — истинно мужское дело.

Однажды, взбивая пену, Глеб научил нас выдувать из нее и пускать по ветру большущие радужные пузыри. Мы с Янкой просто выли от восторга, да и Юрка радовался. Никто в Старогорске до этого не знал такой игры. А Глеб удивлялся: что за город, простых вещей не знают!

Но те простые вещи и дела, которые были в Старогорске, его тоже удивляли. Например, что хлеб в булочных бесплатный, что пообедать можно тоже без денег, если не в ресторане, где танцы и стереотеатр, а в простой столовой. И что в автоматической прачечной платить не надо (он туда носил свою рубашку).

— А сигареты стоят бешеных денег! — возмущался Глеб.

Но сигаретами его снабжал Ерема.

Ерема вставил в свой потроха лампу из моего приемника, и боли в затылке у него прекратились. Он долго благодарил меня и подарил литой пистолет (такой тяжелый, что чуть не свалились штаны, когда я положил его в карман). Вагон Ереме понравился, да и наша компания тоже. Он стал заходить в гости. Играл с Янкой в магнитные шашки, курил с Глебом на вагонной площадке, сидел вместе

с нами, когда мы разговаривали о всяких своих делах или обсуждали таинственную Глебову историю.

Мы потрошили эту историю снова и снова. Глеб никогда не отказывался от таких разговоров. Но порой лицо его делалось грустным. Он снимал очки и рассеянно чесал ими в затылке.

Однажды Янка осторожно спросил его:

— Скучаешь?

— А... Да. — Глеб неловко заулыбался. — Там меня работа ждет, а я здесь торчу, как курортник. Неизвестно, кто я и зачем... С другой стороны, хочется во всем разобраться до конца. Иначе я не журналист, а дырявый чайник... Вот хожу, смотрю, потом сижу, пишу. Пытаюсь выводы сделать. Хорошо, что машинка есть, спасибо Гельке... А с третьей стороны...

— Разве в логике есть такое понятие — третья сторона? — придиричиво спросил Ерема.

— Есть... С третьей стороны, пора бы все-таки домой, но куда и как? С четвертой — что делать дальше-то? Там люди ждут, волнуются...

— Друзья? — спросил Янка.

— Ну... и друзья. И редактор...

Меня дернуло за язык:

— И невеста?

Глеб серьезно сказал:

— Невесты пока нету.

— А ты влюблялся? — нахально спросил Юрка.

— Бывало, — засмеялся Глеб. — Но в основном не₂удачно.

— А зачем влюбляются? — спросил Ерема.

— Ни за чем. Это бывает само собой, — сказал Глеб.

— Необъяснимое отклонение от логики. Чисто человеческое свойство, — скрипуче подвел итог Ерема и сморщил нос.

— А у тебя всегда все объяснимое? — поддел Юрка. — Скажи, ты зачем статуи в парке громил?

— Это объяснимо. Я думал, они шпионы.

— Кто?! — хором спросили Юрка, Янка и я.

— Шпи-оны. Не все, а некоторые. Я не знал какие. Бил все. Некоторые не бились.

— Да чьи шпионы-то?

— Я не знаю. Мне казалось.

— А потом не стало казаться? — хихикнул Юрка.

— Нет, потом тоже. Но я не стал. Гражданин милицейский начальник объяснил...

— Что объяснил? Что тебя по голове тазиком стукнули? — со смехом спросил Юрка.

— Он сказал: «Ерема, если они шпионы, они люди. Нехорошие, но все равно люди. А робот не имеет права делать вред людям. Никаким». Я не стал.

— Но ведь они не люди, а просто гипсовые куклы! — крикнул я.

— Разберемся, — сказал Ерема. Потом спросил немного другим голосом: — А чего ржете?

Мы смутились. Разве Ерема виноват, что не все знает. Никто же ему не объяснял, что шпионов у нас не бывает.

Вообще-то Ерема был очень умный. Математику и физику он знал, наверно, лучше наших учителей. И электронную технику. Он изучил эти науки в подвале библиотеки. Но историю он совсем не изучал. В живой природе тоже не разбирался. И писал безграмотно. Такими корявыми буквами, что порой и не разберешь. Наверно, поэтому он очень интересовался машинкой и любил тыкать в клавиши твердым пластмассовым пальцем. Палец часто застревал между клавишами. Ерема скрипучим шепотом ругался.

Ерема был недоволен своей системой. Он рассказывал, что делали его тят-ляп, чтобы успеть к выставке. От случайного удара голова его перестроилась и поумнела, но конструкция-то лучше не стала. Один раз он долго ворчал, что на корпусе не сделали карманы. Тогда я подарил ему куртку, в которой принес машинку. Ерема целый вечер был как именинник.

Скоро Ерема совсем переселился в «Курятник». Он притащил старый сундук и сказал:

— На свалке старухи совсем заели. Можно здесь устроиться?

Мы не поняли, что за старухи, но Ереме были рады. Особенно Глеб. Он говорил:

— Хороший мужик, хотя и железный, умница. Оригинал. Откуда у вас такие берутся?

Мы объяснили, что не «такие», а «такой». Потому что Ерема — единственный в своем роде. Автоматические дворники и контролеры в кино не в счет. Они практически совершенно безмозглые.

Ерема со своим сундуком устроился в дальнем углу «Курятника». За сундуком он, как за столом, читал или что-то царапал на бумаге. На сундуке спал: сядет на него, сложит калачом ноги в бутсе и валенке, привалится к стен-

ке и выключится. Только внутри за жестяными дверцами тикает реле времени.

Сейчас Ерема был не такой, как в недавней молодости. Песен не горланил, разговаривал сдержанно. Бывало, правда, что раздражался, но редко. Если уж очень сильно Юрка начинал донимать его ехидными вопросами.

Юрке почему-то нравилось поддевать Ерему. Начинал он спокойно, невинно так. Например, говорит:

— Ерема, а почему у тебя такое имя? Несовременное...

— Так получилось, — отвечает Ерема и поскрипывает внутри.

— Как получилось?

— Сначала было ЭР-м «А». Электронный робот, модель А. Сокращенно — Эрема. Переделали в Ерему. Постепенно.

— А что такое модель «А»?

— Значит, начальная. «А» — первая буква в алфавите.

— А что, собирались строить на все буквы?! — радуется Юрка. — Тридцать три братца-богатыря! Самый умный на букву «Ы»!

Ерема опускает голову на ребристой резиновой шее. Потом говорит негромко, будто не Юрке, а себе:

— Мне хватило бы и одного...

Нам почему-то не по себе. Даже Юрке.

— Ладно, старик, ты не обижайся.

— Электронные системы не обижаются, — сухо отвечает Ерема. И видимо, это неправда.

Я с досадой гляжу на Юрку и говорю:

— Ерема, дай ему валенком по копчику, чтобы не болтал!

— Не могу, — объясняет Ерема с явным сожалением. — Робот не может наносить вред человеку.

— Какой же это вред? Это ему только на пользу!

Ерема поднимает голову и, кажется, всерьез обдумывает задачу: вред или польза?

— Но-но, — говорит Юрка и на всякий случай лезет на верхние нары. Туда тяжелому Ереме не забраться.

— Вопрос отпадает, — подводит итог Ерема.

Мы смеемся. Даже Ерема весело похрюкивает резиновым носом. И опять нам хорошо вместе.

В «Курятнике» мы собирались обычно по вечерам. Днем у каждого хватало своих дел. У меня, у Юрки и Янки — известно какие дела: каникулы на дворе. Янка, кроме того, каждый день ходил на музыкальные занятия.

Ерема чистил башмаки прохожим или копался в своем электронном нутре, паял там что-то. Глеб тоже был занят. Начальник станции взял его на временную работу: разбирать старые документы и оформлять стенгазету для пассажиров (которых почти не было). За это Глебу кое-что платили. Он купил себе пару новых башмаков и рубашку.

А еще он купил несколько пачек бумаги, копирку и каждый день щелкал на моей машинке. Быстро-быстро! Многие листы рвал, а уцелевшие складывал в стопку.

Один раз я прибежал раньше Юрки и Янки, а Глеб сидит над машинкой сгорбившись, чешет за ухом снятыми очками. Повернулся ко мне — лицо без очков незнакомое и ужасно печальное.

— Не получается ничего, Гелька... Думал, напишу по порядку, тогда во всем разберусь. Мыслишки приведу в порядок. А ничего не выходит. Белиберда, каша...

Я переминался перед ним, не знал, как помочь. Глеб широченной ладонью провел по моему ежику.

— Пойду покурю...

Я остался у машины. Две стопки напечатанных листов лежали на краю стола. Но лежали они вниз текстом — буквы еле просвечивали через бумагу.

Любопытный черт подтолкнул меня. Знал ведь я, что свинство это — совать нос в чужие бумаги, а рука сама приподняла листок...

Прочитать я не успел ни слова. Глеб кашлянул за спиной. Когда он вернулся?

Тут бы и провалиться мне сквозь дощатый пол, сквозь шпалы, сквозь кору Земли. Глубже Ярксонской скважины, на которой работает отец. Не провалился. Только башка опустилась, а шею и уши будто капроновой мочалкой надрали.

А Глеб сказал, словно ничего не случилось:

— Да ничего там хорошего, путаница всякая. До сути я еще и не добрался... Почитай, если хочешь.

Лучше бы взял за шиворот да выставил из «Курятника».

— Я нечаянно... — глупо пробормотал я.

— Да? — вздохнул он. — А я думал, тебе интересно.

— Мне... интересно, — выдавил я, не поднимая головы.

— Ну и возьми. Можешь забрать домой и почитать. У меня два экземпляра на всякий случай...

Я понемногу перестал краснеть и отдышался. И хотел встать за чтение прямо сейчас. Но пришли Юрка с Янкой, и за ними грустный Ерема.

Ерема взгромоздился на сундук, запахнул куртку и мрачно проскрежетал:

— Выключиться, что ли?..

— Ты чего кислый? — спросил Глеб, забираясь на верхнюю полку и прихватывая машинку.

— Меланхолия, — сказал Ерема. — Все пар-ршиво. Один на свете.

— Как это один? — осторожно сказал Глеб. — А мы?

— Вы — хорошо. Но это недолго. Будет осень, все разойдутся, «Курятник» будет пустой. Это с одной стороны...

— Все равно мы тебя не бросим, — сказал я.

— Понимаю. Это тоже хорошо. С другой стороны. А с третьей стороны, все равно я один такой.

— Тогда обзаведись детьми, — посоветовал Юрка. — Построишь домик, будешь сидеть с ними у камина и рассказывать, как развлекался в молодости... Только не оставляй их на тетушек.

— Откуда у Еремы тетушки! — сказал Янка.

— Да, — согласился Ерема. — И где взять детей?

— В самом деле... — заметил Глеб.

— Откуда вы вообще беретесь? — сухо спросил Ерема. Юрка хмыкнул. Глеб завозился на верхней полке и сказал:

— М-м... да. Видишь ли, Ерема, человеческий опыт все равно тебе не пригодится.

— Я не для опыта. Для информации. Я эту проблему еще не изучал.

Юрка захихикал. Янка лежал на нижней полке, закинув руки, и внимательно рассматривал над собой доски. Я оглядел всю компанию и бодро заговорил:

— Видишь ли, Ерема, это большая волокита. Прежде всего нужны два человека — папа и мама. Они договариваются, какой должен быть ребенок. Потом они идут... в это... в магазин «Детский мир», в самый малышейвый отдел, подают заявление... Да, еще документы нужны, что они именно папа и мама. От других родственников и от посторонних заявки не принимают... Ну, а потом приезжает почтовый фургон, приносят заказ: розовое дитя в коробочке. Воспитывайте... Иногда, правда, перепутывают. У меня мама и папа хотели девочку, а получили рыжего бестолкового мальчишку.

— Почему же обратно не сдали? — спросил Глеб.

— Обратно не принимают. За какого расписались, такого и воспитывайте.

Янка задумчиво сказал:

— А со мной не так было. Мама и папа никого не ждали, а в окошко влетел ветер. Маленький такой ветерок, закрутил по комнате всякие бумажки, лепестки с букета. А когда вылетел — пожалуйста. Я лежу на кровати... Мне дедушка рассказывал.

Я покосился на Ерему и спросил придирчиво:

— Но документы у мамы с папой все-таки были?

— Конечно!

Юрка зевнул и сказал:

— А обо мне предания молчат. Думаю, обошлось без документов. Ты, Ерема, не верь этим бюрократам.

— Балбесы, — отчетливо произнес Ерема. — Вы не поняли вопроса. Я спрашивал, как получаются дети т а к и е, как в ы. Бестолковые и вредные.

Глеб обрадованно захохотал. Но потом спохватился:

— Ерема! Это сложный научный вопрос. Они же все разные. Вот Янка, например, он вместе со скрипкой на свет появился. Почему?

— Нет, — сказал Янка. — Скрипку дед сделал. Сразу, как я ро... как ветер принес.

Глеб сказал:

— Принес бы ты еще разок скрипку, поиграл бы...

— Ну, пожалуйста.

Янка не стал ждать другого раза. Сказал, что принесет скрипку сейчас. Это же мигом: туда и обратно — полчаса.

— Я с тобой, — подхватился Юрка.

Они теперь все время так: если куда один, туда и другой. А меня когда позовут, а когда и забудут.

Сейчас забыли. И я стал такой же скучный и одинокий, как Ерема. И полчаса бродил вокруг вагона, сшибая палкой «бабкины бусы». Хотя нет, не полчаса. Они прибежали раньше.

Когда Янка начал играть, я перестал дуться. Просто забыл. Он так здорово играл! Даже Ерема слушал, подперев башку пластмассовой ладонью.

Янка и раньше устраивал концерты в вагоне. Его хлебом не корми — дай поиграть, а нам нравилось слушать. Я не всегда вникал в мелодию, но любил смотреть, как летает над скрипкой смычок и как мечется по стене Янкина тень. Как он качается на тонких ногах, будто улететь хочет, и как разлетаются у него волосы... Всегда хорошо смотреть на человека, если он что-то делает от души...

В этот раз он играл особенно долго. То песни — знако-

мые и простые, то что-то запутанное, быстро. А потом... потом я услышал ту музыку, что играл Янка в день знакомства. Там, на разноцветной веранде.

Оказывается, я эту музыку помнил!

В ней и правда было что-то такое... Ну, не трубы и барабаны, как сказал тогда Юрка, однако что-то тревожное. Негромкий сдержанный марш. А еще — плавная и хорошая такая мелодия, которую вдруг что-то ломает, и будто звучат резкие шаги. А затем — тише, тише, тише... И вдруг снова тревожный марш. И сигнал трубы. И конец...

— Это что за вещь? — спросил Глеб, когда Янка опустил скрипку.

— Ее Янка с дедом сочинил, — быстро сказал Юрка.

— Да? А что это такое?

— Это... ну, вроде музыкальной пьесы, — застеснявшись, проговорил Янка. — Называется «Восстание».

— Похоже, — сказал Юрка.

И я подумал, что похоже.

Янка сел, положил скрипку на колени и объяснил:

— Это так случилось... Я еще в первом классе был, и дедушка рассказал мне про одно давнее восстание. Там была баррикада, и на ней отбивались от врагов взрослые и ребята... Мы про это и стали придумывать музыку. Ну и вот...

— А они победили? — спросил я. — Те, кто на баррикаде.

Янка покачал головой:

— Нет, они просто отбились и ушли. Те, кто не погиб.

— Такие восстания редко побеждали, — сказал Глеб.

— Почему? — удивился я.

— Подумай сам, на баррикаде много ли навоюешь? Враги лезут и лезут, а у тебя патроны кончаются, хлеба и воды тоже нет. Вот и остается погибнуть или уйти куда-нибудь. Если не хочешь сдаться.

— Нет, они не сдались, — тихо сказал Янка.

Когда мы шли домой, за тополями светил закат, а над головой уже появились звезды. Было хорошо, и я забыл все грустные мысли. У меня в голове толкалась музыка Янкиного «Восстания». Потихоньку я стал насвистывать марш.

Юрка вдруг сказал:

— Гелька, помнишь, ты просил у меня арабскую монетку?

Я помнил. В прошлом году Юрка где-то раздобыл медную денежку с заковыристыми буквами и с круглой дыркой посредине. Появилась тогда у мальчишек мода — носить старинные монетки на шее, на шнурке. Будто амулет штурмана Кареева из фильма про скадерменов. Но я-то не для этого ее просил, а для коллекции. Юрка не давал.

— Ну и что? — удивился я. — Это же когда было...

— А сейчас? Хочешь?

— Ну... хочу.

— Только уговор...

— Какой?

— Не свисти, ладно? У тебя слух, как у больной курицы.

Я сбил шаг. Будто снежком в лицо вляпали. За что? Но... я ничего. Пошел дальше. Все сделалось по-другому, но я шел.

Янке, видно, стало не очень-то хорошо.

— Юр... — проговорил он.

— А что? Я правду говорю.

Конечно, он правду говорит... Я сказал:

— Ну давай.

— Что?

— Монетку. Я же перестал свистеть.

Юрка хмыкнул, зашарил в необъятных карманах. Положил мне в ладонь монетку. Я размахнулся и бросил ее вдоль улицы.

И сразу я быстро пошел вперед, оторвался от Юрки и Янки. Было тихо. Только стучали по камню мои шаги да шелестели на груди листы Глеба — я сунул их под майку.

• О чем писал Глеб

Дома я был такой насупленный и так мне было все равно, что даже с тетей Викой я не спорил. Послушно умылся, послушно съел морковь со сметаной, послушно пошел спать.

Но не заснул, обида грызла. На Юрку. После того как появился Янка, Юрка стал со мной совсем не таким. Будто надоел я ему, будто я опять Копейкин...

На Янку я ни капельки не злился. Если бы нам втроем одинаково дружить, я бы только радовался. Но теперь я и сторонке. Все время я это чувствую. Иногда просто до слез чувствую...

А что, если Юрка станет уже не друг, а... просто как все мальчишки? Тогда мне как жить? У меня же... Если честно говорить, у меня кто есть на свете? Мама, папа да Юрка. Он-то этого не знает, про такие вещи не говорят никому. Но себе можно сказать. Если не вслух, а мыслями. Если ночью, когда рядом никого нет...

Я лежал, выбросив подушку и запрокинув голову. Смотрел на розовую луну в бледном небе. Быстро темнело, и луна становилась все ярче. И расплывалась, расплывалась в глазах. Я со злостью моргнул, перевернулся на живот.

Ладно, Юрочка, живи как хочешь, я набиваться в друзья больше не буду. В конце концов, и без тебя хватает на свете хороших людей. Вот Глеб... Между прочим, не тебе и не Янке, а мне одному он дал почитать свои записки.

Я включил фонарик и взял с подоконника листы...

«Я должен все написать по порядку. Мне сейчас не до красоты стиля. Главное — чтобы точно. Чтобы разобраться в этой истории. Я был бы уверен, что все это сон, если бы не мальчишки. Очень уж они живые. В том смысле, что настоящие...

Да, я же хотел по порядку. Вот так.

Я, Глеб Сергеевич Вяткин, корреспондент районной газеты «Маяк» в городе Колыче. В этот город я приехал три месяца назад, когда перешел на заочное отделение и попросил заведующего кафедрой печати подыскать мне какую-нибудь должность в газете. Меня долго не хотели отпускать с факультета: «Зачем тебе это надо, четвертый курс, куда-то ехать из Москвы, ты так и застрянешь в районке, какая глупость...»

Каждому свое. Москвы за три года мне хватило. По крайней мере, пока. Районка? Ну и хорошо. Я всю жизнь (кроме армии и университета) прожил в районном Нововятске, я люблю маленькие города. Я хотел работать и писать первую в жизни книгу. Сам еще толком не знаю, о чем эта книга. Но чтобы ее писать, надо работать, надо делать дело...

Мне двадцать четыре года. До семи лет я жил с родителями. Потом случилась катастрофа. Они первый раз в жизни отправили меня в лагерь, а сами полетели отдыхать к морю, и самолет разбился при посадке... Меня определили в интернат. Я хорошо помню этот черный год: и застывшее внутри меня, как ледяной ком, горе, и сны,

когда мама и папа снова живые, и тоску... К интернату я привыкал медленно. Два раза убежал в лес, чтобы построить дом и жить в одиночку. Потом все же привык. Только мечта о собственном доме (или просто о комнатке, о каюте, где ты один) с той поры у меня была всегда.

С семи лет и до приезда в Колыч у меня не было своего угла. Сначала большие спальни в интернате, потом общежитие в строительном ПТУ. Затем казарма в военном городке. Из-за слабого зрения в строй меня не взяли. Был писарем в штабе, потом перевели в дивизионную много-тиражку. Когда закончилась служба, военное начальство дало мне характеристику для поступления в университет: в газете я печатал кое-какие рассказы и репортажи.

Без большого труда я поступил на факультет журналистики (и опять общежитие, вернее, комнатка на двоих).

Все шло хорошо в смысле зачетов, экзаменов и курсовых работ. Но написать ничего дельного не мог. Начал повесть об армейской жизни — не вышло. Пробовал писать про детские годы — тоже не смог. В интернате хватило всего — и горького, и хорошего, но вечное ощущение сиротливости проступало в памяти и сквозь радости. Я не хотел об этом.

Я хотел что-то найти. Свое.

Как в одном детском сне: стою посреди пустой улицы в громадном незнакомом городе и чего-то жду. Улица — прямая, длинная — уходит неизвестно куда. И я знаю — можно по ней шагать и шагать, и она поведет из города через леса и степи, вокруг Земли. И будет много-много интересного, незнакомого. Может быть, опасного и страшного. Я не боюсь, но что-то не дает мне сделать первый шаг. Будто должен кто-то подойти и что-то сказать. И вдруг я думаю: «Чего я жду? Здесь у меня никого и ничего. А впереди обязательно что-то есть!» И я шагаю... и просыпаюсь...

В общем, я перешел на заочное отделение и приехал в Колыч. Редактор в «Маяке» оказался неплохой дядька, но он, видимо, решил: чем больше взваливать на молодого сотрудника дел и заданий, тем скорее он станет «газетным волком». И пошло: я метался по району, писал репортажи о механизаторах и отчеты с совещаний передовиков, зарисовки о жизни местного ПТУ и корреспонденции о заводе «Богатырь». Я не отказывался ни от какой работы, не спорил. Лишь два раза я сцепился с ответственным секретарем газеты, когда он вычеркивал у меня самые интересные

абзацы. Мы долго орали друг на друга, но оба раза секретарь уступал. Он был крикливый, но не злой старик.

Кстати, этот наш ответственный секретарь и пожалел меня, когда увидел, что я совсем вымотался. Он сказал редактору:

— Митя, ты совсем загонял парня. Пускай Глебушка съездит на три дня в пионерский лагерь. Напишет, как загорают наши ребяташки, и сам заодно позагорает, по лесу побродит, подышит полной грудью и от нас, от старых склеротиков, отдохнет...

Редактор Митя сперва заскрипел, что все, мол, хотят дышать, а писать о заготовке кормов должен, значит, Николай Васильевич Гоголь, но глянул на меня и махнул рукой:

— Сегодня четверг. Мотай и дыши до понедельника.

Я подхватил сумку и махнул на вокзал.

До Старо-Талицы, рядом с которой лагерь, ехать два часа на поезде. По закону вечного свинства нужная электричка уже ушла, следующий поезд только вечером. Я вышел на платформу и стал подумывать о попутном товарняке. Но не было ничего подходящего. Стоял один состав, но без тепловоза — неизвестно, когда и куда двинется. Промчался другой, но на полной скорости и сплошь одни цистерны...

Когда цистерны перестали мелькать, я на самом дальнем пути заметил зеленый поезд. Старенькие вагоны с площадками и крутыми крышами. Прямо музейный экспонат под открытым небом. Конечно, это был какой-то пригородный поезд, такую рухлядь не станут посылать на дальние расстояния. Я взлетел на виадук, промчался над путями и оказался как раз у поезда. В этот момент он тронулся. В ту сторону, куда мне надо. На проходящих вагонах я заметил таблички:

Ст. Мост — ст. Мост

«Кольцевой, что ли? — подумал я. — И что за станция Мост?» Но дальше думать было некогда. Я вскочил на площадку последнего вагона. В конце концов, куда бы этот древний поезд ни ехал, мимо Старо-Талицы не провезет, линия здесь одна.

Билета не было, но я решил, что покажу редакционное удостоверение и отговорюсь срочной командировкой. В крайнем случае суну проводнице рубль.

Однако в вагоне никого не оказалось. Ни проводницы, ни пассажиров. Только сквозняки влетали в открытые окна и крутили среди облезлых скамеек мусор.

Я сел у открытого окна, достал блокнот и начал мусолить первую фразу новеллы, которую собирался написать про картину неизвестного художника в Колычской галерее:

«Под вечер солнце косо падает в крайнее окно и освещает нижний угол тяжелой рамы...» Мне мешали эти дурацкие навязчивые буквы «ж» в стоящих рядом словах: «ниж-жний», «тяж-желой». Я стал перестраивать фразу и на те места, мимо которых ехал, совсем не смотрел.

И теперь я не могу точно сказать, когда эти места исчезли. Куда сгнули.

Сильно трянуло, я поднял голову. И ничего не смог понять (и сейчас не могу). Мы ехали не в ту сторону. Я не помнил, чтобы поезд тормозил и менял направление, но ехали мы явно назад. И главное — неизвестно где.

Поезд проскочил мостик над оврагом и пошел вдоль широкой реки. Я увидел на холмах городок со множеством колоколен, какие-то белые купола. Хороший такой городок. По реке, не отставая от поезда, мчался теплоход невиданной формы. Вернее, не по реке, а над рекой — видимо, на воздушной подушке.

Я мотал головой, как ошалевший теленок. Потому что во всей округе у нас не было большой реки. И города, кроме Колыча, не было. Я исколесил район и знал его досконально.

Легче всего было предположить, что я сплю. Но вагон снова трянуло, и я треснул затылком о трубу воздушного тормоза. Достаточно крепко, чтобы проснуться...»

На этом кончился очередной лист, а дальше страницы шли не по порядку. Они оказались без номеров и, видимо, были перепутаны. Я читал уже отдельные отрывки.

«...станции Старые Горы в нашем расписании нет.

Он говорит:

— А в нашем нет никакого Колыча. Посмотрите внимательно сквозь ваши очки, черт возьми! Где я вам возьму станцию, которой нет на свете?!

Я разозлился совсем по-глупому:

— Это ваших Старых Гор нет на свете!

— Вот и прекрасно! Тогда отправляйтесь на ту станцию, которая есть, а мне не мешайте работать.

Я говорю:

— Дайте схему путей вашего участка.

— Может, вам всю документацию развернуть? Может, вы ревизор? Так я вам заранее скажу: она в полном беспорядке, эта документация! Можете увольнять! У меня нет должности делопроизводителя, чтобы чистить архивы!

— Мне архивы не нужны! Схему дайте! Я журналист, вы обязаны!

— Надо еще разобраться, что вы за журналист... Да вон она, схема, на стене висит! Все дороги нашего управления!

Я больше часа торчал перед картой, все пытался понять, что это такое. Колыча не было. Старо-Талицы тоже не было. Ничего, что знакомо...

У меня за спиной кто-то закашлял. Я оглянулся — пожилой милиционер.

— Здравия желаю, — говорит. — Документы ваши повольте полюбопытствовать.

Я дал ему удостоверение. Он почитал, пожал плечами.

— Издалека, видать...

Начальник станции тут же сунулся:

— Пассажир утверждает, что ехал не больше двух часов.

— Бывает, — сказал милиционер. — А вы случайно... я, конечно, извиняюсь... когда в вагон сядились, немножко не того?

— Нет; «не того». Я вообще никогда «не того»!

— Похвально, конечно... — Он отдал мне удостоверение, на начальника станции поглядел, руками развел. — Разбейтесь, — говорит, — сами...»

«... — А эта станция Мост, она-то где?

— Да нет же, нет такой станции! — заорал он.

Вообще-то он, по-моему, неплохой человек, добродушный на вид. На нашего ответственного секретаря похож — тоже лысоватый, кругленький. Если и сердится, то не всерьез. Но тут я его просто до бешенства довел. А что мне было делать?

— На поезде же написано, черт побери! «Эс, тэ, Мост!»

— Где? Где он, поезд?! Покажите мне его!

— Да там он стоял! На крайнем пути! Вы начальник станции или парикмахер? Не знаете, какие поезда у вас проходят?

Мы вышли на перрон.

— Где? На каком пути? — стонет он, бедняга.

— Вон на том, за водокачкой!
— Господи! Да там же тупик! Видите, там старый вагон! Он там сто лет стоит!
Я плюнул и пошел через рельсы.
Подхожу — правда, тупик. Правда, вагон...»

«Буфетчица и говорит:

— Странный у вас рубль какой-то...
— Почему странный?
— Да вот... цифра не с того краю. Цвет какой-то...
— Всю жизнь получаю зарплату такими рублями, — сказал я. А сам думаю: «Пора уносить ноги. Так я и в фальшивомонетчики уйду». Однако она рубль взяла, дала гривенник сдачи...

И пошел я снова на вокзал. Думаю — вдруг чудо? Вдруг там стоит этот самый поезд? Нет, все тот же тупик, все тот же старый вагон. Я постоял, подумал и забрался внутрь...»

«...этот дурак в «Вечернем Старогорске». Тоже мне — коллега! «У нас, — говорит, — в последнее время просто наплыв авторов-фантастов. Один рассказывает сказку про гипсовых пришельцев из другой галактики, второй историю вроде вашей, третий про машину времени в виде трехколесного велосипеда. Такие вещи надо печатать в столицах, там специальные журналы. А у нас городская газета, местные новости...»

«...если бы не эти мальчишки. Особенно Гелька.

Мне показалось, что в этом городке, таком ласковом и хорошем, все должны быть веселыми. А у Гельки то и дело тревожные глаза. И почему-то он очень часто ощетиливается обидой, как шипастым щитом. Я такой был — это понятно. А он-то с чего? Живет нормально, никаких забот... Никаких? Откуда я знаю?

Господи, что я вообще знаю об этом мире? Какой он? Как меня сюда занесло? В этот непонятный край, где вечером передают по телевизору новости о разведчиках Марса, а с мальчишками дружит скрипучий робот-меланхолик...

А может быть, Дмитрий Афанасьевич, начальник станции, прав? Мы пили чай у него в кабинете, и он сказал:

— Глеб... А если тебе просто привиделся твой Колыч? Ты не обижайся, бывают иногда такие заскоки, особенно у писателей.

Я подумал: а что, если правда?

Но удостоверение...

Нет, я совсем какую-то ерунду пишу.

Дмитрий Афанасьевич предложил:

— Давай устрою в гостиницу.

— Нет, я в вагоне. Пока тепло... Как-то привычнее.

Дело, конечно, не в том, что привычнее. Просто я боюсь уходить со станции. Все надеюсь: вдруг опять появится тот поезд...

— Ну, живи, не жалко. Только смотри, чтобы пацаны твои не баловались...

— Нет, они спокойные ребята...»

«...одиночество. Какая-то грустная закономерность. Сошлись те, кому дома чего-то не хватает. У Гельки отец на Севере, и мать снова уехала к нему. Юрка, сумрачный и будто на ключик запертый, сам уехал от матери. Янка... у него вроде бы все хорошо, но... не знаю. Почему он все «дедушка» да «дедушка», а о родителях ни слова? И в музыку свою уходит, будто спасается от чего-то. Как я спасался, придумывая книжки, которые когда-нибудь напишу...»

«Опять не получается по порядку.

Вспоминаю мою комнатку в Колыче. Я по ней скучаю. По редакции тоже скучаю. И по проклятой своей работе! Я там нужен был людям! А здесь я кто?

По комнатке — какая-то особая грусть. Ведь это первая в моей жизни моя комната. Я оклеил ее не обоями, а географическими картами — от пола до потолка. Полку для книг прибил. Печку побелил. Батареи тоже есть, но, когда в печке огонь горит, как-то веселее. Купил в рассрочку «Электронику». Экранчик маленький, но мне такой и нравится...

До сих пор люблю детские передачи. В Колыче всегда смотрел «Вечернюю сказку» местной студии. Она начиналась с той же песенки, что в Ново-Вятске в давние времена. В интернате у нас эти вечерние тридцать минут были лучшим временем. Соберемся у телевизора в кучку, будто дома, в семье... На экране — сказочный городок, часы на башне, и начинается песенка. Мне особенно нравилось:

И если были слезы в этот день,

Придет другой — теплей и веселее.

Ты сказку за руку возьми —

назло беде.

И улыбнись.

Она тебя согреет...»

Я беспокойно завозился под одеялом. Но дочитал страницу до конца:

«Здесь тоже по вечерам детские передачи. Но песенка другая, незнакомая.

Юрка притащил мне маленький, меньше моей «Электроники» телевизор. Он часто барахлит, зато цветной. Когда нет ребят, я его включаю и смотрю все подряд. Некоторые передачи просто не пойму. Или это цикл «Очерки из будущего», или...»

Я выбрался из постели. Вытащил из шкафа спрятанный за книжками свой «Журнал наблюдений Звездной станции Гелия Травушкина». Открыл наугад и увидел сразу:

«16 июня 209 г. к. э.

Сегодня были громкие шелестящие звуки, а потом опять пробилась колыбельная песенка, я слышу ее уже третий раз. Разобрал в ней слова: «И если были слезы в этот день, придет другой — теплей и веселее...» Хорошо, что придет. У меня самого сегодня были слезы.

Один раз из-за Юрки, а другой раз из-за тети Вики. Но с Юркой я помирился. А с тетушкой не буду».

Я спрятал журнал за книги. Листы Глеба — тоже.
...Глеб, откуда ты, а?

Огненный рецепт

С Юркой я назавтра помирился. А что еще было делать?

Жизнь в «Курятнике на колесах» пошла по-прежнему.

Ерема повесил в своем углу вырезанную из журнала фотографию — портрет мальчишки. Мальчишка небольшой — класса из первого или из второго. И веселый такой! Голову запрокинул и хохочет. На носу конопушки, а в глазах два солнышка.

Глеб подошел, присел, упершись в колени, долго разглядывал портрет. Потом сказал:

— Славный парнишка... Кто это, Ерема? Знакомый, что ли?

Ерема что-то царапал на бумаге. Он проскрипел неохотно:

— Знакомый, незнакомый, какая разница? Ваську такого буду делать...

Тут мы все подошли. Что он задумал?

— Какого Ваську?

— Говорю: вот такого... — Он кивнул на снимок.

— В точности? — удивился Янка.

— Не в точности, — разъяснил Ерема, не отрываясь от бумаги. — По характеру похожего. А с виду будет вроде меня. Только маленький. Роботёнок-ребятёнок. Васька... Я ему буду папа и мама.

— Да-а... — задумчиво сказал Глеб и почему-то вздохнул.

Ерема поднял голову и обвел нас зелеными индикаторами.

— А чего одному век вековать? Будет Васька, будем вдвоем... Путешествовать пойдем по дорогам, белый свет глядеть...

— Меня с собой возьмите, — сказал Юрка, не то дурачась, не то всерьез.

— Только потом возвращайтесь, — попросил Янка.

Еремина идея нам понравилась. С роботенком-ребятенком жить ему станет веселее. И вообще здорово, если появится на свете маленький железный Васька с таким вот неунывающим характером. Будет нам товарищем. Можно попросить, чтобы в школу записали. Если способности окажутся, как у Еремы, сразу отличником сделается.

Ерема увидел, что мы радуемся, и настроение у него подскочило. Он замурлыкал музыку и объяснил:

— Руки-ноги из дюралевых трубок составлю, чтобы легче было бегать-играть. Пацаненок ведь... Для туловища ферропластовую канистру нашел, непробиваемую. Голову, наверно, из чайника сделаю. Чтоб веселее. Пускай с поднятым носом ходит.

— Голову лучше как у тебя, — возразил Янка. — Чтобы похож был на родителя.

— Подумаем, — согласился Ерема.

Юрка с ехидцей спросил:

— А внутри-то что будет, в голове?

Ерема сказал небрежно:

— Что в голове, это не вопрос. Мозги я ему давно рассчитал. У меня суперблоков памяти полсундука припасено... Другое худо: не знаю, как наладить Ваське питание.

— А в чем сложность? — удивился Глеб. — Делай по своему образцу.

— Ну да, по своему, — обиженно заскрипел Ерема. — Я-то вон какой шкаф, а он маленький. Как ребятенок будет в себе таскать пудовые аккумуляторы?.. А с подзарядкой

какая морока... Был бы двигатель типа «В»! Самое подходящее для пацана.

— Что за тип «В»? — спросил я. — С вентилятором, что ли?

Ерема слегка рассердился:

— Голова у тебя с вентилятором. «В» — значит вечный.

Глеб тихо свистнул. Юрка сказал:

— Ты, Ерема, заиклился малость. Дошкольники и те знают, что вечный двигатель — бред сивой кобылы.

— А что такое кобыла? Робот?

Мы чуть не померли от хохота.

В динамике у Еремы прорезались нехорошие нотки:

— Дошкольники, конечно, всё знают. И школьники тоже. И академики... А если не знают, сразу говорят: «Так не бывает, потому что мы не проходили». Недаром колесо Шишкина никому не показали.

Мы пристали к нему: что за колесо? Ерема покапризничал, но потом рассказал такую историю.

Пять лет назад на выставку детского технического творчества (ту самую, с которой Ерема сбежал) восьмиклассник Шишкин принес колесо. Простенькое, деревянное, размер как у детского велосипеда. Колесо держалось на оси, а ось лежала концами на подставках. У колеса были широкие спицы с желобками, в желобках перекатывались железные шарики. Они словно подталкивали своей тяжестью обод колеса, и оно вертелось...

Янка засмеялся и сказал:

— Это же шутка! Ее еще древние механики придумали, чтобы простаков обманывать. Такой двигатель не может работать!

Ерема покивал:

— Не может. Все так и сказали. Но он работал...

Двигатель работал. Колесо останавливали, но через минуту оно принималось вертеться опять. Вертелось днем и ночью. И модель спрятали в кабинете директора. Потому что она безобразным образом нарушала все законы физики, механики и многих других наук... А Шишкину, кажется, попало.

Глеб покачал головой и сказал:

— Все равно там была какая-то хитрость.

— Была, — снисходительно согласился Ерема. — Шарик в колесе катался просто для вида. Колесо и без них могло вертеться. Шишкин мне потом рассказал один на один, в чем там дело. Он просверлил у колеса ось и спрятал в нее искорку.

— Что за искорку? — спросили мы хором.

— Живую негаснущую искорку. В ней энергия. Тип «В».

— Сдвинулся ты на этом типе, — сказал Юрка. — Не бывает таких искорок.

— Колесо-то вертелось, — возразил Ерема. — Думаешь, из-за шариков? Значит, у тебя самого шарики не там.

— Ну, тогда сделай такую искорку, — посоветовал Юрка.

Ерема сразу помрачнел.

— Не могу.

— Шишкин-то смог, — поддел Юрка. — Разве ты глупее?

— Не глупее, — сообщил Ерема. — Шишкин человек, я робот. Человек может, робот нет. Такой рецепт.

— Что за рецепт? — спросил Глеб.

Ерема наклонился над своим чертежом и не ответил.

— Ерема, что за рецепт? — повторил Глеб.

— Ну... как ее зажечь, — недовольно проскрипел Ерема.

— Эту живую негаснущую искорку?

— Ну...

— А что в этом рецепте? — быстро спросил Янка.

— Забыл.

— Ерема, врать нехорошо, — сказал Юрка. — Ты сам говорил, что электронные системы ничего не забывают.

Ерема яростно скреб толстым карандашом по бумаге.

— Ну чего ты молчишь?! — не выдержал я. — Может, мы сумеем сделать искорку для твоего Васьки!

— Потому и молчу, — хмуро отозвался Ерема.

— Сам же хотел двигатель типа «В», — напомнил Глеб.

— Хотел. Потом понял: вам делать нельзя. Будет вред. Из-за меня. Робот не может делать человеку вред.

— От чего вред? От искорки? — не поверил я.

— Нет. Вред, когда делают.

— Шишкин же сделал... — напомнил я.

— Это его дело, — проскрипел Ерема. — Ему не робот давал рецепт. Он его узнал от ржавых ведьм.

Юрка хохотнул:

— От кого?

— Повторяю отчетливо: от ржавых ведьм.

Мы навалились на бедного Ерему с вопросами: что за ведьмы? И Ерема подробно, неторопливо (наверно, чтобы мы забыли про рецепт) стал рассказывать, что на большой железной свалке за городом живут костлявые растрепанные старухи в перемазанных ржавчиной платьях. Они не роботы, но и не совсем люди. Ведьмы. По ночам, когда

круглая луна, они выползают из жестяных шалашей и пляшут на пустых железных бочках. Что они еще делают, Ерема не знает, хотя он жил на свалке долгое время. Знает только, что есть старухи ничего, не злые, а есть и ужасно вредные (они Ерему и выжили со свалки). Все эти ведьмы — очень умные. Разбираются в науках и в колдовстве, особенно когда дело касается металлов.

— А Шишкин-то здесь при чем? — напомнил я.

Ерема с досадой лязгнул под курткой дверцами живота и сообщил, что Шишкин познакомился с ведьмами, когда искал на свалке какие-то детали. Он был вежливый, образованный и ведьмам понравился.

Юрка сказал, что у Еремы явный сдвиг в мозгах: помехи и электромагнитный бред. Старухи какие-то, бочки, луна...

— Не веришь, сам сходи на свалку и посмотри, — разозлился Ерема. — Лучше всего ночью. Сейчас как раз полнолуние.

— А мы все вместе сходим, — хитро сказал Глеб. — Верно, ребята? Повстречаем бабушек, выпросим рецептик. Мы тоже вежливые и образованные. Не хуже Шишкина...

Мы с Янкой завопили, что ура, конечно, так и сделаем. Юрка хмыкнул. А Глеб задумчиво произнес:

— Только обдерутся ребята среди ржавого железа, исцарапаются. Заразу какую-нибудь подхватят... Вот это будет вред! Имей в виду, Ерема, из-за тебя.

Ерема сложил на груди руки и упрямо сказал:

— Пусть. Это меньший вред, чем делать искорку.

— Да кто тебе сказал, что мы будем ее делать?! — воскликнул Глеб и подмигнул мне. — Нам просто хочется узнать, что за рецепт. Любопытно, вот и все! Верно, ребята?

Мы дружно закивали. Даже Юрка.

— У меня такое свойство характера, — объяснил Глеб. — Болезненное любопытство. Если что-то мне начали рассказывать, а до конца не объяснили, начинаются головные боли и бессонница.

Мы с Янкой в один голос заявили, что у нас от любопытства такие же страдания.

— Плюс расстройство желудка, — добавил Юрка то ли про себя, то ли про нас.

— Видишь, Ерема, сколько людей будет мучиться! — закончил Глеб. — Снова получается, что из-за тебя вред. Как ни поверни...

— Врете вы все, — уныло сказал Ерема.

Мы зорали, что не врем, а Ерема нас бессовестно мучит.

— Черт с вами, — сказал Ерема и встал. — Я скажу... Нет, я говорить не буду ни словечка, я лучше на машинке настучу. А потом, если что не так, я не отвечаю...

Мы ему наперебой поклялись, что всю ответственность берем на себя. Ерема сердито проковылял к машинке, заправил в нее лист и застукал по клавишам. Мы стали заглядывать через плечо, но он пригрозил:

— Будете соваться, не стану печатать.

Стукал он минут пять, мы прямо извелись. Наконец он отошел от машинки. Мы кинулись к листу. На бумаге была какая-то дребедень:

трик АП Лик РОВин Адавзя
ть четыреил нпять
Пот ом...

И так далее. Несколько строчек.

— Бедный Ерема, — сказал Юрка.

Но Глеб выдернул лист из машинки, поднес к очкам.

— Пойдите, пойдите... Дайте-ка, я... Тут нужна большая редакция.

Он опять вставил бумагу и начал быстро печатать ниже загадочных Ереминых строчек. И через минуту мы прочитали:

Три капли крови надо взять,
Четыре или пять.
Потом с движеньем их смешать,
С полетом их смещать.
Надежной прочности туда
Добавить хорошо —
И кровь исчезнет без следа,
И в пузырьке у вас тогда
Заблещет порошок,

Его, дождавшись заката дня,
Зажги ты от праздничного огня.
У искр улетающих жизнь коротка,
Останется только одна на века.

— М-да, — сказал Глеб. — Не очень вразумительно. И с точки зрения поэзии, прямо скажем, на троечку.

— Поэзия — это фиг с ней, — вмешался Юрка. — Ведь мы сочиняли, а не Пушкин. А как тут разобраться: с каким полетом смешивать? А может, с пометом! Ерема!

— Что знал, то написал, — буркнул Ерема. — Технологию не знаю. Шишкин делал.

— Ты будто не хочешь, чтобы у твоего Васьки живая искорка была, — с досадой сказал Янка.

Ерема топнул валенком так, что подскочила машинка.

— Я же не имею пр-рава! От этого вред будет! Всем! Порошок же надо на крови замешивать!

— Подумаешь, вред, — хмыкнул Юрка. — Тут по одной капельке надо. Все равно что для анализа, из пальца.

— Это не для анализа, — глухо сказал Ерема. — Для колдовства. Эти капельки человеческую жизнь сокращают. Доказано.

Мы помолчали. Переглянулись. Янка тихо спросил:

— Намного сокращают?

— Не знаю... — отозвался Ерема. — Наверно, не намного. Капелька — на капельку. Но все равно...

Мы опять посмотрели друг на друга. Глеб, Янка, Юрка, я... И видимо, каждый подумал, как я: «Ну что одна капелька?..» Наша жизнь вся была впереди, до глубокой старости.

Янка погладил Еремино плечо и сказал:

— Зато будет живой Васька. А от этого у нас будет радость. Она сильнее вреда. Вред капельный, а радость большая.

— И радость продлевает человеческую жизнь, — добавил я.

— Это доказано, — подтвердил Глеб.

А Юрка сказал:

— Так что давай уж, Ерема, раскальвайся до конца. Ради Васьки.

Ерема поскрежетал, внутри у него потрещало, будто помехи в телевизоре. Мы ждали.

— Ну ладно, — сказал он. — Только я ни при чем... Это должен быть металлический порошок. Мелкие опилки. Если «движение» — надо наскрести их от какого-нибудь колеса...

— Хоть от нашего? — спросил я. — От вагонного?

— Вполне, — согласился Ерема.

— Значит... если «полет», надо что? От самолета опилки? — воскликнул Янка.

— Выходит, так, — согласился Ерема.

— Где же самолет-то взять? — озабоченно сказал Глеб.

— Да в парке, — вспомнил Юрка.

В самом деле! В городском парке стоял на площадке четырехмоторный лайнер прошлого века. В нем был теперь маленький детский кинотеатр. Долго ли забраться под крыло да наточить опилок с дюралевой заклепки?..

— А вот что такое прочная надежность? — недовольно поинтересовался Юрка. — Ерема...

— Клянусь всеми транзисторами, не знаю. Шишкин говорил, но я не понял.

Глеб почесал за ухом снятыми очками.

— Вообще-то... если рассуждать логично, колеса и крылья — это символ движения в двух стихиях. На земле и в небе. Значит, нужна и третья стихия — вода.

— Корабль, что ли, скрести? — сказал Юрка.

— Не корабль, а, наверно, якорь. Якорь всегда был символом надежности. От якоря зависит безопасность судна...

— Это не я, это вы сами догадались, — опасно сказал Ерема.

— Сами, сами, — засмеялся Глеб. — А где добыть якорь, братцы?

В самом деле, где? Наш город от моря далеко. По реке, правда, ходят грузовые и пассажирские суда, но как до них доберешься?

Все заскребли затылки. Потому что... вот ведь как вышло! Сперва никто этой истории про искорку не верил. Просто так болтали, Ерему поддразнивали. А потом незаметно получилось, что все это всерьез. И очень хочется зажечь живую искорку, в которой хранится вечная энергия.

Сказка?

А кто знает, где сказка, где наука? Про снежных людей тоже говорили — сказка. И про говорящих дельфинов, и про живые кристаллы... Может, и ржавые ведьмы есть. А искорка... Вдруг это сгусток неизвестных науке энергетических полей? Мало ли что... А теперь дело может провалиться, потому что никто не знает, где взять якорь.

Но я уже знал, я вспомнил!

— Якорь есть!

— Где? — обрадовался Янка.

— На складе елочных игрушек!

Все, даже Ерема, посмотрели на меня, как на сумасшедшего. Юрка плюнул и сказал:

— Всю жизнь у тебя, Копейкин, заскоки. Люди о деле говорят, а ты со своим юмором... Янка, давай махнем на «Стреле» до вашего Приморска. Туда и обратно — не больше суток. Там на разных памятниках якорей сколько хочешь. Тебя пустят?

Вот как! Опять «Янка, давай»! А я — Копейкин.

Хорошо Ереме — у него глаза всегда сухие, а нервы

из никелевых сплавов. А я-то человек! Я выпрыгнул из вагона и пошел через лебеду.

Они кричали мне вслед: «Гелька, ты чего? Ну, сам же виноват! Гелька, да вернись ты! Гель...»

А я шел...

Лунная песня

Дома ждала меня новая беда. Бабушка деревянным голосом сказала с антресолей:

— Подымись ко мне, Гелий.

Я поднялся с нехорошим предчувствием.

— Гелий, где дедушкина машинка?

У меня сразу — брык — голова ниже плеч. Дурацкий такой характер: если я в чем-то виноват, ни спорить, ни отпираться не могу. Стою носом вниз, краснею и молчу.

— Гелий, ты будешь отвечать?

Отвечать, конечно, придется. Надо только переждать, когда перестанут противно слабеть ноги и растает в животе холод, который туда наливается от страха.

— Ну? — сказала бабушка.

— Ну? — сказала тетя Вика. Она сидела здесь же, в бабушкиной комнате.

Я переглотнул и прошептал:

— Я ее дал на два денечка...

(Ничего себе, два денечка! Две недели уже Глеб на ней стучит. А я не решаюсь сказать, что хватит. Работает человек...)

— О-о... — простонала бабушка и села.

— Кому дал? — деловито поинтересовалась тетя Вика.

— Одному... журналисту. Знакомому... Он попросил...

— Что ты сочиняешь! — воскликнула тетя Вика. — Какому журналисту? Кто он такой? У журналиста нет своей машинки? Ему понадобилась эта, старинная, без электронного блока?

— Реликвия... — вставила бабушка.

— Так получилось, — пробормотал я. — Очень было надо.

Тетя Вика с горечью покачала головой.

— И ты не мог попросить разрешения? Почему?

— Вы бы не дали...

— Именно! — сказала бабушка. — И ты пошел на обман. На чудовищное вероломство. Тайком взял не принадлежащую тебе вещь и с трусливой хитростью оставил

футляр! Чтобы скрыть следы! О, если бы ты мог осознать всю глубину...

— Всю глубину он осознает потом, — пообещала тетя Вика. — Сначала машинка. Где она? Надеюсь, она цела? Я поднял глаза.

— Цела! Конечно! Я сейчас...

Я бросился в дедушкину комнату, схватил футляр, крикнул уже из проходной:

— Сейчас принесу!

Может, если сразу принести, не будут сильно воспитывать?

Я мчался к станции, а футляр колотил меня по ноге и царапал бронзовым уголком. Я не обращал внимания. Но перед вагоном я отдышался. Заправил майку. Принял спокойный и независимый вид. В «Курятнике» все было по-прежнему. Ерема чертил, Янка и Юрка о чем-то разговаривали. Они посмотрели на меня виновато. Глеб настраивал карманный телевизор. Я небрежно сказал Глебу:

— Дома ворчат, почему долго машинку не несучи. Придется забрать...

— Конечно, бери! Мне Ерема на свалке нашел какую-то, скоро наладит.

— Завтра налажу, — отозвался Ерема.

Глеб озабоченно спросил:

— Гель... А тебе не попало? Может, мне пойти с тобой, объяснить?

— Да вот еще... Привыкать мне, что ли?

С тяжелой машинкой я спустился с подножки. Глеб, Юрка и Янка стояли в раздвинутых дверях «Курятника». Между Глебом и Юркой просунул голову Ерема. Глебу и Ереме я сказал:

— Пока.

И пошел.

Почти сразу сзади затопали. Это догнали меня Юрка и Янка.

— Гелька, ну ты чего? — сказал Янка. — Не обижайся.

— Ты здесь ни при чем, — ответил я.

— Гелька всегда так, — хмыкнул Юрка, но я уловил в его словах виноватость. — Сам наплетет что-нибудь, а потом дует на всех.

— Наплетет?! Что я наплел?

— А про склад? Мы о деле говорили, а ты шуточки начал дурацкие...

— Шуточки? Там на самом деле якорь! Настоящий!

— Ну... тогда объясни толком.

— Ага, теперь «объясни»...

С минуту мы шли молча. Они — виноватые, я насупленный. Наконец Юрка сказал:

— Давай я коробку за ту ручку понесу. Вдвоем легче.

Я дал. Помолчал еще немного, а потом рассказал про якорь.

Зимой, перед каникулами, меня выставили с урока танцев, и я болтался в коридоре. Там наткнулась на меня наша директорша Клара Егоровна. Ругать не стала, а сказала:

— Гелюшка, выручи. Столько дел, народу не хватает, съезди с нашим Сан-Дымычем на склад за игрушками для елки. Он один не управится.

Я обрадовался. Завхоз Александр Вадимович нас, мальчишек, любил. Он был старенький, мы его звали Сан-Дымыч и всегда ему помогали. Сан-Дымыч вызвал с автостанции фургончик, и мы покатали.

Склад елочных игрушек находился в старой церкви. Внутри горели тусклые лампы и было холодно, изо рта шел пар. Пока Сан-Дымыч с начальником склада выбирали коробки, я оглядывался. За штабелем ящиков я увидел наклонный столб с кольцом и тяжелой цепью. Полез туда. И оказалось, что столб и кольцо — верхняя часть могучего трехметрового якоря!

Якорь стоял в кирпичной нише. Даже не стоял, а был прислонен к боковой стенке. Под ним темнела чугунная плита с выпуклыми буквами. Я сел на корточки и с трудом прочитал:

Флота Капитанъ и Кавалеръ
Федоръ Осиповичъ
1 июля 1753 года — 2 августа 1832 года

Онъ трижды плавалъ во кругъ
свѣта
и много разъ могъ погибнуть
въ моръ
но судьба уготовила ему
последній пріютъ въ родномъ
городѣ.
Миръ праху твоему,
Капитанъ и Командиръ

Я потрогал буквы: они были очень холодные, над ними тянул пар от моего дыхания. Потом я погладил холодный

якорь. Может быть, его взяли с корабля, на котором в давние времена ходил в плавание Флота Капитан Ратманов. Мне стало жаль капитана Ратманова, хотя жизнь он прожил долгую и, конечно, интересную...

Дома я рассказал про старинную могилу бабушке и тете Вике. И они впервые поссорились при мне. Бабушка сказала, что это безобразие — превращать в склады памятники старины. Тетя Вика работала как раз в Городской комиссии по наблюдению за культурными ценностями. Она стала быстро объяснять, что склад — это временно. Все исторические здания взяты на контроль, надежно законсервированы и со временем будут реставрированы. Просто пока не хватает времени и средств. Бабушка заявила, что поменьше надо тратить денег на всяческие колоссальные авантюры вроде сверхглубокой скважины или проекта СКДР. Планету ковыряем насквозь, к звездам летаем, а в обычной жизни порядка нет, не было и не будет... Тетушка сказала, что планету она не ковыряет и никуда не летает. Даже в отпуск. Потому что те, кто занимаются всеми этими сверхглубокими бурениями, имеют привычку вызывать к себе жен, а детей оставлять родственникам: воспитывайте...

Тут они спохватились и погнались за мной спать.

А старую церковь с могилой я с тех пор называл про себя Капитанской.

Когда я кончил рассказывать, мы были уже совсем помирившиеся. Юрка сказал:

— Значит, завтра в десять в парке у самолета. Я прихвачу напильник.

— Ага! Приду! — кивнул я.

И ошибся. Назавтра меня ожидало совсем другое.

Только я вернулся с машинкой, как на меня упало новое несчастье. Тетя Вика поставила меня перед собой и долго смотрела суровыми и печальными глазами. В ушах у нее качались подвески из фальшивых марсианских кристаллов. Тетя Вика сказала:

— Были времена, когда провинившихся мальчишек воспитывали не так. Тратили гораздо меньше слов... Я пока не стану применять старые способы, но и разговоров с меня довольно. Сейчас ты отправишься в свою комнату и в течение трех дней будешь размышлять о себе и своих поступках. А уж потом побеседуем... В эти дни из комнаты никуда!.. Кроме туалета.

Я посмотрел на бабушку. Она поджала губы и развела руками: допрыгайся, мол. И я отправился на отсидку.

Оправдываться я не умел. Каяться и просить прощения не умел тоже.

Утром я с горькими мыслями сидел на подоконнике. И с надеждой. Думал: Юрка с Янкой увидят, что я не пришел, и прибегут ко мне сами. Может, хотя бы посочувствуют.

Они пришли, но только после обеда. Появились у меня под окном. Юрка сказал как ни в чем не бывало:

— Проспал, а теперь торчишь в окошечке, как красна девица?

— Дубина ты. Тетка не пускает. За машинку.

Юрка свистнул. Потом предложил:

— Сбеги.

Нет, на это я не решался. И дело не в том, что после будет еще хуже. Просто... ну, не мог я. Все-таки тетя Вика — она тетя Вика, она меня с младенчества воспитывала, я привык ее слушаться. То есть я часто не слушался по мелочам, спорил, но нарушить вот такой приказ — это будто в себе что-то сломать.

Я покачал головой.

— Ты что, честное слово дал не удирать? — с пониманием спросил Янка.

— Не давал, но... — Я пожал плечами.

— А мы уже от колеса и от крыла наточили порошок, — сказал Янка. — Вот... — Он достал из кармашка бумажный пакетик, развернул. Я увидел горсточку серебряной пыли.

«Конечно, — подумал я. — Они и без меня справятся. Юрка даже рад, что под ногами не путаюсь».

— Ну и молодцы, — мрачно сказал я.

Юрка беззаботно зевнул:

— Мы же не виноваты, что тебя посадили... А вечером пойдешь? Надо якорь точить.

— Тетушка, наверно, не пустит...

— Попробуй как-нибудь. А то в церкви мы без тебя заплутаем.

— Разве нельзя подождать три дня?

Юрка объяснил:

— Мы там на разведке были. Смотрели, как пробраться. Дверь, конечно, заперта, но в одном окне решетка отогнута и стекло нет. Это сегодня. А завтра вдруг заметят и починят? Надо использовать момент... В общем, если сможешь — в одиннадцать у церкви.

Они убежали.

А я прямо заметался.

Ну, не мог я так жить, не мог без Юрки!

Я позвал тетю Вику и скрутил в себе гордость. Стал упрашивать, чтобы отпустила. Она слушала внимательно, однако была непреклонна. Тогда я пошел на жуткое унижение. Зажмурился, задержал дыхание и выдавил:

— Прости, пожалуйста. Я больше не буду.

Не помогло!

— Больше и не надо, — сухо сообщила тетя Вика. — Достаточно того, что ты натворил. Сиди. И обдумывай свою вину.

Я стиснул зубы и стал обдумывать.

Виноват я? Виноват. Стащил машинку без спросу.

Но почему без спросу? Потому что просить было бесполезно. Ах, это память о дедушке!

О дедушке, кроме машинки, памяти полно: и портрет, и книги, и дипломы на стене, и шкаф с письмами учеников. Целая комната памяти. Это во-первых! Во-вторых, дедушка был общий. Значит, и мой тоже. А почему же мне превращается брат его вещи?

Этими мыслями я себя немного оправдал. Конечно, если бы я высказал их тете Вике и бабушке, они сразу бы доказали, что я все равно виноват. Но бабушка не заходила, а тетя Вика зашла на несколько секунд — молча поставила на стол мой ужин.

«Ладно! — подумал я. — Если так, ладно...»

Без пятнадцати одиннадцать я поднял в окне раму и прыгнул во двор. Скользнул к забору. Дуплекс в будке лениво застучал хвостом. Я вытащил его за ошейник, быстро обнял.

— Дуплекс, ты меня прости...

Потом я махнул через забор.

Я бежал и думал, что ребята уже у церкви и что они совсем не ждут меня. Ладно, а я вот он... А потом пускай хоть что будет!

На Зеленом спуске я услышал впереди себя частый топот. В свете окон мелькнула синяя майка и светлые волосы.

— Янка! Постой!

— Гелька!

Мы побежали рядом. Янка смеялся:

— А я играл, играл, потом смотрю — времени-то уже ой-ей! Выскочил, даже смычок не положил...

Он размахивал на бегу длинным смычком, как шпагой. Я подумал — чего мы так несемся? Теперь-то Юрка нас подождет.

Капитанская церковь стояла у маленького пруда, на плоском берегу. Вода подходила вплотную к одной из стен. Стены, колокольня и купола были обшарпанные, забор из кирпичных столбов с решеткой покосился и поломался, у фундамента росли метровые сорняки. Но сейчас, при свете яркой луны, церковь была таинственной и красивой. Тянул ветерок, бежала к берегу маленькая рябь, и казалось, что церковь плывет над водой.

Мы посидели в кустах сирени, огляделись. Кругом не было ни души. Только ночные кузнечики трещали с такой же силой, с какой светила луна. Просто уши чесались от их сухого трезвона.

Мне что-то не очень хотелось в темную внутренность церкви, где могила. Конечно, сейчас не времена Тома Сойера и никто не верит в привидения и гуляющих мертвецов. Но все-таки... Ерема вот про каких-то ведьм рассказывал. Может, и тут...

Но гораздо страшнее будет, если о таких моих мыслях догадается Юрка. Поэтому, когда он прошептал «пошли», я лихо бросился к теневой стороне церкви. Здесь было нужное нам окно.

У стены мне сразу стало не до страха. Юрка, конечно же, выбрал окно, под которым самый колючий татарник и самая жгучая крапива. Я свечкой взвился из сорняков, вцепился в высокий подоконник и зацарапал по штукатурке сандалиями и коленями. Они скользили. Стена оказалась покрытой тонкой пластиковой пленкой. Вот про какую консервацию говорила тетушка! Пленка защищает от дождей и ветра кирпичи и штукатурку старых зданий.

Я царапался на стене, пока Юрка не подтолкнул меня в пятки. Я вцепился в решетку и оказался на подоконнике. Юрка подхватил и буквально кинул ко мне Янку. Протянул мне напильник.

— Смычок... — сказал Янка.

— Пускай в траве полежит, что ему делается...

— Нет, — сказал Янка. — Нельзя так.

Юрка молча протянул смычок. Легко забрался к нам.

— Гелька, давай первый. Ты там все знаешь.

А что я знал? Заходил один раз на несколько минут, ничего толком не запомнил... Ну, ладно.

Я стал протискиваться между квадратными прутьями решетки. Сорвал на рубашке пуговицы и слегка ободрал живот. Наконец пролез, осветил на каменный пол и прыгнул — в холод пустого кирпичного помещения. Плиты крепко стукнули по подошвам. Сразу же рядом легко скакнул Янка. А Юрка, видимо, застрял: сопел и возился в окне.

Желтые круги от моего и Янкиного фонариков замечались по церкви. Но и без фонариков было светло. В решетчатые окна светили сразу две луны. Одна с высоты, другая из пруда — отраженная. От настоящей луны упирались в пол и стены снопы тонких лучей. А отражение бросало снизу вверх рассеянный дрожащий свет, который поднимался к самому куполу. Под куполом тоже светились окна — узкие, как щели...

Юрка наконец прыгнул рядом с нами — так, что под куполом загудело. Мы даже присели и притаились на полминуты. Выключили фонарики. Потом Юрка недовольно прошептал:

— Ну, где тут...

Я помнил, что могила, кажется, налево от входа. А где вход-то? Ага, вон там...

Мы пошли вдоль стены. Она была заставлена двухметровыми штабелями ящиков и картонных коробок. Но штабеля были несплошные и не везде примыкали к стене. Между стеной и ящиками оставались проходы. Мы ежились от холода и пробирались по этим проходам. Светили фонариками в щели. И вот луч нащупал ржавый наклонный брус, тяжелое кольцо и цепь с перемычками в звеньях.

— Здесь...

— Тут не повернешься, — пробормотал Юрка.

Мы стали хватать и складывать в стороне коробки, они были очень легкие, только одна оказалась увесистой. Скоро ниша открылась. Плита и трехметровый якорь оказались на виду. Свет фонарика будто вылепил на плите выпуклые буквы.

Янка сел на корточки и провел по буквам ладошкой. Оглянулся на нас. Глаза у него блестели от фонариков. Он сказал вполне серьезно:

— А если капитану это не понравится?

Я думал, Юрка сейчас огрызнется: мы не суеверные бабки. Но он ответил так же серьезно:

— Мы только чуть-чуть поскребем. Жалко ему, что ли, для хорошего дела?..

Конечно, это же не я спросил, а Янка!

Янка встал, Юрка сказал мне:

— Дай напильник. А то вы только чешетесь...

(Мы с Янкой то и дело почесывали искусанные в сорняке ноги и локти.)

Под треугольную лапу якоря Юрка подстелил чистый бумажный лист. Начал скрести лапу напильником. Так громко! Эхо в церкви будто замахало большущими крыльями. Мы с Янкой съежились. Но Юрка скреб как ни в чем не бывало. Сперва посыпалась ржавчина, Юрка сдул ее с листа. Потом стал падать на бумагу темный тяжелый порошок.

Скрежет напильника стал ровнее и тише (а может, я привык). Янка светил Юрке, а я выпрямился и огляделся. Теперь уже спокойно, не торопясь.

Лунный свет заполнял пустоту помещения. Отражался от стен, уходил ввысь. Лучи высвечивали ящики и квадратные плиты на полу. Стены были покрыты полустертыми темными картинами, на них проступали смутные фигуры. Вокруг их наклоненных голов слабо светила позолота. Я взглянул выше. И вздрогнул...

Из-под купола на меня смотрели большие глаза. Живые.

Я чуть не вскрикнул!

Но это были не страшные глаза. Ничуть. Просто печальные. Разглядел я и лицо. Оно было темным, но в трепещущем свете лунного отражения можно было различить и его. Худое и грустное лицо. Это была женщина в платке, который плотно охватывал голову. Женщина прижимала к себе ребенка. Головы ребенка я не увидел, облупилась штукатурка, но хорошо видны были маленькие руки. Ребенок обнимал женщину, он положил свои ладони ей на плечи у самой шеи. Ласково так обнимал. А она смотрела, будто очень тревожилась за малыша, боялась, что его отберут.

Я глядел и просто оторваться не мог от этих глаз и ребячьих ладошек. Почему-то грустно сделалось, но это была хорошая грусть. Я про маму стал думать...

Она так давно уехала в Ярксон, месяца три назад. Я уже успел в пятый класс перейти, свои десять лет без нее отпраздновал, и вот уже каникулы перевалили через половину, а я все без мамы. В прошлом году тоже уезжала. Потому что у папы там «чудовищно трудная работа», его нельзя оставлять одного... Папу я вообще больше года не

видел по-настоящему, только на экране видефона. Правда, скоро у него отпуск и они вместе с мамой приедут в Старогорск. Но «скоро» — это когда?

Юрка перестал чиркать напильником. Зашуршал бумагой — свернул пакетик. Я быстро опустил глаза: не хотел, чтобы он заметил, куда я смотрю. Еще скажет что-нибудь...

— Дело сделано, — сказал он. — Двигаем?

Мы с Янкой стали загораживать коробками нишу. Опять попалась тяжелая, я ухватил ее за картонный клапан, он оторвался. Посыпались какие-то проволочки.

— Бенгальские огни! — обрадовался Юрка.

— Ну и что? — сказал я. — Лучше помоги...

— «Что!» А от какого огня надо зажигать искорку? Там сказано — от праздничного. А это как раз самые праздничные...

— Оставь! Ты рехнулся? Получится, что мы воры.

Юрка зло засопел, огрызнулся:

— Подумаешь, три штучки хотел взять. Они копейки стоят. Я могу полтинник в коробку положить. Вот...

— Не надо, — сказал Янка. — У нас дома есть бенгальские огни. С Нового года в игрушках завалились.

Мы молча поставили в штабель последние коробки и пошли к окну. Грудью и плечами пересекали мы лунные лучи — тонкие, прямые и даже какие-то осязаемые. Будто тысячи стеклянных нитей. Мне даже показалось, что они тихонько лопаются перед нами.

Я шепотом сказал Янке:

— Как струны...

И он сразу понял. Он остановился.

Поднял смычок, осторожно ввел его в сноп лучей. Смычок заискрился.

— Я загадаю... — сказал Янка.

Юрка, обернувшись, молча смотрел на него. Лицо у него стало тонким, большеглазым, бледным от луны. Будто и не Юрка.

Янка повел смычком. И лунные струны зазвучали. Тихо-тихо, но ясно. Я не удивился. Я даже знал, что так и будет.

Янка двигал смычком, и на полу двигалась его вытянувшаяся черная тень. А смычок отбрасывал искорки, и звучала мелодия. Еле слышная, но хорошая-хорошая. Ласковая, вроде колыбельной песенки: «И если были слезы в этот день, придет другой...» И я опять подумал про маму.

Что-то темное мелькнуло за окном, лучи порвались на миг, музыка стихла. Мы вздрогнули и прислушались. Но все было спокойно. Видимо, просто мимо окон пролетела ночная птица.

На улице, когда уже прощались, я спросил Янку:

— А что ты загадал? Там, в церкви...

— А... Я подумал: если будет музыка, значит, все будет. Искорка зажжется. Ну и вообще все хорошо...

Я кивнул. Я этого и ждал. Но Юрка мне напомнил:

— Жми домой. Тетушка с бабкой небось уже в колокола бьют.

И они с Янкой опять ушли вдвоем.

А я что же?.. Я побрел к дому.

В доме горел свет. Даже больше, чем всегда. Во всех комнатах! И металась тень. Конечно, меня ищут и ждут.

Я поднялся на крыльцо покорный и в то же время упрямый. Пускай делают что хотят. Пускай говорят любые слова, называют меня кем угодно, запирают на семь электронных замков. Пускай.. хоть как в старинные времена, как того крепостного Янку-музыканта!... Потому что настоящий, нынешний Янка и мой лучший друг Юрка даже не проводили меня до дома, чтобы сказать: «Гелька не виноват! Он с нами! Он ничего плохого не сделал!»

Не догадались? Наверно. Потому что Юрку никогда в жизни не запирали дома. Янка тоже вольный человек. Он не знает, как это можно бояться идти домой...

Я с опущенной головой протопал по освещенному коридору. Шагнул в прихожую...

Там такие яркие плафоны! Я зажмурился. Помигал.

На меня смотрела бабушка. Смотрела тетя Вика. И...

— Мама!..

Огненный рецепт.

Продолжение

Конечно, мама сразу простила все мои грехи. И не только потому, что я разревелся.

А разревелся я дважды. Сперва — как только увидел маму. Облапил ее, ну и... в общем, не выдержал. А второй раз — когда узнал, что отец не приехал и придет еще не скоро.

— Ну почему?! Он же обещал!

— Сейчас ему не до отпуска, Гелик. Там на скважине страшные дела. Совсем не те результаты, которых ждали.

Мне было наплевать, какие там результаты, но все же я сердито спросил:

— Какие?

— Скважина выходит совершенно не туда... Об этом даже не говорят пока. Ох, Гелька, я не разбираюсь в этих делах. Там что-то связано с теорией параллельных пространств. Всех посторонних просили уехать на месяц. Никто не знает, какой там может возникнуть эффект...

«Уже возник, — подумал я. — Папа не приехал, вот какой».

Но мама все-таки приехала! И теперь все будет по-другому.

— Ты меня завтра отпустишь к ребятам?

— Ладно уж, бродяга, — улыбнулась мама. — Мы попросим тетю Вику больше не сердиться.

— Меня совершенно незачем просить, — отозвалась тетушка (она все еще торчала рядом). — Теперь воспитываете вы. А я... Даже не знаю, кто я теперь...

И утром я помчался в вагон.

Мы начали колдовать.

Янка принес из дома пробирку от детского набора «Чудеса химии». Юрка — несколько иголок. Они неприятно блестели. Глеб достал флакон с одеколоном, обмакнул в него иглу и решительно ткнул себе в палец. Чертыкнулся.

Ерема сердито проскрежетал:

— Не могу я на это смотреть. — И ушел в свой угол.

Мне захотелось туда же.

Глеб спустил с пальца в пробирку алую тяжелую каплю. Сказал Ереме:

— Терпи, старина. Мы будем с твоим Васькой кровными братьями.

Юрка, равнодушно посвистывая, взял другую иглу и сделал все, как Глеб. Янка весело попросил:

— Ну-ка, проколи мне, я не умею...

— Давай... не бойся, — сказал Юрка.

— Я ничего... пожалуйста...

Я и не заметил, как остался последний в очереди.

Я тоже обмакнул иглу в одеколон, чтобы сдохли микробы. Наставил ее на мизинец левой руки. Ткнул. Тихонько ткнул, а больно так, черт возьми!.. А если сильнее?.. Никогда не думал, что на пальце такая бегемотова кожа... Ой... Никакого толку.

— Давай кольну, — предложил Юрка.

Ну уж, дудки, это еще страшнее. Я опять ковырнул иглой мизинец.

— Да не надо, хватит ведь и трех капель, — вдруг сказал Глеб.

— Да? Шиш вам!.. Ой-я... — С испугу и со злости я всадил иглу так, что сразу закапало.

Мы всыпали в пробирку металлические опилки. Смесь тут же стала темно-бурой, неприятной на вид, и Юрка недоверчиво проговорил:

— Ерундой занимаемся. Вот увидите.

Мне тоже так показалось. Но, назло Юрке, я ответил:

— Чего раньше времени каркать? Высохнет — поглядим.

Пробирку вынесли из вагона и оставили у нагретого колеса — на самом солнцепеке.

Я забрался на штабель гнилых шпал. Пососал проколотый палец и окликнул Глеба. Глеб сел рядом.

— Слушай... посвисти ту песенку, «Вечернюю», — попросил я. — Про которую ты писал...

Глеб не стал спорить. Улыбнулся и просвистел целый куплет. Спросил:

— Значит, прочитал мою писанину?

— Да. Только не до конца еще... Глеб, а слова помнишь?

— Не все... Начинается она так...

— Подожди. «Когда уснут дома и корабли, и птицы все...»

— «И звери все, и травы...»

— Точно! Глеб, я ее слышал.

— Где?!

— У себя на крыше. Давно...

И я рассказал Глебу про шепот звезд, про приемник и зонт.

— Только никому не говори, ладно? А то дразниться будут — звездная антенна из дырявого зонтика.

— Не скажу, — пообещал Глеб. — Хотя что тут смешного?.. А за песенку спасибо, Гелька. Это же для меня... Ну, как весточка. Значит, все же есть на свете земля, где я жил...

— Есть, конечно, — сказал я.

Глеб снова тихонько засвистел «Вечернюю песенку». Я стал ему подсвистывать, забыв, что слух у меня «как у больной курицы». И Глеб не остановил меня, а придвинул к себе и обнял за плечо.

— Глеб, а Янке ты ее не напевал?

и фонариков. Шум стоял, где-то неумело и хрипло вякали фанфары.

Меня сразу узнала Марфа Григорьевна, боевая такая тетенька, она работает в парке много лет.

— А, Геля Травушкин! Какой ты молодец, что пришел! Ты ведь хорошо рисуешь красками, да?

Я осторожно сказал, что не хорошо, а маленько.

— Ну как же «маленько»! Ты в прошлом году так замечательно разрисовал воздушных змеев! А сейчас надо раскрасить щиты волшебной стражи. Всякие там фигуры и гербы нарисовать... А ты, мальчик, что умеешь делать? — Это она Янке.

Янка растерялся, пожал плечами. Я сказал:

— Он играет на скрипке. Как артист.

— Правда?! — обрадовалась Марфа Григорьевна. — Какая удача!.. Виталий Гаврилович, сюда! Для вас пополнение, скрипач нашелся!

Подскочил круглый дядька с веселыми глазами и с бровями, похожими на черные кляксы.

— Что? Скрипач? Кто? Ты? — Он уставился на меня. — А, нет, конечно... Вот ты! — Он прямо затанцевал перед Янкой. — Оч-чень замечательно! Как зовут? Янка! Прек-чудесно! Пойдем-ка, дорогой...

Он поволок оробевшего Янку к столику. Вытащил блокнот, стал что-то записывать, спрашивать. Янка отвечал шепотом.

Марфа Григорьевна стала мне показывать картинки с рисунками рыцарских щитов и гербов. Я кивал и ничего не понимал. Потому что меня беспокоил Юрка. Он стоял неподалеку, у пластмассовой кадки с большой, но чахлой пальмой. Прищуренно поглядывал на «детсадовскую» суету и шевелил под щекой языком. Вот-вот плюнет и скажет: «Да ну вас вместе с вашими карнавалами». Но пока он молчал и только барабанил пальцами по краю кадки. Она была с землей, но гудела, как пустая...

Виталий Гаврилович вдруг оставил Янку. Шагнул к Юрке.

— А ты, друг мой, на чем играешь?

Юрка уперся в него насмешливыми глазами. И я понял: сейчас он вежливо скажет, что играет исключительно на нервах школьных педагогов. И нас вытурят отсюда.

Конечно, Юрка так и сказал. Но Виталий Гаврилович не рассердился:

— На нервах, это само собой. А еще?

— Всё, — насупленно сказал Юрка.

— Не может быть. И на ударных не играешь?

— Я? — хмыкнул Юрка.

— Но ты же не станешь отрицать, что сейчас выступивал «Токкату для ударных инструментов» Горнера? Третью часть.

Юрка шевельнул бровями. Приподнял подбородок. И проговорил со спокойной усмешкой:

— Даже и не знал, что в ней три части.

Виталий Гаврилович задумчиво оттянул и отпустил нижнюю губу — она щелкнула, как резина. Несколько секунд разглядывал Юрку в упор. И решительно сказал:

— Пошли!

— Куда?

— На репетицию, друг мой! Мне нужны барабанщики.

Я глянул на Юрку с завистью и досадой. С завистью — потому что везет же людям! В барабанщики мечтают попасть все старогорские мальчишки. С досадой — потому что Юрка откажется. Для него это, конечно, «детские пляски на лужайке». Разве его заставишь нарядиться в штанишки с позументами да в рубашку со шнурами и маршировать с барабаном на глазах у толпы?

Сейчас он ответит этому Виталию Гавриловичу...

Но Юрка странно молчал. Потом спросил, кивнув на Янку:

— А он?

— А он — скрипач. Каждому фрукту своя корзинка... Но вы рядом будете, все музыканты собираются в одном помещении. Пошли! Быстренько!

Что же, в самом деле, всякому фрукту своя корзинка. Кому на скрипке играть, кому барабанить, а кому кистями размалевывать фанеру.

Марфа Григорьевна составила из нас, из «художников», бригаду. В бригаде оказались четверо: тощая молчаливая девчонка Оксана, два брата-близнеца лет восьми, похожие на деловитых мартышек, и я. Мы работали на поляне за павильоном. Ловкие «мартышки» — Петька и Роман — подавали щиты и кисти. Оксана с рисунков переводила на фанеру всяких львов, драконов и королевские лилии, а я их расписывал нитрокрасками. Краски противно пахли, но работа мне нравилась. Только тетя Вика застонет, конечно: «Ах, Геля, где ты себя так расу-красил!»

Наконец, когда мы расписали двенадцать рыцарских щитов, «мартышки» в один голос попросились обедать.

— Нет.

— Он вчера играл похоже...

Янка будто услышал нас. Подбежал.

— Смотрите!

Он разжал кулак и показал пробирку. За тонким стеклом блестел серебристый порошок.

Мы смазали клеем стерженек бенгальского огня, только головку оставили для запала. Обсыпали клей порошком. Клей быстро застыл, порошок присох, палочка бенгальского огня сделалась такая же, как раньше. Только чутьточку посветлее.

— Зажигаем? — спросил Янка.

Глеб достал спички. Все замолчали. Я почувствовал внутри замирание. Получится? Бывают на свете чудеса? Янка в Капитанской церкви загадал, и вышло, что бывают. Но вот он тоже стоит, замерев. Подошел Ерема...

Юрка держал серебристый стержень за проволочный хвостик. Глеб чиркнул, поднес огонек...

Полетели искры, затрещало, но тут же бенгальский огонь зачал и погас. Никакой искорки не осталось.

Глеб нахмурился, зажег вторую спичку, но бесполезно. Запал бенгальского огня сгорел, и на этом все кончилось.

Мы стояли поникшие и уже без всякой надежды. Но Глеб зажигал спичку за спичкой и держал, пока пламя не обжигало пальцы. Тогда он ронял ее и каждый раз говорил:

— Ах ты, черт, какая досада...

Я мельком подумал, что в конце концов мы спалим вагон. Однако тут кончился коробок.

— Д-да, — уныло сказал Глеб.

— Нелогично, — подал голос Ерема.

— Что нелогично в твоей башке? — огрызнулся Юрка.

— Огонь не праздничный.

— Как это не праздничный? Это фейерверк для Нового года и вообще... — возразил Глеб.

Ерема сказал:

— Нового года сейчас нет. «Вообще» тоже нет. Никакого праздника. Огонь не праздничный.

— А в самом деле! — обрадовался Янка. — Надо праздника дожидаться! Тогда — пожалуйста!

— Нового года ждать? — с досадой спросил Юрка. — Когда еще бывают всякие фейерверки и огни?

Я сказал:

— А летний карнавал!

Третья часть

КАРНАВАЛ

Копья волшебной стражи

Детский Праздник Лета в Старогорске бывает каждый год. Он открывается в начале августа и тянется целую неделю. Ребята стараются в это время не уезжать из города. А те, кто в летних лагерях и на дачах, к празднику спешат домой.

Еще в июле на рекламных щитах, на тумбах, а то и просто на заборах появляются разноцветные плакаты:

Девочки и мальчики!
Скоро ваш праздник!
Все, кто хочет помочь
подготовить карнавал, концерты, состязания,
аттракционы, праздничные шествия
и веселые танцы у вечерних костров,
ПРИХОДИТЕ В ЛЕТНИЙ ПАВИЛЬОН
ГОРОДСКОГО ПАРКА!
Дело найдется каждому!
ЖДЕМ!

Вот и сейчас по городу были расклеены такие объявления. С нарисованными клоунами, пестрыми флагами, звездами и трубачами. Некоторые плакаты были очень большие, один — даже с пятиэтажный дом. Он и висел на таком доме, на глухой узкой стене, которая выходила в Почтовый переулок напротив нашей школы. На плакате нарисованы были мальчишки в голубой форме с аксельбантами, серебряными нашивками, с перьями и галунами на беретах. Двое мальчишек били в красные высокие барабаны со шнурами, а третий держал перед собой длинный свиток. На свитке — те же слова: «Приходите, помогите, участвуйте...»

— Детский сад... — пробурчал Юрка.

— Никакой не сад, — сказал я. — Там и старшеклассники участвуют. В прошлом году разве плохо было? А главное, узнаем, где какие будут иллюминации и фейерверки, чтобы зажечь искорку.

Юрка опять что-то пробурчал, но больше не спорил.

Мы пришли в длинный павильон, в котором было много ребят. Они таскали бумажные рулоны, связки флажков

и фонариков. Шум стоял, где-то неумело и хрипло вякали фанфары.

Меня сразу узнала Марфа Григорьевна, боевая такая тетенька, она работает в парке много лет.

— А, Геля Травушкин! Какой ты молодец, что пришел! Ты ведь хорошо рисуешь красками, да?

Я осторожно сказал, что не хорошо, а маленько.

— Ну как же «маленько»! Ты в прошлом году так замечательно разрисовал воздушных змеев! А сейчас надо раскрасить щиты волшебной стражи. Всякие там фигуры и гербы нарисовать... А ты, мальчик, что умеешь делать? — Это она Янке.

Янка растерялся, пожал плечами. Я сказал:

— Он играет на скрипке. Как артист.

— Правда?! — обрадовалась Марфа Григорьевна. — Какая удача!.. Виталий Гаврилович, сюда! Для вас пополнение, скрипач нашелся!

Подскочил круглый дядька с веселыми глазами и с бровями, похожими на черные кляксы.

— Что? Скрипач? Кто? Ты? — Он уставился на меня. — А, нет, конечно... Вот ты! — Он прямо затанцевал перед Янкой. — Оч-чень замечательно! Как зовут? Янка! Прек-чудесно! Пойдем-ка, дорогóй...

Он поволок оробевшего Янку к столику. Вытащил блокнот, стал что-то записывать, спрашивать. Янка отвечал шепотом.

Марфа Григорьевна стала мне показывать картинки с рисунками рыцарских щитов и гербов. Я кивал и ничего не понимал. Потому что меня беспокоил Юрка. Он стоял неподалеку, у пластмассовой кадки с большой, но чахлой пальмой. Прищуренно поглядывал на «детсадовскую» суету и шевелил под щекой языком. Вот-вот плюнет и скажет: «Да ну вас вместе с вашими карнавалами». Но пока он молчал и только барабанил пальцами по краю кадки. Она была с землей, но гудела, как пустая...

Виталий Гаврилович вдруг оставил Янку. Шагнул к Юрке.

— А ты, друг мой, на чем играешь?

Юрка уперся в него насмешливыми глазами. И я понял: сейчас он вежливо скажет, что играет исключительно на нервах школьных педагогов. И нас вытурят отсюда.

Конечно, Юрка так и сказал. Но Виталий Гаврилович не рассердился:

— На нервах, это само собой. А еще?

— Всё, — насупленно сказал Юрка.

— Не может быть. И на ударных не играешь?

— Я? — хмыкнул Юрка.

— Но ты же не станешь отрицать, что сейчас выступивал «Токкату для ударных инструментов» Горнера? Третью часть.

Юрка шевельнул бровями. Приподнял подбородок. И проговорил со спокойной усмешкой:

— Даже и не знал, что в ней три части.

Виталий Гаврилович задумчиво оттянул и отпустил нижнюю губу — она щелкнула, как резина. Несколько секунд разглядывал Юрку в упор. И решительно сказал:

— Пошли!

— Куда?

— На репетицию, друг мой! Мне нужны барабанщики.

Я глянул на Юрку с завистью и досадой. С завистью — потому что везет же людям! В барабанщики мечтают попасть все старогорские мальчишки. С досадой — потому что Юрка откажется. Для него это, конечно, «детские пляски на лужайке». Разве его заставишь нарядиться в штанишки с позументами да в рубашку со шнурами и маршировать с барабаном на глазах у толпы?

Сейчас он ответит этому Виталию Гавриловичу...

Но Юрка странно молчал. Потом спросил, кивнув на Янку:

— А он?

— А он — скрипач. Каждому фрукту своя корзинка... Но вы рядом будете, все музыканты собираются в одном помещении. Пошли! Быстренько!

Что же, в самом деле, всякому фрукту своя корзинка. Кому на скрипке играть, кому барабанить, а кому кистями размалевывать фанеру.

Марфа Григорьевна составила из нас, из «художников», бригаду. В бригаде оказались четверо: тощая молчаливая девчонка Оксана, два брата-близнеца лет восьми, похожие на деловитых мартышек, и я. Мы работали на поляне за павильоном. Ловкие «мартышки» — Петька и Роман — подавали щиты и кисти. Оксана с рисунков переводила на фанеру всяких львов, драконов и королевские лилии, а я их расписывал нитрокрасками. Краски противно пахли, но работа мне нравилась. Только тетя Вика застонет, конечно: «Ах, Геля, где ты себя так раскрасил!»

Наконец, когда мы расписали двенадцать рыцарских щитов, «мартышки» в один голос попросились обедать.

Оксана ушла с ними. А я... Мне тоже есть хотелось, но я ждал: может, вспомнят про меня Юрка и Янка? Может, заглянут узнать, как я тут?

Я сел в траву у дощатой стены павильона и стал соскребать с себя краску. В штаны и в майку она въелась намертво, но от рук и ног отслаивалась легко, тонюсенькими пленками. Пленки были прозрачные, как разноцветный целлофан. Я смотрел сквозь них на солнце. Посмотрю, дуну и пушу по ветру, как бабочку... И вспомнил, как Янка играл на скрипке, а вокруг носились желтые и красные солнечные пятна. А Юрка слушал, уперев подбородок в кулаки...

— Гелька, — сказал Юрка.

Я вздрогнул. Повернулся. И не узнал Юрку.

То есть узнал не сразу.

В новенькой форме барабанщика он стал совсем не такой, как раньше. Тощенький сделался, даже маленький какой-то. Как в тот раз, когда я разбил ему нос. И лицо казалось незнакомым, непривычно торчали уши. Успели Юрочку аккуратно постричь, и теперь над ушами и на шее у него белела незагорелая кожа.

Я подумал, что Юрка похож на сердитого страусенка Антона из многосерийного мультика «Слон Буби и его друзья». Такой же тонконогий, тонкошей и насупленный, готовый огрызнуться. Было видно, что он стесняется своего парадного наряда с блестящими пуговками и с перьями на берете, но в то же время доволен, что попал в барабанщики.

Почему доволен? Может, он, как все мальчишки, тоже об этом мечтал, только скрывал? Или потому, что барабанщик — тоже музыкант, значит, поближе к Янке?

Ну, что ж... Я прищурил один глаз, а другим посмотрел на Юрку через желтую пленку (голубая форма стала зеленой, а серебряные галуны золотыми).

— Ничего, — сказал я небрежно. — Красив...

Юрка сердито пошевелил щекой, сплюнул в траву. Но сейчас это ему не шло. Он сунул руки в карманы, но кармашки были непривычно мелкие, штаны съехали, чуть не упали.

— Тьфу, — ругнулся он. — Обрядили...

— Дали тебе форму, так радуйся, — сказал я. — А то ежишься, как мышь в холодильнике.

Он зыркнул свирепо, но тут же примирительно сказал:

— Не понимаю, чего ты заводишься.

— Потому что завидно. Тоже хотел в барабанщики.

Пускай гадает, всерьез я это или дразню его.

Юрка решил, что всерьез. Неуверенно сказал:

— Я там спрашивал... можно ли тебе. Но все места уже заняты.

— Врешь, — вздохнул я. — Ты не спрашивал, потому что у меня слух, как у больной курицы.

Юрка мигнул и сжал губы. Я увидел, что светлые полоски вокруг ушей у него порозовели.

— При чем тут слух, это же барабаны... — пробормотал он. — Там правда мест нет... Чего ты?..

Он вздохнул и неловко затоптался (ну в точности как страусенок Антон, который пришел просить прощения у слона).

Да, здорово я его подцепил... А может, не надо? Я же не хочу ссориться. А если Юрка скажет: «Ну и катись ты от меня к чертям!» Тогда я как?

Я быстро спросил:

— А с ногой-то что?

По правой ноге у Юрки вниз от колена словно кто-то провел крупной теркой.

— А! — будто обрадовался он. — Бежал да запнулся на дорожке. Там, где эта дурацкая статуя с веслом. Ка-ак брякнушь.

— До парада заживет, — утешил я.

— До парада нам надо сделать самое главное, — деловито сказал Юрка. — Придумать план, как зажечь искорку.

— Это запросто, — отозвался я, внутренне гордясь. — Это я беру на себя.

Дело в том, что всех нас, «художников», за нашу работу пообещали записать в команду волшебной стражи. Перед началом парада и карнавала мы в серебряных шлемах будем стоять на башне, над разукрашенной аркой. На верхушке башни установят чашу для праздничного огня. Вроде олимпийской. Кто-то из ребят поднимется с факелом и зажжет огонь. Я к наконечнику своего копья примотаю наш стерженек с серебристым порошком и поднесу его к пламени. Других «стражников» я тоже подговорю зажечь на копьях бенгальские огни — тогда на меня никто не обратит внимания. Все решат, что так и надо: праздничный салют.

Этот план я и поведал Юрке. С намеком в голосе: пока мы там занимались вашей музыкой, я времени не терял.

Юрка сказал с одобрением:

— Голова у тебя работает. Только не промахнись там.

Я ответил, что, если я такой беспомощный растяпа, пускай Юрка сам все придумывает и делает. Или Янка... Я чуть не брякнул «твой Янка».

Но Юрка сказал миролюбиво:

— Я же ничего, просто предупредил... А Янка... Гелька, он не прибежал?

— Здравствуйте, я ваша бабушка с Юпитера! Вы же вместе ушли.

— А там нас в разные комнаты развели...

— Никуда он не денется, — сказал я. — Юрка, пошли обедать.

— Без Янки? Мы с ним договорились, что вместе... Пойду посмотрю, где он там...

— А! Ну давай... — сказал я.

И стало мне как-то на все наплевать. И на искорку, и на праздник, и на то, что кругом лето — самое хорошее в жизни время... А еще я вдруг подумал: «Почему все-таки не едет папа? Только из-за работы?»

Но к вечеру настроение у меня наладилось. Мы собрались в «Курятнике» и сидели до звезд. Глеб рассказывал, как он с ребятами в интернате строил из дырявой моторки трехмачтовый фрегат, и как они чуть не потонули на пруду, и как им попало. Ерема что-то мурлыкал своим радиоголосом и при фонарике чертил на мятых листах будущего Ваську. Янка заглядывал ему через плечо и что-то советовал.

Юрка был тихий и непонятно задумчивый...

Потом дни побежали быстро-быстро. Я с «бригадой» мастерил доспехи для сказочных воинов и копья с наконечниками из серебристой пластмассы. Янка с музыкантами репетировал где-то на дальней эстраде в глухом углу парка. Юрка маршировал с барабанщиками. Барабанил он здорово. Я много раз видел, как он шагает на правом фланге второй шеренги, когда строй готовился к параду. Палочки у него просто летали над кожей красного большого барабана. К форме Юрка привык и уже не казался в ней маленьким и хилым. Ловкий он был, гибкий, быстрый такой. В общем, настоящий барабанщик.

Барабанщиков было много — двенадцать шеренг по восемь человек. На аллеях не очень-то развернешься, и случалось, что барабанный грохот раздавался на улицах. Промаршируют по городу — и обратно в парк. И когда они

шли по улицам, все радостно вспоминали: скоро праздник!

И наступил праздничный вечер. В сумерках парка взлетели и засверкали разноцветные струи фонтанов.

Мы — «волшебная стража» в шлемах из фольги, с пестрыми щитами и копьями — стояли на площадке фанерной башни. Вокруг большущего факела. Это был трехметровый серебристый столб, а на нем — узорчатая чаша из латуни. Размером с хороший таз.

С высоты все было видно отлично. Всю главную парковую площадь, которую освещали прожекторы, шеренги трубачей в красных плащах, зрителей, которые обступили площадь кольцом. Кольцо только в одном месте было разорвано: там среди деревьев темнел выход из главной аллеи.

Вот оттуда появились барабанщики.

Они красиво шли, ровно. Все ближе, ближе. Колыхались перья над беретами, разом вскидывались руки над барабанами. И марш их звучал так весело! Потому что это был самый праздничный марш. Его подхватил оркестр, но не очень громко, чтобы не заглушать барабаны.

За шеренгами барабанщиков шла колонна ребят в масках и карнавальных костюмах. Над колонной качались громадные куклы (всякие сказочные звери, колдуны и клоуны), пестрые флаги и шары. Но я туда не смотрел. Я смотрел только на барабанщиков да еще на маленького мальчика — он шел за ними, впереди карнавальной колонны. Мальчик был в красной блестящей рубашке — как огонек. И в поднятой руке он нес факел с оранжевым пламенем. Пламя откидывалось назад, как флажок.

Мне зябко стало, и я весь внутри замер. Потому что вот-вот, через минуту, должно решиться: будет у нас живая искорка или нет?

«Вдруг не загорится?»

Марш барабанщиков казался уже не веселым, а тревожным.

«Ну, не загорится — и не надо, — решил я себя успокоить. — Подумаешь, искорка! Ерема что-нибудь другое изобретет, а нам она и не нужна».

Но как это не нужна?

Если не загорится, значит, не бывает на свете чудес и сказочных загадок. Значит, лунная песенка Янки — обман!

И еще... Я верил, что если добудем искорку, то она сдружит нас троих накрепко — Юрку, меня и Янку. А если нет...

Скорей бы уж!

Барабанщики подходили к воротам, над которыми возвышалась наша башня. Юрка шел, как всегда, во второй шеренге справа. Шел и смотрел вверх, на меня. Словно молча напоминал: «Не прозевай!» Так, с запрокинутым лицом, он и прошагал под башню.

Остальные барабанщики тоже исчезали в воротах — шеренга за шеренгой. Скрылся последний ряд, и перед башней остался мальчик с факелом. Он по лесенке бегом поднялся к нам на площадку — будто огненная бабочка взлетела. Хороший такой мальчишка — маленький, лет семи, но смелый. И веселый — улыбка во все лицо, на носу веснушки светятся...

— Привет! — сказал он нам. Подмигнул и поднес факел к запальному шнуру.

Огонь перескочил на шнур и неторопливо побежал вверх. Мальчик сунул факел в приготовленное ведро с водой и стоял, глядя на бойкий язычок пламени. И все глядели. Огонь добрался до края чаши, спрятался за ним... и над чашей вспыхнула пламенная корона! Сразу где-то грохнуло, взлетели над черными деревьями гроздь ракет, запели фанфары, им отозвались далекие уже барабаны, а толпа закричала «ура», зашумела...

Пестрая колонна с флагами, куклами и шарами растеклась по площади, превратилась в карнавальный хороствод.

Вот и пришла самая важная минута.

— Давайте, — сказал я ребятам. И мы придвинули к огненному краю чаши наконечники копий. На каждом — стерженек бенгальского огня.

Что же они не горят? Старые, испортились? Отсырели?

Но вот разом вспыхнули трескучие огоньки у братьев — Петьки и Романа. И у Оксаны. И у других ребят. Еще, еще... А у меня?

А у меня тоже горит! Ярче других! На кончике копья — ослепительный шарик, а из него летят гроздь белых звезд!

Горит, горит... Но ведь это недолго. Все реже, все мельче белые звездочки. А где искорка? Она зажглась? Как ее увидеть? В глазах — сплошь зеленые пятна от огней.

Да нет, была бы искорка, я бы ее разглядел.

Значит, нет ее...

Всё...

— Смотри, у тебя не совсем погасло, — раздался рядом звонкий голос.

Это мальчик-огонек. Он рядом стоял и смотрел вверх.

— Что? — сказал я. — Где?

Замигал. Сильно-сильно.

— Вон, — сказал мальчик. — Светлячок.

И я увидел на острие копья чуть заметную светлую точку.

Что? Правда?!

Какая маленькая...

Я перестал дышать. Осторожно-осторожно наклонил копье. Придвинул к лицу обугленный стерженек. Точка светилась на его верхушке. Но я слишком резко шевельнул копье, стерженек дернулся в сторону, а искорка повисла в воздухе.

Я, не веря, поднес к ней палец. Она не обожгла, не кольнула. Я придвинул к ней, к маленькой, ладонь, тихонько сжал пальцы. Спрятал искорку в кулак. И ощутил в кулаке чуть заметное щекочущее тепло.

— Поймал светлячка, — шепотом сказал мальчик.

— Ага... — сказал я тоже шепотом, потому что осип от счастья.

Остальные не обращали на нас внимания. Лежали животами на перилах и глазели, что делается на площади. Над ней все еще вспыхивали разноцветные взрывы фейерверка. В глазах мальчика горели разноцветные огоньки.

— Спасибо, — сказал я ему.

Он засиял улыбкой. И спросил хитровато:

— А за что?

— Так...

Он вдруг сказал:

— А я тебя знаю. Ты Травушкин из нашей школы. Ты к нам в класс приходил, про сверление Земли рассказывал.

Я правда зимой был у первоклассников, делал им доклад про сверхглубокую скважину, на которой работает папа. Такое мне дали задание. Я ужасно волновался, запинаясь и на ребят почти не смотрел. Ни одного лица не запомнил тогда.

Но лицо Огонька было знакомо. Очень-очень знакомо.

И я вспомнил! Огонек был в точности как мальчишка с Ереминога снимка.

Может, все это не случайно? Я сказал весело:

— Я тебя тоже знаю.

Нахлобучил на Огонька свой серебряный шлем, положил перед ним щит и копье, а сам побежал вниз.

Искорка в кулаке ласково грела мне ладонь.

Искорка

С Юркой и Янкой мы еще днем договорились, где встретимся после парада. На полянке позади летнего павильона. Полянка была незаметная, укрытая кустами сирени, поросшая высокой травой. Из травы кое-где торчали каменные раскрашенные гномы. Краска с них поблезла — гномов забыли в этой парковой глуши.

Когда я пробрался на полянку, там еще никого не было. Стояла теплая, какая-то пушистая темнота. Лишь один далекий фонарь мигал сквозь листья. Зато звезды были громадные...

Я сел в траву, прислонился к твердому гному и разжал кулак. Искорка в темноте засияла ярко и радостно. Я осторожно убрал из-под нее ладонь. Искорка повисла в воздухе, не упала, не улетела от меня.

— Хорошая ты моя... — шепотом сказал я ей.

Зашуршали ветки. Я опять спрятал искорку в кулаке.

— Гелька, ты здесь?

Это появился Янка. С фонариком.

— Выключи фонарик, — сказал я.

Он выключил.

— Смотри, — сказал я. И разжал пальцы.

Янка наклонился близко-близко. Я даже почувствовал на ладони его дыхание.

— Чудо какое... — прошептал Янка. — Не гаснет?

— И не думает.

— Не обжигает?

— Нисколечко... Подержи, если хочешь.

Я оставил искорку в воздухе, потом поднес к ней Янкину ладошку. Искорка послушно села на нее.

— Теплая, — сказал Янка.

— Ага... А теперь попробуй перебросить ее мне. Полетит?

— Ну... пожалуйста.

Янка пустил искорку с ладони, будто крошечную бабочку. Она огненной ниткой прошила воздух и остановилась передо мной. Я посадил ее на мизинец.

— Она никуда от нас не улетит, — уверенно сказал я.

— Потому что наша, — отозвался Янка. — В ней же наша кровь...

Ворча и цепляясь барабаном, выбрался из кустов Юрка. Мы показали ему искорку. Он притих, подержал ее на ладони.

— Смотри, как она слушается нас. Она живая, — сказал Янка. — Ну-ка, пусть она летит ко мне...

Мы долго стояли кружком на темной поляне и перебрасывали друг другу искорку. Она летала между нами, будто крошечный светлячок, и садилась то на ладонь, то на кончик пальца.

Наконец Юрка сказал:

— Жалко, что нельзя сейчас испытать ее. Никакого колесика не догадались взять.

— Завтра испытаем, — успокоил Янка. — И так видно, что она такая... настоящая.

— А у кого она будет до завтра? — ревниво спросил я.

— Ты зажег, у тебя и будет, — великодушно решил Юрка. — Янка, ты не против?

— Нет, конечно, пожалуйста... Только нельзя ее все время в кулаке носить. Давайте ее вот сюда. Я нарочно принес.

Он показал пробирку — гораздо меньше той, в которой делали порошок. Толщиной в карандаш, длиной со спичку. Скорее, ампула, а не пробирка.

— Сюда ее посадим, пробкой закроем...

— А если задохнется под пробкой? — испугался я.

— Мы же не глухую сделаем, а чуть-чуть...

Искорка висела в воздухе. Мы надели на нее ампулу — будто накрыли бабочку стеклянным сачком. Для пробки Янка скатал из травы шарик...

Я не стал откладывать испытания до утра. Дома я выволок чемодан со старыми игрушками, достал из него модель гоночной машины «Барракуда». Раньше в ней был двигатель с микроэлементами, но я давно его распотрошил. А машину не выбрасывал, мне ее папа подарил, когда семь лет исполнилось...

«Барракуда» лежала на полу вверх колесами, а я ломал голову: как приспособить искорку к оси? Сверлить стальной стержень было нечем... А может, спрятать искорку прямо в колесе? Отвинтить колпачок и вот сюда... Я коснулся ампулой колеса.

Вернее, даже не коснулся.

Я не успел задеть его, как задний мост у машины взревел. Колеса завертелись так, будто к ним подключили мотор от настоящей «Барракуды»!

— Геля! Что за шум! — тут же завелась за дверью тетя Вика. — Давно уже пора спать.

— Да пусть поиграет, — сказала мама.

— Ах да, конечно...

А я сидел на полу и смеялся. Колеса вертелись все тише: искорка снова была у меня в кулаке.

И почему-то мне представилось: идет по улице важный Ерема, а перед ним скачут двое — веселый роботенок Васька с задраным носом и мальчик-огонек в алой рубашке.

Клоун

Проснулся я поздно. Сквозь березы светило в комнату солнце. Я дотянулся до стула с одеждой, достал из-под майки заткнутую травяным комочком ампулу. Испугался на миг: погасла?

Искорка при свете дня была еле заметна. Можно подумать, что просто крошечный блик в стекле. Но я поднес ампулу к «Барракуде», и у той опять бешено рванулись колеса.

Я опять сказал искорке:

— Хорошая ты моя...

Где-то играл оркестр: в городе уже разворачивался новый праздничный день.

Пришли Юрка и Янка. Янка со скрипкой, в своем желтом костюмчике с бантиком. Юрка в форме и с барабаном.

— Ну? — нетерпеливо сказал Юрка. — Небось уже пробовал?

Я с удовольствием показал, как вертятся колеса «Барракуды». Юрка расцвел. Янка тоже заулыбался.

В комнату заглянула тетя Вика.

— Геля! Смотри, мальчики какие красивые. А ты опять...

— Я дам ему белую рубашку со звездочками, — сказала мама.

Я обрадовался. Не потому, что на плечах блестящие звездочки, как у скадермена, а потому, что нагрудные кармашки с клапанами. Удобное место для ампулы с искоркой.

Сначала мы прибежали в «Курятник». Надо же обрадовать Ерему и Глеба! Но вагон оказался пуст. У косяка, на ржавом гвозде, висела записка: «Я ушел в магазин за бумагой. Будет время — найду вас в парке. Ерема почему-то не ночевал. Глеб».

Судя по всему, Глеб, не очень-то верил, что искорка получится. Вчера в парк не пришел, отговорился, что надо

много чего написать, пока не забыл. Сегодня тоже вот не дождался нас... А куда девался Ерема?

Гадать было некогда, мы торопились в парк.

...С утра в парке намечались разные состязания и концерт. Юрка должен был барабанить при всяких церемониях на стадионе, а Янка играть. Мы договорились, что встретимся с Юркой в двенадцать на лужайке с гномами, и я пошел слушать Янку.

Концерт проходил на окруженной высокими кленами площадке.

Я сел в третьем ряду и около себя занял еще два места — раздвинул руки и уперся в скамью ладонями. Потому что народу полно, а Янке после выступления где-то надо сесть, да и Юрка может прибежать пораньше...

Выступлений было много. Пели хором и поодиночке, стихи читали, фокусы, показывали. Один мальчишка даже с дрессированным котом выступал: толстый серый кот кувыркался и ходил по натянутой веревке. Все веселились.

Но концерт шел долго, кое-кто утомился, а солнце поднялось выше самых высоких деревьев и крепко жарило плечи и макушки. Зрители начали отвлекаться и галдеть. Я испугался, что Янку слушать не будут.

И правда, когда он вышел на эстраду, над рядами висел гул. Я чуть не заорал: «Да тише вы!» Но Янка не стал дожидаться тишины. Вскинул к подбородку скрипку, и она пропела тревожно и резко: «Та-а, та-та!»

И сразу упало молчание.

Янка заиграл всем знакомую песенку:

На планете Сельда
Дни стоят хорошие,
Брызжет, брызжет солнышко
В заводи речные.
На планете Сельда
Жили-были лошади —
Умные и добрые.
Только не ручные...

Скрипка играла так, будто слова выговаривала. Кое-кто даже подпевать начал. Но Янка перешел на другую песню:

Желтый месяц висит
Над уснувшим прудом.
И журчит у плотины вода.
Мы вернулись сюда,
В этот край, в этот дом,
Навсегда, навсегда, навсегда...

Эту песню любит мама. Я вспомнил, как мы с мамой и папой сидели у костра. Я был тогда крошечный, пятилетний. Высоко-высоко качались мохнатые головы сосен, и казалось, что звезды среди них плавают туда-сюда. Костер стрелял красными угольками, а мама пела. И было это на Юрском полуострове, под Ярсоном, где скважина, — мы туда один раз летали с мамой вместе...

Что же все-таки со скважиной? При чем тут теория параллельных пространств? Она совсем не про это... Хотя кто знает, что может случиться на страшной глубине? Я помню, как отец говорил: «К звездам летаем, а до нутра матушки-планеты нашей добраться до сих пор не сумели. Она нам это припомнит когда-нибудь...»

А может, дело не в матушке-планете и не в скважине? Может, отец просто не захотел приехать? И не приедет совсем? Почему тетя Вика сказала тогда маме странные слова: «Я даже не знаю, кто я теперь...»?

Кто? Уже не родственница?

Тьфу, какая чепуха в голову лезет...

А если не чепуха?

Если я буду, как Юрка, без отца?..

Юрке легче: он своего отца никогда не знал... Только легче ли? Что значит «легче», если одиночество?..

Глеб правильно написал про одиночество.

Вроде бы все хорошо в жизни, а почему тогда у многих грустные глаза? У мамы, у Юрки, даже у тети Вики? И у Глеба...

Ну, то, что у Глеба, — это понятно...

Янка, словно вспомнив о Глебе, заиграл «Вечернюю песенку» — он теперь хорошо ее знал. И этой песенкой закончил игру.

Все захопали. Сперва не сильно, а потом громче, громче. И я захопал. Хотя, по правде говоря, мне больше нравилось, когда он играл в вагоне. Но все равно молодец Янка!

Я хлопал и совсем забыл, что надо беречь соседние места. Когда спохватился, с двух сторон уже сидели какие-то девчонки. Я с досады чуть не треснул каждой по шее и стал выбираться из рядов. Вышел на лужайку рядом с эстрадой. Замахал Янке, чтобы он бежал ко мне. Но на эстраду выскочили два клоуна, рыжий и белый, они задержали Янку. Белый клоун затряс над колпачком ладонями и женским голосом закричал:

— Дети! Внимание! Дети!.. Янка играл замечательно!

За это ему вручается праздничный почетный диплом!
И подарок!

Янка смущенно затоптался. Ему дали блестящий лист и плоскую красную коробку. Наверно, с конфетами. Он быстро наклонил голову, шевельнул губами — видимо, сказал спасибо. И пошел с эстрады. Я опять замахал ему: давай сюда! Он заметил, кивнул.

Но тут клоун снова закричал:

— Дети! Пока готовятся наши танцоры, мы успеем наградить еще нескольких ребят! Пусть поднимется на сцену Геля Травушкин!

Кто? Я?

Зачем? Я же не артист...

— Геля!.. Дети, среди вас есть Травушкин?

Знакомых было много. Из рядов закричали клоуну, что «тут он», а мне: «Гелька, давай! Копейкин, жми на сцену!»

Я пожал плечами и пошел.

Рыжий клоун захлопал растопыренными ладонями, а белый взял меня за руку и радостно объявил:

— Геля Травушкин прекрасно потрудился во время подготовки праздника. Замечательно потрудился. Давайте поблагодарим его за это!..

Зачем это он? Разве я лучше других? Все работали, все ходили перемазанные краской и клеем. Я хотел сказать об этом, но ребята захлопали, зашумели, а клоун закричал:

— Поэтому Геля Травушкин тоже получает диплом и подарок! Диплом — вот он, а подарок очень большой. Пусть Геля пройдет вон в ту дверь и там получит свою награду!

Я пробормотал «спасибо» и пошел к дверце в глубине эстрады. Было ужасно неловко, но и любопытно было: что за подарок? И даже мелькнула мысль: «Может, я в самом деле немножко лучше других работал?»

За дверью оказалась фанерная комнатка. Но подарка мне там не дали. Там переодевались для танца девчонки. Они завизжали и вышибли меня вон. Хорошо, что не на сцену, а в другую дверь — в кусты позади эстрады. Я выбрался из кустов и ошарашенно помотал головой. Вот так подарочек! Что это, карнавальная шутка? Ничего себе шуточки...

Я очень разозлился. Скомкал захрустевший диплом и закинул в кусты. И тогда из кустов появился еще один клоун. Вышел легко, незаметно как-то, даже веточки не шелохнулись. Он был в желто-красном балахоне и в маске.

Маска — такая веселая рожа, губы растянуты в широченную улыбку и похожи на жирный красный полумесяц.

— Это ты Геля Травушкин? — спросил клоун воркующим голосом из-под маски.

— А что вам надо? — ощетинился я. Потому что хватит с меня шуток.

— Тебя надо, голубчик! — обрадовался он. — Пойдем.

— Куда?

— За подарком, конечно!

Он взял меня за локоть красной плюшевой перчаткой. Я вздохнул и пошел. Стало жаль диплом, но тут же я подумал: «Потом найду и разглажу».

Клоун повел меня по узенькой заросшей аллейке. Идти по ней вдвоем было тесно, царапались ветки, но я стеснялся сказать «отпустите». Мы пришли к старой кирпичной будке, вроде водокачки. Клоун толкнул дощатую дверь и промурлыкал:

— Входи. Здесь подарочная кладовая.

Окон в будке не было, у потолка сняла белая лампа. Под лампой блестел обитый металлом длинный стол. А на его дальнем краю стояла... Вот это да! Там стояла серебристо-голубая модель марсианского шагающего вездехода «Кентавр-супер»!

Не игрушка, а именно модель. Копия. Большая, в полметра высотой. Я такую видел в Музее Звезд, когда ездили на экскурсию в Южный Пояс городов.

Клоун подтолкнул меня к столу и шелестящим голосом сказал:

— Она твоя... Она управляется мыслью. Вернее, импульсами желаний. С помощью этих приборов. — И он ловко надел мне на запястья широкие кожаные браслеты. На браслетах оказались черные металлические диски размером побольше часов. Тяжелые...

— Пойдем, Геля Травушкин...

Клоун усадил меня на табурет напротив модели. Придвинул к самой кромке стола — так, что я уперся в нее грудью. Руки мои он вытянул вперед и положил на стол. Диски на браслетах звякнули о металл.

Стол был холодный. На голых руках сразу высыпали пупырышки. Металлический край леденил грудь сквозь рубашку. Я вздрогнул и почему-то оглянулся на дверь. Она была закрыта.

— Слушай, Травушкин...

Клоун стоял рядом с «Кентавром». Маска его улыба-

лась изо всех сил. Было неприятно видеть широкий неподвижный рот, когда слышишь разговор.

— Сосредоточься, Травушкин.

— Холодно...

— Ничего, ничего. Сосредоточься. Прикажи машине двигаться. И она пойдет!

Я вздохнул, поежился и сосредоточился. Приказал «Кентавру»: «Иди! Ко мне!» Даже представил, как он идет.

Но «Кентавр» не двигался.

— Не работает, — сказал я.

— Сейчас, сейчас...

Клоун, подпрыгивая, обежал вокруг стола и опять подскочил к модели. Поднял крышку кожуха.

— А! — сказал он. — Ба!.. Да она без двигателя! Ну... это ничего. Это ведь не беда. Верно, Травушкин? — В прорезях маски странно шевельнулись и заблестели его голубые глазки. Клоун осторожно пошел ко мне. Встал сбоку. Повторил, воркуя: — Это не беда, Геля... Ведь у тебя есть и с к о р к а.

Я вздрогнул. Даже дернулся назад. Но браслеты прочно держали мои руки на столе. Примагнитились, что ли?

— Пустите! — сказал я.

Клоун прошелестел надо мной:

— Но ведь искорка есть?

— Какое вам дело?! Она не для этого нужна!

— Она совсем не нужна, — возразил Клоун. — Тебе не нужна и твоим приятелям. Подари ее нам.

— Кому вам?

— Ну... мне.

— Зачем?! — крикнул я, пытаюсь освободить руки.

— Подари... А мы подарим тебе вездеход. Не такой, а настоящий. Ты будешь ездить на нем в школу...

— Нет! — крикнул я и рванулся изо всех сил. Но браслеты держали мертво.

— Подари... Мы ничего плохого с ней не сделаем. Просто нам нужен образец.

Я напрягнул все мускулы. Пятками уперся в пол. Дернул руки так, что они чуть не вырвались из плеч. Но браслеты не шелохнулись. И так мне жутко сделалось...

— Пустите меня сейчас же! — отчаянно сказал я и стиснул зубы, чтобы не разреветься.

Он приподнял плечи. Сказал с каменистым хрустом и голосе:

— Разве я тебя держу? Иди, Геля Травушкин... Только подари искорку.

Кто он такой? Сумасшедший? Ампула лежала у меня в нагрудном кармашке, под клапаном. Этот псих может ее просто-напросто отобрать. Или не догадывается? Или не смеет?

Он будто услышал мои мысли. Сказал опять с шелестом:

— Ты должен подарить ее сам. Только сам.

— Нет, — выдохнул я, дрожа от страха. И от холода.

Стол сделался просто ледяным. Я пошел на хитрость: — Что вы, сами не можете сделать, что ли? Есть рецепт...

— Не можем, Травушкин, — прошуршал он, будто песок просыпал. — Что-то мешает. Не тот состав, она же на крови... Геля Травушкин, подари искорку.

— У меня ее нет!

— Неправда, Геля, Подари... Это очень просто. Скажи «дарю», и она сама вот сюда... — Клоун протянул мне плюшевую растопыренную лапу. — Одно словечко. Ну?

Он согнулся, наклонился надо мной совсем низко. Я увидел на маске вмятины, царапинки, застывшие подтеки лака. И шевелящиеся глазки — бледно-голубые, с розовыми прожилками на белках. Маска смеялась мертво и безжалостно.

— Уходите! — заорал я. — Кто вы такой? Снимите маску!

Он быстро отошел. Будто испугался.

— Снимите маску! — снова крикнул я.

— Зачем?

— Снимите сейчас же!

— Это не маска, — сухо сказал Клоун. И... я увидел! Угол красного рта у него двинулся. По лаку пробежали трещинки. Нарисованные брови тоже шевельнулись. Или показалось?

Это, наверно, сон!

Клоун протянул руку и с перчатки на стол уронил шмеля.

Я обмер. Я перестал чувствовать холод. Это был шмель-чудовище. Величиной с грецкий орех. Его покрывала свинцово-серая жирная пыль. Шмель приподнялся на мохнатых лапах и пошел к моей левой руке. Прямо к руке! Он шел, и лапы его громко скребли по металлическому листу. И обвисшее брюшко скребло. И за ним тянулся маслянисто-свинцовый след.

Я понял, что отчаянно завизжу. И это будет не просто визг, с ним вырвутся слова: «Не надо! Возьмите ее! Дарю! Дарю!» И потому я опять сжал зубы — изо всех сил. Хотел зажмуриться, но не смог. А шмель шел, шел...

Ну за что меня так? Что я сделал? Не надо!

Шмель заполз мне на браслет. Я сквозь толстую кожу почувствовал, какой он тяжелый. Свинцовый... Сейчас он страшной лапой своей ступит мне прямо на руку...

Такой жути не бывает наяву. Я сейчас проснусь! Скорее!..

И грохнули барабаны.

Они ударили за кирпичными стенами, отдаленно и глухо, но шмель съежился и тяжелым орехом скатился с браслета.

Клоун тоже съежился. Отскочил от стола, сел у стенки на табурет. Согнулся, обхватил себя за колени. Я рванулся...

Я рванулся к барабанщикам! К Юрке! Браслеты не держали. Я отлетел к двери, грохнулся об нее спиной. Дверь зашаталась. Я вскочил, трахнул по доскам ногой, они вылетели, и я вылетел за ними.

На солнце! На свободу!

— Юрка!! — Я помчался через кусты, через цветники.

— Геля! Что с тобой?

Я увидел Марфу Григорьевну. Она держала большущего надутого слоненка.

— Геля, мы тебя ищем! Вот подарок...

Я кинулся туда, где мелькали за ветками голубые накладки и грохотали красные барабаны.

— Юрка-а!!

Письмо Еремы

Я догнал барабанщиков. Они шагали по аллее от стадиона к площади. Путаясь ногами в траве, я побежал по обочине. Увидел Юрку.

Барабанщики били походный марш. Сквозь рокошующие удары Юрка не слышал меня. Я, задыхаясь, пошел рядом, дернул его за коротенький плащ. Юрка сбился, гневно оглянулся на меня:

— Рехнулся? Не суйся под ноги!

Я чиркнул ребром ладони по горлу: «Ты нужен! До зарезу!»

— Иди на поляну, я сейчас! Иди!

Я отстал. Оглянулся. Марш барабанщиков быстро откатывался за деревья, и стали слышны другие звуки: голоса, музыка. И даже кузнечики в траве. И недалекие шаги.

«А если это опять Клоун?» — подумал я. Но не очень

испугался. Теперь казалось, что жуткая встреча с Клоуном произошла давным-давно. Потому что слишком уж неестественный был случай. Как страшный сон, от которого просыпаешься среди ночи и минуту лежишь, замерев, а потом... потом страх быстро тает и все делается как всегда. Слышишь: часы пошелкивают, Дуплекс чешется за открытым окном, в своей будке; бабушка вздыхает и кашляет наверху. Все настоящее, привычное, и места для страха в этом мире просто нет.

Может, и сейчас был сон? Или чья-то глупая шутка?

Но кто из взрослых будет так шутить? На запястьях до сих пор следы от жестких браслетов...

А если не взрослый? Если Клоун — это мальчишка большого роста: в ширину да в высоту вымахал, а ума не набрался!

А откуда у мальчика такая модель «Кентавра»?

А магнитные браслеты?

И шмель!..

Я опять задрожал, как от холода, и оглянулся. Но кругом было солнце. Мимо пробегали беззаботные мальчишки и девчонки. Проехал по аллее фанерный автомобильчик на велосипедных колесах, в нем хохотали трое малышей, одетых поросятами, и щелкал пластмассовой челюстью косматый волк.

Я потрогал карман: ампула с искоркой была на месте. Я вздохнул, потер запястья и пошел на нашу полянку. Там я сел, привалился спиной к каменному гному и стал думать, как все объяснить Юрке.

Юрка пришел очень быстро. Сердитый. У него опять была до крови ободрана нога.

— На том же месте, — зло сказал он. — Заколдованное оно, что ли? Там, где эта дурацкая фигура с веслом стоит... Платок есть?

У меня, к счастью, был: мама утром положила в карман. Я молча протянул платок Юрке. Он стал промокать им кровоточащие царапины. А сам все оглядывался, прислушивался к рокочущим вдали барабанам. И я понял, что он еще всей душой там, в блестящем строю барабанщиков, где свой строгий праздник, своя красота, своя жизнь. И где для меня места нет...

— Ну? — сказал наконец Юрка.

Я неловко завозился на траве и пробормотал:

— Там... какой-то псих. Клоун... Пристал и говорит: «Подари искорку»... Хотел отобрать...

— Но ты не отдал? — вскинулся Юрка.

— Нет, конечно! Только он...

Про что сперва рассказать? Про шмеля? Юрка презрительно дернет щекой: «Опять козявки испугался...» Надо все по порядку. Но Юрка нетерпеливо смотрит назад.

Он сказал недовольно:

— Подумаешь, Клоун! Что ты так его боишься?

Он решил, что я испугался мальчишки с улицы Речного флота! Там есть один такой вредный тип, семиклассник по кличке Клоун.

— Да не тот! Этот гораздо больше!

Юрка сморщил лоб.

— А откуда этот клоун узнал про искорку? Ты, наверно, болтал направо и налево?

— Ты, наверно, сам болтал! — взвился я. — Вместе с Янкой!

— Чего ты на Янку-то зря... — хмуро сказал Юрка.

— Потому что...

«Потому что Янку ты выслушал бы до конца. Не дергался бы от нетерпенья». Но я не стал это говорить. Отвернулся.

— Знаешь что? Давай искорку мне, — предложил Юрка. — А, черт... На этой дурацкой форме ни одного нормального кармана.

Он врал: форму дурацкой он не считал, она ему нравилась. Но он был в ней не такой, как в прежние времена. Не тот сердитый, насмешливый, но все равно лучший друг Юрка. Другой...

— Не дам я тебе искорку. Не ты зажигал, — тихо сказал я.

Юрка не разозлился. Миролюбиво посоветовал:

— Тогда спрячь дома. А к трем часам принеси в вагон. Там во всем и разберемся.

— Сам знаю, — буркнул я.

— Эх ты, Гелька ты Гелька... — вдруг вздохнул он.

Я вскинул глаза. Потом встал.

— Ты еще скажи «Копейкин»...

Юрка быстро улыбнулся:

— Не скажу... Ну, до встречи в «Курятнике».

Он положил мятый платок на голову гнома и ушел с поляны. Я подумал и медленно двинулся следом. Просто не знал, что делать. Шагов через десять я увидел на тропинке барабанную палочку. Поднял ее, покачал в руке — легонькую, точеную.

Юркина? Потерял? Как же барабанщик без палочки?

Я выскочил на аллею, кинулся вдоль цветников туда,

где не умолкали барабаны. Что-то зацепило мою ногу, я полетел и плашмя проехался по мелкому гравию.

Вскочил...

За что я запнулся? Ничего на аллее не было, ровненько все... Кажется, кто-то хихикнул. Я со злостью огляделся. Но кругом ни души. Только гипсовый гребец-физкультурник стоял на покрашенном белилами постаменте. Он небрежно изогнулся, опираясь на тонкое весло. Смотрел вверх деревьев и — мне так показалось — нахально улыбался белыми губами.

«Ах ты гад!» Я от досады и от боли просто взбесился. И с размаху швырнул в болвана палочкой.

Палочка пошла странно — петлями, как бумеранг. Но попала! Головкой клюнула гребца в плечо. И... он треснул!

По гребцу разбежались черные щели, упало весло с отвалившейся рукой, посыпались куски гипса. Часть шеи вывалилась, и открылся железный стержень.

Я перепуганно мигал несколько секунд, потом рванул через клумбы — подальше от места преступления! Не хватало еще, чтобы меня поймали за разбивание скульптур! Как Ерему...

Кто же знал, что этот гипсовый дурак такой хилый?

Я остановился у фонтана с чугунными цветами и каменными лягушками. Сел на край бассейна, вытащил платок с бурыми пятнами, промыл ссадины на левом локте. И подумал, что мне еще повезло: я пострадал меньше Юрки.

А пробирка не разбилась?

Нет, вот она, целая. Искорка на месте, хотя еле видна при солнце.

Я застегнул карман...

— Травушкин!

Звонкий такой голосок. Я оглянулся. Рядом стоял вчерашний знакомый, мальчик-огонек. Он был не в алой рубашке, а в синей матроске, но я его сразу узнал. Он улыбался. И я улыбнулся, несмотря на боль от царапин и ушибов. После всех неприятностей было так хорошо увидеть веселого Огонька.

— Тебе письмо от Еремы! — Огонек протянул свернутый в четвертушку лист. — Он меня встретил и говорит: «Знаешь Травушкина? Разущи его, дело срочное, а я ковыляю медленно...»

Я сразу понял Еремину хитрость: он, бедный, мучится от нетерпения, хочет скорее узнать, получилась ли ис-

корка. А в парк, где он когда-то нахулиганил, идти не решается.

— Разве ты знаком с Еремой? — спросил я.

Огонек улыбнулся еще шире:

— Ага... Он мне много раз игрушки делал... Я побежал!

— Ладно. Спасибо...

Что же пишет Ерема?

Я развернул лист и увидел раздерганные строчки:

«Биригитес их они не люди Приход ити вва гон я расскажу я узнал Эрема».

Я взглянул на Огонька, но тот был уже далеко. Помахал мне рукой.

Я перечитал записку. Почти ничего не понял, но стало опять зябко и неуютно. Ерема никогда не шутил и никогда не тревожился зря. Что-то случилось.

От парка до станции недалеко. Сначала — на холм, где ретранслятор, а оттуда — вниз.

И я побежал!

Я не успел...

Четвертая часть

ГДЕ СХОДЯТСЯ РЕЛЬСЫ...

Открытие

На пустыре за путями, у вросшего в землю бетонного блока, мы вырыли яму. Сложили в нее искореженные обломки. Засыпали, а сверху настелили дерн.

— Давай пиши, — сумрачно сказал мне Юрка. — Ты кистями работать привык...

Он дал мне кисточку и банку с черной несмываемой краской.

— Только не надо, что он был робот... — попросил Янка. Я вывел на бетоне:

ЕРЕМА

Погиб 6 августа 210 г. к. э.

Вот и все. Я размахнулся и бросил банку далеко в траву. Отошел, чтобы ни на кого не смотреть мокрыми глазами. Все молчали. На станции весело играло радио, а в парке оркестр.

— А я-то хотел с ним пойти бродить по белу свету, — сказал сзади Юрка.

Я обернулся. Юрка дернул щекой и сказал снова:

— С ним да еще с Васькой...

— Не будет никакого Васьки, — вздохнул Глеб и стал сердито лохматить волосы.

Янка сидел на корточках у бетонного блока и разглаживал на дерне травинки.

Ерема погиб за час до того, как я сюда прибежал.

Он шел через пути к вагону. По ближней от вагона колее мчался электровозик технической службы. Ерема остановился метрах в двух от рельсов, чтобы пропустить его. Все это было у Глеба на глазах. Ерема стоял спокойно, на электровозик даже не смотрел. Когда машина пронеслась мимо Еремы, из нее высунулось что-то длинное и тонкое — то ли рельс, то ли грузовая стрела. Концом она ударила Ерему в спину, и он взлетел высоко в воздух... А падал уже отдельными кусками...

Глеб оттащил обломки с рельсов и с полчаса сидел над ними, ошарашенный и беспомощный. Сделать ничего было нельзя — голова Еремы оказалась разбита вдребезги... Глеб вскочил и яростно бросился к начальнику станции. Тот сперва перепугался до немоты. Потом стал орать, что никаких электровозов на станции не было и быть не могло. Начал куда-то звонить, с кем-то ругаться. А Глеб понял, что все бесполезно. Кого винить, с кого спрашивать за Еремину гибель?

Ведь Ерема не был человеком. Ни документов у него, ни жилья в городе, ни должности. Если смотреть по закону, он был вообще никто. И даже ничто. Он не мог считаться даже машиной, потому что все машины где-то записаны, имеют номера и технические паспорта. И кому-то принадлежат. Ерема ничего не имел и принадлежал себе. А так не положено. Значит, Ерема был просто беспризорной кучей электронного хлама. Так начальник и заявил Глебу. Он вообще-то был добрый дядька, но сейчас, видимо, думал только про одно: чтобы не очень попало за происшествие.

Глеб вскипел и сказал, что Ерема был умнее всех начальников станций, вместе взятых. Начальник ответил,

что это возможно. По крайней мере, он, начальник станции Старые Горы, действительно лысый дурак: позволил какому-то беспаспортному проходимцу и мальчишкам (за которыми совсем не смотрят родители!) устроить в вагоне ночлежку. А теперь из-за этого неприятности. Шастают по рельсам! Хорошо, что пострадал железный болван, а не живые люди. Хватит! Если Глеб к утру не очистит вагон, начальник явится туда с патрулем транспортной спец-охраны.

Глеб сказал, что спецохрану вместе с начальником он видел в белых тапочках.

Но было ясно, что с вагоном надо прощаться.

Это не очень огорчило нас. По сравнению с Ереминой гибелью это была такая ерунда.

Ерема, Ерема... Кажется, сейчас поднимемся в вагон, а он сидит, скрючившись над оундуком, чертит своего Ваську.

Мы забрались в «Курятник». Не было Еремы. Только похожий на Огонька мальчик смеялся на фотоснимке — он-то ничего не знал. Глеб подошел к снимку, оглянулся на нас. Неловко попросил:

— Можно, я этого пацана себе возьму?

— Бери... — сказал Юрка, не пряча мокрых глаз.

Мы с Янкой кивнули.

Глеб убрал снимок в свою обшарпанную сумку. Я сказал ему:

— Ты можешь к нам перебраться, в мою комнату. Я с мамой договарюсь.

— Там видно будет, — откликнулся он. — До утра время есть... — И открыл Еремин сундук.

Мы подошли.

В сундуке лежали разные железки, мотки проводов, желтые пластины с блоками памяти от вычислительных машин, лампы, трубки... Детали будущего Васьки. Глеб вздохнул и хотел опустить крышку. Янка осторожно придержал ее.

— Смотрите-ка... Это зачем?

В отдельной картонной коробке лежали блестящие линзы. Разные — величиной от пятака до блюдца.

— Наверно, для Васькиной оптической системы. Для зрения... — неуверенно сказал Глеб.

Янка помолчал и виноватым шепотом проговорил:

— Я подумал, что... Давайте возьмем по стеклышку на память о Ереме... Они ведь сейчас все равно ничьи.

— Давайте, — сказал Глеб.

Мы, не толкаясь, не споря, выбрали по линзе. Я взял очень выпуклую, очень чистую и очень тяжелую. Размером с доньшко большого стакана. Отошел с ней, сел в дверях «Курятника», опустил наружу ноги, прислонился к теплomu косяку.

Посмотрел через линзу на белый свет.

Белый свет в стекле был маленький и перевернутый. Бетонный блок, под которым зарыли Ерему, выглядел серой точкой.

Я навел стекло на ноготь. Он стал громадный, как розовая лопата. Засохшая царапинка на большом пальце сделалась похожей на модель горного хребта. Я поводил глазами: что бы еще увеличить? По доске рядом со мной шла черная букашка величиной с точку. А под стеклом оказалось такое рогатое страшилище! Я прямо вдавился в косяк...

Хорошая линза. Я покачал ее на ладони. Солнце отразилось в выпуклом стекле крошечной искоркой...

Искорка!

Я торопливо достал ампулу. Отошел с ней в самый затененный угол «Курятника». Огненная точка неподвижно сияла. Мне стало жаль ее, осиротевшую: не будет для нее веселого роботенка Васьки. Я погладил ампулку, будто крошечного беспризорного котенка. Потом поднес к ней стекло.

Под линзой вспыхнуло огненное пятно. Я двинул стекло туда-сюда, чтобы поймать резкость. И наконец увидел...

Это был светящийся диск чуть больше копейки. Но не ровный, не гладкий. У него оказались размытые края, а пламя и свет разбежались от центра лохматыми завитками. Я смотрел и не верил. Но это было. Мне вдруг показалось, что я не в вагоне, а в черной бесконечной пустоте, лечу куда-то...

Потому что я не раз листал дедушкины атласы и видел на черных листах снимки ярких спиральных галактик.

Галактика

Мы выпустили искорку из ампулы, и она повисла в метре от пола. Никуда не улетала и не двигалась. Мы рассматривали ее через линзу со всех сторон: и прямо, чтобы разглядеть спиральные вихри света; и с ребра, когда она делалась похожей на крошечное веретено.

Мы тихо дышали и молчали. Наконец Янка отдал линзу Юрке и прошептал:

— Значит, она галактика...

— Да ну... — с сомнением отозвался Юрка.

Мне стало обидно за искорку.

— Почему «да ну»?

— Такая маленькая.

Янка выпрямился. Сказал негромко, но звонко:

— Почему же маленькая?.. Ребята!.. Для космоса что значит маленький или большой? Космос-то все равно бесконечный. Верно, Гелька?

Он впервые так обратился ко мне: за поддержкой. Не к Юрке, а ко мне. Я глянул на Юрку мельком, но с победой.

— Да, — сказал я. — Если в космосе бесконечная бесконечность, как с ней что-то сравнивать? Это просто глупо.

— Ну конечно! — тут же взъелся Юрка. — Ты один у нас умный, в дедушку профессора.

— Юр... — сказал Янка.

— А чего... Я не сравнивал ничего с вашей дурацкой бесконечностью. Я сказал, что эта искорка крошечная, а галактики... сами знаете какие.

— Мы же не все их знаем, — возразил я. — Знаем только громадные, которые в телескопы видны. А может, они всякие бывают. Может, вот таких еще больше на свете.

— Это, выходит, мы, как Господь Бог, создали целую галактику? — насмешливо спросил Юрка. Он забрался на верхнюю полку и теперь сидел, качая ободранной ногой.

Глеб взял стекло, опять посмотрел на искорку.

— Едва ли мы ее создали. Наверно, просто открыли для себя. Приблизили к себе. Из пространства...

— Как это? — спросил я.

— Вот уж не знаю, как это, — улыбнулся Глеб. — Тут сплошное космическое колдовство.

— Мало нам нашей Галактики, — сумрачно сказал сверху Юрка. — Начали другие выуживать из космоса...

— Ребята... — Янка всех обвел обеспокоенными глазами. — Я сейчас подумал... А может, она и есть наша...

— Как это? — опять спросил я.

А Глеб возразил:

— Едва ли... Ты хочешь сказать, что получилась маленькая модель, образец?

«Нам нужен образец», — вдруг вспомнил я Клоуна и обжегся резкой, болезненной тревогой.

— Ребята! Я хочу рассказать...

— Подожди, — поморщился Юрка. — Пусть Янка объяснит. Как это «наша»?

— Не модель, — сказал Янка. — Просто наша Галактика. Та самая, в которой живем. Она вот, вокруг... — Он оглядел вагон, словно был среди космоса. — И она вот. Одна и та же...

Юрка сердито качал ногой. Глеб нерешительно улыбался. Я... я начал догадываться, про что говорит Янка. Потому что про это куча всякой фантастики написана. «Легенда о синем шарике», «Солнышко в ладонях». «Звезды под микроскопом»... Но не только фантастику я читал.

— В «Технике юных» тоже про это писали, — вспомнил я. — Некоторые ученые считают, будто бесконечно большое и бесконечно маленькое — это одно и то же. Что они где-то в бесконечности сливаются.

— В бесконечности ведь, а не в нашем драном «Курятнике»... — отозвался Юрка.

— Юрик, — сказал Глеб. — Ну, а если нам хочется верить, что в наших руках наша Галактика, разве тебе жалко?

Юрка прыгнул с нар. Прямо в лучи вечернего солнца, которое било из-за дальних тополей в раздвинутые двери вагона...

Теперь, когда я думаю про Юрку, я чаще всего вспоминаю его именно таким. Как он стоял тогда в горизонтальных оранжевых лучах. Весь какой-то натянутый, будто каждая жилка в нем звенела, как струны под Янкиным смычком. Он по-прежнему был в форме барабанщика, только без берета и без накидки. Блестели галуны и аксельбанты. И глаза Юркины блестели, отражая оранжевое солнце.

— Если это правда она, — сказал Юрка незнакомым звенящим голосом, — тогда что? Вы понимаете? Значит, она вся замешана на крови!

Мне на секунду показалось, что лучи стали совсем красными. Даже вздрогнул.

— А разве нет? — тихо спросил Глеб. — Сколько было войн, восстаний и бед...

— Нет, — встревоженно откликнулся Янка. — Это же только на Земле они были, а не во всей Галактике.

— А что мы знаем про Галактику? — усмехнулся Глеб.

— Но скадермены же не нашли ни одной живой планеты. Люди — только на Земле, — сказал я.

— Скадермены... — сердито бросил Юрка. — Ты мне

про скадерменов не рассказывай. Я теперь про них знаю больше всех вас. Что они успели открыть? Несколько шариков, непригодных для людей. А в Галактике, может, миллионы планет с людьми...

Я посмотрел туда, где в стороне от лучей, в полутемном углу, теплилась наша искорка. Миллионы планет в ней? Люди? И может быть, мы сами?

Янка ласково сказал:

— А что плохого, если на крови? Это же не та кровь, которая от войны, а наша, живая.

— Вот я и думаю... Тогда, значит, вся Галактика живая, — сказал Юрка.

— Ну и что? — сказал я. — Пусть.

— Тогда изо всех сил беречь ее надо, вот что!

...Ее надо беречь, нашу искорку. Вдруг все, про что мы говорили, правда?

Глеб оставил искорку у себя. Сказал, что незачем таскать ее в кармане по улицам. Правильно, конечно, сказал. Сам он остался в вагоне — до утра.

...Когда я брел по вечерней улице к дому, мне казалось, что возвращаюсь я из далекого и тяжелого путешествия. Из такого, в какие уходил когда-то Флота Капитан Ратманов. Потому что столько всего случилось за этот день. Но капитаны, когда возвращаются и сходят на берег, вздыхают с облегчением: все, что было горького и страшного, теперь позади. А я так вздохнуть не мог.

Потому что опять я думал о Клоуне.

Зря я все-таки не рассказал про Клоуна Глебу и ребятам.

Я даже головой замотал от досады на себя. Но я не смог, не сумел рассказать.

Конечно, причина не в том, что хмыкал и перебивал Юрка. Ведь, если честно говорить, я даже радовался, что он перебивает. Я не решался рассказывать, потому что до конца ничего не знал. Может, все-таки это был чей-то глупый розыгрыш, и получится, что я трус. Испугался какого-то шмеля (попробуй докажи, какой он жуткий). И ведь, по правде говоря, я чуть-чуть не отдал искорку. Хорошо, что спасли барабанщики.

А может, я все-таки не отдал бы? Зубы сцепил бы, как клещи, задохнулся бы от ужаса, но не отдал бы? Не знаю... Но если не знаю, как рассказывать?

А еще я смутно боялся, что если разболтаю про Клоуна, он и его сообщники нам отомстят. Я мог бы рассказать

о четкой опасности, а как говорить о неясных страхах? «Опять ты сам не знаешь, чего боишься. Копейкин...»

И еще была причина. Глупая, конечно, даже стыдно вспоминать, но была. Юрка несколько раз перебивал меня, и наконец появилось чувство: «Ладно, Юрочка! Ты не знаешь, а я знаю. У меня есть тайна, о которой вы с Янкой слыхом не слыхивали!» И страшно, и в то же время гордость какая-то...

Но сейчас, по дороге к дому, я отчаянно ругал себя, что не крикнул там, в вагоне: «Да послушайте же, наконец, что со мной случилось!»

Столько загадок свалилось на меня!

Как эти охотники за искоркой про нее узнали?

Зачем им наша крошечная Галактика? (А может, и не крошечная?)

Кто они? Хулиганы? Космические пираты?

Почему сами не могут сделать искорку? Клоун проговорился: «Не тот состав». Состав чего? Крови?

А может, у них вообще нет крови? Я вспомнил, как шевелилась маска. Вдруг они из каких-нибудь кристаллов, твердые и неживые, будто статуи...

Статуи?

На одном и том же месте, у гипсового гребца, запинались и падали я и Юрка...

«Ерема, зачем ты расшибал скульптуры?»

«Я думал, они шпионы...»

Я отчаянно зашарил по карманам: где Еремино письмо? Балда я, балда! Я же совсем про него забыл! Вот оно...

«Берегитесь, они не люди! Приходите в вагон, я расскажу, я узнал...»

Не успел рассказать... Почему не успел? Откуда тот бешеный электровоз?

А если сейчас и на меня вырвется из-за угла сумасшедшая машина?

Солнце село, были очень теплые сумерки. Никогда ничего я не боялся на нашей ласковой улице, где пахнет диким укропом и травой «бабкины бусы» и так хорошо светятся окна. А теперь мне стало жутко.

Я, оглядываясь, побежал.

Машина с яркими фарами и в самом деле выскочила из-за угла. Свет прямо в глаза! Я вскрикнул, вжался в забор, зажмурился...

— Гелька!

Ох... это же Митя, старший брат Севки Селезнева с нашей улицы. Вон и сам Севка в машине, и еще ребята.

— Гелька, поехали на Оленье озеро купаться! К полупочи вернемся! Смотри, машина новая, «Клипер-два».

Я слабо помотал головой.

— Не могу, домой надо... Гоняете, как сумасшедшие...

Ух, даже спина мокрая стала... Стыдно, Травушкин. Чего ты боишься, кому ты нужен? Никто не знает, что ты догадался про статуи. И живая искорка не у тебя. У Глеба...

Но Глеб-то не знает ничего! А если те нападут на него?

Я был уже у самого дома. Я вскочил на крыльцо и дернул дверь.

— Явился, — вздохнула мама. — Хотела уже искать... А чумазый-то какой! Умывайся, буду кормить.

Но я весь звенел от тревожного нетерпения.

— Мама! Можно, я пойду к Юрке ночевать? Ну, мам... Я там поем.

Мама печально сказала:

— Неправда, Гелик... Ты собираешься не к Юре, а в ваш «Курятник».

Я, видимо, покраснел, как Юркин барабан. По крайней мере, ушам стало горячо. Прошептал с трудом:

— Ты откуда знаешь... про «Курятник»?

— Знаю. И Глеба вашего знаю. Очень славный, только история у него какая-то странная.

— А... кто тебе сказал?

— Да он сам! Он приходил в тот вечер, когда я приехала, волновался, что тебе досталось за машинку. И все объяснил.

Вот он какой, Глеб... А я его сегодня бросил!

— Мама! Мне очень надо! Честное слово! Последний раз!

— А почему последний?

— Начальник станции не велит, Глеба выселяет. Мама... а можно ему у нас?

— Подумаем, — сказала мама и опять стала печальной.

Я очень спешил к Глебу, но то, что мама очень грустная, остановило меня.

— А ты что... такая? Из-за папы?

Она слабо улыбнулась.

— Ты опять к нему уедешь? — испугался я.

Мама взяла меня за локти.

— Гелик. А если поехать вдвоем? Ведь живут и там дети. Школа маленькая, но учиться можно.

«Да? — быстро подумал я. — А что... Папа там, ребята

новые, никто не скажет «Копейкин». Найду верных друзей. Не будет страшных загадок. Не будет огорчений из-за Юрки... Но и самого Юрки не будет. И Глеба, и Янки...»

— Ма... подумаем, ладно? — осторожно сказал я. — Время-то есть, хотя бы до завтра... Я побегу?

— Беги...

Теория параллельных пространств

Когда я подбегал к вагону, у меня колело в боках от спешки. Но вот уже совсем близко, вот я вижу: щели светятся. Значит, Глеб там, значит, все в порядке.

Там был не только Глеб. Рядом с ним сидели на лежанке и беседовали Юрка и Янка. Спокойненько так. Будто и не уходили. Значит, не успели мы разойтись, как они снова сюда!

Сами отпросились, а меня опять не позвали!

Но Янка сказал:

— Мы как раз хотели за тобой бежать. Спорили, отпустят тебя или нет.

— Да? — обрадовался я. — А я вот он! Мама на всю ночь отпустила.

— Мы хотели, чтобы ты атласы деда прихватил, — объяснил Юрка. — Чтобы по ним проверить: наша эта галактика или другая?

А-а, значит, не я ему нужен. Атласы нужны...

Я сел на сундук Еремы и сказал, глядя на фонарь:

— Это глупо по двум причинам... Даже по трем.

— Первая — то, что тебя опять какая-то курица клюнула, — отозвался Юрка. — Какая?

— Не в курице дело. Просто бабушка эти атласы никому не дает из дома выносить. Это раз...

— А два? — усмехнулся Юрка.

— Ты думаешь, в атласах все галактики и туманности напечатаны? Их миллиарды... А третье — это как раз даже курице ясно, а тебе, Юрочка, нет: откуда в атласах возьмется наша Галактика? Кто ее мог снять со стороны? Люди не выходили за ее границы.

— Эскадёр-три выходил, — быстро сказал Юрка. — Он смотрел прищуренно, как при стрельбе из лука.

— «Тройка»? Ха! Кто это докажет? Они сами не знали, что с ними было! Может, вынесло из Галактики, а может, им показалось. Фокусы субпространства... Про это еще в третьем классе объясняют.

— Но не говорят, что они сделали снимок, — возразил Юрка.

— Потому что это научно не доказанный снимок. И в атласах его не печатают...

— Ну и дураки, кто не печатает, — хмуро огрызнулся Юрка. — Если не верить скадерменам, зачем посылать их в пространство?

Янка тихо сказал:

— Наверно, поэтому и не посылают больше. Говорят, что скадеры вообще запретили строить.

Юрка недовольно проговорил:

— Никто не запрещал. Просто они очень дорогие... Все равно строят помаленьку. «Девятку» заложили недавно.

— Братцы! — взмолился Глеб. — Может, вы мне объясните? То и дело слышу: скадеры, скадермены! А что это такое?

— Ты и этого не знаешь? — изумился Янка.

— Что же это за дыра твой Колыч? — сказал Юрка.

Глеб жалобно поморщился, и мне стало обидно за него.

— Глеб, скадер, — это тип звездолета. Суперкрейсер дальней разведки. Сокращенно — СКДР. Их мало строят, потому что спор идет: нужны они или нет? Многие ученые говорят, что не нужны. Мой дедушка, например, был против...

— Ну и Гелий Травушкин тоже, конечно, против, — поддел Юрка.

Я пожал плечами. Против я или за: меня все равно не спросят. Но вообще-то я в самом деле не люблю, когда кто-нибудь улетает надолго.

Юрке я сказал:

— Скадер построить — дороже, чем несколько городов. Но дело даже не в этом. Просто есть другая теория, академиком Скальского и Коцебу. Мне наш знакомый рассказывал, дедушкин ученик. Можно разорвать пространство, не покидая свою планету...

— Моментальный разрыв пространства — это, наверно, еще дороже, чем скадер, — задумчиво сказал Янка.

— Зато быстрее, — возразил я. — Не надо ждать кучу лет, пока крейсер вернется. Туда и обратно — как на соседнюю улицу.

— А-а, все это треп, — отозвался Юрка. — Это старая теория параллельных пространств.

Я сразу вспомнил скважину в Ярксоне и папу. Что там? Может, правда поехать?

— Параллельные пространства — это совсем другое, — сказал я Юрке. — Это когда на одной планете может быть несколько разных миров. И они никогда не пересекаются.

— Значит, так в самом деле бывает? — быстро спросил Глеб.

Юрка зевнул:

— Много чего придумают в академиях. Только доказать не могут. Это сказки.

Я опять подумал про скважину.

— Если бы... — сказал я.

— Если бы... — повторил Глеб. — А давайте-ка ложиться, ребята! Завтра на рассвете надо освобождать гостиницу...

Мы погасили «сатурн» и легли на тугие надувные матрацы. На нижних нарах. Я слева от Глеба, Юрка и Янка справа. Стало тихо, в щели полезла трескотня ночных кузнечиков.

«Пора», — опять подумал я и приготовился заговорить о Клоуне. Наконец-то!

Янка сказал в темноте:

— Все кажется, что сейчас закричит в углу Ерема...

— Да, — согласился Глеб. — Скажет: «Пойду покурю на площадке».

— Ладно вам, и так тошно, — проворчал Юрка.

— Если тошно, разве обязательно молчать? — возразил Янка.

Глеб сказал ему:

— Жаль, что ты не взял сегодня скрипку... Может, было бы легче на душе.

«Вот сейчас расскажу про Клоуна, будет вам легче», — подумал я. И сказал:

— Янка может и без скрипки. Он играл и на лунных лучах...

— Сейчас новолуние, — заметил Юрка.

Мы помолчали. Кузнечики надрывались за стенками вагона.

— Это неважно... — вдруг сказал Янка.

— Что? — спросил я.

— Что новолуние...

— Но лучше же нет.

— Я могу хоть на чем...

— Янка... это как «хоть на чем»? — осторожно спросил Юрка.

— Ну... на всем, что похоже на струны.

— И на проводах?

Я разозлился: чего Юрка придирается? Ну, ко мне это понятно, это по привычке. А к Янке-то зачем?

Янка сказал:

— Ну... пожалуйста.

— Разве до них дотянешься? — спросил я.

— Это неважно.

— Смычка́ нет, — напомнил я.

— Для этого не обязательно. Для такой музыки.

Тогда я спросил, будто меня толкнул кто-то:

— Янка... А на рельсах?

— Ну... пожалуйста. Только это будет не такая музыка...

— Какая не такая? — спросил Глеб.

— Не знаю... Не как на скрипке. Наверно, просто музыка рельсов... Нет, не знаю.

Глеб зашевелился.

— Янка... а как это — музыка рельсов?

Янка сказал:

— Зажги фонарь.

Свет «сатурна» ударил по глазам. Янка легко вскочил, пошел в угол к Ереминому сундуку, снял с гвоздя куртку (Ерема был без куртки, когда погиб, она так и осталась в углу). Я удивился: зачем она Янке? Но оказалось, что под курткой висит на гвозде длинная металлическая линейка. Ерема ею пользовался, когда чертил Ваську. Янка взял линейку и пошел к выходу на площадку. Мы за ним. Янка попросил Глеба:

— Пожалуйста, возьми фонарь.

Глеб повесил фонарь на крючок под крышей площадки. Свет разлетелся далеко-далеко, трава у вагона сделалась очень зеленой. На путях — и ближних, и дальних — заискрились рельсы. На рельсах задвигались наши вытянутые тени.

Янка сказал, будто извиняясь:

— Вы, пожалуйста, сядьте. Надо, чтобы только моя тень...

— Лучше сойдем, — предложил Глеб.

Мы спустились в траву. Встали у ржавых буферов. Было очень тихо. Кузнечики молчали, испуганные неожиданным светом. Янка встал на краю площадки, у подножки. Его тень выросла, вытянулась поперек путей. Взметнула великанскую руку с линейкой. Или со смычком? Тень смычка легла на рельсы длинной полосой, замерла. Потом шевельнулась, прошла по блестящим рельсам, как по струнам...

И это словно добавило тишины.

— Ничего не слышу, — прошептал Юрка.

— Помолчи, — сказал Глеб.

Я тоже ничего не слышал. Кроме тишины. Кроме того, что за горизонтом пропел сигнал локомотива. Красивый такой и печальный. Сигнал растаял в ночи, а ночь будто вздохнула, и вздох отозвался под небом, как внутри громадной гитары. Что-то совсем негромко зазвенело вокруг — в траве, в дальних тополях, в черной высоте надо мной. Зазвенело и запело еле слышно...

Это Янка играл? Или мне показалось? Не знаю. Только мне очень захотелось в дорогу. В дальнюю. Куда-то идти, ехать, лететь. И чтобы не знать, что там впереди...

Может быть, это в самом деле была музыка рельсов?

...Мелодия затихла, и мы молча поднялись в вагон. Повесили фонарь на гвоздь, вбитый в край верхней полки. Сами сели на нижнюю. Рядышком.

— Если так... — медленно проговорил Глеб. — Если есть эта теория, эти параллельные пространства, тогда ясно... Я уже думал про такое. Через Старые Горы идет железнодорожная линия. Через Колыч тоже. Идут себе параллельно, ничего не знают друг про друга. Старогорск и Колыч тоже... живут параллельно и ничего друг про друга не знают. А где-то есть стрелка. Соединение рельсовых линий. Где-то мой поезд эту стрелку проскочил и привез меня сюда. Все очень просто.

— Вовсе даже не просто, — сказал я. — Параллельные пространства нигде не пересекаются. И не соединяются. Параллельные линии тоже. Про это в первом классе учат.

— В бесконечности могут пересекаться, — возразил Глеб. — Это всякий школьник тоже знает.

— В бесконечности! А ты ехал всего два часа.

Янка засмеялся:

— На этот раз бесконечности хватило двух часов.

— Наверно, — сказал Глеб. — А может быть, и в другой раз хватит?

— Скучаешь по Колычу? — спросил Юрка.

— Скучаю?.. Я уже про это говорил: здесь я робинзон, а там на своем месте.

— Можно и здесь работу найти, — сказал я. Потому что не хотелось, чтобы Глеб куда-то уходил.

— Я, ребята, всю жизнь мечтал книжку написать. А здесь... Я не знаю.

— Значит, хочешь искать стрелку? — спросил Янка.

— Только неизвестно, на каком поезде туда ехать, — усмехнулся Глеб.

Янка встал.

— А зачем поезд? Мы и так на колесах. — Он запустил пальцы в кармашек на клетчатой рубашке Глеба. Выдернул ампулу с искоркой. Быстро пошел в конец вагона, сел там на корточки. Оглянулся на нас.

— Ось под полом где-то здесь, да?

Мы подскочили к Янке. Он осторожно вложил ампулу в мелкую выемку на дощатом полу...

И ничего не случилось.

Сначала — ничего. Только я услышал гудение, как в перегретом энергосборнике. Потом «Курятник» задрожал, и под полом раздался скрежет (уже после я сообразил, что это отдирали себя от рельсов прижавевшие колеса). Вагон дернулся. Так дернулся, что я полетел с ног. Юрка упал на меня. Мы вскочили. Пол встряхивало, фонарь на гвозде сильно качался и разбрасывал тени.

— Едем! — крикнул Янка.

Глеб стоял, расставив ноги, и задумчиво держался за бородку.

— А что? — сказал он. — Может, это действительно выход?

Мы едем в бесконечность

— Может, это действительно выход? — спросил Глеб и обвел нас блестящими очками. — А, ребята?

— Ничего себе выход, — сказал я, постукивая зубами от тряски. — Сейчас как хряпнемся...

Рельсы были старые, на гнилых деревянных шпалах. Вагон колотило на частых стыках.

— Сейчас выйдем на основной путь, — сказал Юрка.

— Ага, пока выйдем... — сердито начал я.

Но тут под колесами сильно щелкнуло, тряска сразу кончилась. Рельсы загудели ровно и спокойно. Это вагон проскочил стрелку. И пошла главная колея — сплошные рельсовые нити на могучих бетонных шпалах. Сразу выросла скорость. В дверь передней площадки рванулся ветер, у Янки взлетели и разлохматились волосы. Янка засмеялся.

Но мне было что-то не смешно.

— А как обратно? — спросил я.

Янка, не перестав смеяться, ответил:

— Да очень просто! Перенесем искорку к задней оси, она и заведется на обратный ход.

Я был в этом совершенно не уверен. Я вообще ни в чем не был уверен.

— А куда нас несет-то?

— Как куда? В бесконечность, — беззаботно отозвался Янка.

И Юрка, который всегда с ним соглашался, весело зашвырнул.

Я сказал с досадой на их глупость:

— Вот врежемся во встречный поезд, тогда уж точно будет бесконечность и вечность...

Янка возразил:

— Встречный пойдет по левой колее, здесь двойной путь.

— В это время не бывает никаких поездов, — сказал Юрка.

Я не стал с ними больше разговаривать, взглянул на Глеба. У него-то ума больше!

Глеб озабоченно дергал бородку.

— Ребята, Гелька прав. Нужен какой-то сигнал. Давайте-ка вывесим фонарь.

Он опять понес на переднюю площадку «сатурн». Янка и Юрка пошли за ним. Я плюнул с досады и остался посреди вагона. В полумраке. Потом взял с ящика маленький фонарик и включил.

Глеб вернулся.

— Гелька... Ты что? Опять обиделся?

— Нет, — сказал я.

— Тогда что?.. Боишься?

— Еще чего! — сказал я. — То есть да, боюсь. Вдруг не вернемся к утру? Дома знаешь что будет!

Глеб положил мне на плечо горячую ладонь. Покачал меня туда-сюда.

— Вы вернетесь, Гелька... Если до полуночи никуда не приедем, все равно двинем назад. До рассвета будете дома.

Эти слова меня слегка успокоили. Правда, я сердито подумал, что если Глебу приспичило отправляться в свою бесконечность, мог бы ехать один. Зачем нас-то с собой тащить? Но это была совсем свинская мысль. Я даже откачнулся, чтобы Глеб ее не угадал. Он не виноват, никого он никуда не тащил, это все Янка придумал. И Янка с Юркой Глеба все равно не оставили бы. А я... я опять остался бы сам по себе?

Да что я, такой трус, что ли?.. Да ни черта я не боюсь! Если я и спорил, то из упрямства. Потому что поехали, меня не спросили.

Ровно гудит вагон, и в гудении этом прорезается струнный голос. Как отголосок Янкиной музыки рельсов! Как я мог забыть? Ведь совсем недавно я хотел мчаться в дальние дали; открывать какие-то тайны!..

Вот и хорошо, что едем. И что не знаем, чем это кончится, тоже хорошо! Должны же быть в жизни приключения!

Одно только портит мне радость: Юрка и Янка опять ушли вдвоем, не позвали меня. Но эта горечь—уже несильная и привычная, как боль от разбитого утром локтя.

— Глеб, — сказал я, — ты за меня не тревожься, я сам знаю, что такое дальняя дорога.

Он еще раз качнул меня за плечо — хорошо так, будто молча сказал спасибо. И в это время зашелестели вокруг листы.

Ветер врывается с передней площадки, мчался через вагон и, закрутив спиральные вихри, улетал в заднюю дверь. Завихрения подняли с ящика и с полки стопки Глебовых бумаг.

Мы кинулись собирать их...

К счастью, не улетел ни один лист.

— Ну, все, — сказал Глеб, когда была собрана растрепанная стопа. — Вот... Слушай, Гелька, я тут еще кое-что понаписал... Может, дать тебе и эти страницы?

— Ты их тоже в двух экземплярах печатал?

— Конечно.

— Тогда дай, — сказал я и подумал, что, может быть, скоро Глеб окажется далеко-далеко. — Обязательно дай. А то... вот укаатишь в свой Колыч... на веки веков...

Глеб на секунду прижал меня своей пятерней к рубашке. Потом взял у меня фонарик и шагнул в угол, где на гвозде шевелилась, как живая, Еремина куртка. Глеб снял ее, сунул свернутые листы во внутренний карман.

— Вместе с курткой и заберешь.

— Я сразу, чтобы не забыть...

Куртку я накинул на плечи. Она была большущая — обшитый кожей подол зачиркал по коленям. От куртки пахло Еремой — теплым металлом, смазкой и пластмассовой изоляцией. Я незаметно погладил у куртки отворот. Бедный Ерема! Не слишком ли быстро мы успокоились после его гибели?

И никто не знает, что погиб он, скорее всего, не случайно!

— Глеб!

— Что, Гелька?

— Нет... ничего.

Поздно. Глебу нельзя говорить про это. Он испугается за нас и не станет искать свой Колыч. Останется без дома. Получится, что я его задержал. А какое я имею право?

Глеб отошел от меня. Наверно, подумал: «Гелька грустил о Ереме, а грустить лучше в одиночку». Я сел в проеме боковой двери, свесил наружу ноги. Теплый ветер ударил по ногам, забрался под куртку. Сильно пахло пылью. В той стороне, куда мы ехали, светил слабенький закат, а над головой и северным горизонтом небо стало совсем черным. Звезды были большие и белые. Гораздо ярче огоньков, которые мигали на краю земли.

Недалеко от линии тоже светились огоньки — фонари и окна какого-то поселка. И вот что удивительно! Обычно, когда едешь в поезде, близкие огни проносятся назад, а звезды остаются неподвижными. Здесь же было наоборот: огоньки и фонари будто замерли, а звезды проплывали над головой, будто небо плавно вращалось. Что за неразбериха? А, я понял! Наверно, вагон делает какой-то хитрый разворот.

И я перестал думать о звездах.

Потому что подошел Юрка.

Фонарик лежал рядом со мной и светил вверх, на Юрку. Юрка стоял в метре от меня и почему-то опять казался похожим на страусенка Антона из мультфильма.

— Ты чего? — спросил я.

— На площадке сесть негде. А за день-то натопался...

Я подвинулся. Но Юрка не сел. Он рассеянно смотрел на небо и теребил у пояса краешек серебристого галуна. Этот блестящий лампас был пришит вдоль коротенькой штанины, и верхний кончик у него отпоролся. Юрка дергал, дергал его, а потом вдруг сильно потянул вниз и с треском оторвал весь галун. Кинул по ветру.

— С ума сошел? — спросил я.

— Не-а...

— Влетит, — сказал я.

— С чего? Эту форму нам насовсем подарили.

— А завтра как будешь без лампаса?

Юрка оторвал галун с другого бока.

— Никак. Я оттуда ушел.

Юрка зевнул и сел наконец рядом со мной.

— Почему ушел? — изумился я.

— А!.. Из-за одной дуры. Сперва у нас нормальный руководитель был, помнишь, толстенький такой, Виталий Гаврилыч... Потом он замотался с концертами, и сегодня к нам пришла эта... Ноги — как оглобли, шея лошадиная. Голос — будто сирена на стадионе. Только и знает, что орать команды и ругаться... Я где-то палочку потерял, а она завелась: «Это что за отношение к делу! Таким людям вообще здесь не место!..» Не место? Ну и ладно. Поставил я барабан, положил на него накидку и берет, сверху — палочку, ту, что осталась. И пошел...

Услыхав про палочку, я, кажется, покраснел. И понял: теперь-то надо начать про все: про то, как от палочки разлетелся гипсовый гребец; и про то, что, наверно, не случайно мы рядом с тем гребцом падали; и про Клоуна.

— Юрка! Та палочка... тут вот что...

— Да не в палочке дело! Все не так.

— Что не так?! — в сердцах спросил я. — Будешь ты меня слушать?

— Ну, валяй...

«Валяй? Не скажу я тебе ничего!» И я сказал о другом, с досадой и ехидцей:

— Что-то я не пойму. Стоило ли записываться в барабанщики, чтобы уйти вот так... — Я чуть не сказал «так бесславно».

— А чего ж...

Я заметил, что Юрка улыбнулся.

— Там было хорошо. Пока не пришла эта... штурм-бандура... Знаешь, Гелька, что-то есть в этих маршах. Когда все вместе... А самое главное — в том, что я выяснил один вопрос.

— Какой?

Юрка молчал. А что молчать? Начал, так говори, Янке-то небось уже все рассказал... Кстати, где Янка? А, вон они на площадке с Глебом. О чем-то говорят, бойко так... А теплый ветер все летит навстречу, и вагон гудит басовой струной... И я уже думать забыл, как это странно: вагон без тепловоза, мчимся неизвестно куда... Кажется теперь, что в обычном дачном поезде едем. Не страшно нисколько. Разве так ездят в бесконечность?

Только одно удивительно: звезды продолжают лететь назад и закат почему-то стал ярче, будто мы догоняем его в пассажирской ракете.

А сколько времени мы едем? Я взглянул на часы.

Опять стоят, что ли? Вагон свой путь начал ровно

в десять, я заметил, а сейчас десять ноль две... Надо спросить у Глеба или у Янки (у Юрки не хочу).

Я собрался вскочить, но Юрка остановил:

— Подожди. Я же не рассказал про свой вопрос...

И я остался сидеть. Смирно-смирно.

Юрка затеребил на груди аксельбант и начал говорить:

— Я в конце мая в Нейск ездил, к матери. Помнишь?..

Как-то раз вижу: она всякие бумаги и открытки перебирает, на меня не глядит. Вдруг со стола карточка упала. Старый такой снимок, даже не цветной. Я поднял, а мать почему-то испугалась.

«Дай сюда!»

«На, — говорю, — а что здесь такого? Посмотреть нельзя?»

На самом деле, что такого? Двор какой-то снят, девчонка тощая и трое пацанов. Маленько на нас похожие. С палками, с саблями деревянными, вроде как мы тогда в мушкетеров играли. А один с барабаном самодельным. Видно, что из бачка, но все как надо сделано, шнуры натянуты... Я спрашиваю:

«Кто это?»

Мать заулыбалась, потом говорит, будто в чем-то признаться решила:

«Это я», — и на девчонку показывает.

Я даже заморгал: забавно так...

«А ребята эти кто?»

«Ну, кто... Мальчишки с нашего двора. Уж и не помню, как звали».

Странно, да? Вместе играли — и не помнит... Двое рядом с ней стоят, а тот, что с барабаном, чуть в сторонке. Оглянувшись на них, голову повернул, будто окликнуть хочет. Локоть чуть отвел, ждет чего-то...

Мать говорит:

«Ну, давай карточку».

«На», — говорю. Повернулся, протянул ей. И себя в зеркале увидел... Знаешь, Гелька, сходства в лице никакого. Но вот голова повернута, рука откинута... Я сразу и спросил:

«Выходит, ты его с детства знала?»

«Кого?!»

«Отца».

Ну, сперва шум, крик: «Дурак, что ты выдумал, что за бред!..»

Я опять спрашиваю:

«А что, он в ваших играх был барабанщик?»

Она вдруг в слезы и отвечает так... ну, не то что со злостью, а будто болит у нее что-то:

«Всю жизнь он был барабанщик...»

«А он где?»

«Господи, откуда я знаю! Кто на Земле может сказать, где он и что с ним?..»

«А почему не может?»

«Отстань! Я тебе раз и навсегда запретила об этом говорить!»

«Он же отец».

«Да не отец он! Он даже не знал, что ты есть на свете!»

И опять в слезы... Тут пришел этот, «зампапаша». Ну, и конец разговору...

Юрка еще раз дернул аксельбант и замолчал.

— Дальше-то что?

— А дальше... Когда в парке меня в барабанщики позвали, я подумал: пойду. Если получится из меня барабанщик, значит, я в отца. Значит, парнишка тот и вправду отец. Ниточка будет...

Я сидел насупившись. Потому что не получился из Юрки барабанщик. Так я и должен ему сказать. Если решусь...

— Я знаю, — сказал Юрка. — Ты думаешь, что я сбежал и бросил ребят.

— Барабанщики не уходят из-за таких пустяков... — пробормотал я.

— Барабанщики не должны подчиняться горластым теткам.

— Спорил бы! Пусть ее прогонят!

Юрка хмыкнул:

— Восстание затевать? Здешние барабанщики не для боя, а для карнавалов... А восстания почти никогда не кончаются победой. Можно только уйти.

— Если вместе. А ты один...

— Я думаю, сегодня вечером ушли многие.

— Откуда ты взял?

— Раз говорю — знаю...

— Все ты знаешь... А вот про палочку, которую потерял...

— Гелька! Юра! — Это Глеб. Он помахал нам из дверей. — Давайте сюда, скорее!

Мы вышли на переднюю площадку. Здесь ветер был плотнее, он бил в лицо и распахивал на мне куртку. Рельсы блестели от фонаря и мчались под вагон. И закат... он правда приближался! Ясный, розово-желтый.

— А левой колеи уже нет! — громко сказал Янка. — Мы мчимся по однопутке!

— Зато справа, — сказал Глеб, — я видел... ребята, честное слово! Я видел огни и газовый факел завода «Богатырь»!

Справа за черными летящими кустами замелькала и побежала навстречу нам цепочка желтых квадратов. Поезд! Он промчался в сотне метров от нас.

— Значит, там тоже линия! — сказал Юрка.

— Конечно, — радостно отозвался Глеб.

— Я же говорил — доберемся! — обрадовался Янка.

Я спросил:

— Так что же? Мы едем в бесконечности?

Глеб засмеялся:

— Не знаю.

Я сказал:

— У меня часы встали. Сколько сейчас?

Глеб и Янка разом глянули на циферблаты.

— Десять ноль три.

— Да вы что? Мы едем всего три минуты?

Янка отозвался без всякой тревоги:

— А кто ее знает, эту бесконечность...

Закат сиял впереди, а над ним громоздилась резкая темнота, словно вечернюю зарю придавили черные тучи. Но это были не тучи, потому что в темноте сияли звезды. Они все еще двигались, но уже тише. Линия, которая шла справа от нас, делалась все ближе. Вдоль нее изредка мелькали фонарики. Наконец мы увидели, что рельсы этой линии побежали совсем рядом. Вот-вот пересекутся и сольются с нашими.

— Стрелка! — крикнул Янка. Метнулся в вагон и тут же вернулся. Он держал на ладони ампулу с искоркой.

На стрелке

Вагон гасил скорость. Правая рельсовая колея, прибывавшая из неведомых далей, где был город Колыч, плавно сошлась с нашей. Мелькнул столбик с фонарем и рычагом. Зашелкало под колесами. Вагон прошел еще метров двадцать и встал, будто уперся в упругую подушку.

Мы соскочили в траву.

После вагонного шума показалось, что кругом тихо-тихо.. Только наше дыхание и шепот. Было очень тепло, и по-прежнему пахло полынью. Янка вполголоса сказал:

— Пойдемте к стрелке.

Мы обогнули вагон и по шпалам подошли к фонарю на низком столбике. Фонарь горел неярким желтым светом. Это был жестяной ящик с круглым отверстием, в котором светилося ребристое стекло — как у фары старинного автомобиля. Казалось, за стеклом не лампа, а свечка. А может, так и было.

— Ручная стрелка, — тихо усмехнулся Глеб. — Рычаг для соединения пространств на границе мироздания... Как я в прошлый раз прозевал этот механизм?

Из-под фонаря торчала метровая рукоять с противовесом. Янка расставил ноги и крепко ухватился за нее. Оглянулся на нас. Его лицо освещал закат, и в глазах блестели светлые точки. Как искорки.

— Переведем стрелку, — сказал он. — Потом проводим Глеба до Колыча. Верно, ребята?

— Подожди, — попросил Глеб.

Он тихонько отодвинул Янку от рычага. Постоял. Потом пошел к вагону. Мы двинулись за ним. Глеб вскочил на площадку под «сатурном», исчез в «Курятнике», но тут же вышел снова с сумкой на плече. Зачем-то выключил фонарь. Сумерки подступили к нам вплотную, а закат сделался еще ярче. Рельсы засветились. Они были очень прямые и убегали в дальнюю даль. Мы приехали в бесконечность, где соединились параллельные линии от Старогорска и Колыча, а отсюда колея уходила еще дальше. Ну и правильно. Ведь у бесконечности нет ни конца ни края! И может быть, эти две стальные нити потом тоже соединяются в одну? И пойдет сквозь Галактику тонкий сверкающий монорельс...

Я смотрел вдоль убегающей под закат линии, и опять зазвенела в тишине Янкина музыка рельсов. Ее слушали головки высокой травы, которые четко рисовались на желто-розовом горизонте. И казалось, что рельсы сливаются не так уж далеко от нас.

Но куда они бегут? Кто их проложил?

Глеб сказал:

— Вот что, ребята. Не будем трогать стрелку... Если разобраться, что мне делать в Колыче? Наверно, уже и не ждет никто. Пойду-ка я вперед.

Мы молчали.

Пахнувшая полынью бесконечность, в которой начали потрескивать кузнечики, обнимала нас. И то, что сказал Глеб, не показалось мне странным.

Янка напряженно спросил:

— Ты решил? Ты ведь хотел домой.

— Я хотел делать свое дело... И сейчас хочу. И вот смотрю — эта дорога. Кто-нибудь знает, что там впереди? Нельзя, братцы, идти назад, когда впереди такая дорога. Потом всю жизнь себе этого не простишь... А может, это и есть главное дело — узнать, куда она ведет. Может, про эту дорогу я напишу свою книжку...

— Если вернешься, — тихо, но жестко сказал Юрка.

— Ну... это уж как получится. Зато не надо метаться и выбирать.

— Что выбирать? — спросил я.

— В Старогорске я думал о Колыче. В Колыче грыз бы локти: зачем ушел из Старогорска... от вас ушел... А теперь все ясно — дорога одна.

Я опять посмотрел вдаль, куда собрался шагать Глеб. Закат бледнел, рельсы угасали. Мне показалось, что на горизонте из-за темных трав встали какие-то тени, будто очертания странного города. Но наверно, это поднимался туман.

Глеб сказал:

— Все нормально, ребята. Одно плохо: надо прощаться с вами...

— Может, еще увидимся, — прошептал я.

— Может быть, — согласился Глеб. — Ну... давайте ваши лапы.

Мы сложили руки в его огромную пятерню. Он сжал их все разом, тряхнул, выпустил. И сразу стал уходить от нас, шагая быстро и широко — не со шпалы на шпалу, а через одну. Длинный, большерукий, сутулый. Хороший такой наш Глеб...

— Глеб, подожди!

Это крикнул Юрка.

Глеб замер шагах в двадцати. Оглянулся.

— Глеб, я с тобой...

Юрка быстро пошел к нему. И мы с Янкой, ничего не понимая, поспешили следом.

— Ты что? — сказал я Юрке.

— Все как надо, — откликнулся он. — Все получается в самый раз.

«Зачем? — чуть не закричал я. — Неужели тебе плохо с нами? Юрка...»

И сказал:

— Дома будет тарарам. Станут искать.

— Не станут. Тетка решит, что я уехал в Нейск. Пока разберутся...

- Но ведь разберутся же!
- К тому времени, может, и я разберусь.
- В чем?
- Да во всех этих пространствах и бесконечностях...

Может, там его и найду...

— Кого? — тупо спросил я.

— Отца... Он же наверняка мотается с экипажем в субпространстве. Где же их искать, если не в бесконечности?

«Дурак ты, Юрка, — думал я. — Что ты плетешь? Что ты выдумал?..» Но сказать это «выдумал» я не мог. Не смел. А Янка? Он-то что молчит?

Янка молчал. Я сказал тогда отчаянно:

— Ну с чего ты взял, что он был скадермен?

— Мать же проговорила: «Кто на Земле может сказать, где он?» А если не на Земле, тогда где?.. Я пойду.

«А как же я? Юрка! Не уходи! Ну ладно, будь с Янкой, не обращай на меня внимания, только останься в Старогорске! Юрка-а!! Если хочешь, снова делай меня человеком! Называй Копейкиным! Только останься...»

Он шагнул ко мне.

— Гель, ты это... В общем, ты на меня не злись...

— Ну зачем ты идешь... — прошептал я.

— Надо, — вздохнул он.

— Ну и убирайся! — крикнул я.

Он молчал. Не сердито, а как виноватый страусенок Антон.

— Черт с тобой, — сказал я. — Все равно через две недели я уеду в Ярксон. К отцу.

Юрка отыскал под курткой и покачал мою повисшую руку, повернулся к Янке:

— Янка, пока... Не забывай, про что говорили, ладно?

— Юр... — нерешительно сказал Глеб. — Я даже не знаю. Я, наверно, не имею права брать тебя...

Юрка коротко засмеялся:

— А ты меня и не берешь. Я сам иду. С тобой рядом... Ну, пошли!

Я сел на теплый рельс и смотрел, как они уходят. Их силуэты уменьшались быстро-быстро. Потом они слились в одну точку. Может быть, там, где слились в одну линию параллельные рельсы. И мы с Янкой остались одни на краю Вселенной, в бесконечности, где все громче трещали почные кузнечики.

Двое на рельсах

Юрки и Глеба уже совсем не было видно. Только маковки черной травы рисовались на закате, который все бледнел и стал зеленоватым. Над закатом висел вверх рогами очень большой и очень тонкий месяц.

Не хотелось вставать, не хотелось ничего делать. Но не сидеть же всю ночь. Тем более что вдруг она в этой бесконечности тоже бесконечная...

— Поедем? — спросил я у Янки.

— Ну... пожалуйста, — сказал он. И встал. Я тоже. Шурша по головкам травы курткой, пошел к вагону.

Вагон громоздился на рельсах, как темное чудовище. Янка вдруг сказал:

— Гель... подожди.

Я остановился.

— Вот... — проговорил он неловко. — Возьми это... Юрка велел передать. Еще давно велел, да я как-то... не получалось. — Он сунул мне в руку что-то маленькое, плоское и твердое.

И я сразу понял. Догадался. Это была та арабская монетка.

— Откуда?

— Он ее тогда нашел. Долго лазил по траве... Потом говорит: «Отдай как-нибудь...»

— Да? — сказал я, и захотелось зареветь, как в давнем дошкольном детстве, когда первый раз уезжала мама. — А сам-то... он почему не отдал?

— Ну, он вообще... — вздохнул Янка. — Я ему один раз сказал: «Зачем ты так с Гелькой? Ему же обидно. А он говорит: «Так надо».

— Почему надо? — горько спросил я.

— Он говорит: «Гелька — такое существо... Он привязчивый. Я уйду, а он будет изводиться. Пускай уж лучше злится на меня...»

— Почему? — прошептал я. — Разве он знал, что уйдет?

— Давно...

— Откуда? Он же только сегодня увидел эти рельсы.

Он из-за Глеба...

— Не из-за Глеба, — виновато сказал Янка. — Наверно, из-за меня... Потому что я играл ему «Восстание».

— При чем тут «Восстание»? Ты же не хотел, чтобы он ушел!

— Не знаю... — шепотом отозвался Янка. — Теперь все равно... Гель...

— Что?

— А зря мы не отдали искорку...

— Кому?! — испугался я. Сразу вспомнил о Клоуне.

— Глебу и Юрику. Им она нужнее. Они там одни, впереди неизвестно что... А в ней вон какая энергия.

«И опасность», — подумал я. И боязливо оглянулся. А что, если кто-нибудь в темноте скажет сейчас шелестящим голосом: «Геля Травушкин, подари искорку...»

И фонарь не горит, Глеб его зачем-то погасил.

Я прыгнул на площадку вагона, дотянулся до выключателя «сатурна». Но «сатурн» не зажегся, сколько я ни давил кнопку. Я потряс его — никакого результата.

— Теперь не загорится, пока не зарядим на солнце, — сказал снизу Янка.

Мне по-прежнему было страшно. Я соскочил с площадки и судорожно нащупал свой фонарик — он оттягивал боковой карман куртки и колотил по колену. Без света нельзя. Войдем в темный вагон, а там — хлоп — и кожаные браслеты на руках... «Геля, подари искорку...»

— Янка! — сказал я.

— Что?

«Ну, а если расскажу? — подумал я. — Чем он поможет? Легче разве, если будем бояться вдвоем?»

— Янка... чего теперь говорить. Юрку и Глеба все равно не догнать...

— Не надо их догонять. Сделаем бумажного голубка, искорку — на него. Пустим — и он долетит.

— Он-то долетит. А мы без искорки как доберемся домой?

— Пешком. Это же недалеко, оглянись.

В той стороне, откуда мы приехали, за вагоном, горели огни Старогорска: ряды окон в многоэтажном квартале, освещенные прожекторами башни монастыря, красные лампы телевышки.

— За час дошагаем, — вздохнул Янка. — Не такая уж длинная оказалась эта бесконечность...

— Да, — сказал я и обрадовался: не хотелось мне в темный вагон.

— Значит, пошлем искорку?

Я молчал.

— Неужели жалеешь? — тихо спросил Янка.

— Янка, я не жалею. Ты не знаешь...

— Что?

— Сядь.

Он сразу послушался. Мы опять сели на теплые рельсы. Друг против друга.

И я наконец-то рассказал про все. И даже про то, почему молчал до сих пор. Наверно, я это очень сбивчиво объяснил, но Янка понял. И не удивился.

— Кажется, я про такие дела уже слышал.

— Да? Янка, где?

— Не помню. Давным-давно. Может, дедушкина сказка...

— Это не сказка, Янка. Опасно посылать искорку. Вдруг эти... Клоун и его дружки... начнут охотиться за Юркой и за Глебом, а те даже ничего не знают...

— Можно объяснить им. Написать прямо на голубкэ... Гель, они искорку сберегут лучше нас. Они сильнее нас, и смелости у них побольше.

Это была правда.

— Ладно, давай! — Я встал. — Бумага для голубка у тебя есть?

— Ой, нет...

Я накинул свою длиннополую куртку на Янку, а сам зашарил по карманам на шортах и на рубашке.

— Да тут в куртке полно каких-то листов, — сказал Янка.

— Это нельзя, это записки Глеба... Вот, я нашел... Смотри, это письмо Еремы!

Янка включил фонарик. Прочитал. Сказал серьезно:

— В самый раз. Вот его и пошлем. Только напишем еще...

У Янки в кармане оказался автоматический карандаш. Янка разложил листок на твердой шпале. Я светил, а он писал:

Мы посылаем вам искорку. Вам с ней будет лучше. Только охраняйте ее от врагов. Не верьте клоунам в масках и берегитесь гипсовых шпионов, они охотятся за искоркой. Вот Еремино письмо, Он хотел что-то рассказать, но не успел.

Янка и Гелька

Мы свернули из письма голубка. Такого, каких пускаем в школе на переменах (а иногда и не на переменах). Выпустили из ампулы искорку. Посадили ее на бумажный клюв. Крошечная галактика засветилась ярко-ярко, будто прощалась с нами.

— Пускать? — спросил Янка.

— Пускай.

Он встал и легонько толкнул голубка — в ту сторону, где все еще светлело над горизонтом небо и горел месяц. Голубок пошел легко и ровно. Последний раз мигнула нам искорка и вместе с голубком растворилась в темном воздухе.

— Долетит, — сказал Янка.

Я кивнул. И спросил:

— Пошли домой?

— Да...

Мы не стали заходить в вагон. Не потому, что страшно. Теперь-то бояться было нечего. Просто «Курятник» был для нас как дом, а прощаться с опустевшим домом всегда грустно. Лучше уж так... Хорошо, что вагоны не умеют думать и чувствовать. А то ему сейчас тоже было бы тоскливо. Мы уходим, а он смотрит вслед. Что он будет делать один? Стоять бесконечное время на пустых путях...

А почему на пустых? Что мы знаем про эту линию? А если оттуда, из бесконечности, вылетит на полной скорости поезд?

— Янка! А вдруг кто-нибудь врежется в вагон?

Мы быстро оглянулись.

Вагона не было.

Там, где он только что громоздился черным неровным кубом, не было ничего. Только рельсы да высокая трава рядом с ними.

— Не врежется... — прошептал Янка.

Я даже не удивился. Мало ли что может быть на границе разных пространств... Просто сделалось горько-горько. Понял я, что все кончилось.

Кончились вечера в «Курятнике», приключения, сказка про искорку, неуклюжая моя дружба с Юркой, тайна Глеба, опасности... Даже страха и опасности мне стало жаль.

— Пойдем... — прошептал я.

И мы пошли к недалеким огням Старогорска.

Шагать по шпалам было неудобно. Ступать на каждую — это слишком частый шаг, а через одну — широко. Я встал на рельс и двинулся по нему, как по канату. Ничего, можно идти. Главное, не думать все время про равновесие, оно само собой появится.

Янка тоже шел по рельсу.

Звезды были очень яркие, да и месяц за нашими спинами набирал силу. Можно было различать дорогу и друг друга. Я посмотрел на Янку, он на меня. Еремина куртка была теперь на Янке, и он в ней казался похожим на пингвина-канатоходца из цирка.

Я чуть-чуть улыбнулся. Янка сказал:

— Давай держаться за руки, будет легче идти.

— Давай.

В самом деле стало легче. Не так шатаешься, когда рука в руке. Янкины пальцы были теплые и очень тонкие. Но они были крепкие...

Так мы шли минут пятнадцать. А впрочем, кто знает? На часы я не смотрел: вдруг там опять какая-нибудь путаница. Тяжелая куртка часто сползала с Янкиного плеча, он ее поддегивал.

Я сказал:

— Мешает? Давай понесу.

— Да ничего... Она какая-то вся бумагой набитая. Все карманы.

— Я же говорю, это Глеб мне оставил.

— Гель... А дашь почитать?

Я усмехнулся:

— Ну... пожалуйста.

— А давай сейчас посмотрим...

— Зачем? — удивился я. — Не успеешь, что ли?

— Ну... так. Давай немножко глянем, а? Мне всегда было интересно, что он пишет, а спросить боялся. Там стихи?

— Да с чего ты взял?

Мы остановились. Я включил фонарик.

— Доставай.

Янка вытащил мятые свернутые листы. Серые, исчерканные.

— Да не то, — сказал я. — Это старые какие-то. В другом кармане возьми.

Но Янка придвинул мою руку с фонариком.

— Гель, смотри... Это Еремины чертежи. Это же Васька!

Я увидел какие-то линии, квадраты, а среди них — начерченную фигуру тонконового роботенка. А потом, на других листах, его улыбающуюся квадратную голову с носом, похожим на рожок чайника. Руки, туловище...

— Гелька! — радостно сказал Янка. — Раз есть чертежи, можно сделать Ваську!

— Мы же не умеем.

— Научимся! Главное, что есть чертежи!

— А искорка? Ее-то нет.

— Гель... Разве мы не можем сделать вторую?

«А ведь правда же! — подумал я. — Мы же помним рецепт!»

Но тогда опять... Опять надо жить с оглядкой, бояться всяких клоунов и других непонятных врагов.

Но если прятаться от них, так и не поймешь, кто они такие! Не поймешь, зачем им нужна искорка и почему так легко разлетелся от удара барабанной палочки гипсовый дурак с веслом...

А он хорошо разлетелся!

Я засмеялся, вспомнив это. А потом честно сказал Янке:

— Страшновато.

— Из-за Клоуна?

— Из-за пальца. Я знаешь как боялся иголкой тыкать-
А теперь опять...

— Я еще больше боялся.

— Ты?!

— Конечно. Ты все же сам проткнул, а я струсил... Ну, ничего.

— Как-нибудь, — согласился я.

— Зато будет Васька.

— Будет, — сказал я. И подумал, что ничего еще не кончено.

Мы затолкали чертежи в карман и опять пошли по рельсам. Каждый по своему. В одной руке я держал Янкину руку, а в другой сжимал Юркину монетку. И все время помнил, что где-то далеко от нас так же шагают Юрка и Глеб. И наверно, держат в ладонях голубка с искоркой. И помнят про нас.

— Гелька! — вдруг встревоженно сказал Янка. — А ведь нас всего двое!

— Ну и что?

— А капелек надо не меньше трех. Кто еще даст?

Я даже не задумался. Сразу мелькнула в памяти огненная рубашка и веселое лицо.

— Даст, — сказал я.

— Надо, чтобы надежный человек.

— Он надежный. Тот мальчик, что принес от Еремы письмо.

— А, ясно, — откликнулся Янка, и я понял, что он улыбнулся.

Но тут же он печально сказал:

— Нет, Гелька, ничего не получится.

— Почему?

— Ты же скоро уедешь в Ярксон.

Я не сразу ответил. Не так-то легко было ответить. Я вспомнил печальные мамины глаза и еще многое вспом-

нил. И отца, и свои тревоги. А Янка ждал, я понимал, что он ждет. Почему-то мне вспомнилось, как он при первой встрече загоразивал скрипку и какое у него было лицо.

И мне показалось, что теперь у него в темноте такое же лицо.

— Нет, Янка, — сказал я. — Не уеду.

Он задышал так, будто сбросил в траву со спины тяжеленный рюкзак. И заговорил быстро и весело:

— Конечно! Нам же столько сделать надо! И узнать про многое надо!

— Про Клоуна...

— Конечно. А когда будет полнолуние, надо пробраться на свалку. Есть на самом деле ржавые ведьмы или нет?

— По-моему, Ерема не врал, — сказал я.

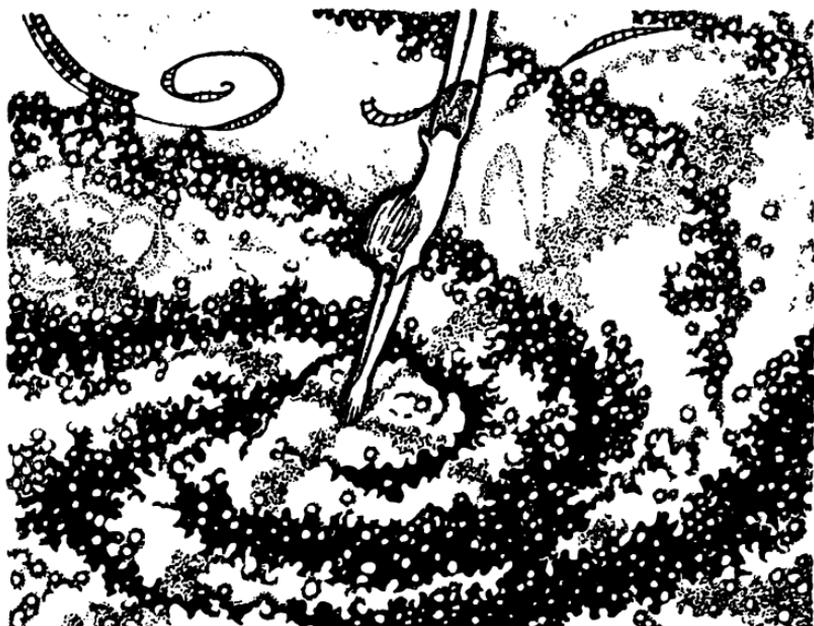
Справа, от темного горизонта, потянул ветерок. Сильно зашелестела трава, ночные кузнечики опять примолкли. Ветерок был зябкий, и я вздрогнул, дернул плечом. И задел им плечо Янки. И только сейчас понял, что мы идем вплотную друг к другу. Не вытягиваем руки, чтобы держаться, а касаемся локтями.

— Янка, ты разве не по рельсу идешь?

— По рельсу.

Рельсы — Янкин и мой — стали ближе. Может быть, бесконечность искала еще одну точку, где параллельные линии могут сойтись?

Снова потянул свежий ветер. Видимо, предрассветный. Янка распахнул куртку. Она была широченная, как плащ. Янка накинул ее на нас двоих. Это нетрудно, если идешь совсем рядом.

Мальчик и ящерка

Арсенал

1

Форт стоял на мысу у впадения Большой реки в море. В старые времена он защищал левый берег, если к устью подходили вражеские корабли. Даже и сейчас в нескольких казематах сохранились изъеденные ржавчиной и покрытые окалиной чугунные орудия.

Мыс был плоский, полукруглый, и форт повторял его очертания. Его форма напоминала подкову. По выпуклой, обращенной к морю стороне тянулся тройной ряд амбразур (теперь большей частью застекленных). На концах «подковы» поднимались широкие квадратные башни — тоже с амбразурами. Верхние амбразуры были узкие и маленькие — рассчитанные на ружейную стрельбу.

Между башнями стояло трехэтажное здание. Оно на-

зывалось «горжа» (откуда такое слово, ребята не знали). Построили горжу не так давно, перед самой войной Берегов. Но стены здания были сложены из того же серовато-желтого крепкого камня, что и форт, поэтому оно казалось частью крепости...

На ступенчатое крыльцо горжи вышел мальчик лет девяти. Запрокинул лицо и сощурился от солнца. На лице светились редкие веснушки — золотистые, как шелуха спелого овса. Мальчик поморгал и посмотрел в середину неба. Там носились чайки и бежали маленькие светлые облака. Они быстро бежали, их гнал с моря ровный ветер.

Мальчик прислушался. Снаружи, за внешними обводами крепости, ухали волны. Мальчик знал, что эти волны — синие и гривастые — разбиваются о камни и пена прилипает к стеклам в нижнем ряду амбразур.

Над сигнальной вышкой метался бело-синий клетчатый флаг. Он означал, что в Морском лицее начались занятия. Флаг громко хлопал по ветру. Но в полукруглом просторном дворе, защищенном каменной подковой крепости, стояла солнечная тишина. Ни одна травинка, проросшая среди булыжников и плит, не шевелилась. Двор заполняло сухое тепло. Мальчик взмахнул тонкими, как коричневые ветки, руками и прыгнул в это тепло. Квадратный белый воротник с вышитыми якорями взлетел над его щетинистой рыжеватой макушкой и вновь упал на ярко-зеленую рубашку.

Мальчик пошел вдоль горжи к правой башне. Он был босиком и ступал неслышно. Никто не следил за мальчиком, но он сам с собой немножко играл в разведчика. Потому что у него была тайна.

У фундамента башни росли среди камней пыльные плоские подорожники. Валялся обрывок ржавой цепи, один конец которого был вмурован в стену в полуметре от земли. Пониже этого места из фундамента косо выступал отесанный каменный блок. На его краю грелась на солнце ящерка.

Мальчик тихо присел на корточки.

Ящерка была небольшая, длиной с указательный палец мальчика. Ее плоскую головку, спинку и хвост покрывали мельчайшие квадратные чешуйки. Они были серые, и по ним разбежался коричневый спиральный узор.

Растопыренные лапки ящерики походили на ручки маленького человека. И смотрела она, как человек, — разумно и живо. Ее крошечные выпуклые глазки обрадованно приглашали: «Давай поиграем».

Мальчик приподнял ладошку, словно хотел накрыть ящерку. Она скользнула с солнцепека, сбежала по вертикальной стенке камня и спряталась под листом подорожника. Оттуда выжидательно глянула на мальчика. Он опять притворился, что хочет поймать ее. Ящерка стрельнула своим тельцем из-под листа и притаилась в расщелине ракушечной плиты.

Такая была у них игра...

Мальчик и ящерка давно знали друг друга и часто играли вдвоем. Он изображал охотника пустыни, а она — хитрого песчаного дракона, которые водятся в горячих дюнах и развалинах брошенных городов. Иногда мальчик ловил ящерку и сажал в плоский нагрудный кармашек. Она притихала там — наверно, слушала, как под рубашкой бьется упругое и неутомимое сердце мальчика. Но она не пугалась и не обижалась, и потом они снова играли вместе.

Ящерка выскочила из расщелины и побежала по теплой плите, быстро переставляя лапки-ладошки. Мальчик двинулся за ней на четвереньках. Ящерка хитро метнулась в сторону и скрылась под грудой камней от разломанной сторожевой пристройки.

— Эй, так нечестно, — сказал мальчик, пытаясь заглянуть под камни.

Но ящерка, видимо, считала, что поступает честно.

«Ладно, — решил мальчик. — Я тебя дождусь и сцапаю».

И в этот момент его окликнули.

На крыльце стояла мама.

— Я еду в поселок, — сказала мама. — Хочешь со мной? Зайдем на рынок, а потом можем сходить в кино.

Мальчик подумал секунду.

— Нет! — откликнулся он. — Я здесь поиграю!

— Как хочешь... Только не бегай на берег, там сильный прибой.

— Нет, я здесь!

Он опять присел у камней, но теперь не было прежней беззаботности, царапали его неприятные коготки. Он тут же понял, отчего: зря он отмахнулся от мамы. Наверно, ей хотелось поехать вдвоем. Может быть, она даже обиделась.

С полминуты мальчик сидел насупившись и не знал, как быть. Потом оглянулся на проход между башней и горжей, куда ушла мама. Догонять ее поздно. Но, пожалуй, можно взбежать на башню и сверху помахать маме.

На башенную площадку вела со двора коленчатая ржавая лестница. Мальчик запрыгал вверх по дребезжащим ступеням. Вообще-то подниматься на башни ребятам не разрешалось, но он не учился в Морском лицее, он просто жил здесь с родителями и считал, что для него запреты не очень обязательны. К тому же все равно никто не видел.

На верхних ступеньках его туго ударил в спину ветер. Вскинул широкий воротник, прижал к затылку и ушам. Когда мальчик поднялся на площадку, ветер совсем сошел с ума. Рванул на мальчике рубашку, самого его чуть не сбил с ног. По цементу со скрежетом носились высохшие листья, принесенные сюда прошлой осенью.

Площадка окружена была метровыми квадратными зубцами. В промежутках тянулись трубчатые поручни. Ветер подтолкнул мальчика к поручню. Мальчик лег на него животом и внизу увидел маму. Она садилась в оранжевый автобус, который остановился на обочине. Мальчик окликнул маму и замахал рукой. Но мама не заметила его и скрылась в автобусе. Мальчик долго махал ему вслед, и коротенький рукав бился у плеча, как зеленый флажок.

Потом он еще с полминуты смотрел на пустую, белую от солнца дорогу. На холмы, поросшие орешником. За холмами вставали далекие синеватые башни Пустого Города, куда запрещалось ходить. В городе жили страхи и опасности, про это знали все. Мальчик о чем-то вспомнил и усмехнулся.

Наконец, преодолев хлесткий напор ветра, он вернулся к лестнице и спустился в теплую тишину двора.

Ему было немного не по себе...

Ящерка ждала мальчика, выглядывая из-за камня.

— Эх ты... — сказал ей мальчик.

Ящерка скользнула за серую плиту и побежала к фундаменту — туда, где к башне примыкало правое крыло форта.

В прошлом веке здесь взорвался чудовищный круглый снаряд, брошенный с вражеского монитора. На фундаменте до сих пор чернели кривые трещины и щели. Когда-то их пытались залатать цементом и замазать известью, но до конца дело не довели. Здесь же, косо прислоненные к стене, стояли плоские каменные блоки. Ящерка хотела юркнуть между блоками и стеной, но мальчик накрыл ее ладошкой.

Он подержал ее — щекочущую, живую, стучащую крошечным сердечком — и посадил в нагрудный кармашек.

— Вот тебе. Теперь сиди... — пробормотал он. И хотел встать. Но из-под каменных блоков, что стояли у стены, донеслись смутные голоса. Неразборчивые слова, полусшепот.

Мальчик сунулся под камни. Здесь, в зябкой тени, он разглядел на фундаменте у самой земли щель. Большую. Длина около метра, а ширина такая, что может протиснуться кошка. Мальчик пролез подальше и замер у щели.

В ней ничего не было видно. Лишь на краях лежали неподвижные отблески желтоватого света. Зато стали различимы обрывки фраз:

— ...и на той площади, где колокола...

— ...кино про мушкетеров...

— ...А Илюшка ногой ка-ак двинет и обломил разрядник! А они...

— ...Зря они так. Все-таки на лодке лучше...

Мальчик слушал долго, хотя стоять на четвереньках было неудобно: ныла спина, острые камешки и сухая известковая крошка впивались в колени и ладони.

— ...Если они узнают, мы сами виноваты... — услышал мальчик, и тут его кто-то легонько пнул в босую пятку.

Он вздрогнул, ладошкой прижал кармашек с ящеркой и, пятясь, выбрался из-под камней.

Над ним стояли двое мальчишек лет по двенадцати. Один широкоскулый, коротко стриженный, с сердитыми глазами и трещинками на пухлых губах. Второй тонкоплечий, сильно загорелый, со светлыми волосами, косо лежащими на коричневом лбу, с коленом, замотанным грязной синей тряпицей.

Мальчик знал, что у сердитого прозвище Летчик. У загорелого прозвища не было, а звали его, кажется, Андрюшка. Оба они были в форме младших воспитанников — сизых флотских блузах навывпуск и коротких полотняных штанах, пыльных и мятых. Андрюшка не то спросил, не то просто сказал:

— Подслушивал, птенчик...

— Нет! — поспешно отперся мальчик. — Я случайно...

— Подслушивал случайно, — усмехнулся Летчик. — Интересно, много ли слышал?

— Почти ничего, — сказал мальчик. — Бормотанье какое-то.

Мальчишки загораживали дорогу к дому, бежать было немисливо, да, по правде говоря, и не хотелось.

Мальчик опять сказал:

— Я не нарочно...

— Что будем делать? — сумрачно спросил Летчик у Андрюшки.

— Вот это прокольчик! — проговорил Андрюшка печально. Так говорят о большой неприятности, когда не знают, как ее исправить. Он поддернул подол блузы, сунул руки в карманы на штанах и прошелся по мальчику взглядом. От босых ступней до медных волосков, торчащих на макушке. И с беспощадной ноткой сказал: — Придется тащить в штаб. — Потом деловито предупредил мальчика: — Попробуй только пикнуть.

— Не буду пищать, — тут же пообещал мальчик.

Он не испугался. Если бы ребята злились по правде, они могли бы накостылять ему прямо здесь. А сейчас была, видимо, игра. Мальчик давно мечтал, чтобы лицейские мальчишки взяли его в свои игры, но просить не решался.

Летчик недоуменно глянул на Андрюшку:

— А... как?

— Завяжем глаза. Не помрет.

— Не помру, — согласился мальчик.

Летчик поморщился и спросил:

— А чем?

Андрюшка стал разматывать на колене синюю тряпицу.

— Маленькая, — сказал Летчик.

— У меня есть платок, — торопливо сообщил мальчик. Платок ему в карман всегда клала мама, и там он лежал неделями чистый и нетронутый.

— Какой воспитанный ребенок, — сказал Андрюшка почти без насмешки.

— Можно быть воспитанным, когда мама и папа... — заметил Летчик. — Давай платок.

Они положили платок мальчику на глаза, а сверху плотно обмотали Андрюшкиным бинтом.

— Не вздумай подглядывать, — очень серьезно сказал Андрюшка. — Худо будет.

— Не вздумаю. Честное слово.

— Честное слово ты маме давай. А с нами не валяй дурака, — проговорил в наступившей для мальчика темноте Летчик.

— Я ни разу не нарушал честного слова, — обиженно отозвался мальчик.

— Ну и.. пошли, — сказал Андрюшка.

Они взяли мальчика за локти твердыми горячими пальцами. Повели сквозь сухую траву, торчащую у стены...

Скоро под ногами оказались крутые ступени из холодного ноздреватого камня. Пахнула навстречу влажная землистая прохлада. С глаз убрали повязку.

2

Подземная комната была похожа на внутренность перевернутой ступенчатой пирамиды. Высокие брусчатые ступени уходили вниз и смыкались квадратом вокруг небольшой площадки. Там, на площадке, горел ярким светом круглый корабельный фонарь. Кажется, масляный. Он снизу вверх бросал желтые лучи на мальчишек и на камни.

Мальчишек было человек семь. Они сидели на средних ступенях. Сидели, как люди, которые у себя дома. И удивленно смотрели на мальчика.

— Вот... — произнес Андрюшка с виноватой ноткой.

— Шпиона привели, — разъяснил Летчик.

— Я не шпион, — сказал мальчик.

На него смотрели молча.

Среди сидевших только трое были в лицейской форме. Остальные кто в чем. Это и понятно. Если говорить по правде, Морской лицей уже не был морским лицеем. Старшие ребята — курсанты в штурманских куртках с якорями — еще изучали навигацию и морское дело, проходили практику на рыболовных и пассажирских судах, а потом получали капитанские свидетельства. А младшее отделение давно превратилось в обыкновенный приют. Сюда направляли мальчишек, оставшихся без родителей во время военных стычек между Берегами. Подбирали тех, что бродили по дорогам беспризорные и голодные. Впрочем, были и такие ребята, которых привезли родители, — некоторые отцы и матери думали еще, что здесь ребята получают профессию и «научатся порядку».

В казематах, переделанных под спальни для четырех человек, теперь жили по десятку и больше. И вместо полусотни младших воспитанников, подтянутых, знающих устав мальчиков, одетых в блузы с голубыми воротниками,

на крепостной двор каждый день после занятий вываливалась кипящая и пестрая мальчишеская толпа.

Отец мальчика говорил:

— Рынок, а не школа. Как можно их учить, если даже не помнишь всех по именам? Да многие и не отзываются на имена, привыкли к прозвищам...

Сюда попадали мальчишки с обоих Берегов. Они сколачивались в группы наподобие маленьких партизанских отрядов. Между отрядами шла скрытая, но постоянная война. Иногда она вспыхивала короткими кровавыми схватками, в которые боялись вмешаться учителя и надзиратели. Дрались обычно младшие. Между старшими вражда была сдержанной. Зато у старших случались дуэли — честные и жестокие. Потом курсантское отделение перевели из форта в казармы береговой охраны и дуэльный обычай перешел к младшим. Однако здесь обошлось без крови, и скоро всякая стрельба прекратилась.

Рассказывали, что Музыкант отказался стрелять в противника и бросил на камни пистолет.

— Трус! — сказали ему и те, кто был за него, и те, кто был против.

— Мы тебе знаешь что сделаем в спальне... — сказали те, с кем он жил в одном каземате.

— Дурачье, — сказал Музыкант. — Был бы я трус — не отказался бы. Мне в него пулю всадить — дело не хитрое... — Он кивнул на щуплого гордого мальчишку, который стоял на другом конце площадки, спрятанной в прибрежных скалах. — А умирать легко? Кто-нибудь пробовал? Хоть разок? А? Давайте постреляем друг друга, а они пусть радуются.

— Кто «они»? — спросили его.

— Вот и я хочу знать — кто? Из-за кого вы все здесь? Кто стравливал Берега? Кому это было надо? И зачем? Ведь никто даже не знает, за что воевали...

— Тебе не понять, ты сам не знаешь, с какого ты берега, — сказал старший из мальчишек.

— Я знаю, с какого берега. С хорошего, — сказал Музыкант. — Там у нас...

Но тут все услышали странные звуки, будто кто-то захлебывался и кашлял. Это на другом конце площадки щуплого мальчишку тошнило от запоздалого страха смерти.

— Сопляки, — сказал Музыкант, хотя многие были старше его. Поднял и бросил в море пистолет. На глубину.

— Пистолет-то не твой, чего кидаешься, — хмуро сказал старший мальчишка.

— Вы же храбрые, достаньте, — презрительно ответил Музыкант. — Прыгните вон оттуда! — Он показал на скалу, напоминавшую шахматного коня. Высота была метров десять. — Ну?..

Он посмотрел на каждого по очереди, сплюнул и полез по каменной «гриве коня». И сверху прыгнул. Прыгнул, не сняв свою странную форму с непонятными нашивками и потрепанным аксельбантом.

Пистолет он, правда, не нашел. Но он прыгнул..

Впрочем, кто знает? Может быть, это был просто рассказ. Про Музыканта много чего рассказывали. Он появился в лицее прошлой весной — сумрачный, молчаливый, ничего не знающий. Не знал даже, с какого он берега, и это было совсем невероятно. А может быть, он что-то скрывал... Был он нелюдимый, но не злой. Часто насвистывал что-то и за это получил свое прозвище. Про свою голубую форму — откуда она и почему такая — он коротко сказал однажды: «Вы же сами говорите, что музыкант. Значит, музыкантская...»

Его пробовали дразнить. Он отбивался коротко и умело. Нашлись такие, что нападали на него на одного целым скопом. Тогда он завел друзей — среди тех, кого часто обижали. С ними он был тоже молчалив, но ласков. А их — недавно еще самых слабых и затюканных — теперь опасались трогать.

Того мальчишку, противника по незаконченной дуэли, он тоже, говорят, взял в свою компанию... Если, конечно, все это не выдумки, если дуэль и прыжок со скалы были.

Но выдумки это или нет, а с той поры вражда в лицее стала утихать, мальчишки будто устали от нее. Население спален скоро перемешалось, часто в одном каземате сходились теперь ребята с левого и с правого берега.

Это почему-то не нравилось новому директору, по прозвищу Чуф. Но он ничего не мог поделать. Мальчишки не признавались, кто с какой стороны, ввали надзирателям. Чуф дергал кадыком и морщился: он был сторонником четкой дисциплины, а вранье, несомненно, растлевало воспитанников...

Обо всем этом быстро и сбивчиво вспомнил мальчик, когда увидел среди ребят Музыканта.

— Почему вы решили, что он шпион? — спросил Музыкант и глянул из-под темных волос.

— Я не шпион, — опять сказал мальчик.

— Помолчи, — одернул его Летчик и доложил: — Он подслушивал у щели.

— Да не подслушивал я! — громко сказал мальчик. Ему стало обидно. — Вовсе я не шпион! Это взрослые бывают шпионы, а мне зачем?

— Он сын учителя, — задумчиво проговорил курчавый мальчишка. — Небось думал заложить нас папаше.

— Ничего подобного! Папа терпеть не может доносчиков!

— Вообще-то правда, — сказал еще один из мальчишек, остролицый, светленький, в оранжевой майке. — Его отец — ничего дядька... Ладно, ты не бойся.

— А я и не боюсь. Что вы мне сделаете? Отлупите? Если я шпион, это вам не поможет... Замуруете здесь навеки? — Он глянул с насмешкой.

А они смотрели на него серьезно, без самых маленьких улыбок. Будто что-то решали. Мальчик вздрогнул. Он вдруг ощутил, что сейчас не совсем игра. Вообще не игра. Он знал, что среди лицейских мальчишек есть всякие. Есть и такие, что прошли во время партизанских стычек огонь и воду. Видели, как убивают, и, кто знает, может быть, и сами стреляли в живых людей. Такие могут, наверно, и замуровать...

Нет, эти не могут. Андрюшка не может, Музыкант не может. И вот этот, в оранжевой майке... И вот тот — в желтой рубашке и с желтыми соломенными волосами. У него хорошее имя — Денёк.

Денек сказал:

— Говоришь, не подслушивал. Тогда скажи, пожалуйста, что делал у щели?

Ящерка беспокойно шевельнулась в кармане. Может, хотела выручить мальчика? И мальчик решился. Он высадил ящерку на ладошку.

— Вот... Я гонялся за ней. Мы играли...

Ребята повскакали со ступеней. Окружили мальчика. Навалились на плечи друг другу, кто-то поднял над головами фонарь.

— Ух какая!.. — ласковым шепотом сказал курчавый мальчишка.

— Это геккон, — определил Денек.

— Сам ты геккон. Это каменка, — возразил мальчишка в оранжевой майке. — У гекконов не такой узор...

— Эй, не мешайте! У нее хвост может отвалиться. У них легко хвосты отрываются.

— Другой вырастет...
— Когда еще вырастет!
— А это редкая порода?
— Ой уж редкая! У нас в Желтых Камнях таких ты-
сячи!

— Зато она ручная, — сказал мальчик, слегка сгибая пальцы, чтобы прикрыть ящерку от желающих ее потрогать и погладить.

— Как это ручная? — спросил мальчишка в оранжевой майке. — Дрессированная?

— Нет. Но она меня знает, мы вместе играем...

— А у нас в Орехове... — начал кто-то.

Но Музыкант перебил:

— Поглядели, и хватит. Садитесь.

Все послушно расселись на ступеньках, и Денек сказал мальчику:

— Садись и ты.

И опять все стали смотреть на него. Правда, уже не так подозрительно. Музыкант задумчиво проговорил:

— Ну и что же нам с тобой делать?..

Мальчик понял, что пришла решительная минута. Он зажмурился и отчаянно попросил:

— Возьмите меня к себе!

Они не ответили, только запереглядывались. Курчавый вполголоса сказал:

— Ага... А потом разболтает.

— Я ничего не разболтаю! — клятвенно пообещал мальчик. — Если бы я хотел, я давно бы мог про вас разболтать.

Все насторожились, а Музыкант строго спросил:

— Про нас? А что ты знаешь?

Мальчик понял, что назад пути нет.

— Много знаю. Знаю, где ваша лодка спрятана, чтобы через Реку плавать. Знаю, что вы в Пустой Город ходите. И что вы поклялись никогда не ссориться, если даже с разных берегов... Только не знаю, кто такие ветерки...

Он замолчал, и тишина сделалась такой, что опять страшновато стало. В фонаре потрескивало нагретое железо.

Музыкант спросил — уже не строго, а печально:

— Как ты про это выведал?

— Я не нарочно, — слегка покривил душой мальчик. — Но щелей-то в камнях много. А я тут все закоулки знаю, мы ведь давным-давно здесь живем... — Он осмелел и

улыбнулся. — И глаза вы мне зря завязывали, этот погреб я тоже знаю...

Денек вдруг засмеялся:

— А мы-то думали, что полный секрет...

Мальчик вздохнул:

— А у вас и так полный секрет. Кроме меня, никто не знает, а я не выдам. Если не возьмете к себе, все равно не выдам, я не предатель.

— Возьмем, наверно, — серьезно сказал Музыкант. — Что ж теперь... Вы как думаете? Ты как, Денек?

— Я? Ну, пожалуйста, я не против. Даже наоборот.

— А другие?

— Да ладно, — усмехнулся Андрюшка. — Только не испугался бы...

— Пусть клятву даст, — сказал Летчик. — Где листок?

Кто-то зашуршал бумагой. Летчик вытащил из воротника длинную иглу.

— У нас кровью расписываются. Не боишься?

Мальчику стало неудобно и зябко, но он протянул руку без задержки. И быстро заговорил:

— А правда, что в Пустом Городе само собой кино крутится в пустых кинотеатрах? В нашей школе... ой... в нашей школе ребята говорили, что...

— Правда, правда, — усмехнулся Музыкант. — Пиши.

Мальчик мизинцем с красной капелькой вывел на мятом листе свое имя.

— Кино не само крутится, — сказал Денек. — Его крутят ветерки.

— А кто они такие? — опять спросил мальчик. Он был теперь полноправным членом мальчишечьего братства, он мог спрашивать про все тайны.

— Слушай... — сказал Денек.

Оказалось, что ветерки — это маленькие ветры, которые живут в лесах, в скалах и в пустых переулках. Они живые. Некоторым очень много лет — целая тысяча. Но они все равно как мальчишки. И многие из них умеют превращаться в мальчишек, потому что раньше были настоящими, такими, как нынешние ребята.

Эти ветерки давние, вечные...

А есть и другие. Это обыкновенные мальчишки, которые умеют иногда делаться ветерками. Умеют превращаться в маленькие спиральные вихри и мчаться куда хочешь — стремительно и неуловимо. Такому мальчишке не страшна любая высота и любые враги. Он и погибнуть

по-настоящему не может, в крайнем случае превратится в ветерка навсегда...

— И вы все — ветерки? — с недоверием и восхищением прошептал мальчик.

— Не все пока, — объяснил загорелый Андрюшка. — Кое-кто еще готовится. Нас тут в лицее много таких... Станем ветерками — никого не будем бояться. Даже тех, которые велят.

— А разве они есть? — удивился мальчик.

Музыкант усмехнулся.

— А как сделаться ветерком? — спросил мальчик.

— Сначала надо переплыть Реку, — объяснил Денек. — Хотя бы один раз. Это не просто река, а такая... ну, вроде волшебной границы. Потом надо побывать в Пустом Городе. Там на Башне Ветров написано заклинание ветерков. Его надо выучить...

— И все?

Это было так просто!

— Не все, — сказал Музыкант. — Потом самое главное. Надо забраться на высоту и не испугаться — прыгнуть вниз...

— Как ты за pistolетом? — спросил мальчик.

— При чем тут это... — неохотно сказал Музыкант. — Я тогда и не слышал еще про ветерков... Надо не бояться и прыгнуть. Тогда станешь невидимкой и полетишь.

Мальчик подумал. Потом спросил нерешительно:

— А если будешь очень бояться, но все равно прыгнешь? Тогда получится?

— Получится, — сказал Денек. — Главное, чтобы перебороть страх...

В это время в щель донеслась хриплая игра сигнальных рожков.

3

Воспитанников построили на дворе широким квадратом. Директор Чуф, морщась, оглядывал пестрые и неровные шеренги. Рядом с ним стояли классные надзиратели. Только они, учителей не было.

Мальчик, разумеется, был не в строю. Он забрался до половины на железную лестницу башни и оттуда все видел. И все слышал — каменная подкова крепости отражала и доносила любое слово.

Мальчишки стояли тихо и понуро. Директор Чуф, двигая кадыком, отчетливо говорил:

— Раньше мы были терпеливы. Мы только предупреждали. В крайнем случае наказывали очень мягко. Трое суток в штрафном каземате — самое большое, что получали те, кто плавал через Реку или посещал Пустой Город. Опыт показал, что эти меры не принесли результата. Число нарушителей лицейской дисциплины неуклонно растет. И посему... — Чуф передохнул и молча подвигал кадыком. — Посему высшее начальство потребовало от меня — и я отчетливо понимаю необходимость этого требования — принять самые решительные меры... — Он кивнул надзирателю Кате — круглому человечку с гладким и белым, как тарелка, лицом.

Надзиратель Катя подскочил и женским голосом пропел:

— Воспитанники Андрей Корда-а... Виктор Липун... Феликс Юма-а... Александр Кулик! Ша-а-а-аг... впрёт!

Загорелый Андрюшка беспомощно оглянулся на ребят и, припадая на забинтованное колено, шагнул из строя. И еще трое шагнули, незнакомые мальчику. Один — совсем малыш, даже непонятно, как такой оказался в лицее. Он испуганно вертел круглой стриженной головой с большими ушами.

Ко всем четверем подошли надзиратели, взяли ребят за плечи и вывели на середину двора.

— Эти четверо, — деревянно произнес Чуф, — будут наказаны первыми. Сейчас их запрут в штрафном каземате, а после необходимых формальностей и воспитательных бесед их направят в трудовую школу на острове Крабий Глаз. Так нам велено, и так будет, а если этот печальный пример не...

— Они не виноваты! — звонко сказали из рядов.

— Ма-а-алчать! — запел Катя.

— А если этот печальный пример...

— Бандюги! Он же совсем малёк, — сказали в строю. Видимо, про ушастенького.

— Ма-а-алчать! — Катя вытянулся на носках. — Имейте в виду! В крайнем случае нам разрешено применять электрощупы!

Строй замер. Но почти сразу опять прорезался голос:

— Какой храбрый с пацанами! Где ты был, когда воевали?

— В отряде умиротворения! — крикнули из задней шеренги.

— В интендантской конторе, воруя!

— Молчать! — это крикнул уже директор. — Разойдись! По классам! Марш!

Строй стал медленно разваливаться. А четверых повели к приземистой железной дверце.

Страшная мысль ударила мальчика. Так, что он едва удержался на ступеньках. Вдруг ребята решают, что это он выдал мальчишек? Все вынюхал и донес!

Эта мысль была такая отчаянная, что мальчик бросился искать Музыканта или кого-нибудь еще из новых знакомых. Но двор быстро опустел.

Мальчик промучился до вечера — то во дворе, то дома.

— Ты заболел? — тревожилась мама.

— Нет. Просто скучно.

— Ничего. Скоро поедem к дедушке в Чайную Пристань.

— Папа, а что за школа на острове Крабий Глаз? — спросил мальчик, когда вернулся отец.

— Это не школа, а тюрьма.

— А этих ребят... Их правда отправят туда?

— Ох, да помолчи ты.. — со стоном сказал отец.

Вечером, когда двор был уже в глубокой тени и остывали камни, мальчик увидел у старой пушки Музыканта, Летчика и Денька. Он подбежал, остановился и заплакал:

— Вы, наверно, думаете, что это я? Честное слово... Я же клятву давал...

— Что? — удивился Денек. — Ты о чем? Да перестань ты реветь, пожалуйста! Кто на тебя думает?

— Катя, сволочь, выследил, — сказал Летчик. — Морда фаянсовая...

Мальчик всхлипнул. И стыдно было за слезы, и радостно, что верят ему.

— Может, попросить папу, чтобы заступился за ребят? — неуверенно предложил он.

— А что твой папа сделает? — хмуро отозвался Музыкант. — Он кто? Учитель черчения. Он даже не в лицейском совете. Выгоняет с работы — и крышка.

— Он говорит, что на Крабьем Глазе тюрьма, — проворкотал мальчик.

— Ребятам еще до этой тюрьмы достанется, — сказал Денек и пошевелил плечами. — Воспитательные беседы... Знаешь, что такое электрошуп?

Мальчик кивнул. Электрошупы были у пастухов, которые охраняли табуны в степи под Чайной Пристанью. Мальчик видел, когда был у дедушки. Электрошуп на-

поминает спиннинг с коротким удилищем. Круглый разрядник похож на катушку. Конец у щупа гибкий и всегда дрожит... Мальчик помнил, как пастух задел этим концом непослушного жеребенка. Тот даже не заржал, а вскрикнул по-ребячьи. Опрокинулся на спину и забился...

Неужели так можно? Каменная каморка, некуда деться, те четверо сжались в углу, а эти гибкие жалащие концы все ближе, ближе...

— Нет... — прошептал мальчик.

— Что «нет»? — зло усмехнулся Летчик. — Год назад было бы «нет». Они тогда не смели... Я говорил тебе, Музыкант, не надо выбрасывать оружие. Если этот шкет Фелька не выдержит и расскажет про всех, кто был в Городе, завтра что будет?

— А давайте завтра поднимемся все! — Денек стукнул кулаком по пушке. — Если все разом, мы справимся! И щупы пообломаем, и ребят освободим...

— И через полчаса явится отряд умиротворения, — сказал Летчик. — Я говорил, не надо выбрасывать пистолеты.

— Выбросили, чтобы не стрелять друг в друга, — ответил Музыкант. — И ничего другого тогда нельзя было сделать.

— «Тогда»... А что делать сейчас?

— Да, — согласился Музыкант. — Сейчас оружие пригодилось бы.

У мальчика сердце билось, как горошина в погремушке. Потому что он понял: пришла пора сказать о своей главной тайне. Это была не детская тайна. Дело пахло не игрой, он это понимал. Но он же поклялся, что будет вместе со всеми. И четверо сжались в каземате, ждут...

— У нас в квартире есть глухая кладовка, — сказал мальчик.

— Ну и что? — сумрачно спросил Летчик.

— Там в углу, над полками, такая квадратная дыра с решеткой. Вентиляция. Решетку я вынимал, в дыру лазил. Там такой узкий проход. Вернее, пролаз... Я люблю везде лазить.

— Знаем, — буркнул Летчик.

— Дальше, — попросил Денек.

— Я ползал по нему. Он длинный такой, и трудно ползти, но я один раз добрался до конца. Там подвал, комната запертая... И в ней карабины.

— Что? — быстро спросил Музыкант.

— Карабины со штыками. И железные ящики с патронами. Раньше старших курсантов учили стрелять.

Музыкант, Летчик и Денек быстро оглянулись. Музыкант положил мальчику на плечи твердые ладони. Будто младшему братишке.

— Ты молодчина. Я сразу понял, что ты такой, ты похож...

— На кого?

Музыкант коротко улыбнулся:

— На хорошего человека... А много там карабинов?

— Штук тридцать... Только я боюсь...

— Не бойся, — успокоил Музыкант. — Мы все сами сделаем, про тебя никто не узнает.

— Да я не этого боюсь. Ход очень кривой. Я прямо замучился, пока полз. — Он улыбнулся: — Извивался, как моя ящерка. А карабины-то прямые, длинные, могут не пролезть.

Мальчишки переглянулись.

— Думайте, — сказал Музыкант.

— Что думать. Попролам не сломаешь, — огрызнулся Летчик.

Денек неуверенно спросил:

— А если снять штыки и отвинтить приклады? Может, проташим?

Мальчик подумал.

— Да, — сказал он. — Тогда можно.

Магистр

1

Елка была большая, украшали ее долго. За окнами давно стемнело. Директор наконец сказал дежурным пятиклассникам, что они могут идти домой. Их учительницу он тоже отпустил. Она в глубине души была довольна, однако суховато спросила:

— Как же так? Дети не кончили работу.

— Ничего. Я останусь, и мы кончим.

Она не удержалась:

— Простите, директор Яр. Вы и... кто еще?

— Мои ребята.

Учительница поджала губы. То есть она улыбнулась, но мысленно поджала губы. Но даже мысленно она не позволила себе произнести слово «любимчики». Это была

пожилая опытная учительница, строгая к другим и к себе. Она гордилась тем, что всегда была справедливой. Другой вопрос, что справедливость эта часто была причиной ребячьих слез. Зато никто не мог упрекнуть ее в необъективном отношении к людям. Вот и сейчас она одернула себя: «Вовсе не любимчики. Просто давние знакомые директора. Он был дружен с этими детьми, когда еще не работал в школе. (Хотя странно, конечно: как это можно дружить с детьми?). Говорят, они много испытали во время нашествия, спасали друг друга. Естественно, он позволяет им немного больше, чем другим школьникам...»

Впрочем, подумала она, директор и другим позволяет Бог знает что. Он разрешил девочкам являться на занятия без лиловых форменных фартуков, заявив, что девочки должны быть похожи на девочек, а не на юных послушниц из монастыря кармелиток. (Кстати, необходимо узнать, кто такие кармелитки.)

Он смотрит сквозь пальцы на то, что дети приносят этих ужасных бормотунчиков и пользуются их подсказками на уроках математики.

Когда учитель естествознания не сдержался и закатил болтливому четверокласснику оплеуху, директор Яр самолично содрал с его форменного сюртука нашивку старшего преподавателя и предложил немедленно покинуть школу. И это на глазах учащихся! Конечно, оплеухи — не лучший и даже запрещенный метод. Но все-таки учитель был учитель...

В коридорах теперь на переменах вместо чинных прогулок — беготня, гвалт и хохот младших учеников. На школьном дворе до самого снегопада было то же самое. Эти любим... эти юные друзья директора научили третьеклассников и четвероклассников какой-то дикой игре с мячиками. Мячики надо катать через ямки, а потом куда-то швырять. Причем ямок должно быть пять! Один из директорских мальчишек, сумрачный очкастый подросток с непонятым прозвищем — не то Чила, не то Чира — даже организовал в младших классах соревнования по бросанию мячика в цель. Соревнования были командные. Это вообще не одобряется нынешними правилами, а тут еще каждая команда состояла из пяти человек! Дети, конечно, веселились, а каково педагогам? Никто не спорит, надо бороться с предрассудками, но нельзя же нарушать приличия! Да и что за глупая игра — мячики! Чего с ее помощью добились? Порядка? Хороших оценок? Только того,

что любой мальчишка теперь попадает мячом с тридцати шагов в открытую форточку...

Впрочем, эти мысли не очень тревожили наставницу пятиклассников. Они были не новыми и потому привычными. Гораздо больше ее беспокоили семейные дела. Дома больной муж и взрослая дочь, которая успела выйти замуж и развестись, а в короткий период супружеской жизни родила учительнице внучку. Это, конечно, радость, но хлопот от такой радости выше головы. Вот и разрываешься между работой, домом и магазинами... Бакалейная лавка на Южной еще открыта, надо забежать, купить хоть чего-нибудь для новогоднего вечера. Если, конечно, удастся. После нашествия прошло полгода, а в магазинах все еще пусто. Может быть, к празднику подбросят продуктов?.. Праздник! Одно название. Скорее бы уж миновал. Так хочется думать, что следующий год окажется счастливее минувшего. Кстати, на собрании учителей директор говорил, что так и будет... Он все-таки ничего директор, хотя и с причудами. Не заставляет заниматься лишней писаниной, добился, чтобы все учителя получали дрова, пока в Орехове не восстановят центральное отопление. Говорят, что не боится никакого начальства. Говорят даже... Но это уж не ее дело! Мало ли что говорят в учительской женщины! Главное, что директор отпустил ее пораньше.

Учительница вышла на школьное крыльцо. Над ним качалась от ветра голая лампочка, но в пяти шагах было уже темно. И вьюжно было, и холодно. Учительница поежилась: до лавки три квартала. «Не опоздать бы», — подумала она. И ощутила крайнюю досаду, когда из темноты шагнул заснеженный бородатый человек и сказал:

— Прошу прощения. Не смогли бы вы проводить меня к директору?

Бестолковые пятиклассники порвали елочные бусы. Теперь Данка сидела на ящике из-под игрушек и надевала блестящие шарики и висюльки на новую капроновую нитку. Алька торчал на трехметровой стремянке. Он развешивал на ветках стеклянные сосульки и звезды из желтой фольги, похожие на подсолнухи. Повесив игрушку, он обязательно спрашивал с высоты:

— Яр, ну как?

— Нормально. Только не загреми, — с беспокойством отзывался Яр и поглядывал на дверцу у сцены. Там была

комнатка, в которой ребята готовили гирлянду. Наконец появился Чита. Он сказал:

— Переключатель искрит, надо перепаять. Ничего, это быстро...

Открылась большая дверь, и недовольный голос учительницы произнес в коридоре:

— Директор Яр, к вам пришли.

В зал шагнул человек в барашковой шапке и заснеженном пальто. Бородатый. Борода была светлая, подстриженная аккуратным квадратом. Пахнуло холодом.

Пахнуло холодом не из открытых дверей, а словно отовсюду. Яру показалось, что кто-то незаметно и быстро вынул из окон двойные стекла. У Данки посыпались с нитки бусины (к счастью, не на пол, а в подол). Сверху, от Альки, упал и глухо лопнул на полу серебристый шар.

— Растяпа. Уже четвертый, — быстро сказала Данка, хотя это был первый разбитый шар.

— Ничего подобного, третий, — отозвался Алька и стал сбивчиво насвистывать.

Яр посмотрел на Читу. Чита коротко зевнул и приклонился к стене у дверцы. Он стоял в небрежной позе и разглядывал елочную верхушку. Левую ладонь держал за спиной, правую — у брючного кармана. Карман кругло оттопыривался, будто в нем лежало яблоко.

— Прошу прощения, директор Яр, — хриловато сказал в бороду незнакомец. — Я не решился бы на это бесцеремонное вторжение, если бы не крайняя нужда.

— Проходите, — сказал Яр, стараясь задавить в себе тоскливое ожидание беды. — Можете раздеться... Можете даже снять бороду, если она вам мешает. На роль Деда Мороза вы все равно не тянете.

— Не тяну, — согласился гость. — Но борода натуральная... насколько это возможно.

Он снял шапку, стряхнул с нее капельки. Размотал шарф. Медленно, по-стариковски, стянул пальто. Вешалки в зале не было, он положил одежду на стулья у входа. Выпрямился. Теперь он был похож на пожилого профессора: аккуратная седоватая прическа, отутюженный пиджак, что-то вроде университетского значка на лацкане. Широкая борода наполовину закрывала темно-малиновый галстук.

Бледноватое лицо «профессора» было добродушным, голубоглазым и вполне живым. Однако и в лице, и в речи его была та излишняя правильность, которая резанула

тревогой Яра и ребят. Даже Данку и Альку, хотя они знали тех только по рассказам.

— Где мы можем побеседовать, Ярослав Игоревич? — осведомился «профессор».

— Здесь, — сказал Яр.

— Но... — «Профессор» посмотрел на ребят.

— Ничего, — сказал Яр. — Они в курсе. Это те, кто был в крепости.

— А! — произнес «профессор» с чисто человеческой ноткой. С уважением и сдержанной грустью. — Это ваши бойцы...

— Да, — сказал Яр. Он шагнул к окну, снял с шахматного столика коробку с елочной мишурой, придвинул два стула.

— Садитесь.

— Благодарю... — Гость сел, аккуратно подпернув на коленях отглаженные серые брюки.

Стало тихо. Чита смотрел на елочную верхушку. Алька с очень беззаботным видом укреплял на ветке золотистого пестуха. Данка вновь собирала бусы.

«Профессор» наконец сказал:

— Я понимаю, что мой визит слегка портит вам предпраздничное настроение...

— Не скрою, портит, — отозвался Яр. — Но еще больше удивляет. Не думал, что после того... инцидента на почтамте кто-то из вас решится на прямой контакт с нами.

Гость задумчиво похлопал по столику узкой ладонью.

— Пришлось, Ярослав Игоревич... А почему бы и нет? Мы же не враги. Нас столкнули роковые обстоятельства, но, если разобраться, нам совершенно нечего делить в этом мире. Мы можем жить, не мешая друг другу и даже по-могая...

— Да? — ровным голосом сказал Яр.

— Я понимаю... Были горькие эпизоды, были потери... Но в итоге вы оказались победителями! Ярослав Игоревич! В последнем конфликте вы ликвидировали одного из наших... гм... представителей. Хотя со всех точек зрения он был неуязвим.

— Сам полез, — подал голос Чита.

— Разумеется! — воскликнул «профессор». — Кто же спорит, что ваши действия были логичны и справедливы!

— Мы звали его «Наблюдатель», — без улыбки сказал Яр. — По-моему, он был большой дурак.

— Безусловно! — весело согласился «профессор». — Безнадежный болван. Это и понятно, всего единица... Не

его жаль, а то, что он так бездарно провалил маневр. А главное, что не успел проинформировать нас, какое оружие вы применили. Казалось, что такого оружия не существует. Увы, оно есть, и нас это до сих пор озадачивает. Говорю вам это вполне откровенно.

Яр незаметно взглянул на Читу. Чита смотрел на верхушку елки. Но губы у него чуть шевельнулись.

Яр с усмешкой спросил:

— А что значит «единица»? Какая-то мера интеллекта?

— В известной степени... Если интересно, я могу пояснить.

Яр сел поудобнее, давая понять, что ему интересно.

— Видите ли, мы во многом отличаемся от гуманоидных цивилизаций, к которым принадлежите вы, — доброжелательно и чуть печально сказал гость.

— Это заметно, — с ехидцей отозвался Яр. Его то-скливое беспокойство приутихло, и теперь ему было по-настоящему любопытно.

— Я имею в виду не мораль и не цели нашей деятельности, а чисто физическую сущность, — терпеливо разъяснил «профессор». — Наша осознавшая себя общность состоит как бы из атомов разума. Из сгустков энергии мысли... Есть представители, которые, как простейшие молекулы, состоят из одного такого атома. А есть молекулы, напоминающие колоссальные скопления... Я, конечно, упрощаю, чтобы объяснить доступнее...

— Вы объясняете вполне популярно, — сказал Яр. — А позвольте поинтересоваться: сколько этих самых сгустков разума заключено лично в вас?

«Профессор» улыбнулся, как улыбаются взрослые, когда слышат бестактный вопрос ребенка. Но ответил почти без задержки:

— Не вижу смысла скрывать: семьсот двадцать девять.

— Ого, — сказал Яр.

— Чего ж такое неровное число? — высказался наверху Алька. — Хотя бы до семисот тридцати дотянули...

— Число ровное, — вежливо объяснил «профессор». — Просто у нас другая система, не десятичная.

— Тогда еще вопрос, — жестковато произнес Яр. — Как прикажете вас именовать? Чин у вас, очевидно, не рядовой. Не хотелось бы использовать прозвища или местоимения.

Гость кивнул:

— Зовите меня Магистр. Это в какой-то степени будет отражать истину.

— Тогда к делу, Магистр, — сказал Яр.

2

Пока они говорили, Чита вынул из кармана мячик. Мячик был синий с белыми полосками. Чита рассеянно играл им: легонько бросал об пол у своих ботинок и ловил на уровне пояса. Удары мячика были негромкие: туп... туп... туп... Особенно слышны они были, когда в разговоре наступала пауза.

— Тогда к делу, Магистр...

Магистр молчал. Собираясь с мыслями, он морщил лоб. Кожа на лбу его была совершенно человечесья, не то что на глазированном лице Тота.

Вспомнив про Тота, Яр с усмешкой сказал:

— Надеюсь, вы не собираетесь уговаривать меня вернуться на крейсер...

— Упаси Господи! С чего вы взяли?

— Тот уговаривал.

— Тогда были иные обстоятельства... К тому же Тот не отличался гибкостью ума, всего двадцать две единицы. Хотя был исполнителен и точен.

— Был? — сказал Яр.

— Да... Его кончину вы тоже можете отнести к числу ваших побед.

— Что же с ним случилось?

Магистр усмехнулся и шевельнул мохнатыми бровями.

— Бедняге Тоту запала в мозги ваша идея, что каждый человек — это целая галактика. Возможно, для вас это была просто фраза, но он на ней свихнулся. Он не смог опровергнуть эту идею логически, утерял смысл существования и распался... Видите, я от вас ничего не скрываю, Ярослав Игоревич. И от ваших друзей... И я надеюсь на ответную откровенность.

— Гм... — сказал Яр.

— Что «гм»? — спросил Магистр с чисто человеческой досадой.

— Смотря какая откровенность, — объяснил Яр. — Если вы захотите узнать об оружии, которым грохнули Наблюдателя...

— Да упаси Господи! Ярослав Игоревич, я же понимаю!.. Да и зачем нам это? Мы не собираемся воевать с вами, это во-первых...

— А во-вторых?

— Ну... не сочтите за дерзость, но вы же, наверно, догадываетесь: в случае крайней необходимости мы сможем перемешать с космической пылью всю Планету. Вместе со всеми, кто на ней находится, и с вашим оружием...

«Тихо, — сказал себе Яр. — Тихо. Только не горячись...»

Он помолчал и сдержанно улыбнулся.

— Вы в чем-то сильны, — сказал он. — А в чем-то очень опрометчивы и наивны. Почему вы решили, что мы дадим вам перемешивать Планету с пылью? Вы же не знаете наших сил и наших возможностей...

«Ну и нахал я! — ахнул он про себя. — Что я могу?»

— Но, Ярослав Игоревич... — снисходительно начал Магистр.

— Что «Ярослав Игоревич»? Ярослав Игоревич уже не тот лопухий новичок на Планете, каким он был летом. Он больше не уповаает на семизарядные пистолеты устаревшей системы «викинг». Он уже кое в чем разобрался. И, кстати, успел кое-что посчитать. Ваши фокусы с нашествиями, извержениями и прочими грандиозными мероприятиями повторяются с периодичностью в двенадцать-тринадцать лет. Чтобы сделать очередную гадость, вам надо сперва подкопить энергии. А чтобы размолоть Планету — тем более. Да и размалывать ее — себе дороже. Что будет с вашими базами, с производством гипсовых манекенчиков? Один вокзал на побережье чего стоит! Не так ли, Магистр?

Магистр нерешительно мигал, и смотреть на это было приятно.

«Вот сейчас я его неплохо зацепил, — подумал Яр. — Но все же нельзя так. Пока нельзя...»

Магистр сказал без особой уверенности:

— Вы же не знаете... У нас есть другие способы.

Яр коротко зевнул. Кажется, это получилось нарочито, но Магистр не заметил. Яр заговорил опять:

— Не будем пугать друг друга. Способы есть и у вас, и у нас. Но может быть, перейдем к вашему делу?

— Я этого и хочу! — обрадовался Магистр. Потом замялся, оглянулся на Читю. — Простите... Не мог бы мальчик перестать стучать мячиком? Меня это отвлекает.

— Мальчик, не стучи мячиком, — попросил Яр. — Это нервирует гостя.

— Я больше не буду, — сказал Чита голосом, каким обычно говорил провинившийся Алька.

Алька на стремянке неприлично хихикнул. Данка коротко усмехнулась.

— Итак? — проговорил Яр.

Магистр сказал негромко и торжественно:

— У нас к вам, Ярослав Игоревич, очень большая и очень серьезная просьба. Просьба о помощи.

Сделалось совсем тихо. Даже Данка перестала позванивать бусами.

— Любопытно, — отозвался наконец Яр.

— Ярослав Игоревич, вы не единственный человек, пришедший на Планету из вашего мира. Много лет здесь живет ваш... одноземлянин. То есть земляк. Так это принято говорить?

— Так, — полупшепотом сказал Яр. И удивился, как беспорядочно и глухо застучало сердце. «Ну и что? — сказал он себе. — Что такого? Почему бы и нет?..» Но от волнения заболел затылок и перехватило горло.

Магистр постучал пальцами по столу и наконец сказал:

— Мы очень хотим, чтобы вы с ним встретились.

«Я тоже! — подумал Яр. — Я очень-очень хочу!.. Но конечно, не затем, зачем это надо вам...»

— Какая цель? — не то сказал, не то прокашлял он.

— Цель серьезная. У вашего земляка с давних пор хранится крошечная модель галактики. Она нам очень нужна.

— Ясно, — сказал Яр, хотя почти ничего не было ясно. — Она нужна вам, а ему тоже нужна. И он ее вам не дает. Так? А отобрать не можете...

— Не можем, — согласился Магистр. — По многим причинам... И договориться не можем. Этот человек ненавидит нас гораздо больше, чем вы. Хотя причин у него гораздо меньше, чем у вас.

«Что вы знаете о моей ненависти?» — подумал Яр. И вспомнил, как шлепались о пальто невозмутимого Тота пули из «викинга». И как сыпалась крепость. И как плакала на могиле матери Данка...

— Нужны подробности, — сказал Яр.

— Вот подробности. Глеб Сергеевич Вяткин. Появился на Планете около сорока лет назад. Чем занимался до этого и кем был у вас, мы не знаем. Здесь известен под именами Стрелок и Глеб Дикий. Бывший террорист, нынче малоизвестный писатель. Живет недалеко от Орехова, в

поселке Холмы, на улице Лучников, в доме номер одинна-
дцать, на втором этаже. Одинок и по характеру нелюдим...

— Почему? Тоскует по Земле? — спросил Яр.

— Не думаю. Насколько известно, он никогда не делал
попыток вернуться...

— А что за модель галактики?

— Он очень дорожит ею, хотя практически она ему ни
к чему. Видимо, просто память. По некоторым данным, эту
модель сделали дети в городе Старогорске. Еще там...
у вас. Сделали для игры и потом подарили... Глебу Серге-
евичу. Подробности не знаю.

— Дети сделали, а вы не можете, — сказал Яр.

— А мы не можем. Мы многого не можем из того, что
могут ваши дети. В этом причина целого ряда наших не-
счастий. И ваших, к сожалению, тоже.

— Это верно, — глухо сказал Яр.

Магистр очень натурально по-стариковски вздохнул.

— Что за модель и зачем она вам? — спросил Яр.

— Ярослав Игоревич... Я могу быть уверен, что све-
дения, которые вам сообщу, не будут использованы против
нас?

— Не знаю. Вам придется рискнуть.

— Мы рискнем... Ради прекращения вражды и, может
быть, ради будущего союза.

— Судя по всему, вам очень нужна модель, — заметил
Яр.

— Очень... Дело в том, что это не просто модель. Это...
Я не могу подобрать нужного термина. У нас есть понятие,
которое можно перевести приблизительно как «зеркаль-
ный фактор». Но «зеркальный» — это неточно. Вы не зна-
комы с теорией близнецов?

— Увы... — произнес Яр.

— Тогда самый простой пример. Два близнеца всегда
удивительно похожи. Не только внешне, но и мыслями
и чувствами. Бывают случаи: один обожжет палец, а
у другого тоже вскакивает на пальце волдырь... Модель,
о которой мы говорим, и настоящая наша Галактика —
такие вот близнецы. Носители зеркального фактора...
Я, кажется, крайне бестолково объясняю.

— Ничего, я улавливаю, — вежливо сказал Яр.

— Собственно, это даже не близнецы, а как бы одно
целое, хотя Галактика, по нашим понятиям, колоссальна,
а модель — это просто искорка. Ее в просторечии так и
зовут — искорка. Но дело не в линейных величинах, здесь
вступают в силу иные понятия...

— И, воздействуя на искорку, вы надеетесь изменить что-то в нашей грешной Галактике?

— Вы уловили суть...

— Уловил... Но не уловил, почему я должен становиться вашим сообщником? Помогать тем, кто принес Планете столько горя! И уверен, что не только этой планете! Не так ли, Магистр?

Магистр опять побарабанил пальцами по шахматному столику.

— Я понимаю вас... Но никакое развитие, никакая история не обходится без жертв. Их нельзя было избежать. Люди часто гибнут во имя высшей цели...

— Во имя вашей цели наши люди... — Яр кивнул на Данку: — Объясните этой девочке, ради чего во время нашествия погибла ее мать.

— Я приношу свои соболезнования, — тихо сказал Магистр.

Чита стукнул об пол мячиком и спросил:

— От имени всех семисот двадцати девяти единиц интеллекта?

— Да, мальчик, — сказал Магистр.

— Не думаю, что мы договоримся, — сумрачно произнес Яр.

— Но почему? Ярослав Игоревич! Если у нас будет модель, мы как раз сможем избавить Планету от нашествий, эпидемий и других нежелательных явлений, которые вызывает эксперимент! Мы будем работать не с Галактикой, а только с ее моделью!

— Да! И однажды воткнете в искорку булавку. Ради эксперимента. И в центре Галактики к чертовой бабушке разлетится ядро с тысячами обитаемых миров...

— Ярослав Игоревич... Извините, но нельзя же мыслить так примитивно.

Яр устало вздохнул:

— Что поделаешь! У меня всего одна единица интеллекта. Она не может понять, почему ради вашей бредовой цели...

— Цель не бредовая, — сухо перебил Магистр. — Вы просто не в состоянии осознать. Мыслящая галактика — это пик развития. Высшее достижение... Это дает нам ощущение вечной жизни и полного удовлетворения. В этом мы видим смысл нашего существования.

— Вы — это вы! — бросил Яр. — А другие видят смысл по-своему.

— Вот именно! Каждый из вас по-своему, — с явной

насмешкой отозвался Магистр. — Мы по крайней мере, знаем, зачем живем. А вы, люди?

— Люди живут для счастья, — сказал Яр. — Вы, Магистр, этого не поймете. Несмотря на семьсот двадцать девять...

— Действительно, не пойму. У вас у каждого свое счастье. Один счастлив, когда женится на любимой девушке, другой — когда на вдовушке с хорошим счетом в банке. Третьему достаточно купить мотоцикл, четвертый счастлив благодаря солидной зарплате и красивой даче...

— Есть кое-что и помасштабнее...

— Не спорю. Один считает целью жизни выиграть как можно больше сражений, другой посвятил себя тому, чтобы сражений никогда не было. Третий мечтает открыть неизвестную планету...

«Не в планетах дело, — подумал Яр. — Когда-то мне казалось так же, а теперь знаю — не в них дело. Счастье — когда счастливы те, кого любишь. И когда они есть — те, кого ты любишь... Вот этого ты, глиняная дубина, не поймешь никогда».

Но Магистр что-то понял. А может быть, просто уловил мысли Яра.

— Ну, что же, — примирительно сказал он, — каждому свое. Смысл человеческих привязанностей для нас действительно неясен... Но раз они так сильны, может быть, именно это заставит вас согласиться?

— То есть? — жестко сказал Яр и взглянул на Читу.

Чита оттолкнулся лопатками от стены и стоял к Яру вполоборота, руку с мячиком держал, слегка отведя от бедра.

Магистр сказал негромко и отдельно:

— Ярослав Игоревич, давайте так: вы достанете нам искорку, а мы возвратим вам мальчика.

Стало опять очень тихо. Сверху снова сорвался шарик, но никто не обратил на это внимания.

Яр встал и медленно спросил:

— Какого мальчика?

— Ну, того... Вашего приемного сына. Которого звали Игнатик Яр.

Яр молчал.

— Я понимаю, — осторожно сказал Магистр. — Вы видели его могилу. Но он... он не мертв. По крайней мере, в наших силах вернуть его вам целым и невредимым.

Яр молчал.

— Так что же? — тихо, но нетерпеливо спросил Магистр.

Тогда Яр громко сказал:

— Тик!

Дверца у сцены открылась. Игнатик шагнул через порог, на шее у него висели провода с цветными фонариками.

— Яр! Я все перепаял, только надо сменить лампочку...

— Тик, — сказал Яр, — посиди с нами, мы тут беседуем... Итак, я вас слушаю дальше, Магистр...

3

С утра была оттепель, но сейчас холод покрыл подтаявшую дорогу крепкой ледяной коркой. Эту корку заметала сухая мелкая метель. Слой снега был еще тонким и непрочным, он срывался под колесами, и стертые шины скользили на ледяных буграх. А во вмятинах, где намело уже порядочно, колеса увязали, и мотор тогда выл с отчаянием угодившего в яму волка.

Старый школьный «козлик» с фанерными дверцами двигался по окраинной дороге к поселку Холмы. Яр вертел баранку, стараясь удержать машину в колеях. Ее кидало. Горела только одна фара, и желтый конус луча потерянно метался над заледенелыми рытвинами. В луче летела справа налево колючая вьюга.

На заднем сиденье мотались, подпрыгивали и валились друг на друга Игнатик и Алька.

Алька вдруг засмеялся:

— Как у него отвисла челюсть! Будто у настоящего, у живого! От удивления...

— У кого? — не понял Яр.

— У Магистра! Когда Тик появился...

Яр усмехнулся, вспоминать об этом было приятно. Яр крутнул влево и сказал:

— Хорошо отвисла... Совсем как у меня тогда, в сентябре, когда Тик шагнул из соседней комнаты. Хотя, конечно, чувства у меня и у Магистра были разные...

— А вид похожий, я помню, — хихикнул Алька. — Тик, а как это у тебя получилось?

— Отстань. Я тыщу раз рассказывал.

— Ты рассказывал, когда меня прогоняли спать домой, я подробностей не знаю... Они тебя взаперти держали?

— Конечно... А главное — в полусне. Я просто ничего

не хотел: ни есть, ни пить, ни думать. Открою глаза, погляжу на потолок и опять сплю. Комната какая-то белая, окно под потолком... Я даже не знал, что три месяца прошло. Они сказали, что Яр улетел, что вас тоже нет, и мне было все равно... А потом ветерки прилетели, принесли снежинки. И тут голос по радио... Ну, ты же сам знаешь!

— Я не совсем знаю... Ты сразу ушел?

— Сперва сделал чучело под одеялом, будто сплю. Не помню уже, из чего сделал. Потом дернул дверь — она заперта. Я тогда говорю: «Сейчас я ее открою. И там Яр и ребята. Обязательно так и будет, потому что...» Ну, я знал, что мы все этого хотим. Дернул дверь и шагнул. Как тогда, в скадер...

Яр сказал.

— Одно непонятно, как они тебя не хватились до сегодняшнего дня?

— По-моему, понятно, — отозвался Игнатик. — Посмотрят в щелку, видят — спит человек. Ну и пускай спит, забот меньше.

— С сентября спит...

— Ну и что? Они же меня под гипнозом держали... Ой-ей!

— Ничего себе «ой-ей»! — возмутился Алька. — Сам коленом по затылку меня трахнул, да еще ойкает! Дай-ка я тебя так трахну!..

— Надо было дома сидеть, — сказал Яр. — Сами напросились, липучки. Захотелось новогодней сказки и приключений.

— Сказка-то еще не новогодняя, — падая на Тика, заспорил Алька. — Новый год еще послезавтра. А ты, Яр, не обзывайся липучками, ты же рад, что мы с тобой поехали.

— Ага, — подтвердил Игнатик.

— Нахалы, — сказал Яр, который в самом деле был рад.

— Конечно, с Читой тебе было бы лучше, — самокритично заметил Игнатик. — Он мячики бросает без промаха.

— Нет уж... — пробормотал Яр, пытаясь укротить вздыбившегося «козлика». — Чита остался с Данкой, и правильно сделал. Так спокойнее.

— Кому? — подал голос Алька.

— Данке... И мне...

— Ты боишься, что Магистр сделает какую-нибудь гадость? — спросил Игнатик.

— Не думаю. Это я так...

Яр обманывал. Он боялся. Правда, не столько за оставшихся у него Данку и Читку, сколько за незнакомого Глеба Сергеевича Вяткина. Вдруг Магистр что-то срочно предпримет против обладателя таинственной искорки? Поэтому и решил Яр махнуть в Холмы немедленно... Легко сказать «махнуть». На такой-то колымаге...

Впрочем, колымага все же двигалась, мотор был приличный: Яр сам перебрал его две недели назад. Другие школы люто завидовали директору Яру — у них никаких автомобилей не было.

— По-моему, Магистр ничего не сделает, он слишком обалдел, — сказал Алька.

— Может быть, — согласился Яр. — Не болтай, не отвлекай меня.

Но Алька заговорил опять:

— А зря ты все-таки не пустил за Магистром Читку.

Яр вспомнил, как растерявшийся, даже обмякший Магистр встал на шатких ногах и пробормотал: «Я... с вашего позволения, навещу вас еще раз. Пока я не готов... к дальнейшему разговору...» Он неловко кивнул, напялил пальто и шапку и шагнул за порог. Бесшумный и гибкий Чита сжал в кармане мячик и двинулся за Магистром. Яр в ласковом голосе, как в тройном слое ваты, спрятал сталь приказа: «Чита, пожалуйста, останься...» Чита остановился. Обтянутая черным свитером спина его закамела. «Не надо, Чита», — сказал Яр. Чита шагнул назад. «Зря», — тихо проговорил он. «Не зря, Чита. Мы пока про многое не знаем». Чита пожал плечами, стукнул мячиком об пол и молча сел...

Яр опять крутнул руль и вслух повторил:

— Мы пока про многое не знаем...

— Ага, — сказал Алька. — Интересно, из чего у него борода? Врет, что настоящая...

Ветеран

1

Яр укрыл мотор старым полушубком, и все вошло в темный подъезд. Поднялись по шаткой дощатой лестнице, которая сделала два поворота среди тесных кирпичных

стен. От кирпичей несло холодной сыростью. Ступеньки прогибались. Где-то очень высоко светила пыльная лампочка. Ребята и Яр остановились у двери, обитой порванным дерматином. На двери они разглядели темную, видимо медную, табличку. Она была туго привинчена по углам и сильно вдавилась в дерматин. Яр пригляделся и различил слова:

<p>ГЛЕБ ДИКИЙ ЛИТЕРАТОР</p>

— Ну что же, все сходится, — бодро сказал он. И ощутил какое-то сосущее, беспомощное беспокойство. Поискал глазами кнопку или рычажок звонка. Не нашел. Сильно постучал кулаком по косяку.

Было тихо. Он снова поднял кулак...

Четкий, неожиданно близкий голос спросил:

— Кто вам нужен?

Наверно, за дерматином был динамик.

Чувствуя себя ужасно глупо, Яр сказал двери:

— Мне нужен... Глеб Сергеевич...

Прошла еще очень долгая минута. Игнатик и Алька переминались рядом с Яром. Наконец голос неприветливо отозвался:

— Входите.

Дверь еле заметно шевельнулась. Яр потянул ее, она отошла. За ней оказалась еще одна дверь, дощатая. Она открылась сама. Яр качнулся вперед, но Тик и Алька опередили его.

В глаза ударил встречный свет. Яр зажмурился и не сразу разглядел, где он. Комната была длинная и узкая. В дальнем конце за столом с зеленой лампой (она тоже горела) сидел, пригнувшись, человек. Яр увидел блестящие очки и бородку. Руки сидевшего были спрятаны за стопкой книг.

Все довольно долго молчали. Наконец Яр спохватился:

— Здравствуйте...

— Черт возьми... Здравствуйте, — сказал хозяин комнаты высоким, но хрипловатым голосом. — Подойдите сюда... пожалуйста.

Верхний свет плавно угас. Яр, моргая, пошел к столу. Тик и Алька — по бокам. «Как посольство какое-то. Ужасно глупо», — подумал Яр. Они остановились у стола.

— Меня вы, судя по всему, знаете, — все тем же высо-

ким, но с хрипотцой голосом произнес литератор Дикий. — Может быть, представитесь сами?

— Представимся, — ответил Яр и как-то сразу успокоился. — Я директор Ореховской средней школы номер семь. А это мои... мои дети.

Глеб Дикий снял очки, протер их, абсолютно чистые, уголком белого широкого ворота, надел и со вздохом сказал:

— Ну и манеры у вас, директор... Черт возьми... — Левою рукой он выдвинул ящик, а правой убрал из-за книг очень длинный блестящий револьвер.

Тик и Алька вытянули головы.

— Это «мортон», — сказал Алька.

— Ничего подобного, «форт-капитан», — сказал Тик.

Хозяин комнаты коротко засмеялся и растер ладонями лицо. Это было лицо очень пожилого, но крепкого человека — худое, с темной кожей и четкими красивыми морщинами. В бородке блестела проседь.

— Садитесь, — пригласил Глеб Дикий. — Вы поближе, директор, а вы, добры молодцы, вон туда. Кресло большое, влезете вдвоем... Господи, какие вы молодцы, ребята, что вошли первые! Иначе ситуация сейчас могла быть совсем иной... Кой леший дернул вас, директор, называть меня столь старинным способом? Вы, наверно, знаете, кто любит так обращаться?

— А как мне было вас называть? — усмехнулся Яр. — Писатель Дикий? Слишком церемонно... Или... — Он усмехнулся снова. — Может быть, Стрелок?

Хозяин крепким ногтем поцарапал сукно на середине стола.

— Просто Глеб, — сказал он. — Как здесь водится между людьми... А теперь все-таки признайтесь, директор. Это они послали вас ко мне?

— Ну, естественно, — охотно отозвался Яр и поудобнее устроился на плетеном скрипучем стуле. — Один тип весьма интеллигентной наружности, именующий себя Магистром. Не знакомы?

Глеб покачал головой. Сказал тихо и без всякой рисовки:

— Знакомых среди этой падали у меня нет. Живых...

— Но ведь пули их не берут, — заинтересованно откликнулся Яр.

— Разные бывают пули, директор, — объяснил Глеб. — Разные... Спросите это у вашего друга Магистра, он подтвердит.

Яр засмеялся:

— Глеб! Ну что за чепуху вы несете! «Друг»! Магистр явился непрощеный, уговаривал заключить союз, мы его послали подальше... Но все-таки я ему благодарен: он дал ваш адрес.

— Но почему он пришел именно к вам?

— Да потому что мы земляки.

— Вы и... Магистр?

— О, елки-палки... — сказал Яр. — Вы и я.

Глеб снова помянул черта и опять протер очки. Потом очками этими вопросительно уставился на Яра.

— Я всего два месяца директор школы, — сказал Яр. — А до этого был преподавателем физкультуры и математики. А еще раньше — диспетчером рыбацкого порта, бродягой, робинзоном. Потому что занесло меня сюда с планеты Земля. И земляки мы с вами весьма близкие. Вы как-то связаны со Старогорском, а я уроженец Нейска, это недалеко друг от друга... И зовут меня Ярослав Игоревич Родин. Скадермен-разведчик... Ныне — директор Яр.

Глеб сжал и распрямил крепкие пальцы.

— С ума сойти... — проговорил он тихо. — Что-то я... Сейчас... Чаю, что ли, согреть, а?

— Ага, согрейте, — довольно нахально сказал из полутемного угла Алька. — А то у Игната от холода уши звонкие... Уй-я... — В кресле послышалась возня, оно скрипуче запело.

Глеб откинулся на спинку стула и засмеялся.

2

Стены комнаты были дощатые, некрашенные. Вдоль одной — книжные стеллажи. На другой — не то рисунки, не то гравюры в рамках, а среди них — узкая сумрачная маска из темного металла. Очень длинная кровать с резными деревянными спинками, у изголовья — трехствольное курковое ружье с тонким прикладом.

Стол был только один — письменный. За ним и пили чай — Глеб убрал на пол груды книг.

— ...А почему он сказал, что ты был террористом?

— А я и был им, — спокойно разъяснил Глеб. — По крайней мере, с точки зрения тех, которые велят... Я появился здесь, когда война между Берегами формально была окончена, но в окрестностях городов и в лесах было еще беспокойно. Я был тогда почти мальчишка и, естест-

венно, ввязался в эту кутерьму... Я научился хорошо стрелять, несмотря на очки. Отсюда и прозвище.

— И... в кого же ты стрелял?

— Естественно, в тех... Они возглавляли отряды умиротворения. Война им была уже не нужна, и они решили срочно навести порядок на Полуострове. Они сначала сражались между собой боевые группы с разных берегов, а потом ослабевших после стычки стремительно разоружали. Оружие сжигали, а людей... Ну, с людьми было по-всякому. Кого-то отпускали, а тех, кто начинал что-то понимать... В общем, по-всякому. Я насмотрелся. И стал стрелять метко.

— А пули...

— У нас был человек, который умел отливать нужные пули. И заговаривал их... Как в средневековье против нечистой силы, да?.. Но, Яр... Мы стреляли не только в них. В тех, кто им помогал, — тоже. Никуда не денешься...

— А потом?

— Потом... Если есть время, а человек не совсем дурак, он приходит к какой-нибудь здоровой мысли. Вот и я понял: воевать с ними бесполезно.

— Почему? — спросил Тик и со стуком поставил чашку. Алька тоже поставил, но бесшумно.

— Сейчас объясню, хлопцы, — ласково сказал Глеб. — Сейчас... Вот представьте, что у вас на кухне завелись тараканы. Их можно давить, морить разными порошками. Можно их на какое-то время вывести. А потом они опять... Надо не тараканов морить, а чтобы на кухне была чистота. А если там грязь и плесень, они разведутся снова... Разве не простая мысль?

— Простая... — сказал Яр. — Но...

— Разве они — тараканы? — перебил Алька.

Глеб жестко сказал:

— Я не знаю, откуда они взялись и какие они в своей природной сущности, хотя бился над этим много лет. Может, пришельцы из других пространств, а может, наша собственная плесень. Только точно знаю: это цивилизация паразитов... Если их можно назвать цивилизацией... Они — тараканы и клопы. Посудите сами. Сколько сил надо положить, чтобы развести пчел или, скажем, шелкопряда. А клопы лезут из щелей сами — стоит хозяевам только зазеваться или стать ленивыми... Вот и в человеческой жизни: когда люди становятся равнодушными, ленивыми или слишком сытыми, когда им наплевать на свою планету, появляются те, которые велят. И кое-кто из лю-

дей — не против: так спокойнее и проще... Яр! В истории вашей Земли разве не случилось такого?

— Да... Почему «вашей»? Нашей, Глеб...

— Конечно, Яр... Земля есть Земля...

— Глеб... И ты перестал стрелять и стал бороться за чистоту «кухни»?

— Как мог...

Яр осторожно спросил:

— А как? Для меня это очень важно...

— По-всякому, Яр... Честно говоря, я делал это немело и без большого успеха. Одни люди были запуганы, другие закармлины. Те, кто умел бороться, или погибли, или устали... Яр, не было союзников на этой замороженной Планете. То есть очень мало их было. Это страшнее всего.

— И все же?..

— Я мотался по Планете, кричал, убеждал, получил кличку Дикий. Писал книги... Кстати, выражение «люди, которые велят», — это мое. Так называлась одна моя книга, ее очень быстро сожгли...

— Кто? Он и сожгли?

— Нет. Те, кто считали, что их нет. Вернее, делали вид, что их нет. Многим так спокойнее и безопаснее жить... Иногда я опять начинал стрелять. Потому что, когда чистишь кухню, тараканов тоже надо выметать. Не ждать же, когда они вымрут... Тем более что кусачие тараканчики-то: сколько раз пытались меня прихлопнуть или упрятать за проволоку. Не сами они, конечно... Здесь на всех материках ужасно безалаберная система управления, никаких строгих юридических норм, но все же меня дважды приговаривали к виселице «общественные штабы по борьбе с эпидемиями»...

— За книги? — спросил Тик.

— Да. И за стихи. Особенно за одну песню... «Пять пальцев в кулаке годятся для удара. Годятся, чтоб держать и молоток, и меч...»

Алька вскинул ресницы — они золотились от лампы. Он звонко спросил:

— Из-за этой песни они и боятся цифры «пять»?

Глеб засмеялся:

— Спасибо, Алька... за такое допущение. Знаешь, я считал бы себя ужасно счастливым, если бы это было так... Нет, они боятся пятикратности не потому.

— Почему же? — спросил Яр. — Никто не мог мне до сих пор объяснить.

— Я, наверно, тоже не объясню толком... Но мне кажется, дело здесь в свойствах пятиугольника. В том, что он чем-то похож на круг...

— Пятиугольник? — воскликнул Алька.

— Да. Некоторыми свойствами. Я имею в виду пятиугольник с равными углами и сторонами... Вот такой... — Глеб концом чайной ложки нацарапал на сукне фигуру. На ворсе остался заметный след. Пятиугольник был четко вписан в окружность.

— Ну и... — с любопытством сказал Яр.

— В конце концов, что такое круг? — увлекаясь, проговорил Глеб. — Тоже равносторонний многоугольник, только с бесконечным числом сторон. Кое в чем они с пятиугольником схожи.

— Движением? — спросил Игнатик.

Глеб вскинул на него очки:

— Ты читаешь мысли?

— Он может... — хмыкнул Алька.

— Я догадался, — сказал Игнатик.

— Да... — Глеб скатал из хлебного мякиша горошину. — Если мы пустим по периметру пятиугольника шарик... Ну, скажем, по желобку с такими вот поворотами, он будет катиться, пока есть инерция... В треугольнике шарик застрянет в остром углу. В квадрате — отскочит на повороте и пойдет назад. А здесь — неохотно, со скрипом, но будет продолжать путь. По рикошету...

— Ну и ладно... Ну и что? — озадаченно спросил Яр. — Пусть продолжает. Им-то что, этим манекенам? Жалко, что ли?

— Наверно... — Глеб развел руками. — Видимо, они боятся всяких построений, которые приближаются к кругу. Боятся, что будут раскрыты или нарушены какие-то законы их развития.

— Но есть многоугольники, которые гораздо больше похожи на круг!

— Да, но у них много вершин, они склонны к дроблению. А пять — это прочный и опасный для манекенов минимум. Пятиугольник вписывается в круг, а потом рвет его колючими углами... Яр, а как прекрасно в пятигранник врисовывается звезда с пятью лучами! Она всегда была эмблемой тех, кто дрался за свободу...

— Ну... это красивое объяснение, — сказал Яр. — Может быть, не хуже других... Но уж какое-то оно начерченное, бумажное. Как теорема в учебнике для шестого клас-

са. При чем здесь все-таки манекены, при чем их развитие? При чем круг?

— Но развитие всякой цивилизации, развитие Вселенной идет не по прямой, это и дети знают...

— Да, но не по кругу же! По спирали!

— Ага! — торжествующе сказал Глеб и кинул в чашку зазвеневшую ложечку. — Вот именно! А наши милые глиняные друзья не прочь замкнуть спираль в круг. Хотя бы какой-то виток! Чтобы все вертелось бесконечно!

— Зачем?

— Я считаю, что им надо выиграть время. Цель-то у них, прямо скажем, крупномасштабная. А Галактика наша не будет ждать, когда они напичаткают ее своим разумом, возьмет да и разовьется по-своему.

— Она может, — усмехнулся Яр. — Послушай, Глеб... А эта их бредовая идея о разумной галактике... Они в самом деле ее как-то осуществляют? Или это просто религия какая-то? Философия?

— В том-то и дело, что осуществляют! Отсюда и все заварухи. Нашествия эти и прочее...

— Но может быть, это что-то вроде ритуала? Просто какой-то символ? Жертвоприношения?

— Нет, они уверены, что работают научно...

— Но как?

— Очень примитивно... Ты же сам заметил, что могущество и примитивность у них рядом. К тому же они паразиты. Недаром у них нет даже своей оболочки, они лезут в статуи и манекены. И в работе своей... Тьфу ты, даже неловко говорить про это «работа»... Тут они тоже действуют чужими руками...

— Нашими? Как?

— Теория у них крайне наивная. Мне пришлось беседовать с одним глиняным философом, прежде чем его... — Глеб неловко глянул на ребят. — В общем, такая теория: галактика — это громадный мозг, только пока пустой. Не заполненный информацией. И они эту информацию посылают в пространство самым простым способом — с помощью взрывов.

— То есть?

— Ну, просто взрывов. Начиная от гранат и мин и кончая теми термоядерными взрывами, которые в свое время коржили Землю...

— Ты считаешь, что эти взрывы — их рук дело? — с сомнением спросил Яр.

— Конечно, нет... Увы, это дело рук человеческих. Но

те очень умело их использовали... Как мы используем, например, энергию рек или ветра... Они, как могли, способствовали войнам. Потом — ядерным испытаниям. А когда люди малость поумнели, они отыскивали себе этот забытый Богом угол Вселенной. И здесь развернулись всю. Сами начали организовывать войны, стравливать города и Берега.

— Но пока без атомных взрывов, — сказал Яр.

— Зато с нашествиями, — неожиданно сказал Игнатик. — И с эпидемиями. Это ведь тоже взрывы. Когда горе у людей взрывается... Это им тоже подходит...

Глеб с полминуты молча смотрел на Игнатика. Тот засмутился и сунул нос в чашку.

— А ведь прав малыш, — сказал Глеб.

— Еще бы! — с дерзкой ноткой подал голос Алька. — Тик зря не говорит... Можно, я возьму еще конфетку?

— Куда в тебя лезет? — сказал Яр.

— У меня кишечник спиральный и бесконечный. Как галактика, — объяснил Алька.

— Еще один теоретик, — усмехнулся Яр. — Вот замкнем тебе кишечник в кольцо, тогда хватит одной конфеты на всю жизнь.

Тик фыркнул в чашку.

Алька сказал:

— Смотрите лучше, чтобы манекенчики не замкнули спираль Галактики. Они могут. Вот тогда повертимся...

— В самом деле... — полусерьезно сказал Яр.

Глеб опять зацарапал ложкой сукно.

— Меня всегда занимала природа спиральных явлений, — заметил он. — Их закономерности. От громадной галактики и до улитки. Или до маленького вихря на дороге.

— Это ты про ветерки? — спросил Яр.

— Про ветерков, — тихо поправил Игнатик. — Они живые.

— Мне сначала казалось — это легенда, — сказал Яр.

— Может быть, и легенда... — отозвался Глеб.

— Да нет же! — сказал Игнатик. — Яр, ты же сам знаешь. Вспомни Город!

— Да, — согласился Яр. — Глеб, а ты слышал про восстание в Морском лицее?

— Да, — насупленно сказал Глеб. — Я знаю... это было вскоре, как я здесь оказался. Мы даже были потом с отрядом в сгоревшей крепости. Ну... не хочется про это, ребята. Я после этого и начал стрелять без колебаний.

И много лет потом не мог разговаривать с мальчишками — будто в чем-то виноват был перед ними.

— В чем? — шепотом спросил Тик.

— Не знаю. Может быть, в том, что меня там не оказалось, когда они поднялись... У них-то пули были обычные...

— А в Пустом Городе ты бывал? — спросил Яр.

— Нет... Я бывал во многих местах на Планете. Смотрел, как люди живут... По-всякому живут. Есть громадные города, где жизнь кипит, и никто, кажется, не боится никаких тех, которые велят... Но это на первый взгляд...

— А в Пустом Городе и вправду не боятся, — вмешался Тик.

— Но он же пустой...

— Нет, Глеб, не совсем, — сказал Яр. — Туда ушли те, кто уцелел в крепости.

— Разве кто-то уцелел? — быстро спросил Глеб.

— Говорят, да...

— «Говорят»... — Глеб грустно посмотрел на мальчишек. — Сказки я слышал и сам. Песню одну написал тогда. Было время, ее пели. Даже пластинка была...

— Стоп... — сказал Яр. — Это что? «Когда мы спрячем за пазухи ветрами избитые флаги»?

— Ты слышал? Она же запрещена.

— Ну и что же? Кое-где играют.

Глеб на глазах помолодел. Улыбнулся по-мальчишески. Потом серьезно спросил:

— Яр, тебе не приходило в голову вернуться на Землю и привести сюда десантные отряды? Чтобы вытравить здесь всю нечисть.

— Сначала нет... — медленно сказал Яр. — Потом да... Потом опять нет... Глеб, я понял, что нужно самому становиться человеком этой Планеты. Пришельцы не смогли бы изменить мир. Взорвать, наверно, смогли бы, а спасти нет... Такая попытка ведь была.

— Ты имеешь в виду сказки про народ, который ушел на истинный полдень?

— Это не совсем сказки. Племя, которое строило крепости, но никогда не воевало... Крепости-то стоят до сих пор.

— Стоят, — согласился Глеб. — Но кто докажет, что их строили пришельцы? Я за сорок лет не смог выяснить, что это было за племя...

— Глеб... — осторожно сказал Яр. — А ты сам пробовал вернуться домой?

— Нет, — быстро ответил Глеб. — Я не пробовал и не хотел. Мне казалось, что я нужен здесь, и этого мне хватило на всю жизнь. Здесь у меня все... В конце концов, здесь та же самая Земля.

Яр задумчиво поскреб подбородок.

— Да... В чем-то та же самая. Но до сих пор не могу себе сказать: одна это планета или нет?

— Одна, Яр... Просто разные измерения. Ты слышал, наверно, о теории параллельных пространств.

— Ну, Глеб, это же наивная теория. Старый сюжетный крючок для детских фантастических рассказов. И потом — это именно теория, не больше...

— А собственно, почему наивная? Посуди сам: если могут быть параллельные линии и параллельные плоскости, почему не может быть параллельных трехмерных пространств?

Яр покачал головой:

— Черт его знает... Я себе это объяснял как-то по-другому.

— Я тоже пытался объяснить по-всякому. Но все равно в голове застревает детская картинка: понимаешь, пространства вроде прозрачных кубиков, плотно прижатых друг к другу... И вот наши друзья-манекены своими взрывами и экспериментами что-то сдвинули, нарушили в этой кристаллической решетке. Кубики сдвинулись, проломили друг друга, по ним пошли трещины... В одну такую трещину и занесло сюда по рельсовой колее начинающего журналиста Глеба Вяткина...

Яр кивнул на Альку:

— Вот от этого теоретика я слышал что-то подобное. Во время летного плавания на плоту...

— Можно, мы посмотрим ружье? — кротко спросил Алька и показал на стену.

— Еще чего! — сказал Яр.

— Мы осторожненько, — пообещал Тик.

— Пусть, — сказал Глеб.

— Но, Глеб! Ты же знаешь: если ружье висит на стене, оно когда-нибудь выстрелит. А эти пираты...

— Оно вообще не стреляет, — успокоил Глеб. — Оно без пружины. Это так, музейный экспонат...

Тик и Алька двинулись к стене.

— Кр-ромешная некр-ритичность! Не ходите по кромке

до пяти р-раз! — прозвучал механический и очень знакомый Яру голос.

Яр вскочил. Снял с лампы зеленый абажур. В углу, у потолка, вцепилось в натянутую веревку маленькое смешное существо: тугой мешочек с проволочными ручками и ножками. Ножки весело дергались. На мешочке улыбалась нарисованная белилами рожица.

— Бормотунчик! — весело удивился Яр.

— Яр-р! Привет! — сказал бормотунчик. — Как дела, скадермен? Все еще карабкаешься по песчаному обрыву?

У Яра коротко и сильно, как чужой холодной пятерней, сжало сердце.

— Ты... — переглотнув, сказал он. И оглянулся на Глеба. — Глеб, можно его спросить? Он не разрядится?

— Я не р-разряжусь!! — радостно завопил бормотунчик. — Задавай хоть тр-риллион вопросов! Во мне вечная энергия!

— Заткнись, болтун! — виновато сказал Глеб. — Яр, не обращай на него внимания. Он то и дело несет всякую чепуху. Он живет у меня уже девять лет и до сих пор не поумнел.

— Это ты не поумнел! — отвечивал бормотунчик. — У тебя в жизни только одно умное дело: запихал в меня искорку!

— Это правда? — спросил Яр у Глеба.

Глеб засмеялся и кивнул:

— Да, она там. Самое надежное место... И, кстати, Магистр зря домогался, чтобы я отдал искорку. Теперь она принадлежит этому субъекту, а он с ней никогда не расстанется.

— Никогда! — подтвердил бормотунчик. — И пока она во мне, меня ни р-распороть, ни р-рассыпать!

— И не заставить замолчать, — грустно сказал Глеб. — Такое трепло... Правда, иногда он подает дельные советы.

— Я помню, как однажды... — начал Яр. И в комнате грохнуло!

Грохнуло так, что лампа подпрыгнула на полметра, бормотунчик сорвался на пол, а чашки полетели со стола. По глазам ударил тугой синий дым. Из этого дыма, из гулкой звенящей тишины донесся виноватый голос Игнатика:

— А говорили, не стреляет...

— Кар-раул! — завопил из-под стола бормотунчик. — Грандиозный скандал! Пр-редставление!

Глеб рванулся к мальчишкам, выхватил у них ружье. Кашляя, он закричал:

— Это же черт знает что! В нем же ни патронов, ни замка! Как это?!

— Это Тик, — самодовольно сказал Алька. — Он еще и не такое может.

— Глеб, у тебя найдется чем их выпороть? — печально спросил Яр.

— Прекратить безобразия! — заверещал бормотунчик и, цепляясь за трещинки в досках, полез в свой угол у потолка. — Сами дали детям игр-рушку, а тепер-рь...

— Из той же компании, — сказал Яр.

— Мы исправимся, — невинным голосом пообещал Алька.

Глеб упал в кресло, вскинув худые колени, и начал хотеть.

3

Открыли форточку, но дымный запах не выветривался.

— Душегубы, — сказал Яр Альке и Тику.

Они виновато сопели. Почти всерьез.

— Черт, черт и черт, — проворчал Глеб. — Я хотел оставить вас ночевать у себя. Надо еще про столько разного поговорить... Мне-то к пороховому дыму не привыкать, а вы, наверно, задохнетесь...

— Нам нельзя оставаться, — объяснил Яр. — Данка и Чита будут беспокоиться.

— И мама, — торопливо сказал Алька.

— А знаешь что, Глеб? Поехали к нам! — предложил Яр. — Младенцев уложим, а сами можем говорить до утра.

— Мы не хотим спать, — подал голос Алька. — Я только маме позвоню и тоже...

— Молчи, террорист... Поехали, Глеб!

— Ну... если это можно... — Глеб снял очки и почесал ими затылок. — Как-то все неожиданно. И не хочется так сразу расставаться.

— Ура... — шепотом сказали Алька и Тик.

— А я?! — завопил бормотунчик. — Бросаете одного, да?!

Машина опять рыскала и ныряла, а снег летел в желтом луче. Глеб сидел рядом с Яром. Тик и Алька мотались

сзади. Бормотунчик устроился между ними. Он ворчал, когда на ухабах мальчишки валились друг на друга и прижимали его.

— У меня теперь квартира при школе, — рассказывал Яр. — Вполне приличная... Правда, ее оккупировали вот эти пираты. Но мы запрем их в комнате, а сами засядем на кухне. У меня есть бутылочка «Вероны», очень подходящая для встречи земляков.

— «Верона» — это вещь, — серьезно согласился Глеб. — Только вот что, Яр... Хочу уточнить сразу. Мы с тобой все-таки не земляки. Не совсем земляки.

— То есть... — озадаченно сказал Яр. — Ты же рассказывал про Старогорск.

— Я жил там, правда. Не очень долго... Я не больше месяца был на вашей Земле. Моя Земля — другая. Она в чем-то беспокойнее, неустроеннее и, наверно, моложе... Впрочем, теперь это не имеет значения. Потом я расскажу все подробно...

— А все-таки... Что же случилось?

— Поезд. Странный поезд, идущий до станции Мост...

— Опять эта станция Мост...

— Слышал?

— Да... Значит, этот поезд бежит через все пространства? Интересно, зачем?..

— О Господи! — сказал Глеб. — Если бы это было единственное «зачем»... Кстати, мы тридцать пять лет назад пытались найти этот Мост и взорвать его.

— Для чего?

— Трудно объяснить. Мы знали, что он для чего-то очень нужен и м, значит, вреден людям... Найти не смогли. А во время стычки на рельсовых путях погибла моя жена.

— У тебя была жена?.. Ох, прости за глупый вопрос.

— Была... Недолго.

— А... дети? — осторожно спросил Яр.

— Нет... Знаешь, Яр, я до сих пор жалею, что не отговорил своего попутчика, когда он решил вернуться. Понимаю, что правильно сделал, а все равно жаль.

— Какого попутчика?

— Юрку... Это был мальчик двенадцати лет. Мы вместе ушли из Старогорска... искать неведомое. Но через час он вернулся. У него в городе остались друзья. Он сперва шел со мной, а потом вдруг говорит: «Нет, не могу оставить Гельку...» Это когда нас догнал бумажный голубок с искоркой...

Яр сказал немного виновато:

— Знаешь, я ничего не понимаю.

— Конечно. Я потом расскажу все детали.

— Я не про детали... Я про главное: что за мальчик? Тоже с твоей Земли?

— Нет. Он-то как раз был бы твой настоящий земляк.

— А почему он пошел с тобой?

— Долгая история. И странная. Он рос без отца и ничего про него не знал. А потом вдруг решил, что отец у него был звездолетчиком. И говорит: «Где же его искать, как не в этой путанице пространства и времени?» Я не точно его слова передаю, но мысль такая... В чем-то он был прав. По крайней мере, здесь, на Планете, есть один скадермен... Яр! А у тебя были дети?

Яр крутнул баранку, объезжая снежный бархан. И вдруг почувствовал, как прилипли к пластмассе вспотевшие ладони.

— Нет... — медленно сказал он. — Нет. Там не было. — Он спиной почувствовал взгляды Игнатика и Альки.

Глеб задумчиво проговорил:

— Хороший был Юрка. Только немного сумрачный...

— А откуда он узнал, что его отец — скадермен?

— Да ничего он не узнал. Это была его фантазия. Мать как-то сказала сгоряча: «Никто на Земле не знает, где этот барабанщик...»

— Яр-р, осторожнее! — сказал сзади бормотунчик. — Не дергай руль.

Яр с трудом вывернул машину с обочины в заснеженную колею.

— Почему барабанщик? — тихо спросил он.

— Юрка увидел у матери фотографию. Там были ребята. В одном Юрка угадал отца. Уловил сходство с собой...

— Глеб... Ты видел фотографию?

— Нет. Но Юрка рассказывал... Старый двор, девочка, а по бокам от нее мальчишки с деревянными саблями. И еще один, чуть в стороне...

Яр усилием воли растолкал почти остановившееся сердце. Тогда оно взорвалось отчаянным ритмом.

— С барабаном? — сипло спросил Яр.

— Да... Яр, значит, мы встретились не зря?

— А барабан... он из старой кастрюли?

— Да.

Снежная поляна

1

После вьюжной ночи утро было тихое, только воздух позванивал от колючего морозца. Да еще шуршали и поскрипывали лыжи. Ярко горело солнце.

На старые, покрытые льдистой корочкой пласты лег свежий снег. Он был сухой и мелкий. На солнце он казался ярко-желтым, а в не тронутых лучами ложбинах лежала густая синева. От разбросанных по склонам сосенок и пней тянулись лиловые тени. Яр часто мигал от блеска — снежинки, будто крошечные зеркала, били по глазам голубыми, малиновыми и белыми вспышками.

Путь лежал среди пологих, покрытых редколесьем холмов. По неглубокому свежему слою лыжи скользили отлично. Данка, Чита и Алька убежали вперед и мелькали разноцветными пятнышками на краю широкой вырубке. Яр, Глеб и Тик неторопливо шли по их следам. Яр и Глеб — рядом, Игнатик чуть позади. После бессонной ночи у Яра чуть кружилась голова. Но дышал он легко, и усталости не было. Только и радости он не чувствовал. Вчерашняя резкая печаль слегка улеглась, но осталось ощущение потери и тревожной неизвестности. И желание скорее эту неизвестность разорвать, и понимание, что сделать это едва ли удастся...

У Глеба ярко блестела седина, он шел без шапки. В школьной кладовой ему подобрали лыжи и ботинки, Яр дал свой свитер. Глеб был похож на бодрого и сильного пенсионера, у которого в прошлом немало спортивных побед. Яр подумал, что у него красивое лицо: обветренное, узкое, с четким узором глубоких морщин. Решительное лицо. Только глаза, смотревшие сквозь толстые стекла, казались немного неуверенными. Но скорее всего, это лишь сегодня.

Глеб улыбнулся и сказал:

— Целый век не вставал на лыжи, а вот помню еще кое-что.

— Ты отлично держишься, — сказал Яр. — Глеб...

— Что?

— Глеб... А какой он был?

— Юрик?

— Да... Хотя ты, наверно, не очень помнишь. Сорок лет...

— Нет, я помню, Яр... Тощенький такой парнишка, темноволосый. Немножко сумрачный. Иногда казалось

что обижает своего друга Гельку... Но вот вернулся же к нему... Яр, было в нем какое-то одиночество, я про это уже говорил. Правда, в последнее время он стал веселее. Был в Старогорске детский праздник, Юрика взяли в барабанщики, он ходил в голубой форме с галунами и аксельбантами. Ладненький такой стал, гибкий и какой-то... ну, будто решил для себя важное.

— Решил... — медленно сказал Яр. — Сперва решил идти с тобой, потом вдруг вернулся...

— Ну что же... Это ведь тоже надо было решить. Если трезво подумать, не было у него никакой надежды отыскать тебя. А там оставались друзья... Яр, я хорошо помню, как он уходил от меня. Ему закат светил в спину, а он шел по рельсу, как по воздуху, и только один раз посмотрел назад...

— Все-таки посмотрел...

— Посмотрел и помахал рукой... Когда я эту песню писал... ну, о барабанщике... я почему-то все время думал о Юрке. Хотя он никакого отношения не имел к восстанию...

— Спасибо, Глеб, — сказал Яр.

— За что?

— Так... — вздохнул Яр и услышал сзади:

— Яр, подожди...

Он тут же оглянулся. Игнатик стоял, упираясь подбородком в палки, и лицо у него было... Яр знал, когда у Тика такое лицо. Он очень хорошо знал. Когда рядом беда. И не просто беда, а такая, которая грозит расставанием. «Этого еще не хватало», — тоскливо подумал Яр. И все другие тревоги тут же затерялись в страхе за Игнатика. Яр глазами сказал Глебу: «Иди вперед», и тот понял, сразу понял, умница Глеб. Яр круто развернулся, и они с Игнатиком съехались вплотную — так, что лыжи одного прошли между лыжами другого.

Яр увидел у Игнатика слезинки и сел перед ним на корточки.

— Ну? Тик, что случилось? — Он крепко взял его за маленькие красные варежки. — Тик... Не молчи.

Игнатик посмотрел в сторону, часто замигал и сказал полушепотом:

— Яр, я тебя вчера обманул.

Вчера, на дороге, Яр на минуту остановил машину. Руки ослабели, даже стыдно было. Он торопливо проговорил:

— Сейчас, ребята, сейчас...

— Давай, сяду за руль, — сказал Глеб.

— Да нет, что ты... Я только спросить хотел... — Он быстро обернулся: — Тик, можно пробить пространство? Чтобы побывать там! Тик, ты же умеешь! А?

«Я веду себя, как слезливый растерявшийся ребенок», — подумал он. Однако это было неважно. Важно было, что скажет Игнатик.

Игнатик сказал:

— Яр, я не знаю... я не могу. Я мог прийти на крейсер, мог от манекенов уйти... Ну, потому что я знал куда. Потому что к тебе... А как теперь...

Яр стиснул руль, глубоко вздохнул, посидел секунд пять и включил скорость.

— Ладно... — пробормотал он. — Ничего...

Это случилось, от этого не уйдешь. Яр не думал, что когда-нибудь его потянет в родные места, потому что родным местом стала Планета, здесь было все, и он верил, что так будет до конца жизни, но вот теперь...

— Яр, ему сейчас уже за пятьдесят, — осторожно напомнил Глеб.

— Не все ли равно...

— Мы попробуем что-нибудь придумать... — неуверенно сказал Глеб.

— Что? — горько усмехнулся Яр. — Распотрошить бормотунчика, отдать манекенам искорку и взамен попросить помощи?

— К счастью, это невозможно, — серьезно сказал Глеб.

— К счастью для миров и цивилизаций, — опять усмехнулся Яр. — Ах ты, черт бы побрал все эти миры и пространства... Юрка. Как я и мечтал... Если бы хоть что-нибудь узнать про него...

— Ве-тер-ки! — вдруг механическим голосом сказал сзади бормотунчик.

— Что? — разом спросили Яр и Глеб.

— Ве-тер-ки. Они летают везде. Они знают все. Это совет.

— Где их найдешь, ветерков? — недовольно спросил Глеб. — Тоже мне совет.

— Что знал, то сказал. Это совет, — повторил бормотунчик и глухо выключился.

— Я знаю где, — хмуро и решительно сказал Яр. — В Пустом Городе. Будут каникулы, мы туда съездим, верно, Тик?

— А я? — подскочил Алька.

Игнатик долго молчал. Машину сильно кидало, и желтый луч метался среди летучего снега.

Игнатик наконец проговорил:

— Не надо в Город. Ветерки есть ближе. Я провожу.

...Уже дома, когда грелись у трескучей уютной печки, Игнатик как-то виновато рассказал, что ветерки под Новый год собираются на лесных полянах и на короткое время превращаются в обыкновенных мальчишек. Они для этого и слетаются — чтобы снова почувствовать себя ребятами, поиграть, подурачиться, повидаться с друзьями. Они же хоть и ветерки, но остались мальчишками в душе. Причем навсегда...

— И ты знаешь эти поляны? — недоверчиво спросил Глеб.

Игнатик кивнул:

— Одна совсем недалеко. У Черного озера. Это километров восемь...

— А откуда ты все это знаешь? — снова спросил Глеб. — Нет, я верю, конечно, только... Я вот сорок лет здесь, а...

— Глеб, не спрашивайте, — мягко сказала Данка. — Тик про многое знает и много всего умеет. А объяснять про это не умеет...

— Например, как выстрелило ружье... — подал голос Алька.

— Кое-кто у меня дотанцует, — сказал в пространство Яр.

— Душе-раздир-рающе выстрелило! — отозвался бормотунчик. Он висел наверху у печки, вцепившись в кольцо выдвинутой вьюшки.

Чита поднял глаза от книги и посмотрел на бормотунчика. Тот, кажется, смутился, засучил ножками, замурлыкал, как приглушенное радио. Тик молчал, он сидел на охалке поленьев и стягивал шерстяные носки. Глеб присел с ним рядом.

— Люди, — сказал Глеб, — мне с вами хорошо... Так хорошо мне не было целую космическую вечность. Ей-богу... Но я же еще мало про вас знаю. Люди, если я что-нибудь не так скажу или не то спрошу, вы не сердитесь. И не прогоняйте меня, ладно?

— Куда же на ночь-то... — снисходительно откликнулся Алька. — Ой! Простите, это меня нечаянно в язык ужалило.

Глеб засмеялся.

Яр пообещал:

— Кое-кто за свой язык сейчас отправится ночевать домой.

— Я больше не буду.

Игнатик вдруг сказал:

— А что такого? Я могу рассказать про ветерков. Они ко мне прилетали, когда я у манекенов сидел. Это ведь они мне рассказали, что Яр вернулся. И снежинки принесли пятиконечные. Они хорошие ребята, завтра сами увидите...

И вот теперь он признался:

— Яр... Я тебя вчера обманул.

— Что? Как обманул? — потерянно пробормотал Яр. — Значит, нет поляны с ветерками?

— Да нет, поляна есть... Я про другое обманул. Что не могу пройти через пространство...

— Значит... можешь?

Тик помотал головой, и блестящие слезинки слетели с ресниц.

— Не могу... Но я тогда еще не знал, что не могу, еще сам не понял, а сказал сразу.

— Тик... почему?

Он молчал и опять смотрел вбок. В сторону синей ложбины.

— Тик, ну, ты чего... — очень-очень бережно, будто вывинчивая взрыватель, сказал Яр. — Тик, ну разве у человека не могут быть два сына?

— Да я понимаю... — прошептал Тик. — Я ведь поэтому и повел к ветеркам.

— Тик, ты, наверно, не совсем понимаешь... Ты повел, но... ты все равно что-то думал, я знаю. Да?

Он прошептал еще тише:

— Я думал, может, мне остаться с ними?

— С кем?

— С ветерками... У меня получится.

Яр в душе задохнулся от страха. «А ну-ка, тихо, — сказал он себе. — Ну-ка, спокойно!»

— Игнатик, — все с той же осторожностью начал он. — Ты где-то доверчивый, а где-то... просто досада берет. Ты один раз уже не поверил мне и ушел... И что получилось? Кому было хорошо?

Игнатик стоял с опущенной головой. Смотрел уже не в сторону, а вниз.

— Если бы ты знал... — с отчаянием сказал Яр и встал. — Если бы можно было передать, что человек чув-

ствуем. Не словами, а так вот, из мозга в мозг. Чтобы ты понял, как мне было тогда ночью... Когда я увидел на столбике «Игнатик Яр»...

Тик поднял мокрые глаза.

— Ну ладно, Яр. Я же не уйду...

— Ага, это сейчас «не уйду»! А потом опять что-нибудь тебя взбрыкнет...

— Нет, Яр. Теперь никогда.

Яр тяжело сопел и смотрел поверх деревьев.

— Ну, я глупый был, — пробормотал Игнатик.

— Свинья ты все-таки, — сказал Яр. Взрыватель был вывинчен, и можно было отвести душу. — Нет, в самом деле, свинство какое...

Игнатик облапил красными варежками брезентовую штормовку Яра.

— Просто слов нет, какая морока с тобой, — сердито и беспомощно проговорил Яр. И дернул Игнатика за шерстяной шарик на синей вязаной шапке. — Придумал! «Уйду»!.. А я? А Данка, Алька, Чита? Подумал?

— Ага... Я про это и подумал, Яр. Если отыщется твой сын, тогда ведь нас уже будет шестеро. А так ведь нельзя...

— Ох, как мне надоела эта идиотская математика! Почему, леший все раздери, нельзя?

Тик виновато объяснил:

— Ну, будет же это... неустойчивый многоугольник.

Яр часто задышал.

— Ты что? — испугался Тик.

— Я считаю до ста. Чтобы сдержаться... Многоугольники, пятиугольники... Да главное, чтобы держаться крепко друг за друга! Ясно?.. И, кстати, нас уже и так шестеро. Куда от нас теперь денется Глеб?

Они оба посмотрели на Глеба. Он стоял в полусотне шагов. Стоял спиной, но часто оглядывался на Игнатика и Яра. Тик слабо улыбнулся и помахал ему варежкой. Глеб радостно замахал палками.

— Он хороший, — сказал Игнатик.

Яр придвинул его к себе вплотную.

— А мой Юрка... — сказал Яр. — Он ведь сейчас, наверно, такой же, как Глеб. Ну, разве что чуть помоложе... Тик, вы же с ним очень разные...

«И вам, таким разным, не пришлось бы ссориться и ревновать друг друга, если бы встретились. Нечего и бояться», — добавил он про себя.

Игнатик его понял. И недовольно ответил:

— Что хорошего, если разные? Наоборот... Был бы он

мальчишка, другое дело. Одинаковым братьям легче договориться...

С ближнего склона мчались Алька, Чита и Данка.

— Ну что за копуши! — кричала Данка. — А еще мужчины!..

2

Дальше они двигались вшестером.

Впереди встала густая рощица — смесь елок, березок и осин. Яр хотел обойти ее, но Игнатик обогнал всех и въехал под заснеженные ветви. Минуты две лыжники пробирались среди трескучих сучьев и мохнатых зеленых лап. Затем вышли на просеку.

— Ой... — негромко сказала Данка. — Это что?

Просеку наискось пересекали следы. Человеческие следы. Кто-то маленький, легкий, почти не проваливаясь, пробежал здесь по свежему снегу. Босиком.

Просека полого уходила вниз по склону, солнце светило вдоль нее, и лучи накрывали снег неярким скользящим светом. Зато в следах солнце как бы застревало. Они ярко золотились на мерцающем снегу. Это было очень красиво. Но Данка передернула плечами и сказала:

— Они же поморозятся...

— Они холода не чувствуют, — насупленно ответил Игнатик. И попросил: — Пошли. Только без шума.

Лыжники пересекли просеку рядом со следами и опять оказались в чаще. Но почти сразу чаща поредела. И слышны стали голоса. Веселые тонкие голоса, вскрики и смех. Как на школьном дворе во время перемены.

Елки расступились, и открылась овальная поляна.

На поляне бегали, догоняли друг друга, кувыркались и боролись десятка два одетых по-летнему мальчишек.

Яр передернул плечами. Было что-то резко тревожное, ненастоящее и даже пугающее в этом полете растрепанных ребячьих волос, в мелькании смуглых ног и рук, взметающих гейзеры снега. Но мальчишки играли по-настоящему. И сами они были настоящие. Снег мелкими капельками таял на их загорелой коже. И когда Яр издали разглядел эти капельки, ему стало легче.

Младшим было лет восемь-девять, старшим где-то около тринадцати. Они оказались давно не стриженные и все очень загорелые — будто после смены в летнем лагере у моря. Многие бегали босиком. Приглядевшись, Яр заметил, что их майки, рубашки, матроски — выцветшие и за-

латанные. Но если не приглядываться, мальчишечья компания казалась очень пестрой и даже нарядной. Будто швырнули на снег охапку разноцветных елочных флажков и теперь их носит ветер.

Посреди поляны, провалившись тонкими ногами в снег почти по колено, стоял и швырялся снежками мальчишка ростом с Игнатика. А другие ребята кидали в него. Мальчишка смеялся, откидывая голову. Рубашка у него была желтая и волосы — желтые, солнечные. Они горели на ярком свете. Снежки — совсем не липкие, сухие — не долетали до ребят, рассыпались в воздухе в мелкую сверкающую пыль. В клубах этой пыли и на желтом снегу метались тонкорукие синие тени...

И вдруг пыль осела, тени замерли, смех и голоса стихли. Оказалось, что мальчишки стоят неподвижно. И смотрят на незваных лыжников.

— Стойте здесь, — быстро сказал спутникам Игнатик. Сильно толкнулся палками, оставил их в снегу, выехал вперед и замахал над головой красными варежками.

Мальчик с желтыми волосами улыбнулся.

— Это Тик, — сказал он негромко, но было хорошо слышно в холодной тишине. — Все в порядке, ребята.

Он выдернул ноги из снега и, почти не касаясь его, побежал к Игнатику. И другие побежали. Обступили со смехом, снова поднялся шум. Яру показалось, что сейчас мальчишки подбросят Игнатика в воздух и станут качать, как победителя лыжной гонки. Но нет, они только смеялись и шумели. Потом чуть поутихли, и звонкий голос отчетливо сказал:

— А чего же! Конечно!

Из толпы высунулся шуплый темноволосый пацаненок в синей майке — один из самых маленьких. Сложил рупор ладошки и крикнул тоненько:

— Вы чего там стоите? Идите к нам!

— Пошли, — решительно сказал Чита.

Мальчишки обступили гостей. Их любопытные глаза напомнили Яру осеннее утро, когда он впервые пришел учителем в Ореховскую школу номер семь. Ребята так же обступили, так же смотрели. Впрочем, не совсем так. У тех, у школьников, кроме любопытства, мелькала порой и озабоченность: какой ты? Не злой ли? Не будешь ли обижать? А здесь все смотрели без недоверия. Кто весело, кто задумчиво, а кто чуточку хитровато.

Яр все-таки сказал с неловкой улыбкой:

— Вы нас не бойтесь...

Те, кто стоял поближе, засмеялись. Не обидно, и все же с ощущением превосходства. Так ребята смеются над взрослыми, когда те пытаются играть с ними в детскую игру и не умеют. Курчавый мальчик в клетчатой рубашке — пухлогубый и с очень синими глазами — снисходительно разъяснил:

— Чего же нам бояться? Если что, мы взлетели — и нет нас.

— Вы — ветерки? — в упор спросил Алька.

Они опять засмеялись. Мальчик с желтыми волосами сказал:

— А кто же еще.

Худошавый, похожий на Читу паренек (только без очков) обратился к Яру:

— Тик сказал, что вы его друзья. Значит, все в порядке... Хорошо, что пришли. Ребята иногда скучают по людям.

— Это наш командир, — весело сунулся к Яру темно-волосый малыш в синей майке. — На этой поляне командир.

Данка сняла варежку и взяла малыша за поцарапанное плечо.

— Тебя как зовут?

Он улыбнулся большим щербатым ртом:

— Вовчик зовут... А иногда — Стручок. А тебя как? Данка нагнулась к нему.

Чита спросил у Командира:

— Вы не станете возражать, если мы разожем костер?

— Нет, конечно. Мы и сами... — Он оглянулся на ветерков. — Эй, ребята! Давайте костер!

Пока собирали сучья, пока вытапывали площадку, пока Глеб устраивал вокруг нее сиденья из валежин, Яр думал об одном: «Это же просто мальчишки. Неужели они что-то могут? Неужели сумеют помочь?»

Потом он возразил себе:

«Игнатик — тоже мальчишка. А сколько он сумел в свое время!»

Он оглянулся на Игнатика. Тот не собирал дрова. И несколько ветерков не собирали — желтоволосый мальчишка, Командир, курчавый пацаненок... Всего человек семь. Тесной кучкой они стояли на краю поляны. Не

слухом, а скорее натянутыми нервами Яр услышал обрывки их разговора.

— Это же не каждый сможет...

— Надо, чтобы смог и чтобы хотел...

— Я... — сказал желтоволосый.

— Ты, Денек?

Желтоволосый Денек опустил голову. И видимо, опять сказал: «Да».

— Сперва-то хорошо, — проговорил Командир. — А когда пройдут двенадцать лет... Я знаю, я пробовал.

— Я понимаю, — сказал Денек. — Но ведь все равно кому-то надо...

Игнатик недоверчиво спросил:

— А разве так может быть?

— Если очень постараться... Только не у каждого получается, — вздохнул курчавый. — Я вот никак не могу.

А Денек может...

Тик незнакомым голосом сказал:

— Это было бы такое... Нет, даже не верится.

— А сам-то... — улыбнулся Денек.

— Но я же не сквозь время...

— Это не самое трудное. Самое трудное — расставаться, — сказал Командир.

— Но ведь надо, — отозвался Денек.

Кажется, Игнатик сказал: «Очень надо...»

Денек пожал плечами:

— Тогда что говорить? Я могу. Пожалуйста...

Шумящая толпа заслонила Игнатика и тех, с кем он говорил. Мальчишки тащили охапки хвороста. Яр поймал себя на том, что ветерки в своих легких рубашонках и майках уже не кажутся странными, не вызывают беспокойства. Будто все так и надо, будто здесь летняя лужайка. Странно и неуклюже выглядели Данка, Алька и Чита в своих теплых куртках и вязаных шапках. Впрочем, Алькина зеленая шапка уже мелькала на ком-то из ветерков, а куртка на Альке была распахнута...

Яр увидел, как Вовчик-Стручок подбежал к Данке. Он протянул ей стебелек с красными бусинками брусники.

— На! Это я под снегом раскопал!

— Ой, спасибо, Вовчик...

— Ага... Я тебе еще найду!

3

Все сидели у костра. На солнце огонь казался густо-оранжевым и неярким. Он с хрустом пережевывал сучья.

И ветерки притихли, как притихают все на свете мальчишки у всех на свете костров. Стручок сидел на коленях у Данки и что-то шептал ей в ухо, под шапку. Она быстро кивала.

Игнатик сзади подошел к Яру. Положил ему на плечи варежки, тихо проговорил:

— Ты ни о чем не тревожься, я им все рассказал. Они обещали сделать все, что можно.

— Да. Я уже понял, Тик.

— Все-все, что можно, — повторил Игнатик.

— Спасибо, Тик. — Яр взял его руки и сложил их у себя на груди, как концы воротника. Игнатик постоял так, потом тепло сказал Яру в ухо:

— Они надежные, они меня уже не раз выручали... Яр, я пойду, посижу с ними, а то недолго осталось.

Тревога Яра утихла. Мысли о Юрке стали спокойными, он верил теперь, что ветерки помогут. А может быть, просто пришла усталость...

Глеб сидел между Читой и Командиром, они о чем-то тихо говорили. Огонь стал спокойнее, негромко потрескивал, и с этими звуками смешивался еще один треск: крепкие ребячьи зубы хрустели кусками колотого сахара. Это Алька распотрошил рюкзак с продуктами и всем раздал угощение. Алька знал, конечно, что не нужна ветеркам никакая еда, но догадался: сладкое ветерки все равно любят. Что они, не мальчишки, что ли?

Рядом с Яром присел на жерди тонколицый светлорусый мальчик в оранжевой майке и вытертых джинсовых шортиках, разлохмаченных по нижней кромке. Поднял серые знакомые глаза, сказал неловко:

— А я вас помню...

И Яр мгновенно вспомнил. И обрадовался:

— В поезде! Да?

Мальчик быстро кивнул:

— Ага. Вот... — Он положил Яру на колени коричневую руку. На ней повыше острого локтя был темный рубец.

— Помните, вы порохом присыпали, чтобы скорее зажило? И правда, быстро зажило, только порошок въелся под кожу.

Яр коротко вздохнул от горячего толчка ласковости к этому одинокому и беззащитному на вид пацаненку. Распахнул куртку, придвинул мальчика к себе, накрыл его

плечи косматойолой. И тот сразу доверчиво прижался к Яру.

Помолчал немного, глянул на Яра, подняв острый подбородок, спросил полушепотом:

— Значит, нашли того мальчика, за которым ехали?

— Нашел...

— Я посижу тут немножко с вами, ладно?

Яр прижал его еще плотнее. Он ощутил сквозь рубашку его тепло, гибкую твердость мальчишеских ребер, а за ними частое и упругое биение сердца.

«Они же настоящие! — ахнул про себя Яр. — Они живые, как мы! В точности! Как они могут исчезнуть, улететь?»

Мальчик пошевелился и опять посмотрел на Яра. Может быть, ему хотелось поговорить, но он не знал о чем? Яр сказал осторожно и ласково:

— Значит, вы собираетесь вместе не только под Новый год? Тогда, летом, ты тоже спешил с кем-то встретиться...

— Конечно! — охотно откликнулся мальчик. — Тогда был большой летний сбор ветерков. Мы хотели договориться, как остановить тучу, если снова будет нашествие...

— Договорились? — быстро спросил Яр.

— У нас не хватает сил. Даже если мы все-все соберемся, мы не можем остановить никакое облако... А большие ветры нас не слушают, им все равно. Они ведь никогда не были людьми...

«Значит, все это сказки, что ветерки могут соединиться в ураган», — печально подумал Яр. И чтобы грустью не задеть мальчика, заговорил о другом:

— А весной и осенью у вас бывают сборы?

— Да. Тоже большие. И маленькие сборы бывают, когда мы тоже превращаемся в людей. Но это не надолго...

— А когда вы... когда ветерки, то как живете?

Он улыбнулся — и озорно, и с грустинкой:

— Ну, как... Летаем. Листьями шелестим, форточками хлопаем, балуемся... Иногда змеи воздушные помогаем ребятам запускать или кораблики гоняем по лужам, это ведь тоже работа... А я могу хоть каждый день в человека превращаться, только не на много времени, минутки на две... Многие могут.

— И превращаются? — нерешительно спросил Яр.

— Не часто. Потому что какой толк? Побегаешь две минуты, поиграешь, а потом опять лети...

— А много вас, ветерков, на свете?

— Наверно... Нас же никто не считал, — засмеялся мальчик. — По лесам, по морским берегам, в полях...

— И в Пустом Городе. Да? — сказал Яр.

— Да. Там больше всего тех, кто стал ветерками после восстания...

— А ты? Я думал, ты тоже... после...

— И я, — кивнул мальчик. — И Денек. И Косматик... ну, тот, курчавый. Только нам в лесу больше нравится, чем в Городе. Но мы туда часто летаем. Кино смотрим и просто так...

«Кем же ты был, малыш, до восстания? Как жил? Кто твой отец и мать, помнишь ли их? — думал Яр. — Спросить бы про это... И про само восстание. Что же там было?» Но он не посмел. Только сказал, будто был в чем-то виноват:

— Жаль, что мы не можем встречаться почаще... Но мы еще, наверно, встретимся, да?

Мальчик опять зашевелился под курткой. Прошептал:

— Наверно. А вы хотите?

— Еще бы...

— Я тоже... А сейчас уже недолго осталось. Часы подходят.

— Какие часы?

— Солнечные... Хотите посмотреть? — Он вдруг вскочил (и куртка разлетелась). Взял Яра за руку маленькими горячими пальцами. — Пойдемте.

Он повел Яра от костра на дальний край поляны. Здесь сохранился незатоптанный участок снега — размером с большой ковер. В центре его была воткнута сосновая жердь (к ней не вело ни единого следа). Вокруг жерди кто-то начертил широкое кольцо и разделил его двенадцатью короткими линиями.

К самой большой черте (она смотрела прямо на север) подбиралась тонкая фиолетовая тень.

«Еще минут десять», — подумал Яр.

— Как коснется — всё. Полетим, — тихо сказал мальчик. — Ничего не поделаешь...

В этом «ничего не поделаешь» была привычно сжатая печаль и в то же время как бы желание утешить — и себя, и Яра. Яр даже зажмурился от резкого ощущения вины перед этим мальчишкой. А в чем он был виноват? И что он мог сделать для ветерков? Он опять ощутил себя заброшенным новичком на Планете, где были чужие законы и непонятные силы.

Надо было что-то сказать мальчику, и Яр проговорил скомканно и неуверенно:

— Но когда вы летаете ветерками, вы же, наверно, по-прежнему вместе?

— Когда вместе, а когда поодиночке. Это все равно не так, как здесь, на поляне, — отозвался мальчик неохотно. — Здесь-то мы совсем живые, а там...

Он замолчал, и они пошли по краю поляны. Мальчик еле касался снега стоптанными полуботинками. Все-таки и сейчас он был в чем-то ветерок.

У разлапистой елочки стояли Глеб и Командир. Яр остановился: не знал, подойти или свернуть. И пока думал, невольно услышал разговор.

— Извините меня, — очень серьезно говорил Глеб. — Извините заранее. Сейчас я задам вам вопрос, который, может быть, вас опечалит или обидит. Но у меня такая профессия, приходится задавать людям вопросы, и всегда — о главном...

— Я вас слушаю, — сказал босой Командир и наклонил набок голову.

— Скажите, вам никогда не хотелось вернуться? Стать обыкновенными? Как все ребята...

Мальчик-командир с полминуты молчал. Вскинул лицо, посмотрел мимо Глеба.

— Какой смысл в таком вопросе? Все равно это невозможно.

— Я понимаю. И все-таки?

Командир проговорил коротко и сухо:

— Не знаю. Кто как. Я бы не хотел.

— А почему?

Он свел брови, потом усмехнулся:

— А зачем? Мы живем вечно, нет для нас ни расстояний, ни времени. Ничего не надо бояться. И свобода...

— Да, конечно, — пробормотал Глеб. И еще раз сказал: — Извините.

— Ничего, Стрелок. Вы спросили — я ответил.

Глеб кивнул ему, зашагал к костру и увидел Яра. Подошел. Неловко проговорил:

— Кажется, я все-таки обидел его...

— Нет, — сказал мальчик в оранжевой майке, — он не обиделся. Но он соврал.

— Соврал? — быстро спросил Глеб.

— Конечно. Всем хочется быть настоящими. Иногда так хочется, что просто слезы...

— Значит, и ветерки плачут, — вздохнул Яр.

— Бывает, — сказал мальчик.

— И Командир? — спросил Яр.

— Бывает, — сказал мальчик. — Хотя он очень смелый.

Яр подавил нерешительность и задал еще вопрос:

— А он тоже был с вами, когда восстание?

— Нет. Он был юнгой на «Атлете». «Атлет» взорвался у Стекланных скал... А знаете, он ведь правильно сказал...

— Что правильно? — не понял Глеб.

— Если бы мы вернулись... Ну вдруг такое чудо! А что дальше? У нас ни дома, ни родных. Кому мы нужны?

Яр хотел возразить живо и горячо, но тут же испугался: надо ли? А в следующую секунду подошел Командир. Теперь он улыбался. Сказал Глебу и Яру:

— Вы извините, но вам пора. Пять минут осталось, а нам еще надо костер погасить. А то, если полетим, погасить уже не сможем, только раздуем до пожара... Вы идите.

— Мы вам поможем, — сказал Яр.

Командир засмеялся:

— Вы уж идите. С вами Данка. Вы же знаете, как мальчишки гасят костры...

Тогда засмеялись все. Чтобы показать, что не так уж грустно.

Денек на прощанье что-то быстро сказал Игнатику. Стручок повис у Данки на шее, потом отскочил и отвернулся. Все ветерки быстро замахали уходящим лыжникам. Только мальчик в оранжевой майке сказал Яру:

— Я вас провожу.

Впереди всех он пробрался через окружавшие поляну заросли. Потом — поцарапанный, с мелкими веточками в волосах — пошел рядом с Яром. Ничуть не проваливаясь в снег. Тихонько попросил:

— Вы не обижайтесь на меня, ладно?

— Господи, за что? — выдохнул Яр.

— Я же понимаю. Вам надо было узнать про восстание. А я молчал.

— Ну и правильно молчал, раз не хотел про это...

— Я не потому, что не хотел. Просто я почти ничего не помню... Только огонь помню и как мы стреляли. Карабин так здорово отдавал в плечо, а пули не летели. Пали в пыль, будто орехи. Так обидно...

— Это я знаю, — сказал Яр.

— Хорошо, что ударил барабан. Барабан их остановил. Но огонь-то не остановишь...

Он замолчал, и все молчали. Только лыжи скрипели...

— Но никто не боялся, — вдруг проговорил мальчик. Негромко, но звонко: — Никто. Даже те, кто не успели...

— Что не успели? — встревоженно спросил Яр.

Но мальчик вдруг отскочил, коротко улыбнулся, вскинул руку и пропал. Сразу. Как в кино, когда на экране тот же кадр, а человека в нем уже нет. Лишь по лыжному следу назад к зарослям убежал чуть заметный снежный вихорек...

Они долго смотрели вслед вихорьку.

— С ума сойти, какой же я был идиот! — со стоном проговорил Глеб.

Никто не стал утешать его, хотя никто и не понял: за что он так себя?

Яр виновато сказал:

— Даже имя спросить не успел...

Чита быстро подъехал к Данке:

— Ты что?

— Ничего... — Она отвернулась. — А я успела одно имя спросить. Помните, маленький такой?

— Еще бы. Он на тебе висел, — ревниво заметил Алька. — Ну, ты чего, Игнат? Я же так просто...

Игнатик подъехал к Яру.

— Денек сказал, что пробьется. Теперь надо ждать.

— Будем ждать, Тик... — Яр сильно уперся палками и вскинул голову: — Пора домой, братцы-путешественники! В четыре часа елка... Глеб, а что, если мы поручим тебе роль Деда Мороза?

Осень в Старогорске

Осень была очень похожа на позднее лето. Лишь больше стало в воздухе пушистых семян белоцвета, напоминающих летучих паучков. Да чаще слетали с кленов ярко-желтые листья.

И еще один признак был — кончились каникулы.

Только первого сентября Гелька узнал, что они с Янкой будут учиться в разных классах. Гелька в пятом, а Янка в шестом.

Янка сказал немножко виновато:

— Мне ведь почти двенадцать. Только ростом я такой, не очень...

— Значит, Юрка с тобой учился бы... — вдруг сказал Гелька. То есть не вдруг. Про Юрку они с Янкой думали

постоянно. Только говорили о нем не часто, будто молчаливо условились не будить лишний раз тревогу. Но теперь Гелька сказал, не выдержал. И в простых его словах смешалось множество вопросов: «Где он? Что с ним? Куда привела рельсовая дорога? Нашел ли? Вернется ли? Когда?»

Янка сказал:

— Ничего. Он же не один...

— Сегодня директорша про него спрашивала, — на-супленно проговорил Гелька. — «Не знаешь, куда подевался Юра?» Я говорю: «Кажется, в Нейск уехал...» — «Почему же не взял документы?» Я говорю: «Не знаю...» А что еще сказать?

— Будет заваруха, — озабоченно сказал Янка.

Но несколько дней прошли спокойно. По крайней мере, Гельку и Янку вопросами никто не тревожил.

...Из школы они ходили мимо детской поликлиники, вдоль старой стены, где в нишах прятались заросшие лавочки. И каждый раз молча вспоминали, как летом познакомились здесь. Как Янка попал в засаду. Но не говорили про это. Янка молча улыбался. Гелька сердито поддавал коленками тяжелый портфель с бронзовой ящеркой на крышке. Ящерка — это был такой значок, длиной со спичку. Однажды Гелька расцарапал им ногу, снял с крышки и прицепил под воротник.

— Зачем прячешь-то? — удивился Янка. — Носил бы на рубашке.

— Да ну, на рубашке... Скажут, как девчоночья брошка.

— Ничего не девчоночья, просто значок... Хорошая какая ящерка. Как живая... Откуда она у тебя?

— Я разве не рассказывал? Папа ее в лесу нашел, в траве, недалеко от скважины. Спрашивал там: «Чья, кто потерял?» Говорят: «Не знаем». Ну вот он мне и привез... Смотри, Янка, друзья-приятели топают!

Впереди, шагах в тридцати, шли Васька и Алешка Листов. Гелька звал про себя Алешку «Огонек», но другие звали его «Листик». Алешка был в новенькой зеленой форме второклассника. Васька блестел на солнце.

— Во, прогульщики, — обрадованно сказал Гелька.

— Почему? — возразил Янка. — Может быть, как мы...

У Гельки почему-то отменили урок географии, а Янку отпустили с физкультуры, потому что у него на шведской стенке вдруг закружилась голова.

— Нет, у них сейчас математика, я знаю... Эй, Ог... Листик! Васька! А ну, стоп! Лодыря гоняем, да?

Алешка обернулся, а Васька замер. Потом, не шевельнув туловищем, Васька развернул на сто восемьдесят градусов квадратную голову (тихонько закрипела ребристая шея). Резиновые губы растянулись в улыбке, коротенькая макушечная антенна весело изогнулась. Но тут же Васька насупился и сказал:

— А чё... Она сама...

— Нас прогнали, — деловито сообщил Листик. — Вернее, его. А меня заодно...

— Как это вы достукались? — весело удивился Янка.

Листик бросил на Ваську косой взгляд:

— Да ну ёго... Сам виноват. Все время подсказывает на уроке...

— Да?! А если они сосчитать не могут! — взвинулся Васька. Затанцевал на тонких дюралевых ногах и привел голову и туловище в нормальное положение. — Такие задачки смехотворные, а они...

— Не у всех ведь мозги электронные, — сказал Гелька. — Ты, Василий, смотри. Будешь своими способностями хвастаться, тебя ребята выскочкой задразнят.

— Ребята ничего не говорят, они только рады. Это Настюшка придирается... Настасья Федоровна. Она меня терпеть не может.

— Ну уж... — осторожно не поверил Гелька.

— Да! Она вчера меня стукнула...

— Как это? — изумился Янка.

— Вот так! Пластмассовым треугольником. — Васька потер сзади нижнюю часть выпуклой ферропластовой канистры, из которой было сделано его туловище.

— Тебе же не больно. Вон какая броня, — утешил Гелька.

— Да?! — Васька сверкнул фиолетовыми фотоглазами. — Если железный, думаешь, не обидно?

Гелька и Янка вопросительно глянули на Листика. Тот неловко объяснил:

— Она у нас еще молоденькая, только из института. Сама еще как девчонка...

— Все равно это свинство, — сурово сказал Янка.

Листик смутился. Настасья Федоровна, видимо, ему нравилась. Листик наклонился и стал поправлять шнурки на кроссовках. Не разгибаясь, напомнил Ваське:

— Она же сразу извинилась.

— Ха! Извинилась! А потом опять придирается: «Почему ты голый в школу являешься?» Я говорю: «Я же робот, у меня и так шкура прочная». А она: «Не робот ты, а обыкновенный хулиган. И нечего приходить в школу без штанов!»

— Правда, придирается, — заметил Янка.

— Я ему свой матросский костюм дам, — примирительно сказал Листик.

Гелька представил роботенка Ваську в матросском костюмчике — большешапого, с квадратной головой, с ногами-трубками — и зажал улыбку. Серьезно сказал:

— Лучше комбинезон какой-нибудь. Я у себя поищу.

— В такую-то жару! — капризно отозвался Васька.

— Тебе какая разница? — удивился Гелька.

— Да, разница. Я терморепцепторы в себя вставил. — Васька резиновой перчаткой хлопнул по блестящему животу с выпуклым клеймом «Промнефтегаз».

— Опять на свалку таскался за деталями, — строго сказал Гелька.

— Я ему на детали деньги давал, он их в «Юном конструкторе» купил, — заступился Листик.

— Но на свалку наш Васенька все равно таскался, — пронизательно заметил Гелька.

— Его там ржавые бабки приваживают, — сказал Янка.

— Не бабки! — огрызнулся Васька. — Я хотел посмотреть, где папа Ерема жил.

— Папа Ерема жил в «Курятнике», — сухо напомнил Гелька.

— «Курятник» же разломали! А сперва он жил на свалке... пока с бабками не поругался. Они его теперь вспоминают и жалеют... А вы тоже на свалку ходили, я знаю!

Гелька и Янка быстро переглянулись.

— Мы по делу, — сурово сказал Гелька. — А тебе туда соваться нечего. И нечего спорить, когда старшие говорят...

— Подумаешь! — роботенок дерзко мотнул антенной.

— Ничего не «подумаешь», — поддержал Гельку Янка. — Ты, Васька, не вредничай, мы тебе все равно что родственники. Мы из-за тебя пальцы кололи. У меня потом два дня болел, я играть не мог.

— Я тоже колол, — напомнил Алешка Листик.

— И Листика слушайся, — дипломатично сказал Гелька. — А то у него будут неприятности в школе.

— Уже, — вздохнул Листик.

Васька засопел носом, сделанным из рожка от чайника, и сказал:

— Все на одного. Воспитатели...

Васька жил у Листика.

— Пошли, — сказал Листик. — Попрошу бабушку подогнать на тебя костюм.

Васька был маленький — Алешке по плечо.

Глядя им вслед, Янка усмехнулся:

— А мы правда как воспитатели.

Гелька кивнул:

— Ага... Пока Васьки не было, никогда не думал, что могу такие речи говорить. Про послушание... Как тетя Вика!

— А все-таки он ничего роботенок, — сказал Янка. — Хорошего парнишку мы склепали.

— «Мы»! — засмеялся Гелька. — Если бы не твой дедушка...

— Ну, я и говорю, мы все: дедушка, ты, я, Листик...

— Я думал, твой дедушка только скрипичный мастер, а он на все руки...

— Да не так уж и трудно было. По готовым-то чертежам... И главное — все материалы на месте оказались!

— Вот это — самое большое чудо... — вздохнул Гелька.

— Что чудо?

— Что вагон оказался на месте. Приходим, а он будто никуда не уезжал. Даже колеса к рельсам, как раньше, прижавелье...

Янка задумчиво сказал:

— Я бы, наверно, решил, что все приснилось, если бы не вторая куртка. Одна на мне, а другая — в вагоне на гвоздике. Будто не снимали. Я даже испугался. Помнишь?

— Нет, я не помню, что ты испугался. У меня у самого тогда мозги набок... Но я обрадовался. Думаю: вот хорошо, что Еремины чертежи теперь в двух экземплярах.

Янка тихо улыбнулся:

— И дневник Глеба. Как будто нам подарок: и тебе, и мне — пожалуйста... Гелька, ты все листы прочитал?

— Конечно. Не один раз...

— Я тоже. А стихи даже наизусть помню... Гелька, а ты говорил, что он стихов не писал...

— Я же тогда не знал еще... Да это и не его стихи, Янка. Он же просто вспоминает старую песню.

— Не вспоминает, а придумывает. Ты прочитай внимательно.

— Я внимательно...

— Ну, еще раз. Давай я тебе покажу.

— У меня же его дневник не с собой...

— У меня с собой. Пожалуйста! — Янка вытащил из сумки пачку потрепанных листов. — Давай сядем... — Он продрался сквозь дикий укроп к лавочке в кирпичной нише. Гелька за ним.

В укропе прятался похожий на колючие рыбы плавники зуболист. Гелька чертыхнулся и вскинул ноги на скамью. Янка тоже. Теперь они сидели друг к другу лицом, прислоняясь лопатками к боковым стенкам ниши. Ниша была узкая, сидеть пришлось в такой тесноте, что Гелька увидел у своего носа Янкино коричневое колено с розовыми проплешинками на месте отвалившихся коросточек. На колено упал откуда-то красный жук-пожарник. На его спинке чернел узор, похожий на человечесье лицо. Вернее, на маску. Гелька сердито сдул жука, он вспомнил неподвижную маску Клоуна.

«Геля Травушкин, подари искорку...»

Янка вдруг сказал с улыбкой:

— Мы тут похожи на двух заговорщиков...

— Ага... Или на узников, которых сейчас замуруют в стене, — хмуро сказал Гелька. Кирпичи были прохладные, и он передернул плечами.

Янка серьезно возразил:

— Мы не дадимся.

— Янка... А если Клоун все еще охотится? Если отберет у Васьки искорку?

— Как же отберет? Он не может без согласия.

— Ну, выманит.

— У Васьки-то? Васька не дурак.

— Да, пожалуй, — согласился Гелька.

Васька в самом деле был не дурак. За две недели жизни он прочитал кучу книжек и все учебники для первого класса. Выучил английский язык и физику по программе радиотехникума. Недаром директорша Клара Егоровна разрешила ему ходить сразу во второй класс. Но по натуре он оказался не слишком воспитанным и к тому же чересчур самостоятельным для своего возраста. Было в нем что-то от папы Еремы в молодости.

«Но это и хорошо. Искорку он не отдаст», — подумал Гелька. И сказал Янке:

— Я вот что придумал: надо найти ту барабанную палочку, от которой развалился Гребец. Наверно, она там и лежит в кустах. Пускай Васька носит ее с собой.

— Найдем, конечно, — согласился Янка. — Сейчас и сходим. Только сперва я тебе прочитаю Глеба... Вот слушай.

Глеб писал:

«...А больше всего я люблю вспоминать летний поход после четвертого класса. Даже не сам поход, а привал на поляне в березовом лесу. Были уже сумерки, и стволы в них светились, как обмазанные фосфором.

Я помню круг брезентовых палаток, а в центре круга трескучий костерчик. И песню, которая появилась неизвестно откуда. Хорошая такая, немного печальная песня. Мотив я хорошо запомнил, навсегда, а слова — еле-еле. Только несколько строчек. Но не хочется мне, чтобы песня исчезла из памяти, и вот я понемногу придумал свои слова...»

Янка прочитал это негромко и раздельно. Глянул из-за листа на Гельку. Гелька виновато сказал:

— Да... А я как-то не обратил внимания. Думал, просто песня... А правда, хорошая?

Янка кивнул. И зашевелил губами. Он читал еле слышно, для себя, но в Гельке слова песни все равно отдавались со звоном. Он знал их наизусть:

Звездной ночью осенней
Улечу из гнезда.
На буденовке серой —
Голубая звезда.
Голубые петлицы —
В них клинки скрещены,
Рвется синяя птица
В небо гневной войны,

Верный конь меня знает —
Не уронит с седла.
Жаль, что шашка стальная
Мне пока тяжела.
Но нагану я верю —
Не изменит в огне.
...Барабан в револьвере.
Барабан на коне...

Наши парни хохочут —
Блеск по белым зубам:
«Ты зачем приторочил
У седла барабан?
Это дело пехоты —
Топать с маршем везде,
Нам совсем неохота
Оставлять лошадей...»

Янка перестал двигать губами, и Гелька понял, что он думает о барабанщике Юрке. Гелька сказал:

— Сегодня полезем на крышу? Вдруг будет сигнал...

Янка облизнул губы и как-то жалобно шевельнул бровями. Промолчал.

— Янка...

— А? — будто очнулся он. — Полезем, конечно...

— Янка... А что такое буденовка?

— Шапка такая военная...

— Я знаю, что шапка. А какая?

— Ну вроде старинного шлема. Глеб же рассказывал... Не помнишь разве?

«Не помню, — вздохнул про себя Гелька. — Это, наверно, без меня. Когда я обиделся и ушел...»

Янка понял. Он торопливо сказал:

— Сейчас нарисую.

Он зашарил по нагрудным карманам. На разноцветных форменных рубашках — желтой у Янки и сиреневой у Гельки — карманы делились продольными швами на узкие чехольчики. Как газыри на старинных черкесках. Это была новая школьная мода. В трубчатые футлярчики удобно было совать карандашики, ручки, круглые микрокалькуляторы. А также палочки-леденцы в блестящих фантиках и стеклянные трубочки для стрельбы сухими ягодами... Янка нащупал синий фломастер, пристроил на коленях пачку бумаги и на обороте печатного листа сделал быстрый рисунок. Показал Гельке. На картинке была остроколючая шапка с козырьком и длинными ушами. С большой звездой, затушеванной синими штрихами.

— Ну, я так и думал — сказал Гелька. — Я вспомнил...

Дома Гелька взял с полки растрепанные листы с записями Глеба. Устроился на подоконнике и снова прочитал про поход и про костер на привале. А потом и песню. Это была даже не песня, а целая поэма или баллада. Конечно, Глеб сочинил ее длиннее той, что пели у костра.

...Наши парни хохочут —
Блеск по белым зубам:
«Ты зачем приторочил
У седла барабан?
Это дело пехоты —
Топать с маршем везде.
Нам совсем неохота
Оставлять лошадей».

Усмехаются парни,
И слова их верны!

Гулкий топот конармии —
Пульс гражданской войны.
Только мне после боя,
У ночного костра,
Снится небо иное
И другая пора:

Дремлет летнее поле,
Тонко птица звенит.
Позабыты все боли,
Чист и ясен зенит.
В этом ясном затишье
Ласков солнечный свет.
...И выходят мальчишки,
Вдаль идут по траве.

Над лугами, над лесом
Тишина, тишина.
Лишь из песен известно,
Что бывала война.
От невзгод отгороженно
Можно жить не спеша.
...Почему же тревожен
Их мальчишечий шаг?

Что подняло их рано?
Чей далекий призыв?
Может, в их барабанах
Эхо дальней грозы?
Пальцы палочки сжали,
Как сжимают наган.
Травы бьют по изжаленным
Загорелым ногам...

Вам никто не расскажет,
Что разбило их сон.
Эти мальчишки — стража
На границах времен.
Они струнками-нервами
Чуют зло тишины:
«Нет, ребята, не верим мы
В слишком тихие сны.

Что-то стали на свете
Дни беспечно-легки.
На уснувшей планете
Прорастут сорняки.
Чья-то совесть задремлет,
Чья-то злоба взойдет.
И засохнут деревья,
И моря стянет лед...»

Солнце плечи им трогает,
Ветер спутал вихры.
И быть может, тревога их —
Что-то вроде игры.

Но скользит темным крылышком
Тень по сжатым губам.
...Я вот этим мальчишкам
Свой отдам барабан...

«Это будто про Юрку, — уже не первый раз подумал Гелька. — Это Глеб уже, наверно, здесь написал, в Старогорске...»

За окном, в траве под березами, скандалили воробьи. На них сипло и лениво гавкал от своей будки Дуплекс. Листья берез золотились от осени и от солнца. Сквозь листья — на подоконник, на Гельку, на бумагу — падали тонкие лучи. Янка, если бы захотел, смог бы сыграть на них, как на струнах, «Осеннюю песню»... Нет, не осеннюю. Пусть придумает музыку к этой, про Юрку!

Гелька еще раз перечитал последние строчки. Между ними проступали бледно-голубые линии. Гелька перевернул лист. На обороте был рисунок буденовки.

Гелька сжал губы, обхватил себя за покрытый колючими волосками затылок и минуты две сидел неподвижно. Потом выдернул из кармашка тонкий фломастер и написал на краю листа: *Янка...*

— Ну и что? — сказал Янка, словно успокаивая Гельку. — Это и понятно. Если разобраться, это же один и тот же лист. Только... только как бы в двойном существовании...

Гелька все еще загнанно дышал от стремительного бега. Они сидели у Янки, на пустой веранде с разноцветными стеклами. На некрашеных половицах перед ними лежали два совершенно одинаковых листа из дневника Глеба. На изнанке листов было два абсолютно одинаковых рисунка: синяя буденовка с большой звездой. И две одинаковые надписи: «Янка».

— У них природа совершенно одна и та же. Это фактически один лист, — снова сказал Янка.

— Все-таки непонятно, — вздохнул Гелька.

— Ну и что? — откликнулся Янка. — Разве мало случилось непонятого с той поры, как мы познакомились? А искорка — это понятно?

Гелька не ответил. А что отвечать? Янка правильно говорил.

— На свете вообще столько непонятого, — продолжал Янка. — Что такое музыка — это понятно? А электричест-

во? Ученые до сих пор не знают, что это такое. А люди пользуются им давным-давно. А если бы люди боялись непонятого, что было бы на свете?

— Иногда бояться, — сумрачно сказал Гелька. — Скважину вот закрыли. Папа целый месяц в столице живет, все добивается, чтобы разрешили исследование, а толку никакого.

— А почему?

— Не разрешают, и все. Говорят, есть решение... — Гелька нудным голосом будто прочитал: — «Ввиду неясности результатов и возможности проявления непредвиденных последствий бурение сверхглубокой скважины приостановить на срок, необходимый для разработки новой программы и теории «Два Ц»...»

— А что за теория?

— Толком никто не знает... И какой срок, никто не знает. Наверно, не маленький, если вход зацементировали...

— Гелька, а что в этой скважине обнаружили? Ты ничего толкового так и не рассказывал.

— А я ничего толкового и не знаю... Бур не пошел, будто в броню уперся. Спустили микроробота с телеглазом, а он показывает на экране звезды...

— Будто землю насквозь прокопали и небо увидели?

— Да нет. Небо-то увидели то самое, которое у них над головой. Те же созвездия. Дело было ночью... А потом все погасло и робот не вернулся. Послали еще одного, а на экране что-то непонятное...

— Что?

— Папа не стал говорить... Янка, у них же есть правило: пока открытие не выяснилось, это секрет... Да и вообще папа приехал какой-то хмурый. На себя не похожий...

— Может, эта скважина — прямой тоннель в другие галактики, — сказал Янка. — Или в другие пространства...

— Как те рельсы...

Янка кивнул. И они долго молчали, думая про Юрку и Глеба, которые ушли за стрелку таинственного рельсового пути. Гелька прислонился к стенке и положил один листок с буденовкой себе на колени. Смотрел на рисунок.

— Нам теперь и телефона не надо, — улыбнулся Янка. — Можем на этих листах переписываться — самая быстрая и тайная связь.

— Ага... А то тетушка вечно локаторы настораживает, когда я по телефону говорю...

...Дома Гелька сразу попробовал новый вид связи. Написал:

«Янка, приходи, как договорились. В 21.00».

И под этой строчкой невидимый красный фломастер вывел:

«Ладно».

Гельке показалось, что слово неуверенно дрогнуло.

«Янка, может быть, ты не хочешь?»

«Я хочу. Только...»

«Что?»

«...Ты не смейся, я сейчас объясню.»

«Я не буду смеяться!» — торопливо написал Гелька и очень встревожился.

«Я почему-то стал бояться высоты. В прошлый раз полезли на крышу, и я весь обмер. А сегодня на шведской стенке опять».

«Янка! Тогда не надо!»

«Нет, я приду. Это надо перебороть».

«Янка, а ты не заболел? Я, когда лежал с вирусом 7-ж, все видел во сне, что лезу на колокольню Капитанской церкви, а потом падаю, падаю. Тоже было страшно».

«Нет, Гелька, тут что-то другое. Ты не бойся, я приду».

Янка поднялся на крышу быстро, без остановки, но там сразу сел у кожуха энергосборника и прижался к нему плотнее. Неловко сказал:

— Что же со мной такое? Сроду не боялся... В Приморске на такие скалы лазил...

— Может, пройдет... — утешил Гелька.

— Может быть... А если не пройдет, я все равно себя переборю... Открывай зонт...

...Почти каждый вечер они забирались на Гелькину крышу и раскрывали зонт, оклеенный изнутри шелестящей фольгой. Это был маленький самодельный локатор. Провод шел от него к микроприемнику «Турист», подключенному к двум парам наушников. Локатор шарил по звездам и горизонту. В наушниках трещало и попискивало, иногда пробивались обрывки передач. А Гелька и Янка ждали, не проклянется ли какой-нибудь сигнал от Юрки и Глеба. Слова какие-нибудь или песенка знакомая...

Ни о каких сигналах они с Юркой и Глебом не договаривались. Как их можно послать, никто не знал. Но пока зонтик-локатор выхватывал из эфира непонятные звуки, была хоть какая-то надежда.

Очень крошечная, но все-таки надежда...

Вот и сейчас Гелька медленно водил по небу ручкой зонта, на котором тонким штыком торчала антенна. Янка, уже отдышавшийся от страха, наугад крутил ручку настройки. Вякала в наушниках музыка, перемешивались разные языки, наступала шелестящая космическая тишина...

Наконец Гелька отложил зонт, снял наушники. Посмотрел вверх.

Сентябрьский поздний вечер был черным, звезды в зените казались громадными и раскидывали голубые лучи.

— Янка, а почему Глеб написал, что на буденовке голубая звезда? Звезды же всегда были красные.

— Конечно, красные. Они были блестящие такие, эмалевые. А под них нашивались еще звезды — большие, их из сукна вырезали. У каждого рода войск — звезда своего цвета. У пехоты — малиновая, у артиллерии — черная, у конников — голубая... Конники в те времена были самой быстрой армией.

— Я два года назад ездил в лагерь «Ласточка», там жили две лошади. Одна настоящая и одна робот. Мы на них катались, только не быстро, конечно...

Янка улыбнулся в темноте:

— Может, нам на Ваське покататься?

— На нем покатаешься! Так лягнет, что не захочешь... Интересно, почему они с Листиком не пришли? Раньше каждый вечер прибегали...

— Может, костюм Ваське перешивают...

— Или обоих дома засадили за школьные приключения.

Янка сказал:

— Васька вчера опять у меня выпытывал, какой был папа Ерема, и как мы жили раньше, и какой был «Курятник»... Для него, для Васьки, это такая давняя давность...

— Мне тоже иногда кажется, будто все давно-давно было, — признался Гелька. — А иногда наоборот: будто вообще ничего не было.

— Ага! Кажется, что прибежишь на станцию, а там «Курятник», а в нем Ерема, Глеб, Юрка...

— Зря начальник велел сломать вагон, — сказал Гелька. — Знаешь, Янка, я иногда думаю... Это, конечно, чушь, но бывает такая мысль: если бы «Курятник» остался, Юрка и Глеб скоро вернулись бы... По крайней мере, Юрка...

...Гелька не знал, конечно, что Юрка хотел вернуться и не смог.

Когда тоска по Гельке, по Янке, по Старогорску вдруг сжала его и не пустила дальше, он виновато и быстро попрощался с Глебом. Скомканно сказал:

— Гелька думает, что я его бросил. Наверно, так нельзя...

И он пошел назад.

Он шел долго, но огни Старогорска, которые казались близкими, вдруг растаяли, и впереди, над пустым степным горизонтом, встал быстрый рассвет. Юрка оглянулся. Глеба сзади, конечно, не было. А впереди... Что было впереди?

Юрка постоял на шпалах. На прямом рельсовом пути посреди поля, где в траве начинали посвистывать птицы. Он был один и вполне мог заплакать от этого одиночества и от неизвестности. Но он не стал.

— Раньше надо было думать, — сказал он себе. — Теперь шагай.

Он поднял сухой стебель сорняка и, щелкая им по рельсу, пошел навстречу утреннему ветерку. И даже тихонько засвистел сквозь зубы. Он шагал быстро, и плетеный аксельбант барабанщика хлопал его по форменной рубашке...

Второй визит Магистра

В конце марта на теневых сторонах улиц еще лежал грязный комковатый снег, а на солнечных пробивались у заборов зеленые кулачки лопухов и цвела мать-и-мачеха. И время от времени мелькали коричневые бабочки. Это, конечно, если погода была солнечная и безветренная.

Но сегодня солнца не было. С ночи небо затянули скучные облака. Они были серенькие, невзрачные, но от них веяло такой безысходностью, что хотелось лечь и закутаться с головой.

Занятия в классах шли кое-как, а после второго урока Яр велел распустить ребят. Он объявил, что весенние каникулы начинаются на два дня раньше. В другое время школа содрогнулась бы от радостных воплей, а нынче ребята разошлись тихие и насупленные — будто у каждого не меньше трех двоек за четверть. Нет, кое-кто шутил, конечно, и баловался по дороге домой, но как-то нехотя, через силу...

Чита не подчинился директорскому приказу. Он не пустил домой подшефных третьеклассников. Он собрал их в спортзале, устроил им крепкую разминку с прыжками и упражнениями, а потом затеял состязания метателей мячика. Самая трудная задача была попасть сразу в три качающихся кольца...

Яр прислушивался к смеху и топоту третьеклассников со смесью удовольствия и тревоги. Чита, конечно, молодец. Но что будет дальше?

Неизвестность выматывает. Чувствуешь, как злые силы готовят удар, а какой он будет и как от него защититься — не имеешь понятия. К тому же эта сегодняшняя неизвестность смешивалась с другой — давней и постоянной: почти три месяца от ветерков не было вестей. Тик отводил глаза, будто он виноват. Яр тоже отводил глаза. Словно тоже был виноват — тем, что мучил Игнатика невысказанным вопросом: «Не вернулся ли Денек?»

Впрочем, беспокойство беспокойством, а хлопотная директорская жизнь затягивала Яра с головой: планы занятий, совещание ореховских учителей и выборы единого школьного совета (наконец хоть какая-то власть!), грипп в первых классах, ремонт отопления. Да еще уроки математики у шестиклассников и семиклассников...

Яр, хмурясь и тревожась, прошел в левое крыло школьного здания — здесь было его жилье. Данка на кухне звякала тарелками, хотя он тысячу раз просил не соваться в его хозяйство. Во-первых, сам справится, не инвалид. Во-вторых, тетушки-учительницы и так шепчутся черт знает про что...

— Дарья, ну сколько раз я говорил...

— Помолчи уж, — отозвалась Данка. — Вечно сидите с Глебом до ночи, а стаканы вымыть не можете.

В последнее время она стала спокойно-дерзкой и очень независимой. «Ах, как быстро взрослеет девочка», — сказал однажды Глеб.

В комнате торчал, конечно, Алька. Он сидел у подоконника и смотрел на небо. Оглянулся на Яра. Тоскливо сказал:

— Гадость какая. Просто не могу...

— Что?

Алька кивнул на облака.

— Переживем, — сказал Яр.

Алька слабо улыбнулся, потом сообщил:

— Глеб приехал.

Глеб оказался в крошечной комнатухе, где стояла

кровать Яра и я громоздились по стенам книжные полки. Он сидел на кровати и меланхолично вставлял в барабан блестящего револьвера длинные, как сигареты, патроны.

— Ну что? — спросил Глеб, не поднимая головы.

— Что? — спросил Яр.

— Сволочная погода, — сказал Глеб. — Что-то они замышляют...

— Я распустил ребят, — сказал Яр. Подумал и добавил: — Чита мобилизовал своих пацанов.

— Чита — уникам, — веско проговорил Глеб. — Мне бы его в отряд сорок лет назад. Мы бы обязательно взорвали станцию Мост.

— Ты же отказался от подобных методов, — напомнил Яр.

— Мы взорвали бы прежде, чем я отказался... Кстати, когда я отказывался? Что ты выдумал?

— Это я так... — Яр помотал головой. — Черт возьми, до чего же тошно... И Тик провалился куда-то. Пошел провожать одноклассников, сказал, на пять минут, а сам...

— Я здесь, Яр, — сказал Игнатик. Он стоял в дверях.

— Уф... — Яр сел рядом с Глебом и откинулся к стене с картой Полуострова. — Что в городе, Тик?

— Пока ничего, — сказал Игнатик.

— Не нравится мне это «пока»...

— Мне тоже, — серьезно ответил Игнатик. — Потихоньку собираются отряды «поддержания порядка и борьбы со стихией». А что в них проку, если ими командуют те, которые велят...

— Ты уверен?

— Да, Яр, — сказал Игнатик.

У него из-под руки сунулся в комнату Алька. Печально спросил:

— Глеб, ты можешь выстрелить из форточки в небо?

— Естественно. А смысл?

— Может, в облаках появится дырка и пробьется солнышко...

— Это идея, — сказал Глеб. Повернул барабан и с отчетливым шелканьем взвел курок.

— Не валяйте дурака, — озабоченно сказал Яр.

— Однако... — начал Глеб.

Но тут, раздвинув Игнатика и Альку, шагнула в комнату Данка. Она сообщила с непривычной для нее насмешкой:

— По коридору движутся их высокоученая светлость Магистр.

И все вздохнули с облегчением. Пускай все что угодно, лишь бы не тоскливость и томительность.

Магистра встретили в большой комнате. Он был на сей раз в кожаном пальто и модной шляпчонке — тоже кожаной. Этаким уверенный в себе ученый деятель, который привык следить за своей внешностью. Борода была образец аккуратности.

— Здравствуйте, директор Яр, здравствуйте, молодые люди... — Магистр снял шляпу и небрежно положил на край стола. Сел без приглашения. Если бы он был человек, можно было бы подумать, что он слегка выпил для храбрости. Магистр поправил полы расстегнутого пальто, закинул ногу за ногу и повернулся к Глебу: — Здравствуйте... Глеб Сергеевич. Если не ошибаюсь, мы с вами уже встречались.

Глеб уселся напротив.

— Не припоминаю, — сказал он, прищурился за очками веки. — Наверно, это было очень давно... Как же вы целели?

— Вы тогда промахнулись...

— Должен заметить, Магистр, что это не так, — вежливо поправил Глеб. — Я всегда стреляю точно. Видимо, у меня в тот момент кончились патроны. К сожалению...

— Как вы понимаете, я об этом не сожалею, — улыбнулся Магистр.

— У нас по многим вопросам разные мнения, — сказал Глеб.

Яр тоже сел к столу, с третьей стороны. Ребята неслышно разошлись по углам. Алька посапывал, у него была легкая простуда.

Магистр коротко пробарабанил по столовой клеенке блестящими твердыми пальцами.

— Очень хотелось бы, — произнес он, — хотя бы раз прийти с вами к одному мнению. Честное слово, это в наших общих интересах.

— Искорка недоступна, — сказал Яр. — Бормотунчики — упрямые существа.

— Но можно сделать другую, — глядя в упор на Глеба, проговорил Магистр. — Вы ведь не забыли рецепт, Стрелок?

— Не забыл... Нынешняя погода — ваших рук дело? — рассеянно сказал Глеб.

— Наших, — сказал Магистр.

— Зачем? — спросил Яр.

Магистр погладил бороду и объяснил с нагловатой ленцой:

— Пока так просто. Чтобы оказать психологическое давление... Потом посмотрим.

Тем же тоном Глеб ответил ему:

— Не будет вам искорки.

— Жаль. Вы даже не представляете, как жаль... Да перестаньте вы, Стрелок, трогать под курткой ваш допотопный «форт-капитан». Мы давно изменили структуру, никакие пули нас не берут. Даже те самые. Давайте лучше поговорим.

Яр посмотрел на часы.

— Алька и Данка, — сказал Яр. — Пожалуйста... — он незаметно надавил на это «пожалуйста», — смените Читу в спортзале, он занимается с ребятами третий час.

Алька засопел сильнее, но безропотно пошел к двери. Данка за ним.

— Хотите чаю, Магистр? — добродушно спросил Яр.

Магистр озадаченно мигнул.

— Вообще-то... Вы понимаете, что это не в наших обычаях. Но если необходим такой ритуал... для заключения союза... Я готов.

— Ради ритуала не надо, Магистр, — вздохнул Яр. (В это время появился Чита и неслышно встал у двери.) — Не будем переводить заварку и сахар, с продуктами у нас неважно. А союза все равно не получится.

— Но, Ярослав Игоревич! Подумайте...

— Мы думали, Магистр. Хотите совета? И совет, и наш последний ответ. Уходите. Найдите себе какую-нибудь заваливающую галактику, где нет разумной жизни, и устраивайте там свои фокусы сколько угодно... Боже мой, Магистр, неужели вы все настолько тупы? Неужели не понимаете, что здесь вы все равно обречены? Вы столкнулись пока с самым началом сопротивления, с самыми крошечными его зародышами. А что будет, когда за вас возьмутся люди многих планет? И не таких замороченных, как эта, а сильных, дружных...

— Ничего не будет, — холодно сказал Магистр. — Ни планет, ни людей. Стоит нам шевельнуть пальцем...

— Что-то вы не очень им шевелите, — усмехнулся Глеб. — «Не будет людей!» А за чей счет будете существовать вы? Магистр, вы же паразиты.

— Тем более, — непроницаемо отозвался Магистр. — Тем более мы не можем воспользоваться советом. Для нас

бесполезны галактики, где нет жизни. Да и галактик таких нет.

— Но и здесь вам делать нечего, — сказал от двери Чита.

Магистр оглянулся.

— Ты не прав, мальчик. У нас есть цель...

— И у нас, — жестко произнес Чита.

— Чита... — сказал Яр.

— Подожди, Яр! — У Читы зазвенел голос. — Я хочу быть честным. Пусть Магистр знает, что они рискуют.

— Да, Магистр, — сказал Яр с ощущением собственного отчаянного риска. — Игры в цифру «пять» кончились. Сейчас другая математика. Мы можем вписать в ваш круг такой многоугольник, что круг разлетится в клочки...

Магистр довольно долго молчал. Кажется, все семьсот двадцать девять его мозгов обдумывали слова Яра. Потом он отозвался с усталой ноткой:

— Ничего вы не можете. Думаете, тот глупый случай на почтамте напугал нас? Даже вспоминать смешно... И не надейтесь закидать нас барабанными палочками.

— Какими палочками? — искренне удивился Яр.

— А! Вы не знаете... Ну, тем лучше.

— Узнаем и это, — пообещал Яр. — А то, что вы боитесь барабанщиков, давно известно. Недаром не могли с ними справиться во время восстания.

— Какого еще восстания? — пренебрежительно спросил Магистр.

— В Морском лицее.

Магистр воскликнул тонко и раздраженно, как скандальный старик в очереди за макаронами:

— Да ерунда какая! Вранье это! Не было никакого восстания! Была хулиганская выходка мальчишек, их пришлось... призвать к порядку.

— Это так у них называется — «призвать к порядку», — сказал Глеб.

— Именно так. — Магистр успокоился. — А потом кто сочинил легенду. Не было никаких барабанщиков.

— Были, — сказал от двери Чита.

— Не было. Я могу доказать. И показать, как это было.

— Как показать? — спросил Яр.

— Очень просто. Мнемофильм.

— Что?

— Запись памяти. Я видел такие трюки, — объяснил Глеб.

— Именно запись памяти. Точная и объективная. — Магистр оглядел комнату. — У вас найдется какой-нибудь металлический лист?

— Поднос годится? — спросила Данка.

— Вполне, — сказал Магистр.

Яр оглянулся на Данку. И она, и Алька стояли рядом с Читой.

— А как же ребята? — нахмурился Яр.

— Они там сами занимаются, — быстро объяснил Алька.

— Они разнесут спортзал.

— Не разнесут, — успокоил Чита. — С ними Яшка Звонк. Он человек надежный, командир первой пятерки.

Магистр пренебрежительно усмехнулся.

Данка принесла поднос — черный, с намалеванным букетом.

— Ничего, что с рисунком?

— Абсолютно безразлично, — сказал Магистр.

Поднос прислонили на столе к стопке учебников. Тик, Алька, Данка и Чита встали за спиной у Яра. Глеб придвинулся к столу и положил растрепанную бородку на кулаки.

— Минутку. Я сосредоточусь, — вежливо сказал Магистр.

Черный лак и букет на подносе исчезли. Растаяли в открывшейся глубине. Возникло окно, сохранившее волнисто-овальную форму подноса...

Это было похоже на передачу в хорошем стереовизоре. Только без звука. Стали видны край каменного дома и башня с зубцами. Между башней и домом был проход, из него выбегали и выходили, оглядываясь, мальчишки.

— Видите? — сказал Магистр. — Это те, кто не захотел участвовать в скандальном эпизоде. Их никто не задерживал.

— Это ушли самые маленькие, — сказал Игнатик. — И те, кому не хватило оружия.

Изображение качнулось, и стал виден мощеный крепостной двор. Очень отчетливо. Даже почувствовалось, как нагреты солнцем каменные плиты. На плитах, привалившись к фундаменту башни, сидел длинный человек в черном. Его стало видно крупно, во весь экран. Человек закрыл глаза и держался за плечо. На худом его подбородке была кровь.

— Это директор Морского лицея. Вот что сделали с ним юные «повстанцы», которых поэт Глеб Дикий опоэтизировал в своих песнях, — сказал Магистр.

— А что директор держит? — спросил Алька.

В левой руке директор сжимал что-то вроде короткого спиннинга. Удилище лежало поперек его длинных раскинутых ног. Оно было сломано. Магистр не ответил.

Директора не стало видно, и появилась двойная шеренга ребят. Они стояли, держа приставленные к ногам карабины. Карабины были с плоскими штыками, и на остриях горели искры солнца.

Шеренги колыхнулись и опять замерли. Мальчик с перевязанным синей тряпицей коленом шагнул вперед, вскинул правую руку и что-то крикнул. Будто прямо зрителям. Но, конечно, не им. Потом он опять вскинул руку и опять крикнул. Видимо, его не послушали. Мальчик пожал плечами, обернулся и что-то сказал ребятам. В первой шеренге каждый опустил на колено, оба ряда взяли карабины на изготовку. Прямо на зрителей был направлен теперь двойной ряд ошетилившихся штыков. Лиц мальчишек нельзя было разглядеть, но четко виднелись черные глазки ружейных стволов.

Потом эти глазки беззвучно вспыхнули бледными огоньками. Яр на секунду зажмурился. Ребята передернули затворы и снова подняли приклады к плечам. Сделали шаг назад и снова ударили неслышным залпом.

— В кого же они так? — стараясь быть очень спокойным, спросил Яр.

— В нас, — ответил Магистр.

Мальчишки выстрелили снова. Перед ними, шагах в трех, поднялся над плитами ряд пыльных столбиков. Будто бросили на камни тяжелые железные шарики. Чита за спиной у Яра тихонько скрипнул зубами.

— Не было меня там... — сказал Глеб.

— Не было, — согласился Магистр. — И хорошо. Зачем лишние жертвы...

— Да вы просто гуманист, — заметил Яр. — А нельзя ли посмотреть, что там делали ваши коллеги? До которых не долетали пули...

— К сожалению, нет. Я был в атакующем ряду и на своих не смотрел. Смотрел вперед.

— Судя по всему, атака была доблестная, — сказал Глеб.

— Может быть, мне выключить запись?

— Отчего же? — сказал Яр. — Досмотрим до конца. Вы нам пока еще ничего не доказали.

Он пытался найти в мальчишечьих шеренгах кого-нибудь из знакомых. Но издали не разглядеть было, где там Денек и курчавый Косматик, и тот... в оранжевой майке.

«Я посижу тут немножко с вами, ладно?..»

«Только огонь помню и как мы стреляли. Карабин так здорово отдавал в плечо, а пули не летели...»

«Но никто не боялся. Никто. Даже те, кто не успели...»

Что — не успели?

Стена летучего пламени колыхнулась перед ребятами и на миг закрыла их от зрителей. Яр вздрогнул. Мальчишки скомкали шеренги, смешались, но продолжали стрелять. Они быстро отходили к каменному выступу, по которому тянулась железная лестница. Яр понял, что это угол башни. Опять полыхнул огонь...

Мальчишки стали по одному взбегать по ступенькам. За часто взлетающими крыльями огня их стало видно совсем плохо.

Потом Яр увидел зубчатый верх башни. Увидел как бы снизу, со двора. Ребята на башне уже не стреляли. Они отомкнули штыки и теперь били ими по стволам. Ударяли ритмично, враз — отбивали резкую мелодию какого-то марша. Среди них мелькнула желтая рубашка и желтые летучие волосы. «Денек!..» Но огонь поднялся клубящимся валом, взвился к башенным зубцам и словно смахнул несколько мальчишек. Они взлетели, исчезли, и огонь на их месте скрутился на миг в спиральные языки.

«Как я могу на это смотреть?» — леденя внутри, подумал Яр. Но смотрел. И другие смотрели.

Магистр небрежно произнес:

— Видите, никаких барабанщиков. Просто лихорадочный звон и шум перепуганных ребятишек.

— Однако вы боялись подойти, — глухо сказал Глеб.

— Да... Они случайно выбрали ритм из пяти тактов. Это нас задержало на время. Но это совсем не барабанщики из песни. Не правда ли, Глеб Сергеевич?

— Неправда! — звонко сказал Алька. — А вон тот! Он же с барабаном!

У обугленного зубца стоял темноволосый мальчишка и вскидывал руки с тонкими палочками.

— А, этот... Он же всего один, — отозвался Магистр. — Всего-навсего. Да и барабан у него не настоящий. Смотрите...

Мальчишка придвинулся. Будто оказался здесь, в комнате. И было странно, что не слышно ударов. Он бил грубо оструганными палочками не то в кожу, не то в клеенку, туго натянутую на круглый походный котелок. На его грязной голубой рубашке мотался измочаленный аксельбант.

Глеб резко подался вперед.

Полыхнул желтый огонь. Мальчик медленно повернул большеглазое темное лицо с закушенной губой. Взглянул на всех отчаянно и упрямо.

Глеб сдавленно сказал:

— Юрка...

Особая цель

1

Гелька и Янка шли из школы. Лениво брели и молчали.

Сентябрь кончался, но дни стояли по-прежнему теплые. Было совсем безветренно. Пушистые семена белоцветы висели в воздухе неподвижно. На пустырях цвели мелкие городские ромашки, и над ними летали поздние бабочки. Солнце еще грело сквозь рубашки плечи, но не сильно — словно осторожно трогало на прощанье теплой ладошкой. У Гельки в такие дни было спокойное, тихое настроение. Даже тревога за Юрку почти угасала, и казалось, что скоро все объяснится и все будет хорошо...

Гелька сказал:

— Пойдем к реке, Янка...

— Зачем? — Янка оторвался от своих мыслей. Что это были за мысли, Гелька не знал. Но видимо, не такие спокойные, как Гелькины.

— Просто так, — сказал Гелька.

— Вода уже холодная... — Янка смотрел как-то озабоченно.

— Да не купаться же. Посидим на обрыве. Вон какой хороший денек...

— Что? — Янка остановился. Не то испугался, не то сильно удивился. Или обиделся?

Гелька тоже испуганно остановился.

— С тобой что? Янка...

Янка сморщил лицо, тряхнул головой.

— Ты скажи... Ты что сейчас оказал?

Гелька ошеломленно пробормотал:

— А что такого... Сказал: хороший денек...

— Сейчас... — Янка опять поморщился. Уронил с плеча сумку, быстро сел на край каменного тротуара, обхватил колени, съежил плечи — на них горбились мягкие погончики школьной рубашки.

Гелька торопливо сел рядом. Тихое настроение пропало, и опять пришла тревога — она стала такой привычной в дни августа и сентября. Гелька ничего не спросил. Он ждал, что скажет Янка.

Янка медленно посмотрел из-за поднятого плеча. Горько прошептал:

— Теперь ясно, почему она кружилась...

— Что?

— Голова... Помнишь, как я стал бояться высоты?

— Ну... не так уж ты боялся. Это хоть с кем бывает, — осторожно сказал Гелька. — Это случайно.

Янка уткнулся носом в колени. Сказал опять шепотом:

— Не случайно... Это всегда так бывает перед тем, как начинаешь летать. Очень боишься высоты, и этот страх надо пересилить... Теперь-то я все вспомнил.

— Янка...

— Гелька, я не Янка.

Гелька, не показывая испуга, сказал очень бережно:

— Пойдем домой потихонечку. Ты, наверно, немного заболел. Тогда вечером продрогли на свалке...

— Гелька, я правда не Янка...

— А кто?

— Меня звали знаешь как? Да-ни-ил. Данила, Данилка... Данька... Мама звала Денек. Потом и все так звали...

— Ну, хорошо. Пойдем к маме...

— Да я не про эту маму. Той мамы нет... — тихо сказал Янка.

— Ну... смотри, Листик и Васька идут. Давай мы тебя домой проводим. А?

Янка быстро встал. Накинул на плечо белый ремень сумки. Отбросил назад волосы. И сделался какой-то непривычный: сразу подросший, строгий, незнакомый. Сказал негромко, но решительно:

— Лучше пойдем к тебе, Гелик. На крышу. Все вместе. Там никто не мешает, я про все расскажу.

Они проговорили до вечера.

В сентябре сумерки приходят рано. Они зябкие, осенние. Но у нагретого кожуха энергосборника на крыше было тепло.

Над головами зажглись первые звезды. Янка грустно сказал:

— Я с самого начала чувствовал, что Юрка уйдет. И что я должен ему помочь. Это была особая цель. Думаете, я тогда случайно вагон с искоркой разогнал? Я понимал, что так надо. Только не знал зачем. Все случилось раньше времени, потому что появился Глеб. Мы с ребятами не рассчитали... Ну кто мог подумать, что в Старогорске неизвестно откуда появится какой-то Глеб? Из-за него все и сорвалось...

— Может, все-таки не сорвалось? — робко спросил Листик. Они с Васькой почти все время молчали, но теперь Листик подал голос.

— Как же не сорвалось? — с беспощадной досадой сказал Янка. — Я должен был увести Юрку к отцу вот сейчас, в сентябре, когда все вспомню... Отец просил хотя бы узнать про Юрку, весточку от него принести, а все ветерки решили: это не выход. Решили, что надо вытащить Юрку туда вот такого, пока он не вырос, рвануть его на сорок лет вперед. Через все эти чертовы пространства и временные поля, напролом... А я это дело провалил.

— Но ты же не виноват, — сказал Гелька.

— Какая разница, виноват я или нет? Юрка-то с отцом никогда не встретятся.

— А может, все-таки встретятся? — робко проговорил Листик. — Может, Юрик отца сам найдет?

Янка трахнул кулаком по энергосборнику и сказал почти со слезами:

— Ну как вы не понимаете? Он его не нашел. Раз он был с нами во время восстания. Теперь-то я знаю, что Музыкант — это Юрка... А восстание было за сорок лет до того, как на Планете появился Яр...

— Да как это может быть? — беспомощно спросил Гелька. — Юрка ушел от нас полтора месяца назад. А эскадер-«девятка» еще не построен... Так не бывает.

Он говорил это уже не первый раз.

— Значит, бывает... — уныло ответил Янка. — Значит, они замкнули время в кольцо.

— Эти... которые клоуны? — прошептал Листик и придвинулся к Гельке.

— Ну да...

— А как это — в кольцо? Мы еще не проходили...

— Этого никто не проходил и никто не понимает, — со вздохом сказал Янка-Денек. — Но они замкнули. Вот и пошла карусель.

— Янка... — Гелька морщился, будто решал головоломку. — Но если ты вернешься... Когда ты вернешься туда, ты же можешь встретить Яра и объяснить, что Юрка стал ветерком. Что он теперь в Пустом Городе. Они же смогут увидеться. Ну... хоть ненадолго...

— Да не вернусь я туда, — устало проговорил Янка. — Время-то в кольце. Меня принесет к самому началу, и все опять... Опять перестрелка Берегов, пароход тонет, на котором мама и я. Меня воздушной волной в воду... Потом лицей, восстание... Потом мы — ветерки, летаем, летаем столько лет. Наконец — поляна, Яр, я лечу сюда. Делаюсь совсем крошечный, живу в Приморске, потом здесь... И снова круг. И мне кажется, так было уже тысячу раз...

Прозвучало в тихом Янкином рассказе такое отчаяние, что Гелька передернул плечами и плотнее прижался к теплему кожиху.

Листик недоуменно спросил:

— А зачем делаться крошечным? Нельзя разве сразу?

— Сразу... нет, нельзя, — вздохнул Янка. — Если ветерок хочет надолго превратиться в человека, он это может, но надо с самого начала. Будто бы только родился... Это совсем даже не плохо, я так и хотел. Хорошо ведь, когда ты снова настрящий и у тебя есть дом и родные... — Янка виновато улыбнулся. — Это называется идти в подкидыши. Другие ветерки тоже так делают. Некоторые...

— А почему не все? — шепотом спросил Гелька.

— Кое-кто не умеет. А многие боятся.

— Разве это опасно?

— Это не опасно... Ветеркам вообще ничего не опасно. Только в конце очень тяжело... Ну, когда приходит время улетать. Когда знаешь, что надо прощаться навсегда...

— А разве обязательно улетать? — спросил Листик.

— Такой закон природы у нас. Если ты подкидыш и если исполняется тебе столько лет, сколько было раньше... ну, когда ты навеки сделался ветерком, тогда ты все вспоминаешь и тебя уносит обратно...

Гелька через силу проговорил:

— А тебе... когда?

— Мне в день восстания было ровно двенадцать. А сейчас будет через неделю...

— А дома... ты расскажешь?

— Я маме и папе ничего не буду говорить... Может, они и не станут так горевать, они же знают, что я не родной, а приемный...

«Все равно будут», — подумал Гелька.

— А дедушке я все рассказал. Он меня больше всех любил... любит.

— Когда же ты успел? — спросил Гелька.

— Сегодня. Когда ты обедал, а я сумку домой относил.

«Обедал...» — горько усмехнулся про себя Гелька, вспомнив, как кусок не лез в горло, а тетя Вика сердито кудахтала рядом. И спросил:

— А он что... дедушка-то?

Янка лег на кровельный пластик, положил лицо на согнутые руки. Глухо ответил:

— Он такое сказал... Обнял меня и говорит: «Я это давно чувствовал... Ничего. Скоро я умру, а ты летай, мой ветерок. Пока не порвется кольцо...»

— Разве оно порвется? — быстро спросил Гелька.

— Когда? — печально отозвался Янка. — Кто его порвет?

Раздался скрежет. Это по ребристому пластику съехал на твердом заду с гребня крыши Васька. До сих пор он сидел выше всех и не говорил ни слова. Теперь он включил фиолетовые глаза и сказал:

— А почему бы и нет?

— Что? — хмуро спросил Гелька.

— Почему бы его не порвать? Это кольцо.

— Васька, ты, конечно, умный, — печально сказал Гелька. — Но ты еще... ты мало в физике разбираешься. Это не простое кольцо, а время. Где оно, как ты за него схватишься?

— За него и не надо, — металлическим голосом ответил Васька. Таким голосом он говорил, когда капризничал или хвастался. — Должна быть модель.

Янка быстро поднялся.

— Что?

Васька встал и включил на верхушке энергосборника лампочку. Засунул резиновые ладони в тесные кармашки матросского костюмчика.

— Физику я знаю теперь в пятьсот раз лучше вас, — небрежно сообщил он. — Позавчера я прочитал семитомник доктора физических наук Лаптева, а вчера «Общую теорию пространства» профессора Окаямы... — Он прошелся вокруг кожуха. Штаны его от езды по крыше были сзади изодраны в клочья. Но это Ваську ничуть не смущало. — Я долго вас тут слушал, — заявил он. — Я специально выключил блок чувствительности, чтобы не пережи-

вать вместе с вами. Когда все расстраиваются и хнычут, хоть один кто-то должен оставаться с ясной головой.

— Перестань топтать, — попросил Гелька. — Говори толком.

— Говорю толком. Эти существа, название которых точно не определено, — «клоуны», «манекены», «те, которые велят», — они не могут работать без модели. Им нужна была искорка, чтобы работать с галактикой. Это модель. Без нее у них пока ничего не получается. Они замкнули время, это у них получилось. Значит, где-то замкнули модель, кольцо. Разомкнется кольцо модели — разомкнется время.

— Где она, эта модель? В каком космосе ее найдешь?.. — сказал Янка.

— Думать надо, — ответил Васька с ноткой самодовольства.

— Ты думал? — быстро спросил Гелька.

— Думал. Поезд, который идет на станцию Мост.

Сначала все молчали. Потом Листик удивленно спросил:

— Какой мост?

— Подожди, Огонек, — сказал Гелька.

Они стояли на крыше тесной кучкой, Васька — посередине. Он был теплый, как походная печка.

— Этот поезд идет через три пространства, — медленно проговорил Янка. — А может быть, и больше... И всегда в одну сторону... Да, это кольцо.

— Разве он не идет обратно, когда приходит на станцию Мост? — спросил Гелька.

Янка помотал головой:

— Нет станции Мост. Никто ее не видел.

— Есть, — важно сказал Васька. — Только она растянута по всему кольцу. Вся рельсовая дорога — это станция Мост. Дело не в поезде, а в самом рельсовом пути. Он и есть кольцо.

— Значит, что? — Янка-Денек выпрямился по-боевому. И Гельке показалось, что где-то заиграла музыка «Восстание». — Будем рвать рельсы?

— Где? — спросил Гелька.

Васька сказал:

— Станция растянута, но Мост все-таки есть.

— Ой... — прошептал Листик-Огонек. — Это, значит, тот, где свалка?

Первый раз они увидели Мост в августе. Был вечер с яркой круглой луной. Пришло уже время отправляться — домой — до этого они долго лазили среди старых автомашин, сломанных холодильников, стереовизоров, ржавых труб и батарей отопления. Нашли много интересных непонятных штук и разных деталей для Васьки, который еще не был готов. Листик сильно расцарапал руку, и Гелька сказал, что надо пойти к старухам: промыть и перевязать. Они, конечно, будут ворчать, но ничего не поделаешь.

Старухи жили в жестяных кибитках на краю свалки. Жили тесно, в пыли и ржавчине, поэтому их, наверно, и звали ржавыми ведьмами. А может, и потому, что они вправду были немного колдуньи.

Высокая седая ведьма с замотанным горлом — Эльвира Галактионовна — в самом деле заворчала на ребят. Но ворчала недолго. Смазала чем-то холодным и шипучим царапины Листика, и они тут же затянулись. Потом она сердито сунула Листикку, Янке и Гельке по горсти слипшихся леденцов и прохрипела:

— Теперь, молодые люди, гуляйте-ка домой. У нас тута свои дела, неча на наши старушечьи забавы глядеть. Полнолуние нонче, бабки танцевать будут, так что оревуар...

— Спасибо, до свиданья, — по очереди сказали все троё. Но когда вышли из ведьминога жилища, Гелька прошептал:

— Посмотрим?

Они еще никогда не видели, как танцуют ржавые ведьмы, только слышали об этом от робота Еремы, Васькиного отца.

Прячась за горами лома, они пробрались к «танцевальной площадке». Это был пустырь на южном краю свалки. Он зарос татарником и белоцветом. Там и тут среди сорняков торчали бочки из-под смазки и бензина.

Ребята притаились. Ведьмы ковыляли к бочкам. Подолы широких цыганских юбок цеплялись за татарник и белоцвет. Под луной тускло искрились пластмассовые бусы. Ведьм было шестеро. Каждая, подойдя к бочке, замирала, странно вытягивалась, потом, будто ее подбрасывали снизу, подлетала и вскакивала на круглое железное дно. Бочка отвечала гулким ударом.

— Что это они? — прошептал маленький Листик. Он был на свалке первый раз и немного боялся.

Гелька тихо ответил:

— Не бойся... Ничего такого, они же ведьмы.

...Никто не знал, откуда ржавые ведьмы взялись и зачем живут на свете. Ходили слухи, что давным-давно на месте свалки был цыганский табор и старухи остались здесь с тех незапамятных времен. Была также сказка, что когда-то свалкой правил, как король, тощий ржавый старик — то ли колдун, то ли сумасшедший. Он говорил, что со временем весь мир превратится в свалку ржавого железа и ему, старику, придет пора править этим миром. А ведьмы станут ржавыми придворными дамами... Рассказы эти, скорее всего, были сплошные фантазии...

«А может быть, старик был из тех?» — подумал Гелька, прячась за мятой автомобильной дверцей. Ему тоже стало жутковато. Но тут же он вспомнил, что старухи никогда не делали зла мальчишкам (если не считать ворчания)...

Старухи замерли на бочках. На фоне лунного неба они казались статуями из заброшенного парка. Вдруг одна ударила каблуком. Ей ответила другая. За ними топнули сразу несколько. Еще, еще... Удары каблуков по гудящему железу перешли в рассыпчатый грохот, но тут же в грохоте пробился четкий ритм. Рубленая мелодия какого-то быстрого и дерзкого танца. Ведьмы запрокидывали разлохмаченные головы, угловато выбрасывали руки, ломались в талии, юбки метались вокруг них, а железный ритм гремел над пустырем...

— Во рубят, — прошептал Янка. — На три четверти...

Танец ржавых ведьм гулко стучал, рокотал и рассыпался под зеленым лунным небом. Постепенно он стал казаться не таким громким. Зато узор его ритма сделался сложнее, красивее. Сквозь гулкие удары пробивалась россыпь мелких тактов, они переплетались, обгоняя друг друга... Потом в танец проник посторонний, пришедший издадека гул.

Это был нарастающий шум поезда. Старого поезда, какие до сих пор бегают на дачных линиях. Они мчатся по рельсам с деревянными шпалами и гремят колесами на стыках. Откуда он мог взяться? Поблизости не было рельсовых путей.

Гелька, Янка и Листик запереглядывались. В это время за пустырем, в сотне метров от пляшущих ведьм, возник в светлом от луны воздухе черный мост. Громадный, похожий на великанские ворота. Это был мост без начала и без конца. Его края терялись, таяли в воздухе — неясные и размытые. И вот на одном таком краю возникла голова

поезда — допотопный локомотив с прожектором впереди и клочкастым шлейфом дыма над топкой. Паровоз выскочил на мост из ничего и потянул из этого ничего черные вагоны — с площадками сзади и спереди, с неяркой цепочкой оконных огоньков...

Это был не мираж. В земле отдался дробный гул колес, прилетел запах угольной гари.

А танец ржавых ведьм гудел и рокотал, будто ничего не случилось.

...Взрослые, когда сталкиваются с непонятным, порою пугаются и делают вид, что ничего не произошло. Ничего, мол, такого нет. Нет — вот и все. Гелька, Янка и Листик так не могли. На следующий вечер они устроили засаду на южном краю пустыря, в зарослях бурьяна и «бабкиных бус». — И опять плясали ржавые ведьмы, и опять возник мост. На этот раз совсем рядом с ребятами.

— Бежим! — скомандовал Гелька, хотя было страшно. И они помчались к мосту, и, как всегда, сухие ягоды «бабкиных бус» хлестко лупили их по ногам.

Опоры моста были сложены из бугристых глыб — чешуйки слюды в граните искрились от луны. Гелька потрогал камень. Гранит был влажный и холодный. В щели между глыбами были вбиты ржавые скобы — они лесенкой уходили вверх, к огороженному тонкими перилами полотну. Высота была большущая — метров тридцать. И на этой высоте с нарастающим и угасающим гулом снова прошел поезд.

— Еще одна загадка Старогорска, — сумрачно сказал Гелька. — Что-то они мне уже надоели.

А ведьмы плясали.

Прошло полминуты, и мост исчез — мгновенно, без колыхания воздуха, без единого звука. Прямо тут, рядом, только что был и сгинул. И казалось невероятным, что он сию минуту поднимался над головами — громадный, прочный...

...На следующий день Гелька спросил Эльвиру Галактионовну. Небрежно так спросил, будто о пустяке:

— А что это за мост появляется по вечерам? Да еще с поездом...

— Подглядывали небось за нами? — неласково отозвалась Эльвира.

— Да нет. Просто, когда шли со свалки, посмотрели назад, а там мост...

— Подглядывали, подглядывали! — сказала другая ведьма — толстая и довольно добродушная Таисья. — Все

им знать охота... Да и пушай. Мост как мост, мы и сами не пойдем зачем... Как большая луна, да как мы пляшем, он и выскакивает не поймешь откуда. Ну и ладно, нам-то что...

— Может, какое-то явление резонанса? — прошептал Гельке Янка.

— Чего-чего? — подозрительно спросила Эльвира. — А ну, брысь отсюда...

Разорвать кольцо — это значит разрушить Мост. Это они понимали. И они верили, что, если кольцо порвется, Юрка найдет отца, Янка-Денек не будет больше сгорать в пожаре крепости, отыщется Глеб, встретятся друзья, рассыплется или сбегут куда-нибудь «клоуны» и «манекены». И наверно, случится еще много хорошего. Что именно — пока неясно, да и неважно. Главное — взорвать Мост.

Но чем?

— Чтобы такую махину грохнуть, атомная бомба нужна, — безнадежно сказал Гелька.

Васька снисходительно разъяснил:

— Не надо грохать махину. Главное, чтобы лопнули рельсы. И бомба нужна совсем небольшая.

Все хмыкнули — невесело и сердито. Листик сказал Ваське:

— Их что, в «Детском мире» продают?

— Это предоставьте мне, — солидно ответил Васька.

Назавтра, после после школы, Васька притащил во двор к Гельке шар величиной с небольшой арбуз. Шар был покрыт косматой ржавчиной и весил, наверно, не меньше двух пудов. Васькины дюралевые ножки гнулись и подламывались, когда он, откинувшись назад, тащил эту тяжесть. У будки Дуплекса Васька уронил шар в траву. Земля ухнула, будка подскочила. Старый Дуплекс выбрался из будки, обнюхал незнакомую вещь и лизнул Ваську в брюхо с клеймом Промнефтегаза. Он любил роботенка.

Гелька подозрительно спросил:

— Это что за грузило?

— Им стреляли из пушки, — сообщил Васька. — В старые времена, когда еще нас не было и даже папы Еремы...

— И ты хочешь им рельсы рвануть! — понял Гелька. — Балда же ты, Васька, хоть и с искоркой. Это же не бомба, а ядро без начинки.

Васька не ответил. Всем своим видом презирая Гельку, он счистил с ядра ржавчину. Взял пластиковую миску Дуплекса, начисто вытер ее остатками изодранной матроски. Бухнул в миску ядро.

— Зачем? — спросил Гелька.

— Жернов, — сухо сообщил Васька. — Собери семена белоцвета.

— Зачем?

— Меньше спрашивай, больше делай, — приказал Васька. Но смилостивился и объяснил: — Из них будет взрывчатый состав.

— Сколько мегатонн? — печально поинтересовался Гелька. Было ясно, что в голове у Васьки замкнулись контакты.

— Не умничай, — сказал Васька. — Я у ржавых бабок стащил и прочитал старинную книгу. Там рецепты. В семенах белоцвета взрывчатая сила земли.

Гелька вдруг вспомнил: возьмешь созревшую коробочку белоцвета, согреешь в кулаке, и она — чпок! — лопается там. И мягкая упругая сила сама расталкивает пальцы. Разожмешь их — и на ладони целый ком белого пуха. Маленькое облако. Оно растет, шевелится, от него начинают отрываться летучие семена, окруженные, как лучами, невесомыми волосками.

Гелька обрадованно и пристыженно кинулся к забору, где белоцвета было полным-полно и семена еще не все облетели. Прибежали Янка и Листик. Узнали, в чем дело, начали помогать.

Васька ворочал в миске ядро, оно истирало семена в светлую пыль. Дуплекс, наклонив голову, наблюдал за работой. Иногда он чихал от мелкого пуха, который летал над самодельной мельницей.

Васька показал ржавый наперсток. Объяснил, что это мерка на один заряд. Предки ржавых ведьм рвали такими зарядами толстые цепи, когда убегали из пещеры железного дракона.

— То цепи, а то кольцо. Надо пять зарядов, — серьезно сказал Янка.

— С чего ты взял? — обиделся Васька.

— Знаю. Они боятся цифры «пять».

— Тогда тащите еще семян.

К вечеру мука из белоцвета была готова. Ее замесили на соке из «бабкиных бус». Васька сказал, что так полагается по рецепту. Давить сок из сухих ягод было делом каторжным. Но ядро помогло справиться и с этим.

«Все-таки это лучше, чем замешивать на крови», — подумал Гелька, вспомнив искорку.

Было уже поздно, тетя Вика занудно кричала из окна, что пора ужинать.

Пахнувшую травяным соком кашицу вмазали в шашки. Это были обывоченные шашки для игры. Пустые. Перевернешь — и она как чашечка. Но само их название напоминало старинные рассказы про войну: там были толстые шашки для взрыва мостов.

Васька сказал, что смесь должна сохнуть трое суток.

— А полнолуние не кончится? — встревожился Гелька.

— Успеем, — сказал Янка. И вздохнул. У него оставалось пять дней.

3

Эти последние дни с Янкой показались Гельке длинными-длинными.

Ветерок Денек, если глядеть со стороны, был прежним Янкой. Даже в школу ходил как обычно. На переменах гонял с одноклассниками мячик во дворе, рисовал в классе стенгазету, отвечал на уроках. И никто, кроме Гельки и Янкиного деда, не знал, какая у него, у Янки, в душе печаль. Даже Листик и Васька этого толком не понимали. Для Листика все это, наверно, было похоже на игру, а Васька предусмотрительно отключил блок чувствительности...

Погода все еще стояла теплая и тихая, и в этой тишине таилась особая замедленность, растянутость времени. Теплая каждая встреча с Янкой была для Гельки событием. Каждый шаг имел особый смысл. Каждый разговор делался большим куском жизни.

Впрочем, потом Гельке казалось, что разговор в эти дни был один, только тянулся долго-долго.

...После уроков Гелька, смущаясь, даже мучаясь, попросил:

— Янка, сыграй «Восстание»...

«Ты ведь понимаешь, что потом его мне никто не сыграет», — добавил он мысленно. И Янка понял.

— Только не дома, — сказал он. — А то дедушка еще сильнее загорюет...

Янка прихватил скрипку, и они ушли за станцию, на пустырь с рельсовым тупиком, где еще недавно стоял вагон «Курятник» и где под бетонным блоком были зарыты обломки робота Еремы. От «Курятника» теперь не оста-

лось и следа, вагон разобрали по приказу начальника станции.

Янка встал между рельсов и заиграл. И Гельке снова показалось, что вокруг Янки носит разноцветные листья быстрый ветер...

Янка опустил смычок и слабо улыбнулся:

— Я боялся, что разучусь... Нет, это навсегда, наверно.

Гелька отцепил от воротника бронзовую ящерку.

— Янка, вот... Будешь улетать, держи крепче. Пусть будет тебе на память. И как талисман.

Янка вскинул глаза.

— Талисман?

— Ну... это мне так просто в голову пришло. Папа эту ящерку на бетоне отпечатал, там, на скважине. Как будто заклинание сделал: пускай бетон прочный, а ящерка все равно пробьется... Может, и мы еще пробьемся друг к другу. Возьми.

— Хорошо. Только не сейчас, Гелька. Потом, когда уж совсем... полечу.

— Янка... А как это — лететь т у д а? Долго?

Янка-Денек тихо сказал:

— Это не поймешь, долго ли. Просто серая пустота, без времени... Только страшно...

— Почему? Ты же говорил, что ветеркам ничего не опасно.

— Да я не про опасность. Боюсь, что опять окажусь в самом начале. Опять война, восстание, и опять я ничего не помню... Если бы вернуться прямо на поляну, к нашим! Полететь бы в Пустой Город, отыскать Юрку, привести к отцу. Пускай хоть на несколько минут.

Оба понимали, что это возможно, если только порвется кольцо.

Ну и что же? Оно порвется! Очень скоро! Недаром же в тайнике под будкой Дуплекса набирает силу волшебный состав из непокорной травы белоцвета...

А пока они шли по рельсам, и Гелька держал ящерку на ладони, а Янка гладил ее мизинцем. Он сказал:

— В крепости, где был Морской лицей, водились ящерки-каменки. У одного мальчика даже была ручная...

— Разве их можно приручить?

— У него получилось. Он был добрый... Немножко на тебя похожий, только поменьше.

— Он тоже стал ветерком?

— Нет, он хотел, но не успел.

— А что с ним сделалось?

— Я не знаю, Гелька. В том огне трудно было все запомнить. Наверно, Юрка отослал его с другими ребятами из крепости.

— А почему он отослал ребят?

— Юрка сразу понял, что мы долго не продержимся. Главное было — освободить тех четверых. А потом уходить. Поэтому он велел остаться только ветеркам.

— А тех четверых освободили?

— Да, они успели уйти. А мы уже не успели. Появились э т и... Мы говорим: «Пропустите нас, и мы уйдем без боя». А они наступают... А ведь с нами были не только ветерки.

— А кто еще?

— Многие. Те, кому достались карабины, не хотели их отдавать и не ушли, когда было время. Ни один. Сказали: «Если надо, будем драться...»

— А что с ними стало? — прошептал Гелька.

Янка промолчал. Гелька спросил:

— Янка... Денек! А как стать ветерком? Ну, не навсегда, а так, чтобы летать?

Янка-Денек медленно шагал по сгнившим шпалам, цеплял сандалетами головки осенних ромашек, что росли между рельсов.

— Секрет, что ли? — тихо спросил Гелька.

— Не секрет... Надо, во-первых, перейти или переплыть Реку. Во-вторых, надо знать заклинание. Оно написано на черной плите, на Башне Ветров. Есть такая башня в Пустом Городе. А потом, когда будет решительный момент, надо преодолеть страх и прыгнуть с высоты...

Гелька вспомнил, как в прошлом году они с Юркой ныряли со вздыбленной кормы старого лихтера.

— У меня, наверно, получится... — прошептал он. — А реку я уже два раза переплывал.

— Гелька! — встревоженно сказал Янка. — Это ведь не та река. И ты не знаешь заклинания.

— Разве ты мне его не скажешь?

— Я... конечно, я скажу...

И он сказал вполголоса пять слов — таких простых и легких, что Гелька даже засмеялся:

— И это все?

— Да. Но, Гелька... По-моему, каждый должен прочитать их сам. Там, на башне... И там же переплыть Реку...

— Разве она шире нашей?

— Да нет, не шире...

— Тогда какая разница?

— Не знаю... Гелька, ты все-таки не рискуй.

— Ладно... — рассеянно отозвался Гелька. А для себя кое-что прочно решил. Пускай только закончится эта история с Мостом.

Они все рассчитали до секунды.

Мост появлялся каждый вечер, когда светила полная луна и рокотал над пустырем железный танец. В двадцать один час двадцать три минуты Мост вырастал из воздуха — громадный и черный, — а еще через две минуты по нему проскакивал поезд. Потом пробегали еще пятьдесят две секунды — и Мост пропал. Терялся где-то в других пространствах и временах. Наверно, в тех, где по замкнутому кольцу мчалась жизнь Юрки, Глеба, скадермена Ярослава Родина, ветерков. Жизнь целой Планеты. И может быть, еще многих планет...

За две минуты забраться по скобам на тридцатиметровый мост — это можно. Две секунды на метр. Главное, не бояться. Потом, когда промчится поезд, надо приложить к рельсу волшебные шашки, завернутые в неволшебную фольгу. К одной из шашек будет подключен длинный провод электровзрывателя (взрыватель должен смастерить Васька). Затем быстро-быстро спуститься, залечь в рывине и включить батарейку.

Поезд будет уже далеко, те, кто едут в нем, не пострадают.

— Но спускаться надо очень быстро, — сказал Гелька. — А то Мост пропадет — и привет...

— Не пропадет, я успею, — насупленно сказал Янка.

— А почему ты? — осторожно спросил Гелька.

— А кто?

— Я думал, что на Мост полезу я...

— Нет уж, можно лучше я? — сказал Янка ласково и очень настойчиво. — Ну пожалуйста. Ладно?

— Янка... Ты же говорил, что голова кружится...

— Теперь я не боюсь, это прошло. Ну и еще... Раз не вышло с Юркой, я должен взорвать Мост. Понимаешь, Гелька, это моя особая цель.

Гелька вздохнул с тайной радостью. Было ему стыдно за эту радость, и все же он почувствовал облегчение. Карабкаться на Мост он отчаянно боялся. Это ведь не на крышу...

Они вдвоем разговаривали на краю свалки за сутки до взрыва. Уже появился и пропал Мост, и танец вельм затихал над пустырем. Луна была ужасно яркая.

— Ты не бойся, я обязательно успею, — повторил Янка. — Я ведь могу даже и не спускаться.

— Как это? — испугался Гелька.

— А зачем? Все равно улетать. Так даже будет лучше. Без долгих прощаний.

Янка медленно посмотрел на Гельку глазами, в которых горели две маленькие луны. И Гелька опять почувствовал, что все эти дни для Янки — затянувшееся прощание.

— Нет, ты все-таки спустишься, — попросил Гелька. — Пожалуйста. — И подумал, что, если порвется кольцо, Янке, может быть, и не придется улетать.

— Ну хорошо... — покорно сказал Янка.

Они двинулись к дому. Был еле заметный теплый ветерок, и семена белозвета тихо плыли в лунном воздухе. Они казались живыми и осторожно трогали щеки.

— Завтра в школу не пойду, — сказал Янка и улыбнулся. — Все равно отругать уже не успеют.

— Я тоже, — отозвался Гелька.

— Тебе-то влетит.

— Подумаешь... Зато с тобой...

— Нет, ты иди, — тихонько попросил Янка. — Понимаешь, мне хочется с дедом побыть.

— Янка... ты извини. Я дурак такой.

— Ну что ты!.. Гелька, ты потом к деду заходи иногда, ладно?

— Ладно, Янка... А родители знают?

— Нет. Дед потом скажет.

— Сегодня директорша опять про Юрку спрашивала. Тетка его вернулась из Нейска, говорит, его там нет...

— Ох, Гелька, теперь тебя возьмут в оборот!

— А я сам все расскажу. Рванем кольцо, тогда расскажу. А что такого? Мы же ни в чем не виноваты... Янка!

— Что?

— Ты завтра утром напиши что-нибудь, ладно?

— Обязательно.

Ни один ученый не смог бы изобрести такую моментальную почту!

Гелька что-нибудь писал на обороте Глебовых листов — и это письмо тут же появлялось у Янки. Писал Янка — и сию секунду читал это Гелька. У них стало обычным делом так переписываться. Правда, потом спохватились: бумагу надо беречь. Стали писать мельче, экономнее, уже не баловались рисунками. Каждый вечер они

вешали на гвоздик у кровати листы с одинаковым номером, чистой изнанкой наружу. Утром смотришь — вдруг начинают бежать по бумаге торопливые строчки: «Гелька, привет! О Юрке ничего не слыхать? Я его сейчас видел во сне. И Глеба... Гелька, прихвати в школу элементы для вычислителя, у меня сели. И ручку для Васьки, а то он растерял свои, и Алешкины, и мои...»

Такие письма были в прежние дни. А что напишет Янка сейчас?

С этой мыслью Гелька открыл глаза. Было еще рано. Утро за окном начиналось бледное, серенькое. Гелька пожегил. В открытое окошко тянуло холодом. Настоящая осень пришла?

Лист четко белел на узорчатых обоях. Он был чистый. Гелька натянул до носа одеяло и невесело ждал, когда на листе появятся слова. Появятся же, Янка обещал...

И вот потянулась цепочка букв. Гелька сел. Темно-красные строчки бежали коряво, торопливо:

«Гелька, прощай! Мы не успеем повидаться. Я улетаю, я чувствую. Это раньше, чем я ждал. Наверно, те два кусочка жизни, которые мы отдали искоркам, меня так сильно торопят. Не осталось ни минуты. Гелька, порви...»

Гелька всхлипнул и рванулся к столу за фломастером.

Ветерки

1

... — Юрка, — сдавленно сказал Глеб.

Яр каждым нервом ощутил это слово, и прошла по каждому нерву резкая электрическая боль. Он остался неподвижным. Но мысленно он рванулся вперед — чтобы увидеть вплотную, разглядеть до последней черточки живое лицо сына. Юрка встретился с ним влажными, полными беды и упрямства глазами, медленно отвернул лицо, вскинул палочки выше прежнего и пропал за желтым языком огня.

Яр почувствовал, как Глеб сказал — одними губами, но уже твердо:

— Тихо, Яр. Всё — потом.

Да. Все потом. Когда не будет Магистра. Чтобы Магистр ничего не понял, ничего не узнал. Врагу нельзя давать лишнюю ниточку. Сиди и молчи...

Изображение опять качнулось, мелькнули фигуры в коричневых шлемах, похожих на каски строителей. Стал виден фундамент башни, береговые камни, прибор над ними. С башни быстрыми тенями срывались тонкие мальчишечьи тела, не долетали до земли и пропадали, косо рванувшись в сторону. Теперь все это виделось нечетко, раздерганно. Картинка металась: то камни на ней, то волны, то мелькающий полет мальчишечьих силуэтов. То очень синее небо с белым облаком — таким спокойным и ласковым.

Яр отчаянно хотел увидеть Юрку еще раз. Сначала просто увидеть. А потом уже что-нибудь понять. Он даже не пытался разобраться в сумятице мыслей, они рвались на клочки: «Где?.. Как это случилось?.. Что с ним?.. Он — ветерок?.. Почему Глеб говорил: он вернулся?.. Какое странное лицо! Нет, не странное, знакомое... А это правда Юрка?.. Я же знаю, что Юрка!»

Фильм кончился, и было странно, даже дико видеть вместо живых мелькающих картин лаковый черный поднос и намалеванные на нем цветы.

— А дальше? — бесцветным голосом спросил Яр.

— Это все, — сказал Магистр.

Яр ощутил маленькую и твердую ладонь Игнатика. Пальцы Игнатика слегка надавили ему на плечо сквозь толстое сукно пиджака: «Держись, Яр. Мы здесь, Яр». Яр чуть заметно шевельнул мускулами плеча: «Да, Тик. Я держусь».

Чита неожиданно резким голосом спросил:

— И зачем же вы нам это показали, Магистр?

— Вы сами хотели, — отозвался Магистр и вежливо повернул к Чите аккуратную профессорскую голову. — Это была иллюстрация.

— Иллюстрация чего? — спросил Чита.

— Какие же вы сволочи! — тихонько сказала Магистру Данка.

Магистр приподнял седые брови.

Глеб откинулся на стуле и сухо задал вопрос:

— Вы что же, хотели нас напугать?

— Пожалуй, нет, — с доброжелательной задумчивостью ответил Магистр. — Я просто пытался быть предельно откровенным. Откровенность — залог будущего союза.

— Вы всё еще надеетесь на союз? — очень серьезно спросил Глеб.

— Да, Глеб Сергеевич.

— После того, что показали?

— А что я показал? То, что было. В конце концов, мальчики сами виноваты, и это была необходимая акция. Взрослых можно убедить, можно напугать, а дети... Это же категория, не поддающаяся логическим схемам.

— В а ш и м с х е м а м, — глухо сказал Яр и опять ощутил пальцы Тика. — И поэтому вы решили их сжечь. Неподдающихся.

— Ну что вы, в самом деле, Ярослав Игоревич! Никто же из них не погиб! Улетели. Превратились в этих... в ветерков. Тоже форма существования разумной жизни.

— Не все превратились, — сказал Игнатик. — Не врите. «Не все! — ахнул про себя Яр. — А Юрка?»

— Я не вру, мальчик, — терпеливо сказал Магистр. — Вы видели сами.

— Повторите фильм! — жестко потребовал Игнатик. Яр никогда не слышал у него такого голоса. — Повторите! Самый конец.

— Это невозможно.

— Повторите, Магистр, — сказал Глеб.

— Но это невозможно, уверяю вас. Я очень устал.

— Он врет, — сказал Игнатик. — Ладно, я запомнил. Я повторю.

— Не смейте! — тонко сказал Магистр и попытался встать.

Яр быстро оглянулся на Игнатика. Тот резко побледнел, как бледнеет человек от борьбы с очень сильной болью. На верхней губе у него высыпали крошечные капельки. Металлический поднос тонко задребезжал. Яр метнулся к нему взглядом.

Он снова увидел основание башни, каменистый берег, взлетающую пену прибоя. Только сейчас пенные языки взлетали очень медленно. Так бывает, когда пленку с записью прокручивают с тихой скоростью. И мальчишки падали с башни медленно. Видно было, как у самых камней силуэты их тают, а воздух на этом месте скручивается в прозрачную спираль.

Но не со всеми так случилось. Несколько ребят долетели до земли...

— Что вы делаете... — не то простонал, не то прокричал Магистр. — Я не могу...

...При замедленном движении фильма было видно, как сила удара вдавливают ребячьи тела в мелкую гальку среди камней, потом подбрасывает их на полметра — и мальчишки вытягиваются, уже неподвижные. Кто наизнич, кто ничком.

Яр заледенел, готовясь увидеть среди упавших Юрку. А движение фильма все замедлялось, и наконец кадр застыл совсем. Потом берег и камни стремительно придвинулись.

Между глыб желтого ракушечника лежал мальчик. Он лежал, прильнув щекой к гальке и разметав избитые в кровь ноги. Он сжимал круглые камешки в пальцах выброшенных вперед рук. На нем была порванная зеленая рубашка с квадратным белым воротником, похожим на матросский. Ветер кинул воротник на голову мальчику, и можно было разглядеть лишь рыжеватую ребячью макушку с торчащим пучком волос. Из-под руки мальчика выбралась ящерка — маленькая и проворная. По складкам рукава она взбежала к нему на плечо. И замерла там. Только глазки блестели — живые и умные, как у крошечного человечка.

Глеб с коротким стоном подался вперед.

— Это те, кто не успели стать ветерками, — шепотом сказал Игнатик. И шепот странно, очень громко прозвучал в мертвой, какой-то черной тишине.

Изображение погасло, и поднос с коротким звоном упал. Игнатик, часто дыша, лег головой Яру на плечо.

Магистр негромко хрипел. Он полулежал на стуле, и руки его обвисли почти до пола. Лицо его затвердело, левая бровь наполовину отклеилась и висела над веком грязно-белым клочком.

Магистр заговорил, и голос его теперь напоминал шум от просыпавшихся гвоздей.

— Это нечестно... — сказал Магистр.

— Что? — тихо спросил Глеб. Тихо и страшно.

Магистр, ломаясь в суставах, поднялся. Шлепком ладони приклеил бровь. Приоткрыл твердые губы, стеклянно взглянул на Игнатика. Сказал с той же металлической рассыпчатостью:

— Я теперь вижу, что была ошибка. Мы зря пощадили этого мальчишку.

Игнатик поднял голову над плечом Яра.

— Вы — пощадили? — негромко проговорил он. — Иди-ка ты отсюда... глина.

Чита коротко и деревянно засмеялся.

— Я пойду. Разумеется, — сказал Магистр. — Но... Ярослав Игоревич... Я все же надеюсь еще на одну встречу. Деловую. — Он, не дождавшись ответа, медленно и деревянно вышел за дверь.

Чита, гибкий и бесшумный, двинулся за ним.

«Стой», — в первый миг хотел сказать Яр. И тут же подумал: «Нет, ты сам стой. Решись на удар хоть раз!»

«А потом? — быстро спросил он себя. — Какой будет ответ?»

«Страхом не выиграешь бой».

«А ребята? Если что-то случится с ними?»

«Уже случилось. И не раз».

«А если будет еще хуже?»

«Что — хуже? Боя все равно не миновать. Из-за твоей нерешительности и так хватило бед... Решись хотя бы сейчас. Это совсем легко, ничего не надо делать. Только сидеть и молчать».

Он сидел и молчал. Чита исчез за дверью.

Алька вдруг звонко сказал:

— А на улице солнышко.

Все посмотрели в окно. Серые облака поредели. В разрывах между ними еще была пасмурная дымка, но сквозь нее светило мохнатое солнце, похожее на громадный цветок мать-и-мачехи.

Тик сказал:

— Яр. Там на берегу Юрика не было... Ну, среди тех, кто упал.

Яр закусил губу. Ему было стыдно за свою радость. Юрка сумел улететь, но боль тех, кто разбился, отчаяние их отцов и матерей от этого не стали меньше... Но Юрка улетел. Значит, он ветерок? На какой-то поляне, на площади Города, на морском берегу можно встретить его, прижать к себе хотя бы на минуту... А потом?

А потом он опять улетит — живой и не живой, настоящий и призрачный. И неизвестно, есть у тебя сын или есть только одна печаль по нему. Ты будешь стариться, и наконец тебя не станет, а он будет летать над Планетой вечно — всегда маленький, всегда одинокий. И не сможет доделать то, что начал делать отец. Он останется навсегда двенадцатилетним Юркой. Беззащитным. Ему не страшны ни время, ни боль, ни холод, ни огонь. Но кто защитит его от тоски?

А кто защитит их всех, ветерков?

Яр думал об этом, и были в нем страх, берущая за горло тревога и боль, но в то же время его нервы были настроены на звуки в коридоре.

Там, в отдалении, стучали ребячьи подошвы, слышался смех, несколько раз хлопнула дверь. И наконец поверх

этих звуков обозначились легкие знакомые шаги. И Яр как бы увидел Читу, спокойного, гибкого, даже красивого в своем черном спортивном костюме, шагающего между облупленных коридорных стен.

Чита вошел.

...Чита вошел очень спокойный, глянул через очки поверх голов. Только на щеках у него был резкий треугольный румянец. Чита отрывисто сказал:

— С Магистром произошла неприятность. Он шел мимо спортзала. Там играли ребята. Они попали мячиком в Магистра.

— И что? — так же отрывисто спросил Глеб.

Чита заложил руки за спину и прислонился к косяку.

— Ничего... Сначала они испугались. Но я им сказал, что это был фокус. Шутка. Что старшеклассники сделали движущийся манекен, а он оказался непрочным... Ну вот... Осколков много, ребята их таскают в мусорный ящик. Странно, что даже пальто превратилось в гипсовую корку... — Чита вдруг прижался к косяку лбом, будто хотел заплакать. Но сказал жестко и пренебрежительно: — Семьсот двадцать девять единиц интеллекта, а все равно. Хватило одного мячика.

Данка подошла к нему и стала гладить по узкой спине с торчащими под черным трикотажем лопатками.

Алька сказал от окна:

— Это Тик измотал Магистра. Тот еле живой сделался. Мячик его добил.

«А если сейчас их явится сотня или тысяча? — подумал Яр. — Не полуживых, а сильных и беспощадных! Как те, в береговой крепости!» Он подумал это без страха, но с напряжением. Пришло обычное состояние скадермена перед лицом опасных и неведомых сил.

— Чита... — быстро начал Яр.

Но его перебил Алька:

— Ух ты! — Он смотрел в окно, прижимаясь ладонями к стеклу.

— Что? — обернулся Яр.

— Они мчатся сюда целой толпой!

Чита по-кошачьи скользнул за дверь. Глеб выдернул револьвер — видимо, машинально.

— Кто? — спросил Яр.

Алька весело сказал:

— Ветерки!

Нарастающий гул — голоса, топот башмаков, шлепанье босых ног — подкатился к двери, и она распахнулась. Первым влетел в комнату Денек. Его впихнул в нее, как поршнем, напор двадцати или тридцати мальчишек.

Яр сразу увидел, что это Денек, хотя он выглядел не так, как на снежной поляне. На нем была новая рубашка с погончиками, с нашивкой на коротеньком рукаве и с торчащими из нагрудных карманов карандашиками. Сбоку — сумка на широком белом ремне, под мышкой — скрипичный футляр. Денек был похож на школьника, который теплым утром сбежал с урока музыки и неожиданно попал под холодный удар непогоды. В желтых волосах его блестели капли. Глаза были озорные и виноватые. Он зябко передернул плечами, согнулся и стал растирать исцирканные косыми царапинами ноги.

— Янка! — сказал Глеб.

Денек, не разгибаясь, поднял глаза. Улыбнулся:

— Здравствуй. А ты... а вы постарели, Глеб. Немножко...

— Янка... Черт возьми! Я еще зимой, на поляне, подумал: как Денек похож на Янку! Как это вышло, Янка?..

Разговор этот — суетливый и быстрый — шел среди тесноты, беспорядочного шума и других торопливых разговоров. Данка сорвала через голову свитер и натягивала на дрожащего Стручка. У того испуганно и радостно блестели глаза.

Командир, опустив голову, объяснял Яру:

— Мы сами не понимаем. Три дня назад вернулся Денек. Мы обрадовались, стали созывать всех на весенний сбор. Сегодня мы слетелись на поляне, Денек начал рассказывать. И вдруг чувствуем, что холодно. Ну, просто трясет. Как... как раньше. Ну, когда мы были еще настоящие и боялись холода... Сразу все задрожали. Ведь в лесу-то еще снег. И Денек говорит: «Помчались! В ту школу, к ребятам!» И мы через лес, бегом! Маленьких на руки... Лететь не смогли...

Яр скрутил в себе желание спросить: с чем вернулся Денек? Были другие, более срочные вопросы. Стремительные дела. Скадермен Ярослав Родин сказал:

— Данка, завхоз в школе? Черт с ним, взломайте дверь склада. Из двух классов долой парты, поставьте раскладушки от летнего лагеря. По два одеяла. Одеяла —

сюда, закутать ребят. Алька, раздуй титан! Чита, из кладовки в спортзале тащите все лыжные костюмы!

— Уже, — сказал Чита.

— Чита, охрану к дверям и окнам.

— Да, — сказал Чита.

В это время Глеб спрашивал:

— А Гелька? Янка, что с Гелькой?!

— Я не знаю... — Денек скинул с плеча ремень сумки. — Я только... вот...

— Подожди! Он был во время восстания?

— Он? Откуда? Он же там, в Старогорске. Он же...

Глеб шумно и коротко вздохнул:

— Ладно. А мне показалось...

Яр спросил Командира:

— Почему же это случилось?

— Мы не знаем. Совсем не знаем. Сразу перестали быть ветерками. Теперь мы опять...

— Но мы еще сможем летать, хоть немножко... — подал голос один из мальчишек.

— Но чтобы стать вот такими, настоящими, вы должны были это захотеть. Не так ли? — настойчиво сказал Яр.

Командир опустил голову.

— А мы всегда хотели. Если по правде...

— Это случилось только с вами? На вашей поляне? Или со всеми ветерками? — допытывался Яр.

Командир виновато сказал:

— Не знаю. Не могу понять...

— Яр! — громко окликнул Глеб. — Это, наверно, со всеми. Потому что Гелька порвал кольцо.

— Что?

— Смотри!

Глеб и Денек держали какие-то истрепанные листы. Яр шагнул поближе. Он увидел на бумаге торопливые красные строчки:

«Гелька, прощай! Мы не успеем повидаться. Я улетаю, я чувствую. Это раньше, чем я ждал. Наверно, те два кусочка жизни, которые мы отдали искоркам, меня так сильно торопят. Не осталось ни минуты. Гелька, порви...»

И ниже — крупные зеленые буквы:

«Янка, не бойся! Мы его разорвем!»

— Эти слова появились уже здесь, — объяснил Денек. — Потом я писал Гельке, но ответа нет... Порвалось кольцо.

— Ничего не понял, — сказал Яр.

— Это неважно. — Глеб торопливо свернул листы. — Важно, что сейчас в лесах и на берегах оказались тысячи раздетых и голодных мальчишек.

— Они все пойдут в Пустой Город, — сказал Игнатик. — Там хватит места.

— Но там ни отопления, ни хлеба, — нервно сказал Глеб. — Ах ты Гелька, Гелька...

— Гелька молодец, — возразил Денек.

— Он молодец. А нам-то что делать?

Ярослав сказал:

— Глеб, вы возьмете школьную машину. Посмотрите, чтобы машина была заправлена. Возьмете с собой... Командира. Да, его. Мчитесь в Город. Нет, сначала в рыбацкий поселок, в сорока километрах от Города. Поднимите береговую охрану. Это здесь единственная организация, которая на что-то способна. Пусть дадут сообщение о ребятах по всем станциям. Еду, одежду, дрова — на рыбацьи сейнеры и катера. Начальника охраны зовут Шериф. Там есть диспетчер Феликс, он тоже будет ваш помощник. Скажите, что вы от меня, передайте ему вот это. — Яр достал из внутреннего кармана потертый семизарядный «викинг».

Была страшная теснота и толкотня, мальчишки натягивали лыжные костюмы. Глеб нашел глазами Командира.

— Поедете со мной.

— Да, капитан, — сказал командир ветерков.

Яр окликнул Читу:

— Третьеклассников — в цепь вокруг школы. Пусть окликают любого взрослого, кто идет сюда. Пусть говорят, что карантин. Если все равно идет, пусть лупят мячами. На всякий случай. Потом скажем: была военная игра.

— Яр, это, пожалуй, ни к чему, — тихонько сказал Игнатик. — Ребята порвали кольцо. Теперь те долго не сунутся.

— На всякий случай, — повторил Яр. И встретился глазами с мальчишкой, у которого из-под лыжной куртки выглядывала оранжевая майка.

На несколько секунд Яр перестал быть скадерменом и командиром, напряжение отпустило его. Стало тепло и тихо.

— Это ты... — улыбнулся Яр. — Иди сюда. Скажи наконец: как тебя зовут?

Мальчик улыбнулся — и нерешительно, и обрадованно:

— Яська...

— Что? — изумленно спросил Яр.

— Яська. Ярослав...

— Ну... и прекрасно, — засмеялся Яр. В конце концов, что здесь было удивительного?

Протолкалась Данка с закутанным в свитер Стручком.

— Яр, Вовчика я заберу к себе. И еще трех человек.

— Яська пойдет ко мне, — ревниво сказал Алька. — И еще вот он. — Алька кивнул на косматого, большеротого пацаненка с глазами-смородинами. — Это Люк...

— Хорошо.

Яр вдруг заметил, что в комнате стало просторнее и спокойнее. Кое-кто сидел по углам, других уже не было здесь — видимо, таскали кровати. Денек, Игнатик и Яська о чем-то быстро шептались у окна.

«Боже мой, сколько теперь работы!» — подумал Яр.

— Глеб, машина готова?

— Да, Яр.

— Глеб... — Яр наконец разрешил себе сказать то, свое. Очень важное. — Глеб, если увидишь Юрку...

— Конечно, увижу. Куда он теперь денется, — быстро сказал Глеб.

«Куда? — подумал Яр. — Все что угодно может быть с живым мальчишкой. Если в лесу, раздетый, без хлеба. Может заплутать, сорваться со скалы, ухнуть в болото, замерзнуть... Да и в Городе тоже...»

«Это может случиться не только с Юркой», — перебил он себя. Но спокойнее, разумеется, не стало.

— Давай, Глеб. Не теряйте минут!

Глеб и Командир шагнули к двери. Но там, у порога, возникла суета. Денек, Яська и Тик вталкивали в комнату кого-то четвертого. Игнатик весело и сердито говорил:

— Ну чего ты боишься? Вот балда! Иди...

Они расступились наконец, и перед Яром оказался темноволосый сумрачный мальчишка с низко опущенной головой. Несмотря на мешковатый лыжный костюм, он был похож на виноватого страусенка из мультфильма, который Яр видел в детстве.

Яр услышал оглушительно звенящую тишину.

Мальчишка засопел, неловко провел рукой под носом, чуть поднял лицо, сказал сипловато:

— Это, что ли, ты... папа...

Станция Мост...

Гелька удивлялся, что не чувствует большой печали после Янкиного исчезновения. В первый миг, правда, слезы появились, а потом... Потом Гелька даже поймал себя на мысли, что так лучше: раз уж Денек должен был улететь, хорошо, что улетел неожиданно, без тоскливого прощания... Жаль только, что не успел взять ящерку.

Правда, придется теперь Гельке самому карабкаться на Мост... Но тут Гелька сжимал зубы и прогонял мысли о страхе. Надо — так надо. Это особая цель. И он сделает все, как полагается. Что он, хуже Янки, хуже Юрки? Хуже тех, кто сражался в приморской крепости?

Ну, пусть хуже. Слабее, боязливее. Но он все равно порвет кольцо. И тогда будет такой же, как они...

В школу Гелька не пошел. Попадет за это лишь завтра. А кто знает, что будет завтра? Может быть, взрыв кольца разнесет в клочки вообще все на свете страхи, все несчастья... Может быть, станет веселее мама, добрее тетя Вика, снова сделается здоровой бабушка. Может быть, папе и его друзьям разрешат продолжить изучение сверхглубокой скважины в Ярксоне и они откроют все тайны параллельных пространств... И может быть, все еще встретятся: Юрка, Глеб, Янка, Гелька...

И вдруг тоска по Янке сдавила Гельку неожиданно и крепко.

Не только сам Янка ушел. С ним ушли загадки и тайны недавнего лета и словно порвалась ниточка, которая соединяла Гельку с другими планетами и мирами. С теми, где жили ветерки, шла опасная война, восставали крепости... Ниточка, что связывала его с Юркой и Глебом...

Гелька ушел на речные обрывы и долго сидел там, глядя на теплоходы. День разгулялся, опять пришло летнее тепло. Гелька пошел бродить по улицам. В канавах на окраине Старогорска он нарвал поздних пыльных одуванчиков — они робко желтели среди подсыхающей травы. Отнес их к бетонному блоку с надписью про Ерему. Без особой печали, просто так. Потом подумал, что вот принес он одуванчики Ереме, а на дедушкиной могиле не был с прошлой весны.

Кладбище было старое. Гелька перелез через каменный забор, продрался через татарник и «бабкины бусы». Могилу отыскал не сразу, потому что шел не по дорожкам, а напрямик.

Еще по пути сюда Гелька увидел куст сирени, который

несмело, по-осеннему, зацвел второй раз. Гелька отломил ветку и теперь положил ее на серую плиту, которая накрывала могилу. На плите были вырезаны старинные знаки зодиака и косматая спираль галактики. «Как искорка, если смотреть через линзу», — вспомнил Гелька.

На камне, что поднимался над плитой, было выбито: «Матвей Васильевич Травушкин. Директор Старогорской обсерватории. Ты прокладывал дороги открывателям звезд. Спасибо, Капитан».

Гелька вспомнил другую могилу — в старой церкви, где был похоронен Флота Капитан Ратманов, трижды обошедший вокруг света.

«Может, и я буду капитаном, — спокойно подумал Гелька. — Но сначала надо порвать кольцо».

Вечером он сидел на подоконнике и ждал Ваську и Листика. Луна уже висела среди берез, но пока была неяркая, тускло-розовая. И уже чуть-чуть похудевшая на правую щеку.

— Гелий, кажется, опять собирается умчаться на ночь глядя, — пронизательно заметила тетя Вика.

— Пусть побегает, пока теплые вечера, — заступилась мама. — Я когда маленькая была, мы тоже любили играть при луне. Просто сказка...

Она погладила Гельку по рыжеватому ежику волос. Он тронул щекой ее локоть. Знала бы мама, что за «сказка»...

Листик прибежал один. Озабоченно прошептал:

— Ваську мама отшлепала и заперла в чулане. И не выпускает.

— За что?

— Потому что случай такой...

— Какой случай? — Гелька встревоженно глянул на часы.

— Такой... У нас напротив дома газон, помнишь? Там сейчас дядьки новые кусты вкопали, а потом привезли каменного старика с рыбкой, ну, вроде как с золотой, из сказки, и поставили среди кустов. Это, говорят, называется благоустройством. Васька посмотрел на такое благоустройство, вытащил из-за ремешка барабанную палочку да ка-ак треснет по старику! А тот — на кусочки. Ну, сразу крик такой: «Хулиган, весь в папу!»

У Гельки нехорошо засосало под сердцем.

— Ясно, — сказал он. — Алешка, а где взрыватель?

— Да в том-то и дело. Васька не успел его допаять!

Гелька отвернулся от Листика и съежился на подоконнике. Не было смысла возмущаться, охать, расспрашивать, кричать «что же делать?». До намеченного взрыва оставался час. По календарю был последний день полнолуния. Следующее начнется через три недели. Скорее всего, небо тогда будет пасмурным, осенним, и неизвестно, появится ли Мост. И вообще ничего не известно.

Как делать взрыватель, Гелька знал. Но нужен паяльник, провода, лампочка от фонарика. И главное — время.

Ах ты Васька, балда несчастная!.. Хотя за что его ругать? Нет, есть за что. За то, что провозился с запалом до последнего дня... Но откуда же он мог знать, что перед домом появится такой старик?

— Хоть бы фитиль какой-нибудь раздобыть! — отчаянно сказал Гелька. — Самый простой, вроде старинного. Они назывались «бикфордов шнур».

— Это вроде той веревки, на празднике? Когда карнавальный огонь зажигали?

Гелька быстро взглянул на Листика. На Алешку Огонька. Он сразу вспомнил, как Алешка в алой рубашке шагает с факелом впереди барабанщиков, потом избегает на башню и поджигает белый шнур. И неторопливый огонек бежит по шнуру к узорчатой чаше. И вспыхивает огненная корона!

— У тебя есть, Огонек?

— Я тогда прихватил на память вот столько... — Алешка изо всех сил растянул в стороны руки. — Я этим куском рубашку подпоясывал. Гелька, но он ведь недолго будет гореть. Секунд пять.

Гелька подумал. Тоже секунд пять. И прыгнул с подоконника.

— Это ничего, Огонек, этого хватит.

— Ты же не успеешь спуститься!

«Я ведь могу даже и не спускаться», — сказал вчера Янка.

«Я тоже могу... Я подожгу фитиль и укроюсь под каменным карнизом. А когда грохнет, можно вниз...»

Все это Гелька объяснил Огоньку уже на улице. Когда бежали за фитилем.

— Ой, Гелька... — сказал на бегу Алешка.

— Да ничего не «ой». Взрыв будет не сильный. Рельсы лопнут, вот и все...

Взбираться было труднее, чем он думал. Сперва-то ничего, а потом ноги загудели от резкой усталости. Ладони

грызло ржавое железо. От каменной опоры несло такой зябкой сыростью, что Гелька то и дело вздрагивал. А может быть, он и от страха вздрагивал. Куда от него денешься, от проклятого расслабляющего страха? Земля осталась далеко внизу, там остался Огонек, верный помощник и единственный свидетель. Больше никому не было дела до Гельки... Равнодушно грохотал неподалеку танец ржавых ведьм.

Главное, не смотреть вниз. Очень уж далеко земля (такая прочная, теплая, с ласковым пухом белоцвета). Луна и та кажется ближе. Но верхний край Моста близким не кажется. А ноги совсем ватные, и руки ломит в плечах.

Успеть бы...

Он успел. Подтянулся из последних сил над узким карнизом, ухватился за железо жиденьких перилец, перевалился через них, бросился ничком рядом с рельсами — грохочущая черная громада с ослепляющим прожектором вылетела из пустоты. Рядом, сотрясая железо и Гельку, загремели колеса. Гелька вцепился в перила, чтобы не затянуло в этот смертельный вихрь.

Грохот продолжался долго. Просто чудовищно долго. Просто бесконечно. Но Гелька вытерпел и это. И когда грохот неожиданно и стремительно стих, Гелька не потерял ни секунды.

Он вскочил!

Выхватил из кармана самодельный заряд с примотанным проволокой магнитом!

С размаху прилепил магнит к рельсу!

Размотал на поясе шнур!

Стал разрывать ногтями край пакета, чтобы вставить фитиль. Ногти скользили по плотной фольге, не могли зацепить.

И вот тут-то секунды стали убегать...

Гелька, ломая застежку, рванул из-под воротника ящерку, ее бронзовым хвостом пробил в пакете отверстие. (Пригодилась ящерка! Может, и хорошо, что Янка не успел взять ее!)

Гелька воткнул в отверстие конец фитиля, вытянул шнур вдоль рельса, выхватил из кармана похожую на карандаш зажигалку, шелкнул...

Аккуратный желтый огонек побежал по шнуру неторопливо, но уверенно.

Гелька метнулся через перила, нашупал сандалиями верхнюю скобу. Все в порядке! Теперь вниз! Целых пять секунд — вниз! Пока горит фитиль.

Один...

Два...

Три...

Четыре...

Пять!

Он прижался к бугристым холодным камням.

Ну, что же? Почему тихо? Погас огонь?

Гелька отчаянно посмотрел вверх. Над каменным краем Моста полыхнуло голубоватое пламя. Звука не было. Как при взрыве руды на Луне, где нет атмосферы. Камни сильно трянуло, и Гелька вцепился в скобу из самых яростных сил. В светлом небе взвился и скрутился черным спиралем лопнувший рельс.

«А ты молодец, Гелька! Ты сумел! Даже Юрка скажет, что молодец... А теперь вниз!»

Вниз — не вверх. Это быстро, сейчас... И ноги уже не гудят, послушные стали. И руки не болят. Только рубашка мешает: выбилась из-под ремешка и цепляется за острые уголки и края скоб. Вот опять! Ух ты, вреднюга! Гелька рванул ее... Нет, нельзя рвать. Зацепится карман, а в нем ящерка, она может потеряться...

Может быть, именно это задержало Гельку. А может быть, ему не хватило тех же двух клочков времени, которых не хватило Янке. Скоба растворилась в Гелькиных пальцах. И под ногами исчезла опора. И не стало перед глазами темных камней. Гельку охватила громадная пустота, и эта пустота стремительно засвистела в ушах, когда он понесся к земле.

Гелька не испугался. То есть он испугался самого падения, от которого ожгло сердце. Но он не думал, что разобьется.

«Я полечу! — сказал он себе. — Я ветерок! Сейчас...»

Он раскинул руки, и упругий воздух ударил ему в ладони. Гельке показалось даже, что падение стало медленней.

«Я полечу! Надо только сказать слова!»

Надо было прошептать короткое заклинание, которое написано на Башне Ветров в далеком и сказочном городе.

«Сейчас... Я...»

Он вдруг понял, что не помнит этих слов. Совсем не

помнит! Вместо них в свистящем воздухе словно кто-то прошептал другие слова:

Ясной ночью осенней
Улечу из гнезда.
На буденовке серой —
Голубая звезда...

Свист нарастал, встречный воздух рвал волосы и рубашку.

«Сейчас! Сейчас... Ясной ночью осенней улечу из гнезда!.. Ясной ночью осенней... Яс... Янка...»

Листик зажмурился и ощутил, как легко толкнулась земля И стало тихо-тихо. Не гремели железные бочки. Не шепталась трава. Весь мир притих и, казалось, ждал, что над головками белоцвета сейчас взвоется и умчится прочь крутящийся ветерок. Но ничего не было. Только тишина. И только далеко-далеко, на краю Вселенной, вспыхнула и стремительно развернулась в ночи новая спиральная галактика.

* * *

В этой галактике, далеко от ее центра, у неяркой желтой звезды совершали свой облет планеты. На одной планете — зеленой от лесов, песочной от пустынь и влажно-синей от океанов — на полуострове между устьем большой реки и морем была середина лета. Было утро.

С каменного крыльца во двор старинной крепости сбежал мальчик в зеленой матроске с белым широким воротником. Во дворе было тихо, но над зубцами башен, на сигнальных мачтах, трепетали и хлопали от морского ветра пестрые сигнальные флаги. Наверно, сто флагов или больше.

Мальчик посмотрел на флаги, прочитал сигналы, улыбнулся и побежал к серой глыбе ракушечника на краю двора.

На глыбе, растопырив лапки, похожие на ручки крошечного человека, грелась на солнышке ящерка. Она не испугалась, когда мальчик накрыл ее ладонью.

Он посадил ее — живую, щекочущую — в карман матроски и по железной лесенке умело вскарабкался на верхнюю площадку башни.

Здесь за него сразу взялся веселый и шумный ветер. Пригнул на темени жесткий рыжеватый хохолок, захлопал воротником, усыпал одежду и кожу колючей водяной пылью, которую принес от скал, с пенных вершушек при-

боя. Мальчик облизал соленые губы и посмотрел на море. Волны были ярко-синие с белой оторочкой гребней. Над гребнями неслись очень круглые разноцветные паруса — спинакеры. Они были похожи на стаю праздничных воздушных шариков, которые кто-то отпустил над морем.

Мальчик достал ящерку, посадил ее на плоский верх башенного зубца.

— Смотри, как красиво... — И долго смотрел сам.

Потом он взглянул с высоты на двор. На крыльце стояла мама.

— Я здесь! — Мальчик перегнулся через поручень между зубцами. Замахал рукой, похожей на коричневую ветку. — Мы здесь!

— Поедем в Город! — крикнула мама. — Скоро начало праздника!

— Мама, я с ребятами! Мы придем прямо на площади!

— Хорошо! Я тебя обязательно там увижу!

Мама обошла дом и села в оранжевый автобус, который остановился рядом с фортом у заросшей белоцветом обочины. Мальчик помахал вслед автобусу и посмотрел на Город.

Город был вдалеке, его башни, летучие мосты и стеклянные крыши поднимались из-за пологого лесистого холма. Башни были белые и разноцветные. Мосты — кружевные. Крыши — блестящие. Ветер качал над крышами стаи воздушных змеев и пестрых аэростатов. Город сверкал, он был радостным — таким, какими должны быть все города во всех галактиках. Всегда. А особенно в такой день, когда приходит Всеобщий Праздник Межгалактических Туннелей и Мостов.

По дороге и просто по траве бежали к старой крепости ребята. Они заполнили солнечный двор, где между каменных плит густо росли одуванчики. Среди одуванчиков стояли четыре столба, и на них поднималась фанерная кособокая будка с проволочным балкончиком — старая голубятня. Из голубятни прыгали на плиты мальчишки с большими разноцветными барабанами. Они были веселые голосистые, в ярких, похожих на сигнальные флаги рубашках. Раскатилась над плитами двора озорная дробь барабанов. Мальчик услышал переключку барабанщиков, которые выстроились у ярко-желтой от солнца стены:

— Юрик Родин!

— Я!

— Валька Бегунов!

— Я!

— Василек Снегирев!
— Здесь!
— Митька Кошкарев!
— Кто?
— Грозный Митька по кличке Маус!
— Вот он я!
— Василек Иту Дэн!
— Здесь!
— Стекланный барабанщик Тилька!
— Сами вы стекланные!.. Здесь я!
— Барабанщики Серой Стены!
— Здесь!
— Все шестеро?
— Да!
— Барабанщики Утреннего Поля!
— Здесь! Здесь! Здесь!
— Данилка Вострецов!
— Я!
— Барабанщики «Каравеллы»!
— Это же из другой галактики...
— Все равно! Здесь мы!
— Командир барабанщиков Володька!
— Я!
— А новичок? Где наш новичок с ящеркой?
— Я здесь! — закричал мальчик с высоты. — Мы оба
здесь! Мы сейчас!

Он взял в левую ладонь ящерку, а правой замахал ребятам.

Они стояли запрокинув головы и тоже махали ему. И смеялись беззаботно и смело, как должны смеяться мальчишки во всей Вселенной.

1982—1983 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Я ИДУ ВСТРЕЧАТЬ БРАТА

Маленькая повесть

5

Ждите «Магеллан»

6

Ночная дорога

14

Четвертое солнце

20

БАРКЕНТИНА

С ИМЕНЕМ ЗВЕЗДЫ

Маленькая повесть

35

Дамба

36

Удивительный Чип

41

Считалка

44

Баркентина

47

Зеркальце

57

Последняя глава, в которой
ничего не кончается

68

**В НОЧЬ БОЛЬШОГО
ПРИЛИВА**

Повести

73

Далекie горнисты

74

В ночь большого прилива

93

Вечный жемчуг

151

Эпилог

214

**ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ
С КРАПИНКАМИ**

Повесть

219

Потомок мореплавателя

220

Ночные страхи

233

Кино вниз головой

241

Юрка

253

Старая монета

265

Кто я такой

276

Рыжие кони

281

Испорченный телефон

289

Сет

296

Красные пески
305

Красные пески.
Продолжение
319

Все не так...
329

Портрет
335

Рыжий вечер
341

ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ

Роман-трилогия
357

Голубятня в Орехове
358

Вступление

Один и четыре
358

Глава первая

Гость
366

Глава вторая

Свеча и мячик
392

Глава третья

Перейти реку...
416

Глава четвертая

Игнатик
430

Глава пятая

Дорога
450

Глава шестая

Алька

480

Глава седьмая

Буря

498

ПРАЗДНИК ЛЕТА

В СТАРОГОРСКЕ

518

Первая часть

День знакомства

518

Я бегу, я тороплюсь...

518

Орден Алого Ши-
повника

525

Бродяга

533

Шепот звезд

537

Засада на скрипача

541

Вторая часть

Отель

«Курятник на колесах»

550

Наша компания

550

О чем писал Глеб

559

Огненный рецепт

567

Лунная песня

575

Огненный рецепт.
Продолжение
585

Третья часть

Карнавал
589

Копья волшебной
стражи
589

Искорка
598

Клоун
600

Письмо
Еремы
607

Четвертая часть

Где сходятся рельсы...
611

Открытие
611

Галактика
614

Теория параллель-
ных пространств
620

Мы едем в беско-
нечность
625

На стрелке
632

Двое на рельсах
636

Мальчик и ящерка
643

Арсенал
643

Магистр
659
Ветеран
673
Снежная поляна
688
Осень в Старогорске
703
Второй визит магистра
716
Особая цель
725
Ветерки
741
Станция Мост...
751

Крапивин В. П.

К 78 Собрание сочинений в 9 т. — Екатеринбург: Независимое издательское предприятие «91», 1993. — Т. 6 и 7. — ил.

В девятитомное собрание сочинений известного детского писателя В. Крапивина вошли наиболее популярные и любимые читателем произведения, написанные за более чем тридцатилетний творческий путь. Тома сформированы не по хронологическому принципу в зависимости от времени создания произведения, а тематически. Первый и второй тома несут на себе автобиографический след, третий и четвертый по проблематике можно было бы назвать «семья и школа», далее следуют сказочные повести, повести о морских приключениях, фантастика. В замыкающем томе — новая, одна из последних по времени вещь — «Синий город на Садовой».

Адресуется всем любителям творчества В. Крапивина и тем, кто еще не открыл для себя этого мастера художественной прозы.

К 4803010201—006 6—93
93

ББК 84Р7

Владислав Петрович Крапивин

Собрание сочинений
в 9-ти томах.

Томы 6 и 7

Редактор В. В. Артюшина
Художник П. В. Крапивин
Художественно-технический редактор
Н. Н. Заузолкова
Корректоры Т. А. Дрябина,
М. А. Казанцева

Сдано в набор 01.09.92. Подписано в печать 11.02.93.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 2. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 40,3.
Усл. кр.-отт. 42,0. Уч.-изд. л. 44,5 Тираж 100 000 экз.
Заказ № 600. Цена С 6.
Независимое издательское предприятие «91», 620086,
Екатеринбург. Посадская, 44-1-48. Типография «Книга».

1870

1871

1872

1873

1874

1875

1876

1877

1878

1879

1880

1881

1882

1883

1884

1885

1886

1887

1888

1889

1890

1891

1892

1893

1894

1895

1896

1897

1898

1899

1900

